2023. Vol. 16. Is. 5

ISSN 2619-0990 (Print)
ISSN 2619-1008 (Online)

Oriental Studies (Elista)

КАЛМЫЦКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

ISSN 2619-0990 (print version)
ISSN 2619-1008 (online version)

Oriental Studies

2023. Т. 16. № 5

Журнал «Oriental Studies» — рецензируемый научный журнал открытого доступа, публикующий результаты комплексных исследований по проблемам востоковедения в области исторических и филологических наук, посвященных истории и культуре восточных народов, которые определяют их уникальный социокультурный облик.

Миссия журнала «Oriental Studies» — содействие развитию отечественного и зарубежного востоковедения; публикация оригинальных и переводных статей, обзоров по востоковедению и рецензий книг, сборников, материалов конференций, а также повышение уровня научных исследований и развитие международного научного сотрудничества в рамках актуальных проблем востоковедения.

Цель журнала заключается в формировании высокого уровня востоковедных научных исследований, опирающихся на современные научные подходы и максимально широкий круг доступных источников и полевых материалов, осмысление событий, явлений и процессов прошлого и современности.

Значительное внимание уделяется разработке различных дискуссионных аспектов истории и культуры тюрко-монгольских народов, их месту в России и в мире, а также сравнительно-историческому анализу взаимодействия и взаимовлияния кочевых культурных сообществ. Редакционная коллегия приветствует междисциплинарные исследования и академическую полемику на страницах журнала, рассматривая его как площадку для презентации различных точек зрения, мировоззренческих концепций, методологических подходов к решению проблем ориенталистики.

В «Oriental Studies» публикуются научные работы по востоковедной тематике: истории, археологии, этнологии и антропологии, источниковедению, языкознанию, фольклористике, литературоведению, а также обзорные статьи ведущих специалистов по основным направлениям журнала. Также печатаются материалы лингвистических, фольклорных, археологических, этнографических экспедиций; вводятся в научный оборот архивные и иные документы; сообщается информация о новых изданиях, научных конгрессах, конференциях, семинарах.

Журнал публикует статьи на русском, монгольском, калмыцком и английском языках.

Разделы журнала:
история (всеобщая история, отечественная история, источниковедение,
этнология и антропология, археология);
языкознание; литературоведение и фольклористика

ISSN 2619-1008 (online version)
ISSN 2619-0990 (print version)

Журнал зарегистрирован 02 августа 2019 г. в Федеральной службе по надзору
в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Регистрационный номер ПИ № ФС77-76487
Выходит 6 раз в год

Учредитель: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Калмыцкий научный центр Российской академии наук» (адрес: д. 8, ул. им. И. К. Илишкина,
358000 Элиста, Республика Калмыкия, Россия)

Редакция, издатель, типография:
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Калмыцкий научный центр Российской академии наук»
Адрес редакции, издателя и типографии:
д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Республика Калмыкия, Россия
Тел.: +7(84722) 3-55-06, +7(84722) 3-55-15
E-mail: vestnik.kigiran@gmail.com; сайт: https://kigiran.elpub.ru/jour

© КалмНЦ РАН, 2023
© Коллектив авторов, 2023

The *Oriental Studies* is an open access peer-reviewed scientific journal that publishes results of comprehensive research works dealing with Oriental studies in the fields of historical and philological sciences, including ones investigating history and culture of Eastern peoples and defining their unique sociocultural appearances.

The **mission** of the *Oriental Studies* journal is to facilitate development of domestic and foreign Oriental studies; to publish original and translated articles, reviews on Oriental studies and reviews of books, collections, conference proceedings, as well as to increase the level of scientific research and develop the international scientific cooperation on current problems of Oriental studies.

The **goal** of the journal is to establish a high level of Oriental scientific research that would involve the use of modern scientific approaches and a maximum wide range of available sources and field materials, interpretation of events, phenomena and processes of the past and the present.

Considerable attention is paid to the elaboration of various debatable aspects of history and culture of the Turko-Mongols, their place in Russia and in the world, special focus to be laid on comparative historical analysis of interactions and mutual influences of nomadic communities. The Editorial Board welcomes cross-disciplinary studies and academic polemics on pages of the journal, considering the latter as a platform for the presentation of various viewpoints, worldview concepts, and methodological approaches to the solution of topical issues of Oriental studies.

The *Oriental Studies* publishes scholarly papers that deal with a range of East-related topics, such as history, archaeology, ethnology and anthropology, source studies, linguistics, folklore studies, literary studies, including review articles by leading experts on the primary focus areas of the journal. It also contains materials of linguistic, folklore, archaeological and ethnographic expeditions, sociological surveys and polls; introduces archival documents into scientific discourse; provides information about new publications, scientific congresses, conferences and seminars.

The journal publishes articles in the Russian, Mongolian, Kalmyk and English languages.

Journal Sections:
History (World History, National History, Source Studies, Ethnology and Anthropology, Archaeology);
Linguistics; Literary and Folklore Studies

ISSN 2619-1008 (online version)
ISSN 2619-0990 (print version)

The Journal was registered by the Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom, Information Technologies and Mass Communications (Roskomnadzor) on August 02, 2019.
Registration record ПИ No. ФС77-76487
Published six times a year

Founding Institution: Federal State Budgetary Institution of Science
Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences
(8, Ilishkin Street, 358000 Elista, Republic of Kalmykia, Russian Federation)

Editorial Board, Publisher — Federal State Budgetary Institution of Science
Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences
Editorial Board, Founding Institution and Publisher's address:
8, Ilishkin Street, 358000 Elista, Republic of Kalmykia, Russian Federation
Phone No. +7(84722) 3-55-06, +7(84722) 3-55-15
E-mail: vestnik.kigiran@gmail.com; web-site: https://kigiran.elpub.ru/jour

© Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, 2023
© Authors, 2023

Главный редактор
канд. филол. наук *В. В. Куканова*, Калмыцкий научный центр РАН (Россия, г. Элиста)

Заместитель главного редактора
д-р ист. наук *Э. П. Бакаева*, Калмыцкий научный центр РАН (Россия, г. Элиста)

Редакционная коллегия:
чл.-кор. РАН *Х. А. Амирханов*, Институт истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН (Россия, г. Махачкала);
чл.-кор. РАН *И. Ф. Попова*, Институт восточных рукописей РАН (Россия, г. Санкт-Петербург);
д-р ист. наук *М. М. Балзер*, Джорджтаунский университет (США, г. Вашингтон);
проф. филологии *А. Барея-Старжинска*, Варшавский университет (Польша, г. Варшава);
канд. филол. наук *А. Т. Баянова,* Калмыцкий научный центр РАН (Россия, г. Элиста);
акад. Академии наук Монголии *Л. Болд*, Институт языка и литературы Академии наук Монголии (Монголия, г. Улан-Батор); д-р ист. наук *Н. Ф. Бугай*, Институт российской истории РАН (Россия, г. Москва);
д-р ист. наук *Вэй Цзянь*, Пекинский народный университет (КНР, г. Пекин);
д-р филол. наук *Л. С. Дампилова*, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (Россия, г.Улан-Удэ); проф. антропологии *Ц. Дариева*, Центр восточноевропейских и международных исследований (ZOiS) (Германия, г. Берлин); чл.-кор. РАН *А. В. Дыбо*, Институт языкознания РАН (Россия, г. Москва);
д-р ист. наук *Н. Л. Жуковская*, Институт этнологии и антропологии РАН (Россия, г. Москва);
д-р филол. наук *В. Л. Кляус*, Институт мировой литературы РАН (Россия, г. Москва);
д-р ист. наук *М. Е. Колесникова*, Северо-Кавказский федеральный университет (Россия, г. Ставрополь);
д-р, проф. *Ю. Конагая*, генеральный инспектор Японского Общества содействия науке (Япония, г. Токио);
д-р ист. наук *И. В. Крючков*, Северо-Кавказский федеральный университет (Россия, г. Ставрополь);
д-р филол. наук *И. В. Кульганек*, Институт восточных рукописей РАН (Россия, г. Санкт-Петербург);
д-р филол. наук *О. А. Мудрак*, Институт языкознания РАН (Россия, г. Москва);
д-р филол. наук *Ю. В. Норманская*, Институт языкознания РАН (Россия, г. Москва);
канд. ист. наук *В. В. Овсянников,* Институт истории, языка и литературы УФИЦ РАН (Россия, г. Уфа);
д-р ист. наук *У. Б. Очиров*, Калмыцкий научный центр РАН (Россия, г. Элиста);
д-р геогр. наук *А. В. Псянчин*, Институт истории, языка и литературы УФИЦ РАН (Россия, г. Уфа);
д-р филол. наук *Г. Ц. Пюрбеев*, Институт языкознания РАН (Россия, г. Москва);
д-р ист. наук *А. Г. Ситдиков*, Институт археологии Академии наук Республики Татарстан (Россия, г. Казань);
д-р филол. наук *Е. К. Скрибник*, Мюнхенский университет (Германия, г. Мюнхен);
д-р ист. наук *На. Сухбаатар*, Монгольский государственный университет образования (Монголия, г. Улан-Батор);
проф. *Т. Уяма*, Центр славянских исследований Университета Хоккайдо (Япония, г. Саппоро);
д-р филол. наук *А. Д. Цендина*, Институт классического Востока и античности НИУ «Высшая школа экономики» (Россия, г. Москва);
д-р ист. наук *Н. В. Цыремпилов*, Назарбаев Университет (Республика Казахстан, г. Нур-Султан);
акад. Академии общественных наук КНР *Чао Геджин*,
Институт национальных литератур Академии общественных наук КНР (КНР, г. Пекин);
д-р филол. наук *Чао Гету*, Университет национальностей КНР (КНР, г. Пекин);
акад. Академии наук Монголии *С. Чулуун*, Институт истории и археологии Академии наук Монголии (Монголия, г. Улан-Батор);
д-р ист. наук *Д. Шорковиц*, Институт социальной антропологии им. Макса Планка (Германия, г. Берлин);
д-р филол. наук *А. Юкиясу*, Центр славянских исследований Университета Хоккайдо (Япония, г. Саппоро);
канд. филол. наук *Г. М. Ярмаркина*, Калмыцкий научный центр РАН (Россия, г. Элиста).

.

Редактор: *Р. Г. Саряева*
Переводчик: *С. В. Джагрунов*
Дизайн и компьютерная верстка: *А. Н. Когданов*
Ответственный секретарь: *С. В. Мирзаева*

Editor-in-Chief
Cand. Sc. (Philol.) *V. Kukanova*, Kalmyk Scientific Center of the RAS (Elista, Russia).

Deputy Editor-in-Chief
Dr. Sc. (Hist.) *E. Bakaeva*, Kalmyk Scientific Center of the RAS (Elista, Russia).

Editorial Board
Corr. Member of the RAS *Kh. Amirkhanov*, Institute of History, Archeology and Ethnography, Dagestan Scientific Center of the RAS (Makhachkala, Russia);
Corr. Member of the RAS *I. Popova*, Institute of Oriental Manuscripts of the RAS (St. Petersburg, Russia);
Ph. D. (Hist.) *M. Balzer*, Georgetown University (Washington, USA);
Ph. D. Habil. *A. Bareja-Starzynska*, University of Warsaw (Poland, Warsaw);
Cand. Sc. (Philol.) *A. Bayanova*, Kalmyk Scientific Center of the RAS (Elista, Russia);
Acad. of the Mongolian Academy of Sciences *L. Bold*, Institute of Language and Literature (Ulaanbaatar, Mongolia);
Dr. Sc. (Hist.) *N. Bugay*, Institute of Russian History of the RAS (Moscow, Russia);
Dr. Sc. (Hist.) *Wei Jian*, Renmin University of China (Beijing, China);
Dr. (Anthrop.) *Ts. Darieva*, Centre for East European and International Studies (ZOiS) (Berlin, Germany);
Corr. Member of the RAS *A. Dybo*, Institute of Linguistics of the RAS (Moscow, Russia);
Dr. Sc. (Hist.) *N. Zhukovskaya*, Institute of Ethnology and Anthropology of the RAS (Moscow, Russia);
Dr. Sc. (Philol.) *V. Klyaus*, Institute of World Literature of the RAS (Moscow, Russia);
Dr. Sc. (Hist.) *M. Kolesnikova*, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia);
Dr. Prof. *Yu. Konagaya*, Inspector General of Japan Society for the Promotion of Science;
Dr. Sc. (Hist.) *I. Kryuchkov*, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia);
Dr. Sc. (Philol.) *I. Kulganek*, Institute of Oriental Manuscripts of the RAS (St. Petersburg, Russia);
Dr. Sc. (Philol.) *O. A. Mudrak*, Institute of Linguistics of the RAS (Moscow, Russia;
Dr. Sc. (Philol.) *Yu. V. Normanskaya*, Institute of Linguistics of the RAS (Moscow, Russia);
Cand. Sc. (Hist.) *V. Ovsyannikov*, Institute of History, Language and Literature of Ufa Federal Research Center of the RAS (Ufa, Russia);
Dr. Sc. (Hist.) *U. Ochirov*, Kalmyk Scientific Center of the RAS (Elista, Russia);
Dr. Sc. (Geogr.) *A. Psyanchin*, Institute of History, Language and Literature of Ufa Federal Research Center of the RAS (Ufa, Russia); Dr. Sc. (Philol.) *G. Ts. Pyurbeev*, Institute of Linguistics of the RAS (Moscow, Russia);
Dr. Sc. (Hist.) *A. Sitdikov*, Institute of Archeology, Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russia);
Dr. Sc. (Philol.) *E. Skribnik*, Ludwig Maximilian University of Munich (Munich, Germany);
Dr. Sc. (Hist.) *Na. Sukhbaatar*, Mongolian State University of Education (Ulaanbaatar, Mongolia);
Prof. *T. Uyama*, Slavic-Eurasian Research Center (Japan, Sapporo);
Dr. Sc. (Hist.) *N. Tsyrempilov*, Nazarbayev University (Nur-Sultan, Kazakhstan);
Acad. of the Chinese Academy of Social Sciences *Chao Gejin*, Institute of Ethnic Literature (Beijing, China);
Dr. Sc. (Philol.) *Chao Getu*, Minzu University of China (Beijing, China);
Acad. of the Mongolian Academy of Sciences *S. Chuluun*, Institute of History and Archeology (Ulaanbaatar, Mongolia); Ph. D. Habil. (History) *D. Schorkowitz*, Max Planck Institute for Social Anthropology (Berlin, Germany);
Dr. Sc. (Philol.) *A. D. Tsendina*, National Research University Higher School of Economics (Russia, Moscow);
Cand. Sc. (Philol.) *G. Yarmarkina*, Kalmyk Scientific Center of the RAS (Elista, Russia);
Ph. D. (Philol.) *A. Yukiyasu*, Slavic Research Center of Hokkaido University (Japan, Sapporo).

Editor: *R. Saryaeva*
Translator: *S. Dzhagrunov*
Design and page layout: *A. Kogdanov*
Executive Secretary: *S. Mirzaeva*

СОДЕРЖАНИЕ

Всеобщая история

Джумагалиев Д. А., Аканов К. Г. «Маджму ат-таварих» как источник сведений об исторических деятелях улуса Чагатая и Моголистана 1040

Атыгаев Н. А., Муктар А. К. О некоторых обрядах и обычаях могулов (по материалам «Тарих-и Рашиди» Мирзы Мухаммеда Хайдара Дуглата (Дулата)) . . . 1055

Муктар А. К., Ахметова У. Т., Имашев Э. Ж. Золотоордынские караванные пути и караван-сараи на юге и юго-западе Западного Казахстана и юге Волго-Уральского междуречья в XIII–XVI вв.. 1065

Кокебаева Г. К., Шилдебай С. К. Политические и экономические интересы Германии в Туркестане в первой трети XX в. 1087

Отечественная история

Цыремпилов Н. В. Екатерина II как воплощение Белой Тары: обожествляли ли буряты Романовых? 1099

Рахимов Р. Н. Военная служба как фактор интеграции башкир и калмыков в имперское пространство в XVIII – первой половине XIX в. 1115

Команджаев А. Н., Очиров Б. В., Бованев Н. Б. О некоторых вопросах повседневной жизни калмыков Астраханской губернии в начале XIX в.: позиция калмыцких владельцев (на материале ответов на запросы Главного пристава) 1128

Орлова К. В. Обзор документов из Аральского районного архива Кызылординской области Республики Казахстан 1140

Дашковский П. К., Монгуш А. В. Влияние изменения вектора государственно-конфессиональной политики СССР на положение религиозных общин в Туве в конце 1940-х – начале 1950-х гг. 1152

Шиханов Н. А. Зарождение автодорожного хозяйства в советской Калмыкии в конце 1950-х гг. 1167

Археология

Андреев К. М., Сомов А. В., Кулькова М. А. Новые данные по радиоуглеродной хронологии неолитических комплексов Виловатовской стоянки 1177

Лиджикова Т. В., Бембеева Л. А. Население катакомбной культуры на территории Республики Калмыкия: опыт реконструкции демографической ситуации (по материалам археологических раскопок 1981–2008 гг.) 1188

Шашков М. В., Жилич С. В., Чаргынов Т., Крайцарж М. Т., Алишер кызы С., Бенце В., Шнайдер С. В. Опыт определения копромаркеров в отложениях археологических памятников (по материалам стоянки Сельунгур, Южный Кыргызстан). 1210

Источниковедение

Ванчикова Ц. П., Аюшеева М. В. История буддизма в летописи Р. Санжиева . . 1228

Этнология и антропология

Салмин А. К. Грузинский след в истории чувашей 1241

Никифорова С. В. Визуализация представлений о душе в украшениях национальных костюмов саха (якутов) и тувинцев 1251

Винокурова Л. И., Григорьев С. А. Антропология холода: восприятие деградации мерзлоты сельскими жителями Республики Саха (Якутия) 1265

Щеглова Т. К. «Святое поле»: социальная и культурная память о депортациях в сельском ландшафте юга Западной Сибири (на примере Алтайского края) . . . 1278

Языкознание

Ярмаркина Г. М. О вариантах синхронических русских переводов калмыцкого письма конца XVII в. 1301

Кошелюк Н. А. Чусовой словарь из архива Г. Ф. Миллера: особенности и его значение для классификации мансийских диалектов 1309

Экба З. Н. Зоонимы арабо-персидского происхождения в башкирском языке и его диалектах 1325

Норманская Ю. В. Новые полевые и архивные данные к глоттохронологической классификации самодийских языков 1343

Бакытжанова А. К., Шокым Г. Т., Буранкулова Э. Т., Муратбек Б. К., Есбергенова Г. И., Кушкарова Г. К. Особенности фразеологического моделирования гендерных стереотипов в тюркских языках. 1367

Воробьева В. В., Новицкая И. В. Категория падежа в ваховском хантыйском языке (на материале современных полевых данных базы LingvoDoc) 1382

Литературоведение

Ханбалаева С. Н., Вагабов М. М., Ахмедова Р. А. История хазар и гибель города Анжи в художественном отражении Мухаммеда Аваби Акташи в книге «Дербенд-наме». 1398

CONTENTS

General History

Jumagaliyev D. A., Akanov K. G. Majmu Al-Tawarikh as a Source on Historical Figures of the Chagatai Ulus and Moghulistan 1040

Atygayev N. A., Muktar A. K. On Some Rites and Customs of Moghuls: Analyzing Tarikh-i Rashidi by Mirza Muhammad Haidar Dughlat 1055

Muktar A. K., Akhmetova U. T., Imashev E. Zh. South and Southwest of West Kazakhstan, South of the Volga-Ural Interfluve in the Thirteenth to Sixteenth Centuries: Golden Horde Caravan Routes and Caravanserais 1065

Kokebayeva G. K., Shildebai S. K. Germany's Political and Economic Interests in West Turkestan: 1900s–1930s 1087

National History

Tsyrempilov N. V. Catherine II as an Incarnation of White Tara: Did Buriats Deify the Romanovs? 1099

Rakhimov R. N. Bashkirs and Kalmyks in Russia's Imperial Environments, Eighteenth to Mid-Nineteenth Centuries: Military Service as Integration Factor . . 1115

Komandzhaev A. N., Ochirov B. V., Bovaev N. B. Kalmyks of Astrakhan Governorate in the Early Nineteenth Century: Some Aspects of Everyday Life . . . 1128

Orlova K. V. Aral District Archive (Qyzylorda Region, Republic of Kazakhstan): A Review of Documents 1140

Dashkovskiy P. K., Mongush A. V. Tuva's Religious Communities and the Change in Official Soviet Religious Policy: Late 1940s – Early 1950s 1152

Shikhanov N. A. How Soviet Kalmykia's Public Road Industry Emerged in the Late 1950s 1167

Archaeology

Andreev K. M., Somov A. V., Kulkova M. A. Neolithic Patterns from the Vilovatoye Site: New Radiocarbon Chronology Data 1177

Lidzhikova T. V., Bembeeva L. A. Reconstructing the Demography of Kalmykia's Catacomb Population: A Study of Excavated Archaeological Materials, 1981–2008 1188

Shashkov M. V., Zhilich S. V., Chargynov T., Krajcarz M. T., Alisherkyzy S., Viola B., Shnaider S. V. Identifying Markers for Copro-Analysis of Archaeological Deposits: A Study of Materials from the Selungur Cave (Southern Kyrgyzstan) . . . 1210

Sources Studies

Vanchikova Ts. P., Ayusheeva M. V. The History of Buddhism in the Annals of R. Sanzhiev 1228

Ethnology & Anthropology

Salmin A. K. Georgian Traces in the History of the Chuvash 1241

Nikiforova S. V. Adornments to Traditional Sakha (Yakut) and Tuvan Costumes: Visualizing Ideas of Soul 1251

Vinokurova L. I., Grigorev S. A. Cryoanthropology: Perceptions of Permafrost Degradation by Rural Residents of the Sakha Republic (Yakutia) 1265

Shcheglova T. K. The Sacred Realm: Social and Cultural Memory of Deportations in Rural Landscapes across the South of Western Siberia (Altai Krai) 1278

Lingustics

Yarmarkina G. M. Kalmyk Letters of the Late Seventeenth Century: More on Variants of Synchronic Russian Translations 1301

Koshelyuk N. A. Dictionary of Chusovaya Mansi from G. F. Müller's Archives: Its Features and Significance for Mansi Dialect Classification 1309

Ekba Z. N. Zoonyms of Arab-Persian Origin in the Bashkir Language and Its Dialects 1325

Normanskaja Ju. V. More on the Glottochronological Classification of the Samoyedic Languages: New Field and Archival Data 1343

Bakytzhanova A. K., Shokym G. T., Burankulova E. T., Muratbek B. K., Yesbergenova G. I., Kushkarova G. K. Gender Stereotypes in Turkic Languages: Features of Phraseological Modeling 1367

Vorobeva V. V., Novitskaya I. V. The Category of Case in Vakh Khanty: A Study of Recent LingvoDoc-Based Field Data 1382

Literature Studies

Khanbalaeva S. N., Vagabov M. M., Ahmedova R. A. Derbend-Nameh by Muhammad Avabi Aktashi: A Literary Reflection of Khazar History and How the City of Anji Was Destructed 1398

Published in the Russian Federation
Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
Has been issued as a journal since 2008
ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
Vol. 16, Is. 5, Pp. 1040–1054, 2023
Journal homepage: https://kigiran.elpub.ru

CC BY NC ND

УДК / UDC 340.15; 94(5)
DOI: 10.22162/2619-0990-2023-69-5-1040-1054

«Маджму ат-таварих» как источник сведений об исторических деятелях улуса Чагатая и Моголистана

Дархан Аманжолович Джумагалиев[1], *Куаныш Газизович Аканов*[2]

[1] Научный институт изучения Улуса Джучи (д. 15Б, ул. Пушкина, 010000 Астана, Республика Казахстан)
магистр гуманитарных наук, научный сотрудник
0000-0002-3578-6467. E-mail: darhanbai[at]mail.ru

[2] Институт истории государства (д. 4, ул. Бейбитшилик, 010000 Астана, Республика Казахстан)
PhD, старший научный сотрудник
0000-0002-5169-1388. E-mail: kukaandvita[at]mail.ru

© КалмНЦ РАН, 2023
© Джумагалиев Д. А., Аканов К. Г., 2023

Аннотация. *Введение.* История улуса Чагатая и Моголистана представляет собой малоизученное направление средневековой историографии, которое одновременно остается актуальным и значимым для ученых, занимающихся историей средневековых чингизидских государств. Одним из важнейших источников по этой тематике является произведение С. Ахсикенди «Маджму ат-таварих», хранящее множество сведений по истории восточных народов в XIII–XVI вв., в том числе калмаков, кыргызов, могулов и др. *Цель и задачи* исследования: изучить сведения об улусе Чагатая и Моголистане, встречающиеся в «Маджму ат-таварих», провести сравнительный анализ рукописи с другими известными письменными источниками, определить его ценность для востоковедческой исторической науки. *Материалы и методы.* Источниковой базой исследования являются опубликованные части известных переводов «Маджму ат-таварих» и «Зафар-наме». Помимо этого, для сравнения достоверности выявленных данных в исследовании также использовались такие источники, как эпическая поэма «Эдиге», «Материалы по истории Казахских ханств», «История Казахстана в персидских источниках». В процессе реализуемого исследования применялись принципы историзма, системности, а также сравнительно-исторический и идеографический методы. *Результаты.* Изучены и рассмотрены данные о прошлом улуса Чагатая и Моголистана, имеющиеся в тексте «Маджму ат-таварих», сделан историографический обзор, способствовавший пониманию значимости источника. Несмотря на то, что некоторые ученые подвергали «Маджму ат-таварих» справедливой критике, выявляя в нем ряд неточностей и фантасмагории, они также признавали его определенную ценность. В «Маджму ат-таварих» упоминаются имена целого ряда правителей и эмиров улуса Чагатая и Моголистана, данные о которых имеют совпадения или различия в других источниках. Выдвинута и обоснована гипотеза о том, что сочинение «Зафар-наме» («Книга побед») Шараф

ад-Дина Али Йазди могло быть пятым источником для автора «Маджму ат-таварих». *Выводы.* «Маджму ат-таварих» содержит важные сведения по истории государств Чагатаидов, а также по истории сопредельных народов и стран. При этом к изучению полученных сведений необходимо подходить критически, сравнивая полученные сведения с другими источниками. Введение этих данных в научный оборот должно существенно расширить и дополнить современные сведения по истории среднеазиатских средневековых государств.
Ключевые слова: «Маджму ат-таварих», «Зафар-наме», Улус Чагатая, Моголистан, чагатаиды, могулы, калмаки, Туглук-Тимур, Камар ад-дин
Благодарность. Работа выполнена при финансовой поддержке Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан (ИРН № BR18574101).
Блок для цитирования: Джумагалиев Д. А., Аканов К. Г. «Маджму ат-таварих» как источник сведений об исторических деятелях улуса Чагатая и Моголистана // Oriental Studies. 2023. Т. 16. № 5. С. 1040–1054. DOI: 10.22162/2619-0990-2023-69-5-1040-1054

Majmu al-Tawarikh as a Source on Historical Figures of the Chagatai Ulus and Moghulistan

Darkhan A. Jumagaliyev[1], *Kuanysh G. Akanov*[2]

[1] Institute for the Study of the Ulus of Jochi (15Б, Pushkin St., 010008 Astana, Republic of Kazakhstan)
MA (History), Research Associate
0000-0002-3578-6467. E-mail: darhanbai[at]mail.ru

[2] Institute of History of the State (4, Beibitshilik St., 010000, Astana, Republic of Kazakhstan)
PhD, Senior Research Associate
0000-0002-5169-1388. E-mail: kukaandvita[at]mail.ru

© KalmSC RAS, 2023
© Jumagaliyev D. A., Akanov K. G., 2023

Abstract. *Introduction*. The history of the Chagatai Ulus and Moghulistan remains an understudied area of medieval historiography, which is nonetheless essential enough and can yield a lot to researchers engaged in exploring the history of medieval Genghisid states. And it is Majmu al-Tawarikh by S. Akhsikendi which proves a most valuable source on the theme, since it contains a wealth of historical knowledge on Eastern peoples of the thirteenth to sixteenth centuries, including Kalmaks, Kyrgyzes, Moghuls, etc. *Goals*. The study examines Majmu al-Tawarikh for data relating to the Chagatai Ulus and Moghulistan, attempts a comparative analysis of the manuscript and other available sources on the investigated states, and seeks to determine the value of the text for Oriental historical science. *Materials and methods*. The work focuses on published sections of the well-known translations of Majmu al-Tawarikh and Zafarnama. In addition, the historical reliability of the identified data has been verified via the epic poem of Edige, Materials in the History of Kazakh Khanates, and History of Kazakhstan from Persian Sources. The key research principles include those of historicism and systemicity, while the key research methods are the comparative historical and ideographic ones. *Results*. The paper examines Majmu al-Tawarikh and analyzes data pertaining to the past of the Chagatai Ulus and Moghulistan, provides a historiographic review to explain the significance of the source. Despite some scholars tended to criticize Majmu al-Tawarikh for a variety of revealed inaccuracies and phantasmagorias, they did recognize its certain value. Majmu al-Tawarikh mentions names of a number of khans and emirs of the Chagatai Ulus and Moghulistan — with reported coincidences or differences in other sources. The work sets forth and substantiates a hypothesis that Zafarnama ('Book of Victories') by Sharaf ad-Din Ali Yazdi may have been a fifth source for the author of Majmu al-Tawarikh. *Conclusions*. Majmu al-Tawarikh contains essential information on the history of the Chagataid states, as well as on the history of neighboring territories and peoples. However, the study of the obtained information should be approached critically, and it is urgent to compare the latter to related messages included in other sources. The introduction of the data into scientific discourse shall significantly expand and supplement contemporary historical knowledge on medieval Central Asian states.
Keywords: Majmu al-Tawarikh, Zafarnama, Chagatai Ulus, Moghulistan, Chagataids, Moghuls, Kalmaks, Tughlugh Timur, Qamar-ud-din

Acknowledgements. The reported study was funded by the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan, project no. ИРН BR18574101.
For citation: Jumagaliyev D. A., Akanov K. G. Majmu Al-Tawarikh as a Source on Historical Figures of the Chagatai Ulus and Moghulistan. *Oriental Studies*. 2023; 16(5): 1040–1054. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2023-69-5-1040-1054

1. Введение

Произведение «Маджму ат-таварих» под авторством Сайф-ад Дина Ахсикенди представляет собой ценный рукописный источник, необходимый при изучении исторических сведений о становлении чингизидских государств в Средней Азии, сыгравших ключевую роль в истории государственности на территории степных просторов Евразии. Среди них важное место занимают Чагатаидские государства, образовавшиеся на территории улуса второго сына Чингис-хана — Чагатая. В состав Улуса Чагатая, согласно данным Т. И. Султанова, входили земли Восточного Туркестана, Мавераннахра, большая часть Семиречья и районы по левобережью Амударьи вплоть до реки Синд [Султанов 2021: 146–147].

Обособление западной и восточной частей владений Улуса Чагатая способствовало выделению отдельного государства, получившего наименование «Моголистан». Основной территорией этого государства стал регион Жетысу (Семиречье), включавший земли Юго-Восточного Казахстана и Киргизии. Укрепившаяся здесь кочевая знать восточных областей Чагатайского улуса, внутри которой преобладали предводители племени дуглат, в 1347–1348 гг. выбрала правителем чагатаида Тоглук-Тимура, сына Эмиль ходжи, предки которого правили в области Джете [История Казахстана 2010: 116–118].

Сочинение «Маджму ат-таварих» написано С. Асхикенди в XVI в. Время его создания датируется примерно концом XV – концом XVI в. Язык сочинения — персидский. В конце рукописи указывается еще один автор, его сын Нурмухаммед (Нооруз-Мухаммед), завершивший ее после смерти отца. В настоящее время существует несколько вариантов данного источника, именуемых списками. Вопросы их происхождения и местонахождения изучаются в работах составителей и исследователей: А. Т. Тагирджанова [Тагирджанов 1960: 3–4], В. А. Ромодина [Ромодин 1963: 1–2], Ж. М. Сабитова [Сабитов 2017: 578–579], Т. А. Акерова [Акеров 2017: 7–8].

Научное изучение «Маджму ат-таварих» начинается с конца XIX в., когда российский ученый В. В. Бартольд доложил о нем во время мартовского заседания Восточного отделения Императорского Русского археологического общества в 1899 г. По мнению В. В. Бартольда, рукопись не имела какой-либо исторической значимости и в основном имела религиозное содержание, содержала данные о жизни шейхов города Касан в Ферганском регионе. Позднее, уже в советское время, А. Т. Тагирджанов писал, что, несмотря на то, что сочинение написано разговорным языком и имеет фантастический характер, оно также содержит интересные сведения о местном населении и топонимике [Тагирджанов 1960: 3–4]. Другой переводчик рукописи В. А. Ромодин считал, что в ней содержатся сведения из кипчакских и киргизских преданий, а также по этнографии среднеазиатских народов [Материалы 1973: 200–201].

2. Материалы и методы

Основной источниковой базой исследования авторов статьи стала монография по «Маджму ат-таварих» Т. А. Акерова, где ученый совершил подробный перевод источника, рассмотрел ранее совершенные переводы, провел их подробный анализ и снабдил своими комментариями. Помимо этого, с целью сравнения данных, изложенных в «Маджму ат-таварих», авторами статьи используются источники: «Зафар-нама» [Йазди 2008], ногайская эпическая поэма «Эдиге» [Эдиге 2016], «Материалы по истории Казахских ханств» [МИКХ 1969], «История Казахстана в персидских источниках» [ИКПИ 2005] и другие работы, где встречаются выявленные сведения. В числе средств применяемой методологии используется принцип историзма, позволивший рассмотреть представляемые в источнике данные

по истории Улуса Чагатая и Моголистана в единстве с соответствующим историческим периодом. В работе также применялся принцип системности, позволивший представить излагаемые в источнике знания по чагатаидским государствам в виде единой структуры, состоявшей из нескольких взаимосвязанных блоков. Основными методами исследования стали сравнительно-исторический и идеографический. Сравнительно-исторический метод предоставил возможность изучить достоверность выявленных сведений, связанных с историей Чагатаидских правителей, сравнивая их с другими источниками. Идеографический метод использовался при изучении исторических событий, отраженных в «Маджму ат-таварих», с целью их дальнейшего подробного воссоздания.

3. «Маджму ат-таварих»: история изучения и современное состояние исследования

Несмотря на то, что произведение «Маджму ат-таварих» известно достаточно давно, исследователи его историографии отмечают, что активно использоваться данный источник начал только во второй половине XX в. В основном это были ученые, исследующие различные проблемные вопросы по истории степных государств Евразии. Среди тех, кто занимается изучением историографии по «Маджму ат-таварих», следует отметить Ж. М. Сабитова , Т. А. Акерова, Г. А. Камбарбекову [Сабитов, Камбарбекова 2018; Акеров 2017]. Изучая материалы из «Маджму ат-таварих» по истории Улуса Джучи, Ж. М. Сабитов отмечал несколько направлений исследователей. Например, К. И. Петров анализировал историю создания источника и трудов, возможно, имеющих с ним одни корни [Петров 1961]. В основном К. И. Петров ограничился поиском биографических сведений информанта С. Асхикенди, выявлением данных о его жизни и деятельности и окружающих его личностей, а также сходств материалов из «Маджму ат-таварих» с другими источниками того времени, в частности с сочинениями Утемиш-хаджи. В. А. Ромодин и несколько современных кыргызских ученых занимались переводом источника и его публикацией, а также выявлением сведений по истории среднеазиатских народов, в частности кыргызов [Досболов, Сооронов 1996; Плоских 2009]. Третьим направлением, выделяемым Ж. М. Сабитовым, являлось выявление данных о кыргызском батыре Манасе, изучением которого занимался ряд кыргызских и российских ученых [Сабитов 2017: 578–580]. Предметом изучения исследователей также являлись переводы «Маджму ат-таварих» с персидского на кыргызский и русский языки, их качество и вероятная этническая принадлежность автора. Анализировались и тексты письменных источников, ставших основой для «Маджму ат-таварих» [Сабитов, Камбарбекова 2018: 67–68].

Как отмечает Т. А. Акеров, научная значимость «Маджму ат-таварих» была признана еще в советское время. Однако его изучение ограничивалось лишь переводами Т. А. Тагирджанова и В. А. Ромодина, так как ввиду своего религиозного содержания источник не получил широкого освещения. В Кыргызстане «Маджму ат-таварих» переводился О. Сооронovым и С. Досболовым [Досболов, Сооронов 1996]. Т. А. Акеров отмечает, что неоднократно использовал источник при подготовке статей в российских научных изданиях. Им также приводятся сведения об интересе Ж. М. Сабитова к «Маджму ат-таварих», который предложил перевести его на русский язык, применял переведенную впоследствии рукопись при написании своих трудов [Акеров 2017: 3].

Необходимо также добавить, что в основном данные из «Маджму ат-таварих» использовались в работах, посвященных таким темам, как Улус Джучи, Улус Чагатая, история отношений родов и среднеазиатских народов, правители и политические деятели чингизидских государств, народные эпосы [Акеров 2016а; Акеров 2016б; Акеров 2016в; Акеров 2017; Исаева 2016; Сабитов 2017; Сабитов, Камбарбекова 2018; Акеров, Сабитов 2017].

Отдельные вопросы, связанные с изучением материалов «Маджму ат-таварих» для анализа этнополитического состава и отношений между кочевниками улуса Джучи и Моголистана, рассматривались и в работах Т. А. Акерова и Ж. М. Сабитова [Акеров 2016в; Акеров, Сабитов 2017]. Однако отметим, что вопросы комплексного изучения и значимости «Маджму ат-таварих» в изучении истории Улуса Чагатая и Моголистана

практически не рассматривались ранее, и проводимое исследование является попыткой восполнить этот пробел.

Другой частью проводимого исследования по «Маджму ат-таварих» стало проведение сравнительного анализа его данных с другими рукописными источниками. Во введении к «Маджму ат-таварих» автор отмечает, что основой для его создания являлись четыре источника, данные из которых давались в сокращенной версии [Акеров 2017: 12]. Подробное их описание встречается у Ж. М. Сабитова и Г. А. Камбарбековой [Сабитов, Камбарбекова 2018].

По словам С. Асхикенди, одним из источников, использованных им при написании «Маджму ат-таварих», было сочинение «Тарих-и джахангушай» («История завоевателя мира») (см.: [Акеров 2017: 17]). Как известно, «Тарих-и джахангушай» под авторством А. Джувейни является достаточно известным и переведенным на многие современные языки мира произведением. Другими источниками послужили «Кассас ул-Амбия» («Сказания о пророках») [Акеров 2017: 17] и «Тарихи зубдатул башар» («История о лучших людях») [Акеров 2017: 17], которые имели религиозное содержание и в основном были связаны со служителями ислама [Сабитов, Камбарбекова 2018: 68]. Четвертое сочинение, судя по наименованию «Тарихи Мугулия» («История Моголии») [Акеров 2017: 17], было посвящено истории могулов и Моголистана [Акеров 2017: 17]. Помимо них, определенный вклад в «Маджму ат-таварих» внесли мюрид суфийских шейхов из Ферганы Баба Али Китай и несколько анонимных кыргызских авторов [Сабитов, Камбарбекова 2018: 68].

Между тем, сравнивая данные в тексте «Маджму ат-таварих» с другими источниками, нами было выявлено, что значимая часть материалов имеет совпадение с произведением Шараф ад-Дина Йазди «Зафар-наме», которое, предположительно, могло быть пятым источником для автора «Маджму ат-таварих» [Йазди 2008: 20, 133–134].

«Зафар-наме» («Книга побед») Шараф ад-Дина Йазди (Язди) — один из крупнейших трудов средневековья, посвященный деяниям великого полководца и правителя Амира Тимура. Датируется началом XV в. (1424–1425 гг.). Его основой стали труды сподвижников Амира Тимура Гиас ад-Дин Али Йазди и Низам ад-Дина Шами, которые, впрочем, считались неполными ввиду отсутствия ряда важных событий из жизни Амира Тимура, отразившихся на дальнейшей судьбе его государства и самой династии Тимуридов [Йазди 2008: 3–4]. Путем переработки этих данных и использования дополнительных источников Шараф ад-Дин Йазди написал свое произведение «Зафар-наме», которое считается наиболее полной версией жизнеописания эмира Тимура. Помимо этого, труд Йазди также содержал ценные данные о многих других исторических деятелях и государствах рассматриваемого периода (XIV–XV вв.), включая Улус Чагатая и Моголистан [Йазди 2008: 4–10]. Анализируя этот источник, мы обнаружили несколько похожих описаний некоторых сюжетов из истории чагатаидских государств и их деталей, что послужило основой для предположения об использовании «Зафар-наме» в качестве возможного дополнительного источника для «Маджму ат-таварих».

В качестве полученных результатов представляем имена ряда исторических деятелей Улуса Чагатая и Моголистана, которые были выявлены в ходе нашего исследования. Данные о них основаны на переводе «Маджму ат-таварих», выполненном в монографии Т. А. Акерова [Акеров 2017: 17]. Для проведения сравнительного анализа мы опирались на ряд ранее опубликованных исследований, включая работы В. А. Ромодина [Материалы 1973; Ромодин 1963].

4. Исторические сведения об Улусе Чагатая и Моголистана в «Маджму ат-таварих»

Анга-Торе. В «Маджму ат-таварих» правитель моголов Анга-Торе[1] упоминается как противник хана Золотой орды Тохтамыша [Акеров 2017: 63]. Согласно «Маджму ат-таварих», Анга-Торе «приходился амаком Токтамыша» (родным дядей, родным братом отца Тохтамыша Он-хана) и потомком Актуг-бия «по прозванию Онг-хан» [Акеров 2017: 45; Ромодин 1963: 105]. Согласно иным сведениям, Анга-Торе происходил из рода Арканут и приходился сыном старшего брата Хаджи-бека [Йазди

[1] В «Зафар-наме» он указан как Анка Тура [Йазди 2008: 124; ИКПИ 2007: 86].

2008: 124]. У Хаджи-бека был младший брат Туглук-Ходжа и сын Онгарджак [Йазди 2008: 33, 40]. Возможно, что вышеупомянутый Онгарджак и Инкачак (Ингачак) из войска Анга-Тоpe [Йазди 2008: 40, 133], а также Анкай могол (Итай могол) из «Маджму ат-таварих» [Акеров 2017: 63; Ромодин 1963: 79] одно и то же лицо. Анга-Тоpe упоминается в сочинении «Зафарнаме», согласно которому, местность Каратал «был йуртом Анка-Тура» [ИКПИ 2007: 86]. В «Маджму ат-таварих» владениями Анга-Тоpe были «земли от Кашкара до горы Могол» [Акеров 2017: 46]. В источниках имя Анга-Тоpe в последний раз упоминается в 1389 г. [Сабитов 2017: 580].

По «Маджму ат-таварих», у Анга-Тоpe были сыновья Мухаммед-бек «по прозванию Кок-Буга» и Акмат-бек [Ромодин 1963: 105; Материалы 1973: 209; Акеров 2017: 58, 75].

О. К. Караев отождествлял Мухаммед-бека с правителем кыргызов Мухаммед-кыргызом, а Акмат-бека — с сыном чагатаида Йунус-хана Ахмед-ханом [Акеров 2017: 117]. Однако чагатаид Ахмед-хан умер в 1504 г., а Мухаммед был провозглашен ханом кыргызов лишь в 1508 г. [Акеров 2017: 117]. По нашему мнению, сына Анга-Тоpe Мухаммед-бека возможно отождествить с Мухаммед-беком, «правителем улуса», упоминаемым в сочинении Абд ар-Раззака Самарканди под 1420 г. [Материалы 1973: 164, 165]. По данным Абд ар-Раззака Самарканди, у Мухаммед-бека был сын по имени Султан-Шади, который приходился зятем чагатаиду Шах-Джахану и имел титул «гурган»[1] [Материалы 1973: 165]. Там же упоминается, что у Мухаммед-бека были и другие сыновья.

Интересным является упоминание в данном источнике горы Могол в связи с разделом сфер влияния между Золотой Ордой и Моголистаном. Там говорится, что Тохтамыш-хан и Анга-Тоpe договорились, чтобы земли от Ташкента до реки Адиль (Волга) были под влиянием хана Золотой Орды, а территории от Кашкара вплоть до горы под наименованием «Могол» подчинялись Анга-Тоpe [Акеров 2017: 46]. Название горы Могол мы также находим и в сочинении Джамала ал-Карши «ал-Мулхакат бис-сурах», где он пишет, что «Мугул — это название горы на северной стороне города Худжанд» [ИКПИ 2005: 147]. Исходя из этой информации, следует, что Анга-Тоpe был значимой в этот период фигурой, вовлеченной в политические действия и дипломатические договоренности с другими правителями, такими как Тохтамыш-хан.

Он-хан. Из сведений, представленных в «Маджму ат-таварих», можно заключить, что имя Он-хан могло быть связано с несколькими людьми, данные о которых очень трудно различить. Первое имя в этом контексте — Актуг-бий могол (Актуг-хан могол), носивший титул Он-хан, зять рода Чингизидов, а также глава правого и левого крыльев войска [Акеров 2017: 39].

Его нельзя путать с другим Он-ханом, который, судя по имени, был главой правого крыла кыргызов и чья дочь после совета Актуг-хана (Актуг-бия) с Сол-ханом (глава левого крыла[2] кыргызов) была выдана за Саида Наки [Акеров 2017: 41]. Сыном этого Он-хана был Атан-бий [Акеров 2017: 43]. Актуг-хан могол (Актуг-бий) умер и был похоронен в Ташкенте [Акеров 2017: 41]. Одна из его потомков была выдана замуж за сына Саида Наки Темиркожо [Акеров 2017: 43]. После смерти Актуг-хана могола его место занял Мари Он-хан (Он-хан Мари, Мары-бий), который приходился ему сыном [Акеров 2017: 41; Ромодин 1963: 105]. Третьим Он-ханом в источнике называется отец Тохтамыш-хана, который приходился братом Анга-Тоpe [Акеров 2017: 44, 45].

Возможно, в «Маджму ат-таварих» отец Тохтамыша назван Он-ханом в связи с тем, что был представителем правого крыла Улуса Джучи. Это предположение исходит из того, что в «Маджму ат-таварих» глава правого крыла кыргызов также именуется Он-ханом, а предводитель левого крыла — Сол-ханом. Кроме них, в «Маджму ат-таварих» упоминается Он-хан, «падишах Карайетти», который соответствует Ван-хану, правителю кереитов [Акеров 2017: 36, 113].

В «Та'рих-и Рашиди» Мухаммада Хайдар Дуглата упоминаются сыновья Исан-тайши — Ибрахим и Илйас с титулом «онг», «унг» (на языке калмаков детей хана называют «унг») [МИКХ 1969: 197; Хафиз-и Таныш 1983: 99]. В связи с именем Актуг-бия ценным является упомина-

[1] Гурган (куругэн или хургэн) на монгольском языке означает 'зять'.

[2] Сол — левый, он — правый, названия подразделений, на которые делятся рода кыргызов.

ние в «Тарих-и Кашгар» Ак-Туг-Мазара [Материалы 1973: 222].

Камар ад-дин. Среди исторических личностей, встречающихся в «Маджму ат-таварих», можно выделить личность эмира Камар ад-дина. В источнике он является сыном Жолоя, правителя калмаков, после смерти которого его провозглашают ханом [Акеров 2017: 60]. Не исключен также вариант, что Жолой на самом деле сын Камар ад-дина либо это его «языческое имя» [Сабитов, Камбарбекова 2018: 73]. Как известно, эмир Камар ад-дин происходил из дуглатов [Хафиз-и Таныш 1983: 93]. В Моголистане дуглатские эмиры носили титул «улус-беги» [Хафиз-и Таныш 1983: 93]. В «Маджму ат-таварих» Камар ад-дин указывается «ханом», а текст из «Шараф-намайи шахи» дополняет, что это звание было им присвоено самолично [ИКПИ 2007: 62; Хафиз-и Таныш 1983: 94]. Отметим, что в тексте «Маджму ат-таварих» этот эмир в начале упоминается как калмак, позже он, «приняв советы», становится мусульманином и сражается на стороне Тохтамыш-хана [Акеров 2017: 65]. Любопытно, что имя эмира Камар ад-дина сохранилось в эпосе «Едиге». В различных вариантах эпоса он именуется по-разному. Например, в варианте А. И. Сикалиева как «великан Кабарты Алып», в варианте Ч. Ч. Валиханова — «Кабантын Алып», в варианте И. Н. Березина — «Кабардин Алып», в варианте А. Ш. Джанибекова — «Кабартыдын Алып», в варианте С. Гайниддинулы — «великан Кабартен» [Эдиге 2016: 43, 92, 185, 213; Бабалар 2012: 258]. В варианте эпоса «Едиге», записанном Н. С. Семеновым, Камар ад-дин упоминается как «калмыцкий хан Кабардын», «калмык сын Агока» [Эдиге 2016: 141, 145].

Ж. М. Сабитов в своей статье доказал, что эмир Камар ад-дин и «Кабардин Алып» из эпоса «Едиге» — одно и тоже лицо [Сабитов 2019: 101–102]. Интересно, что во многих вариантах эпоса «Едиге» эмир Камар ад-дин упоминается с эпитетом *Алып* ‘великан’. Подтверждение этому мы находим у того же Хафиз-и Таныша, где он описывает Камар ад-дина так: «он был человеком сильным, смелым, богатырем. В землях Моголистана его называли „Алф“» [Хафиз-и Таныш 1983: 93]. Слово *Алф* — фонетический вариант слова *алп*, которое означает в тюркских языках ‘великан, богатырь, герой’ [Хафиз-и Таныш 1983: 267]. В варианте народного эпоса «Едиге», записанного В. В. Радловым, Камар ад-дин упоминается с эпитетом *калмук*, что также согласуется с «Маджму ат-таварих», где он называется «калмаком» [Эдиге 2016: 118–120; Акеров 2017: 64]. Согласно сведению, приводимому в «Анониме Искандара», Камар ад-дин «скончался от болезни», а по данным эпоса его убил эмир Едиге [Материалы 1973: 126; Эдиге 2016: 142, 145].

Абд ар-Раззак Самарканди сообщает, что в 1420 г. сын Камар ад-дина, эмир Джаханшах, нашел убежище у тимуридского правителя Улугбека, а другой, безымянный, сын был убит могольскими эмирами [Материалы 1973: 163, 164, 166].

Калмак. В «Маджму ат-таварих» выявляется важная историческая роль племени калмаков в контексте событий, связанных с жизнью и деятельностью Манаса. Главными антагонистами Манаса в данном источнике выступают именно калмаки. Помимо этой антагонистической функции, калмаки также представлены как потомки одного из 92 горцев, принявших ислам и ставших последователями Пророка Мухаммада [Акеров 2017: 25–26]. Как известно, племя Калмак было одним из 92 узбекских племен (племен илатийа) [Султанов 1982: 29, 40, 42–43]. Согласно «Маджму ат-таварих», Калмак и Казак уходят жить в Дешт-и-Кипчак [Акеров 2017: 26]. Как показано в источнике, калмаки начинают свой исторический путь как мусульмане. Однако после смерти основателя этого имени, среди его потомков распространяется поклонение Будде, и племя становится «неверным» [Акеров 2017: 26]. Это событие оказывает влияние на дальнейший ход истории калмаков и их отношения с окружавшими их народами.

В «Маджму ат-таварих» также представлены различные предводители калмаков, включая Ялман-калмака, Асбус-калмака, Алман-калмака и других, каждый из которых играет свою роль в исторических событиях. Эти[1] предводители выступают как военные лидеры, послы и правители. Они также участвуют в битвах и сражениях как союзники или противники различных сил [Акеров 2017: 32, 34, 42, 44, 46–47, 54, 56, 60, 65, 77]. Множество эпизодов, описанных

в «Маджму ат-таварих», связано с действиями калмаков и их взаимодействием с другими народами. Озеро Иссык-Куль, так же известное как Коль или Тениз, часто упоминается как место скопища калмаков [Акеров 2017: 14]. Это свидетельствует о том, что эта природная локация играла значительную роль в жизни этого племени. Важный поворот в истории калмаков связан с принятием религии. Одним из примеров этого процесса является случай Тобоя, мужа дочери Жолоя — Сулунжеве, который принимает религию калмаков [Акеров 2017: 56]. Этот случай демонстрирует значимость религиозной трансформации на уровне семейных связей и личных выборов. Похожий случай описывает Мухаммад Хайдар Дуглат: «Когда Вайс-хан отдавал Махтум-ханим, он обратил в мусульманство своего зятя (Исантайши — правитель калмаков), и Махтум-ханим была выдана замуж по мусульманским обычаям. Подвластных ей людей она обратила в мусульманство» [МИКХ 1969: 197]. Другим иллюстративным примером является Дамбур-калмак, который принимает ислам в Касане под влиянием Мир Саида Джафара [Акеров 2017: 43].

Термин «калмаки» исходно указывал на кочевников, которые оставались верными вере своих предков и не приняли ислам. Следует подчеркнуть, что калмаков не следует путать с ойратами. На начальном этапе использования этнонима «калмаки» оно обозначало те общины, которые не поддались исламской интеграции и утверждали свою идентичность через сохранение веры предков. Исследование «Маджму ат-таварих» позволяет предположить, что использование термина «калмаки» может быть обусловлено идеологическими мотивами. Аналогичное утверждение можно высказать и относительно произведения «Та'рих-и Рашиди», где моголы называются мусульманами, а их противники кыргызы — «неверными» [МИКХ 1969: 217]. Как видим, для автора «Маджму ат-таварих» было важно выделить именно эту группу как хранителей древних верований.

Таким образом, термин «калмаки» становится не только историческим понятием, но и примером того, как идеологические и культурные предпочтения могут повлиять на интерпретацию исторических событий и образов. В целом анализ текста позволяет увидеть, что «Маджму ат-таварих» дает уникальное историческое представление о племени калмаков, их роли в событиях и культурных процессах.

Дадахан. Согласно «Маджму ат-таварих», Дадахан именовался «падишахом», правившим территорией «Джете», и происходил из чагатаидов [Акеров 2017: 64]. Дочь падишаха была выдана за Ларбузурука, главу левого крыла кыргызов [Акеров 2017: 34]. Согласно прочтению Т. А. Тагирджанова и В. А. Ромодина, его имя указывалась как Дува-хан [Тагирджанов 1960: 33; Материалы 1973: 203]. Как известно, правителя с именем Дадахан в списке ханов Улуса Чагатая и Моголистана не значится. Дува-хан ибн Барак-хан, согласно Джамалу ал-Карши, «воссел на трон» в 1282–1283 гг. [ИКПИ 2005: 147].

Жете. Ряд сведений в «Маджму ат-таварих» связан с местностью Жете (Джете, Жаста) [Акеров 2017: 46] и народом Джете (Жаста) [Акеров 2017: 56]. Как известно, после убийства в 1346 г. хана Казана эмиром Казаганом Улус Чагатая распался на две части. В восточной части Улуса Чагатая образовалось государство Моголистан. Выделились две группы: одна часть именовалась «могулы», другая — чагатаи. Однако из-за враждебного отношения друг к другу чагатайцы называли могулов «джете», а могулы обращались к чагатаям — «караунас» [МИКХ 1969: 216]. В XV–XVI вв. термин «джете» был равнозначен политическому термину «Моголистан» [Султанов 2017: 86]. Тем не менее в «Маджму ат-таварих» встречается название «Чыгатайский улус» и «Мугстан» [Акеров 2017: 55, 71].

Эмилхан. Согласно «Маджму ат-таварих», Эмилхан был сыном Дадахана и отцом Бахрам Тыгзана [Акеров 2017: 64]. Эмилхан, по нашему мнению, это Эмиль-Ходжа, сын Дува-хана [Йазди 2008: 20]. Соответственно, мы можем предположить, что Бахрам Тыгзан — это основатель Моголистана Туглук-Тимур-хан. По версии Ж. М. Сабитова, Бахран Тыгзан был родным братом Туглук-Тимур-хана [Сабитов, Камбарбекова 2018: 75]. По «Маджму ат-таварих», Бахрам Тыгзан был убит Жолоем, захватившим Джете (Моголистан) [Акеров 2017: 64]. Согласно мнению Ж. М. Сабитова, имя Жолой, возможно, могло иметь языческое происхождение и быть именем эмира

Камар ад-дина, происходившего из дуглатов [Сабитов, Камбарбекова 2018: 73]. Наши предположения также указывают на то, что в данном контексте под Жолоем обозначается Камар ад-дин или, возможно, его сын. Это объясняется тем, что имеются данные о том, что от эмира Камар ад-дина погиб не сам Туглук-Тимур, а его сын Ильяс-ходжа, и Камар ад-дин стал править страной Джете [ИКПИ 2007: 62; Йазди 2008: 79].

Чыгатай Шербахрам (Бахрам-шер). Согласно «Маджму ат-таварих», Шербахрам[1] был сыном Бахрам Тыгзана и последователем Мавлона А'зама [Акеров 2017: 64]. Мы согласны с мнением, что Чыгатай Шербахрам — это чагатаидский эмир Шер Бахрам, который был убит в 1366 г. эмиром Хусейном [Тагирджанов 1960: 33; Йазди 2008: 45]. Эмир Шер Бахрам был правителем Хутталана [ИКПИ 2007: 67]. По данным из «Зафар-наме», имел сына Мухаммада (Мухаммад Мирак) [Йазди 2008: 106]. Абд ар-Раззак Самарканди в своем труде упоминает сына Шер Бахрама, а также «удел Шир-Бахрама» на территории Моголистана [Материалы 1973: 162, 165].

Ширин хан. Согласно «Маджму ат-таварих», Ширин-хан носил титул «падишаха» на протяжении 30 лет [Акеров 2017: 64]. Мы можем отождествить Ширин-хана с известным чагатаидским ханом Тармаширином. По Муин ад-дину Натанзи, Тармаширин-хан правил в течение одного года и умер в 1328–1329 гг. [ИКПИ 2007: 58].

Бахрам Джалаир. Согласно «Маджму ат-таварих», Бахрам Джалаир управлял городом Ходжент [Акеров 2017: 32]. По «Маджму ат-таварих», у него были сыновья Султанбек и Амир Муса [Акеров 2017: 35, 75]. По нашему мнению, Бахрам Джалаир — это чагатаидский эмир Бахрам Джелаир, глава племени Джалаир. После смерти эмира Хусейна Тимур отдал в жены Бахрам Джелаиру дочь Тармаширин-хана — Севинч Кутлук ага, бывшую старшей женой эмира Хусейна [Йазди 2008: 69]. Согласно «Зафар-наме», Бахрам Джалаир имел сыновей: Адиль-шах Джелаира, Али Дарвеша и Мухаммад Дарвеша. Последние двое были казнены в 1376 г. [Йазди 2008: 80, 81]. Али Дарвеш и Мухаммад Дарвеш также указываются в «Маджму ат-таварих» как эмиры, выразившие преданность Мавлону А'заму [Акеров 2017: 75]. Здесь надо отметить, что, по «Зафар-наме», Муса на самом деле был сыном не Бахрама, а эмира Байазида [Йазди 2008: 25]. Там же отмечено, что после смерти отца Адиль-шах становится главой джалаиров и участвует в походе на Джете против эмира Камар ад-дина в 1375 г. [Йазди 2008: 79]. В 1376 г. он предает Тимура и вместе с эмиром Сары-Бугой уходит в Дешти-Кипчак к Урус-хану, а позже — к эмиру Камар ад-дину в Джете [Йазди 2008: 82].

Хызыр кожо. В соответствии с данными из «Маджму ат-таварих» Хызыр-кожо являлся правителем Моголистана и был женат на дочери Анга-торе [Акеров 2017: 68]. У него были два сына — Дамбурбуга и Акмат-кожо, вместе с которыми он попадает в плен к эмиру Тимуру [Акеров 2017: 68, 71]. После освобождения из плена Хызыр-кожо и Дамбурбуга остаются жить в Касане [Акеров 2017: 76]. Под Хызыр-кожой в «Маджму ат-таварих», несомненно, упоминается правитель Моголистана — Хизр-Ходжа, сын Туглук-Тимура. Согласно Муин ад-дину Натанзи, эмир Тимур «поручил ему управление Моголистаном» [ИКПИ 2007: 64]. По другим данным, Хызыра-кожо «посадил на ханский престол» эмир Худайдад [Хафиз-и Таныш 1983: 94]. После смерти правителя остались сыновья: Мухаммад, Накш-и Джахан-хан, Шам-и Джахан-хан [Хафиз-и Таныш 1983: 94].

Амир Барлас. Согласно «Маджму ат-таварих», эмир Тимур направляет делегацию к Анга-торе в лице эмира Барласа, эмира Ядгара и эмира Сулайман-шаха [Акеров 2017: 68]. Вероятно, персонаж Амир Барлас, упомянутый в «Маджму ат-таварих», может быть идентифицирован с чагатаидским эмиром Хаджи Барласом, главой рода Барлас и родственником эмира Тимура. Его родословная представлена следующим образом:

Карачар Ноян
↓
Йасу Мунке
↓
Намула
↓
Нуралки
↓
Хаджи Барлас [Йазди 2008: 19].

[1] В разных источниках имеется различное написание имени: Шербахрам, Шер Бахрам, Шир Бахрам.

Амир Ядгар. Согласно «Маджму ат-таварих», он был одним из послов Тимура к Анга-торе [Акеров 2017: 68]. Вероятно, ему соответствует чагатаидский эмир Йадгар Барлас ибн Лала, потомок Карачар-нояна. В 1374 г. Амир Тимур отправил его в Хорезм за Ханзаде-ханум, дочерью Юсуфа Суфи [Йазди 2008: 78].

Амир Сулайман-шах. В «Маджму ат-таварих» Амир Сулайман-шах указывается в числе посольской делегации Тимура к Анга-торе [Акеров 2017: 68]. Возможно, это мог быть эмир Сулайманшах-бек из чагатаидов. Первые сведения о нем в источниках связаны с кампанией эмира Тимура в Иран в 1391 г. [Йазди 2008: 112]. В 1390 г. Амир Тимур выдал свою дочь Султанбахт-бегим за Сулайманшах-бека [Йазди 2008: 137]. В 1390 г. он участвует в походе на Джете, а в следующим году в походе против Тохтамыш-хана [Йазди 2008: 138, 147]. В 1394 г. в свите Шахруха отправился вместе с ним в Хорасан [Йазди 2008: 212].

Амир Баязит Жалаир. Согласно «Маджму ат-таварих», он был мюридом Мавлона А'зама [Акеров 2017: 64]. У него был сын Амир Сарбуга Джалаир, он также известен как Сари Буга Джелаир [Акеров 2017: 75; Йазди 2008: 47]. По нашему мнению, Амир Баязит Жалаир — это известный чагатаидский эмир Байазид Джалаир, бывший правителем Ходжента [ИКПИ 2007: 67]. Байазид Джалаир был казнен Туглук-Тимуром-ханом в 1361 г. [Йазди 2008: 25]. По данным из «Зафар-наме», у него был сын Муса-бек, двое других сыновей Али Дарвеш и Мухаммад Дарвеш были казнены в 1376 г. [Йазди 2008: 25, 81].

Бура-хан. Согласно переводу «Маджму ат-таварих» Т. А. Акерова, Бура-хан по приказу Шахруха преследовал бегущих калмаков [Акеров 2017: 78]. В переводе В. А. Ромодина его имя в первый раз упоминается, когда Бура-хан по приказу Шахруха преследовал разбитых калмаков [Ромодин 1963: 98]. Второй раз его имя в тексте встречается в связи с приездом в дом Бура-хана в Андугане Сейид Мир Джалила [Ромодин 1963: 103]. Упомянутый Бура-хан, по нашему мнению, это чагатаид Бурхан Оглан, один из военачальников эмира Тимура. Впервые в источниках его имя встречается в связи с походом эмира Тимура в Моголистан в 1389 г. [Йазди 2008: 135]. Бурхан Оглан и Баян Тимур, сын Беккичик Джете, были проводниками войска Умар-Шейха из Андижана. Далее в 1393 г. Бурхан Оглан принимает участие в осаде крепости Тикрит [Йазди 2008: 174]. В 1394 г. по приказу эмира Тимура Бурхан Оглан вместе Ийбадж Огланом, Джахан-шах Бахадуром принимает участие в погоне за туркменами в пустыне Муш [Йазди 2008: 186]. В следующий раз его имя встречается в связи с походом эмира Тимура в Грузию в 1394 г. [Йазди 2008: 191].

Хытай бахадур (Сунджек Хытай бахадур). Согласно переводу «Маджму ат-таварих» В. А. Ромодина, Хытай Ак-Тимур, Басыз, Кушчи, Мундуз, Чонг Багыш, Саруу Буга были сыновьями Ку Огула [Ромодин 1963: 102]. Впервые его имя встречается в связи со сражением с калмаками и их пленением [Ромодин 1963: 98]. Там же говорится, что Сунджек Хытай и несколько других лиц стали мюридами Сейид Мир Джалила [Ромодин 1963: 100]. В переводе Т. А. Акерова у Кувуула (Карауула) были сыновья, имена которых указывались как Басыз, Лалым Кушчу, Айбаш Мундуза, Чонбагыш, Саруу Буга, Кытай Актемир (последний также именовался как «Сунчак», которое могло быть прозвищем) [Акеров 2017: 77]. Вероятно, Хытай бахадур, упомянутый в «Маджму ат-таварих», может быть тождественным с Хитайи Бахадуром, одним из военачальников эмира Тимура. Известно, что после победы над эмиром Хусейном в 1370 г. Тимур назначил Хитайи Бахадура «старшим над всеми бахадурами» [Йазди 2008: 70]. В 1372 г. он участвовал в походе в Хорезм [Йазди 2008: 76]. В 1376 г. принял участие в походе в Моголистан против эмира Камар ад-дина [Йазди 2008: 81]. В 1377 г. Хитайи Бахадур погиб в сражении с сыном Урус-хана — Темир-Малик Огланом [Йазди 2008: 86].

Актемир бахадур по прозвищу Сунджек. Согласно «Маджму ат-таварих», Актемир был из рода кипчак и имел семерых сыновей, которых прозвали «Жети кашка» [Акеров 2017: 62]. Актемир имел титул «бахадур», и его прозвищем было «Сунчак» [Акеров 2017: 77]. Здесь также стоит отметить, что Актемир отмечен и в «Зафар-наме» как Ак Темур Бахадур [Йазди 2008: 48]. Он являлся одним из военачальников Амира Тимура и в 1370 г., наряду с Хитайи Бахадуром, Шайх Али Бахадуром, был на-

значен одним из «старших над всеми бахадурами» [Йазди 2008: 70]. У него имелся младший брат по имени Коппакчи Юртчи [Йазди 2008: 86]. Также у него был сын по имени Шайх Темур, который вместе с ним участвовал в походе на Мазандаран [Йазди 2008: 109]. В 1372 г. Ак Темур Бахадур участвовал в походе в Хорезм [Йазди 2008: 76]. В 1376 г. перед началом похода в Хорезм Тимур отдал туман[1] племени сулдуз[2] Ак Темур Бахадуру [Йазди 2008: 81]. В том же году Ак Темур Бахадур принял участие в походе в Моголистан [Йазди 2008: 82]. В 1377 г. Ак Темур Бахадур принял участие в войне с Урус-ханом [Йазди 2008: 86]. В 1382 г. он принял участие в походе в Хорасан и Мазандаран [Йазди 2008: 98]. В 1383 г. кошун[3] во главе с Ак Темур Бахадуром участвует в набеге на Сеистан [Йазди 2008: 104]. Согласно «Зафар-нама», он умер в 1386 г. [Йазди 2008: 112].

Тагай бахадур. По «Маджму ат-таварих», среди лиц, ставших мюридами Сейид Мир Джалила, упоминается сын Отуз Огула (Отузуула) — Тагай бахадур [Ромодин 1963: 100; Акеров 2017: 62]. У него было шесть сыновей в таком порядке: Кулан, Гылджыр, Богостон, Кара Чура, Саяк, Доолес [Ромодин 1963: 101–102]. В другом месте он упоминается как Таги Буга Барлас [Акеров 2017: 71]. Возможно, что Тагай бахадур — это Тагай Буга Бахадур, военачальник Муса-бека из рода тайджиют [Йазди 2008: 48]. Тогда как Таги Буга Барлас соответствует Тагай Буга Барласу, военачальнику эмира Тимура [Йазди 2008: 27].

5. Результаты сравнительного анализа «Маджму ат-таварих» и «Зафар-наме»

Другим этапом научного исследования стало проведение сравнительного анализа «Маджму ат-таварих» и «Зафар-наме» с целью выявления возможных заимствований. Ниже приводятся отрывки из текста «Маджму ат-таварих», которые, по нашему мнению, были заимствованы из сочинения «Зафар-наме».

Отрывок из «Маджму ат-таварих»

После этого Чыгатай Шербахрам, сын Тыгзана, он — сын Эмилхана, он — сын Дадахана, Дадахан был падишахом Джете (Жасты) из рода хана Чыгатая[4]1. Его правление (рода чыгатаидов) длилось 604 года. Этот период соответствует 761 году истории. Это длилось с года Крысы до времен Ширин-хана. Ширин-хан был падишахом 30 лет [Акеров 2017: 64].

Отрывок из «Зафар-наме»

Туглук Темур-хан был сыном Эмиль Ходжи, а Эмиль Ходжа — сыном Дува-хана, а сей Дува-хан был из потомков Чагатая. Он был падишахом в области Джете. Услышав о расстройстве Мавераннахра, он собрал войско в своем улусе и в месяце раби втором года 761, то есть в год Мыши (февраль-март 1360 г.), он направился в сторону Мавераннахра. После Тармаширин-хана истекло тридцать три года, и в эти годы в улусе Чагатая царствовало восемь ханов [Йазди 2008: 20].

Сопоставив отрывки из двух источников, видим, что в «Маджму ат-таварих» эмир Шер Бахрам ошибочно назван сыном Тыгзана, на самом деле он не принадлежал к династии Чагатаидов. Тыгзан (Бахрам Тыгзан), которого мы отождествляем с Туглуг-Тимур-ханом, действительно приходился сыном Эмиль-Ходже и внуком Дува-хану из династии Чагатаидов и правил Моголистаном (Джете). Далее в «Маджму ат-таварих» говорится о том, что правление Чагатаидов длилось 604 года, по нашему мнению, здесь автором сочинения была допущена ошибка, на самом деле под 604 годом надо понимать 604-й год хиджры, который соответствует 1207 г. григорианского календаря, а под Чагатаидами — династию Чингизидов в целом. Здесь, видимо, автор имел в виду тот год, когда Тэмуджин был провозглашен великим ханом и получил титул «каган», приняв имя Чингисхан. В «Маджму ат-таварих» отмечается, что правление Чагатаидов (Чингизидов) длилось до 761 г. хиджры, соответствующий 1360 г. Крысы (Мыши). По данным Муин ад-дина Натанзи, Тармаширин-хан умер в 1328–1329 гг. [ИКПИ 2007: 58]. Согласно «Зафар-наме», после его смерти прошло 33 года, но не говорится, что он правил 30 лет, как об этом приводится в тексте «Маджму ат-таварих». Сравнив оба отрывка, мы видим, что в «Маджму ат-таварих» имеются ошибки, связанные с именами и датами, а также невер-

[1] Туман — 1) десять тысяч, воинское соединение в 10 000 чел. 2) административная единица, которая могла выставить или содержать 10 000 воинов.

[2] Монгольский род в Чагатайском улусе.

[3] Монгольский отряд войска. В текстах XIV–XV вв. «кошун» равнозначен или тысяче (хазара), или является ее составной частью.

[4] Так в источнике. Вероятно, до 604 г.

ное приписывание Шер Бахрама к династии Чагатаидов. Текст «Зафар-наме» немного полнее, в нем даются сведения о количестве ханов, правивших в Улусе Чагатая после смерти Тармаширина.

Далее в том же разделе «Маджму ат-таварих» есть следующее предложение:

«Маджму ат-таварих»

Пришел Амир Баязит Жалайыр из Чанак Булака в Ходженте, и все, поклявшись в верности, стали мюридами [Акеров 2017: 64].

«Зафар-нама»

Туглук Темур-хан вышел из пустыни около Ташкента и остановился в местности Чанак Булак, близ реки Ходженда. Когда они перешли реку Ходженда, к ним присоединился Баязид Джелаир со своими людьми и улусом, и в полном согласии с ними решили идти в сторону области Кеш [Йазди 2008: 20].

Из предоставленных отрывков видно наличие сходства между ними, которое позволяет сделать предположение, что автор «Маджму ат-таварих» использовал информацию из «Зафар-наме», но в то же время произошли некоторые искажения, либо автор внес определенные изменения в оригинальную информацию.

В «Маджму ат-таварих» рассказывается о приходе эмира Баязита Жалайыра из местности Чанак Булак, расположенной у Ходжента, и о том, что они стали мюридами. В «Зафар-наме» упоминается Туглук Темур-хан, который вышел из пустыни около Ташкента и остановился в местности Чанак Булак, близ реки Ходженда. После перехода реки Ходженд к его войску примкнули силы эмира Баязид Джелаира, и они решили идти в сторону области Кеш. Как видим, в «Зафар-наме» мюриды не упоминаются, но сведения в сочинении Йазди значительно полнее, более подробно даются наименования географических объектов (местностей, рек и областей), а также имя правителя Туглук Тимура.

Видно, что оба отрывка рассказывают о схожем событии, связанном с приходом Баязита в местность Чанак Булак и его присоединением к Туглуку Темур-хану. Однако в «Маджму ат-таварих» фраза «в полном согласии с ними» не приводится, а также произошли некоторые изменения в формулировке и подаче информации. Такие изменения или искажения могли быть случайными, связанными с ошибками автора, либо могли быть сделаны намеренно по каким-то другим причинам. Исторические тексты часто подвергались редактированию, адаптации и переосмыслению авторами в соответствии с их собственными целями и точками зрения. Важно учитывать, что подобные искажения или изменения могли вноситься по различным причинам, и для точного анализа и понимания исторических событий необходимо обращаться к оригинальным источникам и проводить сравнительный анализ различных исторических документов.

Еще более значимый отрывок из «Маджму ат-таварих», именуемый «Сказ о Сахибкыраане», мог быть заимствован из главы «Зафар-наме» «Государь Сахибкиран в пятый раз направляется в Моголистан против Хизр Ходжа Оглана и Анка Туры» [Акеров 2017: 69–71; Йазди 2008: 133–134]. Оба отрывка рассказывают о событиях, связанных с походом эмира Тимура и его армии в Моголистан. Однако детали и некоторые события представлены по-разному. Упоминания и названия местностей, имена людей также отличаются, что может указывать на ошибки автора или переводчиков. Данные из «Маджму ат-таварих» об этих событиях короче и содержат гораздо меньше деталей, в то время как отрывок из «Зафар-наме» более развернут и информативен, что позволяет получить более полное представление о происходивших событиях и обстановке во время похода. Из анализа данных «Маджму ат-таварих» и «Зафар-нама» можно сделать вывод, что последний был одним из источников, на основе которого создавался «Маджму ат-таварих», хотя С. Ахсикенди не указал это явно.

Однако для более точного сравнения и понимания событий требуется дополнительный анализ источника. Возможно, это получится когда будут выявлены все тексты источников «Маджму ат-таварих» и у исследователей появится возможность для проведения более подробного сравнительного анализа.

6. Заключение

Обобщая результаты исследования, необходимо отметить, что «Маджму ат-таварих» представляет собой ценный исторический источник, предоставляющий важные сведения об исторических деятелях, связанных с историей Чагатаидских государств.

Это произведение оказывает важное влияние на изучение истории этого региона, так как содержит множество информации о правителях, эмирах и ключевых личностях, игравших роль в формировании и развитии этих государств. В «Маджму ат-таварих» обнаруживается ценная совокупность сведений, которые позволяют воссоздать богатую мозаику событий по истории Улуса Чагатая и Моголистана. Путем анализа сведений в «Маджму ат-таварих» исследователи могут лучше понять динамику событий и взаимосвязи между ключевыми историческими фигурами.

Таким образом, «Маджму ат-таварих» заслуживает внимания как источник, который, несмотря на возможные неточности и высказанную ранее критику, предоставляет нам неоценимую информацию для дальнейших исследований и способствует расширению наших знаний по истории средневековых государств на территории Центральной Азии.

Литература

Акеров 2016а — *Акеров Т. А.* Золотая Орда в легендарном сочинении «Маджму ат-таварих» С. Ахсикенди // Золотоордынская цивилизация. 2016. № 9. С. 158–162.

Акеров 2016б — *Акеров Т. А.* Кераиты в версии эпоса «Манас», приведенной в книге «Маджму Ат-таварих» С. Ахсикенди (XVI) // Мир Евразии. 2016. № 1(32). С. 13–22.

Акеров 2016в — *Акеров Т. А.* Об этнополитических связях кыргызов и кераитов в версии эпоса «Манас», приведенной в книге «Маджму ат-Таварих» С. Ахсикенди (XVI в.) // Научное обозрение Саяно-Алтая. 2016. № 4(16). С. 4–14.

Акеров 2017 — *Акеров Т. А.* Маджму ат-Таварих как исторический источник / пер., анализ и коммент. Бишкек: КНУ им. Ж. Баласагына, 2017. 348 с.

Акеров, Сабитов 2017 — *Акеров Т. А., Сабитов Ж. М.* Военно-политическая деятельность золотоордынского Пулат-хана на Востоке Улуса Джучи по данным «Маджму ат-Таварих» // История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири: мат-лы III Всероссийской (с международным участием) науч. конф. (г. Курган, 21–22 апреля 2017 г.) / отв. ред. Д. Н. Маслюженко, С. Ф. Татауров. Курган: Кург. гос. ун-т, 2017. С. 21–25.

Бабалар 2012 — Бабалар сөзі: Жүзтомдық (= Слова предков). Т. 85: Тарихи аңыздар. Астана: Фолиант, 2012. 416 б.

Бартольд 1993 — *Бартольд В. В.* Тюрки: Двенадцать лекций по истории турецких народов Средней Азии. Алматы: Жалын, 1993. 192 с.

Досболов, Сооронов 1996 — Ахсикенди Сайф ад-Дин Тарыхтардын Жыйнагы (Мажму атут таворих) / под ред. М. Досболова и О. Сооронова. Бишкек: Акыл, 1996. 126 с.

ИКПИ 2005 — История Казахстана в персидских источниках. Т. 1. Джамал ал-Карши. Алматы: Дайк-Пресс, 2005. 416 с.

История Казахстана 2010 — История Казахстана (с древнейших времен до наших дней) в пяти томах. Т. 2. Казахстан в эпоху позднего средневековья / редкол. тома: К. М. Байпаков, М. К. Козыбаев, Б. Е. Кумеков, К. А. Пищулина. Алматы: Атамура, 2010. 624 с.

ИКПИ 2007 — История Казахстана в персидских источниках. Т. 5. Извлечения из сочинений XIII–XIX веков / сост. М. Х. Абусеитова. Алматы: Дайк-Пресс, 2007. 476 с.

Йазди 2008 — *Йазди Шараф ад-Дин Али.* Зафар-наме (Книга побед амира Тимура) / предисл., пер. со староузб., коммент., указатели и карта А. Ахмедова; ред. Б. И. Кнопов. Ташкент: Изд-во журнала «San'at», 2008. 486 с.

Исаева 2016 — *Исаева А. К.* Интерполяции эпоса «Манас» (от «Маджму ат-Таварих» до «Айкёл Манаса») // Известия вузов Кыргызстана. Бишкек: Наука и новые технологии, 2016. № 1. С. 163–167.

Материалы 1973 — Материалы по истории киргизов и Киргизии / отв. ред. В. А. Ромодин. Вып. 1. М.: ГРВЛ, 1973. 280 с.

МИКХ 1969 — Материалы по истории казахских ханств XV–XVIII веков (извлечения из персидских и тюркских сочинений) / сост.: С. К. Ибрагимов, Н. Н. Мингулов, К. А. Пищулина, В. П. Юдин. Алма-Ата: Наука, КазССР, 1969. 487 с.

Петров 1961 — *Петров К. И.* К истории движения киргизов на Тянь-Шань и их взаимоотношений с ойратами в XIII–XV вв. / отв. ред. Б. К. Пашков. Фрунзе: АН Киргизской ССР, 1961. 212 с.

Плоских 2009 — *Плоских С. В.* Памятники письменности Кыргызстана в рукописном фонде Национальной Академии Наук // Письменные памятники Востока. СПб.: Институт восточных рукописей РАН. 2009. № 2. С. 192–203.

Ромодин 1963 — Извлечения из «Маджму

ат-Таварих» / пер. с перс., введ. и коммент. В. А. Ромодина. Л., 1963. 110 с.

Сабитов 2017 — *Сабитов Ж. М.* «Маджму ат-Таварих» как источник по истории Улуса Джучи // Золотоордынское обозрение. 2017. Т. 5. № 3. С. 577–590. DOI: 10.22378/2313-6197.2017-5-3.577-590

Сабитов 2019 — *Сабитов Ж. М.* Второстепенные персонажи эпоса «Едиге» // Золотая Орда: история, государственность, культурное наследие. Нур-Султан: Ғылым баспасы, 2019. С. 97–112.

Сабитов, Камбарбекова 2018 — *Сабитов Ж. М., Камбарбекова Г. А.* Сведения о Токтамыш-хане из «Маджму ат-таварих» // Тюркологические исследования. Серия: История и археология. 2018. С. 67–82.

Султанов 1982 — *Султанов Т. И.* Кочевые племена Приаралья в XV–XVII вв. (вопросы этнической и социальной истории). М.: Наука; ГРВЛ, 1982. 134 с.

Султанов 2017 — *Султанов Т. И.* К историографии этнополитической истории Улусов Джучи и Чагатая // Золотоордынское обозрение. 2017. Т. 5. № 1. С. 74–92.

Султанов 2021 — *Султанов Т. И.* Чингиз-хан и Чингизиды. Судьба и власть. М.: АСТ, 2021. 448 с.

Тагирджанов 1960 — «Собрание истории» Маджму Ат-Таварих. Фотографическая репродукция, отрывок текста, введение, указатели / подготовил к изданию А. Т. Тагирджанов. Л.: Ленингр. ун-т, 1960. 200 с.

Хафиз-и Таныш 1983 — *Хафиз-и Таныш Бухари.* Шараф-нама-йи-шахи (Книга шахской славы). Ч. 1. М.: Наука, ГРВЛ, 1983. 536 с.

Эдиге 2016 — Эдиге: ногайская эпическая поэма / под. ред. Н. Х. Суюновой. М.: Наука. 2016. 512 с.

Юдин 2001 — *Юдин В. П.* О родоплеменном составе могулов Моголистана и Могулии и их этнических связях с казахским и другими соседними народами. Центральная Азия глазами востоковеда. Алматы: Дайк-Пресс, 2001. 384 с.

References

Abuseitova M. Kh. (comp., ed.) Collections from Thirteenth-to-Nineteenth Century Writings [of Persia] (History of Kazakhstan from Persian Sources 5). Almaty: Daik-Press. 2007. 476 p. (In Russ.)

Akerov T. A. About ethno-political associations of Kyrgyz and Keraites during the Mongolian period (Based on the version of the epic "Manas", given in the book "Majmu at-Tawarikh" by Akhsikendi S. (XVI c.). *Sayan-Altai Scientific Review*. 2016. No. 4(16). Pp. 4–14. (In Russ.)

Akerov T. A. Keraites in the version of the epic "Manas", given in the book "Madjmu at-Tawarikh" by Akhsikendi S. (XVI c.). *Mir Evrazii*. 2016. No. 1(32). Pp. 13–22. (In Russ.)

Akerov T. A. Majmu al-Tawarikh as a Historical Source: A Complete Translation, Analysis, and Comments. Bishkek: Balasagyn Kyrgyz National University, 2017. 348 p. (In Russ.)

Akerov T. A. The Golden Horde in the legendary work "Majmu al-Tawarikh" by S. Akhsikendi. *Golden Horde Civilization*. 2016. No. 9. Pp. 158–162. (In Russ.)

Akerov T. A., Sabitov Zh. M. Military-political activity of Pulat-Khan of the Golden Horde in the east of the Ulus of Jochi according to the Majmu at-Tavarikh. In: Maslyuzhenko D. N., Tataurov S. F. (eds.) Medieval Turko-Tatar States of West Siberia: History, Economy, and Culture. Conference proceedings (Kurgan, 21–22 April 2017). Kurgan: Kurgan State University, 2017. Pp. 21–25. (In Russ.)

Akhsikendi S. Majmu al-Tawarikh. M. Dosbolov, O. Sooronov (eds.). Bishkek: Akyl,1996. 126 p. (In Kyrg. and Russ.)

Akhsikendi S. Majmu al-Tawarikh: Collected Excerpts. V. Romodin (foreword, transl., etc.). Leningrad, 1963. 110 p. On: Bizdin.kg. Manuscript Collection. Available at: https://new.bizdin.kg/media/books/Madzhmu_t-tavarikh._Perevod_Romodina.pdf (accessed: 25 May 2023). (In Russ.)

Akhsikendi S. Majmu al-Tawarikh: Excerpts. Facsimile. A. Tagirdzhanov (ed., foreword, etc.). Leningrad: Leningrad State University, 1960. 200 p. (In Russ.)

Albekov T., Akimova T. (comps.) Historical Legends (The Words of Ancestors 85). T. Akimova (ed.). Astana: Foliant, 2012. 416 p. (In Kaz.)

Barthold V. V. Turks: Twelve Lectures in the History of Central Asian Turks. Almaty: Zhalyn, 1993. 192 p. (In Russ.)

Baypakov K. M., Kozybayev M. K., Kumekov B. E., Pishchulina K. A. (eds.) History of Kazakhstan: From Earliest Times to Present Days. In 5 vols. Vol. 2: Kazakhstan in the Late Middle Ages. Almaty: Atamura, 2010. 624 p. (In Russ.)

Bukhari H. T. Sharaf-nāma-i-shāhī ('Book of the Shah's Glory'). Pt. 1. Moscow: Nauka — GRVL, 1983. 536 p. (In Russ.)

Edige: An Epic Poem of Nogais. N. Suyunova (ed.). Moscow: Nauka. 2016. 512 p. (In Russ.)

Ibragimov S. K., Mingulov N. N., Pishchulina K. A., Yudin V. P. (comps.) Materials in the History of Kazakh Khanates, Fifteenth to Eighteenth Centuries: Collections from Persian and Turkic Writings. Alma-Ata: Nauka (Kazakh SSR), 1969. 487 p. (In Russ.)

Isaeva A. K. Interpolations of "Manas" epic (From "Madjmu at-Tavarikh" to "Aikol Manas"). *Izvestiya VUZov Kyrgyzstana*. 2016. No. 1. Pp. 163–167. (In Russ.)

Jamal al-Qarshi. Al-Mulhakat bi-s-Surah. A. Muminov (ed.) (History of Kazakhstan from Persian Sources 1). Almaty: Daik-Press, 2005. 416 p. (In Arab., Pers. and Russ.)

Petrov K. I. Kyrgyzes on Their Way to the Tian Shan, and Their Relations with Oirats: Thirteenth to Fifteenth Centuries. B. Pashkov. Frunze: Kirghiz SSR Academy of Sciences, 1961. 212 p. (In Russ.)

Ploskikh S. V. Written monuments of Kyrgyzstan in the Manuscripts Fund of the National Academy of Sciences. *Pis'mennye Pamiatniki Vostoka*. 2009. No. 2(11). Pp. 192–203. (In Russ.)

Romodin V. A. (ed.) The Kyrgyz and Kyrgyzstan: Historical Materials. Vol. 1. Moscow: Nauka — GRVL, 1973. 280 p. (In Russ.)

Sabitov Zh. M. Minor characters of the Edige epic poem. In: Kydyrali D. K. (ed.) The Golden Horde: History, Nationhood, Cultural Heritage. Nur-Sultan: Gylym, 2019. Pp. 97–112. (In Russ.)

Sabitov Zh. M. The "Majmu al-Tawarikh" as a source on the history of the Jochid Ulus. *Golden Horde Review*. 2017. Vol. 5. No. 3. Pp. 577–590. (In Russ.) DOI: 10.22378/2313-6197.2017-5-3.577-590

Sabitov Zh. M., Kambarbekova G. A. Information about Toktamysh Khan from Majmu al-Tavarih. *Turkological Studies*. 2018. Vol. 1. No. 3. Pp. 67–82. (In Russ.)

Sultanov T. I. Genghis Khan and Genghisids: Destined to Rule and Struggle for Power. Moscow: AST, 2021. 448 p. (In Russ.)

Sultanov T. I. Historiography of the ethic and political history of the Jochid and Chaghataid Uluses. *Golden Horde Review*. 2017. Vol. 5. No. 1. Pp. 74–92. (In Russ.)

Sultanov T. I. Nomads around the Aral Sea in the Fifteenth to Seventeenth Centuries: Issues of Ethnic and Social History. Moscow: Nauka — GRVL, 1982. 134 p. (In Russ.)

Yazdi Sh. al-D. A. Zafarnama ('Book of Victories [of Amir Timur]'). A. Akhmedov (foreword, transl., etc.); B. Knopov (ed.). Tashkent: San'at, 2008. 486 p. (In Russ.)

Yudin V. P. Moghuls of Moghulistan and Moghulia: Tribal-clan clusters and ethnic ties with Kazakhs and other neighboring peoples. In: Yudin V. P. Central Asia in the XIVth-XVIIIth Centuries as an Orientalist Saw It. Almaty: Daik-Press, 2001. 384 p. (In Russ.)

Published in the Russian Federation
Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
Has been issued as a journal since 2008
ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
Vol. 16, Is. 5, Pp. 1055–1064, 2023
Journal homepage: https://kigiran.elpub.ru

УДК / UDC 930.2(574) «13-15»
DOI: 10.22162/2619-0990-2023-69-5-1055-1064

О некоторых обрядах и обычаях могулов (по материалам «Тарих-и Рашиди» Мирзы Мухаммеда Хайдара Дуглата (Дулата))

Нурлан Адилбекулы Атыгаев[1, 2], *Абилсейіт Капизулы Муктар*[3]

[1] Центральный государственный музей Республики Казахстан (Самал-1/44, 050051 Алматы, Республика Казахстан)
кандидат исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник
[2] Международный казахско-турецкий университет (д. 48, ул. Маметовой, 050004 Алматы, Республика Казахстан)
кандидат исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник
0000-0002-2696-1008. E-mail: nuratygaev[at]mail.ru

[3] Государственный историко-культурный музей-заповедник «Сарайшык» (д. 11, ул. К. Мырзагали, 060707 Сарайшык, Республика Казахстан)
доктор исторических наук, профессор, директор
0000-0002-7177-0710. E-mail: muktar64[at]mail.ru

© КалмНЦ РАН, 2023
© Атыгаев Н. А., Муктар А. К., 2023

Аннотация. *Введение.* Статья посвящена обрядам и обычаям средневекового этнополитического объединения могулов. *Цель* исследования — рассмотреть сведения из сочинения «Тарих-и Рашиди» Мирзы Мухаммеда Хайдара Дуглата об обычаях и обрядах средневековых могулов. *Материалы и методы.* Материалами для исследования стали сведения средневековых восточных мусульманских исторических источников, в первую очередь известное персоязычное сочинение «Тарих-и Рашиди», а также соответствующая тематике научно-исследовательская литература. В основу исследования взяты данные «Тарих-и Рашиди» Мирзы Мухаммеда Хайдара из могульского племени дуглат. В исследовании применяются описательный, историко-сравнительный и другие общепринятые научные методы. *Результаты.* В ходе исследования «Тарих-и Рашиди» Мирзы Мухаммеда Хайдара выявлены сведения о некоторых обрядах и обычаях могульских племен. Эти сведения представляют значительный интерес, так как позволяют изучить внутреннюю жизнь средневековых могулов, на которую исследователи обращали раньше мало внимания. Некоторые из могульских обычаев и обрядов, упомянутых в «Тарих-и Рашиди», существовали и у других этнополитических объединений средневековья. Отдельные из этих обычаев сохранились и до наших дней. Например, Праздник первого кумыса отмечали в прошлом многие тюрко-монгольские народы, в том числе и казахи. Могульский обычай *йангалик* также сопоставим с казахским обычаем *әмеңгерлік* (амангерство). Другие обычаи и обряды могулов, о которых имеются сведения в исследуемом историческом труде, требуют дополнительного из-

учения на основе привлечения новых материалов исторических источников и этнографических данных по современным тюркским и монгольским народам.
Ключевые слова: медиевистика, могулы, Могулистан, Тарих-и Рашиди, обычаи, обряды
Благодарность. Статья была выполнена в рамках научного проекта грантового финансирования Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан (№ AP19675139).
Для цитирования: Атыгаев Н. А., Муктар А. К. О некоторых обрядах и обычаях могулов (по материалам «Тарих-и Рашиди» Мирзы Мухаммеда Хайдара Дуглата (Дулата)) // Oriental Studies. 2023. Т. 16. № 5. С. 1055–1064. DOI: 10.22162/2619-0990-2023-69-5-1055-1064

On some Rites and Customs of the Moguls: Analyzing Tarikh-i Rashidi by Mirza Muhammad Haidar Dughlat

Nurlan A. Atygayev[1, 2], *Abilseit K. Muktar*[3]

[1] Central State Museum of the Republic of Kazakhstan (Samal-1/44, Almaty 050051, Republic of Kazakhstan)
Cand. Sc. (History), Professor, Leading Research Associate
[2] Akhmet Yassawi University (48, Mametova St., 050004 Almaty, Republic of Kazakhstan)
Cand. Sc. (History), Professor, Leading Research Associate
0000-0002-2696-1008. E-mail: nuratygaev[at]mail.ru

[3] Saraishyq State Reserve Museum of History and Culture (11, Myrzagali St., 060707 Sarayshyq, Republic of Kazakhstan
Dr. Sc. (History), Professor, Director
0000-0002-7177-0710. E-mail: muktar64[at]mail.ru

© KalmSC RAS, 2023
© Atygayev N. A., Muktar A. K., 2023

Abstract. *Introduction*. The article examines some rites and customs once practiced in the medieval ethnopolitical alliance of Moghuls. *Goals*. The study attempts an insight into Tarikh-i Rashidi by Mirza Muhammad Haidar Dughlat for data pertaining to customs and rituals of the medieval Moghuls. *Materials and methods*. The study focuses on medieval Eastern Muslim historical sources — primarily the well-known Persian-language Tarikh-i Rashidi — as well as related scholarly publications. So, those are messages from Tarikh-i Rashidi by Mirza Muhammad Haidar of the Moghul Dughlat that serve as key reference data. The work employs the descriptive, historical comparative and other generally accepted research methods. *Results*. Our insights into Tarikh-i Rashidi by Mirza Muhammad Haidar have yielded some discoveries of rites and customs once spread among the Moghul tribes. These are of significant interest, since they cast some light on interior life of the medieval Moghuls that has remained virtually unattended by researchers of the past. Some of the Moghul customs and rituals mentioned in Tarikh-i Rashidi had also been witnessed among other ethnopolitical alliances of the Middle Ages. And some of the customs have even survived to date. For example, the First Kumis Festival used to be celebrated by many Turko-Mongols, including Kazakhs. Furthermore, the Moghul custom of *yangilik* is comparable enough to the Kazakh custom of *amengerlik*. Other customs and rituals of Moghuls described in the historical work under consideration need additional investigations with the involvement of new materials from historical sources and ethnographic data on modern Turkic and Mongolic peoples.
Keywords: medieval studies, Moghuls, Moghulistan, Tarikh-i Rashidi, customs, rites
Acknowledgments. The reported study was funded by the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan, grant no. AP19675139.
For citation: Atygayev N. A., Muktar A. K. On Some Rites and Customs of Moghuls: Analyzing Tarikh-i Rashidi by Mirza Muhammad Haidar Dughlat. *Oriental Studies*. 2023; 16(5): 1055–1064. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2023-69-5-1055-1064

1. Введение

Могулы являются одним из этнополитических объединений Центральной Азии, игравших важную роль в истории региона в период позднего средневековья. История средневековых могулов и созданных ими двух политических образований — Могулистана и Могульского государства все еще остается одной из недостаточно изученных тем исторической науки. Совершенно справедливо казахстанский востоковед В. П. Юдин в одной из опубликованных уже после его смерти работ писал: «Несмотря на то, что история могулов протекала уже при „ярком свете истории“, результаты, достигнутые в их изучении, долгое время оставались более чем скромными» [Юдин 2001: 96].

Фактически до середины 60-х гг. XX в. единственной серьезной научной работой по истории могулов и их государственности было исследование выдающегося русского и советского востоковеда, академика В. В. Бартольда «Очерк истории Семиречья» [Бартольд 1963: 23–106]. Ученым также были рассмотрены отдельные аспекты истории могулов в связи с историей киргизов и других народов Центральной Азии [Бартольд 1963: 511–519; Бартольд 1964; Бартольд 1968].

Интерес исследователей, в основном советских, к истории могулов, Могулистана и Могульского государства возник только в 70–80-е гг. XX в. В результате в эти и последующие годы были опубликованы несколько научных, в том числе и монографических, работ, посвященных могульской тематике. Это исследования О. Ф. Акимушкина [Акимушкин 1970; Акимушкин 1975; Акимушкин 1984; Акимушкин 2004], К. А. Пищулиной [Пищулина 1977; Пищулина 2016], Т. И. Султанова [Султанов 1986; Султанов 1989; Султанов 2020], О. К. Караева [Караев 1995]. Многое в изучении могулов, особенно его родоплеменного состава, было сделано самим В. П. Юдиным [Юдин 2001]. Но и сегодня нельзя сказать, что история могулов полностью известна. Исследователи в основном обращали свое внимание на этнические и внешнеполитические аспекты истории могулов. Аспекты культурной и социальной жизни могульских племен оставались в целом за рамками интересов ученых. В результате и сегодня среди исследователей нет единого мнения даже относительно трактовки самого термина «могул». Так, например, В. П. Юдин и О. Ф. Акимушкин писали о могулах как об особом этносе [Юдин 2001: 96; Акимушкин 1975: 9]. К. А. Пищулина рассматривала могулов как этнополитическую общность (ЭПО) [Пищулина 1977: 14, 265, 288; Пищулина 2016: 232, 271]. По мнению же Т. И. Султанова, название «могул» в начале XVI в. относилось только к военному сословию [Султанов 1989: 209]. В этом вопросе нам представляется мнение К. А. Пищулиной более предпочтительным. Согласно данным интересного средневекового персоязычного труда «Мунтахаб ат-таварих-и Муини» Му’ин ад-Дина Натанзи, в 799 г. х. / 1396–1397 гг. при правлении Шами-Джахан-хана в могульском улусе насчитывалось «около 90 туманов (туменов. — *Н. А., А. М.*)» войска, т. е. около 900 тысяч человек [Материалы 1973: 121], однако спустя полтора столетия численность могулов составляла всего лишь несколько десятков тысяч человек. «Моголы (могулы. — *Н. А., А. М.*) же остались в пределах Турфана и Кашгара около тридцати тысяч человек», — писал в 1540-е гг. известный могульский историк Мирза Мухаммед Хайдар [Дулати 1999: 178].

Распад этнополитической общности могулов и их исчезновение в течение полутора-двух столетий, на наш взгляд, свидетельствуют о том, что могулы все же не достигли уровня сложившегося единого народа с коллективной исторической памятью, культурой, традициями, т. е. всех тех характерных черт, которые обеспечивают сохранение этноса в самые сложные периоды его истории.

В целом, на наш взгляд, можно констатировать, что на сегодняшний день полная история средневековых могулов не написана, и их роль в истории Центральной Азии и ее народов до конца еще не выяснена. Для

написания обобщающей истории могулов, прежде всего, нужно еще изучить различные аспекты их жизни и быта. И думается, что они будут исследованы в ближайшие годы. Как уже было отмечено В. П. Юдиным, имеются прекрасные письменные исторические источники, посвященные истории могулов и их государственности. И первое место среди этих трудов занимает персоязычное сочинение «Тарих-и Рашиди», принадлежащее перу могула из рода дуглат, знаменитому историку и правителю Кашмира Мирзе Мухаммеду Хайдару. Данный труд, состоящий из двух частей (книг), был написан в Кашмире в 1541–1546 гг. и по праву считается «образцом мемуарной литературы XVI в. на фарси» [Дулати 1999: 25]. В «Тарих-и Рашиди» содержатся интересные, порой уникальные сведения по средневековой истории как могулов, так и других народов Центральной Азии. Сочинение Мирзы Мухаммеда Хайдара вошло в научный оборот еще в середине XIX в. и на сегодняшний день переведено на многие языки мира, в том числе и на языки народов Центральной Азии.

Несмотря на богатую историографическую традицию, из «Тарих-и Рашиди» можно извлечь еще много интересной и достоверной информации по истории жителей Центральной Азии в XIV–XVI вв. и в первую очередь по истории и культуре могулов. Так, например, Мирза Мухаммед Хайдар сообщает очень важные сведения об обрядах и обычаях могулов. Эти обряды и обычаи касаются различных сторон жизни могулов — общественно-политической жизни, семейных отношений, быта и др.

Некоторые обычаи могулов на основе записок («Бабур-наме») Тимурида Захир ад-Дин Бабура были рассмотрены еще в 1986 г. в статье Т. И. Султанова [Султанов 1986: 253–267]. Целью же данной работы является выявление и изучение сведений о могульских обрядах и обычаях, которые содержатся в труде «Тарих-и Рашиди» Мирзы Мухаммеда Хайдара. Поэтому нашу статью можно считать логическим продолжением исследований Т. И. Султанова. При этом в качестве своей основной задачи мы наметили сопоставление этих сведений Мирзы Мухаммеда Хайдара с данными других исторических письменных источников и этнографическим материалом по тюркским и монгольским народам.

2. Обряды и обычаи могулов

2.1. Общественно-политические обычаи и обряды. Прежде всего, мы хотим остановиться на сведениях в «Тарих-и Рашиди» Мирзы Мухаммеда Хайдара об обрядах и обычаях могулов, связанных с их общественной и политической жизнью. Часто автор называет их древними обычаями (расм-е кадим — رسم قديم) или могульскими обычаями (расм-е могул — رسم مغول). Следует отметить, что Мирза Мухаммед Хайдар является типичным представителем могульский элиты, и, возможно, поэтому многие принципы и методы управления государством, встречающиеся у тюрко-монгольских народов средневековья, он называет могульским обычаем. Так для него даже широко распространенный принцип престолонаследия, по которому преемником умершего становился старший в роду, является обычаем могульских племен.

В «Тарих-и Рашиди» говорится: «Дела ханства, согласно древнему обычаю, вручили старшему султану, которым был Кучум султан … следуя древнему обычаю (расм-е кадим), ханство передавалось тому, кто был старше. Так продолжалось до тех пор, пока после Абу Саид хана не осталось никого, кто бы был старше Убайдаллах хана» [Дулати 1999: 331; Дуглат 2004: 413]. Хотя в данном случае речь шла об узбекских правителях — Шибанидах, очевидно, что для Мирзы Мухаммеда Хайдара этот «древний обычай» был общим и для узбеков, и для могулов. Это подтверждается сведениями другого могульского историка Шах-Махмуда Чураса, который пишет: «Исконный обычай могольских султанов состоит в том, чтобы каждого, кто старше годами, считали ханом и хаканом, и ему повиновались» [Чурас 2010: 145].

Как следует из сведений «Тарих-и Рашиди», все важные должности у могулов, согласно их обычаю, были наследственными. Так с периода образования Могулистана до его распада должность «улусбека», вторую по значимости после хана, занимали по наследству только эмиры племени дуглат (дулат). «Хан поощрил моего дядю и по-старинному могольскому обычаю передал ему

должность улусбеги, которая была его наследственной привилегией», — пишет Мирза Мухаммед Хайдар [Дулати 1999: 158]. Интересно, что здесь он использовал слово قاعدہ — правило, а не رسم — расм [Дуглат 2004: 168].

Рассказывая о своих предках, дуглатских эмирах, Мирза Мухаммед Хайдар сообщает: «После того, как великий эмир Сайид Али … предпочел теснину могилы простору этого мира, то по древнему обычаю моголов Сансиз-мирза, который был его старшим сыном, сел на место отца» [Дулати 1999: 304–305; Дуглат 2004: 382].

У могулов в XV в. существовал древний, известный еще у тюркских каганов, обряд возведения хана на белый войлок. Об этом сообщает другой известный средневековый историк и правитель Тимурид Захир ад-Дин Бабур, который являлся родственником Мирзы Мухаммеда Хайдара и сыграл важную роль в его жизни. В своих записках «Бабур-наме» он писал: «По обычаю моголов [Юнус] хана с Исан Даулат биким посадили на белый войлок и [подняв, тем самым] возвели в ханское достоинство» [Бабур 1992: 26].

Обряд возведения хана на белый войлок существовал в Монгольской империи и в государствах, возникших на ее обломках. В частности в средневековых письменных трудах содержатся сведения о том, что поднимали на белом войлоке ханов Угедея, Гуюка и др. Имеются свидетельства И. Г. Андреева, А. И. Левшина, Я. П. Гавердовского о том, что данный обряд сохранился у казахов практически до отмены ханской власти в XIX в. [Султанов 2001: 68–71]

Как указывают исследователи, у монголов и в Монгольской империи существовал обычай, согласно которому хан за военную службу давал своим приближенным различные подарки, пожалования. Этот обычай называли тюрко-монгольском словом *суйургал*. Большинство советских исследователей (Б. Я. Владимирцов, И. П. Петрушевский, А. Ю. Якубовский) видели в *суйургале* форму землевладения, однако совершенно справедливо А. М. Беленицкий отмечал: «Хотя в подавляющем большинстве случаев объектами пожалования являются тех или иных размеров территориальные единицы, тем не менее термином „суюргал“ могло обозначаться и пожалование просто ценных предметов, что свидетельствует об определенной неустойчивости в применении этого термина» [Беленицкий 1941: 49].

Практика суйургальных пожалований, как свидетельствует Мирза Мухаммед Хайдар, сохранялась у могулов и в начале XVI в. По его словам, *суйургал* был древним обычаем могулов. Так, рассказывая о событиях, произошедших после завоевания Кашгара Султаном Саид-ханом, Мирза Мухаммед Хайдар пишет: «Через месяц каждый, кто куда ушел, вернулся с добычей и в здравии и преподнес высокочтимому хану в виде подношения достойное его количество добычи. Хан для умиротворения и завоевания сердец раздавал воинам ее в виде суйургала, что является древним обычаем моголов. Как мне помнится, некоторые эмиры, которые прибыли из Карагутанга, кроме снаряжения и сосудов, поднесли [хану] один андижанский ман золотого песка... Хан все это раздал эмирам...» [Дулати 1999: 375; Дуглат 2004: 467]. Из данного сообщения Мирзы Мухаммеда Хайдара следует, что в начале XVI в. слово *суйургал* у кочевников-могулов употреблялся в своем первоначальном значении любого пожалования. В отличие от них в государстве Тимуридов и у других соседних оседлых государств мусульманского Востока *суйургал*, как указывают исследователи, «представлял обеленное в налоговом отношении земельное (и иное) пожалование на условиях несения военной службы» [История Востока 2002: 435]. В XV в. *суйургалы* стали у них наследственными земельными владениями, хотя несение военной службы не было уже обязательным условием [История Востока 2002: 439, 446; Беленицкий 1941: 57–58]. Однако имеются данные, что даже в XVII в. термин *суйургал* в Средней Азии использовался «в значении пожалования вообще, в том числе денежного вознаграждения» [История Узбекистана 1993: 93].

Был распространен среди могульской элиты, как сообщает Мирза Мухаммед Хайдар, обычай *казаклык* (казакования). Он пишет: «Среди племен мира у племени моголов есть такой обычай: их смелые юноши долгое время живут в одиночестве в пустыне, в горах или лесах, которые удалены от людей на один-два месяца пути. Одеждой

и пищей им служат шкура и мясо газели, и это они считают смелостью и мужеством, и это, в самом деле, очень трудное и опасное дело» [Дулати 1999: 218; Дуглат 2004: 283].

Рассматривая происхождение термина «қазақ», В. П. Юдин писал: «Глагол қазған-// қазған- является, по-видимому, производным от глагола қаз- ‘копать’ с первичным значением „докапываться“, „добиваться“, „достигать“... Мы полагаем, что слово қазғақ и является первичной формой слова қазақ, т. е. қазақ является в конечном счете производным от корня, общего со словом қазған-// қазан» [Юдин 2001: 161]. Соглашаясь с ним, мы также считаем, что исходной формой термина *қазақ* было *қазғақ*. Этим словом называли молодых людей, перешедших к казакованию и живших не в юртах, в отличие от кыпчаков-кочевников, а в домах, которые они сами вырыли, выкопали в лесных и горных массивах. Возможно, что эти юноши могли носить гордое имя *қазақ* только после прохождения своеобразного обряда посвящения — инициации... *Казаклык* (казакование) в этот период был распространенным среди могулов в качестве метода политической борьбы, а также обычая «смелости и мужества» [Атыгаев 2021: 7–18].

В «Тарих-и Рашиди» приведены имена нескольких представителей могульской элиты, которым пришлось в жизни заниматься *казаклык* (казакованием). Например, казаковали некоторые время будущие правители могулов Увайс-хан и Саид-хан. Известно, что сам могущественный дуглатский эмир Худайдад, сделавший своими руками ханами, по словам Мирзы Мухаммеда Хайдара, шестерых чагатаидов, отправил своего внука Саид Али казаковать вместе с Увайс-ханом [Дулати 1999: 94; Дуглат 2004: 91].

Одним из наиболее интересных обычаев общественной жизни могулов, согласно сведениям «Тарих-и Рашиди», было празднование Дня первого кумыса. Рассказывая о событиях времени правления Хизр-ходжа-хана (правил Могулистаном во второй половине XIV в.), Мирза Мухаммед Хайдар пишет: «Не раз я слышал от отца, <да сделает Аллах лучезарным его блеск>, что ранней весной в Кул Тобе, известной местности Моголистана, появился первый кумыс, и по древнему обычаю моголов в тот день устроили пир» [Дулати 1999: 86; Дуглат 2004: 81]. Вероятно, по существовавшей традиции сам хан должен был первым распробовать кумыс, который преподносил ему улусбек (эмир ал-умара), второй человек в государстве. Мирза Мухаммед Хайдар пишет, что Хизр-ходже-хану чашку кумыса подал улусбек Худайдад дуглат [Дулати 1999: 86; Дуглат 2004: 81]. Хотя, как отмечал Т. И. Султанов, в эти годы сохранялись и ритуалы с участием шамана [Султанов 1986: 255], в «Тарих-и Рашиди» не говорится об участии в данном празднике шамана. Вероятно, к этому времени мусульманские обычаи вытеснили многие древние ритуалы могулов.

В письменных источниках содержится немало сведений о существовании этого древнего праздника и связанных с ним обрядов у тюрко-монгольских племен Великой Монгольской империи. Так, например, о том, что монголы устраивают 9 мая большой праздник и выливают новый кумыс на землю писал фламандский монах-францисканец, путешественник Гильом де Рубрук [Путешествия 1957: 178]. О данном празднике и обряде писал и другой европейский путешественник Марко Поло в своем труде «Книга о разнообразии мира». Он называет этот обряд «Обрядом возлияния кумысом», но указывает, что данный праздник отмечался в «двадцать восьмой день восьмого лунного месяца», т. е. 28 августа [Марко Поло 1956: 96].

Согласно записям жившего больше года в ставке Хубилай-хана китайского чиновника XIII в. Чжан-дэ-хой, праздник и происходивший при этом обычай «возлияние молоком белой кобылицы; то было обычное жертвоприношение по времени» совершалось «ежегодно два раза: в 9-е дни 9-й и 4-й лун». Первый праздник приходился на 9 мая, а второй отмечался в октябре [Юрченко 2012: 41].

Праздник первого кумыса отмечали многие тюркские народы. У казахов он известен под разными названиями: *қымызмұрындық*, *бие мұрындық*, *бие бау*, *қымыз тойы*. В этот день, обычно в конце апреля, при появлении первого кумыса, казахи резали барана и приглашали уважаемых аксакалов, родственников, соседей испробовать первый кумыс. Во время торжества говорили традиционные пожелания, направляя свои пожелания

покровителю коневодства Камбар-ате. По фольклорным данным, первым кумыс пробовали женщины, и данный праздник ученые связывают с культом плодородия [Қазақтың әдет-ғұрыптары 2021: 26, 52, 210–211]. Согласно казахскому ритуалу, первым кумысом намазывали лошадь [Қазақтың этнографиялық 2017: 180].

У Фазлаллаха ибн Рузбихана Исфахани в труде «Михман-наме-йи Бухара» имеется следующее сообщение об этом обычае у казахов XVI в.: «... казахи, когда пришла весна и появился кумыс, прежде чем налить кумыс в сосуд и выпить, до того как взять его в рот, обращают свое лицо к солнцу и выплескивают из [сосуда] глоток напитка в сторону востока, и сразу все совершают земной поклон солнцу. Наверное, это есть проявление благодарности солнцу за то, что оно выращивает травы, которыми питается лошадь и появляется кумыс» [Ибн Рузбихан 1976: 108].

Данный праздник сохранился и у других тюркских народов. У якутов, например, этот весенний праздник известен «Ысыах» (кумысный праздник в честь божеств айыы). Праздничная церемония начиналась с жертвоприношения Белому Господину Создателю и другим «создателям». Жертвоприношение заключалось в возлиянии кумысом каждому божеству, возлиянии, которое производится в сторону рассвета [Кумысный праздник 2015: 47–50].

Подобный праздник и обычай возлияния молоком-кумысом существовал также у современных монголоязычных народов. Представляет в этом плане интерес калмыцкий праздник «Урюс сар», который отмечался в мае, «в день полнолуния первого месяца лета». О том, что это был кумысный праздник и имел очень схожие обряды с обрядами других кочевых народов, свидетельствуют записи И. Унковского, П. И. Небольсина, А. М. Позднеева [Бакаева 1994: 81–82].

Г. Р. Галданова считает, что у бурят «модификацией древних ритуальных праздников возлияния кумыса впоследствии явились тайлганы» [Галданова 1987: 14].

Интересный обряд был связан с традицией дружбы-побратимства у могулов. Мирза Мухаммед Хайдар указывает, что, согласно установленному обычаю и хорошему правилу, новые друзья должны были съесть по одному ядрышку из миндаля. Затем они целовали землю и дарили друг другу коней [Дулати 1999: 170–171; Дуглат 2004: 182].

У казахов издревле была широко распространена подобная традиция дружбы-побратимства, которая называется *тамыр болу*. Побратимство закреплялось торжественным обрядом. Друзья целовали саблю или кинжал и давали клятву в вечной верности [История Казахстана 1997: 579].

Мирза Мухаммед Хайдар сообщает об интересном могульском обычае целования слугами стремени коня правителя. Он пишет: «Хан (Султан Саид-хан. — *Н. А., А. М.*) узнал его — это был тот самый гулам, который бежал от этих людей ... Тот тоже узнал хана, поцеловал стремя его коня...» [Дулати 1999: 217; Дуглат 2004: 281]. Данный обычай («целовать стремя хана»), демонстрирующий признание власти хана-чингизида, существовал XV в. и в Улусе Джучи (Золотой Орде), у северо-западного соседа — Могулистана [Grousset 1970: 470].

2.2. Семейно-брачные обычаи и обряды. Большой интерес представляют также сообщаемые автором «Тарих-и Рашиди» сведения о могульских обычаях, связанных с их семейно-брачными отношениями. Например, он указывает на существование у могулов такого пережитка группового брака, как левират. Мирза Мухаммед Хайдар пишет, что после смерти дуглатского эмира Сансиз-мирзы его жена «по могольскому закону» и по обычаю «йангалик» сочеталась узами брака с его младшим братом — Мухаммед Хайдар мирзой [Дулати 1999: 304–305; Дуглат 2004: 382]. Он также сообщает, что его дядя Саййид Мухаммед мирза взял вдову Мирзы Абу Бакра — Ханзада-бегим в жены, согласно обычаю «йангалик»[1] [Дулати 1999: 379; Дуглат 2004: 471].

Этот обычай *йангалик* у казахов известен под названием *әмеңгерлік* (амангерство). Согласно данному обычаю, вдова должна была после годичных поминок выйти замуж за брата или другого близкого родственника покойного мужа. Вместе с ней ее дети и имущество переходили по наследству новому мужу [История Казахстана 1997: 578]. Благодаря обычаю *әмеңгерлік*

[1] В тегеранском издании 2004 г. ошибочно: *йангаги*.

(амангерство) женщина и ее дети не оставались без кормильца и защиты. О существовании у казахов данного обычая сообщает и Мирза Мухаммед Хайдар. По «Тарих-и Рашиди», казахский султан Адик был женат на Султан-Нигар-ханым, дочери могульского хана Йунуса. После смерти Адик-султана на ней, согласно обычаю, женился его брат Касым-хан, будущий знаменитый правитель Казахского ханства [Дулати 1999: 323; Дуглат 2004: 404].

Мирза Мухаммед Хайдар сообщает еще об одном интересном семейном обычае могулов — о праве старшей жены правителя распоряжаться судьбой остальных членов гарема. «У могулов есть древний обычай, по которому женщинами гарема распоряжается старшая жена: кого хочет оставляет, кого хочет выдает замуж», — говорится в «Тарих-и Рашиди» [Дулати 1999: 36; Дуглат 2004: 15]. Данный обычай требует дополнительного изучения. На данный момент нами не выявлены сведения о существовании такого обычая у тюрко-монгольских народов.

3. Заключение

В «Тарих-и Рашиди» Мирза Мухаммед Хайдара нами выявлены сведения о некоторых обрядах и обычаях могульских племен. Эти сведения представляют значительный интерес, так как позволяют изучить внутреннюю жизнь средневековых могулов, на которую исследователи обращали раньше мало внимания. Некоторые из могульских обычаев и обрядов, упомянутых в «Тарих-и Рашиди», существовали и у других этнополитических объединений средневековья. Отдельные из этих обычаев сохранились и до наших дней. Например, Праздник первого кумыса отмечали в прошлом многие тюрко-монгольские народы, в том числе и казахи. Также могульский обычаи *йангалик* сопоставим с казахским обычаем *әмеңгерлік* (амангерство). Другие обычаи и обряды могулов, о которых имеются сведения в исследуемом историческом труде, требуют дополнительного изучения на основе привлечения новых материалов исторических источников и этнографических данных по современным тюркским и монгольским народам.

Литература

Акимушкин 1970 — *Акимушкин О. Ф.* К вопросу о внешнеполитических связях Могольского государства с узбеками и казахами в 30-х гг. XVI – 60-х гг. XVII в. // Палестинский сборник. Вып. 21(84): Ближний Восток и Иран / отв. ред.: Н. В. Пигулевская, М. Н. Боголюбов. Л.: Наука, ЛО, 1970. С. 233–248.

Акимушкин 1975 — *Акимушкин О. Ф.* Моголистан, моголы и киргизы в первой половине XVI века (Заметка по политической истории региона) // Письменные памятники и памятники истории и культуры народов Востока. XI годич. науч. сессия ЛО ИВ АН СССР. Ч. 1. М.: ГРВЛ, 1975. С. 6–9.

Акимушкин 1984 — *Акимушкин О. Ф.* Хронология правителей восточной части Чагатайского улуса (линия Туглук-Тимур-хана) // Восточный Туркестан и Средняя Азия. История. Культура. Связи. М.: ГРВЛ, 1984. С. 156–164.

Акимушкин 2004 — *Акимушкин О. Ф.* Средневековый Иран: Культура, история, филология. СПб.: Наука, 2004. 404 с.

Атыгаев 2021 — *Атыгаев Н. А.* Трансформация семантики термина и этнонима қазақ (قازاق/ qazaq/ казах) в Восточном Дешт-и Кыпчаке // Ural-Altaic Studies Scientific Journal. 2021. № 3(42). С. 7–18. DOI: 10.37892/2500-2902-2021-42-3-7-18\

Бабур 1992 — *Захир ад-Дин Бабур.* Бабур-наме / пер. М. А. Салье. Ташкент: Гл. ред. энциклопедий, 1992. 312 с.

Бакаева 1994 — *Бакаева Э. П.* Буддизм в Калмыкии. Историко-этнографические очерки. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1994. 128 с.

Бартольд 1963 — *Бартольд В. В.* Сочинения. Т. II. Ч. 1. М.: Вост. лит., Наука, 1963. 1024 с.

Бартольд 1964 — *Бартольд В. В.* Сочинения. Т. II. Ч. 2. М.: Вост. лит., Наука, 1964. 658 с.

Бартольд 1968 — Бартольд В. В. Сочинения. Т. V. М.: Вост. лит., Наука, 1968. 757 с.

Беленицкий 1941 — *Беленицкий А.* К истории феодального землевладения в Средней Азии и Иране в тимуридскую эпоху (XIV–XV вв.) (Образование института «суюргал») // Историк-марксист. 1941. № 4. С. 43–58.

Галданова 1987 — *Галданова Г. Р.* Доламаистские верования бурят. Новосибирск: Наука, 1987. 116 с.

Дулати 1999 — *Мухаммед Хайдар Дулати.* Тарих-и Рашиди / пер. с перс. А. У. Урунбаева, Р. П. Джалиловой, Л. М. Епифановой. 2-е изд., доп. Алматы: Санат, 1999. 656 с.

Дуглат 2004 — *Мирза Мухаммад Хайдар Дуглат.* Тарих-и Рашиди талиф-и. Чап-е аввал. Техран: Мирас-и Мактуб, 2004. 860 с. (На перс. яз.)

Ибн Рузбихан 1976 — *Фазлаллах ибн Рузбихан Исфахани.* Михман-наме-йи Бухара (Записки Бухарского гостя) / пер., предисл. и прим. Р. П. Джалиловой; под ред. А. К. Арендса. М.: Наука, 1976. 106 с.

История Востока 2002 — История Востока: в 6 тт. / гл. редкол.: Р. Б. Рыбаков (пред.) и др. Т. 2: Восток в средние века [отв. ред. 2-го т.: Л. Б. Алаев, К. З. Ашрафян]. М.: Вост. лит., 2002. 716 с.: карты.

История Казахстана 1997 — История Казахстана (с древнейших времен до наших дней): в 5 тт. Т. 2. Алматы: Атамұра, 1997. 624 с., ил.

История Узбекистана 1993 — История Узбекистана. Т. III (XVI – первая половина XIX века) / отв. ред. Р. Г. Мукминова. Ташкент: Фан, 1993. 476 с.

Караев 1995 — *Караев О. К.* Чагатайский улус. Государство Хайду. Могулистан. Образование кыргызского народа. Бишкек: Кыргызстан, 1995. 160 с.

Кумысный праздник 2015 — Кумысный праздник и декоративное оформление кумысных сосудов / Владимир Иохельсон; [сост. В. Коротов; пер. с англ. на рус. В. Соловьева; пер. с рус. на якут. В. Коротов, Н. Павлов-Халан; авт. предисл. З. Иванова-Унарова]. Якутск: СМИК-Мастер Полиграфия, 2015. 84 с.

Қазақтың әдет-ғұрыптары 2001 — Қазақтың әдет-ғұрыптары мен салт-дәстүрлері: өткендегісі және бүгіні. Мақалалар жинағы (= Обычаи и обряды казахов: прошлое и настоящее). Алматы: «Ғылым» ғылыми баспа орталығы, 2001. 428 б.

Қазақтың этнографиялық 2017 — Қазақтың этнографиялық категориялар, ұғымдар мен атауларының дәстүрлі жүйесі (= Традиционная система этнографических категорий, понятий и названий у казахов). Энциклопедия. Т. 4: Қ–Ө. Алматы: Алем Даму Интеграция, 2017. 832 б. (иллюстрацияланған).

Марко Поло 1956 — Книга Марко Поло / пер. со старофр. текста И. П. Минаева; ред. и вступ. ст. И. П. Магидовича. М.: Гос. изд-во географич. лит-ры, 1956. 376 с.

Материалы 1973 — Материалы по истории киргизов и Киргизии. Вып. 1 / отв. ред. и авт. введ. В. А. Ромодин. М.: Наука, ГРВЛ, 1973. 280 с.

Пищулина 1977 — *Пищулина К. А.* Юго-Восточный Казахстан в середине XIV – начале XVI веков (вопросы политической и социально-экономической истории). Алма-Ата: «Наука» КазССР, 1977. 288 с.

Пищулина 2016 — *Пищулина К. А.* Очерки истории Казахского ханства: сб. ст. / вступ. ст., сост. К. З. Ускенбая. Алматы: Ин-т истории и этнологии им. Ч. Ч. Валиханова, 2016. 350 с.

Путешествия 1957 — Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука / ред., вступ. ст. и примеч. Н. П. Шастиной. М.: Гос. изд-во географ. лит., 1957. 270 с.

Султанов 1986 — *Султанов Т. И.* «Записки» Бабура как исторический источник по истории моголов Восточного Туркестана и Средней Азии // Turcologica-1986. К 80-летию акад. А. Н. Кононова. Л.: Наука, 1986. С. 253–267.

Султанов 1989 — *Султанов Т. И.* Известия «Шейбани-наме» Мухаммеда Салиха о моголах (XVI в.) // Страны и народы Востока. Вып. 26. М.: Наука, ГРВЛ, 1989. С. 191–211.

Султанов 2001 — *Султанов Т. И.* Поднятые на белой кошме. Потомки Чингиз-хана. Алматы: Дайк-Пресс, 2001. 276 с.

Султанов 2020 — *Султанов Т. И.* Казахи. Судьба народа и судьба страны в средние века. Алматы: Дайк-Пресс, 2020. 344 с.

Чурас 2010 — *Шах-Махмуд ибн Мирза Фазил Чурас.* Хроника / критич. текст, пер., коммент., исследование и указатели О. Ф. Акимушкина. 2-е изд. СПб.: Петербург. лингвист. общ-во, 2010. 496 с.

Юдин 2001 — *Юдин В. П.* Центральная Азия в XIV–XVIII веках глазами востоковеда. Алматы: Дайк-Пресс, 2001. 384 с.

Юрченко 2012 — *Юрченко А. Г.* Элита Монгольской империи: время праздников, время казней. СПб.: Евразия, 2012. 232 с.

Grousset 1970 — *Grousset R.* The Empire of the Steppes. A History of Central Asia. New Brunswick: Rutgers University Press, 1970. 687 p.

References

Akimushkin O. F. Medieval Iran: Culture, History, Linguistics. St. Petersburg: Nauka, 2004. 404 p. (In Russ.)

Akimushkin O. F. Moghulistan, Moghuls, and Kyrgyzes in the early-to-mid sixteenth century: A note on political history of the region. In: Written Monuments and Monuments of History in Oriental Cultures. Institute of Oriental Studies (Leningrad Branch), Soviet Academy of Sciences. Annual session proceedings. Pt. 1. Moscow: Nauka — GRVL, 1975. Pp. 6–9. (In Russ.)

Akimushkin O. F. Revisiting the issue of external political contacts between Moghulistan and Uzbek-Kazakhs in the 1530s–1660s. In: Pigulevskaya N. V., Bogolyubov M. N. (eds.) The Palestinian Collection. Is. 21(84): Near East and Iran. Leningrad: Nauka, 1970. Pp. 233–248. (In Russ.)

Akimushkin O. F. Rulers of the Eastern Chagatai Khanate (Descendants of Khan Tughlugh Timur): A chronology. In: Litvinsky B. A. (ed.) East Turkestan and Central Asia: History, Culture, Contacts. Moscow: Nauka — GRVL, 1984. Pp. 156–164. (In Russ.)

Alaev L. B., Ashrafyan K. Z. (eds.) Orient in the Middle Ages (History of the Orient 2). Moscow: Vostochnaya Literatura, 2002. 716 p. (In Russ.)

Alimbay N., Uali N. (eds.) The Kazakh: A Traditional System of Ethnographic Categories, Concepts, and Terms. Encyclopedia. Vol. 4: Қ-Ө. Almaty: Alem Damu Integratsiya, 2017. 832 p. (In Kaz.)

Atygayev N. A. Transformation of the semantics of the term and ethnonym *Kazakh* (قازاق / *Qazaq / Kazakh*) in the East Desht-i Kypchak. *Ural-Altaic Studies*. 2021. No. 3(42). Pp. 7–18. (In Russ.) DOI: 10.37892/2500-2902-2021-42-3-7-18

Babur Z. M. Bāburnāma. M. Salye (transl.). Tashkent: Glavnaya Redaktsiya Entsiklopediy, 1992. 312 p. (In Russ.)

Bakaeva E. P. Buddhism in Kalmykia: Essays in History and Ethnography. Elista: Kalmykia Book Publ., 1994. 128 p. (In Russ.)

Barthold V. V. Writings. Vol. 2. Pt. 1. Moscow: Oriental Literature Press, 1963. 1024 p. (In Russ.)

Barthold V. V. Writings. Vol. 2. Pt. 2. Moscow: Nauka — GRVL, 1964. 658 p. (In Russ.)

Barthold V. V. Writings. Vol. 5. Moscow: Nauka — GRVL, 1968. 757 p. (In Russ.)

Belenitsky A. Feudalism in Central Asia and Iran under the Timurids, fourteenth–fifteenth centuries: The shaping of *suyurgal*. *Istorik-marksist*. 1941. No. 4. Pp. 43–58. (In Russ.)

Churas Sh.-M. The Chronicle. O. Akimushkin (text prep., transl., etc.). Second ed. St. Petersburg: Peterburgskoe Lingvisticheskoe Obshchestvo, 2010. 496 p. (In Russ. and Pers.)

Dughlat M. H. Tarikh-i Rashidi. A. Urunbayev, R. Dzhalilova, L. Epifanova (transl.). Second ed., suppl. Almaty: Sanat, 1999. 656 p. (In Russ.)

Dughlat M. H. Tarikh-i Rashidi. Tehran: Miras-e Maktub, 1383 (2004). 860 p. (In Pers.)

Esfahani F. R. Mehman-nameh-ye Bukhara ('Notes of a Guest in Bukhara'). R. Dzhalilova (foreword., transl., etc.); A. Arends (ed.). Moscow: Nauka, 1976. 106 p. (In Russ.)

Galdanova G. R. Pre-Lamaist Beliefs of Buryats. Novosibirsk: Nauka, 1987. 116 p. (In Russ.)

Grousset R. The Empire of the Steppes: A History of Central Asia. New Brunswick: Rutgers University Press, 1970. 687 p. (In Eng.)

Jochelson W. Kumiss Festivals of the Yakut and the Decoration of Kumiss Vessels. V. Korotov (comp.), etc. Yakutsk: SMIK-Master Poligrafiya, 2015. 84 p. (In Russ. and Yak.)

Karaev O. K. Ulus of Chagatai. State of Kaidu. Moghulistan. And the Shaping of the Kyrgyz. Bishkek: Kyrgyzstan, 1995. 160 p. (In Russ.)

Kozybayev M. K. et al. (eds.) History of Kazakhstan: From Earliest Times to Present Days. In 5 vols. Vol. 2. Almaty: Atamura, 1997. 624 p. (In Russ.)

Kozybayev M. K. et al. (ed.) Kazakh Customs and Rites in the Past and in the Present. Almaty: Gylym, 2001. 428 p. (In Kaz.)

Mukminova R. G. (ed.) History of Uzbekistan. Vol. 3: Sixteenth to Mid-Nineteenth Centuries. Tashkent: Fan, 1993. 476 p. (In Russ.)

Pishchulina K. A. Essays in the History of the Kazakh Khanate. Collected articles. K. Uskenbay (foreword, comp.). Almaty: Valikhanov Institute of History and Ethnology, 2016. 350 p. (In Russ.)

Pishchulina K. A. Southeast Kazakhstan in the Mid-Fourteenth to Early Sixteenth Centuries: Issues of Political and Socioeconomic History. Alma-Ata: Nauka (Kazakh SSR), 1977. 288 p. (In Russ.)

Polo M. The Travels of Marco Polo. I. Minaev (transl.); I. Magidovich (ed., foreword). Moscow: Geografgiz, 1956. 376 p. (In Russ.)

Romodin V. A. (ed.) The Kyrgyz and Kyrgyzstan: Historical Materials. Vol. 1. Moscow: Nauka — GRVL, 1973. 280 p. (In Russ.)

Shastina N. P. (ed.) William of Rubruck and Giovanni da Pian del Carpine's Journeys to the Eastern Parts. Moscow: Geografgiz, 1957. 270 p. (In Russ.)

Sultanov T. I. Mongols of East Turkestan and Central Asia: 'Notes' by Babur as a historical source. In: Klyashtorny S. G. et al. (eds.) Turcologica-1986. In Honor of the 80th Birthday of Acad. Andrey N. Kononov. Leningrad: Nauka, 1986. Pp. 253–267. (In Russ.)

Sultanov T. I. Reports of the Moghols (16th century) in *Sheibani-name* by Muhammad Salih. In: Countries and Peoples of the East. Vol. 26. Moscow: Nauka — GRVL, 1989. Pp. 190–211. (In Russ.)

Sultanov T. I. The Kazakh: People and Land in the Middle Ages. Almaty: Daik-Press, 2020. 344 p. (In Russ.)

Sultanov T. I. The Ones Raised on the White Felt Sheet: Descendants of Genghis Khan. Almaty: Daik-Press, 2001. 276 p. (In Russ.)

Yudin V. P. Central Asia in the XIVth–XVIIIth Centuries as an Orientalist Saw It. Almaty: Daik-Press, 2001. 384 p. (In Russ.)

Yurchenko A. G. Elites of the Mongol Empire: Time of Feasts, Time of Deaths. St. Petersburg: Evrasia, 2012. 232 p. (In Russ.)

Published in the Russian Federation
Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
Has been issued as a journal since 2008
ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
Vol. 16, Is. 5, Pp. 1065–1086, 2023
Journal homepage: https://kigiran.elpub.ru

CC BY NC ND

УДК / UDC 94(574.1) "12/14'
DOI: 10.22162/2619-0990-2023-69-5-1065-1086

Золотоордынские караванные пути и караван-сараи на юге и юго-западе Западного Казахстана и юге Волго-Уральского междуречья в XIII–XVI вв.

Абилсейит Капизулы Муктар[1], *Улжан Толегенкызы Ахметова*[2], *Эдуард Жусупович Имашев*[3]

[1] Государственный историко-культурный музей-заповедник «Сарайшык» (д. 11, ул. К. Мырзагали, 060707 Сарайшык, Республика Казахстан)
доктор исторических наук, профессор, директор
0000-0002-7177-0710. E-mail: muktar64[at]mail.ru

[2] Атырауский университет им. Х. Досмухамедова (д. 1, пр. Студенческий, 060011 Атырау, Республика Казахстан)
доктор исторических наук, ассоциированный профессор кафедры
0000-0001-9900-2214. E-mail: ulzhan.a67[at]mail.ru

[3] Западно-Казахстанский университет им. М. Утемисова (д. 162, пр. Н. Назарбаева, 090000 Уральск, Республика Казахстан)
PhD (Geography of Science), директор департамента
0000-0001-8120-0618. E-mail: eduard.imashev[at]gmail.com

© КалмНЦ РАН, 2023
© Муктар А. К., Ахметова У. Т., Имашев Э. Ж., 2023

Аннотация. *Введение.* В настоящее время на территории Западного Казахстана и Волго-Уральского междуречья слабо исследованными и малоизученными остаются золотоордынские города, караванные пути, караван-сараи. Особое внимание обращает на себя вопрос о необходимости исследования караванных путей и караван-сараев от Ургенча до Сарайчика и от Сарайчика до приволжских золотоордынских городов. *Целью* исследования является систематизация и анализ материалов о караванных путях и караван-сараях на юге и юго-западе Западного Казахстана и юге Волго-Уральского междуречья и реконструкция функционирования караванных торговых путей от Сарайчика до приволжских золотоордынских городов в XIII–XVI вв. *Задачи* исследования*:* систематизация и анализ археологических, этнографических, архивных материалов и источников о золотоордынских городах, караванных путях, караван-сараях на территории юга и юго-запада Западного Казахстана и юга Волго-Уральского междуречья; описание караванных путей и караван-сараев на территории юга и юго-запада

Западного Казахстана и юга Волго-Уральского междуречья. Работа выполнена на основе изучения *материалов* археологических исследований Казахстана, России и Узбекистана, полевых (экспедиционных) историко-географических, этнографических исследований на территории Мангистауской и Атырауской областей Республики Казахстан в 2019–2022 гг., а также анализа географических карт. Научные исследования осуществлялись на основе использования общенаучных, исторических, географических *методов*. Основными *результатами* исследования являются систематизация работ ученых Государственного историко-культурного музея-заповедника «Сарайшык». По итогам полевых (экспедиционных) изысканий были выявлены новые золотоордынские стоянки и поселения, составлена карта караванных путей. В целом выявлена и описана территориальная система караванных путей и караван-сараев золотоордынского периода на юге и юго-западе Западного Казахстана и юге Волго-Уральского междуречья. Сделан *вывод*, что золотоордынские караван-сараи и караванные пути имели эффективную территориальную организацию на юге и юго-западе Западного Казахстана и юге Волго-Уральского междуречья, обеспечивая транзитно-торговую систему продвижения людей, товаров и знаний по северной ветви Великого Шелкового пути.

Ключевые слова: История Казахстана, Великий Шелковый путь, Улус Джучи, Золотая Орда, Сарайчик, караванные пути, караван-сарай, средневековые города, Волго-Уральское междуречье, Западный Казахстан

Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства культуры и спорта Республики Казахстан в рамках программы «Золотоордынские города, караванные пути и караван-сараи в Западном Казахстане: междисциплинарные исследования (XIII–XV вв.)» (№ BR10164208).

Для цитирования: Муктар А. К., Ахметова У. Т., Имашев Э. Ж. Золотоордынские караванные пути и караван-сараи на юге и юго-западе Западного Казахстана и юге Волго-Уральского междуречья в XIII–XVI вв. // Oriental Studies. 2023. Т. 16. № 5. С. 1065–1086. DOI: 10.22162/2619-0990-2023-69-5-1065-1086

South and Southwest of West Kazakhstan, South of the Volga-Ural Interfluve in the Thirteenth to Sixteenth Centuries: Golden Horde Caravan Routes and Caravanserais

Abilseiit K. Muktar[1], *Ulzhan T. Akhmetova*[2], *Eduard Zh. Imashev*[3]

[1] Saraishyq State Reserve Museum of History and Culture (11, Myrzagali St., 060707 Saraishyq, Republic of Kazakhstan)
Dr. Sc. (History), Professor, Director
0000-0002-7177-0710. E-mail: muktar64[at]mail.ru

[2] Dosmukhamedov Atyrau University (1, Studenchesky Ave., 060011 Atyrau, Republic of Kazakhstan)
Dr. Sc. (History), Associate Professor
0000-0001-9900-2214. E-mail: ulzhan.a67[at]mail.ru

[3] Utemisov West Kazakhstan State University (162, Nazarbayev Ave., 090000 Uralsk, Republic of Kazakhstan)
PhD (Geography of Science), Director of Department
0000-0001-8120-0618. E-mail: eduard.imashev[at]gmail.com

© KalmSC RAS, 2023
© Muktar A. K., Akhmetova U. T., Imashev E. Zh., 2023

Abstract. *Introduction*. In West Kazakhstan and the Volga-Ural interfluve, it is Golden Horde cities, caravan routes, and caravanserais that remain as under- or uninvestigated. Particular attention be paid to the necessity of exploring caravan routes and caravanserais from Urgench to Saraychik (Saray-Jük), and from Saraychik to the Volga Golden Horde cities. *Goals*. The study seeks to systemize and analyze materials on caravan routes and caravanserais in the south and southwest of West Kazakhstan

and in the south of the Volga-Ural interfluve. It also aims at reconstructing some functioning patterns of caravan trade routes from Saraychik to the Volga Golden Horde cities in the thirteenth to sixteenth centuries. So, the paper shall systemize and examine archaeological, ethnographic, archival data and sources on the Golden Horde cities, caravan routes, and caravanserais across the mentioned territories; describe some identified caravan routes and caravanserais. *Materials and methods*. The work focuses on materials from archaeological excavations in Kazakhstan, Russia, and Uzbekistan; considers outcomes of field (expeditionary) historical, geographical, and ethnographic surveys conducted across Mangystau and Atyrau Regions of Kazakhstan in 2019–2022; performs analyses of geographical maps. The research methodology includes general scientific, historical, and geographical tools and techniques. *Results*. The paper basically systemizes the efforts undertaken by scholars affiliated to Saraishyq State Reserve Museum of History and Culture (Kazakhstan). The field (expeditionary) surveys have identified more Golden Horde sites and settlements to yield an improved map of caravan routes. At large, the article provides a general territorial scheme of caravan routes and caravanserais from the Golden Horde period across the south and southwest of West Kazakhstan and the south of the Volga-Ural interfluve. *Conclusions*. Our insights attest to that the Golden Horde caravanserais and caravan routes were characterized by quite efficient territorial patterns in the examined regions that grew to shape a comprehensive transit-trade system for the transfer of people, goods, and knowledge along a northern branch of the Silk Road.

Keywords: history of Kazakhstan, Silk Road, Ulus of Jochi, Golden Horde, Saraychik, caravan routes, caravanserai, medieval cities, Volga-Ural interfluve, West Kazakhstan

Acknowledgements. The reported study was funded by the Ministry of Culture and Sports of the Republic of Kazakhstan, grant no. BR10164208 ‘Golden Horde Cities, Caravan Routes and Caravanserais in West Kazakhstan: Interdisciplinary Research, Thirteenth to Fifteenth Centuries.

For citation: Muktar A. K., Akhmetova U. T., Imashev E. Zh. South and Southwest of West Kazakhstan, South of the Volga-Ural Interfluve in the Thirteenth to Sixteenth Centuries: Golden Horde Caravan Routes and Caravanserais. *Oriental Studies*. 2023; 16(5): 1065–1086. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2023-69-5-1065-1086

1. Введение

У истоков изучения караванных путей периода Золотой Орды стояли русские ученые. Ими проведены описание развалин средневековых историко-археологических объектов в казахской степи, в том числе караванных путей, караван-сараев, которые были расположены между Сарайчиком и Ургенчем [Рычков 1999; Мейендорф 1975; Левшин 1996; Григорьев 1907; Кастанье 2007].

Позже, в 1946–1950 гг., материалы пополнялись исследованиями Хорезмской экспедиции. Экспедиция под руководством С. П. Толстова [Толстов 1948; Толстов 1958] внесла определенный вклад в исследование караванных путей от Ургенча до Сарайчика. Но европейская часть караванных путей от Сарайчика до приволжских золотоордынских городов в Волго-Уральском междуречье так и остались неизученными. По исследованиям историка В. Л. Егорова, «более чем 300-километровый отрезок его между Сараем и Сарайчиком до настоящего времени не изучен. Вторая часть пути от Сарайчика до Ургенча издавна привлекла внимание исследователей и довольно хорошо известна» [Егоров 1985: 124–125]. Выводы ученого остаются актуальными и по сей день [Плахов 2007; Кольцов, Байтанаев, Гаджиев 2019; Есеп 2021; Есеп 2022; Мұқтар 2022].

В последние годы вопросы изучения караванных путей и караван-сараев из Сарайчика в направлении Европы стали привлекать внимание историков. Известно, что эта дорога была главной, которая развивала международную торговлю Золотой Орды, соединяла ее с соседними народами. Северная ветвь Великого Шелкового пути, расположенная в важной географической зоне, соединяла Китай дорогами Восточного Туркестана, Жетысу, Хорезма, через Сарайчик — побережье Волги, а затем Центральную

Европу. Шелк, хлопок, драгоценные камни, различные продукты питания производились в Китае. По караванным путям потоками шли различные продукты питания, фрукты, скот и другие товары, а также рабы. Таким образом, Сарайчик, расположенный на полпути между Азией и Европой, стал «золотым мостом» между двумя частями континента Евразии.

Почему-то до сих пор не изучены караванные пути от Сарайчика в направлении Европы. Археолог В. В. Плахов, много лет изучавший Сарайчик в новом веке, отметил, что «сведения о караван-сараях от Сарайчука до нижеволжских городов совершенно не известны официальной науке» [Плахов 2007: 26].

П. М. Кольцов, Б. А. Байтанаев, М. С. Гаджиев обратили внимание на то, что «сухопутные караванные маршруты из Сарайчика в городские центры, распределенные на Волге, а также на Северном Кавказе (Дербент, Маджары), Подонье (Азак) до сих пор не изучены» [Кольцов, Байтанаев, Гаджиев 2019: 11].

Учитывая вышеизложенное и несмотря на значительное количество опубликованных нучных работ, актуальным является изучение караванных путей и караван-сараев на юге и юго-западе Западного Казахстана и юге Волго-Уральского междуречья, а именно от Ургенча до Сарайчика и от Сарайчика до приволжских золотоордынских городов, которые, по нашему мнению, формировали эффективную территориальную торгово-транспортную и транзитную систему как часть северной ветви Великого Шелкового пути.

Целью исследования настоящей работы являются систематизация и анализ материалов о караванных путях и караван-сараях на юге и юго-западе Западного Казахстана и юге Волго-Уральского междуречья и реконструкция функционирования караванных торговых путей от Сарайчика до приволжских золотоордынских городов в XIII–XVI вв.

2. Материалы и методы

Исследования проводились на основе систематизации и анализа материалов ранее опубликованных научных работ, неопубликованных научных отчетов, а также историко-географических карт, найденных в фондах библиотек Российской Федерации, Республики Узбекистан, а также в архивах Республики Казахстан. Кроме того, изучались материалы, собранные учеными Государственного историко-культурного музея-заповедника «Сарайшык» во время полевых (экспедиционных) археологических и историко-географических исследований на территории Мангистауской и Атырауской областей Республики Казахстан в 2019–2022 гг.

Работа выполнена с помощью использования общенаучных (анализ, синтез, описательный, математический, интервьюирование), исторических (диахронный, ретроспективный, синхронизации, сравнительный, структурный), географических (картографический, экспедиционный (полевой), геоинформационный, аэрокосмический, территориально-системный, факторный) методов.

В период экспедиционных (полевых) исследований была проведена работа по обследованию, разведке и описанию городищ, караван-сараев, стоянок и караванных путей на территории Мангистауской и Атырауской областей Республики Казахстан. С помощью GPS-навигатора Garmin были определены географические координаты найденных поселений (караван-сараев) и на основе использования карт Google Earth были составлены карты, отражающие расположение поселений (караван-сараев) и основные направления караванных путей золотоордынского периода в казахстанской части юга Волго-Уральского междуречья. С использованием дрона модели DJI Mavic Air2 была проведена аэрофотосъемка территорий размещения караван-сараев. Методом аэрофотосъемки и наземной фотосъемки было сделано 247 фотографий (некоторые из них представлены ниже). На местах обследований также проведено изучение нумизматических находок.

Таким образом, проведенные экспедиционные (полевые) исследования позволили собрать новые и дополнительные материалы, которые способствовали расширению архивных и литературных источников, что в свою очередь дало возможность более системно изучить караванные пути и караван-сараи на юге и юго-западе Западного

Казахстана и юге Волго-Уральского междуречья периода Золотой Орды.

3. Значение золотоордынского города Сарайчик как основного центра развития Западного Казахстана и торгово-транзитного центра на караванном пути

Во времена империи Чингисхана города Сарай-Бату, Сарай-Берке, Сарайчик, Крым, Маджар, Укек, Казань, Хаджи-Тархан (Астрахань) и другие играли важную роль в решении государственных политических, экономических, социальных вопросов. Средневековые города, различные поселения в полной мере отражают состояние экономического развития империи. Для экономической стабильности обеспечивалась взаимосвязь городов, решались общие проблемы социального развития, развивалась торговля.

Империя возродила экономические отношения на Великом Шелковом пути, которые складывались веками. В конце концов, политика империи, которая двигалась с Востока на Запад, должна была заручиться поддержкой тысяч солдат на своем пути и населения на огромной территории. Поэтому потомки Чингисхана были заинтересованы в развитии, сохранении и защите караванных путей из Китая, Индии, которые прошли историческое испытание. Казахстанские ученые К. М. Байпаков и А. А. Нуржанов, изучая караванные дороги Казахстана и Средней Азии, особо выделяли направление Испиджаб – Арысское побережье – баникет Арсу – Отрар – Фараб – река Сырдарья – Аральское море. Ученые, называя город Отрар «домом купцов из разных стран», обращают внимание на то, что «этот участок Шелкового пути оживает в XIII веке, когда в устье нижнего течения Волги был построен золотоордынский город Сарай. Эта дорога проходила в XIII–XIV веках через города Сарайшык, Сарай-Бату и Кафф» [Байпақов, Нұржанов 1992: 16].

По заключению Питера Франкопана, монгольские завоевания имели существенные последствия — они обусловили трансформацию экономики Европы. Вначале посещали великого хана послы и устанавливали связи с европейскими государствами. Позже Золотая Орда пополнилась миссионерами и торговцами. Внезапно не только Монголия, но и вся Азия оказалась в поле внимания Европы [Франкопан 2021: 250]. Таким образом, территория Казахстана стала «золотым мостом» между Европой и Азией, центром движения караванных путей и миссионеров. Одними из первых, кто описывал этот маршрут, были Плано Карпини и Гильом де Рубрук. Плано Карпини, встретившись в 1245 г. с Бату-ханом в нижнем устье Волги, отправился на Восток через реку Урал, а в 1253 г. Гильом де Рубрук, также встретившийся с Бату-ханом на Волге, в сентябре за 12 дней верхом достиг реки Урал. Изучив маршруты их следования, А. Ю. Якубовский выделил два маршрута: первый — нижнее устье Волги, Урал, Эмба, города Ургенч, Отрар, Тараз и далее; второй — нижнее устье Волги, Урал, Эмба, «Страна кипчаков» (Аральское море), Чуйская территория, Или и далее [Якубовский 1930: 15].

Позже по их следам в 1271–1295 гг. Марко Поло, выехавший в Каракорум, пересек реку Урал. Остается неизвестным, по какой причине Плано Карпини, Гильом де Рубрук и Марко Поло не указывают точно, где проходила река Урал, и название «Сарайчик» также не упоминается. Но Абуль-Гази[1] писал, что город Сарайчик был основан во второй половине XIII в. в период правления Бату-хана (1209–1255) [Әбілғазы 1991: 115], а средневековый исследователь Утемиш-хаджи указал о приезде Берке-хана (1209–1266) в Сарайчик [Утемиш-хаджи 1992: 97]. Судя по всему, в период, когда путешественники пересекали реку Урал, Сарайчик формировался как город. Со временем город Сарайчик был построен правителями Улуса Джучи как главный таможенный центр, контролирующий караванные пути вдоль реки Урал. Кроме того, подъем Каспийского моря в XIII в., затопление прибрежных населенных пунктов, караванных путей также подтолкнули к выбору места для нового города выше по течению реки Урал.

Именно арабский путешественник Ибн Баттута в полной мере раскрыл деятельность города Сарайчик на караванном пути. Путешественник показывает Сарай-Бату и Сарай- Берке как город Сарай, а Сарайчик — как Сараджук. Он написал в своем дневни-

[1] Абуль-Гази (Абу-л-Гази-хан, Абулгази-хан) (1603–1664) — хивинский хан, историк и писатель.

ке: «Сараджук, „джук“, то есть „маленький“. Этим они хотели обозначить как „Маленький дворец“. Город расположен на большом, полном берегу реки, река называется „Улысу“. До другой стороны реки были размещены лодки и построен мост, как в Багдаде» (цит. по: [Ибрагимов 1988: 78]).

Правители Золотой Орды использовали в развитии экономических связей как водные, так и сухопутные пути. С этой целью в первой половине XIV в. город Сарайчик широко поддерживался правителями Улуса как сухопутный путь. Археолог В. В. Плахов показывает 4 маршрута от Сарайчика до городов Нижнего Поволжья. Первая дорога — это дорога, проходящая вдоль реки Урал и охватывающая расстояние между Сарайчиком и городищем Жайык, расположенным вблизи современного города Уральск; вторая дорога представляет собой полевую дорогу протяженностью 300 км, соединяющую Сарайчик с городами Сарай аль-Махрус и Сарай аль-Джадид; третья дорога охватывает расстояние между Сарайчиком и Хаджи-Тарханом и проходит вдоль северного побережья Каспийского моря в направлении Крыма; четвертый маршрут — водный путь, идущий от Сарайчика вдоль реки Урал к Каспийскому морю и далее доходящий до Ирана и Азербайджана [Плахов 2007: 26–27].

На наш взгляд, эти дороги получили новое развитие в золотоордынский период. Марко Поло, который прошел империю Чингисхана от реки Волги до Китая, писал следующее: «По большим дорогам, где гонцы скачут, купцы и другой народ ездят, великий хан приказал через каждые два шага насадить деревья. А сделал это великий хан для того, чтобы всякому дорога видна была, и заблудиться нельзя было. И пустынным дорогам есть дерева; для купцов и для гонцов великое от того удобство. ...гонец великого хана, через двадцать пять миль (около 40 км) он приезжает на станцию, по-ихнему янб, а по нашему конная почта; на каждой станции большой, прекрасный дом, где гонцы пристают... По всем главным областным дорогам через двадцать две мили, а где через тридцать, есть станции» [Книга Марко Поло 1990: 112].

Мнение путешественника относится к окрестностям города Ханбалык (Ханбалык по-турецки, Даду по-китайски) в Китае, но оно свидетельствует о том, что все экономические пути сообщения в Великой Степи строго контролировались империей. Поэтому пути сообщения охранялись на государственном уровне как основа государственной политики. Монголы добились стабильности в Азии, и это стало основой для европейской экспансии. По заключению путешественников, от Черного моря до самого Китая земли были безопасными днем и ночью [Франкопан 2021: 253]. На пути сообщения были расположены поселения. Хотя они назывались стоянками, пунктами, караван-сараями, это был маршрут между Азией и Европой для купцов, путешествующих по Шелковому пути. Важную роль среди них играли караван-сараи.

Караван-сараи были главной остановкой для путешественников между странами в средние века. Караван-сараи располагались как в городе, так и на его окраине. Караван-сараи имеют разные названия на языке местных жителей. Например, «хан» (от перс. خانْ [xān], откуда и осман. خانْ [han]), масри وكالة [wikala], араб. فندقْ [funduq], откуда вен. и итал. fundaco в Венеции). «Хан» иногда назывался по наименованию товаров, которые складировались и продавались в них: Шелковый хан, Рисовый хан и т. п.

«Хан» в городе Сарайчик был найден в ходе археологических раскопок в 1997–2000 гг. Археологи называли его как «дворец», дворцовый комплекс типа «хан». «Хан» в Сарайчике возводился потомками Джучи. «Стены дворца, сложенные из сырцового кирпича, возвышались более чем на 6 м. Размеры строения внушительны: 40 х 20 м. Портальная часть с южной стороны имела широкий ступенчатый пандус, т. е. подъем с петаком — выступающей от здания части входа с аркой. На углах, видимо, стояли башенки, которые разрушились в результате просадки углов в заполнении прежних зданий. Портал был облицован кладкой из обожженного кирпича, украшен белым алебастровым декором в виде расшивок и панелей с резными орнаментами, перед входом располагалась площадь. Задняя часть дворца была построена без платформы» [Тасмагамбетов, Самашев 2001: 67]. Позже дворцовый сарай расширялся. Появились новые помещения, и их количество возросло до 40 (см. фото 1).

Фото 1. «Хан» в городе Сарайчик (фото Ю. Черкашина, июнь 1999 г.)
[*Photo 1*. 'Khan' (district) in Saraychik. Photo by Yu. Cherkashin, June 1999]

Купцы в караван-сараях города останавливались, хранили и обменивали свой товар, а также меняли лошадей и верблюдов, которые были основным дорожным транспортом. Это описывал и Ибн Баттута: «В этом городе наше путешествие на лошадях, тянувших арбы, закончилось. Там мы продали их по четыре динара денег за лошадь и меньше этого, ввиду их слабости и дешевизны в этом городе, и наняли верблюдов, чтобы тянуть арбы» (цит. по: [Ибрагимов 1988: 78]).

Нумизматические материалы являются дополнительным доказательством того, что Сарайчик был центром экономических связей и дальней переправой европейских и азиатских караванов. Если проанализировать средневековые нумизматические материалы, найденные в Сарайчике с конца 80-х гг. XX в. по 2005 г., то большинство из них были найдены на территории «Хана», выявленного в раскопе № 5. В этот период исследования в культурных слоях зафксированы 702 монет, и из них самая ранняя — чеканная монета в период правления Менгу Тимура (1266–1282). В результате археологических работ доказано, что в денежном обращении Сарайчика XIII–XIV вв. участвовали монеты 25 монетных дворов [Монеты Сарайчика 2006: 82, 88, 91].

В ходе раскопок 2019 г. на 4 участках были найдены 140 монет. По плотности монетных находок можно оценить возможность принадлежности раскапываемых площадок к торговым территориям XIV – первой трети XV в. В результате исследований 2019 г. ученые сделали заключение, что во второй половине 760-х и 770-х гг. эта территория очень редко посещалась людьми, возможно, была заброшена в связи с эпидемией чумы, а затем в конце 770-х гг. и позднее жизнь здесь возобновилась и продолжалась еще в первой трети XV в. На это однозначно указывает некоторое количество монет 780–790-х гг., кладик из раскопа № 4, а также находки монет рубежа веков и XV в. В первой трети XV в. или несколько позднее территория кладбища увеличилась, некоторые старые гурханы (возможно, конца XIV в.) были убраны и на их месте возведены новые [Петров и др. 2022: 383].

Археологические исследования свидетельствуют о том, что монеты, найденные в Сарайчике, чеканились в основном в городах — столицах чеканки монет: Поволжья, Хорезма, Гулистана, Крыма, Укека и других. Для иноземных монет общая доля сравнима (0,635) с долями монет ряда Джучидских городов [Монеты Сарайчика 2006: 91].

В 2022 г. на 3 раскопах Сарайчика был найден новый клад монет. Очищенные

404 серебряные монеты были в основном отчеканены в Сарай аль-Джадид, Сарай аль-Махрус в XIV в., и большинство из них названы в честь Жанибек-хана. Кроме того, встречаются имена Узбек-хана и Бердибек-хана. Серебряные монеты были в обиходе внутри страны, медные монеты использовались для местной торговли, иностранные монеты попадали со случайными торговцами.

Приведенные выше нумизматические материалы 1989–2005, 2019, 2022 гг. показывают роль Сарайчика в экономическом пространстве империи Золотой Орды в XIV–XV вв.

Таким образом, караван-сараи в городе играли важную роль в общественно-политической жизни страны. Расстояние между Сарайчикским «ханом» и караван-сараями, расположенными за пределами города, примерно исчисляется одним днем пути на лошадях и верблюдах. Они использовались как временные стоянки для путников.

О междугородных караванных-сараях В. Л. Егоров в своем труде пишет: «По всей трассе этой караванной дороги, пролегавшей по пустынным безводным районам, на расстояниях, примерно соответствующих одному дневному переходу (около 30 км), были вырыты колодцы и построены караван-сараи» [Егоров 1985: 124]. Исследовательница Т. Т. Райс делает вывод, что «расстояние между караван-сараями не должно было превышать одного дневного перехода, т. е. не более 60 км, но обычно места ночевок и дневок располагались на расстоянии, не превышающим 25 км» [Райс 2004: 103–105].

До сих пор нет четкого и единого мнения о происхождении караван-сараев. Исследователь С. П. Толстов пишет, что караван-сараи впервые появились в X–XI вв., а Ю. П. Манылов, опираясь на материалы археологических исследований 70–80-х гг. XX в., делает вывод, что караван-сараи были построены в период Золотой Орды (цит. по: [Астафьев 2009: 38–39]).

4. Караван-сараи и караванные пути на территории юга и юго-запада Западного Казахстана

На сегодняшний день в определенной степени найдены и описаны 9 караван-сараев, которые расположены между Ургенчем и Сарайчиком. В настоящее время на плато Устюрт известны 8 караван-сараев, которые служили в эпоху Золотой Орды. Пять из них — это Ушкудук, Ажигельды, Белеули, Косбулак и Шурык в Республике Каракалпакстан. Они имеют либо прямоугольную форму, но приближающуюся к квадрату, либо просто квадратную форму. Памятники по размерам близки между собой и сложены из плиток устюртского камня размерами 30–33 х 30–33 х 6 х 10 см.

В казахстанской части на территории Мангистауской области известны места трех караван-сараев. Первый караван-сарай на территории Казахстана — колодец Куйше (местные казахи называют: колодец Кусшы) расположен в 46,5 км от Шурыка (Республика Каракалпакстан). Здесь прослеживается место старого караван-сарая. Стены караван-сарая построены из обожженного кирпича. Караван-сарай имел размеры 25 х 25 м. Второй караван-сарай находится от колодца Куйше в 36 км, недалеко от колодца Турыш. В 17 км от этой местности было обнаружено место караван-сарая возле колодцев, называемых Бескудук или Белдеули. Два из пяти колодцев возле караван-сарая пересохли, в трех других еще имеется вода. В результате археологических исследований, проведенных в Белдеули, было обнаружено квадратное сооружение размером 27 х 24 м. Стены выложены из известняка. В результате исследования были обнаружены руины мечети с михрабом. Третий, последний, караван-сарай — это Коскудук. В плане караван-сарай выглядит четырехугольным. На четырех углах сохранились следы башен. Для караван-сараев, исследованных на казахской части Устюрта и в Каракалпакстане, общими является наличие в них мечетей отдельно от хозяйственных помещений [Жүнісханов 2021: 52].

В последние годы на казахстанской части Устюрта стали выявляться караванные пути X–XIII вв., проходящие вдоль побережья Каспийского моря через городище Кызылкала. На этой дороге в районе городища Каракабак в местечке кладбища Ажбаба установлено неизвестное место караван-сарая. Размер караван-сарая — 40 х 30 м. Ажбаба представлял собой транзитный караван-сарай на караваном пути Устюрта в XIV в., который доходил от Кы-

зылкала до бухты Тупкараган. Караванный товар, доставлявшийся в бухту Тупкараган, отправлялся в города Дербент и Саксын. Этот путь доказан как морской путь от полуострова Мангистау [Астафьев 2009: 28–33].

В 2009 г. в юго-восточном направлении от Кызылкалы в 45 км от хребта Восточный Каратау исследован караван-сарай Агашты XI–XIV вв. Позже возле колодца Уали был обнаружен караван-сарай XII–XIV вв. Однако в конце XIII в. уровень Каспийского моря поднялся на 19–22 м, навсегда перекрыв морской маршрут караванного пути. Таким образом, на Устюрте были караван-сараи Ажбаба, Агашты и Уали, которые были затоплены водами Каспийского моря, а 3 караван-сарая (Куйше, Бескудук, Коскудук), которые пережили наводнение, продолжали функционировать [Астафьев 2009: 35–37].

Закрытие морского пути на полуострове Мангистау привело к тому, что караванные пути из Ургенча направлялись через Устюрт прямо в Сарайчик. Полное решение об изменении маршрута было принято при правлении Узбек-хана. Однако караванщики не отказались от поиска нового морского пути. Доказательством этому может служить городище Кетиккала, образовавшееся в XIV в. в бухте Тупкараган. Оно занимало площадь примерно 16 гектаров и было расположено на нижней террасе Каспийского моря между современным городом Форт-Шевченко и поселком Атан.

На сегодняшний день на территории Атырауской области известен только один караван-сарай — Таскешу (см. фото 2). Двор караван-сарая Таскешу имеет четырехугольную форму, размеры вместе со двором составляют 55 х 55 м. Центр двора представляет собой квадратную площадь размером 15 х 15 м. Расстояние от края двора до ровной площадки в середине составляет 20 м. Караван-сарай Таскешу имеет особое значение среди караван-сараев Казахстана как самостоятельное сооружение из обожженной глины. Результаты раскопок караван-сарая Таскешу позволили определить строение, возведенное в виде башни с закругленными выступающими углами, стены которой были сложены очень прочным способом из стандартных, обожженных глиняных кирпичей [Қасенов 2019: 20].

Фото 2. Территория размещения караван-сарая *Таскешу* (аэрофотосъемка А. Ж. Жумабаева, июль 2022 г.)
[*Photo 2.* Territory of *Taskeshu* caravanserai. Aerial photo by A. Zhumabayev, July 2022]

Русский исследователь Л. Л. Мейер описал Таскешу следующим образом: «...На этом пути особенно замечательна крепостца Тас-Кичу на Сагиз, построенная, очевидно, с целью обеспечить переправу через эту реку» [Мейер 2007: 138].

Сегодня исследователи Э. Д. Зиливинская, Д. Д. Васильев пишут, что между городищами Тендик, Жайык, Жалпактал, Сарайчик и Ургенчем было 15 караван-сараев. Они, опираясь на исследования В. Н. Татищева, утверждают, что в середине XIV в. купцы из Сарайчика приезжали в Астрахань и торговали [Золотая Орда 2016: 632–664].

Ученый А. Д. Таиров в своем исследовании показывает три пути от Сарайчика до Ургенча. Он, опираясь на труды А. И. Левшина, показывает маршруты этих караванных путей:

– 1-я дорога — «Ногайская дорога»: Сарайчик – Сагиз – Таскешу – Эмба – Устюрт – Древний Ургенч;

– 2-я дорога: Сарайчик – Гора Кайнар – Чаган – Шошаколь – дорога больших границ – Древний Ургенч (эта дорога расположена на удаленном расстоянии от «Старой Ногайской дороги», но более эффективная);

– 3-я дорога — Калмыцкая дорога: от ответвлений Нижней Волги до Сарайчика – реки Иргиз – Бухары, к берегам Сырдарьи (эта дорога проходила к северу от Аральского моря) [Таиров 2022: 14–16].

Кроме «Старой Ногайской дороги», был еще и прямой водный путь. По мнению археолога М. Д. Калменова, этот морской путь в XIII–XIV вв. проходил от полуострова Мангистау через море. Для этого была удобна Тупкараганская бухта. В XIV в. товары доставлялись в поселение Кетиккала и перевозились через море вдоль Волги [Калменов 2013: 19].

По последним исследованиям археолога А. Е. Астафьева, караванный путь на полуострове Мангистау представлял собой единый магистральный комплекс из-за сходства историко-географического положения времен Хазара, Хорезма. Дорога ведет по Устюрту в направлении от караван-сарая Агашты к Кызылкале. Из Кызылкалы выходили две дороги. Одна проходила от городища Каракабак до караван-сарая Ажбаба, другая — по хребту Западного Каратау, через курганы Айгырлы, Тюбежик до бухты Тупкараган (Коргантас). Караванные пути XIII–XIV вв. трудно определить из-за небольшого количества постоянных поселений того периода. Конечная точка караванного пути — Кетиккала, а транзитный путь проходил через караван-сарай Манат.

В XIV в. на полуострове Мангистау некрополи определяют новые караванные пути. Один из путей — Устюрт, Каражар, колодец Беке, некрополь Караман-ата, из него в направлении Кетиккала и Тупкараган; второй путь — через полуостров Бузачи, Оле Колтык, в зимний период — через колодцы Кетиккала, Тузежик, Кунансу, Туйсу, Кошак, Тушыкудук, Мастек, Кызан, Жылкельды. Эта дорога в XIX–XX вв. в зимний период соединяла Форт-Александровск и Гурьев. Кроме них, была третья дорога. Она охватывала северо-восточный маршрут и соединяла Кетиккалу, Манап, Уали.

В позднем средневековье наиболее актуальными становятся два направления к заливу Кочак (пристань Мангышлак, она же Караган, Сарытас, Садеевская) и, вероятно, на северно-западное побережье полуострова Бузачи (пристань Кабаклы, она же Назаровская). В XVIII–XIX вв. главными направлениями путей сообщения были тупкараганское и кендирлинское [Астафьев 2009: 70–75].

Обобщая приведенные выше мнения, можно сказать, что между Древним Ургенчем и Сарайчиком проходили четыре основных пути, включая морской путь, которые менялись в связи с изменениями историко-географических условий (проблема с водой, пастбища, безопасность и другие факторы).

Указанные караванные дороги были Северной ветвью Великого Шелкового пути. Расстояния между главными городами по северной ветви были определены уже в средние века. В середине XIV в. Франческо Балдуччи Пеголотти и неизвестный тосканский автор показали, что «на любое побережье Каспийского моря могли доплыть суда, вышедшие из Сарайчика» [Английские путешественники 1938: 189–190].

Ибн Баттута писал, что требуется 10 дней от Сарая до Сарайчика (цит. по: [Ибрагимов 1988: 72]). Английский дипломат А. Дженкинсон вр время путешествия в 1558–1560 гг. на основании данных татарских купцов указывает, что от Астрахани до Сарайчика 10–15 дней пути, от Сарайчика до Ургенча — 15 дней, от Ургенча до Бухары — 15 дней, от Ургенча до Кашгара — 45 дней, от Ургенча до Китая — 75 дней [Английские путешественники 1938: 191].

5. Караван-сараи и караванные пути на территории юга Волго-Уральского междуречья

Актуальным вопросом в исторической науке являются караван-сараи между Сарайчиком, Сарай-Бату, Сарай-Берке и Хаджи-Тарханом, их расположение и конкретные направления.

Одним из первых о развалинах между Сарайчиком и городами Поволжья говорил В. Н. Татищев. Ученый в письме 1741 г. секретарю канцелярии Российской академии наук И. Д. Шумахеру предлагает изучить их, обратив внимание на развалины вдоль реки Хан, протекающей по степной зоне. Более поздние исследователи приходят к выводу: «Упоминание развалин по течению речки Ханской, находящихся в глубине степи, а не на берегу Ахтубы, может служить указанием на начало караванного пути из Сарая в крупный город Сарайчик, располагавшийся на р. Урал. Судя по контексту, эти „стены городовые каменные и строенья“ находились одно за другим на расстоянии соответственно 20 и 40 верст от Ахтубы. Не исключено, что это были караван-сараи, строившиеся вдоль торговых путей на расстоянии одного дневного перехода один от другого. Сооружения эти еще предстоит найти, что значительно затрудняется отсутствием на современных картах речки с названием Ханская. Сведения о „великих дорогах в степи“ также подтверждают сообщения средневековых источников о процветании международной и внутренней торговли в Золотой Орде» [Егоров, Юхт 1986: 234]. Его мысли дополняются в 1861 г. топографом А. Е. Алексеевым [Сарайшық 2015: 56–57]. Тем не менее выводы исследователей по неизвестным причинам остались без дальнейшего изучения.

Одним из первых на эту проблему обратил внимание археолог В. В. Плахов. Он утверждает, что на караванном пути Сарайчик – Хаджи-Тархан было найдено несколько мест, похожих на караван-сарайские развалины. Им отмечено, что караван-сараи были построены в основном из необожженного кирпича, и только один был построен из обожженного кирпича. Более разнобразны караван-сараи, находящиеся между Сарайчиком и Сарай-Бату. Один из них, сложенный из сырцового кирпича имел форму стандартного прямоугольника размером 24 х 36 м и толщиной стен около 40 см. Другой караван-сарай имел более значительные размеры: около 36 х 42 м с толщиной стен около 70 см. В этом направлении караван-сараи такого же размера и вида сооружения были отмечены еще в двух местах. Помимо них, были обнаружены остатки сооружения со стандартным планом караван-сарая, выполненного из белого камня [Плахов 2007: 26].

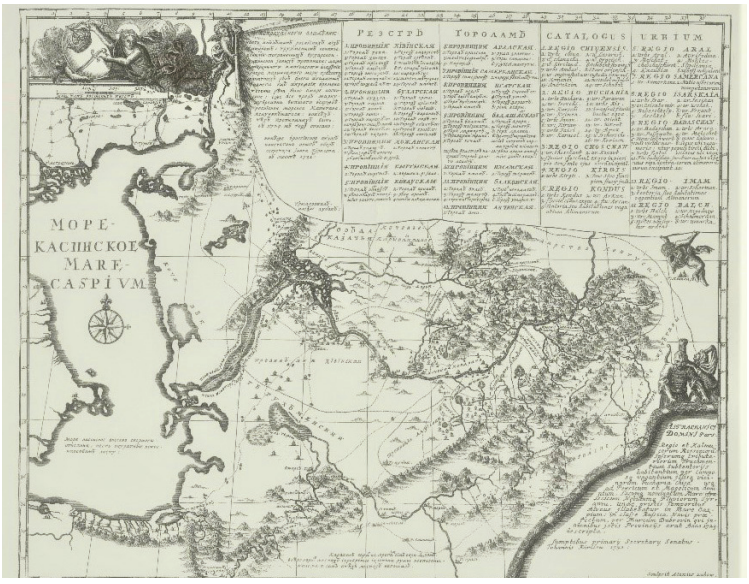
Большинство караван-сараев, указанных ученым, вероятно, находятся на территории современной Астраханской области Российской Федерации, а не в пределах современных границ Атырауской области Республики Казахстан. Такое предположение связано с тем, что в Атырауской области нам известно поселение Кудайберген. Однако это место вообще не изучено.

Археологические раскопки 2021 г. в Сарайчике пополнили материалы, относящиеся к сарайчикскому «Хану» (см. фото 3). При раскопках были обнаружены несколько комнат. Они обогревались тандырной печью. Большинство найденных монет были выпущены во времена правления Узбек-хана и Жанибек-хана. Археологи, проводившие раскопки Сарайчика, пришли к выводу: «Из-за наличия коридоров в открытой раскопке этот объект можно считать общественным зданием. Учитывая, что в непосредственной близости от этой раскопки находится комплексное здание дворца (ханака), открытое в 1996–2008 годах, этот район города состоит из построек, возведенных для ночлега караванщиков, путешественников, путников, паломников» [Есеп 2021: 39].

Фото 3. Общественные здания XIV в. в «Хане» города Сарайчик (аэрофотосъемка А. Ж. Жумабаева, октябрь 2021 г.)
[*Photo 3.* Fourteenth-century public buildings in 'Khan' district of Saraychik. Aerial photo by A. Zhumabayev, October 2021]

Ценный документ о караванных путях, ведущих из Сарайчика в Европу, дает карта, составленная Марком Дубровиным (см. карту 1). В 1729 г. морской капитан Марк Дубровин на 3 года ездил в Среднюю Азию — Хиву и Бухару и включил составленную карту в Атлас И. К. Кирилова в 1737 г. [Кирилов 1724–1737: 15]. Как выяснили исследователи И. М. Рутько и Б. Г. Семянников: «На карте изображена система разветвленных дорог (с караван-сараями, поселками и колодцами), пересекающих территорию Средней Азии. Узлы дорог — города Хива и Бухара. Всего М. Дубровин поместил на своей карте около 90 названий среднеазиатских городов и населенных пунктов, но вынес их в специальный «Реестр городам», указав на карте лишь соответствующие им номера. Названы, например, 14 городов Хивинской провинции, в том числе в порядке «реестра»: 1) Хива; 2) Лазарист (Хазарасп); 3) Ханиха (Ханка); 4) Оргенш (Ургенч); 5) Шибент, или Везир; 6) Старый Ориент (Старый Ургенч) и др.» [Рутько, Семянников 2019: 5].

Карта 1. Карта Средней Азии, составленная М. Дубровиным в 1731 г. [Кирилов 1724–1737: 15]
[*Map 1.* Map of Central Asia compiled by M. Dubrovin in 1731]

На карте М. Дубровина (см. карту 1) выделены два основных караванных пути от Сарайчика в направлении к реке Волге, а в приближении к реке Волге дорога на севере разделена на две части. Таким образом, три караванных пути были проложены по караванной дороге, направленной в сторону Астрахани, не доходя до реки Волги. Интересно, что одна караванная дорога из Ургенча, не доходя до Сарайчика, поворачивала к Каспийскому морю и доходила прямо до города Гурьева. Это, вероятно, морской путь, пересекавший реку Урал у города Гурьева. На карте на каждом караванном пути обозначено 8–9 пунктов. М. Дубровин показывает лишь один город — Сарайчик в Волго-Уральском междуречье [Кирилов 1724–1737: 15].

На карте М. Дубровина также показаны населенные пункты — караван-сараи. Расстояния между ними, по нашему мнению, составляли 25–45 км. Учитывая, что карта была составлена в начале XVIII в., можно с уверенностью говорить, что это караванные пути времен Золотой Орды. Если обратить внимание на карты периода основания Бокейской (Букеевской) Орды в начале XIX в., то можно увидеть только один караванный путь. Эта дорога охватывает расстояние Сарайчик – могила матери Бокей-хана – Новобогат – Жанбай – Астрахань [НА РК. Ф. 83. Оп. 1. Д. 134. Л. 1]. Другие караванные маршруты, похоже, были приостановлены для контроля на государственном уровне.

Так, полевыми экспедициями 2021–2022 гг. установлено, что караваны, переправившиеся из азиатской части реки Урал на европейскую сторону, шли из Сарайчика по обращенным к морю водам и колодцам: Ашысай, Баксай, Бугылозек к реке Жалтыр, Кызылуй и далее — в Сарай-Бату, Сарай-Берке и Хаджи-Тархан.

Экспедиционные (полевые) исследования в 2021–2022 гг. показали, что проходившие через реку Урал на европейскую часть караваны направлялись на юго-запад от Сарайчика, по направлению к морю и проходили вдоль пресных вод и колодцев Ашысай, Баксай, Бугылозек, выходя к реке Жалтыр, Кзылуй, далее на Сарай-Бату, Сарай-Берке и Хаджи-Тархан. Найденные новые поселения Канал, Шойтас, Ащысай-1, Кулпытас располагались на основных караванных путях, а стоянки Ащысай II, Бурабай, Козды-кара находились вблизи караванного пути и имели торговые обменные пункты. В частности первое крупное поселение Ащысай (размер около 300 х 700 м) расположено в 13 км от Сарайчика. Там были найдены медные монеты, реликвии периода правления Узбек-хана [Есеп 2021: 46–47]. Караваны из поселения Ащысай поворачивали на запад и направлялись в сторону Сарай-Бату и Сарай-Берке.

В 2022 г. в ходе разведочных работ в урочище Карагайлы Махамбетского района Атырауской области Казахстана было обнаружено поселение средневекового времени. Поселение Карагайлы расположено в 20 км западнее от современного поселка Сарайчик, в 15 км от поселка Тандай (координата GPS: N 47° 24 544'; E 51° 29 187') (см. карту 2).

Размер поселения Карагайлы около 1 000 х 1 000 м. На поверхности были обнаружены медные монеты, бусы, фрагменты красной и серой глины, сырцовой керамики, декоративные наклейки из нефрита (см. фото 4). Нефриты, вероятно, были привезены из Синьцзяна, располагавшегося в Чагатайском улусе. Исторически основным потребителем нефрита был Китай. Несколько монет, выпущенных от имени Узбек-хана, могут свидетельствовать о том, что это место находилось на торговой караванной дороге и являлось пунктом обмена денег и торговым рынком.

В ходе раскопок в Карагайлы был выявлен архитектурный мемориальный комплекс в виде нижней части двухкамерного мавзолея с шестью погребениями (см. фото 5). Здание было ориетировано по оси Север – Юг и имело по основанию внешние размеры 11 м 45 см (Север – Юг) на 7 м 30 см (Запад – Восток). Портал был направлен в южную сторону и обрамлен по углам пилястрами. За ним к северу располагался зиарат хана, поминальное помещение, имевшее внутренние размеры в ширину 480 см (Запад – Восток) и длину в 240 см. За ним к северу расположено помещение — гурхана, усыпальница с купольным перекрытием и внутренними размерами 480 х 480 см. Помещения были разделены стеной с порогом от дверного проема. Стены мавзолея имели ширину около 120–125 см.

Карта 2. Географическое положение поселения *Карагайлы*, Махамбетский район Атырауской области (составлена авторами на основе полученных во время полевых работ GPS-координат и использования карты Google Earth)

[*Map 2.* Geographical location of *Karagaily* settlement (Makhambet District, Atyrau Region, Kazakhstan). Map compiled by authors with the aid of GPS coordinates and Google Earth data]

Фото 4. Найденные артефакты в поселении *Карагайлы*,
Махамбетский район Атырауской области (фото А. К. Муктара, июль 2022 г.)
[*Photo 4.* Artefacts found in *Karagaily* settlement
(Makhambet District, Atyrau Region, Kazakhstan). Photo by A. Muktar, July 2022]

Фото 5. Мавзолей в поселении *Карагайлы*, Махамбетский район Атырауской области
(аэрофотосъемка А. К. Муктара, октябрь 2022 г.)
[*Photo 5.* Mausoleum in *Karagaily* settlement (Makhambet District, Atyrau Region, Kazakhstan).
Aerial photo by A. Muktar, October 2022]

В ходе исследований сделаны следующие предварительные выводы:

– данный мавзолей такой конструкции является пока единственным исследованным на территории Северного Прикаспия;

– по приему панцирной кладки с сырцовым кирпичем внутри стены и ее обожженной обкладкой мавзолей является довольно ранним, возможно, относящимся к XIII в. На это указывает наличие кирпича плохого обжига с размерами 25 х 25 х 5 см, который в XIV в. сменяется на высококачественный, а в XV в. — на кирпичи размером 23 х 23 х 5 см, причем панцирная кладка такого характера, но с размерами обожженных кирпичей 23 х 23 х 5 см встречается и в мемориальных сооружениях XIII и ранее веков на Нижней Волге, т. е. в 350 км на запад;

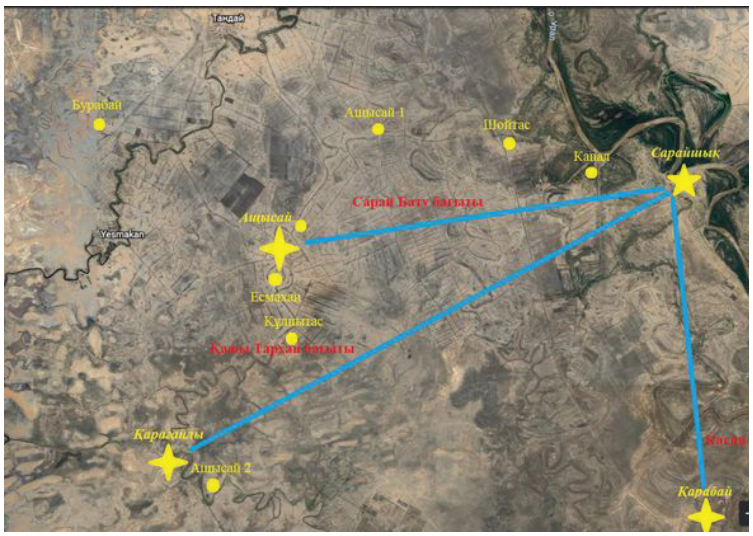
– вид перекрытия ямы основных погребений стволами веток, затем кожей и потом тростником также характерен до XIV в., когда он сменяется на склеповую закладку.

По нашему мнению, мавзолей Карагайлы служил местом паломничества на караванном пути. Места таких памятников можно увидеть повсюду. С учетом площади Карагайлы в 100 га предполагается, что он являлся первым крупным золотоордынским поселением, где останавливались караваны из Сарайчика. Расположение городища свидетельствует о том, что караванный путь является одной из основных дорог в направлении Хаджи-Тархана.

По нашему мнению, описанное в 1861 г. военным топографом А. Е. Алексеевым поселение («Есть еще развалины построек, современные городу Сарайль-Джадиту, на речке Солянке, в 20 верстах от Сарайль-Джадита, по направлению на запад, не обнесенные валом») [Сарайшық 2015: 56–57] можно считать Карагайлы. Здесь караваны из Карагайлы шли на юг, направляясь в Хаджи-Тархан.

В 2022 г. также был найден караванный путь от Сарайчика к Каспийскому морю. Он выходил к морю на участке Сарайчик – Карабай – стоянка Жоргатай – стоянка Сарыозек – город Токтар и доходила до русской слободы XVII–XVIII вв. Отсюда товары караванов загружались на корабли.

В целом по итогам экспедиционного обследования участков казахстанской части юга Волго-Уральского междуречья составлена карта поселений (караван-сараев) и основных направлений караванных путей золотоордынского периода (см. карту 3).

Карта 3. Выявленные поселения (караван-сараи) и основные направления караванных путей золотоордынского периода в казахстанской части юга Волго-Уральского междуречья (составлена авторами на основе полученных во время полевых работ GPS-координат и использования карты Google Earth)

[*Map 3.* Identified settlements (caravanserais) and key directions of caravan routes from the Golden Horde period in the Kazakhstan part across the south of the Volga-Ural interfluve. Map compiled by authors with the aid of GPS coordinates and Google Earth data]

Приведенная выше карта М. Дубровина (см. карту 1) доказывает, что расстояние между караван-сараями было разным. Если принять во внимание расстояние известных караван-сараев от Ургенча до Сарайчика, то от Шурыка (Республика Каракалпакстан) до Куйши 46,5 км, от Куйши до Бескудыка (Бельдеули) — 53 км, от Бескудыка до Коскудыка — 84 км в Республике Казахстан. Расстояние от Коскудыка до города Ушкан в Атырауской области Казахстана составляет 86 км [Астафьев 2009: 39–47]. По нашему мнению, город Ушкан также являлся караван-сараем. К сожалению, в настоящее время Ушкан остается неисследованным историко-археологическим объектом на территории Атырауской области.

Отрезок от Ушкана до караван-сарая Таскешу составляет 127 км. Однако между Таскешу и Ушканом стоит памятник святому Бакашы. Расстояние между Ушканом и Бакашы составляет 56 км. Географ И. Г. Гербер, который был между Ушканом и Таскешу, видел недалеко от левого берега реки Эмба руины. Он написал, что «недалеко от реки... можно было увидеть на некоторой высоте разные развалины зданий, которые стояли здесь уже давно, так же вокруг было много разбитых кирпичей» (цит. по: [Ажигали 2017: 113]).

Этнограф С. Е. Ажигали, проанализировавший труды ученого, считает, что здесь мог быть караван-сарай [Ажигали 2017: 112–116]. По нашему мнению, у ученого правильное предположение, и Бакашы должен быть включен в будущем в качестве объекта исследования как караван-сарай. Таким образом, по имеющимся материалам можно утверждать, что расстояния между караван-сараями были в пределах 20–70 км. Уже данный факт заставляет нас пересмотреть вывод о том, что расстояние между караван-сараями составляло день пути.

По данным немецкого историка Б. Шпулера, товары, вывозившиеся из Дешт-и-Кипчака[1], доставлялись на побережье Черного моря. Именно поэтому в Крыму работали итальянские торговые центры из Генуи, Венеции. Генуя строит на берегу моря колонии Кафа (Феодосия), Матерге, Монкастро (Ак-Кермане, Аккерман). Позднее они открыли свой филиал в Танской колонии Венецианской Таны (Азов, Азак). Товары, привезенные из Внутренней Азии, собирались в Старом Крыму (Солгат или Солхат). Привозились ткань из Хорезма, шелк, фарфор из Китая, Ирана, хлопок, ковры из Бухары, жемчуг, кораллы из Индии [Шпулер 2018: 345–354].

Северная ветвь Великого Шелкового пути начала постепенно приходить в упадок в период борьбы за престол, начавшейся в Золотой Орде во второй половине XIV в. По этой причине караваны из Азии начали выбирать южную ветвь, например из Китая в Среднюю Азию, а оттуда — в северный Иран. Политика и реформы Токтамыс-хана в ходе восстановления Золотой Орды были лишь временными мерами. По этому вопросу исследователь И. М. Миргалеев пишет: «В дальнейшем, после хана Токтамыша, смысла в возобновлении северного маршрута Шелкового пути не было, хотя он еще продолжал функционировать, но уже не в тех масштабах. Так закончилась история этой торговой магистрали Евразии, огромной по протяженности, через которую проходили не только люди и различные товары, но и идеи, и знания» [Миргалеев 2018].

Несмотря на кризис в империи, северная ветвь сохраняла торговые отношения, хотя и не в такой степени, как в предыдущие эпохи. В сложившейся ситуации на территории Золотой Орды появились десятки независимых государств. С течением времени, кроме водного пути северной ветви, караванные пути оставались в зависимости от политики Московского царства.

В этот период изменилось и направление караванных путей из Сарайчика на север. В этом аспекте ногаевед В. В. Трепавлов пишет, что в XVI в. ногайско-русское взаимодействие осуществлялось по двум маршрутам: первый — это Казанская дорога: Самара – Казань – Нижний Новгород – Владимир – Москва; второй — это Ордабазарская дорога: Переволка – Донской берег – Воронежские ответвления – Ряжск – Рязань – Москва. После того, как политическая ситуация разрешилась в пользу Москвы, русские политики начали требовать, чтобы послы и купцы ез-

[1] Большой Кипчак или Половецкая степь (в Западной Европе — Кумания) — исторический регион Евразии, Великая Степь от низовий Дуная и до Иртыша и озера Балхаш, от Крыма до Волжской Булгарии.

дили через город Казань. Ордабазарская дорога не была такой активной, как Ногайская дорога между Сарайчиком и Москвой. Позже от второй дороги в XVII в. отделилась Большая Саратовская дорога, охватывавшая расстояния между Пензой – Тамбовом – Шацком – Рязанью – Москвой [Трепавлов 2020: 526]. Дополнительно к этим дорогам продолжалась экономическая связь с городом Астраханью на севере Каспийского моря. Хотя дорога и перестала функционировать во время войны между Московским государством и Крымским ханством, торговый путь вновь начал развиваться в связи с изменением политической ситуации. Таким образом, прежние золотоордынские караванные пути постепенно утратили свое значение, и начали прокладываться новые маршруты.

Со временем северная ветвь Великого Шелкового пути претерпела кардинальные изменения, появились новые экономически эффективные маршруты.

6. Заключение

Караванные пути северной ветви Великого Шелкового пути, проходившие через Сарайчик, также менялись в связи с влиянием мировой политики в средние века. Время, когда караванные пути развивались и поддерживались на государственном уровне, приходится на правление Узбек-хана и Жанибек-хана. На сегодняшний день исторические и археологические данные свидетельствуют о том, что на юге Волго-Уральского междуречья, а точнее к западу от Сарайчика, было три караванных пути. На этих дорогах уже обнаружено более десяти поселений. Например, это поселение Карагайлы, расположенное на площади 100 га. Монеты, нефрит и другие артефакты, найденные во время полевых (экспедиционных) работ в поселениях, расположенных на караванных путях, показывают, что здесь на определенном уровне развивалась торговля. На караванном пути были особые места — караван-сараи, где останавливались караваны. Караванные пути сохранились и во времена правления Ногайской Орды и Казахского ханства. Однако после того, как усилившее свое влияние Московское государство, а затем и Российская империя взяли под свою пространственную имперскую политику Волго-Уральское междуречье, контроль над караванными путями усилился, а пути следования караванов сократились.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что золотоордынские караван-сараи и караванные пути имели эффективную территориальную организацию на юге и юго-западе Западного Казахстана и юге Волго-Уральского междуречья, обеспечивая транзитно-торговую систему передвижения людей, товаров и знаний по северной ветви Великого Шелкового пути. Безусловно, золотоордынские караван-сараи и караванные пути на территории юга и юго-запада Западного Казахстана и юга Волго-Уральского междуречья вошли в историю в качестве объектов, игравших большую роль во взаимодействии Азии и Европы.

Сокращения

араб. — арабский
вен. — венгерский
итал. — итальянский
осман. — османский
перс. — персидский

Источники

Есеп 2021 — «Қазақстанның батыс өңіріндегі алтынордалық қалалар, көне керуен жолдары және керуен-сарайлар: пәнаралық зерттеулер (XIII–XV ғғ.)» ғылыми бағдарламаның 2021 жылдық есебі (аралық есеп), грант № BR10164208 / ғылыми жетекшісі У. Т. Ахметова (= Годовой отчет научной программы за 2021 год (промежуточный отчет) «Золотоордынские города, караванные пути и караван-сараи в Западном Казахстане: междисциплинарные исследования (XIII–XV вв.)», грант № BR10164208 / научный руководитель У. Т. Ахметова). Сарайшык, 2021. 165 с. // Государственный историко-культурный музей-заповедник «Сарайшык», Республика Казахстан.

Есеп 2022 — «Қазақстанның батыс өңіріндегі алтынордалық қалалар, көне керуен жолдары және керуен-сарайлар: пәнаралық зерттеулер (XIII–XV ғғ.)» ғылыми бағдарламаның 2022 жылдық есебі (аралық есеп), грант № BR10164208 / ғылыми жетекшісі У. Т. Ахметова (= Годовой отчет научной программы за 2022 год (промежуточный отчет) «Золотоордынские города, караванные пути и караван-сараи в Западном Казахстане:

междисциплинарные исследования (XIII–XV вв.)», грант № BR10164208 / научный руководитель У. Т. Ахметова). Сарайчик, 2022. 191 с. // Государственный историко-культурный музей-заповедник «Сарайшык», Республика Казахстан.

НА РК — Национальный архив Республики Казахстан.

Sources

Golden Horde Cities, Caravan Routes and Caravanserais in West Kazakhsta, Thirteenth–Fifteenth Centuries: Interdisciplinary Research (grant no. BR10164208; Leading Researcher U. Akhmetova): 2021 [Interim] Research Program Report. Saraishyq, 2021. 165 p. At: Saraishyq State Reserve Museum of History and Culture (Republic of Kazakhstan). (In Kaz.)

Golden Horde Cities, Caravan Routes and Caravanserais in West Kazakhsta, Thirteenth–Fifteenth Centuries: Interdisciplinary Research (grant no. BR10164208; Leading Researcher U. Akhmetova): 2022 [Interim] Research Program Report. Saraishyq, 2022. 191 p. At: Saraishyq State Reserve Museum of History and Culture (Republic of Kazakhstan). (In Kaz.)

National Archive of the Republic of Kazakhstan.

Литература

Ажигали 2017 — *Ажигали С. Е.* Очерк истории изучения памятников народного зодчества, «древностей и развалин» Арало-Каспийского региона в досоветский период (до середины XIX в.). Ч. 1: От ранних сведений о памятниках кочевого Арало-Каспия до экспедиции Я. П. Гавердовского 1803–1804 гг. // Пространство и Время. 2017. № 2–3–4 (28–29 –30–32). С. 108–127.

Английские путешественники 1938 — Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке: сб. текстов / пер. с англ. Ю. В. Готье; введ. Г. Новицкого; отв. ред. Н. Л. Рубинштейн. М.: Соцэкгиз, 1938. 308 с.

Астафьев 2009 — *Астафьев А. Е.* Отчет об исследовании торговых караванных трасс, проходивших по территории Мангистауской области в средневековье. Актау: [б. и], 2009. 76 с.

Әбілғазы 1991 — *Әбілғазы.* Түрік шежіресі (= Абылгазы. Тюркская хроника). Алматы: Ана тілі, 1991. 208 с.

Байпақов, Нұржанов 1992 — *Байпақов К., Нұржанов А.* Ұлы Жібек жолы және ортағасырлық Қазақстан (= Байпаков К., Нуржанов А. Великий Шелковый путь и средневековый Казахстан). Алматы: Қазақстан, 1992. 208 с.

Григорьев 1907 — *Григорьев В.* Описание Хивинского ханства и дорога туда из Сарайчиковой крепости // Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. Вып. XIX. Оренбург. Типолит. т-ва Каримов, Хусаинов и Ко, 1908. С. 183–193.

Егоров 1985 — *Егоров В. Л.* Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. М.: Наука, 1985. 224 с.

Егоров, Юхт 1986 — *Егоров В. Л., Юхт А. И.* В. Н. Татищев о городах Золотой Орды в Нижнем Поволжье // Советская археология. 1986. № 1. С. 232–239.

Жүнісханов 2021 — *Жүнісханов А. С.* Ортағасырлық керуен жолдары: Алтын Орда дәуіріндегі исламдану үдерісі (= Средневековые караванные пути: процесс исламизации в эпоху Золотой Орды) // Қасым хан және Сарайшық Қазақ мемлекеттілігі тарихында: Республикалық ғылыми-тәжірибелік конференцияның материалдар жинағы (Атырау, 13–15 қазан, 2021 жыл) (= Касым-хан и Сарайчик в истории Казахской государственности: сб. мат-лов Респ. науч.-практ. конф. (г. Атырау, 13–15 октября 2021 г.)). Атырау; Сарайшық: «Сарайшық мемлекеттік тарихи-мәдени музей қорығы» РМҚК, 2021. С. 49–54.

Золотая Орда 2016 — Золотая Орда в мировой истории / отв. ред. И. Миргалеев, Р. Хаутала. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2016. 968 с.

Ибрагимов 1988 — *Ибрагимов Н.* Ибн Баттута и его путешествия по Средней Азии. М.: Наука, 1988. 128 с.

Калменов 2013 — *Калменов М. Д.* Археологические памятники Устюрта и Мангистау на средневековых караванных путях (X–XIV вв.): автореф. дисс. … канд. ист. наук. Казань, 2013. 27 с.

Кастанье 2007 — *Кастанье А. И.* Древности Киргизской степи и Оренбургского края. 2-е изд. Алматы: Дайк-Пресс, 2007. 516 с.

Кирилов 1724–1737 — *Кирилов И. К.* Атлас Всероссийской империи: собрание карт И. К. Кирилова. СПб.: Имп. акад. наук, 1737. 37 с.

Книга Марко Поло 1990 — Книга Марко Поло о разнообразии мира, записанная пизанцем Рустикано в 1298 г. от р. Х. / ред. Г. И. Патлина. Серия: Путешествия. Открытия. Приключения. Алма-Ата: Наука КазССР, 1990. 352 с.

Кольцов, Байтанаев, Гаджиев 2019 — *Кольцов П. М., Байтанаев Б. А., Гаджиев М. С.* Инфраструктура Северной ветви Великого

шелкового пути на участках: Западный Казахстаан – Нижнее Поволжье – Подонье – Северный Кавказ // Поволжская археология. 2019. № 4(30). С. 8–24.

Қасенов 2019 — *Қасенов М. С.* Таскешу (= Таскешу). Атырау: Х. Досмұхамедов атындағы АМУ баспасы, 2019. 105 с.

Левшин 1996 — *Левшин А. И.* Описание киргиз-казачьих или киргиз-кайсацких орд и степей. Алматы: Санат, 1996. 656 с.

Мейендорф 1975 — *Мейендорф Е. К.* Путешествие из Оренбурга в Бухару / пер. с англ. Е. К. Бетгера; предисл. Н. А. Халфина. М.: Наука, 1975. 182 с.

Мейер 2017 — *Мейер Л.* Киргизская степь Оренбургского ведомства. Павлодар: ЭКО, 2007. 191 с.

Миргалеев 2018 — *Миргалеев И.* Как хан Токтамыш попытался вернуть Золотую Орду на Шелковый путь [электронный ресурс] // Интернет-газета «Реальное время». URL: https://m.realnoevremya.ru/articles/104257-kolonka-istorika-o-severnom-marshrute-shelkovogo-puti?_url=%2Farticles%2F104257-kolonka-istorika-o-severnom-marshrute-shelkovogo-puti (дата обращения: 08.08.2022).

Монеты Сарайчика 2006 — Монеты Сарайчика / З. Самашев, Р. Бурнашева, Н. Базылхан, В. Плахов. Алматы: Grapho-art, 2006. 184 с.

Мұқтар 2022 — *Мұқтар Ә.* «Қарағайлы мекеніндегі ортағасырлық кесенені зерттеу» тақырыбы бойынша археологиялық жұмыстардың ғылыми есебі (= Научный отчет об археологических работах по теме: «Исследование средневекового мавзолея в местности Карагайлы»). Сарайшық: «Сарайшық мемлекеттік тарихи-мәдени музей қорығы» РМҚК, 2022. 78 с.

Петров и др. 2022 — *Петров П. Н., Муктар А. К., Биккиняев Н. Х., Жумабаев А. Ж.* Нумизматические находки в средневековом городе Сарайчук по результатам археологических исследований. Ч. I // Материалы по археологии и истории античного и средневекового Причерноморья. 2022. № 14. С. 382–404. DOI: 10.53737/2713-2021.2022.45.93.020

Плахов 2007 — *Плахов В. В.* О караваных путях в Северном Прикаспии // Историко-культурное наследие Арало-Каспийского региона: мат-лы Междунар. науч.-практ. конф. (г. Актау, 15–17 сентября 2007 г.). Актау: Мәтіні қазақ, орыс тілдерінде, 2007. С. 26–27.

Райс 2004 — *Райс Т. Т.* Сельджуки. Кочевники-завоеватели Малой Азии. М.: ЗАО Центрполиграф, 2004. 238 с.

Рутько, Семянников 2019 — *Рутько И. М., Семянников Б. Г.* Военный моряк и геодезист Марк Дубровин — исследователь Средней Азии // International Journal of Theory and Scientific Practice. 2019. Т. 2. № 1. С. 3–6.

Рычков 1999 — *Рычков П. И.* Топография Оренбургской губернии. Уфа: Китап, 1999. 312 с.

Сарайшық 2015 — Сарайшық — бабалар мұрасы. Сарайшық қалашығының тарихы туралы дереккөздер / құр. Ж. К. Жұмабаева, М. Қ. Кипиев; ғыл. ред. Ж. К. Жұмабаева (= Сарайчик — наследие предков. Источники по истории городища Сарайчик / сост.: Ж. К. Жумабаева, М. К. Кипиев; науч. ред. Ж. К. Жумабаева). Атырау: «Ағатай» баспасы, 2015. 224 с.

Таиров 2022 — *Таиров А. Д.* Торговые коммуникации в западной части Урало-Иртышского междуречья. Челябинск: Издание ЧелГУ, 1995. 43 с.

Тасмагамбетов, Самашев 2001 — *Тасмагамбетов И., Самашев З.* Сарайчик. Алматы: ОФ «Берел», 2001. 320 с.

Толстов 1948 — *Толстов С. П.* По следам древнехорезмийской цивилизации. М.; Л.: АН СССР, 1948. 328 с.

Толстов 1958 — *Толстов С. П.* Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1949–1953 гг. // Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. Ч. II. М.: АН СССР, 1958. С. 7 –258.

Трепавлов 2020 — *Трепавлов В. В.* История Ногайской Орды. 3-е изд., испр., и доп. М.: Квадрига, 2020. 1024 с.

Утемиш-хаджи 1992 — *Утемиш-хаджи.* Чингиз-наме / факсимиле, перев., транскр., текстолог. примеч. В. П. Юдина; коммент. и указат. М. Х. Абусеитовой. Алма-Ата: Гылым, 1992. 296 с.

Франкопан 2021 — *Франкопан П.* Шелковый путь: дорога тканей, рабов, идей и религий / пер. с англ. К. С. Истомина. 2-е изд. М.: Эксмо, 2021. 864 с.

Шпулер 2018 — *Шпулер Б.* Золотая Орда. Монголы на Руси. 1223–1502 / пер. с нем. С. Ю. Чупрова. М.: ЗАО Центрполиграф, 2018. 415 с.

Якубовский 1930 — *Якубовский А. Ю.* Развалины Ургенча // Известия Государственной академии истории материальной культуры. Т. VI. Вып. 2. Л.: ГАИМК, 1930. 68 с.

References

Abulgazi (Abu al-Ghazi Bahadur). Genealogy of the Turks. Almaty: Ana Tili, 1991. 208 p. (In Kaz.)

Astafyev A. E. Medieval Trade Caravan Routes of Present-Day Mangystau Region: An Investigation Report. Aktau, 2009. 76 p. (In Russ.)

Azhigali S. E. Essay on the history of studying monuments of folk architecture, 'antiquities and ruins' in the Aral-Caspian region during pre-Soviet period (until the mid–19th c.). Part 1. From early information on monuments in the nomadic Aral-Caspian region to Yakov P. Gaverdovsky's expedition of 1803–1804. *Space and Time*. 2017. Nos. 2–3–4 (28–29–30). Pp. 108–127. (In Russ.)

Baypakov K., Nurzhanov A. Silk Road and Medieval Kazakhstan. Almaty: Qazaqstan, 1992. 208 p. (In Kaz.)

Castagné A. I. Antiquities of the Kirghiz Steppe and Orenburg Krai. Second ed. Almaty: Daik-Press, 2007. 516 p. (In Russ.)

Frankopan P. The Silk Roads: A New History of the World. K. Istomin (transl.). Second ed. Moscow: Eksmo, 2021. 864 p. (In Russ.)

Grigoryev V. A description of the Khanate of Khiva and the way there from the fortress of Saraichik. *Trudy Orenburgskoy uchenoy arkhivnoy komissii*. 1907. Vol. 19. Pp. 183–193. (In Russ.)

Ibragimov N. Ibn Battuta and His Travels in Central Asia. Moscow: Nauka, 1988. 128 p. (In Russ.)

Kalmenov M. D. Tenth to Thirteenth Century Sites along Caravan Routes of the Ustyurt Plateau and the Mangyshlak Peninsula. Cand. Sc. (history) thesis abstract. Kazan, 2013. 27 p. (In Russ.)

Kasenov M. S. Taskeshu. Atyrau: Atyrau University, 2019. 105 p. (In Kaz.)

Kirilov I. K. Atlas of the All-Russian Empire: Maps Collected by I. Kirilov. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences, 1737. 37 p. (In Russ.)

Koltsov P. M., Baitanayev B. A., Gadjiev M. S. Infrastructure of Great Silk Road north branch in areas: Western Kazakhstan – Lower Volga region – Don region – North Caucasus. *The Volga River Region Archaeology*. 2019. Vol. 4(30). Pp. 8–24. (In Russ.)

Levshin A. I. Description of Kirghiz-Qazaq or Kirghiz-Kaisak Hordes and Steppes. Almaty: Sanat, 1996. 656 p. (In Russ.)

Meyendorff E. K. Journey from Orenburg to Bukhara. E. Betger (transl.), N. Khalfin (foreword). Moscow: Nauka, 1975. 182 p. (In Russ.)

Meyer L. Kirghiz Steppe of Orenburg Governorate. Pavlodar: EKO, 2007. 191 p. (In Russ.)

Mirgaleev I. How Khan Tokhtamysh attempted to bring Golden Horde back onto Silk Road. On: Realnoe Vremya (online newspaper). Posted on 2 July 2018. Available at: https://m.realnoevremya.ru/articles/104257-kolonka-istorika-o-severnom-marshrute-shelkovogo-puti?_url=%2Farticles%2F104257-kolonka-istorika-o-severnom-marshrute-shelkovogo-puti (accessed: 8 August 2022). (In Russ.)

Mirgaleev I., Hautala R. (eds.) Golden Horde in World History. Kazan: Märcani Institute of History, 2016. 968 p. (In Russ.)

Muktar A. Medieval Mausoleum in Karagaily: Archaeological Investigation Report. Saraishyq: Saraishyq State Reserve Museum of History and Culture, 2022. 78 p. (In Kaz.)

Petrov P. N., Muktar A. K., Bikkinyev N. H., Zhumabayev A. Zh. Numismatic finds in the medieval town of Saraichik according to the results of archaeological research. Pt. I. *Proceedings in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region*. 2022. No. 14. Pp. 382–404. (In Russ.) DOI: 10.53737/2713-2021.2022.45.93.020

Plakhov V. V. Caravan routes of the Northern Caspian revisited. In: Historical and Cultural Heritage of the Aral-Caspian Region. Conference proceedings (Aktau, 15–17 September 2007). Aktau, 2007. Pp. 26–27. (In Russ.)

Polo M. Book of the Marvels of the World [Written down by Rustichello da Pisa in 1298 AD]. G. Patlina (ed.). Alma-Ata: Nauka (Kazakh SSR), 1990. 352 p. (In Russ.)

Rice T. T. The Seljuks in Asia Minor. Moscow: Tsentrpoligraf, 2004. 238 p. (In Russ.)

Rubinshtein N. L. (ed.) Sixteenth-Century Tsardom of Muscovy: [Collected] Eyewitness Accounts by English Travelers. Yu. Gotye (transl.); G. Novitsky (foreword). Moscow: Sotsekgiz, 1938. 308 p. (In Russ.)

Rutko I. M., Semyannikov B. G. Military sailor and geodesist Mark Dubrovin – researcher of Middle Asia. *International Journal of Theory and Scientific Practice*. 2019. Vol. 2. No. 2. Pp. 3–6. (In Russ.)

Rychkov P. I. The Topography of Orenburg Governorate. Ufa: Kitap, 1999. 312 p. (In Russ.)

Samashev Z., Burnasheva R., Bazylkhan N., Plakhov V. Coins of Saraichik. Almaty: Grapho-Art, 2006. 184 p. (In Russ.)

Spuler B. The Golden Horde: Mongols in Russia, 1223–1502. S. Chuprov (transl.). Moscow: Tsentrpolitgraf, 2018. 415 p. (In Russ.)

Tairov A. D. Trade Communications in the Western Ural-Irtysh Interfluve. Chelyabinsk: Chelyabinsk State University, 1995. 43 p. (In Russ.)

Tasmagambetov I., Samashev Z. Saraichik. Almaty: Berel, 2001. 320 p. (In Russ.)

Tolstov S. P. Investigations of the Khwarazm Archaeology and Ethnography Research Expedition (USSR Academy of Sciences) in 1949–1953. In: Proceedings the Khwarazm Archaeology and Ethnography Research Expedition. Pt. 2. Moscow: USSR Academy of Sciences, 1958. Pp. 7 –258. (In Russ.)

Tolstov S. P. Tracing the Ancient Khwarazm Civilization. Moscow, Leningrad: USSR Academy of Sciences, 1948. 328 p. (In Russ.)

Trepavlov V. V. History of the Nogai Horde. Third edition, rev. & suppl. Moscow: Kvadriga, 2020. 1024 p. (In Russ.)

Utemish-haji. Genghis-nama. V. P. Yudin (facsimile, transl., etc.); M. Abuseitova (comment., indices). Alma-Ata: Gylym, 1992. 296 p. (In Russ. and Chag.)

Yakubovsky A. Yu. Ruins of Urgench. *Izvestiya Gosudarstvennoy akademii istorii material'noy kul'tury*. 1930. Vol. 6. Is. 2. 68 p. (In Russ.)

Yegorov V. L. Golden Horde in the Thirteenth–Fourteenth Centuries: A Historical Geography. Moscow: Nauka, 1985. 224 p. (In Russ.)

Yegorov V. L., Yukht A. I. Vasily N. Tatishchev about Golden Horde towns in the Lower Volga. *Sovetskaya arkheologiya*. 1986. No. 1. Pp. 232–239. (In Russ.)

Zhumabayeva Zh. K., Kipiev M. K. (comps.) Saraichik — Heritage of Ancestors: Sources in the History of Saraichik. Zh. Zhumabayeva (ed.). Atyrau: Agatai, 2015. 224 p. (In Kaz.)

Zhuniskhanov A. S. Medieval caravan routes: Islamization processes in the Golden Horde era. In: Qasim Khan and Saraichik in the History of Kazakh Nationhood. Conference proceedings (13–15 October 2021) Atyrau, Saraishyq: Saraishyq State Reserve Museum of History and Culture, 2021. Pp. 49–54. (In Kaz.)

Published in the Russian Federation
Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
Has been issued as a journal since 2008
ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
Vol. 16, Is. 5, Pp. 1087–1098, 2023
Journal homepage: https://kigiran.elpub.ru

CC BY NC ND

УДК / UDC 94 (430)
DOI: 10.22162/2619-0990-2023-69-5-1087-1098

Политические и экономические интересы Германии в Западном Туркестане в первой трети XX в.

Гульжаухар Какеновна Кокебаева[1, 2], *Сабит Камытбекович Шилдебай*[3]

[1] Казахский национальный педагогический университет им. Абая, Институт истории и права (д. 13, пр. Достык, 050010 Алматы, Республика Казахстан)
доктор исторических наук, профессор
[2] Казахский национальный университет им. Аль-Фараби (д. 71, пр. Аль-Фараби, 050040 Алматы, Республика Казахстан)
доктор исторических наук, профессор
0000-0002-6638-4663. E-mail: kokebayeva[at]gmail.com

[3] Центральный государственный архив Республики Казахстан (д. 39, пр. Абая, 050000 Алматы, Республика Казахстан)
кандидат исторических наук, директор
0000-0001-7110-2571. E-mail: s.shildebai[at]mail.ru

© КалмНЦ РАН, 2023
© Кокебаева Г. К., Шилдебай С. К., 2023

Аннотация. *Введение.* Поздно вступившая в борьбу за колонии Германская империя, убедившись в малоэффективности вложения капитала в экономику своих владений в Африке, стала искать богатые природными ресурсами и более развитые в экономическом плане территории. В результате поисков внимание Германии привлек богатый ресурсами Туркестан. *Цели и задачи* исследования. Статья посвящена исследованию политических и экономических интересов Германии в Туркестане в первой трети XX в. Выбор указанного отрезка времени определяется политическими процессами и коренными изменениями в Германии, первая треть XX в. охватывает имперский и веймарский периоды, к тому же это совпадает с усилением внимания Германии к Туркестану. *Материалы и методы.* Материалами для наших исследований служили документальные источники, изученные нами в немецких архивах. При исследовании выбранной нами темы используется историко-системный метод, который позволяет рассматривать исследуемый объект как часть сложно организованной системы. Как метод выступает также принцип историзма, который предполагает изучение истории возникновения и эволюции политики германских властей в Туркестане в контексте исторической реальности развития Германии в первой трети XX в. *Результаты.* Проанализированы предпосылки возникновения экономических интересов Германии в Туркестане. Выявлены нарративы как доказательства

усиления внимания Германии к Туркестану в период Первой мировой войны и в период действия Рапалльского договора. Сделаны *выводы* относительно отсутствия хорошо разработанной, цельной стратегии Германии в отношении Туркестана и Центральной Азии в целом.
Ключевые слова: Туркестан, Германская империя, экспедиции, экономические интересы, политические интересы, сырьевые ресурсы, Центральная Азия
Для цитирования: Кокебаева Г. К., Шилдебай С. К. Политические и экономические интересы Германии в Туркестане в первой трети XX в. // Oriental Studies. 2023. Т. 16. № 5. С. 1087–1098. DOI: 10.22162/2619-0990-2023-69-5-1087-1098

Germany's Political and Economic Interests in West Turkestan: 1900s–1930s

Gulzhaukhar K. Kokebayeva[1, 2], *Sabit K. Shildebai*[3]

[1] Abai Kazakh National Pedagogical University (13, Dostyk Ave., 050010 Almaty, Republic of Kazakhstan)
Dr. Sc. (History), Professor

[2] Al-Farabi Kazakh National University (71, Al-Farabi Ave., 050040 Almaty, Republic of Kazakhstan)
Dr. Sc. (History), Professor
0000-0002-6638-4663. E-mail: kokebayeva[at]gmail.com

[3] Central State Archive of the Republic of Kazakhstan (39, Abai Ave., 050000 Almaty, Republic of Kazakhstan)
Cand. Sc. (History), Director
0000-0001-7110-2571. E-mail: s.shildebai[at]mail.ru

© KalmSC RAS, 2023
© Kokebayeva G. K., Shildebai S. K., 2023

Abstract. *Introduction*. The German Empire was late to the colonial stage and soon witnessed the inefficiency of investment in subject economies across Africa. So, it started looking for more developed and resource-rich territories. As a result, the affluent Turkestan attracted Germany's attention. *Goals*. The article examines political and economic interests of Germany in Turkestan in the 1900s to 1930s. The period is characterized by turbulent political processes, dramatic changes in Germany — and covers the imperial and Weimar eras coupled with the increasing attention to Turkestan. *Materials and methods*. The study focuses on documents contained in German repositories. The paper employs the historical systemic method which makes it possible to consider the subject under study as part of a comprehensively organized system. The principle of historicism also serves as a research method thereto since it implies historical insights into the emergence and evolution of the policy of German authorities in Turkestan — in the context of actual historical realities inherent to Germany's development in the 1900s to 1930s. *Results*. The work analyzes some prerequisites for the emergence of German economic interests in Turkestan, reveals certain narratives as evidence of Germany's increased attention to Turkestan during WWI and the Treaty of Rapallo. *Conclusions*. It is shown that Germany did lack a well-developed, coherent strategy for Turkestan and Central Asia at large.
Keywords: West Turkestan, German Empire, expeditions, economic interests, political interests, raw material resources, Central Asia
For citation: Kokebayeva G. K., Shildebai S. K. Germany's Political and Economic Interests in West Turkestan: 1900s–1930s. *Oriental Studies*. 2023; 16(5): 1087–1098. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2023-69-5-1087-1098

1. Введение

В эпоху интенсивной колонизации Азии и Африки европейские державы пытались завоевать весьма отдаленные территории, и в результате появились мультиконтинентальные империи. Одной из таких европейских держав была Германская империя, вступившая в борьбу за колонии очень поздно, после окончательного создания империи в 70-х гг. XX в. [Noyan 2013: 110]. К тому времени основные, богатые ресурсами, территории уже были поделены между «старыми» колониальными империями, и Германия вынуждена была довольствоваться разрозненными и бедными ресурсами территориями в Африке и на островах Тихого океана.

Объем импорта из этих колоний был весьма незначительным [Facing 2005], а местное население не было заинтересовано в приобретении немецких товаров, немецких поселенцев в свою очередь не очень привлекали эти территории, где жизнь была тяжелой и рискованной из-за сухого климата и наличия опасных болезней [Facing 2005].

Несмотря на отсутствие большой экономической прибыли, государству приходилось тратить деньги на содержание административного аппарата в этих колониях и вкладывать финансовые средства с целью превращения их в сырьевую базу быстро растущей германской индустрии. Так, Германия стремилась превратить свою африканскую колонию Того в крупного поставщика хлопка для своей текстильной промышленности, однако успехи Германии в этом предприятии были небольшими [Beckert 2015: Chapter 12].

В этот период другие страны активно развивали производство хлопка. Так, российские власти предприняли ряд успешных мер по увеличению посевов хлопка в Туркестане: ввели американские и египетские сорта хлопка, более подходящие для их текстильной промышленности, взамен среднеазиатских сортов. К 1901 г. почти 70 % хлопка, выращиваемого в среднеазиатских районах, составлял американский хлопок [Apoh, Lundt 2013: 192]. Здесь были созданы семеноводческие фермы, предоставлены технические инструкции местным производителям, кредиты фермерам, открыты хлопкоочистительные заводы в этом регионе.

Российская империя стала пятым по величине производителем хлопка в мире после США, Индии, Китая и Египта, причем большая часть выращивания была сосредоточена в Центральной Азии [Whitman 1956: 201; Obertreis 2017: 74–76]. К 1909 г. на Туркестан приходилось более половины всего хлопка, перерабатываемого русскими текстильными фабриками, а немецкая колония Того не смогла удовлетворить даже 0,5 % потребностей текстильной промышленности Германии [Apoh, Lundt 2013: 193]. В такой ситуации Германия обратила свой взор на Туркестан.

2. Материалы и методы

Материалами для наших исследований служили документальные источники, изученные нами в немецких архивах, которые отражают ситуацию накануне и в период Первой мировой войны, а также и стремления побежденной Германии найти новые источники сырья для восстановления разрушенной войной экономики.

При исследовании выбранной нами темы используется историко-системный метод, который позволяет рассматривать исследуемый объект как часть сложно организованной системы. Функционирование и развитие этой системы включает в себя основные компоненты, как отдельное конкретное событие, историческая ситуация, глобальный процесс. В нашем случае в качестве отдельного конкретного события выступают политические и экономические интересы Германии в Туркестане, историческая ситуация — выход на международную арену нового индустриального государства (Германии), исторический процесс — борьба между крупными державами мира за источники сырья и рынки. Эти реальные события, явления и процессы взаимосвязаны, взаимообусловлены и имеют причинно-следственные связи. Выявление этих внутренних связей позволяет понять и оценить исследуемый объект. В работе применяется принцип историзма, который предполагает изучение истории возникновения и эволюции политики германских властей в Туркестане в контексте исторической реальности развития Германии в первой трети XX в.

3. Историографический обзор

История возникновения и эволюция экономических и политических интересов Германии в Туркестане относится к числу малоизученных проблем. Во всех работах, посвященных экономическим интересам Германии на территории Российской империи, рассматриваются в основном центральные промышленные районы и южные регионы. Общие вопросы развития русско-германских экономических связей с конца XIX в. до начала Первой мировой войны освещены в монографии Ю. Ф. Субботина [Субботин 1996]. Германские инвестиции в тяжелую промышленность России во второй половине XIX в. рассматриваются в работе И. А. Дьяконовой [Дьяконова 1997]. Туркестан как объект интересов Германии представлен только в исследовании В. В. Ряполова. В книге освещены основные методы германских властей по продвижению своих экономических и политических интересов в Туркестане в конце XIX – начале XX в. [Ряполов 2019]. Некоторые аспекты политики Германии в Центральной Азии в XIX в. затронуты в статье О. О. Лисенкова [Лисенков 2019].

Политика Германии в Туркестане вызывает значительный интерес у зарубежных исследователей. Интересы крупных держав Европы в Центральной Азии, «Большая игра» в последней трети XIX в. интенсивно изучались немецким ученым Р. А. Марком [Mark 2012]. В его монографии показано, как пристальное наблюдение за русско-английским соперничеством играло центральную роль во внешней политике Германии в период канцлерства Бисмарка, и впоследствии это стало важным элементом восточной, а затем и мировой политики Берлина. Р. А. Марк, изучая Центральную Азию как объект немецкой политики от основания германской империи до Первой мировой войны, в регион центральноазиатских интересов европейских держав включает также и Западный Туркестан.

Вторая монография Р. А. Марка посвящена изучению политики Германии по Центральной Азии в период Первой мировой войны и веймарский период. Определенный интерес для исследователей истории Туркестана представляют разделы этой книги, где освещена деятельность «Бюро новостей Востока» в подготовке пропагандистских брошюр о восточных колониях стран Антанты, о работе эмигрантов из России, Ирана и Индии, о положении немецких подданных, оказавшихся в России в период войны, о ситуации в Туркестане к началу войны и о восстании местного населения [Mark 2013: 43–66].

В книге Ф. Тормы освещается общая история немецких экспедиций в Туркестан, однако автором детально анализируется работа только одной германо-советской экспедиции в Туркестан, в Памир-Алайский регион, состоявшейся в 1928 г. [Torma 2011].

Самым изученным аспектом германской политики относительно восточных территорий стран Антанты стала история деятельности «Информационной службы по Востоку», созданной в период Первой мировой войны, и призыв к революционированию восточных колоний стран Антанты [Loth, Hanisch 2013; Kosiarski 2015; Гилязов 2015; Krug 2020].

Как видно из краткого обзора научной литературы, история политических и экономических интересов Германии в Туркестане исследована недостаточно.

4. Попытка Германии превратить Туркестан в сырьевую базу немецкой экономики

В середине XIX в. термин «Большая игра», описывающий соперничество двух крупных держав Европы — России и Англии в Центральной Азии, стал популярным в англоязычном мире. После поражения в Крымской войне политика царской власти все больше ориентировалась на Центральную Азию. В ходе двух англо-афганских войн английская армия пыталась превратить Афганистан в буферное государство, чтобы не допустить возможное расширение Российской империи в этом направлении. Российская армия в этот период в результате нескольких крупных военных экспедиций включила в состав империи обширные территории Западного Туркестана [Андерсон, Тальская 2019: 25–28].

К концу XIX в. наблюдалось минимальное сокращение границ владений Российской и Британской империй в Центральной Азии. В подписанной в 1907 г. англо-русской конвенции британское и российское

правительства определили сферы своих интересов в Персии, Китае и Западном Туркестане [Сборник договоров 1952: 386–393; Hopkirk 1994: 520–522].

Это соглашение стало после многолетнего соперничества новым союзом между двумя державами, причиной заключения такого союзнического договора стало появление в регионе нового игрока — Германской империи.

Первые действия Германии в этом регионе были представлены в виде вложения капитала в развитие экономики Туркестана, и в последней четверти XIX в. германские инвестиции в Западный Туркестан стали быстро расти, инвестициями занимались предприниматели — подданные Германии. Бывший германский посол в Санкт-Петербурге Г.-Г. Швейниц, посетивший Туркестан в конце XIX в., отметил, что при правлении Туркестаном генерал-губернатора К. П. Кауфмана немцы всех профессий могли беспрепятственно работать в Туркестане [Ряполов 2019: 42–43].

Р. Ф. Марк отмечает, что в конце XIX в. германские инвестиции в российский Туркестан сталкивались с ограничениями из-за обострения отношений между Германией и Россией, а также ввиду особого значения и важности Туркестана для Российской империи [Mark 2012: 39–53, 59–71].

Германские власти все это время наблюдали, анализировали, но не вмешивались в теневую борьбу за политическое господство над Центральной Азией, происходившую между Британской и Российской империями. Тем не менее германские власти собирали информацию о Туркестане. В 1906 г. российское правительство разрешило проезд двух немецких военных наблюдателей через российский Туркестан, и через год в министерство иностранных дел Германии поступил большой доклад о ситуации в этом регионе. В докладе содержались предложения поднять в этом беспокойном регионе вооруженное восстание, чтобы это действие стало частью стратегии разложения России [PA-AA. R 11070. Russland 97b – Central Asien. 8. November 1907]. Однако ввиду создания двух противоборствующих блоков европейских держав германские власти тогда не предпринимали конкретных мер по продвижению своих интересов в Западном Туркестане.

В период Первой мировой войны Туркестан интересовал Германию как часть исламского мира. Летом 1914 г. политическое и военное руководство Германии сформулировало идею о заключении германо-исламского союза и подстрекательстве исламского мира к началу «священной войны» против стран Антанты — Великобритании, Франции и России. Эта политика возникла на основе меморандума дипломата Макса фон Оппенхайма [PA-AA. R 26319. Bl. 1–130].

М. фон Оппенхайм многократно путешествовал в страны исламского Средиземноморья, в колониальные владения Османской империи, изучал арабский язык и ислам в Каире. Благодаря тесному общению с местными жителями ему стало известно о концепции «священной войны». В отчетах, написанных им во время пребывания в Каире, он неоднократно обращал внимание своего начальства в Берлине на «революционную силу ислама» [PA-AA. R 26319. Bl. 49].

Когда перед Первой мировой войной стало очевидно, что Османская империя, которая была тесно связана с Германией с конца XIX в., вступит в Тройственный Союз, М. фон Оппенхайм увидел свой шанс: в 1914 г. он представил германскому императору Вильгельму II «Меморандум о революционизировании исламских территорий наших врагов». В этом документе изложены стратегические и тактические вопросы использования в интересах Германии освободительной борьбы мусульманских народов в колониях стран Антанты [PA-AA. R 26319. Bl. 1–130].

Шестой раздел Меморандума под названием «Русско-исламские области» был посвящен территориям России с мусульманским населением. Именно в этот период были заложены основы туркестанской политики Германии, впоследствии сыгравшей значительную роль в борьбе против СССР. «По данным 1910 года, — пишет Макс фон Оппенхайм, — в европейской России, а именно в Крыму и восточнее его, а также на Урале живут примерно 4,66 млн мусульман. В кавказской области примерно 1/3 населения численностью 4,83 млн исламского вероисповедания. Русская Азия (Хива, Буха-

ра, Киргизская степь и русский Туркестан) с примерно 10 млн населения почти полностью мусульмане, все сунниты. Таким образом, в русском государстве живут 19 млн мусульман, это приблизительно 11 % всего населения»[1] [PA-AA. R 26319. Bl. 11].

В реализации этого проекта определенную роль должны были играть военнопленные-мусульмане. По положениям Гаагской конвенции «О законах и обычаях сухопутной войны», подписанной 18 октября 1907 г., военнопленным предоставляется полная свобода отправления религиозных обрядов. Чтобы обеспечить возможность совершения исламских религиозных ритуалов в соответствии с требованиями Гаагской конвенции 1907 г., решили собрать всех военнопленных мусульман из колоний стран Антанты в двух лагерях, расположенных у Вюнсдорфа и Цоссена, впоследствии этим двум лагерям дали общее название «мусульманский лагерь». В рядах военнопленных-мусульман не было выходцев из Туркестана, так как они не подлежали призыву в армию Российской империи, поэтому эта часть плана М. фон Оппенхайма непосредственно не касалась Туркестана [PA-AA. R 26319. Bl. 53–56].

Немецкие планы относительно Туркестана не шли дальше агитации и пропаганды, так как настоящих боевых действий не было в Западном Туркестане, и Германия, как центральная фигура в Тройственном Союзе, вела тяжелые бои со странами Антанты на западном и восточном фронтах. В третьем разделе меморандума М. фон Оппенхайм предлагает создать в Берлине бюро переводов, действующее от имени Министерства иностранных дел, которое при содействии ученых-востоковедов будет заниматься разработкой и публикацией пропагандистского материала [PA-AA. R 26319. Bl. 55].

12 сентября 1914 г. заместитель госсекретаря А. Циммерманн проинформировал Министерство образования Пруссии о том, что барон Макс фон Оппенгейм уполномочен создать «Бюро восточных переводов», занимающееся пропагандистской работой [Bihl 1975: 102]. Впоследствии это бюро превратилось в «Информационную службу по Востоку». Она издавала широкий спектр пропагандистских материалов, разрабатывала политику особого обращения с военнопленными-мусульманами, а также пропагандировала «священную войну» в мусульманских колониях стран Антанты. Относительно Туркестана планировалась поддержка восстаний местного населения против России, ведение пропаганды среди германских австро-венгерских военнопленных и интернированных немецких или австрийских поселенцев в Туркестане, чтобы они влились в ряды восставших туркестанцев. В военном отношении ни один из этих германских проектов не был успешно реализован [Nagel 2018: 344].

Тем не менее германские власти продолжали интересоваться Туркестаном. Немецкие посольства и консульства собирали сведения о Туркестане и составляли доклады в Министерство иностранных дел Германии. Так, 15 октября и 13 ноября 1916 г. немецкое посольство в Пекине сообщило о том, что туркестанцы восстали против царской власти, повстанцы просят помощи у сородичей в Синьцзяне, а они уже начали сбор средств для покупки оружия для восставших [PA-AA. R 11071. Russland 97b – Central Asien. Bd. 7. Telegramm, A Nr. 53. Peking, den 13. November 1916].

Однако германские власти не смогли воспользоваться тяжелой для России ситуацией и не инициировали действий для усиления влияния в Западном Туркестане, потому что Туркестан все еще казался регионом слишком далеким для любой серьезной операции. Таким образом, военно-политические интересы Германии в Туркестане отошли на второй план.

В последний год войны, когда обнаружилось истощение сырьевых и продовольственных ресурсов и продолжение войны стало проблематичным, германские власти опять вспомнили о богатом ресурсами Туркестане. После заключения Брестского мира сотрудники немецкого посольства в Москве и военной разведки начинают собирать сведения о политическом и экономическом положении Туркестана [PA-AA. R 11073. Russland 97b – Central Asien. Bd. 9. Bericht über die Lage in Turkestan von Hans Wohlbrück. Berlin, den 26.August 1918; PA-AA. R 11074. Russland 97b – Central Asien. Bd. 10. Die wirtschaftliche Bedeutung Russisch-Turkestans. M. R. G. Meyerkort. Bremen, 23. Juli 1919].

[1] Перевод архивных документов на русский язык Г. К. Кокебаевой.

Германских властей интересуют резервы сырьевых ресурсов на территории Туркестана, а также сепаратистские стремления нерусских народов. 13 мая 1918 г. майор Хеннинг отправляет в Министерство иностранных дел Германии и Генеральный штаб сухопутных войск краткий отчет о политической ситуации в Туркестане [PA-AA. R 11072. Russland 97b – Central Asien. Bd. 8. Anlage 1, 2. A 23285].

9 июня 1918 г. в Политический отдел Генерального штаба сухопутных войск Германии поступает доклад, содержащий обстоятельный анализ возможностей использования экономических ресурсов Туркестана для снабжения фронта и тыла сырьем и продовольствием [PA-AA. R 11072. Russland 97b – Central Asien. Bd. 8. An die Politische Abteilung des Generalstabes des Feldheeres, Berlin. Warschau, 9. Juni 1918].

В июне 1918 г. посольство Германии в г. Москве готовит доклад о запасах сырьевых ресурсов Туркестана [PA-AA. Moskau 50. Wirtschaftliche Lage nach Beendigung des Krieges. Rohstoffbezug aus Turkestan und Persien. Juni, 1918].

Доклад балтийского немца А. Тледеманна, находившегося в Туркестане, был удостоен внимания главы правительства Германии — принца Максимилиана Баденского [PA-AA. R 11074. Russland 97b – Central Asien. Bd. 10. Anliegend Bericht Alexander Tiedemann. Geheim. Tiflis, den 12.10.1918].

Сведения поступали также и от военных врачей, работавших в лагерях для военнопленных, расположенных в Средней Азии и Казахстане. На основе этих сведений 22 июня 1918 г. сотрудниками Генерального Штаба сухопутных войск Германии был разработан для начальника штаба секретный доклад «Экономическое и военно-политическое положение Туркестана» [PA-AA. Russland 97b – Central Asien. Bd. 8. Chef des Generalstabes des Feldheeres. Abteilung Fremde Heere. Gr. H. Qu. den 22.06.1918. A 27179].

Революция в России, распад империи, установление советской власти и гражданская война в России усилили политический интерес Германии в бывших окраинах Российской империи. В Средней Азии и Казахстане были созданы отдельные автономии, Бухарское и Хивинское ханства объявили о восстановлении своей независимости. Новые возможности после Брестского договора вдохновили бывшего путешественника по Афганистану Оскара фон Нидермайера на написание меморандума, в котором излагалась стратегия для Средней Азии. Он отмечал, что в новых условиях Германия должна стремиться к ведущей роли в Средней Азии [PA-AA. R 11071. Russland 97b – Central Asien. Bd. 7. 10 May, 1918. A 26765].

Особое внимание властей Германии к восточным окраинам советской России находит отклик у некоторых политических деятелей Туркестана. Один из руководителей бывшей Туркестанской автономии Серали Лапин в октябре 1918 г. под предлогом необходимости лечения приезжает в Германию. 2 октября 1918 г. С. Лапин представил в Немецкий восточный институт доклад о политической ситуации в Туркестане. Анализируя политику большевиков в Туркестане, он отмечает: «Кардинальный вопрос — вопрос о самоопределении Туркестана не решен. Если Туркестан будет освобожден от большевизма чехословацким корпусом или англичанами, то он может оказаться под английским протекторатом. Германия является союзником Турции, а Туркестан всегда ориентируется на Турцию» [PA AA. R 11073. Russland 97b – Central Asien. Bd. 9. An Nachrichtenstelle für den Orient, Berlin, den 2.X.1918. Von Chir-Ali Lapine. Nr. 41407]. Таким образом, по мнению С. Лапина, надежды и чаяния тюркских народов в период Первой мировой войны и в послевоенный период были связаны с Турцией, а обращались к Германии как к союзнику Турции, и эта позиция полностью соответствовала стратегии Германии усилить свое влияние в Туркестане.

В результате территориальных изменений, предусмотренных по Версальскому мирному договору, Германия потеряла восьмую часть территории и двенадцатую часть населения. Германия лишилась всех своих колоний, которые были поделены между главными державами-победительницами на основе системы мандатов. Она также вынуждена была отказаться от прав и привилегий в Китае [Версальский 1925: 16–23, 30–37, 40–41, 48–63].

Военные постановления Версальского договора устанавливали предел численности армии, комплектуемой на основе добровольного найма, в 100 тыс. человек.

Германии запрещалось иметь танки, тяжелую артиллерию, военную авиацию и подводные лодки. Она могла иметь ограниченный военно-морской флот [Версальский 1925: 63–77]. Чтобы сохранить свое место в мировой экономике и отстоять свой статус в будущем как крупная европейская держава, Германской империи необходимо было срочно найти новые рынки сбыта промышленной продукции и источника сырьевых ресурсов. Оказавшись в международной изоляции, Германия искала возможности компенсации утраченных колоний и очень надеялась на улучшение советско-германских отношений.

16 апреля 1922 г. в Рапалло, недалеко от Генуи, где проходила международная экономическая конференция, был подписан договор между Германией и Советским Союзом о взаимном отказе от военных репараций и территориальных претензий, об установлении дипломатических отношений и экономического сотрудничества [Внешняя политика 1944: 296–297].

Германия намеревалась распространить соглашения об экономическом сотрудничестве и на азиатскую часть формирующегося Советского Союза. Советник германского посольства доктор Рудольф Альберт Асмис в июле 1922 г. при поддержке Министерства иностранных дел Германии с целью выяснения экономической эффективности использования сырьевых источников и рынка совершает путешествие в Дальний Восток. В июле 1922 г. в Берлин приехали представитель Республики Хивы и министр экономики Бухары, при встрече с представителем германского правительства фон Виденфельдом они выразили заинтересованность в «более оживленных отношениях» с Германией [Torma 2011: 149–151].

Фон Виденфельд ответил, что Германия также заинтересована в выходе на азиатские рынки сбыта и покупке там сырья. Однако германский представитель не смог ответить утвердительно на вопрос о том, можно ли дать государствам Центральной Азии гарантии перевозки товаров через Россию. Таким образом, бухарский и хивинский представители поняли, что без согласия российского правительства Германия не будет принимать какие-либо официальные действия в Средней Азии [Torma 2011: 151–152].

В этот период власти Германии рассматривали возможности получения разрешения у советского правительства концессии в советском Туркестане. Советник Рудольф Асмис рассматривал Туркестан как самый эффективный источник сырья и рынок сбыта для ослабленной германской экономики, где уже почти не было внутреннего спроса на промышленные товары. Он предлагал направить сюда специалистов, чтобы определить эффективность использования природных ресурсов Туркестана [PA-AA. Moskau 197. Die politische Lage in Russisch Mittelasien. Ende Juli 1923. von Geheimrat Asmis. Nr. A2066].

Несмотря на первоначальные сомнения германской стороны о возможности получения концессии, во время переговоров в Рапалло российское правительство упомянуло о возможности решения Министерства иностранных дел Германии «послать кого-то в Туркестан», кто будет совершать путешествие в этот регион, как было с поездкой Р. Асмиса на Дальний Восток [PA-AA. R 84362.Abt. Pol. IV 991/8 Turkestan. Bd. 1. 15. Juli 1922].

Это усилило стремления Р. Асмиса изучать экономическую ситуацию в Туркестане, что было поддержано главой российского бюро — бароном Аго фон Мальцаном [PA-AA. Moskau 197. An das Auswärtiges Amt. Nr. A 2115. Botschaftsrat Dr. Asmis. 12. September 1923]. В 1923 г. Р. Асмис совершил поездку в Ташкент и Верный, объездил Семиреченский регион. В этот период внутриполитическое положение в Туркестане было очень сложным: еще не утихла борьба между красными и басмачами.

Не вмешиваясь в политические вопросы, Р. Асмис должен был определить, в какой мере советские экономические и торговые законы применимы к Туркестану, Бухаре и Хиве, могут ли эти регионы проводить независимую внешнеторговую политику [Torma 2011: 155]. В результате бесед с чиновниками из местного аппарата управления в Семиреченской области, а также и с местным населением Рудольф Асмис собирал информацию о состоянии экономики в Туркестане и уровне распространения коммунистической идеологии в этом мусульманском регионе.

Изучая возможности использования сырьевых ресурсов Туркестана, он разрабатывает проект построения Семиреченской же-

лезной дороги, призванной облегчить транспортировку туркестанского хлопка в европейскую часть СССР. В этом проекте дано подробное описание всех предприятий добывающей промышленности узбекских, кыргызских и казахских регионов, прилегающих к данной железнодорожной линии [PA-AA. R 84362. Abt. Pol. IV 991/8 Turkestan. Bd. 1. IV a Ru 6898. An das Auswärtiges Amt. Von Botschaftsrat Dr. Asmis. Deutsche Botschaft. Moskau, den 21. September 1923. Bl. 1–34].

В сентябре 1923 г. доктор Р. Асмис обращается к Народному комиссару внешней торговли Л. Б. Красину с предложением о строительстве Семиреченской железной дороги [PA-AA. RR 84362. Abt. Pol. IV 991/8 Turkestan. Bd. 1. IV a Ru 6898. Aus einem Schreiben von Geheimrat Asmis an den Volkskomissar Krassin. Moskau, den 3. September 1923]. Нашлись и частные предприниматели, пожелавшие вкладывать капитал в это строительство.

В Гааге некий Крёллер заявил о готовности вложить капитал в строительство железной дороги в Туркестане. Немецкая пресса активно обсуждала проблему выгодности экономического сотрудничества с Туркестаном [PA-AA. R 86386. Bd. 2. Unterredung mit Herr Kröller am 4.12.23. Den Haag, 5. Dezember 1923].

Доктор Р. Асмис неоднократно обращался в Торговое представительство СССР в Германии с просьбой выяснить возможности получения немецкими предпринимателями концессий на финансирование отрасли хлопководства, в частности строительства системы искусственного орошения, создания посреднического общества с правом покупки туркестанского хлопка. Наконец, 26 октября 1923 г. Р. Асмис получает ответ от Торгового представительства СССР следующего содержания: «Господин советник доктор Асмис! В ответ на Ваши устные запросы сообщаем, что на основе присланного нам материала невозможно принять окончательное решение по вопросу о концессиях хлопкового производства. Далее мы подчеркиваем, что Ваше желание о создании оросительной системы и модернизации хлопкового производства передано в Москву. Однако Ваши дальнейшие предложения о предоставлении Обществу права на покупку урожая других производителей отклоняется. Точные формулировки этих двух пунктов могут быть согласованы при дальнейших переговорах» [PA-AA. R 84362. Bd. 1. Handelsvertretung der UdSSR. An Herrn Geheimrat Dr. Asmis. Abt. W. L. Lu. Nr. 1529]. Таким образом, отказ советских руководителей от продолжения новой экономической политики (нэп) и курс на усиление огосударствления экономики перечеркнули возможности привлечения иностранных инвестиций в экономику Туркестана.

Однако Германия не переставала интересоваться экономическими успехами Туркестана. По поручению МИД Германии Немецкое консульство в г. Новосибирске пристально следило за ходом строительства Турксиба. Так, в письме сотрудника консульства В. Гроцкопфа в МИД от 20 декабря 1928 г. дано подробное описание строительства железной дороги «Семипалатинск – Туркестан», названы предполагаемые промежуточные станции, разъезды, расстояния между ними и другие сведения [PA-AA. R 86386. Bd. 2. Abt. Pol IV 781\5 Allg. 1 Turkestan. Bau der Eisenbahn Semipalatinsk – Turkestan. Doppel IV Ru, den 20. Dezember 1928]. Немецкое посольство в Москве и консульство в Новосибирске отправляли в МИД Германии аналитические доклады о социально-экономической политике Советского правительства в Казахстане и Средней Азии, о последствиях коллективизации и репрессий 1937 г.

Германские власти продолжали поощрять интересы ученых к изучению истории Туркестана. В 1928 г. член Немецкого научного общества Г. Кляйнов совершил длительное путешествие в Туркестан, и в результате была написана книга «Русская Центральная Азия», где была дана характеристика политической и экономической истории Туркестана, описано его геополитическое положение [PA-AA. R 86394. Bd. 1. Bericht des Geheimen Regierungsrat Georg Cleinow über seine Reise nach Russisch Zentralasien im Sommer 1928. Geheim. 1. September 1928. Anlage 1–4].

В 1928–1932 гг. в республиках Средней Азии и Казахстане побывали также и сотрудники научного отдела МИД Германии Твардовски и Пфайффер. Интерес к Туркестану не прекращался и после прихода нацистов к власти. В 1935 г. Твардовски второй раз приезжал в Казахстан и в течение двух месяцев путешествовал по городам и областям Казахстана, впоследствии им был подготов-

лен объемный доклад с приложением карты [PA-AA. R 86392. Bd. 1. Deutsche Botschaft, Moskau, den 26. Oktober 1935. Reise nach Kasakstan (mit Karte). Bl. 1–23].

В этот период были опубликованы также труды И. Бенцинга, С. Шпулера, Г. фон Менде и других немецких ученых о Туркестане и деятельности тюркских эмигрантов [Benzing 1936; Spuler 1936–1937; Mende 1936].

5. Заключение

В первой трети XX в. не существовало цельной стратегии Германии в отношении Туркестана и Центральной Азии в целом. Тем не менее германские стратеги внешней политики продолжали рассматривать Западный Туркестан как объект импорта сырьевых ресурсов и экспорта промышленных товаров немецкой промышленности. Но пространственное восприятие Туркестана в Министерстве иностранных дел Германии было весьма ограничено, немецкие дипломаты разрабатывали свои проекты, не уделяя должного внимания на географическое расположение этого региона и большие расстояния между Германией и Туркестаном. Такие неверные представления о Туркестане исходили от сложности получения достоверной информации о регионе, в котором сталкивались интересы двух крупных держав — России и Британской империи. В Министерство иностранных дел Германии были представлены лишь общие суждения о Туркестане в целом или отдельная конкретная информация о нескольких городских районах, таких как Ташкент или Бухара. Таким образом, планы и приготовления узкого круга берлинских чиновников, занимавшихся Туркестаном, опирались скорее на отдельные фрагменты информации, которые не смогли составить полную характеристику региона. Поэтому эксперты-аналитики МИД Германии не смогли дать исчерпывающий ответ на вопрос о том, насколько глубоко укоренились здесь административные структуры России и в какой степени этот регион может стать объектом для инвестиции германского капитала.

Однако в XX в. «большая игра» перестала оставаться полем деятельности исключительно для официальных властей европейских держав: журналисты, ученые, писатели, искусствоведы и группы общественных интересов превратились в новых акторов с возрастающим влиянием на правительство и их решения. Неослабевающий интерес Германии к Туркестану (после создания СССР — к советским республикам Средней Азии и Казахстана) способствовал накоплению документов, сведений, путевых записок, дневников, аналитических обзоров и других материалов о Туркестане. В период Второй мировой войны все эти материалы были использованы нацистами в антисоветской пропаганде.

Источники

Версальский 1925 — Версальский мирный договор / под ред. Ю. В. Ключникова и А. Сабанина. М.: НКИД, 1925. 198 с.

Внешняя политика 1944 — Внешняя политика СССР. Сборник документов / ред. Б. Е. Штейн. Т. II. М.: Правда, 1944. 979 с.

PA-AA — Politisches Archiv des Auswärtigen Amts, Berlin (Политический архив Министерства иностранных дел Германии, Берлин).

Sources

Federal Foreign Office, Political Archive (Berlin).

Shtein B. E. (ed.) Foreign Policy of the Soviet Union. Collected documents. Vol. 2. Moscow: Pravda, 1925. 198 p. (In Russ.)

Treaty of Versailles. Yu. Klyuchnikov, A. Sabanin (eds.). Moscow: People's Commissariat for Foreign Affairs, 1925. 198 p. (In Russ.)

Литература

Андерсон, Тальская 2019 — *Андерсон К. М., Тальская О. Д.* Обоснование среднеазиатской политики Российской империи в контексте «Большой игры» // Вестник Московского государственного областного университета. 2019. № 2. С. 22–30. DOI: 10.18384/2224-0209-2019-2-958

Гилязов 2015 — *Гилязов И. А.* Германская Служба информации по Востоку и организация печатной пропаганды среди мусульманских народов России в годы Первой мировой войны // Новый исторический вестник. 2015. № 2(44). С. 103–115.

Дьяконова 1997 — *Дьяконова И. А.* Прямые германские инвестиции в экономику России // Иностранное предпринимательство и заграничные инвестиции в России: очерки

/ отв. ред. В. И. Бовыкин. М.: РОССПЭН, 1997. С. 120–152.

Лисенков 2019 — *Лисенков О. О.* Политика Германской империи в Центральной Азии в XIX в.: к истории вопроса // Центральная Азия на перекрестке европейских и азиатских политических интересов: XVIII–XIX вв.: сб. науч. тр. междунар. семинара (г. Алма-Ата, 19–23 августа 2019 г.) / науч. ред. Д. В. Васильев. М.: ОнтоПринт, 2019. С. 189–197.

Ряполов 2019 — *Ряполов В. В.* Центральная Азия в политике Кайзеровской Германии. М.: РИОР, 2019. 116 с.

Сборник договоров 1952 — Сборник договоров России с другими государствами. 1856–1917 / под ред. Е. А. Адамова. М.: Госиздат, 1952. 464 с.

Субботин 1996 — *Субботин Ю. Ф.* Россия и Германия: партнеры и противники. М.: ИРИ РАН, 1996. 272 с.

Apoh, Lundt 2013 — *Apoh W., Lundt B.* Germany and Its West African Colonies: «excavations» of German Colonialism in Post-colonial Times. Münster: LIT Verlag, 2013. 264 p.

Beckert 2015 — *Beckert S.* Empire of cotton: a global history. First Vintage Books edition. New York: Vintage Books, 2015. 640 p.

Benzing 1936 — *Benzing J.* Berliner politische Veröffentlichungen der Türken aus der Sowjet union // Die Welt des Islams. 1936. Bd. 18. S. 122–131.

Bihl 1975 — *Bihl W.* Die Kaukasus-Politik der Mittelmächte. Teil I. Ihre Basis in der Orientpolitik und ihre Aktionen 1914–1917. Wien: Böhlau Verlag, 1975. 402 s.

Facing 2005 — Facing the Past to Liberate the Future: Colonial Africa in the German Mind [электронный ресурс] // Humanity in Action (Deutschland). January 2005. URL: https://humanityinaction.org/knowledge_detail/facing-the-past-to-liberate-the-future-colonial-africa-in-the-german-mind/ (дата обращения: 10.06.2023)

Hopkirk 1994 — *Hopkirk P.* The Great Game: The Struggle for Empire in Central Asia. New York: Kodansha International, 1994. 564 p.

Kosiarski 2015 — *Kosiarski J.* Deutschland, Mitteleuropa und die Revolutionierung Russlands // Stosunki Międzynarodowe – International Relations. 2015. № 2(51). С. 305–352.

Krug 2020 — *Krug S.* «Die Nachrichtenstelle für den Orient» im Kontext globaler Verflechtungen (1914–1921): Strukturen – Akteure – Diskurse. (Global- und Kolonialgeschichte; Band 2). Bielefeld: Transcript, 2020. 378 s.

Loth, Hanisch 2013 — Erster Weltkrieg und Dschihad: Die Deutschen und die Revolutionierung des Orients / Hrsg. W. Loth, M. Hanisch. München: Oldenbourg Wissenschaftsverlag, 2013. 214 p.

Mark 2012 — *Mark R. A.* Im Schatten des ‘Great Game’: Deutsche Weltpolitik und russischer Imperialismus in Zentralasien 1871–1914. Paderborn: Ferdinand Schöningh, 2012. 499 s.

Mark 2013 — *Mark R. A.* Krieg an fernen Osten. Die Deutschen in Russisch-Turkestan und am Hindukusch 1914–1924. Paderborn: Schöningh, 2013. 285 s.

Mende 1936 — *Mende G. v.* Der nationale Kampf der Russland-Turken. Ein Beitrag zur nationalen Frage in der Sowjetunion. Berlin: Weidmann, 1936. 196 s.

Nagel 2018 — *Nagel J. G.* Als der Kaiser den Dschihad erfand. Zur «Revolutionierung» des islamischen Orients durch das Deutsche Reich im Ersten Weltkrieg // Zeitschrift für Weltgeschichte. 2018. Heft 2. S. 337–368.

Noyan 2013 — *Noyan V. K.* Colonialism, German Experience and the Reflections on History // Uluslararası Suçlar ve Tarih. 2013. Sa. 14. Pp. 105–137.

Obertreis 2017 — *Obertreis J.* Imperial Desert Dreams: Cotton Growing and Irrigation in Central Asia, 1860–1991. Göttingen: V&R Unipress , 2017. 536 p.

Spuler 1936–37 — *Spuler B.* Die Lage der russland-türkischen Emigration im Fernen Osten // Osteuropa. 1936–37. H. 12. S. 541–545.

Torma 2011 — *Torma F.* Turkestan-Expeditionen: Zur Kulturgeschichte deutscher Forschungsreisen nach Mittelasien (1890–1930). Bielefeld: Transcript Verlag, 2011. 282 s.

Whitman 1956 — *Whitman J.* Turkestan Cotton in Imperial Russia // American Slavic and East European Review. 1956. 15(2). Pp. 190–205.

References

Adamov E. A. (ed.) International Agreements of Russia: 1856–1917. Moscow: Gosizdat, 1952. 464 p. (In Russ.)

Anderson K. M., Talskaya O. D. The justification for the policy in Central Asia of the Russian Empire in the context of the “Great Game”. *Russian Social and Humanitarian Journal*. 2019. No. 2. Pp. 22–30. DOI: 10.18384/2224-0209-2019-2-958. (In Russ.)

Apoh W., Lundt B. (eds.) Germany and Its West African Colonies: “Excavations” of German Colonialism in Post-Colonial Times. Münster: LIT Verlag, 2013. 264 p. (In Eng.)

Beckert S. Empire of Cotton: A Global History. Re-

print edition. New York: Vintage Books, 2015. 640 p. (In Eng.)
Benzing J. Berliner politische Veröffentlichungen der Türken aus der Sowjetunion. Die Welt des Islams. 1936. Vol. 18. Pp. 122–131. (In Germ.)
Bihl W. Die Kaukasus-Politik der Mittelmächte. Part 1: Ihre Basis in der Orientpolitik und ihre Aktionen 1914–1917. Wien: Böhlau Verlag, 1975. 402 p. (In Germ.)
Dyakonova I. A. Direct German investments into Russia's economy. In: Bovykin V. I. (ed.) Foreign Entrepreneurship and Inward Investments in Russia. Collected essays. Moscow: ROSSPEN, 1997. Pp. 120–152. (In Russ.)
Facing the past to liberate the future: Colonial Africa in the German mind. On: Humanity in Action Deutschland (Germany). Posted in January 2005. Available at: https://humanityinaction.org/knowledge_detail/facing-the-past-to-liberate-the-future-colonial-africa-in-the-german-mind/ (accessed: 10 June 2023). (In Eng.)
Gilyazov I. A. The German Information Service for the East and the organization of printed propaganda among the Muslim population of Russia during the World War I. *The New Historical Bulletin*. 2015. No. 2 (44). Pp. 103–115. (In Russ.)
Hopkirk P. The Great Game: The Struggle for Empire in Central Asia. New York: Kodansha International, 1994. 564 p. (In Eng.)
Kosiarski J. Germany, Mitteleuropa and the revolutionising of Russia. *Stosunki Międzynarodowe – International Relations*. 2015. Vol. 51. No. 2. Pp. 305–352. (In Germ.)
Krug S. Die "Nachrichtenstelle für den Orient" im Kontext globaler Verflechtungen (1914–1921): Strukturen – Akteure – Diskurse (Global- und Kolonialgeschichte 2). Bielefeld: Transcript, 2020. 378 p. (In Germ.)
Lisenkov O. O. Imperial German policies in nineteenth-century Central Asia: Historical background of the issue. In: Vasilyev D. V. (ed.) Central Asia as a Crossroads of European and Asian Political Interests in the Eighteenth to Nineteenth Centuries. Seminar proceedings (Almaty, 19–23 August 2019). Moscow: Onto-Print, 2019. Pp. 189–197. (In Russ.)
Loth W., Hanisch M. (eds.) Erster Weltkrieg und Dschihad. Die Deutschen und die Revolutionierung des Orients. München: Oldenbourg Wissenschaftsverlag, 2013. 214 p. (In Germ.)
Mark R. A. Im Schatten des "Great Game". Deutsche Weltpolitik und russischer Imperialismus in Zentralasien 1871–1914. Paderborn: Ferdinand Schöningh, 2012. 499 p. (In Germ.)
Mark R. A. Krieg an fernen Fronten. Die Deutschen in Russisch-Turkestan und am Hindukusch 1914–1924. Paderborn: Schöningh, 2013. 285 p. (In Germ.)
Mende G. v. Der nationale Kampf der Russlandtürken. Ein Beitrag zur nationalen Frage in der Sowjetunion. Berlin: Weidmann, 1936. 196 p. (In Germ.)
Nagel J. G. Als der Kaiser den Dschihad erfand. Zur "Revolutionierung" des islamischen Orients durch das Deutsche Reich im Ersten Weltkrieg. *Zeitschrift für Weltgeschichte*. 2018. No. 2. Pp. 337–368. (In Germ.)
Noyan V. K. Colonialism, German experience and the reflections on history. *Uluslararası Suçlar ve Tarih (International Crimes and History)*. 2013. No. 14. Pp. 105–137. (In Eng.)
Obertreis J. Imperial Desert Dreams: Cotton Growing and Irrigation in Central Asia, 1860–1991. Göttingen: V&R Unipress , 2017. 536 p. (In Eng.)
Ryapolov V. V. Central Asia in Imperial Germany's Overseas Agenda. Moscow: RIOR, 2019. 116 p. (In Russ.)
Spuler B. Die Lage der Russland-türkischen Emigration im Fernen Osten. Osteuropa. 1936–37. No. 12. Pp. 541–545. (In Germ.)
Subbotin Yu. F. Russia and Germany: Partners and Opponents. Moscow: Institute of Russian History (RAS), 1996. 272 p. (In Russ.)
Torma F. Turkestan-Expeditionen. Zur Kulturgeschichte deutscher Forschungsreisen nach Mittelasien (1890–1930). Bielefeld: Transcript, 2011. 282 p. (In Germ.)
Whitman J. Turkestan cotton in Imperial Russia. *American Slavic and East European Review*. 1956. Vol. 15. No. 2. Pp. 190–205. (In Eng.)

Published in the Russian Federation
Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
Has been issued as a journal since 2008
ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
Vol. 16, Is. 5, Pp. 1099–1114, 2023
Journal homepage: https://kigiran.elpub.ru

CC BY NC ND

УДК / UDC 294.321
DOI: 10.22162/2619-0990-2023-69-5-1099-1114

Екатерина II как воплощение Белой Тары: обожествляли ли буряты Романовых?

Николай Владимирович Цыремпилов[1]

[1] Назарбаев Университет (53, пр. Кабанбай-батыра, 010000 Астана, Республика Казахстан)
доктор исторических наук, ассоциированный профессор
0000-0002-0749-6569. E-mail: nikolay.tsyrempilov[at]nu.edu.kz

© КалмНЦ РАН, 2023
© Цыремпилов Н. В., 2023

Аннотация. *Введение.* Традиция почитания бурятскими буддистами российской императрицы Екатерины II как земного воплощения просветленной буддийской богини Белой Тары рассматривается исследователями как бесспорный исторический факт и не ставится ими под сомнение. Однако внимательный анализ бурятских письменных источников и российских исторических документов проблематизирует это утверждение. *Цель* исследования — на основе сопоставления и анализа документальных, нарративных и фольклорных источников на бурятском, русском и тибетском языках внести ясность в вопрос о реальных взаимоотношениях между бурятскими буддистами и Екатериной Великой. *Результаты.* В статье установлено, что утверждение о признании Екатериной II в 1767 г. титула Бандидо Хамбо-ламы восходит лишь к бурятоязычным письменным источникам и не находит подтверждений в российских исторических документах. Анализ русскоязычных источников, среди которых письма и сочинения самой Екатерины, позволяют сделать вывод, что отношение императрицы к подданным «ламаитам» диктовалось ее внешнеполитическими планами в Азии и характерным для европейского Просвещения пренебрежением к архаичным культурам «сибирских идолопоклонников», к которым, наряду с анимистами и шаманистами, ученые XVIII в. относили и буддистов. Анализ сохранившихся бурятских источников, среди которых исторические летописи и биографии, также не подтверждает мнение о существовании развитого культа почитания Екатерины II как воплощения богини Белой Тары. Такие свидетельства, тем не менее, сохранились в песенном фольклоре и религиозной поэзии бурят, но следует учитывать, что речь, по всей видимости, идет о поздних образцах, датирующихся концом XIX – началом XX в. Именно этот период характеризуется широким распространением идеи о святости дома Романовых в глазах буддистов, за которым могут стоять видные лидеры мнений российского истеблишмента, продвигавшие идею экспансии российских интересов вглубь буддийской Азии.
Ключевые слова: бурятский буддизм, Российская империя, Екатерина II, Белая Тара, Бандидо Хамбо-лама, обожествление

Для цитирования: Цыремпилов Н. В. Екатерина II как воплощение Белой Тары: обожествляли ли буряты Романовых? // Oriental Studies. 2023. Т. 16. № 5. С. 1099–1114. DOI: 10.22162/2619-0990-2023-69-5-1099-1114

Catherine II as an Incarnation of White Tara: Did Buriats Deify the Romanovs?

Nikolay V. Tsyrempilov[1]

[1] Nazarbayev University (53, Kabanbay Batyr Ave., 010000 Astana, Republic of Kazakhstan)
Dr. Sc. (History), Associate Professor
0000-0002-0749-6569. E-mail: nikolay.tsyrempilov[at]nu.edu.kz

© KalmSC RAS, 2023
© Tsyrempilov N. V., 2023

Abstract. *Introduction*. The tradition of worshipping the Russian Empress Catherine II by Buryat Buddhists as an earthly incarnation of the enlightened Buddhist deity White Tara is regarded as an established historical fact by researchers (and officials of Russia's largest Buddhist organization 'Buddhist Traditional Sangha of Russia'), and has never been questioned. Yet a careful analysis of Buryat written sources and Russian historical documents makes the statement somewhat problematic. *Goals*. The article attempts a comparative insight into a range of documentary, narrative and folklore sources in Buryat, Russian and Tibetan to clarify the issue of actual relationships between Buryat Buddhists and Catherine the Great. *Results*. The paper establishes that the statement insisting the title of Bandido Khambo Lama was recognized by Catherine II in 1767 goes back only to Buryat written sources — and is not corroborated by Russian historical documents. Our analysis of Russian-language sources, including letters and writings by Catherine II, makes it possible to surmise that the Empress's attitude towards her 'Lamaist' subjects was dictated by her foreign policy plans in Asia and the Renaissance disregard for archaic cultures of 'Siberian idolaters' believed by eighteenth-century scholars to comprise Buryat Buddhists too. Insights into the surviving Buryat sources, including historical chronicles and biographies, also do not confirm the existence of a developed cult of venerating Catherine II as incarnate goddess White Tara. Nevertheless, such evidence has been preserved in Buryat song folklore and religious poetry but it should be borne in mind that, apparently, those are modern narratives dating from the late nineteenth and early twentieth centuries. It is the latter period that was characterized by the wide dissemination of the idea of the sanctity of the Romanov Dynasty in the eyes of Buddhists, which may have been backed by prominent opinion leaders of the Russian political establishment to further promote the concept of Russia's expansion deep into Buddhist Asia.

Keywords: Buryat Buddhism, Russian Empire, Catherine II, White Tara, Bandido Khambo Lama, deification

For citation: Tsyrempilov N. V. Catherine II as an Incarnation of White Tara: Did Buriats Deify the Romanovs? *Oriental Studies*. 2023; 16(5): 1099–1114. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2023-69-5-1099-1114

1. Введение

В августе 2019 г. в Государственном Эрмитаже состоялась торжественная церемония передачи бронзового бюста российской императрицы Екатерины II настоятелю Анинского дацана Легсоку Дарижапову. По словам пресс-секретаря крупнейшей буддийской организации Российской Федерации «Буддийская традиционная сангха России» (далее — БТСР) Аллы Намсараевой, оригинальный мраморный бюст был передан самой императрицей

бурятским депутатам в 1764 г., однако в 1930-е гг., в период гонений на религию в СССР, бюст, более полутораста лет хранившийся и почитавшийся как святыня в Анинском дацане, был уничтожен [Возвращение Екатерины 2020][1]. Во время церемонии вручения современной реплики реликвии в самом дацане глава Республики Бурятия Александр Цыденов сказал:

> Я поздравляю всех с таким значимым событием — возвращением бюста императрицы, которая утвердила Институт Пандито Хамбо лам и сделала независимой буддийскую религию в Российской Федерации. Бюст из Санкт-Петербурга проделал большую дорогу, прошел по России таким же наземным путем, как и в исторические времена и сейчас возвращается на историческую родину [В Бурятии прошло 2019].

В этом высказывании высокопоставленный чиновник повторил формулу, которая в постсоветском российском обществе уже успела стать бесспорной. Императрицу Екатерину Великую считают представительницей династии Романовых, первой признавшей институт Бандидо Хамбо-лам[2] и тем самым легитимировавшей централизованную буддийскую общину в России. В связи с историей бурятской буддийской сангхи нередко упоминается и другая русская монархиня — Елизавета I Петровна, которой приписывается признание буддизма в Российской империи. Официальные представители БТСР иногда упоминают этих двух русских императриц в паре:

> Две русские царицы, утвердившие буддизм в России — Екатерина II и Елизавета Петровна — действительно вошли в наш пантеон в качестве богинь, Белых Тар. Возможно, это было благодарностью за их покровительство буддизму. Одна в 1741 г. официально утвердила в России буддизм, другая в 1763 г. определила его юридический статус [Хамбо лама 2013: 23][3].

О том, насколько проблематично утверждение о роли Елизаветы Петровны в истории буддийской общины России, было написано в более ранней публикации автора [Цыремпилов 2014]. Данная же статья посвящена месту и роли Екатерины II в истории бурятской буддийской общины, которые в наше время часто описываются как выдающиеся. Мнение нынешнего Бандидо Хамбо-ламы Дамбы Аюшеева о том, что буряты обожествляли Екатерину Великую, считая ее воплощением буддийской богини Белой Тары, кажется, никем не ставится под сомнение[4]. При этом и Хамбо-лама, и другие представители БТСР, и даже ученые-исследователи неизменно ссылаются в этом вопросе на «традицию», не приводя никаких документальных исторических свидетельств в пользу утверждений о том, что: а) Екатерина официально признала должность Бандидо Хамбо-лам и б) что она признавалась бурятами воплощением (реинкарнацией, манифестацией) Белой Тары. Возможно, что исторических свидетельств в пользу обоих утверждений вовсе не существует (исследователи на данном этапе могут о них просто не знать), в данной работе ставится цель на имеющемся материале, что эти утверждения как минимум проблематичны и нуждаются в серьезном анализе и уточнении.

Одной из задач исследования является анализ того, что сохранившиеся источники и архивные материалы говорят о взаимоотношениях российской императрицы Екатерины Великой с бурятскими буддистами и насколько современный дискурс об этом согласуется с имеющимися в данный момент в распоряжении историков материалами. В данной статье мы приходим к трем выводам: 1) не существует надежных свидетельств признания Екатериной II должности Бандидо Хамбо-лам; 2) взгляд Екатерины на буддистов определялся ценностями Просвещения и господствовавшим тогда в этнографии мнением о противопоставленности

[1] В бурятских исторических источниках и архивных документах нами никаких упоминаний о данном артефакте пока не найдено. Вероятно, его история сохранилась только в изустной традиции.

[2] Существует как минимум два наиболее распространенных варианта написания данного титула. Хотя Буддийская традиционная сангха России использует вариант «Пандито Хамбо лама», автор данной работы, как и ряд других исследователей, предпочитает вариант «Бандидо Хамбо-лама», использовавшийся в официальных русскоязычных документах с конца XVIII в.

[3] Пресс-секретарь БТСР Алла Намсараева в своей книге также сообщает, что Дамба-Даржа Заяев объявил обеих императриц воплощением богини Белой Тары [Намсараева 2019: 70].

[4] См., например, статью «Тара (буддизм)» в русскоязычной Википедии, где сходное утверждение дано без ссылки на источники [Тара (буддизм)].

этой веры европейским ценностям; 3) имеющиеся первичные источники говорят о том, что обожествление Екатерины II бурятами является в основном частью устной песенной традиции, слабо отразившейся в письменных источниках. Следует отметить, что выводы статьи также не имеют прямых доказательств и построены на анализе имеющихся материалов.

Для анализа взаимоотношений Екатерины II с бурятскими буддистами привлечены материалы сочинений бурятских авторов XVIII – начала XX вв., фольклорные материалы, произведения самой Екатерины II, архивные документы, русская публицистика и исследования других историков. Для изучения поднятых вопросов источниковая база недостаточна широка, но «свидетельством» того или иного исторического факта может служить и отсутствие материалов, что весьма актуально для предмета данной статьи.

2. Признание Екатериной титула Бандидо Хамбо-лама

Первым вопросом, который требует внимательного изучения, является якобы имевшее место признание императрицей Екатериной II титула Бандидо Хамбо-лама, держателем которого на тот момент являлся Дамба-Даржа Заяев. Как известно из источников и научной литературы, Д.-Д. Заяев к середине XVIII в. фактически возглавил монашескую общину в Забайкалье. Он обладал высокой в тибето-монгольском буддийском мире религиозной образованностью, стал основателем и настоятелем первого бурятского дацана (буддийского монастыря), получившего имя Балдан Брэйбун. Летом 1766 г. Дамба-Даржа Заяев смог добиться от местных российских властей признания своего почетного титула Бандидо Хамбо-лама. Сразу несколько источников указывают, что этот титул был признан за Д.-Д. Заяевым указом Троицкосавской Канцелярии по пограничным делам [Институт 1911: 617; Записка Чимитова. Л. 1; Бурятские летописи 2023: 120; Очерк о ламаизме 1905: 18; Вашкевич 1885: 38–39][1].

Год спустя Дамба-Даржа Заяев был избран депутатом от селенгинских бурятских инородцев для участия в работе созванной Екатериной II Уложенной комиссии. Во время пребывания Д.-Д. Заяева в Москве и Петербурге российская императрица удостоила его личной аудиенции. Бурятские источники говорят, что Д.-Д. Заяев получил возможность лично побеседовать с Екатериной II, получить от нее разрешение для бурят исповедовать буддизм и признание первенства в буддийской сангхе своего титула Бандидо Хамбо-ламы [Бурятские летописи 2023: 121, 220]. Не только современные представители буддийской общины, но и многие исследователи считают это свидетельством официального признания Екатериной II института Хамбо-лам [Чимитдоржин 2004: 20; Жуковская 2013; Ванчикова 2008: 35; Успенский 2015: 8].

Письменные первоисточники, однако, расходятся в оценке этого события. Так, в «Путевых заметках» и агиографии Дамба-Даржа Заяева «Яркая заря», написанной Агваном Доржиевым, говорится лишь о том, что на этой встрече он «обсуждал вопросы благополучия религии и подданных» (тиб. bstan ‘gro’i phan bde spel ba’i bka’ mol yang yang byung ba)[2] [Ванчикова 2006: 42; LTWA. Д. 17310. Л. 125].

В «Путевых заметках» также говорится, что Д.-Д. Заяев представил прошение Екатерине, состоявшее из 22 пунктов и касавшееся различных вопросов светской и религиозной жизни бурят. Большинство пунктов прошения, согласно источнику, были удовлетворены императрицей (тиб. sbo r’ad thu’i bstan srid kyi bde thabs su don tshan nyer gnyis yod pa’i snyan zhu phul ba ‘di lta ste, ,snyan zhus phal mo che grub ‘dug pa) [LTWA. Д. 17310. Л. 125].

Другие бурятские источники, такие как «Предание о хождении Заяева за Учением», «Как религия Будды распространилась на бурятской земле» Буян-Далай-дорамбы и «Краткая история шести племен и вось-

[1] Канцелярия по пограничным делам в Троицкосавске была учреждена в 1728 г. для охраны границ и развития торговых отношений с Цинской империей. Канцелярия также ведала делами приграничного населения.

[2] К сожалению, Ц. П. Ванчикова в своей книге [Ванчикова 2006] не дает ни факсимиле, ни транслитерации «Путевых заметок» (Yabudal-un temdeg). Рукопись хранится в Монгольской коллекции М I-262 Центра восточных рукописей и ксилографов Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. Колофон сообщает, что текст был составлен в 1917 г.

ми родов» утверждают, что по результатам встречи с императрицей Д.-Д. Заяев был утвержден Хамбо-ламой и депутатом от пяти селенгинских дацанов с правом строить монастыри и посвящать в монахи [Ванчикова 2006: 39; Rinchen 1959: 63, 140; Majer, Teleki 2008: 485]. Ведущие бурятские летописцы Тугульдур Тобоев и Вандан Юмсунов, создавшие свои сочинения в 1863 г. и 1887 г. соответственно, сообщают нам, что на аудиенции у императрицы Д.-Д. Заяев был утвержден в звании депутата [Бурятские летописи 2023: 74, 121]. Из летописи селенгинского хрониста Дамби-Жалцана Ломбоцыренова 1868 г. мы узнаем, что Д.-Д. Заяев был утвержден в звании Бандидо Хамбо-ламы «указом, скрепленным белой печатью», а также «награжден золотой медалью на Андреевской ленте» (bandida mkanbova tusiyaldu batuluγsan čaγan tamaγa-tu jarliγ: altan düri küjügün-dü jegükü andiribski čengkir oγusurtai kürtejü) [Летописи селенгинских 1936: 20–21; Бурятские летописи 2023: 214–215][1]. Вероятно, именно из этого источника сведения об утверждении Екатериной своим указом титула Бандидо Хамбо-лама попадают в русские источники и становятся расхожим фактом.

Внимательное изучение более ранних документов и источников заставляет несколько усомниться в сведениях Ломбоцыренова. Так, когда в начале XIX в. обострилась дискуссия между Цонгольским и Гусиноозерским дацанами за первенство в буддийской общине Забайкалья, Иркутское губернское правительство, «извлекши историческое о сем предмете сведение», признало лидерство цонгольских лам [ЦВРК. Архивный фонд. Инв. № 399. Л. 16]. Хотя в конце концов правительство и вынуждено было решить вопрос в пользу лам Гусиноозерского дацана, оно ссылается на решение Удинской провинциальной канцелярии 1778 г. о праве племянника Дамба-Даржа Заяева Содномпила Хетурхеева на титул Хамбо-ламы, но не упоминает екатерининский указ [ЦВРК. Архивный фонд. Инв. № 399. Л. 16].

В разборе спора между бурятскими ламами упоминается лишь Высочайший указ от 22 февраля 1784 г., гласивший: «непременное императорского величества желание есть, дабы всем, какого бы рода или закона ни был, пользоваться неотъемлемо преимуществами, к коим порода его, от заслуженных предков происходящая, или же отменные личные заслуги дают ему право» [ЦВРК. Архивный фонд. Инв. № 399. Л. 16].

Тщательный разбор дошедших до нашего времени указов Иркутского губернского правительства с 1764 по 1809 гг., касающихся дел бурятских лам, также не выявляют каких-либо ссылок на указ Екатерины об утверждении Д.-Д. Заяева в должности Бандидо Хамбо-ламы, хотя в некоторых из них присутствуют ссылки и на более ранние указы и распоряжения. Высочайшие указы, имевшие отношение к утверждению должности Бандидо Хамбо-ламы, не упоминаются и в многочисленных служебных документах, в которых обсуждаются дела бурятских буддистов.

Можем ли мы на этом основании делать вывод, что Екатерина II не определяла направление российской политики в отношении сибирских «ламаитов»? Думаю, этот вывод был бы неверным. Выше мы уже видели упоминание ее указа о необходимости признания породных прав инородцев. Мы также знаем, что Екатерина ограничивала вмешательство миссионеров в дела иноверных исповеданий[2]. Однако конкретные вопросы признания преимуществ одних дацанов над другими или одного титула над другим решались чиновниками на местном уровне — Пограничной и провинциальными канцеляриями и Иркутским губернским правительством. По всей видимости, в XVIII в. дела «бурятских ламаитов» все еще не имели достаточного значения для имперских властей, чтобы по их поводу принимались Высочайшие постановления[3].

[1] В одной из своих статей Н. Л. Жуковская убедительно продемонстрировала, что этот орден был всего лишь памятной медалью об участии в работе Комиссии [Жуковская 2001: 84–90].

[2] В 1773 г. Екатерина утверждает указ «О терпимости всех вероисповеданий и о запрещении архиереям вступать в дела, касающиеся до иноверных вероисповеданий и до построения по их законам молитвенных домов», а в 1797 г. — указ о свободе религий, за исключением католической пропаганды в Польше.

[3] См. о более ранних императорских указах в отношении буддистов в одной из статей автора [Цыремпилов 2014].

3. Отношение Екатерины II к буддистам

Можем ли на основе доступных источников судить о личном отношении Екатерины к сибирским «ламаитам»? На этот счет у историков имеются скудные сведения, но и на их основе можно делать предварительные выводы. В период личного знакомства Екатерины II с буддийским первосвященником она могла серьезно интересоваться перспективами расширения влияния России во Внутренней Азии и Гималаях. Британский дипломат и путешественник капитан Сэмьюэл Тернер в 1783 г. сообщал, что Россия в этот период «сделала несколько попыток распространить свою торговлю на внутренние области Тибета, однако нежелание тибетцев вступать в сношения с новыми иностранными державами и ревнивая бдительность китайцев препятствовали до сего времени осуществлению подобных намерений» [Turner 1800: 272; Андреев 2006: 48]. Если такие попытки со стороны России действительно предпринимались, то они могли быть сделаны под непосредственным влиянием рассказа Д.-Д. Заяева о его пребывании в Тибете, который он представил Екатерине II и генеральному прокурору Сената [Сазыкин 1989: 118–120]. Если Россия и пыталась распространить свое влияние на Тибет в конце XVIII в., то тогда эти попытки ничем не кончились. Однако, как известно, они были предприняты вновь через столетие, и снова бурятские ламы играли здесь важную роль[1].

Возвращаясь к вопросу об отношении Екатерины к своим подданным, исповедовавшим буддизм, нужно обратить внимание на то, какими знаниями об этой религии располагали в России в то время. Начнем с того, что сколько-нибудь определенные представления о буддизме в Европе складываются лишь начале XIX в. вместе с подъемом исследований в индийской, тибетской, монгольской и китайской филологии [King 2021: 34–59].

Разумеется, даже в начале XIX в. мало кто связывал сибирское ламайство с буддизмом, что уж говорить о конце XVIII в. Исследовавшие Сибирь в екатерининское время немецкие путешественники — Петр Симон Паллас (1741–1811) и Иоганн Готлиб Георги (1729–1802) осуществляли свои изыскания по инициативе самой императрицы, которая живо интересовалась природными богатствами и населением своей империи [Гирченко 1939: 45–47].

Несомненно, Екатерина читала работы путешественников, и они могли оказывать на нее серьезное влияние. В третьем томе «Путешествий по разным провинциям Российского государства» П. С. Паллас излагает свои наблюдения о сибирском «ламаизме», которые выдержаны в весьма критическом тоне. «Ламаизм» характеризуется им как «идолопоклонство», «колдовство» и «суеверие», что было обычными характеристиками буддизма в России еще долгое время и после П. С. Палласа. Тем не менее ученый считал, что «ламская вера» отличается от «шаманства» в лучшую сторону, ибо «по крайней мере, содержит в себе некоторые элементы морали» (нем. der wenigstens mit einiger Moral begleitet ist) [Паллас 1778: 177]. Несмотря на присутствие в учении лам нравственных основ, сами ламы, по его мнению, едва могли служить ее образчиками. Он называет их «кровопийцами» (нем. Blutigel), которые высасывают соки из своего народа [Pallas 1801: 130]. Эти характеристики П. С. Паллас распространяет и на Дамба-Даржу Заяева, с которым он встречался в Цонгольском дацане. По мнению П. С. Палласа, это был «подобострастный старик, который, вопреки правилам ламаизма, пил водку, как воду, и предоставлял полную свободу в этом отношении также и подчиненному ему духовенству (нем. Es war ein krichender Greis, der, wider die Ordensregeln den Brantwein wie Wasser trant und auch seiner Clerißen dazu Dispensation ertheilte)[2] [Pallas 1801: 125]).

[1] О роли бурят во внешней политике Российской империи существует обширная литература. См., например: [Андреев 2006].

[2] Интересно, что один из упоминавшихся письменных источников «Предание о хождении Заяева…» подтверждает тот факт, что Д.-Д. Заяева видели пьяным, но объясняет это его намерением заставить тем самым других бросить пить алкоголь [Ванчикова 2006: 39]. Агван Доржиев в написанной им агиографии первого Хамбо-ламы «Яркая заря» утверждает, что Д.-Д. Заяева в чем-то обвиняли монахи его собственного монастыря, но в целом изображает Д.-Д. Заяева как хранителя строгой нравственности [LTWA. Д. 17310. Л. 127–128].

Насколько сильным было влияние этнографов на мнение самой Екатерины II о буддистах и Хамбо-ламе Д.-Д. Заяеве, с которым она познакомилась гораздо раньше П. С. Палласа, можно в какой-то степени судить и по другим источникам. Как известно, Екатерина Великая была драматургом и автором целого ряда театральных пьес. Одна из них — «Шаман Сибирский», законченная ею в 1786 г. [Екатерина 1786]. Эта пьеса входит в так называемый неоклассический антимасонский драматургический триптих Екатерины, который был направлен на борьбу с увлечением мистицизмом, масонством, целительством, магнетизмом и месмеризмом, которым характеризовалось европейское и русское общество того времени [Проскурина 2017: 153–154]. Убежденная сторонница ценностей Просвещения, Екатерина через фигуры графа Калиостро (Калифалкжерстон) и сибирского шамана Амбан Лая пыталась показать пагубность этих увлечений[1].

Пьеса «Шаман Сибирский» была последним произведением триптиха, в котором Екатерина пыталась высмеять новые веяния в западном обществе через фигуру восточного колдуна и целителя [O'Malley 1997: 224–242]. Нарратив пьесы построен вокруг семьи Бобиных, которые недавно переехали из Иркутска в Санкт-Петербург, взяв с собой иркутского шамана по имени Амбан Лай. Шаман занимается лечением от недуга дочери Бобиных Прелесты. По ходу пьесы мы узнаем, что Амбан Лай родился на цинско-российском пограничье в семье ургинского амбаня и в прошлом был подданным Цинской империи. Он был отдан на обучение «мунгальским шаманам» и выучился у них грамоте. Некий «китайский двоеданец» усыновил его, и вместе с ним Амбан Лай попадает на российскую территорию. Он лечит Прелесту различными снадобьями и отварами и одновременно оказывает услуги и другим просителям [Екатерина 1786: 21]. После мошеннической попытки исполнить желание одной купчихи повидать своего умершего мужа Амбан Лай попадает под арест. Собственно главным героем пьесы является не сам шаман, а его простодушные и доверчивые клиенты.

Исследователи, занимающиеся творчеством Екатерины Великой, подчеркивая условность фигуры шамана, считали его метафорой европейских мистических лжеучений и масонства, нарастающей популярностью которого Екатерина была очень серьезно озабочена [Проскурина 2017: 155]. И дело не только в том, что она считала масонский орден неконтролируемым каналом политического влияния, которому был подвержен даже ее сын — цесаревич Павел, но и потому, что масонство и другие мистические движения Европы, особенно розенкрейцеры, противоречили ценностям и идеалам французского Просвещения, которым она верно следовала. Как заметил один из исследователей:

> Комедия [Шаман Сибирский] шла под знаком борьбы за «здравую философию», разум и здравый смысл, — все ключевые категории просветительского дискурса упомянуты в письме [Екатерины немецкому интеллектуалу барону Гримму] именно в связи с этой комедией. Месмеризм, магнетизерство, целительство, как и масонство, приравненное к шаманизму, рассматривались императрицей как часть атаки на Просвещение, и в этом плане Екатерина чувствовала себя в середине 1780-х годов одиноким бойцом из стана поборников уходящего века рационализма [Проскурина 2017: 154].

В связи с вопросами, поставленными в данной статье, представляет интерес фигура Амбан Лая, которую сама Екатерина называет шаманом, и с этим, кажется, согласны все исследователи, занимавшиеся пьесой. Сузи Франк утверждает, что шаманы в Петербурге XVIII в. были уже известным явлением, приводя ссылки на царские указы, предписывающие выписку шаманов из Якутского уезда[2] [Франк 2006: 51].

Во второй половине XVIII в. описания шаманов появляются в научных отчетах Академии наук и интеллектуальных сочинениях, с одним из которых Екатерина

[1] Калифакжерстон (граф Калиостро) является героем другой пьесы Екатерины II — «Обманщик». Исследователь Манфред Шуба полагает, что если пьеса «Обманщик» сосредоточена на проблеме лжефилософии и лженауки, а «Обольщенный» на лженравственности, то пьеса «Шаман Сибирский» сфокусирована на лжерелигии [Проскурина 2017: 134].

[2] Андрей Знаменский утверждает, что ни один из этих шаманов так и не доехал до Санкт Петербурга [Znamenski 2007: 9–10].

была точно была знакома[1]. В этой литературе шаманство неизменно описывалось в негативных терминах как трюкачество, шарлатанство и даже сатанизм. Не только шаманизм как таковой, но и пространство «архаической» азиатской России представлялись Екатерине резко контрастирующим с просвещенной столичной метрополией. Именно поэтому Екатерина использует фигуру сибирского шамана как метафору европейского мистицизма, тем самым проводя идею о нем как о вредном и регрессивном тренде, отбрасывающем Европу в архаику[2].

Хотя нельзя не заметить собирательность и эклектичность образа шамана, в фигуре Амбан Лая видны черты буддийского ламы, а именно Дамба-Даржа Заяева, с которым Екатерина встречалась за 20 лет до написания пьесы. Некоторые детали говорят в пользу этой гипотезы. Во-первых, согласно данным, излагаемым в пьесе, родители Амбан Лая, как и семья первого Бандидо Хамбо-ламы, происходили из Цинской империи и мигрировали на территорию России в начале XVIII в. [Бурятские летописи 1995: 144]. Во-вторых, в отличие от традиционных шаманов, которые являются частью бесписьменной традиции, Амбан Лай обучался грамоте, писал «по-мунгальски» и имел непременным атрибутом «китайскую книгу». Находясь в Петербурге, Амбан Лай даже открывает «шаманскую» школу, в которой обучает своих учеников грамоте. Из источников мы знаем, что Д.-Д. Заяев практиковал тибетскую медицину, что сближает его с Амбан Лаем, который занимается приготовлением травяных снадобий[3]. Наконец, некоторые его действия и высказывания могут указывать на буддийские практики и воззрения. Так, Амбан Лай предпочитает уединенное созерцание, пребывая в долгом молчании «для достижения небытия», что может указывать на буддийскую медитацию [Екатерина 1786: 34]. Другие его действия более напоминают камлание и шаманский экстаз, а потому его следует рассматривать как некий собирательный образ, в котором Екатерина соединила свои представления об «отсталом» и «архаическом» сибирском шаманстве. Но что кажется весьма вероятным, так это то, что знакомство с Д.-Д. Заяевым оставило в сознании Екатерины II глубокое впечатление, следы которого мы видим в образе Амбан Лая.

Здесь следует особо отметить, что в европейской науке конца XVIII в. и первой половины XIX в. так называемое «ламайство», или тибето-монгольский буддизм, относилось к общей категории идолопоклонническое суеверия. В глазах русских чиновников, миссионеров и даже исследователей оно мало отличалось от шаманства. Как мы видели выше, П. С. Паллас считал его язычеством, отличавшимся от шаманства тем, что оно «сопряжено с некоторым нравоучением» [Паллас 1778: 241]. Таких же воззрений на «ламайство», очевидно, придерживалась и Екатерина.

4. Обожествляли ли буряты Екатерину?

Мы видим, что, вероятно, отношение Екатерины к бурятским буддистам определялось ее политическими планами и философскими воззрениями. Она смотрела на буддийских лам с позиций политической утилитарности[4], но при этом скорее всего

[1] В частности, она могла читать статьи «Schamans», «Jakutes» and «Tartares ou Tatars», включенные в «Encyclopédie», энциклопедию, вдохновленную духом Просвещения, издававшуюся в период с 1751 по 1772 гг. Вышеупомянутые статьи были написаны немецко-французским ученым бароном фон Гольбахом, который описывал шаманов как обманщиков и мошенников, которые «устраивают представления с бубнами и живут за счет тех, кто верят их уловкам» [Sobkowiak 2023: 16–17]. П. Собковяк считает, что Екатерина II была под впечатлением этих интерпретаций [Sobkowiak 2023: 17].

[2] Петр Собковяк утверждает, что Амбан Лай мог быть пародией на различных европейских и русских мистиков и теософов XVIII в., таких как Якоб Бёме, Жан-Батист ван Гельмонт, Иоганн Георг Шварц или Николай Новиков, и что Екатерина II использовала термин «шаман» для обозначения «собрания разнородных объектов, пространств, людей и идей, заключенных в одном полиморфном образе» [Sobkowiak 2023: 23–24, 37].

[3] Хотя имеющиеся источники не подтверждают, что Д.-Д. Заяев практиковал тибетскую медицину, существуют свидетельства, что он собирал компоненты для медицинских снадобий [Нацагдорж 2011: 249].

[4] Это касается не только якобы имевшихся у Екатерины II планов усиления влияния России во Внутренней Азии и Гималаях, но и использования монастырского буддизма для культивиро-

едва выделяла их из общей среды сибирских «идолополконников»[1]. Но каким бы ни было ее отношение к бурятам и их религии, у них имелось свое мнение о ней.

Характеризовалось ли оно простым почтением к монаршьей особе или доходило до идеи обожествления?

Концепция о людях, являющихся земной манифестацией божественных сущностей является оригинальной интерпретацией и учения о трех телах Будды, одно из которых — нирманкая — является физическим проявлением последнего в сансаре. Идея об обожествленном правителе исторически получила развитие в тибетском буддизме с VIII в. [Dargyay 2003: 364–378; Walter 2009: 215–216] и эволюционировала в представление о божествах, которые, проявляясь в образе земных монархов, оказывают особое покровительство определенным народам и странам. Дэвид Фаркуар убедительно показывает, каким образом с юаньского времени эволюционировала идея о правителях Китая как воплощениях бодхисаттвы Манджушри, наивысшая степень обожествления которого достигла при маньчжурах [Farquhar 1978: 33]. Культ Индры, в буддийской интерпретации получивший имя Ваджрапани, с юаньских времен был связан с монголами и считался божественной сущностью Чингисхана. Позднее и Алтан-хан, и Абатай-хан также объявлялись человеческими воплощениями Авалокитешвары [The Jebtsundamba 1961: 35]. Концепция о гениях-хранителях целых стран и народов, их населяющих, могла подвести и бурят к мысли о включении династии Романовых в эту систему обожествления светских монархов, хотя это представляется странным, поскольку российские монархи не соответствовали базовому критерию для включения в эту систему: они не являлись последователями буддийской Дхармы. Так могла ли тогда православная правительница считаться инкарнацией просветленной буддийской богини?

Чтобы ответить на этот вопрос, достаточно внимательно вчитаться в бурятские источники. Это исходит из того убеждения, что если устойчивая и глубоко укорененная традиция обожествления Екатерины и других правителей династии Романовых действительно существовала, она должна была отразиться в письменном материале. Однако то, что мы действительно видим в путевых заметках Дамба-Даржа Заяева XVIII в. и бурятских летописных сочинениях XIX в., это отсутствие упоминания культа Екатерины как воплощенной богини[2]. В таких образцах бурятской историографии, как «Предание о хождении…» и «Путевые заметки», повествующих конкретно о жизни Д.-Д. Заяева, Екатерина II даже не названа по имени и упоминается как «господин правитель» (qaγan ejen) или императрица (imperaturiča) [Ванчикова 2006: 42, 128]. Никаких особенных эпитетов к этим обозначениям не прилагается. В бурятских исторических летописях Екатерина Великая упоминается много раз. Это происходит не только в контексте ее встречи с первым Хамбо-ламой, но и в связи с выделением ею в 1792 г. зерна и сельскохозяйственных орудий из казны для помощи бурятам, пострадавшим от падежа скота, а также с делом Амурсаны [Бурятские летописи 2023: 69, 214]. Во всех этих случаях Екатерина упоминается как degedü ejen imperatur ‘верховная госпожа император’ [Урданай буряадай 2021: 73], degedü ejen qatun qaγan ‘верховная госпожа правительница’ [Урданай буряадай 2021: 73] и degedü ejen imperaturiča ‘госпожа императрица’ [Урданай буряадай 2021: 122, 164, 213].

Вышеизложенное не соответствует утверждениям некоторых российских публицистов и востоковедов конца XIX в., таких как А. М. Позднеев, Э. Э. Ухтомский и П. А. Бадмаев. Так, в своей брошюре «Ламайские кумирни или статуи божеств» А. М. Позднеев приводит несколько сомнительное в своей катего-

вания оседлости среди бурят-кочевников. В этом смысле ее политика в отношении лам не отличалась от ее усилий по укреплению институциализированного ислама в казахской степи [Crews 2003: 50–83].

[1] Некоторые исследователи считают, что отношение Екатерины II к коренным сибирским народам основывалось «на представлении о коренных народах как о „бедных“, живущих „во мраке незнания существах“, нуждающихся в сочувствии и „мягкости“» [Франк 2006: 43].

[2] Единственное упоминание о русских царях как воплощениях просветленного божества (бур. *бурхан*) имеется в хронике селенгинских бурят «Летопись Пахлашкин-ламы», которая, впрочем, является одной из позднейших бурятской летописной традиции. Она датируется концом XIX в. [Бурятские летописи 2023: 313].

ричности утверждение: «Решительно все буддисты на востоке полагают, что „русские белые цари“ суть воплощение богини Цагаан-дара. Верование это, как приходится теперь признать, утверждено даже богдоханами» [Позднеев 1896: 6][1]. Сходное утверждение можно найти в работе известного российского дипломата, публициста и горячего сторонника усиления российской политики на Востоке Э. Э. Ухтомского. Рассуждая о необходимости активизации российского присутствия в Китае, Э. Э. Ухтомский замечает следующее: «Переходная ступень между нами и китайцами — монголы убежденно и бесповоротно усвоили этот взгляд на Россию и ее Верховного Вождя, являющегося для них воплощением милосердной Цаган-Дара-эхэ (одной из лучезарных манифестаций самого Будды). Тибетцы, поддерживающие весьма тесную связь с нашими бурятами, мало-помалу глубоко проникаются тождественными мыслями» [Ухтомский 1900: 49].

Наконец, Петр Бадмаев, чиновник Азиатского департамента Министерства иностранных дел, также в числе прочего писал, что буряты считают русских царей «перерождением Белой Тары» [За кулисами 1925: 57].

Интересно, что всех этих авторов объединяло выраженное имперское мышление и отчасти сходство их политических воззрений на внешнюю политику России в буддийской Азии. Последнее касается Э. Э. Ухтомского и П. А. Бадмаева, которые считали, что принадлежность бурят к буддийскому миру является тем ресурсом, который поможет России распространить свое политическое и экономическое влияние во Внутренней и Восточной Азии [Схиммельпеннинк 2009: 78].

Если почитание российских монархов как земных проявлений богини Тары было столь повсеместным в бурятской среде, как это утверждали российские публицисты, то трудно объяснить, почему в буддийской молитве, составленной Бандидо Хамбо-ламой Дампилом Гомбоевым за здравие императора Александра II, такое упоминание отсутствует [ЦВРК. Монгольский фонд. М III-923. Л. 3v]. В ней российский самодержец назван чакравартином, сострадательным защитником и божественным владыкой, но воплощением богини Тары буддийский первосвященник его не называет.

Обнаружено всего одно поверхностное упоминание российского монарха как воплощения Белой Тары в письменном буддийском тексте XIX в. Оно содержится в стихотворном описании путешествия в Москву и Петербург бурятского ламы Лубсана Самдана Цыденова, которое было написано в 1896 г. Эта поэма, носящая заголовок «Многократно взирающий на устрашающих африканских и бенгальских львов в зоологическом саду», была написана на тибетском языке и переведена на монгольский. Она содержит в себе эмоциональное описание церемонии интронизации последнего российского императора Николая II в Успенском соборе Московского Кремля [НМ РБ. Фонд Цыденова. Инв. № 1]. Венчающийся на царство Николай описывается в поэме с помощью разнообразных эпитетов: «чакравартин», «царевич Рама», «Вишну», «единственный отец», «могущественный защитник», «величайший из монархов», «богоподобный муж», «великое чудо», «восхищение мысли» [Цыремпилов 2020: 24]. В числе прочего Л. С. Цыденов называет Николая воплощением Тары Чинтаманичакры, одной из форм Белой Тары [Цыремпилов 2020: 25]. Тем не менее следует заметить, что использование этого эпитета встречается в тексте только единожды в ряду множества других, которые приведены выше. Любопытно также, что в колофоне своего произведения автор упоминает имя все того же князя Э. Э. Ухтомского, который мог быть заказчиком данного произведения [Цыремпилов 2020: 21].

Не следует с уверенностью утверждать, что вера бурят в воплощение Белой Тары в царствующих представителей династии Романовых является идеей, целенаправленно распространявшейся Э. Э. Ухтомским или другими имперскими чиновниками и исследователями. Вообще отождествление женщин-милостынедательниц с богиней Тарой являлось распространенной практи-

[1] Автор делает это утверждение в связи с описанием скульптуры Белой Тары (Цагаан-дара), приобретенной им в Жэхэ. А. М. Позднеев обнаружил сходство этой скульптуры с внешностью Екатерины II и привел некое предание, согласно которому эта скульптура делалась с рисованного портрета российской императрицы [Позднеев 1896: 6–7].

кой в тибето-монгольском буддизме, о чем свидетельствует содержание некоторых колофонов Ганжура и Данжура[1]. Но если говорить о некоей устойчивой традиции, связанной с Екатериной II и всеми последующими российскими монархами, на которую ссылаются сегодня представители Бандидо Хамбо-ламы, то подтверждения этому мы видим в основном в сочинениях российских авторов.

Несколько иную картину дает нам анализ бурятского песенного фольклора. Найдены две записи песен, в которых российские монархи называются воплощениями просветленной буддийской богини, хотя и не исключено, что дальнейшие поиски помогут выявить и другие сведения такого рода. Первое свидетельство содержится в бурятской исторической песне, посвященной походу хори-бурят к Петру I в 1702 г. Эта песня была записана упоминавшимся уже российским монголоведом А. М. Позднеевым в Забайкалье в 1870-е гг. В строках песни, восхваляющих первого русского императора, говорится:

Тот, кого называют Белым царем,
Обладает безграничными добродетелями,
Является воплощением матушки Белой Тары
И нашим святым господином [Позднеев 1880: 206].

Упоминание о русском царе как воплощении Белой Тары в этом образце бурятского устного народного фольклора выглядит серьезным аргументом в пользу существования такого культа. Однако настораживает то, что этот эпитет применяется в отношении Петра Великого, тогда как в его период хори-буряты не были еще буддистами, а одним из главных членов их делегации в Москву была шаманка Эреэхэн-удаган. Бурятский фольклорист М. И. Тулохонов, разбиравший эту песню в своей книге «Бурятские исторические песни», также обратил внимание на это несоответствие, посчитав фрагмент о Белой Таре поздним добавлением к реальной исторической песне [Тулохонов 1973: 100–101][2].

Другое свидетельство отождествления Романовых с богиней Белой Тарой найдено в коллекции хори-бурятских песен, хранящихся в фондах Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. Речь идет о магтале (хвалебной песне), написанном в ознаменование посещения цесаревичем Николаем Александровичем Забайкалья в 1891 г. во время его «кругосветного» путешествия. Песня содержит следующие слова:

Белый царь по имени,
Безграничный по добродетели,
Воплощение белой Дара-эхэ,
Святой повелитель наш.
[ЦВРК. Общий фонд. Инв. № 671][3].

Эта песня является почти дословным повторением более ранней песни, фрагмент которой цитировался выше, что может означать, что к концу XIX в. фраза о Белой Таре приобрела каноническую форму и стала воспроизводиться в различных бурятских песнях без существенных изменений.

На первый взгляд, данные подтверждают существование культа обожествления монархов династии Романовых в бурятской народной среде, но с рядом оговорок. Как явствует из вышеизложенного, этот культ почти не представлен в письменной бурятской традиции. Следы почитания российских монархов прослеживаются почти исключительно в устной песенной традиции, магталах и ульгэрах. К сожалению, на данном этапе нет достаточных данных, чтобы судить, насколько распространенной была традиция обожествления Романовых в бурятской народной среде, и когда именно она получила развитие.

5. Заключение

Прочно утвердившееся мнение об особом почитании бурятскими буддистами

[1] По устной информации, полученной от монголоведов К. В. Алексеева и Н. В. Ямпольской.

[2] М. И. Тулохонов считает, что в образе правителя смешались личности Петра и Екатерины Великой, а добавление данной строфы в песню могло произойти под влиянием дацанской литературы [Тулохонов 1973: 101]. На перевод песни М. И. Тулохонова ссылается известный историк В. В. Трепавлов, который в своих работах также рассуждает об обожествлении Романовых бурятскими буддистами [Трепавлов 2007: 26].

[3] Архивное дело «Хвалебные песни Николаю II» содержит только русский перевод магтала, выполненный зайсаном Хоринской степной думы Эрдэни Вамбоцыреновым. Как известно, в путешествии цесаревича Николая Александровича сопровождал все тот же Э. Э. Ухтомский. См. анализ материалов этого архивного дела в [Фролова 2004: 29–33].

российской императрицы Екатерины II вошло уже в разряд истины, не требующей доказательств. Однако пристальный взгляд на источники проблематизирует данное утверждение. Если русскоязычные официальные и неофициальные документы ничего не сообщают нам о признании Екатериной II титула «Бандидо Хамбо-лама», то бурятские источники, сообщая о встрече первого носителя этого титула — Дамба-Даржа Заяева — с императрицей, говорят лишь о знакомстве и беседах между ними. По сути, информация о якобы имевшем месте признании восходит лишь к одной из бурятских летописей, но значение этих сведений существенно снижается из-за отсутствия каких-либо иных доказательств.

В этой статье мы поставили перед собой более широкую задачу: понять, каким было взаимное восприятие бурятских последователей буддизма и российской императрицы Екатерины II. В современных популярных и академических интерпретациях отношения бурятских буддистов к российской императрице описываются как глубокое религиозное почитание, однако анализ существующей историографии слабо подтверждает данное мнение. Свидетельства о почитании Екатерины как воплощения Белой Тары тем не менее сохранились в песенном фольклоре и религиозной поэзии бурят, но в распоряжении исследователей пока имеются лишь единичные образцы, датирующиеся концом XIX – началом XX в. Можно предположить, что широкое распространение несколько преувеличенного мнения о почитании бурятами Романовых как земных воплощений буддийского божества может быть обязано видным лидерам мнений российской политической элиты, продвигавшим идею экспансии российских интересов вглубь буддийской Азии.

Что касается отношения самой императрицы Екатерины к подданным «ламаитам» и их вере, то оно диктовалось ее внешнеполитическими планами в Азии и характерным для европейского Просвещения пренебрежением к архаичным культурам «сибирских идолопоклонников», к которым наряду с анимистами и шаманистами ученые XVIII в. относили и сибирских «ламаитов».

Разумеется, выводы данной статьи не могут считаться полностью убедительными, но в наши задачи входило, главным образом, изложить собственные соображения и обозначить проблему. Нельзя, разумеется, исключать, что упущенные нами или пока неизвестные источники смогут заставить нас пересмотреть выводы, сделанные в данной статье.

Источники

Записка Чимитова — Записка Чимитова. Рукопись на монгольском языке // Из личной коллекции Батцэнгэл Нацагдоржа (г. Улан-Батор, Монголия).

НМ РБ — Национальный музей Республики Бурятия.

ЦВРК — Центр восточных рукописей и ксилографов Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения РАН.

LTWA — Library of Tibetan Works and Archives (Библиотека тибетских трудов и архивов) (г. Дхарамсала, Индия).

Sources

Center of Oriental Manuscripts and Xylographs. Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies (SB RAS).

Chimitov. Note by Chimitov. Manuscript. At: Personal collection of Battsengel Natsagdorj. Ulaanbaatar. (In Mong.)

Library of Tibetan Works and Archives.

National Museum of the Republic of Buryatia.

Литература

Андреев 2006 — *Андреев А. И.* Тибет в политике царской, советской и постсоветской России. СПб.: СПбГУ, Нартанг, 2006. 464 с.

Бурятские летописи 1995 — Бурятские летописи / сост. Ш. Б. Чимитдоржиев, Ц. П. Ванчикова. Улан-Удэ: Бур. респ. тип., 1995. 196 с.

Бурятские летописи 2023 — Бурятские летописи / пер. Ж. Б. Бадагарова. Улан-Удэ: Буряад-Монгол Ном, 2023. 432 с.

Ванчикова 2006 — *Ванчикова Ц. П.* История бурятского буддизма. Источники, переводы, исследования. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2006. 145 с.

Ванчикова 2008 — *Ванчикова Ц. П.* История буддизма в Забайкалье до 1945 г. // Земля Ваджрапани. Буддизм в Забайкалье / сост. и науч. ред. Ц. П. Ванчикова. М.: Дизайн.

Информация. Картография, 2008. С. 28–49.

В Бурятии прошло 2019 — В Бурятии прошло торжественное представление бюста императрицы Екатерины II // Министерство культуры Республики Бурятия. 27 ноября 2019 г. URL: https://minkultrb.ru/news/news/1117-v-buryatii-proshlo-torzhestvennoe-predstavlenie-byusta-imperatritsy-ekateriny-ii-fotoreportazh/ (дата обращения:13.08.2023).

Вашкевич 1885 — *Вашкевич В.* Ламаиты в Восточной Сибири. СПб.: МВД, Деп-т дух. дел иностр. исповеданий, 1885. 145 с.

Возвращение Екатерины 2020 — Возвращение Екатерины Великой // Мир Байкала. 1 сентября 2020 г. URL: https://www.world-of-baikal.ru/index.php/mnogolikaya-buryatiya/ukreplyaya-mir-i-soglasie/684-vozvrashchenie-ekateriny-velikoj-kak-imperatritsa-vserossijskaya-stala-buddijskoj-boginej (дата обращения: 13.08.2023).

Гирченко 1939 — *Гирченко В. П.* Русские и иностранные путешественники XVII, XVIII и первой половины XIX веков о бурят-монголах. Улан-Удэ: Бургиз, 1939. 92 с.

Екатерина 1786 — *Екатерина II.* Комедия «Шаман Сибирский». СПб.: Имп. Акад. наук, 1786. 108 с.

Жуковская 2001 — *Жуковская Н. Л.* К вопросу о награде, полученной Дамба Даржа Заяевым от императрицы Екатерины II // Мир буддийской культуры: сб. ст. Чита: ЗабГПУ, 2001. С. 84–90.

Жуковская 2013 — *Жуковская Н. Л.* О буддизме и буддистах. Статьи разных лет: 1969–2011. М.: Ориенталия, 2013. 480 с.

За кулисами 1925 — За кулисами царизма. Архив тибетского врача Бадмаева / ред. и вступ. ст. В. П. Семенникова. Л.: Гос. изд-во, 1925. 175 с.

Институт 1911 — Институт бандита Хамбо-ламы у бурят в его отношении к ламаизму и миссии // Православный собеседник, издаваемый при Казанской духовной академии. Ноябрь. Казань: Тип. губ. правления, 1911. С. 611–626.

Летописи селенгинских 1936 — Летописи селенгинских бурят. Вып. 1. Хроника Убаши Дамби Джалцан Ломбо Цыренова 1868 г. Текст издал Н. Н. Поппе (Труды Института востоковедения. XII). М.; Л.: АН СССР, 1936. 55 с.

Намсараева 2019 — *Намсараева А.* Хамбо Лама Этигэлов. Жизнь как вызов. Улан-Удэ: Нова Принт, 2019. 159 с.

Нацагдорж 2011 — *Нацагдорж Ц. Б.* Об одном источнике о хамбо ламе Д.-Д. Заяеве // Четвертые Доржиевские чтения. Буддизм и современный мир. СПб: Нестор-История, 2011. С. 243–254.

Очерк о ламаизме 1905 — Очерк о ламаизме, составленный под главною редакциею Статс-Секретаря Куломзина И. В. Сосновским. СПб.: Гос. тип., 1905. 78 с.

Паллас 1778 — *Паллас П. С.* Путешествие по разным провинциям Российского государства. Часть третья. Половина первая. 1772–1773 годов. СПб.: Имп. Акад. наук, 1778. 479 с.

Позднеев 1880 — *Позднеев А. М.* Образцы народной литератур монгольских племен. Вып. 1: Народные песни монголов. СПб.: Тип. Имп. акад. наук, 1880. 359 с.

Позднеев 1896 — *Позднеев А. М.* Ламайские кумирни или статуи божеств (из коллекций, составленных профессором Позднеевым). СПб.: Тип. Безобразова и Ко, 1896. 11 с.

Проскурина 2017 — *Проскурина В.* Империя пера Екатерины II. Литература как политика. М.: НЛО, 2017. 256 с.

Сазыкин 1989 — *Сазыкин А. Г.* Описание Тибета, составленное в XVIII в. бурятским паломником Дамба-доржи Заяевым // Страны и народы Востока. Вып. XXVI. Средняя и Центральная Азия (География, этнография, история). Москва: Наука, ГРВЛ, 1989. С. 117–125.

Схиммельпеннинк 2009 — *Схиммельпеннинк ван дер Ойе Д.* Навстречу восходящему солнцу. Как имперское мифотворчество привело Россию к войне с Японией. М: Новое литературное обозрение, 2009. 421 с.

Тара (буддизм) — Тара (буддизм) [электронный ресурс] // Википедия. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Тара_(буддизм) (дата обращения: 13.08.2023).

Трепавлов 2007 — *Трепавлов В. В.* «Белый царь»: образ монарха и представления о подданстве у народов России XV–XVIII вв. М.: Вост. лит., 2007. 254 с.

Тулохонов 1973 — *Тулохонов М. И.* Бурятские исторические песни. Улан-Удэ: Бур. кн. изд-во, 1973. 248 с.

Урданай буряадай 2021 — Урданай буряадай түүхын зохёол / Хүрб. Ж. Бадагаров (= Старинные бурятские исторические сочинения / пер. на совр. бурят. яз. Ж. Бадагарова). Улаан-үдэ: Буряад-Монгол Ном, 2021. 400 с.

Успенский 2015 — *Успенский В. Л.* Вместо предисловия // Учение Будды в России. 250 лет институту Пандито Хамбо-лам. СПб.: Петербургское востоковедение, 2015. С. 8–10.

Ухтомский 1900 — *Ухтомский Э. Э.* К событиям

в Китае: об отношениях Запада и России к Востоку. СПб.: Восток, 1900. 87 с.

Франк 2006 — *Франк С. К.* Освоение шаманизма в русской литературе кон. XVIII в. А. Н. Радищев vs Екатерина II // Русская литература и медицина. Тело, предписания, социальная практика. М.: Новое изд-во, 2006. С. 41–54.

Фролова 2004 — *Фролова Г. Д.* «Богдо-наследник Николай» в хвалебных песнях бурят // Восточная коллекция. 2004. № 4(19). С. 29–33.

Хамбо лама 2013 — *Хамбо лама.* Мысли наедине. Выдержки из речей / сост. А. Махачкеев. Улан-Удэ: Нова Принт, 2013. 39 с.

Цыремпилов 2014 — *Цыремпилов Н. В.* Когда Россия признала буддизм? В поисках указа 1741 г. императрицы Елизаветы Петровны об официальном признании буддизма российскими властями // Гуманитарный вектор. Серия: История, политология. 2014. № 3(39). С. 96–109.

Цыремпилов 2020 — *Цыремпилов Н. В.* Москва как буддийский рай: бурятская депутация на коронации Николая II // Этнографическое обозрение. 2020. № 2 . С. 13–31.

Чимитдоржин 2004 — *Чимитдоржин Д. Г.* Институт Пандито Хамбо Лам. 1764–2004. Улан-Удэ: Изд-во Буддийск. ин-та «Даши Чойнхорлин», 2004. 185 с.

Crews 2003 — *Crews R.* Empire and the Confessional State: Islam and Religious Politics in Nineteenth-Century Russia // The American Historical Review. Vol. 108. No. 1. February 2003. Pp. 50–83.

Dargyay 2003 — *Dargyay E. K.* Srong-btsan Sgampo of Tibet. Bodhisattva and King // The History of Tibet. Vol. I. The Early Period: to c. AD 850. The Yarlung Dynasty / Ed. by Alex McKay. London; New York: Routledge Curzon, 2003. Pp. 364–378.

Farquhar 1978 — *Farquhar D. M.* Emperor as Bodhisattva in the Governance of the Ch'ing Empire // Harvard Journal of Asiatic Studies. Vol. 38. No. 1. 1978. Pp. 5–34.

King 2021 — *King M. W.* In the Forest of the Blind: the European Journey of Faxian's Records of Buddhist Kingdoms. New York: Columbia University Press, 2021. 294 p.

Majer, Teleki 2008 — *Majer Z., Teleki K.* Origin and Spread of Buddhism in Buryatia — A Text of Buyandalai Dooramba // Acta Orientalia Academiae Scientarum Hungaricae. 2008. Vol. 61(4). Pp. 477–497.

O'Malley 1997 — *O'Malley L.* The Monarch and the Mystic: Catherine the Great's Strategy of Audience Enlightenment ion the Siberian Shaman // The Slavic and East European Journal. Summer. 1997. Vol. 41. No. 2. Pp. 224–242.

Pallas 1801 — *Pallas P. S.* Observations faites dans un voyage entrepris dans les gouvernements méridionaux de l'empire de Russie, dans le annees 1793 et 1974. T. II. Leipzig: Godefroi Martini, Libraire, 1801. 319 p.

Rinchen 1959 — *Rinchen B.*, trans. Four Mongolian historical records. Vol. 2 of Indo-Asian Literatures. Mongol Pitaka. New Delhi: International Academy of Indian Culture, 1959. 155 p.

The Jebtsundamba 1961 — The Jebtsundamba Khutukhtus of Urga / Text, Translation and Notes by Charles Bawden. Asiatische Forschungen. Band 9. Wiesbaden: Otto Harasowitz, 1961. 91 p.

Turner 1800 — *Turner S.* An Account of an Embassy to the Court of the Teshoo Lama, in Tibet : Containing a Narrative of a Journey through Bootan, and Part of Tibet. London: W. Bulmer and Co., 1800. 473 p.

Walter 2009 — *Walter M. L.* Buddhism and Empire. The Political and Religious Culture of Early Tibet. Leiden-Boston: Brill, 2009. 311 p.

Znamenski 2007 — *Znamenski A.* The Beauty of the Primitive. Shamanism and the Western Imagination. Oxford, New York: Oxford University Press, 2007. 453 p.

References

Andreev A. I. Tibet in the Political Agenda of Tsarist, Soviet and Post-Soviet Russia. St. Petersburg: St. Petersburg University, Narthang, 2006. 464 p. (In Russ.)

Bawden Ch. The Jebtsundamba Khutukhtus of Urga (Asiatische Forschungen 9). Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1961. 91 p. (In Eng.)

Bust of Empress Catherine II triumphantly unveiled in Buryatia. On: Ministry of Culture of Buryatia (official website). Posted on 27 November 2019. Available at: https://minkultrb.ru/news/news/1117-v-buryatii-proshlo-torzhestvennoe-predstavlenie-byusta-imperatritsy-ekateriny-ii-fotoreportazh/ (accessed: 13 August 2023). (In Russ.)

Catherine II. The Siberian Shaman: A Comedy. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences, 1786. 108 p. (In Russ.)

Catherine the Great is back. On: World of Baikal (online news outlet). Posted on 1 September 2020. Available at: https://www.world-of-baikal.ru/

index.php/mnogolikaya-buryatiya/ukreplyaya-mir-i-soglasie/684-vozvrashchenie-ekateriny-velikoj-kak-imperatritsa-vserossijskaya-stala-buddijskoj-boginej (accessed: 13 August 2023). (In Russ.)

Chimitdorzhiev Sh. B., Vanchikova Ts. P. (comps.) Buryat Chronicles. Ulan-Ude: Respublikanskaya Tipografiya, 1995. 196 p. (In Russ.)

Chimitdorzhin D. G. The Institution of the Pandito Khambo Lama: 1764–2004. Ulan-Ude: Dashi Choinkhorling, 2004. 185 p. (In Russ.)

Crews R. Empire and the confessional state: Islam and religious politics in nineteenth-century Russia. *The American Historical Review*. 2003, February. Vol. 108. No. 1. Pp. 50–83. (In Eng.)

Dargyay E. K. Srong-btsan Sgampo of Tibet: Bodhisattva and King. In: McKay A. (ed.) The History of Tibet. Vol. 1: The Early Period: to c. AD 850. The Yarlung Dynasty. London, New York: Routledge Curzon, 2003. Pp. 364–378. (In Eng.)

Farquhar D. M. Emperor as bodhisattva in the governance of the Ch'ing Empire. *Harvard Journal of Asiatic Studies*. 1978. Vol. 38. No. 1. Pp. 5–34. (In Eng.)

Frank S. K. Shamanism in late nineteenth-century Russian literature: Alexander N. Radishchev vs Catherine II. In: Bogdanov K. et al. (eds.) Russian Literature and Medicine: Body, Prescriptions, and Social Practice. Moscow: Novoe Izdatelstvo, 2006. Pp. 41–54. (In Russ.)

Frolova G. D. "Bogdo-Heir Nicholas" in Buryat songs of praise. *Vostochnaya kollektsiya*. 2004. No. 3. Pp. 29–33. (In Russ.)

Girchenko V. P. Eyewitness Accounts of Buryat-Mongols by Russian and Foreign Travelers: Seventeenth, Eighteenth, and Early-to-Mid Nineteenth Centuries. Ulan-Ude: Burgiz, 1939. 92 p. (In Russ.)

King M. W. In the Forest of the Blind: The European Journey of Faxian's Records of Buddhist Kingdoms. New York: Columbia University Press, 2021. 294 p. (In Eng.)

Majer Z., Teleki K. Origin and spread of Buddhism in Buryatia — A text of Buyandalai Dooramba. Acta Orientalia Academiae Scientarum Hungaricae. 2008. Vol. 61. No. 4. Pp. 477–497. (In Eng.)

Makhachkeev A. (comp.) Rev. Khambo Lama [Ayusheev]: Private Thoughts. Quotations. Ulan-Ude: Nova Print, 2013. 39 p. (In Russ.)

Namsaraeva A. Khambo Lama Etigelov: Life as a Challange. Ulan-Ude: Nova Print, 2019. 159 p. (In Russ.)

Natsagdorj Ts. B. One more source on Ven. Khambo Lama D.-D. Zayaev. In: Fourth Dorzhiev Readings. Buddhism and the Contemporary World. St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2011. Pp. 243–254. (In Russ.)

O'Malley L. The monarch and the mystic: Catherine the Great's strategy of audience enlightenment in the Siberian shaman. *The Slavic and East European Journal*. 1997, Summer. Vol. 41. No. 2. Pp. 224–242. (In Eng.)

Pallas P. S. Observations faites dans un voyage entrepris dans les gouvernements méridionaux de l'empire de Russie, dans le annees 1793 et 1974. T. II. Leipzig: Godefroi Martini, Libraire, 1801. 319 p.

Pallas P. S. Travels in Different Provinces of the Russian State. Vol. 3. Pt. 1: The Years 1772–1773. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences, 1778. 479 p. (In Russ.)

Poppe N. N. (ed.) Chronicles of the Selenga Buryats. Vol. 1: A Chronicle Recorded from Ubashi Dambi Jaltsan Lombo Tsyrenov in 1868 (Proceedings of the Institute of Oriental Studies 12). Moscow, Leningrad: USSR Academy of Sciences, 1936. 55 p. (In Russ.)

Pozdneev A. M. Lamaist Sanctuaries or Statues of Deities: Glimpses of Collections Compiled by Professor Pozdneev. St. Petersburg: Bezobrazov and Co., 1896. 11 p. (In Russ.)

Pozdneev A. M. More on the history of Buddhism and its development in Transbaikalia. *Zapiski Vostochnogo otdeleniya Imperatorskogo russkogo arkheologicheskogo obshchestva*. 1886. Vol. 1. Is. 1. Pp. 169–188. (In Russ.)

Pozdneev A. M. Some Patterns of Mongolic Folk Literatures. Vol. 1: Folk Songs of Mongols. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences, 1880. 359 p. (In Russ.)

Proskurina V. The Pen-and-Ink Empire of Catherine the Great: Literature as Politics. Moscow: NLO, 2017. 256 p. (In Russ.)

Rinchen B. (ed.) Four Mongolian Historical Records (Indo-Asian Literatures 11). Mongol Pitaka. Vol. 2. B. Rinchen (transl.), R. Vira (foreword). New Delhi: International Academy of Indian Culture, 1959. 155 p. (In Mong. and Eng.)

Schimmelpenninck van der Oye D. Toward the Rising Sun: Russian Ideologies of Empire and the Path to War with Japan. Moscow: Novoe Literaturnoe Obozrenie, 2009. 421 p. (In Russ.)

Semennikov V. P. (ed.) Behind the Curtains of Tsarism: Archives of the Tibetan Medicine Physician Badmaev. Leningrad: State Publ. House, 1925. 175 p. (In Russ.)

Sosnovsky I. V. An Essay on Lamaism Compiled under the Editorial of Secretary of State Kulomzin by I. V. Sosnovsky. St. Petersburg: State Publ. House, 1905. 78 p. (In Russ.)

Tara (Buddhism). On: Wikipedia. Available at:

https://ru.wikipedia.org/wiki/Tara_(buddizm) (accessed: 13 August 2023). (In Russ.)

The Institute of Bandido Khambo Lama among Buryats, and its relation to Lamaism and the Mission. *Pravoslavnyy sobesednik, izdavaemyy pri Kazanskoy dukhovnoy akademii*. 1911, November. Pp. 611–626. (In Russ.)

Trepavlov V. V. "The White Tsar": The Monarch's Image and Representations of Suzerainty among Russia's Peoples in the Fifteenth to Eighteenth Centuries. Moscow: Vostochnaya Literatura RAN, 2007. 254 p. (In Russ.)

Tsyrempilov N. V. (ed.) Buryat Chronicles. Zh. Badagarov (transl.). Ulan-Ude: Buryaad-Mongol Nom, 2022. 432 p. (In Russ.)

Tsyrempilov N. V. (ed.) Buryat Historical Writings of the Past (The Buryat Anthology 1). Zh. Badagarov (text prep.). Ulan-Ude: Buryaad-Mongol Nom, 2021. 400 p. (In Bur.)

Tsyrempilov N. V. Moscow as a Buddhist paradise: A Buryat delegation at the coronation of Nicholas II. *Etnograficheskoe obozrenie*. 2020. No. 2. Pp. 13–31. (In Russ.)

Tsyrempilov N. V. When did Russia recognize Buddhism? In pursuit of 1741 Decree by the Empress Elizaveta Petrovna officially recognizing of Buddhism by the Russian authorities. *Humanitarian Vector. History, Political Sciences*. 2014. No. 3(39). Pp. 96–109. (In Russ.)

Tulokhonov M. I. Buryat Historical Songs. Ulan-Ude: Buryatia Book Publ., 1973. 248 p. (In Russ.)

Turner S. An Account of an Embassy to the Court of the Teshoo Lama, in Tibet: Containing a Narrative of a Journey through Bootan, and Part of Tibet. London: W. Bulmer and Co., 1800. 473 p. (In Eng.)

Ukhtomsky E. E. On the Events in China: Attitudes of the West and Russia to the Orient. St. Petersburg: Vostok, 1900. 87 p. (In Russ.)

Uspensky V. L. In lieu of a preface. In: Popova I. F., Zorin A. V. et al. (eds.) Buddha's Teachings in Russia: Celebrating the 250th Anniversary of the Institution of the Pandito Khambo Lama. St. Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie, 2015. Pp. 8–10. (In Russ.)

Vanchikova Ts. P. History of Buddhism in Transbaikalia before 1945. In: Vanchikova Ts. P. (comp., ed.) The Land of Vajrapani: Buddhism in Transbaikalia. Moscow: Dizayn-Informatsiya-Kartografiya, 2008. Pp. 28–49. (In Russ.)

Vashkevich V. Lamaists in Eastern Siberia. St. Petersburg: Ministry of Internal Affairs, 1885. 145 p. (In Russ.)

Walter M. L. Buddhism and Empire. The Political and Religious Culture of Early Tibet. Leiden-Boston: Brill, 2009. 311 p. (In Eng.)

Zhukovskaya N. L. About Buddhism and Buddhists: Articles of Various Years, 1969–2011. Moscow: Orientalia, 2013. 480 p. (In Russ.)

Zhukovskaya N. L. More on the award bestowed upon Rev. Damba Darzha Zayaev by Empress Catherine II. In: The World of Buddhist Culture. Collected papers. Chita: Transbaikal State Pedagogical University, 2001. Pp. 84–90. (In Russ.)

Znamenski A. The Beauty of the Primitive: Shamanism and the Western Imagination. Oxford, New York: Oxford University Press, 2007. 453 p. (In Eng.)

Published in the Russian Federation
Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
Has been issued as a journal since 2008
ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
Vol. 16, Is. 5, Pp. 1115–1127, 2023
Journal homepage: https://kigiran.elpub.ru

CC BY NC ND

УДК / UDC 94(47)+353
DOI: 10.22162/2619-0990-2023-69-5-1115-1127

Военная служба как фактор интеграции башкир и калмыков в имперское пространство в XVIII – первой половине XIX в.

Рамиль Насибуллович Рахимов[1]

[1] Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)
кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
0000-0002-5642-6591. E-mail: rakhimovrn[at]mail.ru

© КалмНЦ РАН, 2023
© Рахимов Р. Н., 2023

Аннотация. *Введение.* Одним из феноменов Российской империи XVIII – первой половины XIX в. было присутствие в ее армии национальных войск: Башкиро-мещерякского, Ставропольского калмыцкого, Волжского калмыцкого, Крымско-татарского. Кроме непосредственно боевой деятельности, национальные войска интегрировали народы в имперское пространство. Одними из первых были привлечены на военную службу башкиры и калмыки. *Материалы и методы.* Статья написана на основе источников, выявленных в архивах, опубликованных в сборниках документов. Методология построена на применении историко-генетического, историко-сравнительного и структурного методов в отношении военной истории башкир и калмыков XVIII – первой половины XIX в., населявших российский фронтир. *Результаты.* В башкирском обществе не сложилась институциональная элита, обладавшая монопольным правом на власть, родовые структуры были равны между собой. Калмыцкое ханство имело вертикальную структуру власти, войско и управление. Башкиры и калмыки активно привлекались к военной службе, начиная с правления Петра I. Правительство пыталось подчинить автономное ханство христианизацией (создание отдельного войска из крещеных калмыков) и контролем элит. Политический протест выразился в уходе части калмыков в Центральную Азию в 1771 г. С 1825 г. Калмыкия находилась в подчинении Министерства внутренних дел. Активная интеграция Башкирии началась с деятельности Оренбургской экспедиции, повлекшей за собой башкирское восстание 1735–1740 гг. Итогом было преобразование управления краем, смена прежних элит башкирского общества новыми и процесс замены родовой волости территориальной. Кантонная система с 1798 г. сформировала новые, служащие элиты. Институализация военной службы реализовалась учреждением в 1834 г. Башкиро-мещерякского войска, существовавшего до 1863 г. Большое значение имела символическая политика, проводимая правительством в отношении национальных элит народов, несших воинскую службу: награждение оружием, сукном, знаменами, впоследствии — орденами и медалями. Особенностью награждений было то, что правительство опасалось расширения дворянской корпорации за счет представителей нерусских народов, стремилось награждать суррогатами наград, деньгами, зауряд-чинами. *Выводы.* Башкиры и калмыки участвовали в проведении внешней поли-

тики России XVIII – первой половины XIX в., охраняли ее юго-восточную и южную границы. Военная служба ускоряла интеграцию народов в институты империи — в правовой, социальной, экономической сферах. У башкир она завершилась более успешно. Это было связано с наличием вотчинного права на землю и отсутствием в обществе иерархической вертикали. У калмыков она не реализовалась в полной мере из-за наличия вертикали власти в виде автономного ханства, вмешательства правительства во внутреннюю жизнь — создание отдельного войска из крещеных калмыков. Уход калмыков в Центральную Азию в 1771 г. и упразднение ханства замедлили интегративные процессы.
Ключевые слова: башкиры, калмыки, военная служба, иррегулярные войска, Российская империя, инкорпорация элит, интеграция
Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Юго-восточный пояс России: исследование политической и культурной истории социальных общностей и групп» (номер госрегистрации: 122022700134-6).
Для цитирования: Рахимов Р. Н. Военная служба как фактор интеграции башкир и калмыков в имперское пространство в XVIII – первой половине XIX в. // Oriental Studies. 2023. Т. 16. № 5. С. 1115–1127. DOI: 10.22162/2619-0990-2023-69-5-1115-1127

Bashkirs and Kalmyks in Russia's Imperial Environments, Eighteenth to Mid-Nineteenth Centuries: Military Service as Integration Factor

Ramil N. Rakhimov[1]

[1] Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., 358000 Elista, Russian Federation)
Cand. Sc. (History), Research Associate
0000-0002-5642-6591. E-mail: rakhimovrn[at]mail.ru

© KalmSC RAS, 2023
© Rakhimov R. N., 2023

Abstract. *Introduction.* In the eighteenth to mid-nineteenth centuries, Imperial Russia was characterized by one particular phenomenon — presence of ethnic troops, namely: Bashkir-Meshcheryak, Stavropol Kalmyk, Volga Kalmyk, and Crimean Tatar hosts. In addition to direct combat activities, such ethnic military units were to integrate their peoples into imperial environments. So, Bashkirs and Kalmyks had been recruited for military service among the first. *Materials and methods*. The article analyzes archival and published sources. It employs the historical genetic, historical comparative, and structural methods for due insights into the military history of frontier-based Bashkirs and Kalmyks throughout the eighteenth to the mid-nineteenth centuries. *Results*. In Bashkir society, there were no institutionalized Genghisid elites believed to have monopoly on political power, and clan structures were somewhat equal. The Kalmyk Khanate did have a vertical structure of power, army and administrative apparatus. Peter I had been the first to actively involve Bashkirs and Kalmyks in Russia's military endeavors. The imperial government had been seeking to subjugate the autonomous Khanate via Christianization (a separate host compiled from Kalmyk Christians) and control over elites. These ended in a political protest — the 1771 Exodus of Kalmyks to Dzungaria. So, since 1825, Kalmykia remained under the jurisdiction of the Ministry of Internal Affairs. The accelerated integration of Bashkiria began with the activities of the Orenburg Expedition, which led to the Bashkir Rebellion of 1735–1740. The latter resulted in that the region was reshaped administratively, former elites of Bashkir society replaced by new ones, and tribal volosts substituted by territorial subdivisions. Since 1798, the canton system gave rise to new service elites. The institutionalization of military service was implemented via the 1834 establishment of the Bashkir-Meshcheryak Host that existed until 1863. Great importance was assigned to symbolic policies pursued by the imperial government towards ethnic elites of peoples in military service — awards in the form of weapons, cloth, banners, orders, and medals (subsequently). The peculiarity of the awards was that the government feared the nobility's expansion at the expense of non-Russian elites and would bestow some surrogate awards, money, and mediocre ranks. *Conclusions*. In the eighteenth to mid-nineteenth centuries, Bashkirs and Kalmyks proved active participants of Russia's foreign policies as guardians of its southeastern and southern borders. Military service did accelerate the integration of the peoples into imperial institutions — legal, social, economic ones. However, the process ended more successfully for Bashkirs,

which was largely facilitated by the presence of patrimonial rights to land and the absence of a hierarchical vertical structure in society. Meanwhile, the presence of a vertical power structure in the form of an autonomous domain, Russian government's intervention in the latter's internal affairs (creation of a separate host from Kalmyk Christians), the Exodus of 1771, and the subsequent abolition of the Khanate slowed down the integrative processes never to be completed in the examined period.

Keywords: Bashkirs, Kalmyks, military service, irregular troops, Russian Empire, incorporation of elites, integration

Acknowledgements. The reported study was funded by government subsidy, project no. 122022700134-6 'The Southeastern Belt of Russia: Exploring Political and Cultural History of Social Communities and Groups'.

For citation: Rakhimov R. N. Bashkirs and Kalmyks in Russia's Imperial Environments, Eighteenth to Mid-Nineteenth Centuries: Military Service as Integration Factor. *Oriental Studies*. 2023; 16(5): 1115–1127. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2023-69-5-1115-1127

1. Введение

Одним из феноменов Российской империи XVIII – первой половины XIX в. было присутствие в ее армии национальных («инородческих» по терминологии того времени) войск и формирований. Корни его шли со второй половины XVI в. с Ливонской войны [Рахимов 2014: 35]. Традиция использовать в качестве конницы казаков и нерусские народы юга и юго-востока страны продолжилась в XVII в. привлечением на службу башкир, служилых татар, калмыков. С момента создания Петром I российской императорской армии национальные части вместе с казаками составляли ее иррегулярные войска.

В XVIII в. в войнах и походах в составе российской армии принимали участие башкиры, мещеряки (совр. — мишари), служилые татары, волжские калмыки (буддисты), ставропольские калмыки (крещеные). В конце века к ним присоединились крымские татары. В первой половине XIX в. в империи существовали находящиеся в той или иной стадии институализации четыре национальных войска: Башкиро-мещерякское, Ставропольское калмыцкое, Волжское калмыцкое, Крымско-татарское, а также различные горские части и милиции, создаваемые в ходе Кавказской войны [Рахимов 2018: 124–138].

Кроме непосредственно боевой деятельности (участие в войнах, охрана границы, обеспечение внутреннего порядка, санитарная служба), национальные войска интегрировались в имперское пространство. К ней можно отнести как владение русским языком и включение в структуры армии, так и включение в систему имперского законодательства, чинопроизводства, образования, медицины, формирование национального дворянства. Одним из маркеров интеграции служит положение народов в империи после проведения Великих реформ, поскольку к этому времени национальные войска были упразднены, сохранился только полк крымских татар, связанный с представительскими функциями в Ливадии [Рахимов 2018: 135–136].

Крещеные калмыки вошли в Оренбургское казачье войско, волжские калмыки остались на положении сельских обывателей, но были исключены от военной обязанности. Напротив, башкиры и мишари, также ставшие свободными сельскими обывателями, будучи военнообязанными, пополняли армию, флот и гвардию наравне с великороссами.

Одними из первых были привлечены на военную службу башкиры и калмыки — номады Великой степи, количественно представлявшие большую часть национальных войск России. Предлагаемая статья анализирует интеграционные процессы, протекавшие у этих народов в то время, когда они находились в империи в военном статусе.

2. Материалы и методы

Статья написана на основе ранее неопубликованных источников, выявленных в Российском государственном архиве древних актов (далее — РГАДА), Российском государственном военно-историческом архиве (далее — РГВИА), Национальном архиве Республики Башкортостан (далее — НА РБ), а также опубликованных в сборниках документов.

Методология статьи построена на применении историко-генетического метода, рассматривающего явление (в данном случае национальные войска) в его зарождении, развитии и исчезновении, историко-сравнительного метода при анализе результатов действий правительства по отношению к башкирам и калмыкам, и структурного, используемого при анализе социального устройства башкирского и калмыцкого обществ, институтов управления, создаваемых правительством.

Историю юга и юго-востока России XVI – первой половины XIX в. мы рассматриваем как российский фронтир [Рахимов 2013: 103–109]. Мы согласны с определенной условностью определения «подвижной границы» как «фронтира» в реалиях российской истории. В отличие от американского фронтира Ф. Тёрнера он не представлял собой сплошного, фронтального наступления русской колонизации и полного вытеснения носителей других цивилизационных укладов, как это было в Северной Америке [Алексеев и др. 2004: 32].

3. Историография

Военная служба калмыков и башкир стала объектом изучения в российской историографии с начала XX в. Она была связана с участием башкир и калмыков в наполеоновских войнах [Прозрителев 1912; Чонов 1912; Юдин 1912]. В 1960-е гг. следующий юбилей Отечественной войны 1812 г. активизировал советских историков [Усманов 1964; Беликов 1965].

Тема военной службы нерусских народов юга и юго-востока России вошла в общероссийскую и складывающиеся национальные историографии [Шовунов 1990; Шовунов 1991; Шовунов 1992; Асфандияров 2005; Кузнецов 2008; Басхаев 2009; Максимов, Очиров 2012; История 2011б; Рахимов 2014; Очиров 2020а; Очиров 2020б]. Их особенностью было то, что они рассматривали военную историю башкир и калмыков в связи с историей российской императорской армии XVIII – первой половины XIX в.

Процесс интеграции калмыков в Российскую империю был рассмотрен в классической монографии К. Н. Максимова. Он отметил, что в 20-е гг. XVIII в. Калмыцкое ханство находилось в статусе административной автономии, но постепенно в нем вводилась общероссийская система административно-территориального управления с унификацией управленческих структур, правового статуса сословий [Максимов 2002: 509]. В 30–60-е гг. XVIII в. наблюдалась реализация одной технологии власти — военной службы. Рассмотрение калмыков как подданных империи, не учитывающее их представлений, внутреннее развитие общества, привели к уходу части калмыков из России. Оставшиеся сохранились как этнос и превратились в особую административно-территориальную единицу Астраханской губернии [Максимов 2002: 238–240].

Неудачный опыт интеграционных процессов по отношению к крещеным калмыкам в XVIII – 40-х гг. XIX в. осветил С. В. Джунджузов. Он выделил военную службу как механизм интеграции калмыков в российское общество. Причиной расформирования Ставропольского калмыцкого полка и войска стали недоукомплектованность, несоответствие военной подготовки требованиям времени, отсутствие военного образования и боевого опыта у командиров [Джунджузов 2014: 197].

На институт военной службы как интегративный фактор для башкир обратил в своих работах внимание Р. Н. Рахимов [Рахимов 2007; Рахимов 2009; Рахимов 2014; Рахимов 2015]. По его мнению, в первой половине XVIII в. модернизирующееся российское государство начинает активно проводить политику реорганизации в крае, ее пиком стала деятельность Оренбургской экспедиции, приведшая к башкирским восстаниям. Лишь привлечение башкир на военную службу на пограничной линии, к участию в походах российской армии, учет местных условий позволили правительству разрешить конфликт и продолжить процесс интеграции башкир в империю. Завершила этот процесс в первой половине XIX в. кантонная система управления. Сложилась модель разрешения конфликта двух социально-политических традиций, культур, восточной и европейской, путем компромисса, связанного с сохранением некоторых привилегий для местных элит за счет их лояльности власти.

На особенности интеграционных процессов у башкир обратил внимание Б. А. Азнабаев [Азнабаев 2022]. Класси-

ческий вариант интеграции нерусских народов в России осуществлялся путем инкорпорации элиты в российское служилое сословие. У башкир такой элиты не было. Он отметил, что военная служба сплачивала башкирские роды в единую военную организацию, выступавшую консолидировано в вопросах организации охраны границы или во взаимоотношениях с Российским государством.

Процессы интеграции степных народов юга и юго-востока России изучил Д. В. Васильев. К сожалению, автор в большей степени опирался на публикации документов и прошел мимо современной региональной историографии. По его мнению, процесс существования Башкирии в составе России завершился полной административно-территориальной унификацией инокультурного народа, причем, если XVIII в. — это период адаптации региона, то преобразования XIX в. трансформировали социально-экономические условия в крае, наступило совместное существование и развитие башкирского и других народов [Васильев 2014: 453].

История пребывания калмыков в составе империи — образец трансформации автономного административно-территориального образования в унифицированную часть империи, сохранявшую местную специфику [Васильев 2014: 458]. Сравнивая период адаптации калмыков, приходящийся также на XVIII в., с адаптацией башкир, автор отметил, что он был более мягким, в то время как по отношению к последним наблюдалось жесткое давление.

В последующей работе Д. В. Васильев считает, что, начиная с периода правления Петра I, проводилась интенсивная административная ассимиляция Башкирии. Практика жесткого реформирования себя не оправдала, на смену ей пришло использование социокультурных особенностей башкир, выразившееся в создании кантонов вместо родовых объединений, привлечение башкир на военную службу, милитаризация всей системы управления [Васильев 2020: 555–556].

В отношении калмыков он выделяет административные реформы, смещавшие управление ханством от местных элит к астраханскому губернатору, что привело к уходу части калмыков в 1771 г. После этого власти начали привлекать местные элиты на государственную службу, включили их в дворянство. В результате к середине XIX в. калмыки были лишены автономии, что завершило интеграцию бывшего ханства [Васильев 2020: 556].

Данные процессы рассматривались и в зарубежной историографии. А. Каппелер отметил, что интеграция шла по пути подтверждения прав собственности и привилегий башкирских элит, приема их на военную службу [Каппелер 2000: 37]. По его мнению, башкиры «еще и в XVIII, и в первой половине XIX в. не были в социальном отношении интегрированы в состав российского государства», сохраняя особое положение [Каппелер 2000: 38]. В отношении калмыков автор считал, что они не были интегрированы в российское общество, в XIX в. сохраняли свой традиционный внутренний социально-политический строй и порядок [Каппелер 2000: 40].

М. Ходарковский, анализируя различные действия российского правительства в течение XVIII – первой половины XIX в. в отношении калмыков, отметил, что «интеграция в политические и экономические структуры империи практически завершилась к 1800 г., их включение в административную и юридическую системы империи продолжалось» [Ходарковский 2019: 214].

По мнению Н. Коллманн, башкиры постепенно подвергались окружению и интеграции в общеимперскую жизнь, но в XVIII в. они держались за военное дело и за свои земли [Коллманн 2023: 160]. В отношении калмыков она считает, что российское правительство жестко ответило на уход калмыков в 1771 г., упразднив ханство и подчинив под власть астраханского губернатора. Все это привело к тому, что калмыки в XIX в. сохранили кочевой образ жизни, оставаясь ясачным народом [Коллманн 2023: 161].

4. Империя и военная организация башкир и калмыков в XVIII – первой половине XIX в.

Единая политическая организация башкирских родов складывается только после добровольного вхождения башкир в состав Российского государства в середине XVI в. Ее формирование было обусловлено обязательством глав башкирских родов самостоя-

тельно, без помощи российских властей, охранять юго-восточную границу государства. В источниках упоминание этой башкирской политической структуры отмечено в рапорте начальника Царицынского корпуса войск Ф. Г. Чекина, предупреждавшего правительство в январе 1728 г.: «…что ежели так же четыре орды соединятся, а именно: башкирцы, калмыки, каракалпаки и киргиз-кайсаки, то в тамошних местах от них будет не без опасности» [Материалы 1935: 196].

В 1729 г. ротмистр уфимских дворянских рот А. Аничков в челобитной, поданной в Военную коллегию, указал: «На многих походах их отцы и родственники побиты и в полон пойманы и до ныне живут посреди Башкирской Орды… и их город стал украинной и от иных городов в дальнем расстоянии и посреди оной басурманской воровской Орды» [РГАДА. Ф. 248. Оп. 3. Д. 107. Л. 201].

Башкирская орда выглядела консолидированной только в вопросах организации охраны границы или во взаимоотношениях с Российским государством, внутри же родоплеменные организации не образовывали никакой иерархической структуры. А. Каппелер отметил эту особенность: башкиры, в отличие от других кочевников, входивших в Золотую Орду, не образовали собственной политической целостной структуры [Каппелер 2000: 36]. Таким образом, верховной власти в лице хана просто не было места. Следовательно, Башкирская орда не могла существовать в качестве суверенного государства. Конфликты, неизбежно возникавшие между родоплеменными структурами из-за спорных территорий или убийств, не разрешались внутри социума мирным путем. В качестве традиционного выхода из ситуации предлагалась кровная месть или насильственный захват спорной земли.

В то же время автономный статус Башкирской орды позволял делегировать имперскому центру наиболее конфликтогенные вопросы управления. Глава государства, будучи равноудаленным властителем, брал на себя функцию судьи во всех земельных спорах башкир и криминальных преступлениях, являвшихся главными причинами междоусобных войн.

Исследователи, интерпретировавшие информацию башкирских шежере, не обращали внимания на то, что посланцы башкир в XVI в. просили российские власти не просто закрепить за их родами вотчинные земли, но и требовали обмерить и размежевать их [История 2011а: 51–52].

О том, что взаимное насилие у башкир достигало эпических масштабов, свидетельствует древний земельный конфликт между родами Кипчак и Бурзян. Враждебное отношение к кипчакам Чингисхана привело к их массовой миграции на территории, заселенные предками башкир в XIII в. Многочисленные кипчаки начали вытеснять бурзян с их родовой территории. Началась война, воспетая в башкирском эпосе [Башкорт 1999: 319–344].

Однако с вхождением башкирских родов в состав Российского государства вооруженный конфликт бурзян и кипчаков был перенесен в правовое поле империи. На протяжении всего XVII – начала XVIII в. мы обнаруживаем судебные разбирательства двух сторон, длившиеся по нескольку десятилетий [РГАДА. Ф. 1173. Оп. 1. Д. 1358. Л. 1–2]. И только Генеральное межевание, начавшееся в Оренбургской губернии в начале XIX в., положило конец спору, истоки которого уходили в средневековье [РГАДА. Ф. 1324. Оп. 1. Д. 243]. Этот пример наиболее наглядно показывает, что башкирское общество XIII–XVII вв. складывается как полития, существующая только как часть имперской структуры.

Почему башкиры уклонились от традиционного для кочевых сообществ Северной Евразии пути создания политий по типу вождества или государства? Башкирские земли Приуралья не вошли в улусную систему, получив от империи автономный статус, гарантировавший башкирским родам владение своими землями в обмен на выплату ясака и участие башкирского ополчения в военных акциях. В результате в башкирском обществе не сложилась институциональная элита («белая кость»), обладавшая монопольным правом на власть. Поскольку в башкирском обществе не было сакрализированного лидера, родовые структуры не образовывали иерархическую вертикаль. Все родоплеменные структуры башкир, независимо от численности населения и величины территории, находились в отношении равенства друг к другу. Политические решения в башкирских родоплеменных структурах принимались не на советах

знати (курултаях), а на народных собраниях (йыйнах), полномочных объявлять войну и заключать мир.

Условия вхождения — ясак, несение воинской службы за свой счет гарантировали сохранение религии, самоуправления и, главное, вотчинного права на землю. Правительству эти условия позволяли не беспокоиться за юго-восточную границу, иметь резерв конного войска, использовать территорию Башкирии для дальнейшего продвижения на Восток. Попытки нарушения условий вхождения приводили к башкирским восстаниям, которые завершались возвращением к прежним договоренностям. В XVII в. башкиры приняли участие в составе Первого и Второго ополчения, освобождая Москву, а также в Крымских и Азовском походах 1696 г.

В конце XVI в. на территории России оказались покинувшие Центральную Азию калмыки. Первая шерть (присяга) была дана в 1607 г. в Таре. Вначале отношения строились как российское покровительство. С шертных грамот, подписанных в 1655 г. и 1657 г., калмыки становятся подданными России в составе независимого Калмыцкого ханства. Его подданство носило политический и государственный характер.

Калмыцкое ханство имело вертикальную структуру власти, деление сословий на «белую кость» и «черную кость». Элиты представляли тайши, нойоны, зайсанги, улусные, аймачные чиновники, дарханы, буддистское духовенство [Максимов 2002: 75–77]. Зависимое население относилось к «черной кости». Жизнь в ханстве определялась сводом законов — «Великим Уложением», принятым в 1640 г. Ханство имело свое войско и структуру управления.

Наиболее активное участие калмыцкое войско приняло в Северной войне. Уже в 1701–1705 гг. в боях со шведами сражались калмыки и башкиры. Однако башкирское восстание 1704–1711 гг. изменило планы правительства. Восстание К. Булавина на Дону в 1707–1708 гг. вызвало недоверие к донским казакам, а измена Мазепы в 1708 г. заставила отказаться и от малороссийских казаков. Из всех иррегулярных войск у Петра I оставалось калмыцкое. В 1706 г. в Киеве находилось 8 тыс. калмыков, направленных к А. Д. Меншикову. В 1708 г. 10 тыс. калмыков направлено против булавинцев на Дон, столько же — против восставших башкир [Максимов 2002: 108]. В 1708 г. калмыки сражались со шведами при Лесной, в 1709 г. — под Полтавой, тогда же усмиряли кумыков, перешедших на сторону Турции. В дальнейшем они приняли участие в боевых действиях против кубанских татар, Персидском походе Петра I.

Правительство, с одной стороны, нуждалось в сильном ханстве и его войске, с другой — пыталось его подчинить. Это были меры по обращению калмыков в православие, направление к хану чиновников для контроля за его политикой. В 1718 г. построенная Царицынская линия отрезала калмыков их от северных пастбищ. Правительство начало поддерживать внутренние распри, пытаясь подчинить ханство. В 60-е гг. XVIII в. Калмыкия была включена в систему империи, подчинив калмыцкие институты власти и уравняв калмыцкие сословия по статусу с российскими. Все это привело к политическому кризису, разрешившемуся уходом большей части калмыков обратно в Центральную Азию в 1771 г., за чем последовало упразднение ханства, попытки правительства по созданию новых элит.

В начале XIX в. шел поиск путей управления Калмыкией. С одной стороны, сохранялась необходимость в воинских силах, с другой — стояла перспектива «введения калмыков постепенным образом в состав гражданского управления» [Максимов 2002: 171]. В итоге в 1825 г. были приняты «Правила для управления калмыцкого народа», подчинявшие Калмыцкую область Министерству внутренних дел, но под контролем Астраханской губернии и Кавказским краем. «Положение об управлении калмыцким народом» 1835 г. сделало Калмыкию самостоятельной областью, но сохранило подчинение Министерству внутренних дел. Военный фактор интеграции оказался исчерпанным.

В целом вторая половина XVIII – начало XIX в. — пик участия калмыков в военной истории империи. Астраханские калмыки приняли участие в Семилетней войне в 1757–1758 гг., в охране южных границ в 1760-е гг., в русско-турецкой войне в 1769–1770 гг. В 1812–1814 гг. два полка астраханских калмыков сражались с армией

Наполеона. Часть калмыков, находившаяся в составе Войска Донского, воевала в казачьих полках [Максимов, Очиров 2012: 262].

Ставропольские (крещеные) калмыки участвовали в Семилетней войне в 1757–1758 гг., русско-шведской войне 1788–1790 гг., несли службу на Оренбургской пограничной линии. В 1806–1807 гг. Ставропольский калмыцкий полк находился в Прусском походе против Наполеона, впоследствии в Отечественной войне 1812 г. и Заграничном походе 1813–1814 гг. [Максимов, Очиров 2012: 269–370].

Активная интеграция Башкирии началась с деятельности Оренбургской экспедиции, повлекшей за собой башкирское восстание 1735–1740 гг. Итогом были создание в 1744 г. Оренбургской губернии, преобразование управления краем, смена прежних элит башкирского общества новыми и процесс замены родовой волости территориальной, протекавший в течение второй половины XVIII в. [История 2011а: 265, 271].

С 1740-х гг. начинается активное привлечение башкир на охрану вновь построенных Оренбургской и Сибирской пограничных линий. В 1757 – 1758 гг. башкиры участвовали в Семилетней войне, в 1771 – 1773 гг. — в Польском походе, в 1788 – 1790 гг. — в русско-шведской войне, в 1790–1792 гг. несли службу на прусской границе.

В 1798 г. в крае вводится кантонная система управления — образуются 11 башкирских, 5 мишарских, 5 кантонов оренбургских казаков, 2 кантона уральских казаков, один кантон ставропольских калмыков. У башкир и мишарей формируются новые элиты — кантонные начальники, их помощники, юртовые старшины с помощниками, деревенские начальники, юртовые сотники и десятники. Для несения службы — походные старшины, начальники дистанций, походные есаулы и сотники. Появилось башкирское и мишарское дворянство. Окончательная институализация военной службы была связана с учреждением в 1834 г. Башкиро-мещерякского войска с командующим и его канцелярией. Несмотря на это, правительство пыталось держать курс на перевод башкир и мишарей из военного состояния в податное. Поэтому с 1840-х гг. часть башкир вместо службы платила денежный сбор [Асфандияров 2005: 65].

Попытки ускорить интеграционный процесс проявились в создании института попечителей кантонов из офицеров армии, приемом на учебу в Неплюевское военное училище в Оренбурге башкирских и мишарских мальчиков, направление юношей на обучение в Казанский университет, создание различных школ и училищ в войске. К середине XIX в. Башкиро-мещерякское войско стало архаичным, оно не соответствовало реалиям современной войны, одной из причин было плохое знание русского языка, слабая учебная подготовка, отсутствие подготовленных кадров. В 1863 г. «Положение о башкирах» переводило их в разряд свободных сельских обывателей. С 1865 г. управление башкирами перешло из военного в гражданское ведомство [Асфандияров 2005: 192–204].

В первой половине XIX в. Башкиро-мещерякское войско активно участвовало в войнах России. В Прусском походе 1806–1807 гг. — 10 тыс. человек. В 1812–1814 гг. на войну с Наполеоном было отправлено 20 башкирских и 2 мишарских полка. В русско-турецкой войне 1828–1829 гг. принимали участие 2 башкирских полка и 2 полка, смешанных с оренбургскими казаками. В войне с Польшей 1831 г. — 5 башкирских полков и 2 смешанных с оренбургскими казаками. В Крымской войне 1853–1856 гг. — 4 полка, из которых 2 полка защищали побережье Балтики. Войско охраняло Оренбургскую пограничную линию, участвовало в степных походах 1839–1840 гг., 1852 г., 1853 г. [Рахимов 2014: 405–413].

5. Варианты интеграции через религиозную политику

По отношению к вошедшим в состав государства нерусским народам, исповедовавшим иные религии, правительство пыталось проводить интеграцию через религиозную политику, делая упор на распространение православия. Попытки христианизации башкир нарушали условия вхождения башкир, что привело к башкирским восстаниям 1681–1684 гг. и 1704–1711 гг. В дальнейшем правительство не только отказалось от попыток навязывания христианства, но и развернуло конфессиональную политику. При Екатерине II в 1788 г. в Уфе было открыто «Духовное магометанского закона собрание» (Оренбургское магометанское духов-

ное собрание). В это же время башкирские и мещерякские полки, отправившиеся на войну со Швецией и на польскую границу, получили штатную должность полкового муллы. Это решение Военной коллегии можно считать признанием де-факто ислама в качестве государственной религии. Н. Коллманн отметила, что его создание привлекало мусульман на сторону России, правительство получило таким образом административный доступ к башкирской общине и определяло формы взаимодействия империи с мусульманами [Коллманн 2023: 159].

В отношении калмыков была в полной мере реализована практика не просто христианизации, но и переселения в 1737 г. крещеных калмыков и создания на Средней Волге Ставропольского калмыцкого войска. Однако и через сто лет православие осталось для этих калмыков чуждым, а буддизм, напротив, получил свое распространение [Джунджузов 2014: 402].

6. Символическая политика в отношении башкир и калмыков

Большое значение имела символическая политика, проводимая правительством в отношении национальных элит народов, несших воинскую службу. Как отмечал Н. И. Цимбаев, российская политика в отношении присоединяемых народов преследовала не национальную, а социальную ассимиляцию, предполагавшую сохранение местных элит, включение их в состав господствующих в России сословий, при сохранении веры, особых прав с обязанностью верно служить великому государю [Цимбаев 1993: 27].

Символическая политика империи опиралась на средневековые традиции, предполагая в качестве наград знамена, оружие, сукно, звание тарханов. В отношении калмыков она дополнительно несла государственное значение. В 1654 г. тайше Мончаку пожалована как символ государственной власти позолоченная булава, а также знамя с российским гербом и полумесяцем [Максимов 2002: 74]. Петр I в 1722 г. пожаловал хану Аюке усыпанную алмазами саблю.

Башкиры, участвовавшие в Азовском походе 1696 г., получили за отличия звания тарханов. Во время Семилетней войны башкиры, калмыки, мишари и казанские татары, вошедшие в состав «Четырехнародной команды», получили цветное сукно для обмундирования [РГАДА. Ф. 248. Оп. 113. Д. 429. Л. 1–1об.]. Участники подавления башкирских восстаний и восстания Е. Пугачева, а также башкиры и мишари в составе депутаций на коронации получали в качестве подарка сукно и сабли — наследие наградной традиции XVII в.

Наградная политика сменилась при Екатерине II, когда башкиры и ставропольские калмыки были награждены за участие в русско-шведской войне 1788–1790 гг. серебряной восьмиугольной медалью на Владимирской ленте, как и все российские солдаты и офицеры. Командование следило за тем, чтобы все башкиры ее получили [РГВИА. Ф. 41. Оп. 1. Д. 179. Л. 5–6]. Александр I продолжил курс унификации символической политики в отношении нерусских народов. За подавление волнений уральских казаков в 1805 г. 9-му башкирскому кантону было вручено императорское знамя [НА РБ. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 167. Л. 57–57 об.].

Башкиры, мишари, астраханские, ставропольские и донские калмыки — участники наполеоновских войн 1812–1814 гг. получили в качестве наград за свои подвиги: офицеры — ордена Св. Владимира 4 ст., Св. Анны 3 ст., рядовые — Знаки отличия Военного ордена, медали ордена Св. Анны. Затем в первой половине XIX в. они награждались низшими степенями орденов Св. Анны и Св. Станислава, Знаком отличия Военного ордена. Единая наградная политика включала национальные элиты в мир российского дворянства и чиновничества. Особенностью награждений было то, что правительство, опасаясь расширения дворянской корпорации за счет представителей нерусских народов, стремилось не награждать орденами либо награждать орденами, не дающими права получения потомственного дворянства. Это были суррогаты наград в виде золотых и серебряных медалей «За усердную службу», «За усердие», «За полезное». В николаевскую эпоху наиболее массовым становится награждение деньгами, зауряд-чинами. Одним из суррогатов наград был почетный кафтан, награждение которым велось с 1852 г. Из градации всех кафтанов (простые, мастерские, почетные, нарядные) башкир награждали почетными кафтанами.

В 1816 г. Башкиро-мещерякское войско получило Высочайшее благоволение

«За подаренных в 1812 г. 4 139 лошадей». Введение униформы армейского образца символизировало включение иррегулярного компонента в военный социум империи. Разумеется, это было сделано вначале в отношении крещеных калмыков, в 1803 г. были введены единая униформа и вооружение в Ставропольском калмыцком войске, но уже в 1829 г. и в Башкиро-мещерякском войске. К символической политике можно отнести строительство по инициативе В. А. Перовского здания Караван-сарая с мечетью в Оренбурге как штаб-квартиры войска и одновременно памятника победам башкир над Наполеоном [Караван-Сарай 2022: 7].

7. Заключение

Во второй половине XVI – начале XVII в. в состав России добровольно вошли башкиры и калмыки. Одной из задач, поставленных российским правительством, было несение ими воинской службы, в первую очередь по охране юго-восточной и южной границы. Активная внешняя политика России XVIII в. сохранила и приумножила войска, игравшие роль легкой кавалерии и пограничной стражи.

Российское правительство, стремившееся к унификации народов России в сословном, правовом, хозяйственном отношениях, в течение XVIII в. последовательно пыталось подчинить башкир и калмыков разными способами (отход от прежних договоренностей, христианизация, окружение территории укрепленными линиями, крепостями, подчинение местной власти) структурам империи. Все это вызывало у башкир ответные действия в виде восстаний, а у калмыков протест выразился в массовой откочевке в Центральную Азию в 1771 г.

Одновременно со стремлением к унификации правительство нуждалось в военной силе. Для башкир это было несение постоянной службы на Оренбургской пограничной линии с 1740-х гг., для калмыков — участие в походах российской армии. Пиком военной службы башкир и калмыков стали наполеоновские войны, после чего калмыки перешли в ведомство Министерства внутренних дел, Ставропольское калмыцкое войско в 1842 г. было упразднено. Лишь Башкиро-мещерякское войско просуществовало до 1863 г., приняв участие в русско-турецкой 1828–1829 гг., польской 1831 г. и Крымской войнах, походах в степь.

Военная служба ускоряла интеграцию народов в институты империи — в правовой, социальной, экономической сферах. Важным элементом, одновременно и маркером, была символическая политика, менявшаяся в отношении кочевников степи. У башкир интеграция завершилась более успешно — империя рассматривала их как контингент армии после введения в 1874 г. всеобщей воинской повинности. Решающим фактором того, что военная служба воспринималась башкирами как необходимость, было наличие родового вотчинного права на землю и отсутствие в обществе институциональной элиты, иерархической вертикали.

Для калмыцкого народа, вступившего в имперское пространство в качестве сильного автономного ханства, с вертикалью власти и структурами управления, интеграция была затруднена как раз зависимостью от сакрализированного лидера. Замедлили интеграцию навязанная христианизация и создание отдельного войска из крещеных калмыков. Уход в Центральную Азию в 1771 г. и упразднение ханства нанесли сильнейший удар по интегративным процессам.

Источники

НА РБ — Национальный архив Республики Башкортостан.

РГАДА — Российский государственный архив древних актов.

РГВИА — Российский государственный военно-исторический архив.

Sources

National Archive of the Republic of Bashkortostan.

Russian State Archive of Ancient Acts.

Russian State Archive of Military History.

Литература

Азнабаев 2022 — *Азнабаев Б. А.* Национальная политика правительства Петра I на юго-востоке России. Уфа: КнигаПринт, 2022. 318 с.

Алексеев и др. 2004 — *Алексеев В. В., Алексеева Е. В., Зубков К. И., Побережников И. В.* Азиатская Россия в геополитической и цивилизационной динамике. XVI–XX века. М.: Наука, 2004. 600 с.

Асфандияров 2005 — *Асфандияров А. З.* Кантонное управление в Башкирии (1798–1865 гг.). Уфа: Китап, 2005. 256 с.

Басхаев 2009 — *Басхаев А. Н.* Военная служба калмыков в последней трети XVIII–XIX в. // История Калмыкии с древнейших времен до наших дней: в 3-х тт. Т. I. Элиста: Герел, 2009. С. 597–624.

Башкорт 1999 — Башкорт халык ижады (= Башкирское народное творчество) / ред. А. Сулейманов. Т. 4. Эпос. Уфа: Китап, 1999. 400 с. (На башк. яз.)

Беликов 1965 — *Беликов Т. И.* Калмыки в борьбе за независимость нашей Родины. Элиста: Калмгосиздат, 1965. 179 с.

Васильев 2014 — *Васильев Д. В.* Россия и Казахская степь: административная политика и статус окраины. XVIII – первая половина XIX века. М.: Полит. энциклопедия, 2014. 471 с.

Васильев 2020 — *Васильев Д. В.* Рождение империи. Юго-восток России: XVIII – первая половина XIX в. СПб.: Дмитрий Буланин, 2020. 608 с.

Джунджузов 2014 — *Джунджузов С. В.* Калмыки в Среднем Поволжье и на Южном Урале: имперские механизмы аккультурации и проблема сохранения этнической идентичности (середина 30-х годов XVIII – первая четверть XX века). Оренбург: Изд. центр ОГАУ, 2014. 434 с.

История 2011а — История башкирского народа: в 7 тт. Т. III / гл. ред. М. М. Кульшарипов. Уфа: Гилем, 2011. 476 с.

История 2011б — История башкирского народа: в 7 тт. Т. IV / гл. ред. М. М. Кульшарипов. СПб.: Наука, 2011. 400 с.

Каппелер 2000 — *Каппелер А.* Россия — многонациональная империя. Возникновение. История. Распад / пер. с нем. С. Червонной. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 344 с.

Караван-Сарай 2022 — Караван-Сарай в Оренбурге — историко-культурный памятник России / сост. Р. Н. Рахимов. Уфа: Китап, 2022. 192 с.

Коллманн 2023 — *Коллманн Н. Ш.* Россия и ее империя. 1450–1801 / пер. с англ. В. Петрова. СПб.: Библиороссика, 2023. 783 с.

Кузнецов 2008 — *Кузнецов В. А.* Иррегулярные войска Оренбургского края. Самара; Челябинск: Челябинский ЦНТИ, 2008. 478 с.

Максимов 2002 — *Максимов К. Н.* Калмыкия в национальной политике, системе власти и управления России. М.: Наука, 2002. 523 с.

Максимов, Очиров 2012 — *Максимов К. Н., Очиров У. Б.* Калмыки в наполеоновских войнах. Элиста: НПП «Джангар», 2012. 519 с.

Материалы 1935 — Материалы по истории каракалпаков: сборник. Труды института востоковедения. Т. VIII. М.; Л.: АН СССР, 1935. 299 с.

Очиров 2020а — *Очиров У. Б.* Конница тюрко-монгольских народов Великой степи в российской армии XVIII – начала XIX в. Ч. 1 // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2020. № 3. С. 64–97. DOI: 10.22162/2587-6503-2020-3-15-64-97

Очиров 2020б — *Очиров У. Б.* Конница тюрко-монгольских народов Великой степи в российской армии XVIII – начала XIX в. Ч. 2 // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2020. № 4. С. 10–39. DOI: 10.22162/2587-6503-2020-4-16-10-39

Прозрителев 1912 — *Прозрителев Г. Н.* Военное прошлое наших калмыков. Ставропольский калмыцкий полк и Астраханские полки в Отечественную войну 1812 года (Труды Астраханской ученой архивной комиссии). Вып. III. Ставрополь: Тип. губ. правления, 1912. 140 с.

Рахимов 2007 — *Рахимов Р. Н.* Башкирия как модель интеграции номадов в империю // Аграрное развитие и продовольственная политика России в XVIII–XX веках: проблемы источников и историографии. История и современность: сб. ст. / отв. ред. Г. Е. Корнилов. Оренбург: ОГПУ, 2007. С. 149–155.

Рахимов 2009 — *Рахимов Р. Н.* Россия и Башкирия: Военная служба как модель интеграции // Конфликты и компромиссы в истории мировых цивилизаций: сб. ст. М.: РГГУ, 2009. С. 235–245.

Рахимов 2013 — *Рахимов Р. Н.* Оренбургская и сибирские пограничные линии в XVIII – первой половине XIX в. как юго-восточный и восточный фронтиры России // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2013. № 10. С. 103–109.

Рахимов 2014 — *Рахимов Р. Н.* На службе у «Белого царя». Военная служба нерусских народов юго-востока России в XVIII – первой половине XIX в. М.: РИСИ, 2014. 544 с.

Рахимов 2015 — *Рахимов Р. Н.* Военная служба нерусских народов юго-востока России в XVIII в. как фактор интеграции в империю // Проблемы национальной стратегии. 2015. № 3(30). С. 229–247.

Рахимов 2018 — *Рахимов Р. Н.* Национальные формирования в Российской императорской

армии // Русский Сборник: Россия и Война: Международный научный сборник в честь 75-летия Брюса Меннинга. Т. XXVI. М.: Модест Колеров, 2018. С. 122–144.

Усманов 1964 — *Усманов А. Н.* Башкирский народ в Отечественной войне 1812 года. Уфа: Башкортостан, 1964. 136 с.

Ходарковский 2019 — *Ходарковский М.* Степные рубежи России: как создавалась колониальная империя. 1500–1800 / пер. с англ. А. Терещенко. М.: Новое литературное обозрение, 2019. 352 с.

Цимбаев 1993 — *Цимбаев Н. И.* Россия и русские (Национальный вопрос в Российской империи) // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. 1993. № 5. С. 23–32.

Чонов 1912 — *Чонов Е. Ч.* Калмыки в русской армии XVII–XVIII вв. и 1812 г. Пятигорск: электропечатня Г. Д. Сукиасянца, 1912. 72 с.

Шовунов 1990 — *Шовунов К. П.* Во славу Отечества. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1990. 61 с.

Шовунов 1991 — *Шовунов К. П.* Очерки военной истории калмыков (XVII–XIX вв.). Элиста: Калм. кн. изд-во, 1991. 189 с.

Шовунов 1992 — *Шовунов К. П.* Калмыки в составе российского казачества (вторая половина XVII–XIX вв.). Элиста: Союз казаков Калмыкии, Калм. ин-т общ. наук, 1992. 320 с.

Юдин 1912 — *Юдин М. Л.* Оренбуржцы в войнах 1812–1814 годов. Ташкент: Типо-лит. штаба Туркестанского воен. округа, 1912. 61 с.

References

Alekseev V. V., Alekseeva E. V., Zubkov K. I., Poberezhnikov I. V. Asiatic Russia in Geopolitical and Civilizational Dynamics: Sixteenth to Twentieth Centuries. Moscow: Nauka, 2004. 600 p. (In Russ.)

Asfandiyarov A. Z. Cantons in Bashkiria: 1798–1865. Ufa: Kitap, 2005. 256 p. (In Russ.)

Aznabaev B. A. Government of Peter the Great and Its Ethnic Policy in Southeast Russia. Ufa: Kniga-Print, 2022. 318 p. (In Russ.)

Baskhaev A. N. Military service of Kalmyks in the late eighteenth and nineteenth centuries. In: Maksimov K. N., Ochirova N. G. (eds.) History of Kalmykia: From Earliest Times to Present Days. In 3 vols. Elista: Gerel, 2009. Vol. 1. Pp. 597–624. (In Russ.)

Belikov T. I. Kalmyks in the Struggle for Independence of Our Motherland: Seventeenth to Early Nineteenth Centuries. Elista: Kalmgosizdat, 1965. 179 p. (In Russ.)

Chonov E. Ch. Kalmyks in the Russian Army: Seventeenth–Eighteenth Centuries, and the Year 1812. Pyatigorsk: G. Sukiasyants, 1912. 72 p. (In Russ.)

Dzhundzhuzov S. V. Kalmyks in the Middle Volga and the Southern Urals: Imperial Acculturation Mechanisms and Maintenance of Ethnic Identity, 1730s to 1920s. Orenburg: Orenburg State Agrarian University, 2014. 434 p. (In Russ.)

Kappeler A. The Russian Empire: A Multi-Ethnic History. S. Chervonnaya (transl.). Moscow: Progress-Traditsiya, 2000. 344 p. (In Russ.)

Khodarkovsky M. Russia's Steppe Frontier: The Making of a Colonial Empire, 1500-1800. A. Tereshchenko (transl.). Moscow: Novoe Literaturnoe Obozrenie, 2019. 352 p. (In Russ.)

Kollmann N. S. The Russian Empire: 1450-1801. V. Petrov (transl.). St. Petersburg: Bibliorossika, 2023. 783 p. (In Russ.)

Kulsharipov M. M. (ed.) History of the Bashkir People. In 7 vols. Vol. 3. Ufa: Gilem, 2011. 476 p. (In Russ.)

Kulsharipov M. M. (ed.) History of the Bashkir People. In 7 vols. Vol. 4. St. Petersburg: Nauka, 2011. 400 p. (In Russ.)

Kuznetsov V. A. Irregular Troops of Orenburg Governorate. Samara, Chelyabinsk: Chelyabinsk Center for Scientific and Technical Information, 2008. 478 p. (In Russ.)

Maksimov K. N. Kalmykia in Russia's Past and Present National Policies and Administrative System. Moscow: Nauka, 2002. 523 p. (In Russ.)

Maksimov K. N., Ochirov U. B. Kalmyks in the Napoleonic Wars. Elista: Dzhangar, 2012. 519 p. (In Russ.)

Ochirov U. B. Turko-Mongolic cavalries in the military service of Russia: 18th – early 19th centuries. Part 1. *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS*. 2020. No. 3. Pp. 64–97. (In Russ.) DOI: 10.22162/2587-6503-2020-3-15-64-97

Ochirov U. B. Turko-Mongolic cavalries in the military service of Russia: 18th – early 19th centuries. Part 2. *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS*. 2020. No. 4. Pp. 10–39. (In Russ.) DOI: 10.22162/2587-6503-2020-4-16-10-39

Prozritelev G. N. The Military Past of Our Kalmyks: Stavropol Kalmyk Regiment and Astrakhan [Kalmyk] Regiments in the Patriotic War of 1812 (Proceedings of Astrakhan Archival Research Commission 3). Stavropol: Stavropol Governorate Press, 1912. 140 p. (In Russ.)

Rakhimov R. N. (comp.) The Caravanserai of Orenburg: A Russian Monument of History and Culture. Ufa: Kitap, 2022. 192 p. (In Russ.)

Rakhimov R. N. Bashkiria as a model for the imperial integration of nomads. In: Kornilov G. E. (ed.) Agrarian Development and Food Policy of Russia in the Eighteenth to Twentieth Centuries: Sources and Historiography in the Past and in the Present. Collected papers. Orenburg: Orenburg State Pedagogical University, 2007. Pp. 149–155. (In Russ.)

Rakhimov R. N. Ethnic units in the army of Imperial Russia. In: Russia and War. Essays in Honor of the 75th Birthday of Bruce W. Menning (Russian Collection 26). Moscow: Modest Kolerov, 2018. Pp. 122–144. (In Russ.)

Rakhimov R. N. In the Service of the "White Tsar": Military Service of Southeast Russia's Non-Russians in the Eighteenth to Mid-Nineteenth Centuries. Moscow: RISI, 2014. 544 p. (In Russ.)

Rakhimov R. N. Military service of non-Russian peoples of South-Eastern Russia in the 18th century as a factor of integration into empire. *National Strategy Issues*. 2015. No. 3(30). Pp. 229–247. (In Russ.)

Rakhimov R. N. Orenburg and Siberian boundary lines in 18th – first half 19th centuries as south-eastern and eastern frontiers of Russia. *Tambov University Review. Series: Humanities*. 2013. No. 10. Pp. 103–109. (In Russ.)

Rakhimov R. N. Russia and Bashkiria: Military service as an integration model. In: Basovskaya N. I. et al. (eds.) Conflicts and Compromises in the History of World Civilizations. Collected papers. Moscow: Russian State University for the Humanities, 2009. Pp. 235–245. (In Russ.)

Samoylovich A. N. (ed.) Materials in Karakalpak History (Proceedings of the Institute of Oriental Studies 7). Collected papers. Moscow, Leningrad: USSR Academy of Sciences, 1935. 299 p. (In Russ.)

Shovunov K. P. Essays in Kalmyk Military History: Seventeenth to Nineteenth Centuries. Elista: Kalmykia Book Publ., 1991. 189 p. (In Russ.)

Shovunov K. P. Kalmyks in Cossack Hosts of Russia: Mid-Seventeenth to Nineteenth Centuries. Elista: Kalmyk Institute of Social Sciences, 1992. 320 p. (In Russ.)

Shovunov K. P. To the Glory of Motherland. Elista: Kalmykia Book Publ., 1990. 61 p. (In Russ.)

Suleymanov A. (ed.) Bashkir Folklore. Vol. 4: Epic. Ufa: Kitap, 1999. 400 p. (In Bash.)

Tsimbaev N. I. Russia and Russians: National question in the Russian Empire. *Moscow University Bulletin. Series 8: History*. 1993. No. 5. Pp. 23–32. (In Russ.)

Usmanov A. N. Bashkirs in the Patriotic War of 1812. Ufa: Bashkortostan, 1964. 136 p. (In Russ.)

Vasilyev D. V. Russia and Kazakh Steppe: Administrative Policy and Provincial Status, Eighteenth to Mid-Nineteenth Centuries. Moscow: Politicheskaya Entsiklopediya, 2014. 471 p. (In Russ.)

Vasiliev D. V. The Birth of an Empire. South-East Russia: XVIII – first half of the XIX century. St. Petersburg: Dmitry Bulanin, 2020. 608 p. (In Russ.)

Yudin M. L. Natives of Orenburg Governorate in the Wars of 1812–1814. Tashkent: Turkestan Military District, 1912. 61 p. (In Russ.)

Yudin M. L. Orenburg residents in the wars of 1812–1814. Tashkent: Tipo-lit. headquarters of the Turkestan military. Okrug, 1912. 61 p. (In Russ.)

Published in the Russian Federation
Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
Has been issued as a journal since 2008
ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
Vol. 16, Is. 5, Pp. 1128–1139, 2023
Journal homepage: https://kigiran.elpub.ru

CC BY NC ND

УДК / UDC 94(470.47).07
DOI: 10.22162/2619-0990-2023-69-5-1128-1139

О некоторых вопросах повседневной жизни калмыков Астраханской губернии в начале XIX в.: позиция калмыцких владельцев (на материале ответов на запросы Главного пристава)

Александр Нармаевич Команджаев[1], *Баатр Викторович Очиров*[2], *Николай Борисович Боваев*[3]

[1] Калмыцкий государственный университет им. Б. Б. Городовикова (д. 11, ул. Пушкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)
доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой
0000-0002-7064-7315. E-mail: ak.narma[at]mail.ru

[2] Калмыцкий государственный университет им. Б. Б. Городовикова (д. 11, ул. Пушкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)
главный специалист
0000-0002-3471-8008. E-mail: ochirov.baatr[at]yandex.ru

[3] Калмыцкий государственный университет им. Б. Б. Городовикова (д. 11, ул. Пушкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)
аспирант
0009-0007-1466-6769. E-mail: nikbov678[at]gmail.com

© КалмНЦ РАН, 2023
© Команджаев А. Н., Очиров Б. В., Боваев Н. Б., 2023

Аннотация. *Введение.* Предметом исследования являются отдельные вопросы повседневной жизни населения калмыцких улусов Астраханской губернии. Актуальность поставленной проблемы вызывается необходимостью составить более полную картину калмыцкой действительности в период активного поиска путей интеграции региона в общероссийскую административно-политическую систему. Исходя из этого, а также с учетом недостаточной изученности проблемы, авторы обозначили *цель* данной статьи — охарактеризовать важные с точки зрения губернской администрации проблемы повседневной жизни для начального этапа интеграции калмыцкого общества. *Материалы и методы.* Работа основана на анализе материалов делопроизводственной переписки, сосредоточенной в архивном деле Государственного архива Астраханской области, впервые вводимых в научный оборот. Методика исследования базируется на использовании общенаучных и специально-исторических подходов, центральное

место в которых занимает метод системного анализа и принципы объективности и историзма, позволившие авторам представить реальную картину жизни кочевого калмыцкого общества во втором десятилетии XIX в. *Результаты.* Содержание исследования посвящено характеристике вопросов и предложений гражданского губернатора по различным аспектам жизнедеятельности калмыцкого общества и мнений по ним владельцев и правителей улусов. *Выводы.* Анализ материалов показал, что важными вопросами повседневной жизни в калмыцких улусах начала XIX в. являлись земельная обеспеченность, вопросы внутренней жизни и торговля. По одним обсуждаемым вопросам у владельцев и правителей с губернской властью наблюдалась согласованность, по другим — противоречивость суждений.

Ключевые слова: Астраханская губерния, улусы, аймаки, калмыцкое кочевое общество, земельный вопрос, нойоны, зайсанги, улусные правители, губернатор, приставы, торговцы

Благодарность. Статья подготовлена при финансовой поддержке РНФ в рамках проекта «Между Востоком и Западом: цивилизационно-культурное развитие калмыцкого общества в составе дореволюционной России» (№ 23-18-20019, https://rscf.ru/project/23-18-20019/).

Для цитирования: Команджаев А. Н., Очиров Б. В., Боваев Н. Б. О некоторых вопросах повседневной жизни калмыков Астраханской губернии в начале XIX в.: позиция калмыцких владельцев (на материале ответов на запросы Главного пристава) // Oriental Studies. 2023. Т. 16. № 5. С. 1128–1139. DOI: 10.22162/2619-0990-2023-69-5-1128-1139

Kalmyks of Astrakhan Governorate in the Early Nineteenth Century: Some Aspects of Everyday Life

Alexandr N. Komandzhaev[1], *Baatr V. Ochirov*[2], *Nikolay B. Bovaev*[3]

[1] Gorodovikov Kalmyk State University (11, Pushkin St., 358000 Elista, Russian Federation)
Dr. Sc. (History), Professor, Head of Department
0000-0002-7064-7315. E-mail: ak.narma[at]mail.ru

[2] Gorodovikov Kalmyk State University (11, Pushkin St., 358000 Elista, Russian Federation)
Chief Specialist
0000-0002-3471-8008. E-mail: ochirov.baatr[at]yandex.ru

[3] Gorodovikov Kalmyk State University (11, Pushkin St., 358000 Elista, Russian Federation)
Postgraduate Student
0009-0007-1466-6769. E-mail: nikbov678[at]gmail.com

© KalmSC RAS, 2023
© Komandzhaev A. N., Ochirov B. V., Bovaev N. B., 2023

Abstract. *Introduction*. The study examines some aspects of everyday life once led by inhabitants of Kalmyk uluses (Astrakhan Governorate). The relevance of the topic arises from the necessity to compile a more complete panorama of Kalmyk life witnessed by the period when Russian and local authorities were seeking for ways of introducing the region into Russia's administrative and political agenda. *Goals*. So, given that the topic has remained somewhat understudied, the paper aims to characterize some aspects of everyday life viewed by governorate-level officials as 'bottlenecks' in the path toward Russia's integration of Kalmyk society. *Materials and methods*. The work focuses on records-keeping material primarily housed at the State Archive of Astrakhan Oblast, and introduces the former into scientific circulation. The study basically employs both general scientific and special historical approaches, with particular roles be played by the method of systems analysis and principles of historicism and objectivity. These have proved most instrumental in outlining a true panorama of Kalmyk nomadic life in the second decade of the nineteenth century. *Results*. The paper characterizes some questions and proposals set forth by the civil Governor on various aspects of Kalmyk life — and related opinions of local landlords and ulus rulers. *Conclusions*. Our insights into the material attest to that most important issues of everyday life across Kalmyk uluses in the early nineteenth century included those of land, interior affairs, and trade. The then Kalmyk elites and governorate-level officials did come to consensus on some points, while others proved controversial enough.

Keywords: Astrakhan Governorate, uluses, aimaks, Kalmyk nomadic society, land question, noyons, zaisangs, ulus rulers, Governor, overseers, merchants
Acknowledgements. The reported study was granted by Russian Science Foundation, project no. 23-18-20019 'Between East and West: Civilizational and Cultural Development of Kalmyk Society in Pre-Revolutionary Russia'.
For citation: Komandzhaev A. N., Ochirov B. V., Bovaev N. B. Kalmyks of Astrakhan Governorate in the Early Nineteenth Century: Some Aspects of Everyday Life. *Oriental Studies*. 2023; 16(5): 1128–1139. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2023-69-5-1128-1139

1. Введение

Астраханский гражданский губернатор — действительный статский советник Андреевский Степан Семенович — составил в ноябре 1816 г. краткую записку «О предметах, требующих мнения калмыцких владельцев», которую разослал владельцам и правителям калмыцких улусов с просьбой представить свои предложения по всем перечисленным в ней вопросам, требовавшим срочного решения. Оригинал этой записки с параллельным переводом на калмыцкий язык, равно как и оригиналы ответов калмыцких владельцев, правителей улусов и (в одном случае) 13 зайсангов с переводом на русский язык содержатся в архивном деле № 2340 из фонда «Канцелярия астраханского губернатора» Государственного архива Астраханской области (ГА АО) под названием «О доставлении сведений о быте калмыков». Таких актуальных вопросов, по мнению губернатора, было 16. Два вопроса губернатора касались злободневной для калмыцких улусов проблемы обеспечения региона пастбищными землями на правом и левом берегах Волги. Четыре вопроса относились к важным региональным и местным обязательствам астраханских калмыков: работа на добыче соли, кордонная служба на границе с киргиз-кайсаками (казахами), обеспечение чиновников квартирами и транспортом и ежегодные поставки от калмыцких улусов кибиток с убранством и обслуживающим персоналом на Кавказские минеральные воды. Четыре вопроса в условиях начавшейся активной интеграции калмыцкого общества в российскую административно-правовую юрисдикцию касались деятельности калмыцкого Зарго и, по мнению губернатора, необходимости составления нового свода калмыцких законов. Четыре вопроса губернатора были посвящены внутренней жизни улусов: о создании казачьей команды для охраны правопорядка, мерам противостояния пьянству и азартным играм в калмыцкой среде, о статусе некоторых донских владельцев-калмыков, проживавших в калмыцких улусах Астраханской губернии. Два вопроса относились к возросшим в указанный период торговым связям калмыков: необходимость установления определенных правил в розничной торговле и в продаже калмыцких лошадей в ремонт кавалерии.

2. История вопроса

Историография проблемы ограничивается небольшим кругом работ, в том числе обобщающих, в которых среди прочих рассматриваются вопросы истории калмыцкого общества начала XIX в. Большое значение в деле накопления материалов по данной проблеме имеют труды дореволюционных исследователей, чьи важные наблюдения и заметки имеют для нас непреходящую ценность. Оценка состояния судопроизводства и национального законодательства калмыков была произведена в книге бывшего в первые годы XIX в. главным приставом калмыцкого народа Н. И. Страхова [Страхов 1810].

Н. Я. Бичурин в заключительной части своего «Исторического обозрения ойратов или калмыков с XV столетия до настоящего времени» кратко упомянул об административных преобразованиях в калмыцких улусах после наместничества Чучея Тундутова [Бичурин 1991: 115–118].

Н. А. Нефедьев в своей книге, явившейся результатом его пребывания в калмыцких улусах в 1832–1833 гг., привел множество ценных сведений о калмыцких улусах, их владельцах, сословном строе кочевников

и представил свои наблюдения о кочевом укладе их жизни, религиозным быте и др. [Нефедьев 1834].

В книге П. И. Небольсина, подготовленной в результате его пребывания в 1851 г. в Хошеутовском улусе, представлены очень подробные наблюдения автора о быте и повседневной жизни калмыков, в том числе о владельцах улуса — семьи нойонов Тюменей [Небольсин 1852].

В книге К. И. Костенкова [Костенков 1870] первые разделы посвящены характеристике правового статуса калмыцкой знати и процесса формирования новой улусной системы в начале XIX в. В исторической части труда Я. П. Дубровы характеризуются обстоятельства выделения Большедербетовского улуса из состава дербетов, а затем — из состава Астраханской губернии [Дуброва 1998: 19–21]. Более подробно процесс отделения и развития Большедербетовского улуса изложен в книге Н. В. Львовского (Мефодия), второе издание которой вышло в 2022 г. [Львовский 2022: 18–20].

В первые советские десятилетия Н. Н. Пальмов в разделе об административных реформах изучаемого периода остановился, главным образом, на характеристике раскола дербетов и деятельности суда Зарго, основываясь на сведениях о роли и предложениях главного пристава калмыцкого народа Н. И. Страхова [Пальмов 1992: 124–128].

В первом томе «Очерков истории Калмыцкой АССР» в разделе, посвященном истории Калмыкии в первой половине XIX в., имеются некоторые сведения о хозяйстве и социальной структуре общества и об отдельных владельцах [Очерки 1967: 236–237, 242–243].

Социально-экономической эволюции калмыцкого общества первой половины XIX в. посвящена докторская диссертация А. И. Карагодина [Карагодин 1988]. Данные о численности калмыцкого населения в исследуемый период представлены в монографии В. И. Колесника [Колесник 1997], статьях И. В. Борисенко [Борисенко 1982] и Л. В. Бадняевой (Оконовой) [Бадняева 2002].

А. Г. Митиров в книге «Истоки» представил очень ценные материалы по истории калмыцких улусов и их владельцах, а также сведения о представителях калмыцкой знати, в том числе о нойонах Тюменях и Тундутовых и отдельных зайсангах [Митиров 2002]. Вопросам управления калмыцкими улусами в первой половине XIX в. посвящены статья С. Ю. Деева [Деев 2002] и монография М. С. Горяева [Горяев 2013]. О роли переселенцев в хозяйственном развитии калмыцких улусов в XIX в. много написано С. С. Белоусовым [Белоусов 1999]. В трехтомной «Истории Калмыкии» (том I) глава, автором которой является С. С. Белоусов, посвященная анализу преобразований в Калмыкии в первой половине XIX в., представляет наиболее подробные систематизированные данные о статусе и административном устройстве калмыцких улусов [История 2009: 464–480]. Ценные сведения о калмыцких владельцах и улусных правителях и их участии в антинаполеоновских войнах России имеются в монографии К. Н. Максимова и У. Б. Очирова [Максимов, Очиров 2012].

Таким образом, несмотря на широкий круг проблем, касающийся первой половины XIX в. и затронутый нашими предшественниками, поставленный нами вопрос о повседневной жизни калмыков в изучаемый период оказался вне поля зрения исследователей. С учетом данного обстоятельства целью нашего исследования является характеристика актуальных вопросов калмыцкой повседневности начала XIX в. на основе архивных делопроизводственных материалов, впервые вводимых нами в научный оборот. Учитывая многоаспектность проблем, стоявших перед губернской администрацией и калмыцкой знатью во втором десятилетии XIX в., в данной статье мы решили остановиться на характеристике отдельных вопросов повседневной жизни калмыцкого общества, в том числе вопроса о земельном устройстве. Помимо этого, мы сочли необходимым представить некоторые персональные сведения о владельцах и правителях калмыцких улусов. В тексте сохранено собственноручное написание имен владельцев и названий некоторых улусов в том виде, в каком они значатся в указанной переписке.

3. О торговле в калмыцких улусах

Астраханский гражданский губернатор обратил внимание на необходимость соблюдения честных правил торговли в калмыцких улусах со ссылкой на исторические традиции калмыков: «Со времен калмыцких ханов многие торговцы приезжали из России в кал-

мыцкие орды покупать скот, где делали мену товарам и разные обороты по своей коммерции. Сим благовидным способом процветала в ордах коммерция и соблюдаема была честность» [ГА АО. Ф. 1. Оп. 4. Д. 2340. Л. 15]. Исходя из этого, губернатор попросил калмыцких владельцев сохранять эти традиции у подвластных калмыков, «имея с ними связи дружества и доброго расположения» [ГА АО. Ф. 1. Оп. 4. Д. 2340. Л. 15].

Владелец Торгутова рода Санжи Убаши, Багацохуровские правители Онкор и Ирсалам, Эркетеневский правитель Наран Убаши[1] в совместном ответе объяснили, что они предоставляют все возможности приезжим торговцам «к распространению торговли, стараясь соблюдать с обеих сторон должный порядок» [ГА АО. Ф. 1. Оп. 4. Д. 2340. Л. 38об.].

Владелец Дербетовского улуса Эрдени-тайша Тундутов[2] также ограничился кратким ответом: «Я употреблю все средства на увеличение сей коммерции в моем улусе с соблюдением в том порядка» [ГА АО. Ф. 1. Оп. 4. Д. 2340. Л. 50об.].

Владелец Торгутовского (Эрдниевского) улуса Эрдени Цаган Кичик[3] конкретизировал свой ответ: «Хотя во времена ханов была у народа мена и продажа чего-либо, то ныне… все продается за деньги» [ГА АО. Ф. 1. Оп. 4. Д. 2340. Л. 64об.].

Таким же был ответ зайсангов Яндыковского общества[4]: «Ныне же торг в кал-

[1] Нойон Санжи Убаши являлся сыном икицохуровского нойона Маши, после смерти которого унаследовал часть Икицохуровского улуса. Он же был приемным сыном Битюки, вдовы нойона Яндыка, от которой унаследовал Яндыковский улус [История 2009: 447]. Таким образом, в 1816 г. Санжи Убаши являлся владельцем Яндыко-Икицохуровского улуса, но предпочел именовать себя владельцем Торгутова рода. Нойон Санжи Убаши командовал партией икицохуровских калмыков-ополченцев, состоявшей из 910 чел., в военной кампании 1807 г. Был награжден золотой медалью «За усердную службу». В 1808 г. возглавлял ополчение из своего улуса в том же количестве на Кавказской линии [Максимов, Очиров 2012: 374, 378, 381].

Зайсанги Онкор, Ирсалам и Наран Убаши были в 1816 г. правителями причисленных ранее к казне после смерти своих владельцев Багацохуровского и Эркетеневского улусов [ГА АО. Ф. 1. Оп. 4. Д. 2340. Л. 41об.]. По сведениям К. Н. Максимова и У. Б. Очирова, зайсанг Коштуев Онкор (с высокой долей вероятности, речь идет о правителе Багацохуровского улуса зайсанге Онкоре) являлся командиром полка ополчения в 1808 г. для службы на Кавказской линии. Там же указано, что зайсанг Наранов Убаши (по нашему мнению, это и есть Наран Убаши, правитель Эркетеневского улуса) был командиром полка ополчения в 1808 г. [Максимов, Очиров 2012: 382].

[2] Эрдени-тайша Тундутов — владелец Малодербетовского улуса, сын наместника Калмыцкого ханства (1800–1803) Чучея Тундутова. Тундутовы — единственная в исследуемый период династия калмыцких нойонов, представители которой обладали титулом «тайша» (упомянутый Эрдени-тайша, его сын и наследник Деджит Замбо-тайша и его брат Джамбо-тайша — герой Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов, командир первого калмыцкого полка). В конце XVIII в. от единого Дербетовского улуса отделился Большедербетовский улус, который в 1809–1817 гг. после смерти его владельца Габун-Шарапа Хапчукова был передан во временное управление Э. Тундутова. Поэтому в используемом нами архивном деле Э. Тундутов именует себя владельцем всего Дербетовского улуса. Капитан Эрдени-тайша Тундутов являлся командиром полка ополчения обоих дербетовских улусов в 1807 г. (1 840 чел.) и был награжден золотой медалью «За усердную службу» и бриллиантовым перстнем. Э. Тундутов также командовал дербетовским ополчением в 1808 г. (1 941 чел.) на Кавказской линии [Максимов, Очиров 2012: 378, 381]. В 1817 г. владельцем Большедербетовского улуса был признан племянник Габун-Шарапа — Очир Хапчуков, а Тундутовым вновь стал принадлежать только Малодербетовский улус [История 2009: 479].

[3] Нойон Эрдени Цаган Кичик — в 1816 г. владелец Торгутовского (Эрдниевского) улуса, части бывшего Икицохуровского улуса, которая досталась ему в наследство от отца Цаган Кичика, сына предыдущего владельца Маши. В монографии К. Н. Максимова и У. Б. Очирова сообщается, что нойон Цаган-Кичиков Эрдени, владелец Эрдниевского улуса, являлся командиром ополчения (1 150 калмыков Эрдниевского и Эркетеневского улусов) в 1807 г. Награжден золотой медалью «За усердную службу». В 1808 г. на Кавказской линии командовал ополчением из 204 чел. [Максимов, Очиров 2012: 378, 381].

[4] Зайсанги Яндыковского общества в 1816 г. — Кукунтей, Зодба, Тапка-гелюнг, Цекибейн-Замба, Заргачин Замба, Дака-Цюрюм, Ширип-гелюнг, Зунгуру-гелюнг, Бала-Ендон,

мыках производится не меной, а на деньги» [ГА АО. Ф. 1. Оп. 4. Д. 2340. Л. 72].

Владелец Хошеутовского улуса С. Тюмень[1] ответил, что старается установить в торговле отношения «честности, порядка и доверенности» и «невозбранно позволяю торговцам в своем улусе производить торг и мену товарам» [ГА АО. Ф. 1. Оп. 4. Д. 2340. Л. 83об.].

Очередной вопрос губернатора, вызванный информацией главного пристава калмыцкого народа «о притеснениях, делаемых калмыкам ремонтерами», касался способов закупки калмыцких лошадей в ремонт кавалерии. С. С. Андреевский полагал, что чиновники обязаны вести поименный учет ремонтеров и содержание претензий к ним. Во-вторых, поскольку у ремонтеров при себе имелись большие суммы денег, губернатор предложил осуществлять закупку лошадей под контролем при улусных ставках. В-третьих, по мнению губернатора, разрешение калмыцких владельцев на закупку следует получать заранее с учетом времени на перегон коней, «ибо известно, что табунных калмыцких лошадей пасут всегда отдаленно от ставки на хороших подножных кормах» [ГА АО. Ф. 1. Оп. 4. Д. 2340. Л. 21–23].

Санжи Убаши с правителями сообщили, что на их территории в деятельности ремонтеров недоразумений не происходит, поскольку введена строгая процедура закупки лошадей: ремонтеры в период пребывания в улусе снабжаются жильем, обеспечивается охрана и содержание купленных ими лошадей, а также осуществляется розыск в случае пропажи последних, предоставляются провожатые при переходе из одного улуса в другой. По информации владельца и правителей, калмыки, перегнавшие для продажи своих лошадей в ставку улуса, продают их ремонтерам в присутствии владельца или правителя и частного улусного пристава. К коневодам, живущим вдалеке от ставки, ремонтеры отправляются для закупки лошадей с бодокчеем[2] [ГА АО. Ф. 1. Оп. 4. Д. 2340. Л. 39об.–40].

Владелец Дербетовского улуса известил губернатора, что приезжающие в улус ремонтеры закупают лошадей в присутствии бодокчея на местах «средоточия» коневодов. Предложение главного пристава Я. К. Ваценко о закупке лошадей ремонтерами в улусных ставках Эрдени-тайша отверг, поскольку оно «несогласно с образом жизни калмыков» [ГА АО. Ф. 1. Оп. 4. Д. 2340. Л. 52]. Владелец имел в виду разбросанность населения при кочевом образе жизни. Помимо этого, следует учитывать большие размеры Дербетовского улуса — от Царицына до оз. Маныч.

Владелец Эрдени Цаган Кичик сообщил, что в его улусе ремонтеры закупают лошадей в аймаках в присутствии бодокчея и подвластных ему зайсангов. Он также заметил, что «если ремонтер ведет себя пристойно», то будет сам оказывать ему «надлежащее пособие» [ГА АО. Ф. 1. Оп. 4. Д. 2340. Л. 66].

Орлюк, Гайрип, Бижинда, Манги [ГА АО. Ф. 1. Оп. 4. Д. 2340. Л. 74]. В «Истории Калмыкии» говорится, что правление приемной матери Санжи Убаши — Битюки — «сопровождалось непрекращающимися конфликтами с яндыковскими зайсангами, не желавшими мириться с явным нарушением калмыцкого обычая, запрещавшего женщинам стоять во главе улусов» [История 2009: 447]. Этот конфликт яндыковских зайсангов с владельцем нашел продолжение и в период правления улусом Санжи Убаши. Зайсанги Яндыковского улуса в 1809–1810 гг. отделились от Санжи Убаши и образовали самостоятельный улус, признанный Коллегией иностранных дел России Яндыковским обществом, а не улусом [ГА АО. Ф. 1. Оп. 4. Д. 2340. Л. 34]. Поскольку в архивном деле ответ губернатору подписали 13 вышеуказанных зайсангов, а в улусе, по данным Н. И. Нефедьева, значились 23 зайсанга [Нефедьев 1834: 101], следовательно, отделился от Санжи-Убаши не весь Яндыковский улус. Впоследствии территория Яндыковского улуса была причислена к казне и вместе с Мочагами (часть дельты Волги) образовала казенный Яндыко-Мочажный улус.

[1] Серебджап Тюмень — подполковник, нойон, владелец Хошеутовского улуса, сын основателя династии Тюменей Тюменя-Джиргалана. Являлся командиром ополчения (1 250 калмыков Хошутовского и Эркетеневского улусов) в 1807 г. Был награжден в том же году золотой медалью «За усердную службу». В 1808 г. командовал ополчением из 504 чел. [Максимов, Очиров 2012: 378, 381]. В период Отечественной войны 1812 г. и Заграничных походов являлся командиром второго калмыцкого полка.

[2] Бодокчей — должность, в функции которой входило регулирование взаимоотношений калмыков с соседним населением.

Из ответа зайсангов Яндыковского улуса следует, что в их владениях ремонтеры закупают лошадей всегда в присутствии бодокчея. Согласившись также на возможность закупки лошадей ремонтерами при их ставках, они предупредили, что о своих претензиях на «причиненную ремонтерами калмыкам обиду» они будут сообщать частному улусному приставу [ГА АО. Ф. 1. Оп. 4. Д. 2340. Л. 73].

Серебджап Тюмень сообщил по данному вопросу, что он сам назначает «строго определенные места» для закупки лошадей ремонтерами в присутствии бодокчея. Владелец Хошеутовского улуса возразил мнению главного пристава Я. К. Ваценко о необходимости совершения сделок по закупке лошадей при ставке улуса: «Продавцы от дальнего перегона не только могут изнурить лошадей, но и при самой ставке владельца по недостатку подножного корма приведет их в худобу» [ГА АО. Ф. 1. Оп. 4. Д. 2340. Л. 85].

4. О необходимости создания казачьей команды

Губернатор С. С. Андреевский также коснулся событий в Дербетовском улусе. Бывший в 1804–1806 гг. главным калмыцким приставом А. И. Ахвердов сообщил в Коллегию иностранных дел «о неустройстве при обозрении Дербетовского улуса» и необходимости создать казачью команду из калмыков для восстановления порядка. Под «неустройством», замеченным А. И. Ахвердовым, понимался раскол дербетов на больших и малых и затянувшаяся тяжба между их владельцами. Коллегия поручила рассмотреть этот вопрос бывшему в 1806–1809 гг. Главнокомандующему в Грузии генерал-фельдмаршалу графу И. В. Гудовичу [ГА АО. Ф. 1. Оп. 4. Д. 2340. Л. 25]. Следовательно, в записке гражданского губернатора речь шла о событиях 10-летней давности.

Владелец Санжи Убаши с Багацохуровскими и Эркетеневским правителями ответили по вопросу о создании казачьей команды, что «ежели ныне есть надобность в оных людях, то просим не отягощать нас сим выбором людей, а вытребовать русских казаков» [ГА АО. Ф. 1. Оп. 4. Д. 2340. Л. 40об.].

Эрдени-тайша Тундутов посчитал создание казачьей команды излишним: «Ежели бы Дербетовский улус был в неблагоустройстве, то мог бы я распоряжаться в нарядах людей и самую службу нести, не щадя своей жизни?» [ГА АО. Ф. 1. Оп. 4. Д. 2340. Л. 52об.].

Владелец Эрдени Цаган Кичик ответил, что улусному частному приставу он дает калмыков «под названием казаков», но на создание казачьей команды не согласен: «Подвластные мои если по слухам и замечаются в худых делах, то я отдаю их для наказания яргачею[1]» [ГА АО. Ф. 1. Оп. 4. Д. 2340. Л. 66].

Зайсанги Яндыковского улуса сообщили, что согласны выделять частному улусному приставу по одному человеку для создания в улусах «вроде полицейской команды» [ГА АО. Ф. 1. Оп. 4. Д. 2340. Л. 73].

Нойон С. Тюмень по этому вопросу ответил кратко: «Согласен, если он сам (Э. Тундутов. — *А. К.*, *Б. О.*, *Н. Б.*) сие пожелает» [ГА АО. Ф. 1. Оп. 4. Д. 2340. Л. 87].

5. О проблеме пьянства и игры в карты

Важной проблемой в калмыцких улусах, на которую обратил внимание гражданский губернатор С. С. Андреевский, являлась «нетрезвая жизнь» калмыков, которые «употребляют себя в пьянстве, мотовстве и разорительной картежной игре», что привело их «к невозможности исправлять по наряду службу, выплачивать разные улусные повинности и албан своему владельцу» [ГА АО. Ф. 1. Оп. 4. Д. 2340. Л. 11]. Причиной этого являлся, по мнению губернатора, слабый надзор за поведением калмыков со стороны зайсангов и владельцев улусов.

Владелец Торгутова рода Санжи Убаши с Багацохуровскими правителями Онкором и Ирсаламом, Эркетеневским правителем Нараном Убаши ответили, что они стараются контролировать эту ситуацию с игрой в карты и пьянством. Нарушители в наказание направляются вне очереди на кордонную службу или «употребляются по улусу в работу без платежа денег» [ГА АО. Ф. 1. Оп. 4. Д. 2340. Л. 38об.].

Дербетовский владелец Э. Тундутов в своем ответе по данному вопросу был лаконичен: «Картежную игру я считаю разорительной для калмыков и в улусе своем запретил. И суд Зарго это предписал» [ГА АО.

[1] Яргачи — судебный исполнитель.

Ф. 1. Оп. 4. Д. 2340. Л. 50]. Свой ответ он дополнил: «Ежели бывает игра сия, то по случаю или во время отличных пиршеств, однако же не между чернью» [ГА АО. Ф. 1. Оп. 4. Д. 2340. Л. 50].

Торгутовский владелец Эрдени Цаган Кичик также сообщил, что разрешает на короткий период во время «великоторжественных праздников Зул, Цаган и Урюс» игру в карты. В остальное время замеченного в этом владелец улуса наказывал и «взыск денег» в счет уплаты карточного долга запрещал [ГА АО. Ф. 1. Оп. 4. Д. 2340. Л. 64].

Зайсанги Яндыковского общества пояснили, что игру в карты они позволяют только в праздники Зул, Цаган и Урюс. В остальное время игра запрещена и «если к взысканию денег поступают претензии, удовлетворения по ним чиниться не будут» [ГА АО. Ф. 1. Оп. 4. Д. 2340. Л. 72]. Что же касается употребления вина, зайсанги ответили, что они будут это контролировать, но не могут запретить, поскольку «в зимнее время от холода пасущие скот, а в летнее время от жажды, считают вино необходимым напитком» [ГА АО. Ф. 1. Оп. 4. Д. 2340. Л. 72].

Хошеутовский владелец С. Тюмень ответил, что в подвластном ему улусе «продажа горячих напитков и картежная игра как прежде, так и ныне запрещена, и только в некоторые торжественные дни для единственного по обряду нашему увеселения позволяется мной на короткое время продажа вина» [ГА АО. Ф. 1. Оп. 4. Д. 2340. Л. 82об.].

Гражданский губернатор С. С. Андреевский также поставил вопрос о «непомерной» цене на спиртные напитки (штоф (1,23 литра) — 2,5–5 руб.) в калмыцких улусах, которую он считал одной из причин разорения калмыков. Помимо этого, он полагал, что частные приставы и владельцы не контролируют процесс продажи «вина, чихиря (виноградное вино) и водки», чем разоряют калмыков до основания. В связи с этим губернатор предложил владельцам разрешать продажу спиртных напитков не одному, а нескольким торговцам, что понизит цену на вино [ГА АО. Ф. 1. Оп. 4. Д. 2340. Л. 13–14].

По этому поводу владелец Санжи Убаши с правителями пояснили, что в их улусах «неограниченной продажи горячего вина никто не имеет. … Мы положили мнением, чтобы продажа сия была у нас произведена нашими калмыками» [ГА АО. Ф. 1. Оп. 4. Д. 2340. Л. 38об.].

Владелец Эрдени-тайша Тундутов ответил, что в Дербетовском улусе неограниченной продажи вина не допускается, «ибо с согласия моего и всего улуса дается позволение одному на продажу горячего вина с соблюдением порядка» [ГА АО. Ф. 1. Оп. 4. Д. 2340. Л. 50об.]. При этом он допустил возможность скрытой от него «воровской» продажи спиртных напитков. «Прекратить совсем продажу вина считаю ненужным, ибо наши калмыцкие врачи русское вино употребляют в лекарство для больных», — добавил Э. Тундутов в своем ответе [ГА АО. Ф. 1. Оп. 4. Д. 2340. Л. 50об.].

Владелец Эрдени Цаган Кичик сообщил, что в его улусе «питейных мест не имеется». И добавил: «В праздничные дни посылаю покупать вино в ближайшие города или владельческие ставки, где только есть продажа на наличные деньги. Сверх сего я не могу воспретить кому-либо покупать вино в других местах» [ГА АО. Ф. 1. Оп. 4. Д. 2340. Л. 64об.].

Зайсанги Яндыковского общества возразили губернатору в этом вопросе, полагая «удобным, когда продает вино один продавец, а не много» [ГА АО. Ф. 1. Оп. 4. Д. 2340. Л. 72]. Они предложили также запретить продажу вина калмыкам в долг. Что же касается предложения С. С. Андреевского об установлении умеренной цены на вино, зайсанги от этого отказались, считая, что в этом вопросе главным является добровольное соглашение покупателя с продавцом [ГА АО. Ф. 1. Оп. 4. Д. 2340. Л. 72].

Владелец С. Тюмень был категоричен в ответе: «Предлагаю для блага калмыцкого народа… запретить продажу горячих напитков во всех калмыцких улусах», справедливо полагая, что пьянство не только разоряет население, но и создает угрозу для жизни и здоровья» [ГА АО. Ф. 1. Оп. 4. Д. 2340. Л. 83].

6. Об угоне скота в калмыцкой степи

Еще одним вопросом губернатора, отнесенным нами к проблемам внутренней жизни калмыков, касался «донских владельцев» Джалчина, Габун Шарапа, Джамба Шарапа и Омока, проживавших в Хошеутовском улусе у нойона С. Тюменя «в тягость прочим владельцам и занимающихся хищни-

чеством и вообще наносящих большое затруднение местному начальству» [ГА АО. Ф. 1. Оп. 4. Д. 2340. Л. 25–26]. Под «хищничеством», как правило, понимались угоны скота. В связи с этим губернатор попросил ответа владельцев, в особенности С. Тюменя, на свой вопрос: «Стоит ли их терпеть в калмыцких кочевьях?» [ГА АО. Ф. 1. Оп. 4. Д. 2340. Л. 26]. Из указанных лиц двое первых поселились в улусе «между своими родственниками» по предписанию бывшего гражданского губернатора князя Д. В. Тенишева и ожидали ответа на поданное ими прошение на имя императора о разрешении им постоянного проживания в калмыцких кочевьях Астраханской губернии.

Санжи Убаши с правителями Багацохуровским и Эркетеневским ответили, что о владельцах Джалчине и Габун Шарапе должен знать С. Тюмень, относительно «их поведения слухов до нас не доходило о каких-либо ими делаемых распутствах» [ГА АО. Ф. 1. Оп. 4. Д. 2340. Л. 40об.].

По сведениям Эрдени-тайши Тундутова, Джалчин проживал в Хошеутовском улусе, Габун-Шарап — в Эркетеневском. Что же касается их поведения, нойон «ни о малейшей их распутности не слышал». О Джимбе-Шарапе владелец Дербетовского улуса ничего не слышал. Омок, по сведениям Э. Тундутова, приезжал в калмыцкие улусы, «имея от донского начальства позволительный открытый лист» и уже возвратился домой [ГА АО. Ф. 1. Оп. 4. Д. 2340. Л. 52об.].

Ответ Эрдени Цаган Кичика о Джалчине и Габун-Шарапе был таким же. Относительно Омока и Джимбе-Шарапа торгутовский владелец ничего не слышал [ГА АО. Ф. 1. Оп. 4. Д. 2340. Л. 66об.].

Ответ зайсангов Яндыковского общества был аналогичен [ГА АО. Ф. 1. Оп. 4. Д. 2340. Л. 73].

Судя по содержанию ответа С. Тюменя, он был возмущен критикой в адрес калмыцких владельцев в сообщении главного пристава Я. К. Ваценко в Коллегию иностранных дел. Мы посчитали возможным здесь привести с сокращениями его ответ без особых комментариев: «Беглецов и распутного поведения людей я никогда в улусе не скрывал и не защищал, как объясняет главный пристав. Предки мои и я по сие время службу Его Императорскому Величеству отправляю с усердием и ревностью, не щадя жизни до последней капли крови: в случающихся требованиях пожертвования для блага отечества я собственности своей не щадил. Каковые патриотические подвиги мои и подвластного мне улуса известны Государю Императору и всем знатнейшим особам. Сим образом поступал покойный мой родитель. Главный пристав Я. К. Ваценко донесением своим в Коллегию иностранных дел на счет сих владельцев крайне обижает мой улус и поносит мою честь тогда, когда она создавалась ценою Высочайших наград. … Я с самого начала моей службы от начальников своих, кроме похвалы и благосклонности, не заслуживал о себе худшего мнения, почему прошу Ваше превосходительство войти в подробное расследование сего дела, и тогда откроется вся моя справедливость» [ГА АО. Ф. 1. Оп. 4. Д. 2340. Л. 87].

7. К вопросу о межевых работах на отведенных калмыцким улусам землях

Первым гражданский губернатор поставил вопрос о необходимости завершения отвода выделенных для зимних кочевий калмыкам земель, в связи с чем решил удостовериться у владельцев: «Довольно ли наделены землями подвластные им калмыки и не стесняют ли их потравами скотом зимних мест соседние кочевые жители?» [ГА АО. Ф. 1. Оп. 4. Д. 2340. Л. 17]. Далее губернатор попросил их приготовить землемерам «все необходимое для проведения работ» [ГА АО. Ф. 1. Оп. 4. Д. 2340. Л. 17].

Владелец Санжи Убаши, Багацохуровские правители Онкор и Ирсалам, Эркетеневский правитель Наран Убаши выразили благодарность за пожалованные земли и попросили установить для каждого улуса объем и перечень необходимых для межевания материалов, которые они обязались приготовить и выслать в назначенный пункт [ГА АО. Ф. 1. Оп. 4. Д. 2340. Л. 39].

Владелец Э. Тундутов пояснил, что император при выделении калмыкам земель пожаловал 10 тыс. руб. ассигнациями на межевые работы, которые были разделены по улусам. Однако этой суммы оказалось недостаточно, сам Эрдени-тайша затратил на межевание собственных средств в несколько раз больше выделенных. Кроме того, он сообщил, что из отмежеванных Дербетовскому улусу земель некоторые участки «частные лица присвоили себе и не допу-

скают моих калмыков пользоваться оными» [ГА АО. Ф. 1. Оп. 4. Д. 2340. Л. 51]. Вместе с тем для скорейшего окончания межевых работ он обязался подготовить необходимые материалы к весне 1817 г.

Владелец Эрдени Цаган Кичик в своем ответе, обязавшись все для межевания подготовить к весне 1817 г., выразил недовольство тем, что на территорию выделенных зимних кочевий по рекам Кума и Маныч «самовольно вкочевывают караногайцы, трухменцы, крещеные калмыки, юртовские татары и армяне, вытравливают скотом подножный корм и выжигают камыш. … Надо принять меры» [ГА АО. Ф. 1. Оп. 4. Д. 2340. Л. 65].

Зайсанги Яндыковского общества пообещали в своем ответе «заблаговременно заготовить все нужное, дабы по приказу тотчас выслать к назначенному пункту» [ГА АО. Ф. 1. Оп. 4. Д. 2340. Л. 72об.].

В своем ответе С. Тюмень, обязавшись заготовить все для скорого окончания работ, посетовал на затянувшийся процесс межевания, в ходе которого он произвел значительные траты собственных средств. Владелец пожаловался, поскольку «межевание не окончено до сих пор, происходят от соседних селений и казачьих станиц улусу моему ежегодные притеснения и частые кляузы, из-за чего каждый год мой улус претерпевает значительный убыток» [ГА АО. Ф. 1. Оп. 4. Д. 2340. Л. 84].

Другой вопрос губернатора был связан с тем, что калмыцкие владельцы, по его мнению, «уклоняются» от высылки людей для межевых работ на дополнительно выделенных калмыцким улусам землях на левобережье Волги в Енотаевском уезде, что дошло до сведения главнокомандующего Грузии генерал-лейтенанта А. П. Ермолова [ГА АО. Ф. 1. Оп. 4. Д. 2340. Л. 31].

Санжи Убаши, Багацохуровские и Эркетеневский правители ответили, что они согласны по назначению губернатора прислать необходимое количество людей для межевых работ, соответствующее численности кибиток (семей) в их улусах [ГА АО. Ф. 1. Оп. 4. Д. 2340. Л. 41об.].

Эрдени-тайша Тундутов также выразил согласие о высылке необходимых материалов и людей для межевания земли на луговой стороне Волги [ГА АО. Ф. 1. Оп. 4. Д. 2340. Л. 54].

Эрдени Цаган Кичик ответил, что выделит для межевых работ «потребное число людей только, когда дербетовские и хошеутовские владельцы выделят своих» [ГА АО. Ф. 1. Оп. 4. Д. 2340. Л. 68об.].

Серебджап Тюмень представил более пространный ответ. Он счел «отяготительным» исполнение прежнего предписания главного пристава Я. К. Ваценко Хошеутовскому улусу в одиночку произвести все межевые работы с последующим взысканием расходов с владельцев остальных улусов, но согласен прислать полагающееся от улуса «число людей и материалов» [ГА АО. Ф. 1. Оп. 4. Д. 2340. Л. 88].

8. Заключение

Анализ архивных материалов позволил сделать следующие выводы. По первому вопросу все владельцы, выразив сожаление о прекращении в торговле традиций обмена товарами и переходе преимущественно к денежным расчетам, согласились с губернатором о необходимости сохранения традиционного доверия и честности в отношениях с приезжими торговцами. По второму вопросу, соглашаясь с государственной важностью поставок лошадей в ремонт кавалерии, все владельцы и правители улусов наладили определенный порядок в этом процессе с главной ролью бодокчеев, чтобы избежать имевших место злоупотреблений со стороны приезжающих для закупки лошадей ремонтеров.

Ответы на следующие два вопроса свидетельствуют об однозначно отрицательном отношении владельцев и правителей к карточным играм и употреблению вина, допуская это лишь в период калмыцких праздников. С. Тюмень, Эрдени Цаган-Кичик предложили полностью запретить в улусах продажу вина, Э. Тундутов и зайсанги Яндыковского общества выступили за ее ограничение. Примечательно, что яндыковские зайсанги сочли вино необходимым напитком зимой от холода, летом — от жажды. Эрдени-тайша упомянул в своем ответе о том, что калмыцкие врачи рекомендуют больным употребление вина в качестве лекарства. Владелец Санжи-Убаши с правителями, видя в этом национальный аспект, высказались за ограниченную продажу вина только торговцами-калмыками.

Категорические возражения владельцев и правителей калмыцких улусов встретили два вопроса губернатора, в которых также заключались его предложения. В первом из них С. С. Андреевский выдвинул предложение администрации в связи с «неустроенностью» Дербетовского улуса создать казачью команду из калмыков для охраны правопорядка, но мнение владельцев оказалось отрицательным. Их негативное отношение к этой идее вполне понятно: у калмыков правопорядок обеспечивался традиционными институтами нойонов и зайсангов, почетных стариков, Зарго и яргачеями (судебными исполнителями). Индифферентное отношение зайсангов Яндыковского общества к этому вопросу объясняется их меньшей, на наш взгляд, ответственностью, нежели у владельцев и правителей улусов. Все главы улусов возразили также мнению губернской администрации о «хищничестве» донских калмыков-владельцев и необходимости их выселения. Поскольку этот вопрос касался непосредственно владельца Хошеутовского улуса, нойон С. Тюмень был возмущен подобным выводом губернатора.

Что касается вопросов о зимних пастбищах, а также о дополнительно выделенных калмыкам в левобережье Волги, владельцы и правители проявили заинтересованность в необходимости завершения межевых работ и выразили согласие предоставить для этого необходимые материалы и рабочих. Помимо этого, Э. Тундутов, Эрдени Цаган Кичик и С. Тюмень выразили недовольство по поводу захватов участков на пожалованных калмыкам землях со стороны оседлых и кочевых соседей.

Источники

ГА АО — Государственный архив Астраханской области.

Sources

State Archive of Astrakhan Oblast.

Литература

Бадняева 2002 — *Бадняева Л. В.* К вопросу о численности населения калмыцких улусов после 1771 г. // Калмыки и их соседи в составе Российского государства: матлы межд. науч. конференции (г. Элиста, 7–11 сентября 2001 г.). Элиста: Джангар, 2002. С. 55–62.

Бакунин 1995 — *Бакунин В. М.* Описание калмыцких народов, а особливо из них торгоутского, и поступков их ханов и владельцев. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1995. 153 с.

Белоусов 1999 — *Белоусов С. С.* Основано таврическими переселенцами (с. Садовое. 1849–1917 гг.). Волгоград: Станица-2, 1999. 88 с.

Бичурин 1991 — *Бичурин Н. Я. (Иакинф)*. Историческое обозрение ойратов или калмыков с XV столетия до настоящего времени. 2-е изд. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1991. 128 с.

Борисенко 1982 — *Борисенко И. В.* Численный состав калмыков в основных ареалах их расселения (XVIII – начало XX в.) // Проблемы аграрной истории дореволюционной Калмыкии: сб. науч. ст. Элиста: КНИИЯЛИ, 1982. С. 42–80.

Горяев 2013 — *Горяев М. С.* Вовлечение Калмыкии в общественно-экономическую систему Российской империи (последняя треть XVIII – конец XIX века). Элиста: Джангар, 2013. 224 с.

Деев 2002 — *Деев С. Ю.* Организация управления калмыцким народом после упразднения Калмыцкого ханства (1771–1825 гг.) // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. Вып. 17. Элиста: Джангар, 2002. С. 93–104.

Дуброва 1998 — *Дуброва Я. П.* Быт калмыков Ставропольской губернии. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1998. 181 с.

История 2009 — История Калмыкии с древнейших времен до наших дней: в 3 тт. Т. I. Элиста: Герел, 2009. 848 с.

Карагодин 1988 — *Карагодин А. И.* Хозяйство и общественно-политический строй приволжских калмыков в последней четверти XVIII и первой половине XIX вв.: автореф. дисс. … д-ра ист. наук. Ростов н/Д, 1988. 47 с.

Колесник 1997 — *Колесник В. И.* Демографическая история калмыков в XII–XIX вв. Элиста: КГУ, 1997. 135 с.

Костенков 1870 — *Костенков К. И.* Исторические и статистические сведения о калмыках, кочующих в Астраханской губернии. СПб.: Тип. С. Нусвальта, 1870. 170 с.

Львовский 2022 — *Львовский Н. В. (Мефодий)*. Калмыки Большедербетовского улуса Ставропольской губернии. 2-е изд. Элиста: КалмНЦ РАН, 2022. 156 с.

Максимов, Очиров 2012 — *Максимов К. Н., Очиров У. Б.* Калмыки в наполеоновских войнах. Элиста: Джангар, 2012. 519 с.

Митиров 2002 — *Митиров А. Г.* Истоки. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2002. 272 с.

Небольсин 1852 — *Небольсин П. И.* Очерки быта калмыков Хошоутовского улуса. СПб.: Тип. К. Крайя, 1852. 190 с.

Нефедьев 1834 — *Нефедьев Н. А.* Подробные сведения о волжских калмыках, собранные на месте. СПб.: Тип. К. Крайя, 1834. 277 с.

Очерки 1967 — Очерки истории Калмыцкой АССР: дооктябрьский период. М.: Наука, 1967. 479 с.

Пальмов 1992 — *Пальмов Н. Н.* Очерк истории калмыцкого народа за время его пребывания в пределах России. 2-е изд. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1992. 160 с.

Страхов 1810 — *Страхов Н. И.* Нынешнее состояние калмыцкого народа с присовокуплением калмыцких законов и судопроизводства, десяти правил их веры, молитвы, нравоучительной повести, сказки, пословиц и песни Савардин. СПб.: Тип. Шнора, 1810. 95 с.

References

Badnyaeva L. V. More on population numbers in Kalmyk uluses after 1771. In: Kalmyks and Their Neighbors as Russian Subjects. Conference proceedings (Elista, 7–11 September 2001). Elista: Dzhangar, 2002. Pp. 55–62. (In Russ.)

Bakunin V. M. Description of the Kalmyk Peoples, in Particular, Torgout People, and Deeds of Their Khans and Landlords. Second edition. Elista: Kalmykia Book Publ., 1995. 153 p. (In Russ.)

Belousov S. S. Founded by Settlers from Taurica: Sadovoye, 1849–1917. Volgograd: Stanitsa-2, 1999. 88 p. (In Russ.)

Bichurin N. Ya. (Hyacinth) A Historical Review of Oirats or Kalmyks: From the Fifteenth Century to the Present. Second edition. Elista: Kalmykia Book Publ., 1991. 128 p. (In Russ.)

Borisenko I. V. Kalmyks and Kalmyk-inhabited areas in the eighteenth to early twentieth centuries: Population numbers. In: Issues of Kalmykia's Agricultural History before the October of 1917. Elista: Kalmyk Institute of Language, Literature and History, 1982. Pp. 42–80. (In Russ.)

Deev S. Yu. Administrative control over ethnic Kalmyks after the abolition of Kalmyk Khanate, 1771–1825. In: Bulletin of Kalmyk Humanities Research Institute RAS. Vol. 17. Elista: Dzhangar, 2002. Pp. 93–104. (In Russ.)

Dubrova Ya. P. Kalmyks of Stavropol Governorate and Their Daily Routine. Elista: Kalmykia Book Publ., 1998. 181 p. (In Russ.)

Goryaev M. S. Introducing Kalmykia into the Socioeconomic System of Imperial Russia, 1770s–1890s. Elista: Dzhangar, 2013. 224 p. (In Russ.)

Karagodin A. I. The Volga Kalmyks, 1770s–1850s: Economy and Sociopolitical Structure. Dr. Sc. (history) thesis abstract. Rostov-on-Don, 1988. 47 p. (In Russ.)

Kolesnik V. I. Demographic History of Kalmyks, Twelfth to Nineteenth Centuries CE. Elista: Kalmyk State University, 1997. 135 p. (In Russ.)

Kostenkov K. I. Kalmyk Nomads of Astrakhan Governorate: Historical and Statistical Accounts. St. Petersburg: S. Nusswald, 1870. 170 p. (In Russ.)

Lvovsky N. V. (Methodius) Kalmyks of Bolshederbetovsky Ulus, Stavropol Governorate. Second edition. Elista: Kalmyk Scientific Center (RAS), 2022. 156 p. (In Russ.)

Maksimov K. N., Ochirov U. B. Kalmyks in the Napoleonic Wars. Elista: Dzhangar, 2012. 519 p. (In Russ.)

Maksimov K. N., Ochirova N. G. (eds.) History of Kalmykia: From Earliest Times to Present Days. In 3 vols. Vol. 1. Elista: Gerel, 2009. 848 p. (In Russ.)

Mitirov A. G. The Origins and Beginnings. Elista: Kalmykia Book Publ., 2002. 272 p. (In Russ.)

Nebolsin P. I. Kalmyks of Khoshoutovsky Ulus: Essays on Everyday Life. St. Petersburg: K. Kray, 1852. 190 p. (In Russ.)

Nefedyev N. A. Detailed Eyewitness Accounts of the Volga Kalmyks. St. Petersburg: K. Kray, 1834. 277 p. (In Russ.)

Palmov N. N. Kalmyks within Russian Borders: A Historical Essay. Second edition. Elista: Kalmykia Book Publ., 1992. 160 p. (In Russ.)

Strakhov N. I. Accounts of Present-Day Kalmyks, Supplemented with Kalmyk Laws and Procedures, the Ten Precepts of Their Faith, Prayers, a Didactic Novel, a Folktale, Proverbs, and Savardin Song. St. Petersburg: J. Schnor, 1810. 95 p. (In Russ.)

Ustyugov N. V., Zlatkin I. Ya., Kushcheva E. N. et al. (eds.) Kalmykia before the October of 1917: Historical Essays. Moscow: Nauka, 1967. 479 p. (In Russ.)

Published in the Russian Federation
Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
Has been issued as a journal since 2008
ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
Vol. 16, Is. 5, Pp. 1140–1151, 2023
Journal homepage: https://kigiran.elpub.ru

CC BY NC ND

Посвящается 80-летию со дня депортации калмыцкого народа

УДК / UDC 94 (470)
DOI: 10.22162/2619-0990-2023-69-5-1140-1151

Обзор документов из Аральского районного архива Кызылординской области Республики Казахстан

Кеемя Владимировна Орлова[1]

[1] Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)
доктор исторических наук, кандидат филологических наук, главный научный сотрудник
0000-0003-4951-0063. E-mail: orlovnk[at]mail.ru

© КалмНЦ РАН, 2023
© Орлова К. В., 2023

Аннотация. *Введение.* В 2023 г. исполняется 80 лет со дня депортации калмыцкого народа (28 декабря 1943 г.) в восточные районы страны. В декабре 1943 г. калмыки были необоснованно репрессированы и высланы за пределы своей территории. На долгие 13 лет (1943–1957) калмыков разбросали от Сибири до Дальнего Востока и Крайнего Севера. Основные вопросы вклада народа Калмыкии в победу страны в период Великой Отечественной войны достаточно полно исследованы. Вместе с тем история калмыков периода депортации и нахождения в ссылке долгое время не затрагивалась исследователями, и эта страница в истории калмыков до сих пор не получила комплексного исследования. Необходимо восстановить полную картину выселения и жизни народа на спецпоселении, и потому актуальность поиска дополнительных материалов о депортированных калмыках очевидна. В феврале 2023 г. Калмыцкий научный центр РАН организовал научную экспедицию в Республику Казахстан с целью выявления материалов по депортации калмыков в Казахскую ССР. Сотрудники КалмНЦ РАН получили уникальную возможность ознакомиться с документами из архивов Президента Республики Казахстан, Алма-Атинской области, Кызылординской области, а также Аральского районного архива. *Цель* статьи — представить обзор некоторых документов, хранящихся в Аральском районном архиве Кызылординской области Республики Казахстан, о калмыках, высланных из Лаганского улуса Калмыцкой АССР в конце 1943 г. *Материалы.* Источниковую базу составили документы из Аральского районного архива, научная литература. *Выводы.* Обзор некоторых документов, хранящихся в Аральском районном архиве Кызылординской области Республики Казахстан, показал относительную картину переселения и адаптации части жителей Лаганского улуса на новой территории. Документы сохранились не за все годы депортации, в основном они датируются 1944, 1946, 1948 и 1950-ми гг. Но даже и эта малая

толика документов весьма ценна. Остается открытым вопрос распределения жителей улуса их численности при депортации в Казахскую ССР и сибирские регионы. Судя по архивным документам, в январе 1944 г. по решению бюро Аральского районного КП(б)К и районного совета депутатов трудящихся было принято к размещению 745 семей для работы в рыбной системе, в апреле 1944 г. в новой депеше секретарю обкома КП(б) Казахстана и начальнику Кызылординского УНКВД указано принять 1 200 человек, или 400 семей, «спецконтингента», после этого еще были приняты 2 200 рыбаков и членов их семей. Таким образом, численность прибывших калмыков была значительно большей, чем по упоминаемым в научной литературе сведениям. Дальнейшее тщательное изучение документов из Аральского районного архива прольет свет на жизнь на спецпоселении части калмыков Лаганского улуса.
Ключевые слова: калмыки, депортация, Великая Отечественная война, Казахстан, Аральск, архивы

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проекты «Юго-восточный пояс России: исследование политической и культурной истории социальных общностей и групп» (номер госрегистрации: 122022700134-6) и «Национальные информационные ресурсы в научном и культурном пространстве» (номер госрегистрации: АААА-А19-119090590086-0). Автор выражает искреннюю благодарность и признательность руководителю филиала «Аральский районный архив» коммунального государственного учреждения «Кызылординский областной государственный архив» Г. Н. Казанкаповой и заместителю руководителя К. Ж. Арингазиеву за предоставление архивных документов, а также спонсорам, оказавшим материальную помощь в организации экспедиции в Республику Казахстан.

Для цитирования: Орлова К. В. Обзор документов из Аральского районного архива Кызылординской области Республики Казахстан // Oriental Studies. 2023. Т. 16. № 5. С. 1140–1151. DOI: 10.22162/2619-0990-2023-69-5-1140-1151

Aral District Archive (Qyzylorda Region, Republic of Kazakhstan): A Review of Documents Relating to the Kalmyk Deportation

Keemya V. Orlova[1]

[1] Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., 358000 Elista, Russian Federation)
Dr. Sc. (History), Cand. Sc. (Philology), Chief Research Associate
0000-0003-4951-0063. E-mail: orlovnk[at]mail.ru

© KalmSC RAS, 2023
© Orlova K. V., 2023

Abstract. *Introduction.* The year 2023 commemorates the 80th anniversary of the Kalmyk deportation (28 December 1943) to the eastern parts of the Soviet Union. In December 1943, ethnic Kalmyks were groundlessly repressed and forcibly relocated from native lands to be scattered across Siberia toward the Far East and Extreme North for the long thirteen years (1943–1957). Key aspects of Kalmykia's contribution to the Great Victory have been duly investigated. However, the deportation and exile proper had remained untackled for quite a long time, and this period of Kalmyk history still lacks comprehensive investigation. It is urgent to assemble a complete picture of how people were relocated and survived in special settlement areas, which makes further endeavors aimed at obtaining additional related material timely enough. In February 2023, Kalmyk Scientific Center (RAS) arranged a scientific expedition to the Republic of Kazakhstan for documentary material on Kalmyks deported to the Kazakh SSR. The employees were granted a unique opportunity to consider documents housed at the Archive of the President of Kazakhstan, repositories of Almaty Region, Qyzylorda Region, and Aral District Archive proper. *Goals*. The article attempts a review of some documents discovered at Aral District Archive (Qyzylorda Region, Kazakhstan) and dealing with Kalmyks deported from Lagansky Ulus of the Kalmyk ASSR in the late 1943. *Materials*. So, the paper focuses on official papers contained in the mentioned repository and related scholarly

publications. *Conclusions*. Insights into the documents prove instrumental enough in outlining how residents of Lagansky Ulus were relocated to the target territory and adapted to new living conditions. The former primarily deal with the years 1944, 1946, 1948, and 1950. However, even the reduced data are of utmost significance. The still unanswered questions are how many residents of the Ulus were deported to the Kazakh SSR and Siberian territories, and what the actual proportions were. The archival papers say that in January 1944, the Bureau of Aral District Party Committee and District Soviet of Workers' Deputies decided to accept and accommodate a total of 745 households to be engaged in local fisheries. Another dispatch of April 1944 addressed to the Secretary of Kazakhstan Party Committee and the Head of Qyzylorda NKVD Department mentioned 1,200 individuals or 400 households of 'special settlers', while additional 2,200 fishermen and their family members were accepted thereafter. So, the actual number of accommodated Kalmyks was larger than the one in published scholarly works. Further detailed insights into the papers from Aral District Archive shall shed light on living conditions and challenges faced by relocated residents of Lagansky Ulus across special settlement areas.

Keywords: Kalmyks, deportation, Great Patriotic War, Kazakhstan, Aralsk, archives

Acknowledgements. The reported study was funded by government subsidy, project no. 122022700134-6 'The Southeastern Belt of Russia: Exploring Political and Cultural History of Social Communities and Groups'. The author expresses gratitude to the Directorate of Kalmyk Scientific Center (RAS) for the opportunity to visit Kazakhstan and take a first-hand look at documents dealing with the Kalmyk deportation.

For citation: Orlova K. V. Aral District Archive (Qyzylorda Region, Republic of Kazakhstan): A Review of Documents. *Oriental Studies*. 2023; 16(5): 1140–1151. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2023-69-5-1140-1151

1. Введение

В 2023 г. исполняется 80 лет со дня депортации калмыцкого народа (28 декабря 1943 г.) в восточные районы страны, проведенной в соответствии с указом Президиума Верховного Совета СССР № 115/114 «О ликвидации Калмыцкой АССР и образовании Астраханской области в составе РСФСР» от 27 декабря 1943 г. и последовавшего постановления Совета Народных Комиссаров СССР № 1432/425сс «О выселении калмыков, проживающих в Калмыцкой АССР» от 28 декабря 1943 г. Эта страница в истории калмыков до сих пор не получила комплексного исследования.

В отечественной историографии достаточно полно исследованы вопросы вклада народов Калмыкии в победу в период Великой Отечественной войны [Великая Отечественная 2001; История Калмыкии 2009: 441–506, 538–578; Калмыкия в годы 2005; Максимов 2010; Максимов 2021; Убушаев 2017; Воробьева 2021; Воробьева 2022; и др.].

Несмотря на ратный и трудовой подвиг ее жителей, в декабре 1943 г. калмыки были необоснованно репрессированы и высланы за пределы своей территории, а республика была ликвидирована. На долгие 13 лет (1943–1957) калмыки были разбросаны от Сибири до Дальнего Востока. Несмотря на имеющийся ряд авторских публикаций [Бакаев 1992; Бакаев 2003а; Бакаев 2003б; Бугай 1991; Максимов 2003; Максимов 2010; Убушаев 1991; Убушаев, Убушаев 2007; Убушаев 2009; Гунаев 2019а: 207–219; Оконов 2022: 699–707; и др.], документальных сборников [Ссылка калмыков 1993; Широклаг: Широкстрой 2000; и др.] и сборников воспоминаний депортированных [Годаев 1999; Мы — из высланных 2003; и др.], проведенных научных конференций [Репрессированные народы 1992; Репрессированные народы 1993; Репрессированные народы 1994; Национальная политика 2003; Репрессированные народы 2013; и др.], которые посвящены депортации калмыков и других народов СССР, эта проблема остается все еще недостаточно исследованной. Для восстановления относительно полной картины выселения и жизни в спецпоселениях актуальным являются поиск и выявление дополнительных материалов о депортированных калмыках.

В феврале 2023 г. Калмыцкий научный центр РАН (далее — КалмНЦ РАН) органи-

зовал научную экспедицию в Республику Казахстан с целью выявления материалов по депортации калмыков в Казахскую ССР. Сотрудники КалмНЦ РАН получили уникальную возможность ознакомиться с документами из архивов Президента Республики Казахстан, Алма-Атинской области, Кызылординской[1] области, а также Аральского районного архива. Целью статьи является обзор некоторых документов о высланных калмыках из Лаганского улуса Калмыцкой АССР, которые хранятся в Аральском районном архиве Кызылординской области Республики Казахстан. Источниковую базу составили документы из Аральского районного архива: Акты гражданского состояния — заключение браков (3 книги), рождения (12 книг), смерти (5 книг); приказы и ведомости (8 дел). К анализу также привлекалась научная литература.

2. Лагань

В 1870 г. в Северном Прикаспии появился поселок Лагань Астраханской губернии, его название происходит от наименования острова, на котором он был расположен [Воронова, Кузьмина 2022: 12]. Лаганский остров, или бугор, со всех сторон был окружен водой, поэтому в ненастную погоду оказывался труднодоступным. Основным занятием его жителей (а это не только калмыки, но и выходцы из Воронежской, Симбирской, Пензенской и Саратовской губерний) был рыбный промысел. В середине XIX в. в Лагани проживало всего 15 человек, к концу того же века — 947, в 1916 г. — 147 350, из них калмыков — 2 074 [Воронова, Кузьмина 2022: 12].

С образованием Калмыцкой автономной области (КАО) в 1920 г. пос. Лагань вошел в ее состав (1927). Лаганский улус последовательно входил в Яндыко-Мочажный (1927), Эркетеневский (1927–1930), с 1930 г. — Приморский улусы КАО. В 1935 г. Приморский улус был разделен на два улуса — Приморский с центром в пос. Лагань и Восточный с центром в пос. Долбан (впоследствии Восточный улус переименован в Долбанский). Разделение, вероятно, связано с экономической целесообразностью: в Приморском улусе занимались рыболовным промыслом, в Восточном — животноводством и бахчевыми культурами [Дорджиева, Дорджиев 1997: 27].

Рыбной ловлей и ее переработкой, помимо единоличных рыболовецких хозяйств, в КАО занималось кооперативное объединение Калмоблсоюз с 1921 г. Развитие же рыбной промышленности в Калмыкии относят к 1926 г., руководителем его был назначен Д. Б. Бакаев [Манджиев 2020: 904]. В ведении Калмоблсоюза находились 11 промыслов, на которых работали 12 артелей [Манджиев 2020: 905]. В марте 1928 г. Калмоблсоюз был реорганизован в Калмыцкий союз рыбаков, а уже в августе того же года эта организация подверглась «коллективизации» [Манджиев 2020: 905–907].

В начале 1940 г. территория Лаганского улуса составляла 1 745 км^2, население — 19 171 чел., из них 6,5 тыс. человек было занято в рыбодобывающей и рыбоперерабатывающей промышленности улуса, в самой Лагани проживало 8 598 чел. [Дорджиева, Дорджиев 1997: 27, 28]. Итак, основной отраслью Лаганского улуса была, помимо сельского хозяйства, рыбная промышленность. В 1935 г. в Лагани были построены рыбоконсервный комбинат, утильзавод по переработке рыбных отходов; в 1937 г. — 2-я очередь рыбоконсервного комбината. В Лагани располагался Калмгосрыбтрест, в ведении которого находилось пять рыбных заводов, два рыбных комбината, два плавучих пункта по приему рыбы, две моторно-рыболовные станции по ремонту судов (подробнее см.: [Дорджиева, Дорджиев 1997: 27–28]).

В августе 1942 г. из 13 улусов Калмыкии были оккупированы восемь, из них пять полностью, три — частично, а также г. Элиста с тремя пригородными колхозами [История Калмыкии 2009: 491]. Лаганский улус, наряду с Улан-Хольским, Приволжским, Юстинским, Долбанским, оказался в прифронтовой полосе [Максимов 2010: 129]. В январе 1943 г. оккупированные территории республики были полностью освобождены. За пять месяцев оккупации «народное хозяйство республики оказалось в катастрофическом состоянии» (подробнее см.: [История Калмыкии 2009: 558–562]).

В годы Великой Отечественной войны рыбной отрасли придавалось важное значение: в 1942 г. годовой план по лову рыбы был перевыполнен, в 1943 г. выполнен менее чем за год, в море выходили освобожденные от мобилизации рыбаки. Кроме

[1] В документах встречается другое написание — Кзыл-Ординская область. Современное написание: Кызылординская.

того, рыбаки участвовали в сборе средств на строительство танковой колонны «Советская Калмыкия» [Дорджиева, Дорджиев 1997: 62, 64].

С началом строительства в 1941 г. железнодорожной магистрали Кизляр – Астрахань (введена в эксплуатацию в августе 1942 г.) через пос. Артезиан и Улан-Хол жителей Лаганского и других близлежащих улусов (около 20 тыс. человек) направили на эти работы; в 1942 г. было принято решение о строительстве новой железнодорожной ветки Гурьев (ныне — Атырау) – Астрахань; в октябре 1942 г. на возведение обводных оборонительных сооружений на Астраханском направлении также привлекли жителей неоккупированных улусов, в том числе Лаганского [Максимов 2010: 146–147; История Калмыкии 2009: 466, 500; Убушаев 2017: 136–140; Оконов 2022: 701].

В связи с депортацией калмыков Лаганский район (с 1944 г. — Каспийский) был передан в Астраханскую область. После восстановления автономии Калмыкии в 1957 г. был образован Каспийский район с центром в рабочем поселке Каспийском, в 1965 г. рабочий поселок был преобразован в город Каспийский, который в 1991 г. был переименован в г. Лагань [Гунаев 2019б: 737, 738].

На долгие 13 лет (1943–1957) калмыков разбросали от Сибири до Дальнего Востока и Крайнего Севера. Согласно постановлению СНК РСФСР (28 декабря 1943 г.) [История Калмыкии 2009: 586], были определены регионы, где размещали депортированных калмыков — Алтайский, Красноярский края, Омская, Новосибирская области.

Что касается жителей Лаганского улуса, часть их оказалась в Сибири, другая — в Казахстане. Пока затруднительно сказать, по каким критериям распределяли жителей одного улуса по разным регионам страны, то же касается и численности разбросанных лаганцев, в основном выселяли стариков, женщин, детей, мужчины сражались на фронтах. В Казахской ССР лаганцев-калмыков расселяли не только в г. Аральске, но в других населенных пунктах — Бугуни, Каратюбе, Каска-Кулан, Узун-Каир, Авань Уялы и др. [Дорджиева, Дорджиев 1997: 77].

По воспоминаниям В. П. Дорджиева, уроженца хотона Эндыр (располагался в шести км от Лагани), «недели через две в г. Аральске Кзыл-Ординской области Казахстана из состава поезда отцепили 10 вагонов, в основном рыбаков Каспия, и выгрузили. Здесь … распределили по островам Аральского моря, несколько семей оставили в городе» [Дорджиев 2000: 9]. По данным, опубликованным в «Истории Калмыкии с древнейших времен до наших дней», по 16 областям Казахстана были расселены 2 042 калмыка [История Калмыкии 2009: 610].

Что же представлял собой Аральск и его окрестности к прибытию части калмыков Лаганского улуса?

3. Аральский район Кызылординской области

Аральск — город в Кызылординской области Республики Казахстан. С 1870 г. Аральск известен как Аральский поселок, с 1 октября 1927 г. поселок, согласно распоряжению председателя Аральского исполкома, «регламентируется положением города под наименованием город Аральск» [АРА КО РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 12. Л. 16].

В 1921 г. город стал известным, когда к рыбакам Аральска обратился В. И. Ленин с просьбой помочь голодающим Поволжья. За короткий срок со станции Камбаш аральские рыбаки отгрузили 14 вагонов рыбы-сырца. Об этом историческом событии напоминает панно в здании железнодорожного вокзала [Арал 1990: 45, 46].

Аральское море — бессточный водоем, второй после Каспийского моря, в нем водилось много ценных пород рыбы: осетр, сазан, сом, щука, шемая, усач, шип и др. В перспективном пятилетнем плане рыбной промышленности Казахской ССР за 1926 г. отмечено: «Аральское море имеет площадь 59 590 верст[1], длина 400 верст, ширина 267 верст» [АРА КО РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 8. Л. 11]. Западный берег Арала скалистый, местами с обрывами, восточный берег с устьем р. Сыр-Дарья и южный с устьем р. Аму-Дарья — низменные, песчаные, с густыми зарослями камыша, наиболее благоприятны для лова рыбы. Именно там и сконцентрировалась рыбная промышленность региона. Восточное и южное побережья имели круглогодичную связь с железной дорогой, где отгружалась рыба, что также имело не менее важное значение [АРА КО РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 8. Л. 17]. На северном и западном побережье рыбная промышлен-

[1] Одна верста соответствует 1 066,8 м.

ность стала развиваться непосредственно перед Великой Отечественной войной, но большого значения не имела. Собственно, поселок Аральск стал бурно развиваться в связи со строительством и развитием Ташкентской железной дороги и пароходства [АРА КО РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 8. Л. 11].

Об Аральском районе имеются интересные данные за июль 1952 г. [АРА КО РК. Ф. 154. Оп. 1. Д. 1]. В 1928 г. был создан Аральский район, городами районного подчинения считались Аральск с населением 19 426 человек, поселковый совет Аралсульфат с населением 3 773 чел., Саксаульск с населением 3 756 чел., два рабочих поселка, 19 сельсоветов, 28 колхозов. В 1950 г. в районе организована машинно-животноводческая станция для обслуживания животноводов, в которой имелись 14 тракторов и 13 автомашин. Среди основных видов животноводства — крупный рогатый скот, лошади, овцы, козы, верблюды, частично птицеводство [АРА КО РК. Ф. 154. Оп. 1. Д. 1. Л. 3].

Национальный состав: казахи — 70 %, русские — 20 %, прочие — 10 %. Из природных богатств район располагает пищевой солью, сульфатом, население занимается производством камышитовых плит, извести, кирпича обожженного и ловом рыбы [АРА КО РК. Ф. 154. Оп. 1. Д. 1. Л. 1]. Крупные предприятия в районе — Аралгосрыбтрест, в котором заняты на производстве 1 271 чел.; Аралсоль — 319 чел., Аралсульфат — 179 чел., судоремзавод — 297 чел., стеклозавод — 69 чел., судоверфь — 91 чел., артель «2-я пятилетка» — 43 чел., райпромкомбинат — 112 чел. [АРА КО РК. Ф. 154. Оп. 1. Д. 1. Л. 4–5]. Важнейший железнодорожный узел — Аральское море (общая протяженность путей — 480 км), водная магистраль — Аральский порт [АРА КО РК. Ф. 154. Оп. 1. Д. 1. Л. 1].

На январь 1952 г. в районе было 70 школ[1], из них начальных — 39 (1 641 ученик), семилетних — 26 (3 991 ученик), средних — 5 (3 505 учеников), вечерних — 3 (357 учеников). Одно училище ФЗО, в котором обучалось 67 учащихся, учкомбинат (в архивном деле проставлен прочерк в данных о количестве учащихся) [АРА КО РК. Ф. 154. Оп. 1. Д. 1. Л. 5–6]. Из культурно-просветительских учреждений имелось: районных клубов — 2, изб-читален — 17, красных юрт — 2, библиотек в городе 3, в селах — 4 [АРА КО РК. Ф. 154. Оп. 1. Д. 1. Л. 6].

Начиная с 1965 г. уровень аральской воды стал стремительно падать, а с 1983 г. «полностью потерял свое рыбохозяйственное значение» [Арал 1990: 98].

4. Обзор документов из Аральского районного архива

В Аральском районном архиве во время проведения экспедиции КалмНЦ РАН выявлен большой массив документов по калмыкам: похозяйственные книги с 1944 по 1958 гг. (1 045 дел); акты гражданского состояния: заключение браков (3 книги), рождения (12 книг), смерти (5 книг); документы по организациям: Аралсоль (16 документов), Рыбтрест (113 дел), Заготзерно (3 дела); приказы и ведомости (8 дел). Следует сразу отметить, что многие даты и тексты документов не прочитываются ввиду ветхости бумаги и выцветших машинописных и некоторых рукописных записей.

Прежде всего хотелось бы обратить внимание на папку «Приказы и ведомости», а именно на Протоколы Аральского районного совета депутатов трудящихся [АРА КО РК. Ф. 153. Оп. 1. Д. 20]. В приложении «О приеме и размещении прибывающего контингента людей для рыбной системы в количестве 745 семей» [АРА КО РК. Ф. 153. Оп. 1. Д. 20. Л. 258] к постановлению объединенного заседания бюро Аральского районного комитета Коммунистической партии (большевиков) Казахстана (далее — КП(б)К) и районного совета депутатов трудящихся от 2 января 1944 г. под грифом «Строго секретно» указано о необходимости подготовить «прием и размещение прибывающего контингента рыбаков в колхозах Рыбакколхозсоюза, рыбозаводах, МРС системы Аралрыбтреста» [АРА КО РК. Ф. 153. Оп. 1. Д. 20. Л. 258]. В связи с зимним периодом и «отсутствием достаточного количества транспорта для своевременной переброски людей в колхозы» было решено «часть людей разместить в центре района (видимо, в Аральске. — *К. О.*), в здании школы на ул. Ленина с последующей отправкой в колхозы и рыбозаводы» [АРА КО РК. Ф. 153. Оп. 1. Д. 20. Л. 258]. Кроме того, райздравотдел обязали «произвести осмотр и санобработку… указанного контингента», управляющего

[1] Судя по подсчетам —73.

Аралрыбтрестом — обеспечить «бесперебойным снабжением хлебом и горячей пищей через столовые треста» [АРА КО РК. Ф. 153. Оп. 1. Д. 20. Л. 258]. Следует отметить оперативное реагирование местных властей по отношению к прибывшим калмыкам: выслали 28 декабря 1943 г., а уже 2 января 1944 г. местные власти приняли соответствующее постановление.

В начале[1] апреля 1944 г. в сообщении секретарю райкома КП(б)К из Аральского районного отдела НКВД Кызылординской области Казахской ССР сообщается о крайне «бедственном», фактически на грани голодной смерти, положении калмыков, расселенных в рыболовецких колхозах. Так, в колхозе Раим «опухли от голода» 11 человек. В качестве экстренной помощи предлагалось выделить «муку и крупу из фонда райорготдела» [АРА КО РК. Ф. 120. Оп. 1. Д. 904. Л. 24]. В том же деле представлен план расселения «спецконтингента» в Аральском районе, прибывающего с февраля–марта 1944 г. Так, в пос. Аралсульфат расселили 50 семей (150 человек), в пос. Сольтрест — 70 семей (210 чел.), в Промкомбинате — 5 семей (15 чел.), в артели «2-я пятилетка» — 10 семей (10 чел.), в стекольном заводе — 5 семей (15 чел.), в разных учреждениях города — 10 семей (30 чел.), в колхозе им. Орджоникидзе —15 семей (45 чел.), в колхозе «Большевик» — 15 семей (45 человек), в колхозе им. Энгельса — 10 семей (30 чел.), в колхозе [нрзб][2]-Каза — 10 семей (30 чел.), Бугуньский — 5 семей (15 чел.), Госпароходство — 50 семей[3] [АРА КО РК. Ф. 120. Оп. 1. Д. 904. Л. 26].

Уже 12 апреля 1944 г. секретарю обкома КП(б)К и начальнику Кызылординского УНКВД поступила депеша, в которой сказано, что «решением обкома КП(б)К Аральскому району назначено 1 200 человек или 400 семей „спецконтингента“, после этого решения нам предложили принять 2 200 рыбаков и членов их семей, что нами и было сделано. Расселение проходит напряженно за счет уплотнения местного населения, в общественных зданиях, красных уголках, колхозных клубах. Однако имеем сообщение из УНКВД, что принятый эшелон рыбаков — 2 200 человек выделен нам сверх плана, а назначенные к размещению 1 200 человек также прибудут. Ставим в известность, что дополнительного принятия спецпереселенцев нет, и люди могут остаться под открытым небом, в особенности в колхозах» [АРА КО РК. Ф. 120. Оп. 1. Д. 904. Л. 27].

Но и за 10 месяцев мало что изменилось. Хотя за этот период был создан специальный «отдел по спецпереселенцам и эвако-населения», заведующим стал Убушаев[4] В протоколе № 24 Аральского райсовета от 27 октября 1944 г. отмечалось: «бытовое и трудовое обустройство спецпереселенцев все еще неудовлетворительное: … бараки без дверей, остекленения, печей» [АРА КО РК. Ф. 153. Оп. 1. Д. 20. Л. 270]. Более того, упоминалось «пренебрежительное отношение к спецпоселенцам… их унижают и оскорбляют» [АРА КО РК. Ф. 153. Оп. 1. Д. 20. Л. 273]. На заседании говорилось о большом количестве смертей среди спецпоселенцев, работавших в Рыбохолодильном комбинате и Сульфате, в связи с чем было рекомендовано «немедленно» сообщать в райисполком по каждому конкретному случаю [АРА КО РК. Ф. 153. Оп. 1. Д. 20. Л. 273]. На данном заседании докладывали заместитель начальника пароходства Архангельский, заместитель начальника рыбохолодильного комбината Иванов и заведующий отделом спецпереселенцев и эвако-населения Убушаев. По результатам заседания всех руководителей организаций Аральска предупредили о «персональной ответственности» за неисполнение распоряжений Аралсовета [АРА КО РК. Ф. 153. Оп. 1. Д. 20. Л. 278].

Несмотря на тяжелые условия, жизнь постепенно налаживалась. В отделе ЗАГС Аральского района Кызылординской области в Записях актов о браке содержатся данные с апреля 1944 по 1947 г. [АРА КО РК. Ф. 351. Оп. 1. Д. 186. Л. 47]. Примечательно, что в пункте 13 Актов о браках приводятся однотипные заявления вступающих в брак, которые подписываются уже мужем и женой. Стоит привести полностью текст такого заявления: «В брак вступаем добровольно, условия вступления в брак, указанные в п. 4, 5, 6 Кодекса законов о браке, нам прочитаны, и препятствий в отношении нас к регистрации брака не имеется. О состоянии здоровья мы осведомлены, ст. 88 и 150

[1] Дата не прочитывается.

[2] Нрзб — неразборчиво.

[3] Количество человек не указано.

[4] Здесь и далее инициалы неизвестны.

УК об ответственности за дачу ложных сведений нам объявлены» [АРА КО РК. Ф. 351. Оп. 1. Д. 186, 347, 449]. В Актах о браках приводится подробная информация о брачующихся: годы рождения будущих супругов (в некоторых случаях указывался просто возраст), который по счету брак, есть ли дети, национальность, специальность и место работы. Женщины в графе специальность чаще указывали «домохозяйка», «иждивенка», но встречаются и записи: «уборщица», «мастер швейного цеха», «продавец», «санитарка», «главбух на железнодорожной станции», «вязальщица артели „2-я пятилетка“», «маслобойщица» и др. Мужчины указывали: «рабочий», «рулевой судна», «пожарный охраны», «боец рыбохолодильного комбината», «экономист артели „2-я пятилетка“», «нормировщик коптильного цеха», «рассыльный противочумной станции» и др. [АРА КО РК. Ф. 351. Оп. 1. Д. 186, 347, 449]. В качестве предъявляемых документов для регистрации брака значатся: в/уд (временное удостоверение. — *К. О.*), справка комендатуры, справка от врача [АРА КО РК. Ф. 351. Оп. 1. Д. 186, 347, 449].

За 1947 г. зафиксированы два брака мужчины-калмыка и русской женщины, оба 1917 года рождения (калмык с ребенком), в графе «который брак» — у обоих написано «первый», специальность калмыка — рулевой судна, женщины — санитарка горбольницы, предъявленные документы — в/уд у мужчины и паспорт у женщины [АРА КО РК. Ф. 351. Оп. 1. Д. 186. 1947 г. Л. 104, 104об.]. Еще один брак также зафиксирован между калмыком и русской женщиной, мужчина 1926 г. р., женщина — 1923 г. р., у обоих по одному ребенку, но отмечается, что вступают в брак в первый раз (!), специальность калмыка — кассир противошумной[1], русской женщины — продавец Госпароходства, предъявленные документы — в/уд у мужчины и паспорт у женщины [АРА КО РК. Ф. 351. Оп. 1. Д. 186. 1947 г. Л. 90, 90об.].

В актах о рождении записи датируются 1944–1949, 1951, 1950, 1953–1955 гг. По этим данным, в 1944 г. в Аральске родились 25 детей, в 1945 г. — 4 детей, в 1946 г. — 22, в 1947 г. — 20 (в этот год в одной калмыцкой семье родилась двойня); в 1948 г. — 5; в 1949 г. — 34; в 1950 г. — 59; в 1951 г. — 4; в 1953 г. — 20; в 1954 г. — 49. Однако при расчетах демографического характера следует иметь в виду, что данные относительные: многие дети умирали при рождении. В актах о смерти детей основной причиной значились менингит, воспаление легких, диарея, дистрофия, недоношенность, корь, коклюш; возраст — от нескольких месяцев до 12 лет. Среди взрослого населения причинами смерти, согласно подобным актам, были порок сердца, эпилепсия, туберкулез (наиболее часто упоминаемый диагноз), воспаление легких, крупозное воспаление легких, перитонит, бронхит, воспаление мочевого пузыря [АРА КО РК. Ф. 351. Оп. 2. Д. 119; Д. 121, Д. 109, Д. 340, Д. 166]. Возраст взрослых в актах о смерти за период от 1944 г. по 1948 гг. варьировался от 19 до 73 лет. В справке о смерти указывался и род занятий: кочегар, завхоз, плотник, рабочий и др., встречаются и другие записи, например иждивенец [АРА КО РК. Ф. 351. Оп. 2. Д. 340. Л. 30, 159; АРА КО РК. Ф. 351. Оп. 2. Д. 166. Л. 23, 35, 59, 119, 120]. Конечно, это далеко не полные данные.

В 1910 г. в Аральске была основана школа, впоследствии получившая известность как средняя школа № 14 им. Н. К. Крупской, сейчас школа-лицей №14 им. Н. К. Крупской. Документы по школе датируются с июня 1949 г. по октябрь 1957 г. [АРА КО РК. Ф. 339. Оп. 3. Д. 1]. В январе 1944 г. в этой школе открыли «калмыцкие классы для обучения детей-спецпереселенцев, которые не знали ни русского, ни казахского языков» [Дорджиева, Дорджиев 1997: 31]. Для обучения детей привлекли учителей-калмыков — С.-Г. Б. Гошенданова и М. М. Дорджиеву. Однако в апреле 1944 г. калмыцкие классы были закрыты [Дорджиева, Дорджиев 1997: 31]. Но и это вызывает изумление — открыть калмыцкие классы для детей депортированного народа!

В школе работали блестящие учителя, многие из эвакуированных и депортированных: учитель русского языка и литературы А. П. Калмыкова, физик Д. Ф. Федоров, учитель географии О. Ф. Федорова, эвакуированные из блокадного Ленинграда, депортированный из Поволжья немец, химик по специальности, А. В. Пидде и многие другие замечательные люди [Дорджиев 2000: 11, 12].

В приказе директора школы (13 мая 1950 г.) к экзаменам на аттестат зрелости

[1] Так в документе. Имеется в виду противочумной.

допущены среди других выпускников Мухараев и Дорджиева[1], поступившие в медицинский институт в Алма-Ате [АРА КО РК. Ф. 339. Оп. 3. Д. 1. Л. 12]. В приказе директора школы от 1952 г. счетовода Килганову Гилану Карвеновну назначили и. о. бухгалтера школы [АРА КО РК. Ф. 339. Оп. 3. Д. 1. Л. 18], в июле того же года на нее «возложили право распоряжения кредитами и второй подписью на банковских документах» [АРА КО РК. Ф. 339. Оп. 3. Д. 1. Л. 32], в сентябре 1953 г. назначили библиотекарем школы, в октябре 1954 г. она уволилась по собственному желанию [АРА КО РК. Ф. 339. Оп. 3. Д. 1. Л. 32об., 47об.]. 13 августа 1952 г. В. П. Дорджиева освободили от обязанностей пионервожатого в связи с выездом на учебу в г. Алма-Ату [АРА КО РК. Ф. 339. Оп. 3. Д. 1. Л. 32об.]. На доске почета школы-лицея вывешена доска отличников-выпускников, среди них В. Килганов[2]. Эту же школу с серебряной медалью окончил В. П. Дорджиев (1934–2007). Однако по ее окончании медаль не выдали, и только в 1960 г. он ее получил благодаря содействию и помощи А. И. Аджубея, главного редактора газеты «Комсомольская правда», с которым В. П. Дорджиев встретился на Всемирном фестивале молодежи и студентов в Вене в 1959 г. [Дорджиев 2000: 19].

Среди материалов Аральского районного архива имеется много документов по Аралгосрыбтресту. Уже с 10 января 1944 г. калмыков стали принимать на работу: рулевыми на судно «1-е мая», судно «Шип», «помощниками капитана судна п/ш „Декабрист“, помощником механика м/с „Актюбинск“» [АРА КО РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 222. Л. 4, 5].

Документы по Уялинскому рыбзаводу Аралгосрыбтреста представлены приказами о зачислении на работу, увольнении, ухода в отпуск или перевода на ту или иную должность, период с 1946 по январь–декабрь 1947 гг. [АРА КО РК. Ф. 259. Оп. 1-Л. Д. 16, 17].

Документы по Аралсоли Главуправления соляной промышленности Кызылординской области (г. Аральск) включают ведомости о начислении заработной платы за 1945–1949 г. В каждой ведомости отдельно прописаны ИТР (инженерно-технические работники), служащие, пож[арно]-стор[ожевая] охрана, помольный [цех], грузчики, транспортный [цех], хозчасть, добыча, детсад, ученики [АРА КО РК. Ф. 24. Оп. 1-Л. Д. 40; АРА КО РК. Ф. 24. Оп. 1. Д. 41; АРА КО РК. Ф. 24. Оп. 1. Д. 44; АРА КО РК. Ф. 24. Оп. 1. Д. 45–51; АРА КО РК. Ф. 24. Оп. 1. Д. 55; АРА КО РК. Ф. 24. Оп. 1. Д. 57; АРА КО РК. Ф. 24. Оп. 1. Д. 59]. Во всех документах встречаются фамилии калмыков, работавших на этих предприятиях.

Наиболее полную информацию о попавших в Аральские районы Кызылординской области калмыках можно извлечь из похозяйственных книг, в которых зафиксированы полные данные с членами семей по 10 аулсоветам:

– Каскакуланскому [АРА КО РК. Ф. 36. Оп. 2. Д. 54, 55, 62, 68, 70–73, 78, 83–88, 92, 93, 97, 98, 107, 108, 112, 116, 117, 119, 121, 123–125, 126];

– Кузжетпесскому [АРА КО РК. Ф. 37. Оп. 1-Л. Д. 28];

– Куландинскому [АРА КО РК. Ф. 100. Оп. 2. Д. 3, 5, 6, 13, 14, 17, 21, 66–68, 72, 85, 86, 88, 108, 109, 116, 117, 119];

– Октябрьскому [АРА КО РК. Ф. 139. Оп. 1. Д. 87];

– Сайгандинскому [АРА КО РК. Ф. 143. Оп. 1. Д. 7];

– Камбашскому [АРА КО РК. Ф. 146. Оп. 2. Д. 90, 93, 105–107, 113, 126, 127, 131, 138–140];

– Сарбасатскому [АРА КО РК. Ф. 167. Оп. 2. Д. 25];

– Бугунскому [АРА КО РК. Ф. 258. Оп. 2. Д. 73, 74–76, 79, 99, 121–123, 140, 141, 146, 160, 161, 163–175, 186–188, 191, 193–197, 201–204, 207, 209–211];

– Аман-Уткульскому [АРА КО РК. Ф. 263. Оп. 2. Д. 53–56, 60, 66–70, 80–82, 86, 88, 89, 92];

– Каратеренскому [АРА КО РК. Ф. 264. Оп. 2. Д. 40, 53, 56, 60, 64, 66, 68, 73, 74, 84, 85, 111–114, 124, 128, 130, 131]. Во всех похозяйственных книгах представлены полные данные главы и всех членов семьи, их пол и годы рождения, место работы взрослых и учебы — детей, отдельная отметка об имеющемся в хозяйстве скоте.

5. Выводы

Обзор некоторых документов, хранящихся в Аральском районном архиве Кызылординской области Республики Казахстан (актов гражданского состояния: заключения браков (3 книги), рождения

[1] Имеются в виду В. Б. Мухараев и О. А. Дорджиева (Иванова).

[2] Отчество не указано.

(12 книг), смерти (5 книг), документов по организациям: Аралсоль (16 документов), Рыбтрест (113 дел), Заготзерно (3 дела), приказов и ведомостей (8 дел) показал относительную картину переселения и адаптации части жителей Лаганского улуса на новой территории. Документы сохранились не за все годы депортации, в основном это 1944, 1946, 1948 и 1950-е гг. Но даже и эта малая толика документов весьма ценна. Многие документы содержат грифы «строго секретно», «секретно». Рассмотренные документы не дают ответ на вопрос о том, как проводилось распределение депортированных из Лаганского улуса Калмыцкой АССР жителей и какова была численность жителей, выселенных в Казахскую ССР и сибирские регионы. По данным, опубликованным в «Истории Калмыкии с древнейших времен до наших дней», ранее было известно, что в период ссылки калмыцкого народа по 16 областям Казахстана были расселены 2 042 калмыка [История Калмыкии 2009: 610]. Однако, судя по проанализированным в статье новым архивным документам, в январе 1944 г. по решению бюро Аральского районного КП(б)К и районного совета депутатов трудящихся было принято к размещению 745 семей для рыбной системы, в апреле 1944 г. в новой депеше секретарю обкома КП(б)К и начальнику Кызылординского УНКВД указано к принятию 1 200 человек, или 400 семей, «спецконтингента», после этого вновь было принято 2 200 рыбаков и членов их семей. Таким образом, вновь выявленные документы из Аральского районного архива Кызылординской области Республики Казахстан свидетельствуют о том, что численность прибывших только в Аральский регион калмыков была значительно больше, чем было известно исторической науке до выявления рассекреченных материалов из архивов Казахстана. Учрежден был даже специальный отдел — «спецпереселенцев и эвако-населения», возглавил который, судя по фамилии, калмык.

Дальнейшее тщательное изучение документов из Аральского районного архива прольет свет на жизнь в спецпоселении части калмыков Лаганского улуса.

Источники

АРА КО РК — Аральский районный архив Кызылординской области Республики Казахстан.

Литература

Арал 1990 — Арал: сегодня и завтра / сост. К. Ш. Диярова, Г. В. Гельдыева. Алма-Ата: Кайнар, 1990. 280 с.

Бакаев 1992 — *Бакаев П. Д.* Размышления о геноциде. Элиста: [б. и.], 1992. 115 с.

Бакаев 2003а — *Бакаев П. Д.*. О демографии трагедии // Политические репрессии в Калмыкии в 20–40-е годы XX в. Элиста: Джангар, 2003. С. 105–113.

Бакаев 2003б — *Бакаев П. Д.* О трагедии в истории калмыцкого народа. Элиста: АПП «Джангар», 2003. 176 с.

Бугай 1991 — *Бугай Н. Ф.* Операция «Улусы» (трагические страницы в истории Калмыкии конца 20-х – начала 50-х гг. XX в.). Элиста: Калм. кн. изд-во, 1991. 88 с.

Великая Отечественная 2001 — Великая Отечественная война: События, лица, история: сб. ст. Элиста: Джангар, 2001. 236 с.

Воронова, Кузьмина 2022 — *Воронова А. А., Кузьмина И. В.* К проблеме заселения Северного Прикаспия в XIX – начале XX в.: п. Лагань // Отечественная история. 2022. № 1(70). С. 9–15.

Воробьева 2021 — *Воробьева В. Н.* Безвозвратные потери военнослужащих Красной армии, призванных из Калмыцкой АССР, в период Великой Отечественной войны по данным 1 и 2-го томов Книги «Память. Санл»»: статистический анализ по месту службы и гибели // Монголоведение. 2021. Т. 13. № 4. С. 713–729. DOI: 10.22162/2500-1523-2021-4-713-729

Воробьева 2022 — *Воробьева В. Н.* Количественный анализ сводной базы данных, извлеченных из книг «Память. Санл»: время, место рождения и призыва // Монголоведение. 2022. Т. 14. № 4. С. 684–697. DOI: 10.22162/2500-1523-2022-4-684-697

Годаев 1999 — *Годаев П. О.* Боль памяти. Элиста: Джангар, 1999. 351 с.

Гунаев 2019а — *Гунаев Е. А.* Размежевание территорий с Астраханской областью и возвращение населения в период восстановление автономии Калмыкии в 1957–1958 гг.: административно-управленческий и гуманитарный аспекты // Oriental Studies. 2019. Т. 19. № 2. С. 207–219. DOI: 10.22162/2619-0990-2019-42-2-207-219

Гунаев 2019б — *Гунаев Е. А.* Административно-территориальные изменения и переименование населенных пунктов в Калмыкии в 1957–

Sources

Aral Regional Archive of the Kyzylorda region of the Republic of Kazakhstan.

1977 гг.: государственно-управленческий аспект // Монголоведение. 2019. Т. 11. № 4. С. 729–750. DOI: 10.22162/2500-1523-2019-4-729-750

Дорджиев 2000 — *Дорджиев В. П.* Дело всей жизни. Ставрополь: Ставроп. краев. тип., 2000. 155 с.

Дорджиева, Дорджиев 1997 — *Дорджиева Г. Ш., Дорджиев М. В.* Хотон Эндыр: прошлое, настоящее, будущее? Элиста: Джангар, 1997. 208 с.

Калмыкия в годы 2005 — Калмыкия в годы Великой Отечественной войны. Элиста: АПП «Джангар», 2005. 312 с.

История Калмыкии 2009 — История Калмыкии с древнейших времен до наших дней: в 3 тт. Т. 2. Элиста: Герел, 2009. 840 с.

Максимов 2003 — *Максимов К. Н.* Репрессивная политика Советского государства и депортация калмыков в 1943 г. // Политические репрессии в Калмыкии в 20–40-е годы XX в. Элиста: Джангар, 2003. С. 3–23.

Максимов 2010 — *Максимов К. Н.* Великая Отечественная война: Калмыкия и калмыки. Изд. 2-е, доп. М.: Наука, 2010. 406 с.

Максимов 2021 — *Максимов К. Н.* Труженики тыла Калмыкии — фронту. Элиста: РИА «Калмыкия», 2021. 255 с.

Манджиев 2020 — *Манджиев А. К.* Рыбная отрасль Калмыкии в 1926–1932 гг. // Oriental Studies. 2020. Т. 13. № 4. С. 902–915. DOI: 10.22162/2619-0990-2020-50-4-902-915

Мы — из высланных 2003 — Мы — из высланных навечно. Воспоминания депортированных калмыков (1843–1957 гг.). Элиста: Джангар, 2003. 464 с.

Национальная политика 2003 — Национальная политика Советского государства: репрессии против народов и проблемы их возрождения: мат-лы Междунар. науч. конф. (г. Элиста, 23–24 окт. 2003 г.). Элиста: КалмГУ, 2003. 257 с.

Оконов 2022 — *Оконов Б. А.* Деятельность Калмыцкой комсомольской организации накануне депортации и в период восстановления республики // Oriental Studies. 2022. Т. 15. № 4. С. 699–707. DOI: 10.22162/2619-0990-2022-62-4-699-707

Репрессированные народы 1992 — Репрессированные народы: история и современность: тез. докл. и сообщ. Всерос. науч.-практ. конф. (г. Элиста, 28–29 мая 1992 г.). Элиста: Джангар, 1992. 190 с.

Репрессированные народы 1993 — Репрессированные народы: упразднение их государственности и проблемы реабилитации: мат-лы Всерос. науч.-практ. конф. (г. Элиста, 26–27 декабря 1993 г.). Элиста: Джангар, 1993. 220 с.

Репрессированные народы 1994 — Репрессированные народы: история и современность: материалы II Всерос. науч. конф. (г. Карачаевск, 1–2 ноября 1993 г.). Карачаевск: КЧГПУ, 1994. 215 с.

Репрессированные народы 2013 — Репрессированные народы: история и современность: мат-лы Всерос. науч. конф. (г. Элиста, 26–28 ноября 2013 г.). Элиста: КИГИ РАН, 2013. Ч. 1. 292 с. Ч. II. 158 с.

Ссылка калмыков 1993 — Ссылка калмыков: как это было Сборник документов и материалов. Т. I. Кн. 1 / сост.: П. Д. Бакаев, Н. Ф. Бугай, Л. С. Бурчинова и др. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1993. 264 с.

Убушаев 1991 — *Убушаев В. Б.* Калмыки: выселение и возвращение. 1943–1957 гг. Элиста: Санан, 1991. 92 с.

Убушаев 2009 — *Убушаев В. Б.* Проблемы изучения депортации калмыцкого народа в отечественной историографии // Новый исторический вестник. 2009. № 4. С. 91–100.

Убушаев 2017 — *Убушаев В. Б.* Вклад тружеников Калмыкии в строительство железной дороги Астрахань – Кизляр (октябрь 1941 – август 1942 г.) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения 2017. Т. 22. С. 136–141. DOI: 10.15688/jvolsu4.2017.3.12

Убушаев, Убушаев 2007 — *Убушаев В. Б., Убушаев К. В.* Калмыки: выселение, возвращение, возрождение. 1943–1959 гг. Элиста: КалмГУ, 2007. 496 с.

Широклаг: Широкстрой 2000 — Широклаг: Широкстрой. Списки воинов-калмыков рядового и сержантского состава, отозванных с фронтов в 1944–1945 гг. Книга памяти. Т. 3. Кн. 1 / сост. А. Б. Баирова, Т. Ч. Бембеева, С. Э. Лиджи-Горяева, Р. В. Неяченко. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2000. 293 с.

References

Bairova A. B. et al. (comps.) Memorial Book of Kalmyk Deportation. Vol. 3. Book 1: Shiroklag. Shirokstroy. Name lists of Kalmyk soldiers and non-commissioned officers withdrawn from front line combat service in 1944–1945. Elista: Kalmykia Book Publ., 2000. 293 p. (In Russ.)

Bakaev P. D. About demography and the disaster. In: Political Repression in Kalmykia, 1920s–1940s. Elista: Dzhangar, 2003. Pp. 105–113. (In Russ.)

Bakaev P. D. Considerations of the Genocide. Elista, 1992. 115 p. (In Russ.)

Bakaev P. D. More on the Disaster of Kalmyk History. Elista: Dzhangar, 2003. 176 p. (In Russ.)

Bakaev P. D., Bugay N. F., Burchinova L. S. et al. (comps.) Kalmyk Deportation: How It Was. Collected documents and materials. Vol. 1. Book 1. Elista: Kalmykia Book Publ., 1993. 264 p. (In Russ.)

Bugay N. F. Operation Ulusy. Elista: Kalmykia Book Publ., 1991. 88 p. (In Russ.)

Diyarova K. Sh., Geldyeva G. V. (comps.) The Aral Region: Today and Tomorrow. Alma-Ata: Qainar, 1990. 280 p. (In Russ.)

Dordzhiev V. P. The Life-Long Cause. Stavropol: Stavropol Krai Press, 2000. 155 p. (In Russ.)

Dordzhieva G. Sh., Dordzhiev M. V. The Village of Endyr: Past, Present, Future? Elista: Dzhangar, 1997. 208 p. (In Russ.)

Godaev P. O. (comp., ed.) We Are the Forever Deported: Memoirs of Repressed Kalmyks, 1943–1957. Elista: Dzhangar, 2003. 464 p. (In Russ.)

Godaev P. O. The Pain of Memory. Elista: Dzhangar, 1999. 351 p. (In Russ.)

Gunaev E. A. Administrative-territorial changes and renaming of Kalmykia's rural settlements in 1957–1977: The aspect of governance and management. *Mongolian Studies (Elista)*. 2019. Vol. 11. No. 4. Pp. 729–750. (In Russ.) DOI: 10.22162/2500-1523-2019-4-729-750

Gunaev E. A. The 1957–1958 reestablishment of Kalmykia's autonomy: Division of territories with Astrakhan Oblast and return of the native population. Administrative and humanitarian aspects. *Oriental Studies*. 2019. Vol. 12. No. 2. Pp. 207–219. (In Russ.) DOI: 10.22162/2619-0990-2019-42-2-207-219

Maksimov K. N. et al. (eds.) Kalmykia during the Great Patriotic War. Elista: Dzhangar, 2005. 312 p. (In Russ.)

Maksimov K. N. Laborers of Kalmykia to Frontline Units. Elista: RIA Kalmykia, 2021. 255 p. (In Russ.)

Maksimov K. N. Soviet repressive policies and the 1943 deportation of Kalmyks. In: Political Repression in Kalmykia, 1920s–1940s. Elista: Dzhangar, 2003. Pp. 3–23. (In Russ.)

Maksimov K. N. The Great Patriotic War: Kalmykia and Kalmyks. Second edition, suppl. Moscow: Nauka, 2010. 406 p. (In Russ.)

Maksimov K. N., Ochirova N. G. (eds.) History of Kalmykia: From Earliest Times to Present Days. In 3 vols. T. 2. Elista: Gerel, 2009. Vol. 2. 840 p. (In Russ.)

Mandzhiev A. K. Fishing industry of Kalmykia: 1926–1932. Oriental Studies. 2020. Vol. 13. No. 4. Pp. 902–915. (In Russ.) DOI: 10.22162/2619-0990-2020-50-4-902-915

Ochirova N. G., Salaev B. K. et al. (eds.) Repressed Peoples: Past and Present. Conference proceedings (Elista, 26–28 November 2013). Elista: Kalmyk Humanities Research Institute (RAS), 2013. Pt. 1, 292 p. Pt. 2, 158 p. (In Russ.)

Okonov B. A. Komsomol Organization of Kalmykia: Pre-deportation and restoration period efforts analyzed. *Oriental Studies*. 2022. Vol. 15. No. 4. Pp. 699–707. (In Russ.) DOI: 10.22162/2619-0990-2022-62-4-699-707

Repressed Peoples: Past and Present. Conference abstracts (Karachaevsk, 1–2 November 1993). Karachayevsk: Karachay Cherkess State Pedagogical University, 1994. 215 p. (In Russ.)

The Great Patriotic War: Events, Personalities, Chronicles. Collected papers. Elista: Dzhangar, 2001. 236 p. (In Russ.)

Ubushaev V. B. (ed.) Repressed Peoples: Abolished Autonomies and Issues of Rehabilitation. Conference proceedings (Elista, 26–27 December 1993). Elista: Dzhangar, 1993. 220 p. (In Russ.)

Ubushaev V. B. (ed.) Soviet Nationalities Policy: Ethnic Repressions and Revivals. Conference proceedings (Elista, 23–24 October 2003). Elista: Gorodovikov Kalmyk State University, 2003. 257 p. (In Russ.)

Ubushaev V. B. et al. (eds.) Repressed Peoples: Past and Present. Conference abstracts (Elista, 28–29 May 1992). Elista: Dzhangar, 1992. 190 p. (In Russ.)

Ubushaev V. B. Kalmyks: Exile and Return, 1943–1957. Elista: Sanan, 1991. 92 p. (In Russ.)

Ubushaev V. B. Problems of studying the Kalmyk people's deportation by the Russian historiography. *The New Research of Tuva*. 2009. No. 4. Pp. 91–100. (In Russ.)

Ubushaev V. B. The contribution of the workers of Kalmykia to the construction of the railway Astrakhan – Kizlyar (October 1941 – August 1942). *Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations*. 2017. Vol. 22. No. 3. Pp. 136–141. (In Russ.) DOI: 10.15688/jvolsu4.2017.3.12

Ubushaev V. B., Ubushaev K. V. Kalmyks: Exile, Return, Revival, 1943–1959. Elista: Gorodovikov Kalmyk State University, 2007. 496 p. (In Russ.)

Voronova A. A., Kuzmina I. V. On the problem of settling the Northern Caspian region in the 19th – beginning of 20th centuries: Lagan village. *The Caspian Region: Politics, Economics, Culture*. 2022. No. 1(70). Pp. 9–15. (In Russ.)

Published in the Russian Federation
Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
Has been issued as a journal since 2008
ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
Vol. 16, Is. 5, Pp. 1152–1166, 2023
Journal homepage: https://kigiran.elpub.ru

CC BY NC ND

УДК / UDC 322
DOI: 10.22162/2619-0990-2023-69-5-1152-1166

Влияние изменения вектора государственно-конфессиональной политики СССР на положение религиозных общин в Туве в конце 1940-х – начале 1950-х гг.

Петр Константинович Дашковский[1], *Айлаана Витальевна Монгуш*[2, 3]

[1] Алтайский государственный университет (д. 61, пр. Ленина, 656049 Барнаул, Российская Федерация)
доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой, заведующий лабораторией
0000-0002-4933-8809. E- mail: dashkovskiy[at]fpn.asu.ru

[2] Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва (д. 4, ул. Кочетова, 667000 Кызыл, Российская Федерация)
научный сотрудник

[3] Алтайский государственный университет (д. 61, пр. Ленина, 656049 Барнаул, Российская Федерация)
лаборант
0000-0002-3164-1463. E-mail: aylaana.vitalyevna[at]mail.ru

© КалмНЦ РАН, 2023
© Дашковский П. К., Монгуш А. В., 2023

Аннотация. *Введение.* Наметившийся с 1943 г. поворот государства в сторону относительной либерализации религиозной жизни и смягчения позиции в отношении свободы вероисповедания к концу 1940-х гг. сменился новой тенденцией в конфессиональной политике. Новый вектор был связан с усилением государственного контроля за деятельностью религиозных общин и введением сдерживающих механизмов, которые были направлены на снижение религиозности населения, на ограничение возможности получения официальной регистрации, на усиление налогообложения священнослужителей, на активизацию атеистической работы и т. д. *Цель* статьи — исследование положения религиозных общин в Туве в контексте государственно-конфессиональной политики СССР в конце 1940-х – начале 1950-х гг. *Материалы и методы.* Источниковой базой исследования послужили документы из фонда Государственного архива Российской Федерации. Исследование проводилось с помощью ретроспективного, сравнительно-исторического и проблемно-хронологического методов. *Результаты.* С конца 1940-х гг. религиозным общинам Тувы пришлось находиться под жестким контролем с принятием по отношению к ним ограничительных мер. Установлено, что специфика в связи с послевоенной государственно-конфессиональной политикой СССР в Тувинской автономной

области состоит в том, что на протяжении всего рассматриваемого периода не православным религиозным направлениям пришлось существовать в нелегальном положении и вести незаконную деятельность, независимо от ее смягчения или ужесточения. Местные органы власти и уполномоченный Совета по делам религиозных культов при Совете министров СССР в регионе под разными причинами не способствовали их юридическому оформлению. В конце 1940-х – начале 1950-х гг. в связи с усилением ограничительных мер, а именно тяжелого налогообложения, подрываются прежние масштабы активной деятельности буддийской общины. Кроме того, в области евангельским христианам-баптистам не удалось открыть ранее закрытый их молитвенный дом в г. Кызыле, а старообрядцы белокриницкого согласия аналогично не смогли решить вопрос с молитвенным зданием в пос. Медведевке в Каа-Хемском районе Тувинской автономной области.

Ключевые слова: СССР, государственно-конфессиональная политика, Тувинская автономная область, религиозные общины, буддизм, православие, протестантизм, старообрядчество

Благодарность. Статья подготовлена при финансовой поддержке РНФ в рамках проекта «Влияние имперской политики аккультурации и советской модели государственно-конфессиональных отношений на положение религиозных общин в приграничных регионах и национальных автономиях азиатской части России» (№ 23-18-00117, https://rscf.ru/project/23-18-00117/).

Для цитирования: Дашковский П. К., Монгуш А. В. Влияние изменения вектора государственно-конфессиональной политики СССР на положение религиозных общин в Туве в конце 1940-х – начале 1950-х гг. // Oriental Studies. 2023. Т. 16. № 5. С. 1152–1166. DOI: 10.22162/2619-0990-2023-69-5-1152-1166

Tuva's Religious Communities and the Change in Official Soviet Religious Policy: Late 1940s – Early 1950s

Petr K. Dashkovskiy[1], *Aylaana V. Mongush*[2, 3]

[1] Altai State University (61, Lenin Ave., 656049 Barnaul, Russian Federation)
Dr. Sc. (History), Professor, Head of Department, Head of Laboratory
0000-0002-4933-8809. E- mail: dashkovskiy[at]fpn.asu.ru

[2] Tuvan Institute for Humanities and Applied Socioeconomic Research (4, Kochetov St., 667000 Kyzyl, Russian Federation)
Research Associate

[3] Altai State University (61, Lenin Ave., 656049 Barnaul, Russian Federation)
MA Student, Laboratory Assistant
0000-0002-3164-1463. E-mail: aylaana.vitalyevna[at]mail.ru

© KalmSC RAS, 2023
© Dashkovskiy P. K., Mongush A. V., 2023

Abstract. *Introduction*. The government's turn toward relative liberalization of religious life and somewhat moderated positions on religious freedom witnessed since 1943 were replaced by a new trend in the late 1940s. The new vector implied an increased state control over activities of religious communities, and would introduce a variety of deterrent mechanisms aimed at reducing religiosity, limiting possibilities for official registration, increasing taxation of clergy, intensifying atheistic propaganda, etc. *Goals*. The article attempts an insight into the situation resulting from the Soviet religious policy of the late 1940s / early 1950s — and faced by Tuva's religious communities. *Materials and methods*. The study focuses on documents housed at the State Archive of Russia. The employed research methods include the retrospective, comparative historical, and chronological ones. *Results*. Since the late 1940s, religious communities of Tuva came under strict control and limitations. The paper reveals the actual Soviet post-war religious policy in Tuvan Autonomous Oblast was specifically characterized by that only Russian Orthodox Christians would enjoy somewhat relatively official status and activities, while other faiths and their groups remained as illegal regardless of

the central government's proclaimed agenda and changing sentiments. Local authorities and the Commissioner of the Soviet Council for Religious Cults in the region would turn to various excuses to avoid any legal registration of such communities. In the late 1940s and early 1950s, the intensified restrictive measures (heavy taxation) finally undermined the once intensive activities of Buddhists. Furthermore, Evangelical Baptist Christians failed to reopen their prayer house in Kyzyl, while Old Believers of Belokrinitskaya Hierarchy never resolved the issue of a prayer building in Medvedevka (Kaa-Khemsky District).

Keywords: USSR, official religious policy, Tuvan Autonomous Oblast, religious communities, Buddhism, Eastern Orthodox Christianity, Protestantism, Old Believers

Acknowledgments. The reported study was funded by Russian Science Foundation, grant no. 23-18-00117 'Impacts of the Russian Empire's Acculturation Policies and the Soviet Government-Church Relations Agenda on Religious Communities in Border Regions and Ethnic Autonomies of Asiatic Russia'.

For citation: Dashkovskiy P. K., Mongush A. V. Tuva's Religious Communities and the Change in Official Soviet Religious Policy: Late 1940s – Early 1950s. *Oriental Studies*. 2023; 16(5): 1152–1166. DOI: 10.22162/2619-0990-2023-69-5-1152-1166

1. Введение

В современной исторической науке особое внимание уделяется советскому периоду истории. Значительный интерес у исследователей вызывает период социально-экономических преобразований, проходивших в стране после окончания Великой Отечественной войны. Среди актуальных научных тем важное место занимает проблематика, связанная с историей государственно-конфессиональных отношений, которые на протяжении советского периода претерпевали определенные изменения: от воинствующего атеизма и репрессий к государственному контролю и научному обоснованию картины мира с последующим провозглашением принципов свободы совести накануне распада Советского Союза. При этом именно Великая Отечественная война послужила во многом поворотным пунктом в формировании новой тенденции в развитии государственно-конфессиональных отношений в СССР, связанной с формированием принципов определенного диалога и взаимодействия религиозных объединений и институтов государственной власти. В 1943–1945 гг. в стране был пересмотрен ее курс и принят ряд постановлений СНК СССР, касающихся различных сторон религиозной жизни, как, например, «О порядке открытия церквей» (ноябрь 1943 г.), «О порядке открытия молитвенных зданий религиозных культов» (ноябрь 1944 г.), «О православных церквах и молитвенных домах» (декабрь 1944 г.), «По вопросам, относящимся к православным церквам и монастырям» (август 1945 г.), «О предоставлении религиозным общинам права юридического лица в части аренды, строительства и покупки в собственность домов, строений, транспорта и утвари» (август 1945 г.) и др. [Горбатов 2008: 115; Дашковский, Зиберт 2020: 65]. Позитивные изменения в государственно-конфессиональных отношениях связаны с патриотической позицией Русской православной церкви и других религиозных объединений страны в период Великой Отечественной войны. Религиозные общины, в том числе на оккупированных территориях, не только молились о победе Красной армии над немецко-фашистскими войсками, но и сами активно помогали сбором средств, содействием партизанским формированиям. Кроме того, лидеры религиозных общин призывали население страны помогать фронту, тылу, партизанским отрядам, раненным на войне, сиротам и семьям погибших солдат [Горбатов 2008; Синицын 2013; Одинцов, Кочетова 2014; Колесов].

Религиозную политику СССР и результаты ее влияния на религиозные общины в стране в целом и отдельно по регионам рассматривали различные специалисты [Шкаровский 2009; Одинцов, Кочетова 2014; Со-

сковец 2003; Горбатов 2008; Дашковский, Зиберт 2020; и др.]. При этом положение религиозных общин в Туве в контексте развития советской государственно-конфессиональной политики остается одной из наименее изученных научных проблем, хотя отдельные аспекты этой темы затрагивались некоторыми исследователями — О. М. Хомушку [Хомушку 1988], М. В. Монгуш [Монгуш 2001], У. П. Опей-оол [Опей-оол 2007]. В то же время многие аспекты правового, социально-экономического положения конфессий и особенности государственного регулирования религиозных процессов в регионе остаются неизученными. Целью настоящей статьи является освещение результатов исследования положения религиозных общин в Туве в контексте государственно-конфессиональной политики СССР в конце 1940-х – начале 1950-х гг.

2. Материалы и методы

Источниковую базу исследования составили нормативно-правовые документы рассматриваемого периода и архивные материалы из фонда «Совет по делам религий при Совете Министров СССР» Государственного архива Российской Федерации. Важно отметить, что многие архивные материалы вводятся впервые в научный оборот.

Применение принципов историзма и системности позволило установить особенности взаимоотношений религиозных общин Тувы и региональных и центральных органов государственной власти. Руководствуясь принципом объективности, удалось представить взвешенный подход для характеристики становления институтов советской государственно-конфессиональной системы после войны.

3. Формирование новых принципов государственно-конфессиональных отношений в СССР в середине 1940-х гг.

В послевоенное время на мировой арене СССР демонстрировал свое лояльное отношение к религии для решения своих политических нужд. Во всяком случае внутри государства прекратились открытые преследования верующих и репрессии в отношении священнослужителей, что наблюдалось в 1930-е гг. Исторически традиционной религией России являлось православие и, безусловно, на тот момент советскому руководству пришлось учитывать мнение ее многочисленных последователей, несмотря на его недавний опыт их притеснения и репрессий наряду с другими верующими. Конфессиональные образования СССР исторически имели связи с зарубежными странами, в том числе у некоторых из них находились единые заграничные духовные центры [Синицын 2013: 74]. Советское государство, как известно, активно использовало религиозные организации в своей внутренней и внешней политике. В условиях военного времени религиозные общины выражали патриотическую позицию, а советские чиновники, учитывая состояние международных отношений, понимали возможность использования их, например, внутри страны для военной и трудовой мобилизации народов Советского Союза [Синицын 2012]. Кроме того, существовал ряд причин, способствовавших новому курсу во внешней политике, часть из которых, связанных с религией, рассматривается в данной работе. Еще в период Великой Отечественной войны на захваченных немецкими войсками землях оказалось, что православных церквей действует в несколько раз больше, чем на подвластных СССР территориях. Фашисты на оккупированных территориях открывали приходы и от настоятелей православных церквей требовали во время службы «выражать лояльность к Гитлеру и Третьему рейху, одновременно с этим проводя специальные молебны за победу германской армии и «спасение родины» от большевиков» [Дашковский, Зиберт 2020: 64]. Безусловно, в этих регионах требовалась нейтрализация влияния фашистской пропаганды [Шкаровский 2009: 10]. Советский Союз стремился обеспечить Русскую православную церковь правами управления над русскими заграничными православными приходами, поддержать христианские общины в восточно-европейских странах с демократическим режимом, утвердить первенство православного религиозного института над католической во всем христианском мире [Синицын 2012; Дашковский, Зиберт 2020: 67; Шкаровский 2009: 1]. Следует отметить, что Московская Патриархия рассматривалась партийными и государственными деятелями как инструмент привлечения внимания мировой общественности к инициативам СССР и в целом приобретения союзников в процессе

противостояния социалистической политики капиталистической [Шкваровский 2009: 1, 3]. В этой связи руководство страны во главе с И. В. Сталиным решило отказаться от конфронтации с церковью, наметился определенный диалог после гонений и репрессивных мер в отношении верующих и духовенства в предшествующий период. В рамках изменения курса государственно-конфессиональной политики достаточно оперативно был восстановлен институт патриаршества в Русской Православной Церкви, а также разработана программа официального возрождения религиозной жизни в СССР [Горбатов 2008: 115; Синицын 2013: 75]. При Совете Народных Комиссаров (15 марта 1946 г. преобразован в Совет министров) СССР (далее — СНК СССР, СМ СССР) в начале в 1943 г. был создан Совет по делам русской православной церкви, а затем в 1944 г. Совет по делам религиозных культов. Их задача состояла в осуществлении связи между советскими и религиозными организациями, а также на первых порах в выполнении одной из важных функций их учреждения – содействие духовенству в восстановлении религиозных институтов [Горбатов 2008; Одинцов, Чумаченко 2013; Синицын 2012]. Перемены в государственно-конфессиональной политике коснулись и других религиозных учреждений страны, которые еще в период Великой Отечественной войны получили разрешение и начали создавать свои организационные структуры в военные и послевоенные годы. Так, в годы Великой Отечественной войны были образованы Духовное управление мусульман Европейской части СССР и Сибири в Уфе, Духовное управление мусульман Северного Кавказа в Буйнакске, Духовное управление мусульман Закавказья в Баку, Духовное управление мусульман Средней Азии и Казахстана в Ташкенте [Раджабов 2019: 357–363]. Новые организационные структуры возникли и у некоторых протестантских деноминаций, в частности в 1944 г. был образован Всесоюзный совет евангельских христиан и баптистов, а также Центральное духовное управление буддистов СССР (далее — ЦДУБ) [Белякова 2019: 419–429; Терентьев 2014: 145]. Разрешаемая религиозным организациям деятельность в стране была под контролем и встречала множество противоречивых, ограничительных мер со стороны государства. Принятые «дружественные» меры государства по отношению ко всем конфессиям способствовали в определенной степени возрождению религиозности в стране. Верующие в разных регионах начали свои действия по реализации своего конституционного права совместно исповедовать религию, подавали ходатайства на открытие и строительство религиозных культовых зданий, регистрацию религиозных общин [Конституция СССР 1936: 309].

Однако наметившийся с 1943 г. поворот государства в сторону относительной либерализации религиозной жизни и смягчения позиции в отношении свободы вероисповедания к концу 1940-х гг. сменился новой тенденцией в конфессиональной политике. Новый вектор был связан с усилением государственного контроля за деятельностью религиозных общин и введение сдерживающих механизмов, которые были направлены на снижение религиозности населения, ограничение возможности получения официальной регистрации, усиление налогообложения священнослужителей, активизацию атеистической работы и т. д.

4. Усиление государственного контроля за религиозными общинами в конце 1940-х – начале 1950-х гг.

Со второй половины 1948 г. в СССР стал меняться курс религиозной политики как одно из следствий противостояния в мире социалистической и капиталистической идеологий [Горбатов 2008; Шкаровский 2009: 2]. С началом «холодной войны» религия перестала рассматриваться как фактор по укреплению имиджа СССР во внешнеполитических отношениях. Конструктивный диалог государства, установленный с Русской православной церковью и другими религиозными организациями в середине 1940-х гг., стал сменяться охлаждением позиции советской власти в области свободы совести. В результате происходит корректировка принципов государственно-конфессиональной политики, ранее проводимой в СССР в 1943–1947 гг. Это выразилось и в корректировке деятельности Совета по делам русской православной церкви и Совета по делам религиозных культов при СМ СССР в сторону отказа от их посреднических и координирующих функций и под-

чинения конфессий в интересах партии и социалистического строительства в рамках существующего жесткого идеологического противостояния между научным атеизмом и религиозным мировоззрением. Еще в апреле 1948 г. Совет по делам религиозных культов при СМ СССР направил в регионы своим уполномоченным инструкцию, где было предписано прекратить регистрацию религиозных общин, возникших до его создания. Как следствие, в регионах все чаще стали отклоняться ходатайства религиозных общин [Дашковский, Зиберт 2020: 72]. Сложившуюся в стране новую конфессиональную ситуацию достаточно хорошо оценил А. В. Горбатов, который отметил, что «тонко чувствующая настроения, превалирующая на „Старой площади“ часть партийно-советской номенклатуры на местах посчитала, что теперь „руки развязаны“ и можно приступать к старым и проверенным методам работы с религиозными организациями» [Горбатов 2008: 145–146].

В Тувинской автономной области в период с 1949 г. по 1953 г. и без того ранее строгие принципы государственно-конфессиональных отношений ужесточаются по отношению ко всем религиозным общинам, в том числе и к православным. Первые шаги Тувы по пути развития СССР были сделаны еще в период Тувинской Народной Республики. В последующем после ее интеграции в советское социокультурное и правовое пространство с полным установлением институтов власти и идеологии перед тувинским руководством встали неотложные задачи во всех сферах жизни общества, особенно, в развитии экономики, культуры, образования и медицины. Имевшиеся малочисленные кадры не могли в полной мере удовлетворить быстро возраставшие потребности молодой советской области в специалистах по всем направлениям. В условиях ускорения трансформации тувинского общества можно констатировать, что решение религиозных вопросов могло быть чем-то обременительным, поскольку важнее был процесс полного перевода тувинцев с мест кочевий в стационарные населенные пункты, развитие народного хозяйства и выполнение пятилетних планов. В период коллективизации личных хозяйств, развития колхозного движения не выгодно было бы терять часть производительных сил, привер-женных к различным конфессиям. Не представлялось целесообразным в сложившихся к концу 1940-х – началу 1950-х гг. условиях допущение официальной регистрации и деятельности религиозных общин, которые бы отвлекали трудовые массы от общей цели подъема края и были бы помехой в ее социалистическом пути развития наряду с другими советскими регионами.

В марте 1950 г. по-прежнему не был назначен уполномоченный Совета по делам Русской православной церкви при СМ СССР по Тувинской автономной области. В этой связи Совет по делам Русской православной церкви при СМ СССР просил Тувоблисполком возложить по совместительству обязанность наблюдения за выполнением законодательства, относящегося к Русской православной церкви, на работника указанного регионального органа власти из-за неосведомленности о положении и деятельности православных общин в области [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 616. Л. 1]. Проблема с назначением уполномоченного указанного Совета оставалась нерешенной и в 1952 г. [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 588. Л. 1].

Следует отметить, что ранее служители Иннокентьевской и Троицкой церквей после получения официального разрешения на ведение деятельности свободно перемещались по территории области, поскольку населенные пункты с православными верующими находились дисперсно по районам. В этой связи им приходилось по приглашению верующих обслуживать их и проводить требы на дому. Пожертвования на строительство Кызылской церкви собирались и с помощью разъездов по кожунам. Однако с 1949 г. происходит ограничение подобных поездок и деятельности религиозных деятелей со стороны региональных властей. Маршрут поездки служителя культов рассматривался и проверялся в каждом отдельном случае, а свою деятельность они могли осуществлять только в зарегистрированных общинах, которые они обслуживали [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 616. Л. 3; ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 587. Л. 4]. При этом православные церкви стабильно сохраняли количество своих прихожан и даже понемногу увеличивали число верующих. Так, например, в первом полугодии 1950 г. в Туранской церкви количество верующих доходило до 230 чело-

век, а случаев крещений новорожденных — около 20. В Кызылской церкви прихожан насчитывалось 227 человек, случаев крещения детей — 39 [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 587. Л. 14]. Наблюдалось также значительное снижение показателей обрядов крещения, что можно объяснить действием ограничительных мер и высокой на первых порах религиозной потребностью в них у православных родителей. Если с мая 1948 г. по июль 1949 г. крестили 224 ребенка, то в 1950 г. —всего 39 детей [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 587. Л. 14; ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 616. Л. 3].

В 1950 г. православные верующие из с. Бай-Хаак Тандынского кожуна подавали в облисполком заявление об открытии молельного дома для 13 человек. Однако просьбу религиозной группы не удовлетворили из-за того, что строение не соответствовало противопожарным требованиям, техническому и санитарному состоянию [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 587. Л. 14–15]. После получения отказа они прекратили ходатайствовать. Аналогичные отказы верующие получали и в других регионах Сибири. Так, например, годом ранее заявления на регистрацию общин отклонены в Горно-Алтайске и Бийске, Кытмановском, Змеиногорском, Топчихинском, Поспелихинском районах Алтайского края [Дашковский, Зиберт 2020: 73]. Активная деятельность в области священника Андрея Чуликова рассматривалась тувинским руководством как источник возникновения религиозных настроений православных верующих и создания официальных объединений. Уполномоченный по Тувинской автономной области Б. Тагба в Совет по делам религиозных культов при СМ СССР докладывал, что выезд православного священника в незарегистрированные общины специально рассматривался и строго контролировался властями [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 587. Л. 15]. В конце информационного отчета за первое полугодие 1953 г. Б. Тагба в Совет по делам религиозных культов при СМ СССР просил вызвать его в Москву с целью получения консультации, касающейся дальнейшего руководства над зарегистрированными православными обществами области [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 588. Л. 15–16].

Следует отметить, что с момента «охлаждения» государственно-конфессиональных отношений в информационных отчетах Тувинской автономной области отмечается, что религиозные общины до 1949 г. имели влияние на население, особенно буддийского духовенства в западных районах Тувы. По другим данным, ламы вели активную деятельность с 1947 г. по 1950 г. [Опей-оол 2007: 72]. Ограничительные меры со стороны местной власти стали вводиться после непродолжительного периода относительно лояльного отношения к религии в середине 1940-х гг. 13 августа 1948 г. настоятель молитвенной юрты Кандан-Тишкин Амыртаа Хомушку поставил перед уполномоченным Совета по делам религиозных культов при СМ СССР по Туве С. Намчак ряд вопросов о положении буддистов. Например, один из таких острых вопросов был связан со случаями, когда сельсоветы заставляли верующих отбирать обратно у лам пожертвованный ими скот. Амыртаа Хомушку также спрашивал о возможности объединить с Чаданской молитвенной юртой Аксы-Барлыкскую молитвенную юрту, поскольку в последней не было лам. Он также подчеркивал, что неправомерно работникам в районах нарушать конституционные права верующих. Амыртаа Хомушку, отвечая на запрос уполномоченного С. Намчак, указывал, что у них имеется 59 голов скота [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 587. Л. 5–6]. Вместе с тем в области разворачивалась атеистическая пропаганда, одним из проявлений которой являлась публикация в местных газетах статей о борьбе с ламством [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 587. Л. 5]. Уже в декабре 1948 г. председатель ЦДУБ Бандидо Хамбо-лама Дармаев отправил письмо на имя Дид Хамбо-ламы Хомушку с указанием, что пожертвованный населением домашний скот в количестве 69 голов ламы сдали колхозу имени Сталина Хайыраканского сельсовета Дзун-Хемчикского кожуна [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 587. Л. 3, 8]. Количество верующих молитвенной юрты до начала 1949 г. оставалось без изменений и составляло около 200 человек, а постоянных лам было 33 человека. По сообщению С. Намчак, в области «ламы бродили по юртам, занимались знахарством, брали скот и имущество от населения» [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 587. Л. 2].

В июле 1949 г. заместитель молитвенной юрты, находящейся в близи г. Чадана, Чам-

дылай Тюлюш в своей справочной информации для местных властей писал, что количество лам в молитвенных юртах Дзун-Хемчикского и Барун-Хемчикского районов сокращается из-за непосильного обложения их налогами и другими повинностями. Некоторые из уходящих лам заявляли о намерении заниматься сельским хозяйством, поскольку не могли платить налоги, находясь в молитвенной юрте [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 587. Л. 7]. Буддисты приобрели и поставили на новом месте избушку, но местный райисполком отобрал ее, мотивируя это тем, что они ранее ее приобрели. Обращение по этому поводу в суд и прокуратуру не дал им никаких результатов, поэтому они не смогли вернуть купленную избушку [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 587. Л. 8].

Уполномоченный Совета по делам религиозных культов при СМ СССР по Туве по итогам за 1949 г. декларировал, что в области в последнее время в связи с организацией колхозов, перехода кочевого населения на оседлый образ жизни и политической активности населения региона, буддийские духовные лица всякими причинами старались оставить свои молитвенные юрты. Вместе с тем он констатировал снижение количества постоянных верующих. Так, например, из ранее посещавших в 1949 г. 200 человек осталось около 55, в том числе 25 женщин. Из 33 лам вышли из состава молитвенной юрты 10 лам. Причины выхода лам из молитвенной юрты буддийское духовенство объясняло непосильным налогообложением и другими повинностями, которые были больше, чем в отношении других категорий населения [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 587. Л. 2–3, 15–16]. На неоднократный вопрос уполномоченного о том, как поступить с незаконно существующей буддийской общиной, Совет по делам религиозных культов при СМ СССР в марте 1950 г. рекомендовал продолжить ее изучение, а в июле этого же года дал рекомендацию о роспуске общины [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 587. Л. 10, 17]. Кроме того, было предложено воздействовать на лам, занимающихся культовой практикой, с помощью экономических мер путем налогооблажения [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 587. Л. 17]. Уполномоченному Совета по делам религиозных культов при СМ СССР по Туве была также дана рекомендация, чтобы в своей практической работе по вопросам религиозных общин он контактировал с верующими, а не служителями культа, которые действуют «искусственно в своих личных корыстных целях» [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 587. Л. 10]. В 1950 г. Дид Хамбо-лама по Тувинской автономной области отправлял заявление Амыртаа Хомушку в Бурят-Монгольскую АССР, чтобы ЦДУБ дало разъяснение по ряду вопросов, в том числе о снятии обременительных взносов в целом и в частности об уплате взноса, сданного в колхоз по их указанию. Его также интересовал созыв второго всебуддийского съезда лам [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 587. Л. 13–14]. Буддийская община Аксы-Барлыка Барун-Хемчикского района слилась с буддистами местности Кызыл-Чыраа Дзун-Хемчикского кожуна [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 587. Л. 21]. В информационных отчетах государственные служащие увязывали ухудшение положения лам с уменьшением количества верующих и соответственно получаемого от них дохода, отмечая, что они сами покидают юрты и занимаются сельским хозяйством [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 587. Л. 15]. В то же время в молитвенной юрте, по официальным данным за первое полугодие 1951 г., количество верующих посетителей дошло до 131 человека. При этом ее деятельность уже охватывала 7 районов, включая ранее не указанные Чаа-Хольский и Тандынский кожуны. Если в конце 1950 г. было 17 лам, то в 1951 г. их стало уже 44 [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 587. Л. 27–28].

Глава ЦДУБ Бандидо Хамбо-лама Дармаев усиленно добивался регистрации буддийской общины и ее служителей, чтобы она функционировала в Тувинской автономной области на законном основании. Он дважды приезжал с таким предложением в область. Однако его ходатайство в Тувинский облисполком было отклонено [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 588. Л. 4–5]. В декабре 1950 г. в органы советской власти в Туве от него также поступало письмо с просьбой об официальной регистрации единственной в области молитвенной юрты и ее общины, верующие которой настоятельно просили ЦДУБ об этом [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 587. Л. 23]. В 1951 г. буддисты Тувинской автономной области повторно ходатайствовали об открытии молитвенной юрты в местности Кызыл-Чыраа в количестве 131 верующих и 27 лам (количество лам, име-

ющих связь с молитвенной юртой в целом составляло 44 человека), вновь присоединившихся и принятых в общину. Кроме того, от верующих-буддистов начали поступать просьбы о разрешении возвести храм в местности Адар-Тош, который тоже находится недалеко от г. Чадана [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 587. Л. 28–29]. Примечательно, что до строительства храма они просили проводить религиозные действия в простой юрте там же в Адар-Тоше [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 587. Л. 29]. Подача верующими заявления повторялась, поскольку территорию Кызыл-Чыраа, где располагалась молитвенная юрта, тувинские чиновники отвели под строительство Госконюшни. Мотив отказа общине на выделение земли в местности Адар-Тош чиновники сводили к тому, что она не относится к территории Госфонда. Решение буддийского духовенства перенести молитвенную юрту в местность Бора-Хол тоже не удалось воплотить в реальность, поскольку данная территория оказалась колхозной и вместо него им было предложено перенести хурээ на окраину г. Чадана [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 587. Л. 33]. В 1951 г. Совет по делам религиозных культов при СМ СССР своему уполномоченному по Тувинской автономной области Г. Михайлову писал, что в ближайшее время намечается рассмотрение вопроса о возможности регистрации одной буддийской религиозной общины, но вновь спрашивал мнение руководящих областных организаций об этом [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 587. Л. 43].

В 1953 г. уполномоченный Совета по делам религиозных культов при СМ СССР по Тувинской автономной области Б. Тагба подчеркивал, что при существенной материальной поддержке СССР завершается коллективизация единоличных хозяйств на 91,3 %. В связи с занятостью трудового населения в колхозах формально отмечалось значительное сокращение количества верующих и уменьшение влияния буддизма как доминирующей религии в регионе. В пример чиновник приводил следующие цифры: в 1952 г. было 27 лам в молитвенной юрте и 89 верующих, в 1953 г. — 20 лам и 50 последователей буддизма. Эти показатели, по его мнению, свидетельствовали о том, что часть верующих и лам покидала молитвенную юрту и начинала трудовую деятельность [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 588. Л. 14–15]. 15 марта 1953 г. заместитель Дид Хамбо-ламы Чамдылай Тюлюш в связи с отказами в регистрации буддийской общины из-за отсутствия культового здания обращался с просьбой об отпуске лесоматериала. Однако в просьбе было отказано ввиду отсутствия свободных лесосечных фондов деловой древесины [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 588. Л. 8].

В 1953 г. Совет по делам религиозных культов при СМ СССР запрашивал мнение руководящих областных организаций о целесообразности регистрации буддийского общества в области, отмечая его давность существования. При этом региональным органам власти рекомендовалось не применять административных мер в отношении верующих и буддийского духовенства, чтобы не вызывать неприятие к советской власти [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 588. Л. 9]. Кроме этого, указанный орган власти в этом же документе давал указание продолжить детальное изучение состояния религиозности в населенных пунктах, при том в сравнительном аспекте. Результаты исследования необходимо было, предварительно сопоставив с данными о проведенных в этих местах культурно-просветительских мероприятий, сообщить в областной комитет партии и исполком для усиления в них атеистической работы. Подробному изучению подлежали буддийские и другие религиозные направления [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 588. Л. 9].

Важно обратить внимание на то, что в период усиления контроля со стороны органов власти за религиозными объединениями в стране и области свою деятельность активизировали евангельские христиане-баптисты г. Кызыла. В 1950–1952 гг. они во главе с пресвитером Аксентием Ткаченко в письменной и устной форме неоднократно требовали открытия молитвенного дома, но облисполком их просьбу не удовлетворял. Арендованные ими помещения объявляли не соответствующими специальным требованиям. Община продолжила изыскивать новое помещение и высказывать намерение местным властям о постройке специального молитвенного дома в городе. Активная часть верующих собиралась группами в частных квартирах для чтения богослужебных книг и совершения религиозных обрядов. В надежде на получение поддержки со стороны чиновников они в своем коллектив-

ном ходатайстве заявляли о своей пользе в деле патриотического воспитания, направленного на воспитание любви к Отечеству у верующих, а также о материальной поддержке социально незащищенной категории населения (сирот, престарелых и нетрудоспособных). В общине баптистов количество верующих в 1950 г. насчитывалось 39 человек, в 1951 г. — 34, в 1952 г. — 30, в 1953 г. — 27. Этими цифрами уполномоченный Совета по делам религиозных культов при СМ СССР показывал снижение числа евангельских христиан-баптистов в Туве [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 587. Л. 15, 24, 39, 40; ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 588. Л. 5, 15].

В 1949 г. старообрядческая община пос. Медведевки устно обращалась в Каа-Хемский райисполком, чтобы последний оказал содействие местных органов власти в направлении к ним старообрядческого священника. Уполномоченный по Тувинской автономной области отмечал, что за последнее время количество старообрядческих верующих белокриницкого согласия значительно уменьшилось и их насчитывалось всего около 30 человек [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 587. Л. 23–24]. В 1951 г. число членов общины возросло до 69 человек [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 588. Л. 4], и они снова безуспешно попытались обратиться в Тувинский облисполком с просьбой разрешить им открыть молитвенный дом [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 587. Л. 35]. Старообрядческое объединение без регистрации продолжило свою деятельность: усилиями ее членов проводились службы и исполнялись религиозные обряды в молитвенном доме. В обычные дни, не считая праздничные, в общине собиралось 15–20 человек [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 587. Л. 35]. В 1952 г. количество верующих достигало 75 человек, а в 1953 г. — 175. Старообрядцев-беспоповцев в 1952 г. было 170 человек, а в 1953 г. — уже около 279. Увеличение числа верующих происходило в основном за счет приезжающих из других областей и краев. Так, выходцы-старообрядцы из Алтайского, Красноярского краев и Новосибирской, Кемеровской областей при беседе давали следующий ответ: «там где жили, место занято под лесхоз, поэтому и приехали в свободные места для моленья» [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 588. Л. 14].

В 1950 г. на территории Каа-Хемского кожуна Тувинской автономной области, на расстоянии 70 км от областного центра до райцентра на востоке, и от райцентра дальше 30–130 км по разным таежным местам, по официальным данным, проживали старообрядцы в количестве 130 дворов. Согласно данным уполномоченного, за последние два года во вновь организованные сельхозартели из них вступило 55 хозяйств, а жители остальных дворов продолжали жить в тайге [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 587. Л. 18]. В 1952 г. в отчетах уполномоченного уже отмечалось, что деятельность этих старообрядцев и «беспоповцев» в значительной части изменилась, в связи с проводимой со стороны партийных, советских и комсомольских органов политико-воспитательной работы среди населения. Критерием успешности действий местного руководства в отношении старообрядцев выступало количество их вовлеченности в колхозное дело, в жизнь области и страны в целом. Из числа старообрядцев по данным 1952 г. вступили в колхозы более 250, а в 1953 г. — более 450. По официальным данным за 1953 г. свыше 590 детей и молодых людей из семей старообрядцев находились в рядах советской армии и школах [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 588. Л. 5, 7, 13–14].

В 1952 г. уполномоченный Совета по делам религиозных культов при СМ СССР по Тувинской автономной области Б. Тагба отмечал, что религиозные направления, не считая Русской православной церкви, все еще существовали без официальной регистрации, но продолжали свою деятельность среди населения [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 588. Л. 6]. В этой связи он в своем отчете в Совет и в планах на 1953 г. указывал на необходимость решения вопроса об официальной регистрации или роспуске незаконно существующих религиозных общин буддистов, старообрядцев и евангельских христиан-баптистов [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 588. Л. 6]. В 1953 г. Б. Тагба подал аналогичную просьбу решить вопрос о дальнейших действиях в отношении перечисляемых выше религиозных общин [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 588. Л. 8]. При этом он отмечал, что наряду с успехами «в деле подъема хозяйства, культуры и материального благосостояния населения» в области «возросла сознательность масс, в результате

чего часть верующего населения перестает верить в религиозный дурман» [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 588. Л. 8].

Позиция Совета по делам религиозных культов при СМ СССР в отношении протестантов и старообрядцев Тувинской автономной области сводилась не только к изучению и фиксированию их религиозной активности, но и к принятию мер по прекращению организованной деятельности. Совет без какой-либо поддержки давал лишь рекомендации своему уполномоченному разработать подробный план мероприятий по их ликвидации, согласованный с местным облисполкомом и обкомом партии [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 587. Л. 43].

5. Заключение

В СССР в период с 1949 г. по 1953 г. происходит определенный отход от относительно лояльных принципов государственно-конфессиональной политики, сформировавшихся в стране с 1943 г. и в первые годы после окончания Великой Отечественной войны. В результате наметилась тенденция к еще большему усилению ограничительных мер со стороны государственных органов ко всем религиозным общинам, в том числе и к православным.

Православные общины на начальном этапе распространения советской системы государственно-конфессиональных отношений в Туве в связи с отсутствием ответственного уполномоченного Совета по делам Русской православной церкви при СМ СССР были под наблюдением у уполномоченного Совета по делам религиозных культов при СМ СССР. Тувинский облисполком не препятствовал развитию на ее территории православия на первых порах, но затем в связи с утратой актуальности использования конфессий на международном уровне в послевоенные годы и «охлаждения» внешнеполитических отношений, наметилась тенденция свертывания временной «благоприятной» для религиозных общин конфессиональной политики и ее ужесточения, в том числе и для православных. С конца 1940-х гг. православным общинам Тувы, как и всем религиозным объединениям, пришлось находиться под жестким контролем с принятием по отношению к ним ограничительных мер, касающихся их деятельности. Например, в регионе, во-первых, православным духовным лицам запретили прежние относительно свободные перемещения по его районам. Во-вторых, инициатива православной группы из с. Бай-Хаак Тандынского района, как, впрочем, и в других населенных пунктах субъектов страны, открыть молитвенный дом, не была поддержана.

К общим чертам в регионе, только вступившем в состав СССР, можно отнести становление системы государственного контроля за религиозными процессами в Туве, а также начало изучения конфессиональной ситуации в регионе в целом после периода антирелигиозной политики и репрессий в Тувинской Народной Республике. Но эта система в области отличалась тем, что в течение достаточно длительного периода не был назначен уполномоченный Совета по делам Русской православной церкви СНК (СМ) СССР, функции которого по мере возможности выполнялись уполномоченным Совета по делам религиозных культов СНК (СМ) СССР.

Спецификой осуществления послевоенной государственно-конфессиональной политики СССР в Тувинской автономной области являлось то, что на протяжении всего рассматриваемого периода другим религиозным направлениям пришлось существовать в нелегальном положении и вести незаконную деятельность независимо от ее смягчения или ужесточения. Местные органы власти и уполномоченный Совета по делам религиозных культов при СМ СССР в регионе под разными причинами не способствовали их юридическому оформлению. Партийные и государственные деятели края не могли позволить легализацию буддийских общин, поскольку в недавний период их самостоятельного определения религиозной политики в Тувинской Народной Республике, они до основания, не считая уцелевшую часть стен Верхне-Чаданского хурэ, разрушили все буддийские храмы. Тувинские чиновники опасались лам и их возможного влияния на население области.

В конце 1940-х – начале 1950-х гг. в связи с усилением ограничительных мер, а именно тяжелого налогообложения, были подорваны прежние масштабы активной деятельности буддийской общины. В принципе, при дозволении местных чиновников при явной поддержке ЦДУБ была возможность законного существования и функционирования буддистов в регионе, поскольку прецедент с

регистрацией буддийской общины в стране имелся. Необходимо отметить, что от Совета по делам религиозных культов при СМ СССР в Тувинскую автономную область по этому вопросу не поступало твердых и однозначных указаний, как в случае с православными, хотя об этом неоднократно ходатайствовал духовный центр буддистов СССР. Тувинские чиновники приостанавливали на начальном (региональном) уровне рассмотрения ходатайств по поводу регистрации буддийской общины и строительства храма, хотя случаи их отправки в Совет по делам религиозных культов при СМ СССР в первые послевоенные годы были. При этом негативно на ситуацию повлияло и то, что они регулярно выражали свою неодобрительную позицию в Совет. Вместе с тем в области евангельским христианам-баптистам не удалось открыть ранее закрытый их молитвенный дом в г. Кызыле, а старообрядцам белокриницкого согласия аналогично своего молитвенного здания в пос. Медведевке в Каа-Хемском районе. Под жестким контролем также были старообрядческие объединения этого же района, именуемые в документах «беспоповщиной» и «сектой».

Источники

ГА РФ — Государственный архив Российской Федерации.

Sources

State Archive of the Russian Federation

Литература

Белякова 2019 — *Белякова Н. А.* Всесоюзный совет евангельских христиан-баптистов — продукт и заложник сталинской религиозной политики // Конфессиональная политика советского государства в 1920-1950-е гг.: мат-лы XI Междунар. науч. конф. (г. Великий Новгород, 11–13 октября 2018 г.). М.: Ельцин Центр, РОССПЭН, 2019. С. 418–429.

Вайнштейн 2006 — *Вайнштейн С. И.* Загадочная Тува. М.: Известия, 2009. 415 с.

Гаврилов 2006 — *Гаврилов В.* Новосибирская епархия: история и современность. Новосибирск: Новинвест плюс, 2006. 256 с.

Горбатов 2008 — *Горбатов А. В.* Государство и религиозные организации Сибири в 1940-е – 1960-е годы. Томск: Томск. гос. ун-т, 2008. 408 с.

Гуляев 2020 — *Гуляев В. В.* Начало служения митрополита Варфоломея (Городцова) на Новосибирской и Барнаульской кафедре (1943–1947) // Церковный историк. 2020. № 2(4). С. 196–213.

Дашковский, Зиберт 2020 — *Дашковский П. К., Зиберт Н. П.* Государственно-конфессиональная политика на юге Западной Сибири в конце 1917 – середине 1960-х гг. Барнаул: Алт. ун-т, 2020. 140 с.

ИТ 2007 — История Тувы / под общ. ред. В. А. Ламина. Т. II. Новосибирск: Наука, 2007. 430 с.

ИТ 2016 — История Тувы / под общ. ред. Н. М. Моллерова. Т. III. Новосибирск: Наука, 2016. 455 с.

Кенин-Лопсан 1993 — *Кенин-Лопсан М. Б.* Магия тувинских шаманов. Кызыл: Новости Тувы, 1993. 160 с.

Кенин-Лопсан 2009 — *Кенин-Лопсан М. Б.* Тувинские шаманы. М.: ИПЦ-Маска, 2009. 328 с.

Колесов — *Колесов А.* Православная церковь в период Великой Отечественной войны // Православие и мир [электронный ресурс]. URL: http://lib.pravmir.ru/library/readbook/295 (дата обращения: 16.02.2023).

Конституция СССР 1936 — Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик (утверждена постановлением Чрезвычайного VIII Съезда Советов Союза Советских Социалистических Республик от 5 декабря 1936 г.) [электронный ресурс]. URL: https://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1936/red_1936/3958676/ (дата обращения: 05.02.2023).

Моллеров 2019 — *Моллеров Н. М.* Общины евангельских христиан-баптистов в Тувинской Народной Республике (1926–1932 гг.) // Новые исследования Тувы. 2019. № 1. С. 16–28. DOI: 10.25178/nit.2019.1.2

Монгуш 2001 — *Монгуш М. В.* История буддизма в Туве (вторая половина VI – конец XX в.). Новосибирск: Наука, 2001. 200 с.

Монгуш 2012 — *Монгуш М. В.* Деятельность нетрадиционных конфессий в Туве: 1990–2010 гг. // Новые исследования Тувы. 2012. № 1. С. 58–70.

Монгуш 2015 — *Монгуш М. В.* Христианские

общины Тувы: краткий очерк // Мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе. 2015. № 8. С. 159–175.

Монгуш 2021 — *Монгуш А. В.* Православие в Республике Тыва на современном этапе // Народы и религии Евразии. 2021. № 26(1). С. 140–159.

Опей-оол 2007 — *Опей-оол У. П.* К истории создания и ликвидации буддийской молитвенной юрты в Кызыл-Чыраа (г. Чадаана, Дзун-Хемчикский кожун) с 1946 по 1960 гг. // История и современность Тувы: сб. науч. ст. к 80-летию В. П. Дъяконовой / сост. А.О. Дыртык-оол. Кызыл: Тываполиграф, 2007. С. 69–80.

Раджабов 2019 — *Раджабов К. К.* Образование САДУМ и конфессиональная политика советского государства в Узбекистане (1943–1960 гг.) // Конфессиональная политика советского государства в 1920-1950-е гг.: мат-лы XI Междунар. науч. конф. (г. Великий Новгород, 11–13 октября 2018 г.). М.: Ельцин Центр, РОССПЭН, 2019. С. 356–363.

Синицын 2012 — *Синицын Ф. Л.* Советское государство и христианские конфессии в 1944–1945 гг. // Мир и политика [электронный ресурс]. 2012. № 5(68). URL: http://www.intelros.ru/readroom/mir-i-politika/5-2012/14623-sovetskoe-gosudarstvo-i-hristianskie-konfessii-v-19441945-gg.html (дата обращения: 16.02.2023).

Синицын 2013 — *Синицын Ф. Л.* Советское государство и буддисты // Российская история. 2013. № 1. С. 62–76.

Синицын 2017 — *Синицын Ф. Л.* Советское государство и Русская православная церковь в 1944–1945 гг. // Государство, общество, церковь в истории России XX–XXI веков: мат-лы XVI Междунар. науч. конф. (г. Иваново, 5–6 апреля 2017 г.). В 2 ч. Ч. 1. Иваново: Ивановский гос. ун-т, 2017. С. 226–230.

Сосковец 2003 — *Сосковец Л. И.* Религиозные конфессии Западной Сибири в 40–60-е гг. XX в. Томск: Томск. гос. ун-т, 2003. 348 с.

Стороженко 2004 — *Стороженко А. А.* Старообрядчество Тувы во второй половине XIX — первой четверти XX вв.: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Кызыл, 2004. 23 с.

Татаринцева 2006 — *Татаринцева М. П.* Старообрядцы в Туве: историко-этнографический очерк. Новосибирск: Наука, 2006. 216 с.

Татаринцева 2016 — *Татаринцева М. П.* Старообрядцы в Туве в начале XX века и в период Тувинской Народной Республики // Новые исследования Тувы. 2016. № 3. С. 82–90.

Татаринцева, Моллеров 2016 — *Татаринцева М. П., Моллеров Н. М.* Русские в Туве (конец XIX — первая половина XX в.): История. Этнография. Культура. Новосибирск: Наука, 2016. 296 с.

Татаринцева, Стороженко 2015 — *Татаринцева М. П., Стороженко А. А.* Старообрядцы Тувы: ретроспектива и современность. LAP LAMBERT Academic Publishing, 2015. 144 с.

Терентьев 2014 — *Терентьев А. А.* Буддизм в России — царской и советской (старые фотографии). СПб.: Музей ГУЛАГа: изд-е А. Терентьева, 2014. 484 с.

Ондар 2017 — *Ондар Т. А.* Тувинский шаманизм: социально-психологические функции. Кызыл: ТувГУ, 2017. 168 с.

Одинцов, Кочетова 2014 — *Одинцов М. И., Кочетова А. С.* Конфессиональная политика в Советском Союзе в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945. М.: РОССПЭН, 2014. 317 с.

Одинцов, Чумаченко 2013 — *Одинцов М. И., Чумаченко Т. А.* Совет по делам Русской православной церкви при СНК (СМ) СССР и Московская патриархия: эпоха взаимодействия и противостояния 1943–1965 гг. СПб.: Российское объединение исследователей религии, 2013. 354 с.

Харунова 2011 — *Харунова М. М.-Б.* Социально-политическое развитие Тувы в середине XX века. Новосибирск: Наука, 2011. 139 с.

Хомушку 1988 — *Хомушку О. М.* Особенности государственно-церковных отношений в Туве (1944–1990 гг.) // Круг знания: научно-информационный сборник. 1988. № 1. С. 24–28.

Шкаровский 2009 — *Шкаровский М. В.* Сталинская религиозная политика и Русская православная церковь в 1943–1953 гг. // ACTA SLAVICA IAPONICA. 2009. Т. 27. С. 1–27.

References

1936 Constitution of the Soviet Union (Enacted by the Extraordinary Eighth All-Union Congress of Soviets on 5 December 1936). On: Constitution of Russia (GARANT Legal Information System). Available at: https://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1936/red_1936/3958676/ (accessed: 5 February 2023). (In Russ.)

Beliakova N. A. All-Union Council of Evangelical Baptist Christians as product and hostage of Stalin's religious policy. In: Soviet Religious Policies, 1920s–1950s. Conference proceedings. Moscow: Politicheskaya Entsiklopediya, 2019. Pp. 418-429. (In Russ.)

Dashkovskiy P. K., Zibert N. P. Official Religious Policy in the South of Western Siberia: Late 1917 to the Mid-1960s. Barnaul: Altai State University, 2020. 140 p. (In Russ.)

Dementyev V. The Becoming of Russian Orthodox Church in Tuva. Kyzyl, 2011. 12 p. (In Russ.)

Gavrilov V. Russian Orthodox Diocese of Novosibirsk: Past and Present. Novosibirsk: Novinvest Plyus, 2006. 256 p. (In Russ.)

Gorbatov A. V. Government and Religious Organizations of Siberia, 1940s– 1960s. Tomsk: Tomsk State University, 2008. 408 p. (In Russ.)

Gulyaev V. V. The beginning of the ministry of Metropolitan Bartholomew (Gorodtsov) at the See of Novosibirsk and Barnaul (1943–1947). *Church Historian*. 2020. No. 2(4). Pp. 196–213. (In Russ.)

Kenin-Lopsan M. B. The Magic of Tuvan Shamans. Kyzyl: Novosti Tuvy, 1993. 160 p. (In Russ.)

Kenin-Lopsan M. B. Tuvan Shamans. Moscow: IPTs-Maska, 2009. 328 p. (In Russ.)

Kharunova M. M.-B. Sociopolitical Development of Tuva in the Mid-Twentieth Century. Novosibirsk: Nauka, 2011. 139 p. (In Russ.)

Khomushku O. M. Distinctions of government-church relations in Tuva, 1944–1990s. *Krug znaniya: Nauchno-informatsionnyy sbornik*. 1988. No. 1. Pp. 24–28. (In Russ.)

Kolesov A. Russian Orthodox Church during Great Patriotic War. On: Orthodox Christianity and the World. Online Library. Available at: http://lib.pravmir.ru/library/readbook/295 (accessed: 16 February 2023). (In Russ.)

Lamina V. A. (ed.) History of Tuva. Novosibirsk: Nauka, 2007. Vol. 2. 430 p. (In Russ.)

Mollerov N. M. (ed.) History of Tuva. Novosibirsk: Nauka, 2016. Vol. 3. 455 p. (In Russ.)

Mollerov N. M. Evangelical Christian (Baptist) communities in the People's Republic of Tuva (1926–1932). *The New Research of Tuva*. 2019. No. 1. Pp. 16–28. (In Russ.)

Mongush A. V. Orthodoxy in the Republic of Tuva at the present stage. *Nations and Religions of Eurasia*. 2021. No. 1(26). Pp. 140–159. (In Russ.)

Mongush M. V. Activities of non-traditional religions in Tuva: 1990s–2010s. *The New Research of Tuva*. 2012. No. 1. Pp. 58–70. (In Russ.)

Mongush M. V. Christian communities of Tuva: Short sketch. *Nations and Religions of Eurasia*. 2015. No. 8. Pp. 159–175. (In Russ.)

Mongush M. V. History of Buddhism in Tuva: Mid-Sixth to Late Twentieth Centuries. Novosibirsk: Nauka, 2001. 200 p. (In Russ.)

Odintsov M. I., Chumachenko T. A. Council for Russian Orthodox Church Affairs and Patriarchy of Moscow, 1943–1965: The Era of Cooperation and Opposition. St. Petersburg: Russian Association for Religious Research, 2013. 354 p. (In Russ.)

Odintsov M. I., Kochetova A. S. Soviet Religious Policy during the Great Patriotic War of 1941–1945. Moscow: ROSSPEN, 2014. 317 p. (In Russ.)

Ondar T. A. Tuvan Shamanism: Social and Psychological Functions. Kyzyl: Tuvan State University, 2017. 168 p. (In Russ.)

Opey-ool U. P. More on how a Buddhist prayer yurt was created and demolished in Kyzyl-Chyraa (Chadan, Dzun-Khemchiksky District) between 1946 and 1960. In: Dyrtyk-ool A. O. (comp.) The Past and Present of Tuva: In Honor of the 80th Birthday of V. Dyakonova. Kyzyl: Tyvapoligraf, 2007. Pp. 69–80. (In Russ.)

Radzhabov K. K. The establishment of SADUM and official Soviet religious policies in Uzbekistan, 1943–1960s. In: Soviet Religious Policies, 1920s–1950s. Conference proceedings. Moscow: Politicheskaya Entsiklopediya, 2019. Pp. 356–363. (In Russ.)

Shkarovsky M. V. Stalin's religious policy and Russian Orthodox Church in 1943–1953. *Acta Slavica Iaponica*. 2009. Vol. 27. Pp. 1–27. (In Russ.)

Sinitsyn F. L. Soviet government and Christian denominations in 1944–1945. *Mir i politika*. 2012. No. 5(68). On: INTELROS – Intellectual Russia. Available at: http://www.intelros.ru/readroom/mir-i-politika/5-2012/14623-sovetskoe-gosudarstvo-i-hristianskie-konfessii-v-19441945-gg.html (accessed: 16 February 2023). (In Russ.)

Sinitsyn F. L. Soviet government and Russian Orthodox Church in 1944–1945. In: Government,

Society, Church in Russian History, Twentieth and Twenty First Centuries. Conference proceedings. In 2 pts. 2017. Pp. 226–230. (In Russ.)

Sinitsyn F. L. Soviet state and the Buddhists (1917–1946). *Russian History*. 2013. No. 1. Pp. 62–76. (In Russ.)

Soskovets L. I. Religious Denominations of Western Siberia, 1940s–1960s. Tomsk: Tomsk State University, 2003. 348 p. (In Russ.)

Storozhenko A. A. Old Believers of Tuva: 1850s–1920s. Cand. Sc. (history) thesis abstract. Kyzyl, 2004. 23 p. (In Russ.)

Tatarintseva M. P. Old Believers in Tuva at the beginning of the 20th century and under People's Republic of Tuva. *The New Research of Tuva*. 2016. No. 3. Pp. 82–90. (In Russ.)

Tatarintseva M. P. Old Believers in Tuva: An Essay in History and Ethnography. Novosibirsk: Nauka, 2006. 216 p. (In Russ.)

Tatarintseva M. P., Mollerov N. M. Russians in Tuva, Late Nineteenth to Mid-Twentieth Centuries: History, Ethnography, Culture. Novosibirsk: Nauka, 2016. 296 p. (In Russ.)

Tatarintseva M. P., Storozhenko A. A. Old Believers of Tuva: Perspectives from the Past and Present. Saarbrücken: Lambert Academic Publishing, 2015. 144 p. (In Russ.)

Terentyev A. A. Buddhism in Russia — Tsarist and Soviet (Old Photographs). St. Petersburg: A. Terentyev, 2014. 484 p. (In Russ. and Eng.)

Vainshtein S. I. The Mysterious Tuva. Moscow: Izvestiya, 2009. 415 p. (In Russ.)

Published in the Russian Federation
Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
Has been issued as a journal since 2008
ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
Vol. 16, Is. 5, Pp. 1167–1176, 2023
Journal homepage: https://kigiran.elpub.ru

CC BY NC ND

УДК / UDC 94(47).084.9
DOI: 10.22162/2619-0990-2023-69-5-1167-1176

Зарождение автодорожного хозяйства в советской Калмыкии в конце 1950-х гг.

Намсыр Александрович Шиханов[1]

[1] Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)
младший научный сотрудник, аспирант
0000-0001-7273-7253. E-mail: nshikhanov[at]gmail.com

© КалмНЦ РАН, 2023
© Шиханов Н. А., 2023

Аннотация. *Введение.* В статье рассматривается зарождение дорожного хозяйства Калмыкии в конце 1950-х гг., раскрываются особенности и значение строительства сети автомобильных дорог в этот период. *Материалами* послужили архивные документы фондов Р-218 «Калмыцкое проектно-строительное объединение автомобильных дорог Калмыцкой АССР» и Р-309 «Совет Министров Калмыцкой АССР» Национального архива Республики Калмыкия, посвященные исследуемой тематике. В работе с архивным материалом применялись историко-генетический и историко-сравнительный *методы*. *Результаты.* В статье раскрываются особенности дорожной сети Калмыкии после восстановления автономии, основные векторы строительства современных автодорог Калмыцкой АССР в конце 1950-х гг., материально-техническое обеспечение и финансирование дорожного хозяйства. Руководство республики понимало, что автотранспорт имеет большое значение для восстановления экономики Калмыкии, и прилагало большие усилия для строительства современных автодорог. *Выводы.* Несмотря на приложенные усилия, процент дорог с твердым покрытием в Калмыцкой АССР оставался крайне низким, что было вызвано недостаточным финансированием, кадровыми проблемами и нехваткой дорожно-строительной техники.

Ключевые слова: автомобильные дороги, транспорт, Калмыцкая АССР, ремонт автодорог, строительство автодорог, транспортная инфраструктура, дорожное хозяйство

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Юго-восточный пояс России: исследование политической и культурной истории социальных общностей и групп» (номер госрегистрации: 122022700134-6).

Для цитирования: Шиханов Н. А. Зарождение автодорожного хозяйства в советской Калмыкии в конце 1950-х гг. // Oriental Studies. 2023. Т. 16. № 5. С. 1167–1176. DOI: 10.22162/2619-0990-2023-69-5-1167-1176

How Soviet Kalmykia's Public Road Industry Emerged in the Late 1950s

Namsyr A. Shikhanov[1]

[1] Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., 358000 Elista, Russian Federation)
Junior Research Associate
0000-0001-7273-7253. E-mail: nshikhanov[at]gmail.com

© KalmSC RAS, 2023
© Shikhanov N. A.., 2023

Abstract. *Introduction*. The article deals with the beginnings of Kalmykia's public road industry, reveals some features and significance of motorways network construction across the region in the late 1950s. *Materials and methods*. The paper examines archival documents contained in collections P-218 ('Highways Design and Construction Association of the Kalmyk ASSR') and P-309 ('Council of Ministers of the Kalmyk ASSR') at the National Archive of Kalmykia. The study employs the historical/genetic and historical/comparative methods. *Results*. The article reveals certain features of Kalmykia's road network after the restoration of autonomy, identifies key vectors of the then modern highways construction agenda in the Kalmyk ASSR, clarifies some issues pertaining to logistics and financing of the emerging road industry. The leading executives of the republic did understand that motor transport was of utmost importance for Kalmykia's economic recovery, and invested great efforts to build modern highways. *Conclusions*. However, despite the mentioned efforts, the share of paved roads remained extremely small, which was caused by insufficient funding, staffing problems, and shortage of road construction equipment.

Keywords: public roads, transport, Kalmyk ASSR, road repair, road construction, transport infrastructure, public road industry

Acknowledgements. The reported study was funded by government subsidy, project no. 122022700134-6 'The Southeastern Belt of Russia: Exploring Political and Cultural History of Social Communities and Groups'.

For citation: Shikhanov N. A. How Soviet Kalmykia's Public Road Industry Emerged in the Late 1950s. *Oriental Studies*. 2023; 16(5): 1167–1176. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2023-69-5-1167-1176

1. Введение

История дорожного строительства в советской Калмыкии является малоизученной темой и не была предметом специального исследования, хотя в некоторых работах есть сведения о деятельности этой сферы [Максимов 2009: 618].

В 1957 г. состоялось восстановление автономии калмыцкого народа [Очерки 1970: 352]. Это стало отправной точкой восстановления исторической справедливости и возрождения региона, и калмыки, подвергшиеся насильственной депортации в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР № 115/114 от 27 декабря 1943 г. в восточные регионы СССР, стали возвращаться на историческую родину. Согласно документу «О льготах и пособиях переселяющимся калмыцким семьям», предполагалось принять 82 тыс. калмыков из восточных районов страны [Максимов 2009: 612]. Для того чтобы осуществить это масштабное мероприятие, нужна была хорошо развитая транспортная сеть в области. Однако воздушное и железнодорожное сообщения в регионе практически отсутствовали, поэтому автомобильные дороги оказались единственным способом передвижения. При этом современных автодорог в регионе было очень мало: в 1956 г. общая протяженность дорог составляла 2,8 тыс. км, а дорог с твердым покрытием — всего 0,1 тыс. км [Максимов, Лиджиева 2017: 382]. Качество дорог было очень низким. Например, ближайшая к Элисте железнодорожная станция находилась в Дивном, а связывавшая с этим населенным пунктом автомобильная дорога была грунтово-профилированной, она была построена еще в 1940 г. методом народ-

ной стройки и становилась непроходимой в сложных погодных условиях.

Слабое развитие сети благоустроенных дорог в значительной мере сдерживало дальнейшее развитие экономики республики и в особенности сельскохозяйственное производство [Максимов 2013: 398]. Основная часть строительных материалов завозилась из других областей через такие железнодорожные станции, как Дивное, Абганерово, Астрахань, Сальск, отдаленные от основных строительных площадок на сотни километров, что увеличивало стоимость капитального строительства [Манджиев, Клюкин 1979: 129]. Отсутствие хороших дорог в период осенней и весенней распутицы вело к срыву планов строительных работ в республике. При этом строительство дорог с твердым покрытием велось весьма низкими темпами.

Руководство восстановленной автономии осознавало, как жизненно необходимы для восстановления и дальнейшего развития народного хозяйства Калмыкии строительство новых современных дорог и замена уже существующих грунтово-профилированных дорог на шоссе с асфальтобетонным покрытием. Создание дорожного хозяйства должно было решить проблему строительство автомобильных дорог.

2. Материалы исследования

Целью данной статьи является рассмотрение вопросов формирования и функционирования дорожного хозяйства в Калмыкии в конце 1950-х гг. Основной источниковой базой данной статьи послужили архивные документы фондов Р-218 «Калмыцкое проектно-строительное управление автомобильных дорог Калмыцкой АССР» и Р-309 «Совет Министров Калмыцкой АССР, Аппарат Правительства Республики Калмыкии» Национального архива Республики Калмыкии, где отложились копии указов, постановлений, протоколов сессий и деловая переписка аппарата Совета Министров Калмыцкой АССР. В этих документах имеется характеристика транспортной сети Калмыкии, состоявшей в конце 1950-х гг. в основном из грунтовых путей, в лучшем случае профилированных.

При проведении исследования к анализу привлекались данные из работ, посвященных развитию дорожного хозяйства в других регионах страны [Бекряев 1996; Веселов 2017; Веселов 2019; Веселов 2020; Демчик 2022; и др.].

3. Зарождение дорожного хозяйства

В конце 1950-х гг. в Калмыкии практически полностью отсутствовали автомобильные дороги с твердым покрытием. В период распутиц, половодий, буранов и иных сложных погодных условий такие коммуникации становились труднопроходимыми или вовсе непроезжими. Между тем активно развивающаяся экономика восстановленной автономии, крупные миграции населения, строительство многочисленных зданий, увеличение населенных пунктов и появление новых поселений требовали огромного количества перевозок, прежде всего грузового автотранспорта. Однако в стране за годы пятой пятилетки (1951–1955 гг.) протяженность дорог с твердым покрытием увеличилась всего на 30 тыс. км: с 177 тыс. км в 1950 г. до 207 тыс. км в 1955 г. [Бекряев 1996: 95].

В одном из документов, направленном федеральному министру автомобильного транспорта и шоссейных дорог РСФСР Ф. В Калабухову, указывалось, что в 1959 г. по территории Калмыкии проходят различные республиканские (федерального значения) дороги общей протяженностью 915 км, по которым движутся машины со среднегодовой интенсивностью 1 000 машин в сутки (и это с учетом прекращения движения в период распутицы и буранов, т. е. реальная нагрузка в рабочие дни была намного выше), и «автономно-республиканские» (регионального значения) дороги общей протяженностью 821 км со среднегодовой интенсивностью 500 машин в сутки [НА РК. Ф. Р-309. Оп. 1. Д. 251. Л. 10].

При этом инфраструктура по обслуживанию и ремонту этих дорог, а также строительству новых находилась в зачаточном состоянии. В послевоенный период районы бывшей Калмыцкой АССР сходили в состав соседних регионов и являлись окраинными, что не способствовало полноценному развитию экономики и особенно строительству сети дорог. Неудивительно, что руководство восстановленного региона в числе первоочередных мер стало выдвигать предложения о создании республиканского дорожно-строительного управления, машинно-дорожных станций, дорожно-эксплуатационных участков для эксплуатации и содержания дорог, об укреплении их материально-технической базы, в том числе за счет поставок новой техники (тракторов, бульдозеров, скреперов, грейдеров, автомашин, автокранов, бензовозов и т. д.), стройматериалов и строитель-

ства разборных домов. Отправной точкой для отрасли дорожного строительства Калмыкии является 13 февраля 1957 г. — день создания областного отдела автотранспорта и шоссейных дорог (далее — отдел автошосдор, Калмавтошосдор) и назначения Георгия Кирсановича Адьянова его первым заведующим [НА РК. Ф. Р-218. Оп. 1. Д. 2. Л. 1].

Областной отдел был выделен из Ставропольского краевого управления. Основным направлением деятельности отдела были строительство, ремонт и содержание автомобильных дорог республиканского, областного и районного значений. В первый год работы были созданы 3 дорожно-эксплуатационных участка — № 377, 365 и 381, которые обслуживали дороги республиканского значения Ставрополь – Астрахань и Элиста – Сталинград общей протяженностью 523 км (из них 105 км с каменным покрытием, 418 км — грунтово-профилированные). Количество техники, переданной на баланс Калмыцкого областного отдела автошосдор, приведено в табл. 1.

Таблица 1. Количество автодорожных механизмов в Калмыцкой автономной области по данным на 1957 г. [НА РК. Ф. Р-218. Оп. Д. 13. Л. 8]
[*Table 1*. Numbers of road vehicles in Kalmyk Autonomous Oblast as of 1957]

Наименование автодорожных механизмов	Всего	В том числе				
		МДС[1] № 22	ДЭУ[2] № 365	ДЭУ № 377	ДЭУ № 380	Районные отделы автошосдор
Легковая автомашина «Москвич»	1	—	—	1	—	—
Легковая автомашина «Победа»	2	1	—	1	—	—
Грузовая автомашина ГАЗ-51	9	3	1	2	1	2
Грузовая автомашина ЗИС-5	2	—	—	—	1	1
Грузовая автомашина ЗИЛ-164	3	2	1	—	—	—
Грузовая автомашина ЗИЛ-151	1	—	—	1	—	—
Грузовой самосвал ЗИЛ-585	4	3	—	—	—	1
Автобензовоз ЗИЛ-150	1	1	—	—	—	—
Автогрейдеры разные	8	2	1	2	—	3
Трактор С-80	1	—	—	—	1	—
Трактор ДТ-54	9	3	2	1		3
Бульдозер С-80-100	4	2	—	2		—
Бульдозер ДТ-54	3	1	1		1	—
Скрепер С-100	1	1	—			—
Скрепер ДТ-54	3	2	—	1		—
Грейдер Д-20 (тяжелый)	7	1	—	2	1	3
Грейдер Д-241 (средний)	2	—	1	—	1	—
Моторный каток	1	—	—	1	—	—
Прицепной каток	1	—	—	—	—	1
Экскаватор Э-153	2	2	—	—	—	—
Экскаватор Э-302	1	1	—	—	—	—
Гравиесортировщик	1	1	—	—	—	—
Кирковщик КП-4	2	2	—	—	—	—
Вагончик ВО	2	2	—	—	—	—
Бензовоз прицепной	3	1	1	1	—	—
Виброформы[3] разные	7	3	—	4	—	—

Бетономешалка С-371	2	2	—	—	—	—
Передвижная механическая мастерская	2	2	—	—	—	—
Прицеп одноосный	4	1	1	2	—	—
Грейдер-элеватор Д-192	1	—	1	—	—	—
Камнедробилка «АКМЭ»	1	—	—	1	—	—
Канавокопатель КМ-1400	1	—	1	—	—	—
Автомобильный снегоочиститель Д-180	1	—	1	—	—	—
Тракторный снегоочиститель Д-180	6	—	1	4	1	—
Велосипед В-110	37	—	4	11	4	18
Толь[4] пятитонный[5]	1	—	—	1	—	—
Бензоколонка	2	—	1	1	—	—

[1] Здесь и далее машинно-дорожные станции.

[2] Здесь и далее дорожно-эксплуатационные участки.

[3] Виброформы — металлические формы с установленными на них вибраторами. Выполняют главную роль при изготовлении железобетонных изделий [Ушаков 2005: 129].

[4] Толь — популярный в СССР кровельный и гидроизоляционный материал, представляющий из себя кровельный картон, пропитанный каменноугольным или сланцевым дегтем.

[5] В соответствии с ГОСТ толь выпускался в рулонах определенной ширины полотна, соответственно вес рулона определялся характеристикой веса картона (т. е. толя) при определенной влажности. См., например, ГОСТ 10999-64, утвержденный взамен ГОСТ 1886-52, ГОСТ 1887-51, ГОСТ 5176-54 [Толь кровельный].

Ставропольский край передал калмыцким автодорожникам небольшое количество дорожной техники. К тому же ее численность почти сразу стала сокращаться, о чем свидетельствуют данные о количестве строительных машин в Калмыкии на начало 1959 г., приведенные в таблице 2. Поэтому представители автодорожной службы Калмыкии обратились за финансово-материальной помощью к центральному руководству. В первое время приходилось использовать труд колхозников для ремонта грунтовых дорог, но такие мобилизационные меры были малоэффективными, к тому же, как отмечалось исследователями на материалах других регионов, отвлекали сельское население от сельскохозяйственных работ [Веселов 2020: 71].

Таблица 2. Количество строительных машин в Калмавтошосдоре на 1 января 1959 г. [НА РК. Ф. Р-218. Оп. 1. Д. 10. Л. 9]

[*Table 2.* Numbers of road building vehicles at Kalmavtoshosdor as of 1 January 1959]

Тип машин	Количество машин, числящихся на балансе Калмавтошосдора на 1 января 1959 г.			
	количество	из них исправных	единица измерения	общая мощность
Экскаваторы одноковшовые с ковшом емкостью 0,15 м^3	2	2	м3	0,30
Экскаваторы одноковшовые с ковшом емкостью выше 0,25 м^3	1	1	м3	0,35
Скреперы	4	4	м3	17
Бульдозеры	6	6	м3	—
Автогрейдеры	3	3	м3	—
Автосамосвалы грузоподъемностью менее 10 тонн	3	3	тонна	10,5
Тракторы	3	3	л. сила	162
Бетономешалки	2	2	л. сила	1
Автогудронаторы	1	1	м3/час	—
Катки моторные	1	1	тонна	5
Катки прицепные	1	1	тонна	5

4. Кадровый состав и финансирование

Личный состав дорожного хозяйства воссозданной автономной области составлял 93 человека, из них 20 входили в административно-управленческий персонал, 14 были дорожными мастерами и 59 — дорожными ремонтерами. Штат ДЭУ № 365 состоял из 32 человек, ДЭУ № 381 — из 18 чел., ДЭУ № 377 — из 38 человек, а сам Калмыцкий областной отдел автошосдор — из 5 человек [НА РК. Ф. Р-218. Оп. 1. Д. 13. Л. 10]. Рабочие обычно нанимались сезонно, летом велись дорожные работы, в зимний сезон — заготовка материалов. Нехватка рабочей силы была связана со сравнительно низкой заработной платой: дорожный рабочий получал 330 руб., тогда как на такой же земляной работе физически здоровый человек мог зарабатывать 500–600 руб. [НА РК. Ф. Р-218. Оп. 1. Д. 14. Л. 28].

Большой проблемой было отсутствие квалифицированных специалистов из местного населения, а специалисты из других областей и краев не хотели ехать в Калмыцкую АССР из-за сложных климатических условий и ряда других трудностей: низкий оклад, отсутствие жилищного фонда у дорожного хозяйства и пр. Вследствие такой ситуации приходилось ставить на должность начальника районного дорожного отдела людей без специального образования или имеющих незаконченное среднее образование.

Финансирование дорожников шло из нескольких источников: государственное финансирование, по указу «Об участии колхозов, совхозов, промышленных, транспортных, строительных и других предприятий и хозяйственных организаций в строительстве и ремонте автомобильных дорог» [Указ 1959] и за счет трудового участия сельского населения, что в основном соответствовало источникам финансирования автодорожного хозяйства и в других регионах Советского Союза (см., например: [Демчик 2022: 113]). Государственное финансирование подлежало строгому учету и направлялось в основном на строительство дорог государственного и республиканского значения. В письмах в министерство автомобильного транспорта и шоссейных дорог СССР (министр Ф. В. Калабухов) руководители региона обращают внимание на различные проекты, связанные с развитием транспортной сети в Калмыкии, и просят ускорить их проектирование и строительство или выделить дополнительное финансирование [НА РК. Ф. Р-309. Оп. 1. Д. 171. Л. 1–2].

5. Реализация первых проектов строительства автомобильных дорог

Первыми целями дорожного строительства в Калмыкии стали автодороги Дивное – Элиста и Элиста – Сталинград. В 1958 г. МДС № 22 и ДЭУ № 377 начали работы по подготовке первого маршрута (Дивное – Элиста) под покрытие из асфальтобетона. Дорога с булыжным покрытием была построена еще в 1940 г., с того времени ремонт не проводился. Ширина твердого покрытия была равна 3,0–4,5 метрам и на момент восстановления автономии находилась в полуразрушенном состоянии. Проектной документацией занималось Саратовское отделение Гипроавтотранса. Основной проблемой в работе стало строительство дамб, а затем мостов на рукавах р. Маныч-1 и Маныч-2 из-за природного ландшафта. Постановлением Совета Министров РСФСР от 22 февраля 1957 г. № 58 было предусмотрено строительство мостов и дамб через реку Маныч, на что выделялось 1,5 млн рублей [НА РК. Ф. Р-309. Оп. 1. Д. 66. Л. 4]. Большим подспорьем для работы стала железнодорожная станция в Дивном, куда поступало большое количество дорожно-строительных материалов: гравий, камень, щебень, битум и холодный асфальт. Строительство асфальтированной дороги позволило бы увеличить темпы строительства социально-экономической инфраструктуры в Элисте и создать локальную автодорожную сеть возле города.

При обсуждении второго маршрута (Элиста – Сталинград) руководство Целинного района предложило перенести его, обосновав свою точку зрения экономическими расчетами. Оно указало на то, что существующий грейдер Элиста – Красный (Улан-Эрге) – Чилгир – Заливной (Алцынхута) – совхоз им. Чкалова (Татал) – совхоз им. Чапаева (Ханата) – Малые Дербеты находится вдали от ключевых населенных пунктов Целинного района. Строительство отдельных дорог и мостов от указанных населенных пунктов к этой дороге приведет к существенному удорожанию проекта. «Целинники» доказывали с цифрами на руках, что асфальтобетонное шоссе следует вести через населенные пункты Целинного района и с. Садовое, что

заметно удешевит проект и сделает более доступными ряд сел и колхозов [НА РК. Ф. Р-218. Оп. 1. Д. 131. Л. 14–15].

Отметим, что современное шоссе Элиста – Волгоград проходит по маршруту Элиста – Троицкое – Ергенинский – Кетченеры – Аршань-Зельмень – Садовое, т. е. с некоторым отклонением повторяет маршрут, предложенный руководством Целинного района. Правда, потом пришлось прокладывать отдельные дороги к п. Аршан-Булг (Целинный), Бага-Чонос (Балковский), Алцынхута (Заливной), Овата (центральная усадьба совхоза «Балковский»), совхоз им. Чкалова, Ханата, но это уже тема другого исследования. Очевидно, что прокладывание дороги через три райцентра было более экономически выгодным. Такой маршрут улучшил бы снабжение города. Для представителей Целинного района, от которого предлагалось изменение маршрута строительства дороги до Волгограда, такое решение было важным в плане того, что сельские жители могли бы продавать свою продукцию (овощи, яйца, молоко, бахчевые).

Помимо государственного финансирования, активно привлекались и ресурсы местных организаций. Совет Министров Калмыцкой АССР 5 августа 1959 г. принял постановление «Об утверждении плана участия колхозов, совхозов, промышленных, транспортных, строительных и других организаций в строительстве и ремонте автомобильных дорог» [НА РК. Р-309. Оп. 1. Д. 132. Л. 27]. Предполагалось привлечь организации, расположенные как в сельской местности, так и в городе, независимо от их подчиненности. Для каждой организации устанавливался объем работ, например, для совхозов, леспромхозов, промышленных, транспортных, строительных и других предприятий и хозяйственных организаций от 3- до 4-дневных норм на каждый принадлежащий им грузовой автомобиль, трактор, экскаватор, кран-погрузчик, землеройную и дорожную машину, для колхозов — от 4- до 6-дневных норм на каждого трудоспособного члена колхоза и от 2- до 4-дневных норм на каждый грузовой автомобиль, трактор, экскаватор, кран-погрузчик, землеройную и дорожную машину и на каждую единицу живой тягловой силы, принадлежащих колхозу. Районный исполком имел право налагать штраф на колхозы, совхозы, предприятия в размере до 50 % сметной стоимости невыполненных работ, а на их руководителей — в размере до 400 руб. в случае уклонения от дорожных работ [НА РК. Ф. Р-309. Оп. 1. Д. 132. Л. 16–17]. Объем работ по строительству и ремонту дорог можно увидеть в планах на 1958 г. и их реализации (см. табл. 3).

Таблица 3. Плановые показатели по республиканским дорогам на 1958 г. и их реализация [НА РК. Ф. Р-218. Оп. 1. Д. 13. Л. 12–14]

[*Table 3*. The 1958 planned targets for republican roads and their implementation]

Наименование	Един. измерения	План на 1958 г.		
		план	выполнено	%
I. Капитальный ремонт				
Сметная стоимость капитального ремонта	тыс. руб.	2 919,4	1 736,8	60
Капитальный ремонт дорог	км	7	4,4	63
В том числе мостовые		7	4,4	63
Устройство глухой земляной дамбы на переходе Маныч-2 и укрепительные работы	(тыс. $м^3$) / (тыс.$м^2$)			
137,5 / 38,8	123			
Капитальный ремонт искусственных сооружений (долговременные трубы)	погон. м.	180	174	97
Капитальный ремонт гражданских зданий	(шт.) / $м^3$	4/1218	1/188	15,6

II. Средний ремонт				
Сметная стоимость среднего ремонта	тыс. руб.	217	223	103
Средний ремонт дорог всего (грунтово-профилированные)	км	100	141	141
III. Финансирование по ремонту и содержанию дорог				
Общий объем финансирования	тыс. руб.	4 272	2 789	65
Из них работы, выполняемые подрядным способом	тыс. руб.	1 210	102,5	10
а) капитальный ремонт дорог и сооружений	тыс. руб.	2 919,4	1 736,8	60
б) средний ремонт дорог и сооружений	тыс. руб.	217	223	103
в) текущий ремонт	тыс. руб.	343	323,1	94
г) зимнее содержание	тыс. руб.	54,4	43	79
д) содержание ДЭУ и линии	тыс. руб.	701,9	415	59
е) капитальный ремонт механизмов	тыс. руб.	36,3	48,1	184
Источники покрытия затрат				
Бюджетные ассигнования	тыс. руб.	4 000	3 955,1	—
Трудовое участие	—	162	140	86
Численность платного персонала	—	262	210	—

В отчете ДЭУ № 381 за 1959 г. видны характерные проблемы ремонта дороги Ставрополь – Астрахань того времени. Год оказался весьма неблагоприятным для ремонта дорог, так как осенью, зимой и весной осадков было очень мало, а лето оказалось засушливым и сопровождалось сильными ветрами. В результате этого проведенный средний ремонт на участке с 319 по 402 км оказался безрезультатным, несмотря на то, что на полотно дороги был уложен грунт высотой 10–15 см, в низинах — до 50 см, а местами работы производились дважды. Всего уложено в низинах 4 861 м^3 грунта. Вследствие беспрерывных сильных ветров, доходящих до ураганной силы, уложенный грунт выдувало и после среднего ремонта приходилось производить текущий ремонт, особенно на участке Красное – Яшкуль (трижды) [НА РК. Ф. Р-218. Оп. 1. Д. 26. Л. 65].

Испарительные бассейны занесло, и местами они оказались выше уровня дороги. На участке между 490 и 403 км в низинах грунт настолько сильно выдуло, что после прошедшего осенью дождя дорога оказалась под водой. Особенно тяжелое состояние дороги было на участке между Хулхутой и границей с Астраханской областью, где она проходит в выемках. Здесь постоянно производился текущий ремонт, но грунт (глина и песок) выдувался, и получалась выемка до 2 м глубиной с отвесными краями. При этом песок выдуло, и дорога превратилась в сплошные ухабы. Вдоль всего этого участка была проложена параллельно вторая дорога-времянка, но автомашины этой дорогой пользовались исключительно редко, и ее занесло. Для того чтобы этот участок привести в проезжее состояние, был необходим бульдозер — для засыпки низин и рытья испарительных бассейнов. Однако найти бульдозер дорожный участок не смог [НА РК. Ф. Р-218. Оп. 1. Д. 26. Л. 65].

6. Строительные материалы

Особое место в дорожном строительстве занимают строительные материалы, потому что от них зависит тип покрытия дороги и состав многослойной конструкции дорог — так называемой «дорожной одежды». Калмыкия богата минерально-сырьевыми ресурсами, и их изучение и освоение развернулось в основном после Великой Отечественной войны [Манджиев, Клюкин 1979: 21]. С 1944 г. на территории региона проводились систематически геологическая и гидрогеологическая съемки, а также поисковые работы, в результате которых был найден целый ряд месторождений сырья для строительных материалов: глина для кирпича и черепицы, песок для силикатных и силикальцитных изделий и строительных растворов, песчаник для бутового камня и щебня, глиногипс для строительного гипса, а также известняк-ракушечник для стенового камня и извести.

Однако их добыча началась в 1960-е гг., и поэтому в конце 1950-х гг. дорожникам приходилась заказывать строительный материал в других регионах страны, что в свою очередь увеличивало первоначальную стоимость дорожных проектов и сроки строительства. Например, щебеночный материал поставлялся с Нальчикского щебеночного завода, а каменный материал — с Грозненского механического карьера [НА РК. Ф. Р-309. Оп. 1. Д. 824. Л. 40]. Удаленность источников строительных материалов усложняла реализацию задач строительства дорог. Так, в других регионах карьеры располагались недалеко от строительства, а потоки строительных грузов в направлении регионов, где велись дорожные работы, были интенсивными, и, как отмечают исследователи, автодорожные коммуникации существенно отставали от их интенсивности движения [Веселов 2017: 45].

Руководство республики, учитывая объективные условия и задачи, себестоимость строительства дорог, в первые же годы поставило цель асфальтирования дорог как единственного решения проблемы строительства и ремонта автодорог. Но процесс возведения и восстановления автодорог затянулся на несколько десятилетий.

Понимая важность автодорожного строительства, Президиум Верховного Совета Калмыцкой АССР 23 марта 1960 г. выделил из созданного после преобразования Калмыцкой автономной области в Калмыцкую АССР в 1958 г. на основе отдела автошосдора управления автомобильного транспорта и шоссейных дорог управление строительства и ремонта автомобильных дорог. В ведение этого Калмыцкого дорожного управления вошли 8 районных дорожных отделов и два ДЭУ, которые обслуживали дороги автономно-республиканского значения общей протяженностью 2 122 км и 748 погон. м искусственных сооружений.

7. Заключение

Дорожное строительство в автономной Калмыкии в конце 1950-х гг. было развито слабо. Процент дорог, имеющих твердое покрытие, был крайне низок и создавал серьезные проблемы для коммуникации города с районными центрами региона. Такое положение дел объясняется несколькими ключевыми факторами: окраинное положение в послевоенный период в составе существовавших административно-территориальных единиц районов, вошедших в состав воссозданной в 1957 г. автономной Калмыкии; недостаточное финансирование; недостаточная подготовка кадров, недостаток квалифицированной рабочей силы и низкий уровень обеспеченности дорожно-строительной техникой.

Источники

НА РК — Национальный архив Республики Калмыкия.

Sources

National Archive of the Republic of Kalmykia.

Литература

Бекряев 1996 — *Бекряев Б. А.* Дороги России: исторический аспект. М.: КРУК, 1996. 403 с.

Веселов 2017 — *Веселов С. И.* Создание локальной автодорожной сети в нефтедобывающих районах севера Западной Сибири в середине 1960-х – 1970-е гг. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2017. № 3-1(77). С. 44–48.

Веселов 2019 — *Веселов С. И.* Опыт строительства первых автомагистралей в Ханты-Мансийском округе в 1960-е гг. // Северный регион: наука, образование, культура. 2019. № 1–2(41–42). С. 43–48.

Веселов 2020 — *Веселов С. И.* Предпосылки формирования дорожно-строительной отрасли в Ханты-Мансийском национальном округе в 1930–1950-е гг. // Накануне «Большой нефти»: Югра в послевоенные годы (1945–1950-е гг.): сб. науч. ст. Всеросс. науч. конф. (г. Сургут, 18 октября 2019 г.). Сургут: Альфа Принт, 2020. С. 61–71.

Демчик 2022 — *Демчик Е. В.* Дорожная сеть районов Алтайского края на начальном этапе освоения целинных и залежных земель, 1954–1955 гг. // Историко-экономические исследования. 2022. Т. 23. № 1. С. 108–131. DOI: 10.17150/2308-2488.2022.23(1).108-131

Максимов 2009 — *Максимов К. Н.* Репрессии против калмыцкого народа и его реабилитация // История Калмыкии с древнейших времен до наших дней: в 3 тт. Т. 2. Элиста: Герел, 2009. С. 580–641.

Максимов 2013 — *Максимов К. Н.* Калмыкия в советскую эпоху: политика и реалии. Элиста: Герел, 2013. 464 с.

Максимов, Лиджиева 2017 — *Максимов К. Н., Лиджиева И. В.* Калмыкия в XX веке.

Исторический опыт и его значение. М.: Наука, 2017. 461 с.

Манджиев, Клюкин 1979 — *Манджиев С. В., Клюкин Н. В.* Калмыцкая АССР. Экономико-географический очерк. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1979. 138 с.

Очерки 1970 — Очерки истории Калмыцкой АССР. Т. 2. Эпоха социализма. М.: Наука, 1970. 432 с.

Толь кровельный — Толь кровельный. Технические характеристики. ГОСТ 10999—64 [электронный ресурс] // URL: https://files.stroyinf.ru/Data2/1/4293790/4293790929.pdf (дата обращения: 01.09.2023).

Указ 1959 — Указ Президиума Верховного Совета РСФСР «Об участии колхозов, совхозов, промышленных, транспортных, строительных и других предприятий и хозяйственных организаций в строительстве и ремонте автомобильных дорог» от 7 апреля 1959 г. [электронный ресурс] // URL: https://www.consultant.ru/cons/ESU&n=14279#RfADwxT63o2yQ2UQ1 (дата обращения: 15.09.2023).

Ушаков 2005 — *Ушаков В. В.* Справочник дорожных терминов. М.: ЭКОН – ИНФОРМ, 2005. 256 с.

References

Bekryaev B. A. Roads of Russia: A Historical Aspect. Moscow: KRUK, 1996. 403 p. (In Russ.)

Chugaev D. A. (ed.) Kalmyk ASSR: Historical Essays. In 2 vols. Vol. 2: Socialist Era. Moscow: Nauka, 1970. 432 p. (In Russ.)

Demchik E. V. Road network of Altai Krai districts at the initial stage of development of virgin and fallow lands, 1954-1955. *Journal of Economic History & History of Economics*. 2022. Vol. 23. No. 1. Pp. 108–131. (In Russ.) DOI 10.17150/2308-2488.2022.23(1).108-131.

Maksimov K. N. Kalmykia in the Soviet Era: Politics and Reality. Elista: Gerel, 2013. 464 p. (In Russ.)

Maksimov K. N. Repressions against ethnic Kalmyks and the latter's rehabilitation. In: Maksimov K. N., Ochirova N. G. (eds.) History of Kalmykia: From Earliest Times to Present Days. In 3 vols. Vol. 2. Elista: Gerel, 2009. Pp. 580–641. (In Russ.)

Maksimov K. N., Lidzhieva I. V. Twentieth-Century Kalmykia: Historical Experience and Its Significance. Moscow: Nauka, 2017. 461 p. (In Russ.)

Mandzhiev S. V., Klyukin N. V. Kalmyk ASSR: An Essay in Economic Geography. Elista: Kalmykia Book Publ., 1979. 138 p. (In Russ.)

Order of the Presidium of the RSFSR Supreme Soviet of 7 April 1959 on Participation of Kolkhozes, Sovkhozes, Industrial, Transport, Construction and Other Economic Organizations in Public Road Building and Repair Activities. On: CONSULTANT PLUS Law Assistant System. Available at: https://www.consultant.ru/cons/ESU&n=14279#RfADwxT63o2yQ2UQ1 (accessed: 15 September 2023). (In Russ.)

Roofing tar paper. Specification. GOST 10999—64. On: Online Library of Engineering Guidelines and Technical Specifications. Available at: https://files.stroyinf.ru/Data2/1/4293790/4293790929.pdf (accessed: 1 September 2023). (In Russ.)

Ushakov V. V. The Handbook of Road Terms. Moscow: EKON – INFORM, 2005. 256 p. (In Russ.)

Veselov S. I. Construction experience of the first motorways in the Khanty-Mansi Okrug in the 1960s. *Severny region: nauka, obrazovanie, kultura*. 2019. No. 1-2 (41-42). Pp. 43–48. (In Russ.)

Veselov S. I. Developing local road network in northern oil-producing areas of Western Siberia in the middle of the 1960-1970s. *Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice (Manuscript)*. 2017. No. 3(77). Pt. 1. Pp. 44–48. (In Russ.)

Veselov S. I. Preconditions for the shaping of public road industry in Khanty-Mansi National Okrug, 1930s–1950s. In: Stas I. N. (ed.) On the Eve of the Oil Boom: Yugra in Post-War Years, 1945–1950s. Conference proceedings (Surgut, 18 October 2019). Surgut: Alfa Print, 2020. Pp. 61–71. (In Russ.)

Published in the Russian Federation
Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
Has been issued as a journal since 2008
ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
Vol. 16, Is. 5, Pp. 1177–1187, 2023
Journal homepage: https://kigiran.elpub.ru

УДК / UDC 902/904
DOI: 10.22162/2619-0990-2023-69-5-1177-1187

Новые данные по радиоуглеродной хронологии неолитических комплексов Виловатовской стоянки

Константин Михайлович Андреев[1], *Анатолий Владимирович Сомов*[2], *Марианна Алексеевна Кулькова*[3]

[1] Самарский государственный социально-педагогический университет (д. 65/67, ул. М. Горького, 443099 Самара, Российская Федерация)
кандидат исторических наук, доцент
0000-0003-3707-3142. E-mail: konstantin_andreev_88[at]mail.ru

[2] Самарский государственный социально-педагогический университет (д. 65/67, ул. М. Горького, 443099 Самара, Российская Федерация)
лаборант
0000-0001-8624-074X. E-mail: somov.anatoly[at]gmail.com

[3] Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (д. 48/12, наб. реки Мойки, 191186 Санкт-Петербург, Российская Федерация)
доктор геолого-минералогических наук, доцент
0000-0001-9946-8751. E-mail: kulkova[at]mail.ru

© КалмНЦ РАН, 2023
© Андреев К. М., Сомов А. В., Кулькова М. А., 2023

Аннотация. *Введение.* Статья посвящена представлению новейших результатов абсолютного датирования неолитической керамики Виловатовской стоянки. На данном памятнике получена одна из самых выразительных коллекций посуды развитого и позднего неолита лесостепного Поволжья. *Целью* работы является введение в научный оборот массива радиоуглеродных датировок, полученного по неолитическому комплексу Виловатовской стоянки. В задачи исследования входит характеристика датированных образцов посуды, анализ и интерпретация полученных абсолютных значений и определение их места в системе радиоуглеродных датировок средневолжской культуры. *Материалы и методы.* В ходе работы с керамической коллекцией Виловатовской стоянки в 2018–2019 гг. авторами были отобраны фрагменты четырнадцати неолитических сосудов. Четыре орнаментированы наколами различной формы, один — наколами в сочетании с прочерченными линиями и еще девять образцов украшены оттисками гребенчатого штампа. На базе Лаборатории изотопных исследований Центра коллективного пользования «Геоэкология» в Российском государственном педагогическом университете им. А. И. Герцена было осуществлено их радиоуглеродное датирование жидкостным сцинтилляционным методом. *Результаты.* Сосуды Виловатовской стоянки, орнаментированные в накольчатой манере, получили даты от третьей четверти VI до второй четверти V тысячелетия до н. э. Они хорошо согласуются с имею-

щимися по накольчатой керамике средневолжской культуры определениями. Фрагменты сосуда, украшенного сочетанием прочерченных и накольчатых элементов, получили дату первой половины V тысячелетия до н. э. Абсолютные значения посуды, орнаментированной вдавлениями гребенчатого штампа, занимают достаточно широкий хронологический диапазон от последней четверти VI до третьей четверти V тысячелетия до н. э. Они также хорошо коррелируют с известными датами гребенчатой керамики как Виловатовской стоянки, так и средневолжской культуры. *Выводы*. Полученные абсолютные определения пополнили массив радиоуглеродных датировок средневолжской культуры лесостепного Поволжья. Они свидетельствуют о синхронном бытовании традиций украшения посуды наколами и оттисками гребенчатого штампа на Виловатовской стоянке в частности и в рамках средневолжской культуры в целом.

Ключевые слова: неолит, археологическая керамика, лесостепное Поволжье, радиоуглеродное датирование, Виловатовская стоянка

Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ в рамках проекта «Векторы и динамика культурно-исторических процессов в каменном веке Среднего Поволжья» (№ 23-78-10088, https://rscf.ru/project/23-78-10088/). Авторы выражают огромную признательность главному хранителю археологических фондов Самарского областного историко-краеведческого музея им. П. В. Алабина А. Ф. Кочкиной за предоставленную возможность обработки коллекции Виловатовской стоянки и отбора образцов на радиоуглеродный анализ.

Для цитирования: Андреев К. М., Сомов А. В., Кулькова М. А. Новые данные по радиоуглеродной хронологии неолитических комплексов Виловатовской стоянки // Oriental Studies. 2023. Т. 16. № 5. С. 1177–1187. DOI: 10.22162/2619-0990-2023-69-5-1177-1187

Neolithic Patterns from the Vilovatoye Site: New Radiocarbon Chronology Data

Konstantin M. Andreev[1], *Anatoly V. Somov*[2], *Marianna A. Kulkova*[3]

[1] Samara State University of Social Sciences and Education (65/67, Gorky St., 443099 Samara, Russian Federation)
Cand. Sc. (History), Associate Professor
0000-0003-3707-3142. E-mail: konstantin_andreev_88[at]mail.ru

[2] Samara State University of Social Sciences and Education (65/67, Gorky St., 443099 Samara, Russian Federation)
Laboratory Assistant
0000-0001-8624-074X. E-mail: somov.anatoly[at]gmail.com

[2] Herzen University (48/12, Moyka Emb., 191186 St. Petersburg, Russian Federation)
Dr. Sc. (Geology and Mineralogy), Associate Professor
0000-0001-9946-8751. E-mail: kulkova[at]mail.ru

© KalmSC RAS, 2023
© Andreev K. M., Somov A. V., Kulkova M. A., 2023

Abstract. *Introduction*. The article presents some latest absolute dates for Neolithic pottery from the Vilovatoye site, the latter being characterized by a most impressive pottery collection from the Middle and Late Neolithic across the forest-steppe Volga River basin. *Goals*. The work shall introduce a series of radiocarbon dates for Neolithic patterns of the Vilovatoye site. To facilitate this, the paper shall describe the vessels that yielded such radiocarbon dates, analyze and interpret the absolute values, compare the latter to those of the Middle Volga culture. *Materials and methods*. In 2018–2019, shards from a total of fourteen Neolithic vessels excavated in the site of Vilovatoye were selected. Four of them were decorated with pricks of different shapes, one bore pricks combined with blackened lines, and nine vessels had comb stamps. Radiocarbon dating by liquid scintillation was conducted at the Radiocarbon Laboratory of Herzen University. *Results*. The pricked vessels of the Vilovatoye site dated from the third

quarter of the 6th millennium BC to the second quarter of the 5th millennium BC. These results tend to well correlate with dates yielded by pricked pottery of the Middle Volga culture. The shards of the vessel decorated with pricks and blackened lines were dated to the first half of 5th millennium BC. The absolute dates for the comb-imprinted pottery cluster within a vast interval — from the last quarter of the 6th millennium BC to the third quarter of the 5th millennium BC. So, the latter dates also well correlate with available radiocarbon values for comb-ornamented pottery of both the Vilovatoye site and the Middle Volga culture. *Conclusions*. The newly obtained radiocarbon values shall significantly add to the set of dates for the Middle Volga culture. Those are evidence that the traditions of pricked and comb-stamped pottery somewhat co-existed — on the Vilovatoye site in particular, and within the Middle Volga culture at large.

Keywords: Neolithic, archaeological ceramics, forest-steppe Volga region, radiocarbon dating, Vilovatoye site

Acknowledgements. The reported study was funded by Russian Science Foundation, project no. 23-78-10088 'Stone Age in the Middle Volga Region: Vectors and Dynamics of Cultural and Historical Processes'. The authors express utmost gratitude to Anna F. Kochkina, Chief Archaeological Custodian at the Alabin Samara Oblast Museum of Local History and Lore, for the granted opportunity to revisit the finds from the Vilovatoye site and select samples for radiocarbon analysis.

For citation: Andreev K. M., Somov A. V., Kulkova M. A. Neolithic Patterns from the Vilovatoye Site: New Radiocarbon Chronology Data. *Oriental Studies*. 2023; 16(5): 1177–1187. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2023-69-5-1177-1187

1. Введение

Определение абсолютного времени бытования неолитических памятников и конкретных типов керамики является одной из актуальных задач в отечественном неолитоведении. Понимание датировки комплексов имеет большое значение для осуществления надежного сопоставления материалов разных регионов, а также поиска истоков формирования тех или иных керамических традиций. Наряду с Ивановской стоянкой, Виловатовская стоянка является опорной при характеристике посуды средневолжской культуры южной части лесостепного Поволжья [Васильев, Выборнов 1988: 19–36]. Введению в научный оборот серии новейших радиоуглеродных датировок посвящена настоящая статья.

Виловатовская стоянка находится в Богатовском районе Самарской области в 2 км к северо-востоку от села Виловатое. Памятник исследовался в 1977–1979 гг. И. Б. Васильевым, Г. Г. Пениным и Н. Л. Моргуновой. Общая вскрытая площадь составляет 1 368 м^2. В ходе раскопок выявлены культурно-хронологические комплексы неолита-энеолита, которые в связи с особенностями формирования культурного слоя не поддаются стратиграфическому или планиграфическому разделению. Всего исследователями выделено семь типологических групп посуды, при этом наиболее многочисленные первые четыре относятся к неолитической эпохе [Васильев и др. 1980: 151–189].

На заре массового радиоуглеродного датирования неолитических керамических комплексов Волго-Камья А. А. Выборновым была получена серия определений по материалам Виловатовской стоянки: 12 дат по 6 образцам керамики [Выборнов 2008: 242–243]. Однако, судя по фотографиям отобранных фрагментов, зачастую были датированы не конкретные сосуды, а «усредненные» типы накольчатой или гребенчатой керамики [Выборнов и др. 2016: 81–82].

2. Методика

В 2018–2019 гг. в археологических фондах Самарского областного историко-краеведческого музея им. П. В. Алабина была проведена обстоятельная работа с керамической коллекцией Виловатовской стоянки. Осуществлена повторная группировка материала с опорой на типологические и морфологические особенности конкретных фрагментов керамики. Для последующего радиоуглеродного датирования были отобраны образцы от четырнадцати четко определимых отдельных сосудов.

Радиоуглеродное датирование осуществлялось на базе Лаборатории изотопных исследований Центра коллективного пользования «Геоэкология» Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена (РГПУ им. А. И. Герцена). При определении абсолютного возраста образцов использовалась методика жидкостного

сцинтилляционного радиоуглеродного датирования [Ковалюх, Скрипкин 2007; Кулькова 2014]. Образцы керамики (70–100 г.), содержащие 1–3 % углерода, обрабатываются в однопроцентном растворе плавиковой кислоты (HF) 2–3 дня, затем — 3-процентной соляной кислотой (HCl) до полного удаления карбонатов. После промывки дистиллированной водой образцы подвергаются кратковременной обработке однопроцентным раствором NaOH. Высушенные образцы смешиваются с диоксидом марганца в специальном стальном реакторе с титановым стаканчиком. В процессе «вакуумного пиролиза» углекислый газ, выделяющийся при разложении органики, соединяется с литием, образуя карбид лития. При разложении карбида лития дистиллированной водой образуется ацетилен, который затем полимеризуется на ванадиевом катализаторе с образованием бензола. Измерения активности радиоуглерода проводятся с использованием низкофонового сцинтилляционного счетчика Quantulus 1220.

3. Результаты радиоуглеродного датирования керамических комплексов Виловатовской стоянки

Фрагменты сосуда толщиной 8–9 мм с заглаженными внутренней и внешней поверхностями и визуально определимой примесью песка, с жемчужным пояском на прямом венчике с плоским, орнаментированным округлыми вдавлениями срезом, украшенным двумя параллельными горизонтальными рядами подквадратных отступающих наколов, получили датировку, относящуюся ко второй четверти V тысячелетия до н. э. (см. табл. 1: 5, рис. 1: 5) [Васильев и др. 1980: 163, рис. 6: 2].

Второй сосуд имеет толщину стенок 9–11 мм, заглаженные внутреннюю и внешнюю поверхности и визуально определимую примесь песка. Жемчужный поясок нанесен на прямой с округлым срезом венчик, украшенный от торца горизонтальными линиями округлых отступающих наколов, под которыми располагаются диагональные зоны из коротких горизонтальных рядов тех же наколов. Его абсолютная дата относится к последней четверти VI тысячелетия до н. э. (см. табл. 1: 1, рис. 1: 1).

Сосуд с толщиной стенок 7–9 мм и подлощеной внешней поверхностью и заглаженной внутренней, без визуально определимых примесей, орнаментированный диагональными рядами треугольных наколов в отступающей манере разделенными горизонтальным рядом тех же наколов, получил дату, относящуюся к третьей четверти VI тысячелетия до н. э. (см. табл. 1: 2, рис. 1: 2).

По фрагментам сосуда толщиной 6–7 мм с подлощеной внешней поверхностью и заглаженной внутренней без визуально определимых примесей, с ямочным пояском на прямом венчике с округлым орнаментированным наколами срезом, украшенным от торца горизонтальными рядами спаренных плотно поставленных наколов, получена датировка, относящаяся к первой четверти V тысячелетия до н. э. (см. табл. 1: 4, рис. 1: 4) [Васильев и др. 1980: 163, рис. 6: 15].

Фрагменты сосуда толщиной 7–8 мм с заглаженными внутренней и внешней поверхностями без визуально определимых примесей, с жемчужным пояском на слабопрофилированном венчике с плоским украшенным насечками срезом: орнаментированы от торца горизонтальными рядами сильно углубленных округлых отступающих наколов, разделенных горизонтальным зигзагом тех же наколов, ниже располагается косая решетка, образованная прочерченными линиями. Датированы первой половиной V тысячелетия до н. э. (см. табл. 1: 3, рис. 1: 3) [Васильев и др. 1980: 163, рис. 6: 20].

Следующий сосуд имеет толщину стенок 9–10 мм, заглаженные внутреннюю и внешнюю поверхности, без визуально определимых примесей. На прямом венчике под округлым срезом располагается ямочный поясок, под которым проходят горизонтальные ряды диагонально ориентированных оттисков среднего по длине и широкого гребенчатого штампа, разделенные горизонтальными линиями вдавлений длинного и среднего по ширине гребенчатого штампа. Дата относится к первой половине V тысячелетия до н. э. (см. табл. 1: 7, рис. 1: 7) [Васильев и др. 1980: 168, рис. 10: 3].

Сосуд с толщиной стенок 7–8 мм, с заглаженной внешней поверхностью и горизонтальными расчесами на внутренней, без визуально определимых примесей: на венчике ямочный поясок, под которым проходят плотные горизонтальные ряды шагающей гребенки, выполненной оттисками среднего по ширине и длине гребенчатого штампа. Венчик прикрытый, с плоским скошенным внутрь орнаментированным насечками срезом. Получено значение — третья четверть

V тысячелетия до н. э. (см. табл. 1: 8, рис. 2: 1) [Васильев и др. 1980: 167, рис. 9: 10].

По фрагментам сосуда без визуально определимых примесей толщиной 6 мм с заглаженными внутренней и внешней поверхностями, украшенным горизонтальными рядами диагонально ориентированных оттисков короткого по длине и широкого гребенчатого штампа, получена датировка, относящаяся к первой половине V тысячелетия до н. э. (см. табл. 1: 11, рис. 2: 4).

Фрагменты сосуда толщиной 9–10 мм с заглаженными внутренней и внешней поверхностями и визуально определимой примесью песка и прямым с округлым срезом венчиком: орнаментированы горизонтальными рядами диагонально ориентированных оттисков среднего по длине и широкого гребенчатого штампа, расположенными под углом друг к другу (елочка). Датированы последней четвертью VI – началом первой четверти V тысячелетия до н. э. (см. табл. 1: 9, рис. 2: 2).

Очередной сосуд имеет толщину стенок 7–8 мм, подлощеную внешнюю поверхность и заглаженную внутреннюю, визуально определимую примесь раковины. Венчик прикрытый, с ямочным пояском и округлым украшенным овальными наколами срезом и горизонтальным рядом диагонально ориентированных вдавлений гребенчатого штампа на внутренней стороне. Орнаментирован горизонтальными однонаправленными рядами диагонально ориентированных оттисков короткого по длине и среднего гребенчатого штампа. Донце плоское, оно украшено по радиусу вдавлениями того же штампа. Дата относится к последней четверти VI – первой четверти V тысячелетия до н. э. (см. табл. 1: 12, рис. 2: 6).

По фрагментам от сосуда с визуально определимой примесью песка, толщиной 8–9 мм, с заглаженными внутренней и внешней поверхностями, ямочным пояском на прикрытом с приостренным срезом венчике, орнаментированном горизонтальными рядами диагонально ориентированных оттисков короткого по длине и широкого гребенчатого штампа, получена датировка, относящаяся к первой половине V тысячелетия до н. э. (см. табл. 1: 10, рис. 2: 3) [Васильев и др. 1980: 166, рис. 8: 1].

Фрагменты сосуда толщиной 9–11 мм с подлощеной внешней поверхностью и заглаженной внутренней, без визуально определимых примесей: венчик слегка прикрытый с ямочным пояском и округлым, украшенным оттисками трехзубого штампа, срезом и горизонтальным рядом диагонально ориентированных вдавлений штампа на внутренней стороне. Орнаментирован горизонтальными однонаправленными рядами диагонально ориентированных оттисков короткого по длине и широкого гребенчатого штампа. Датирован первой четвертью V тысячелетия до н. э. (см. табл. 1: 13, рис. 2: 5).

Сосуд с толщиной стенок 9–11 мм, с заглаженной внутренней и внешней поверхностями, визуально определимой примесью песка, украшенный горизонтальными рядами оттисков среднего по длине и ширине гребенчатого штампа, расположенными в шагающей манере, получил датировку второй четверти V тысячелетия до н. э. (см. табл. 1: 6, рис. 1: 6).

Еще один сосуд имеет толщину стенок 7–8 мм, заглаженную внешнюю поверхность и горизонтальные расчесы на внутренней и визуально определимую примесь раковины. Прямой с плоским срезом венчик украшен жемчужным пояском, под которым располагаются горизонтальные ряды оттисков длинного и среднего по ширине гребенчатого штампа, нанесенные в шагающей манере. Плоское донце орнаментировано радиальными рядами шагающей гребенки. Датирован последней четвертью VI тысячелетия до н. э. (см. табл. 1: 14, рис. 2: 7) [Васильев и др. 1980: 168, рис. 10: 7].

4. Обсуждение

Сосуды, орнаментированные в накольчатой манере, получили датировки в достаточно широком хронологическом диапазоне от третьей четверти VI до второй четверти V тысячелетия до н. э. (см. табл. 1: 1–2, 4–5, рис. 1: 1–2, 4–5). Наиболее ранние значения относятся к сосуду, который украшен вдавлениями треугольной формы, нанесенными в отступающей манере, образующими достаточно сложный мотив орнамента. Фрагменты с относительно простыми, линейными композициями получили более поздние датировки. Представленное обстоятельство в какой-то степени может свидетельствовать об упрощении накольчатых орнаментальных мотивов в первой половине V тысячелетия до н. э. на Виловатовской стоянке. Однако данное предположение нуждается в надежном фактическом подтверждении на

Таблица 1. Новые радиоуглеродные даты, полученные по керамике Виловатовской стоянки
[*Table 1*. New radiocarbon dates for vessels from the Vilovatoye site]

№	Лаб. индекс	Возраст (BP)	Возраст (calBC)*	Рисунок
1	SPb – 2820	6190±120	1σ 5300–5000 2σ 5500–4800	1: 1
2	SPb – 2821	6394±120	1σ 5480–5220 2σ 5650–5050	1: 2
3	SPb – 2822	5870±120	1σ 4900–4550 2σ 5050–4450	1: 3
4	SPb – 2819	5960±110	1σ 4990–4710 2σ 5250–4550	1: 4
5	SPb – 2823	5840±110	1σ 4830–4550 2σ 5000–4450	1: 5
6	SPb – 3486	5770±150	1σ 4790–4450 2σ 5000–4300	1: 6
7	SPb – 3705	5900±150	1σ 4950–4550 2σ 5250–4450	1: 7
8	SPb – 3617	5610±120	1σ 4590–4330 2σ 4800–4150	2: 1
9	SPb – 3618	6100±120	1σ 5210–4850 2σ 5350–4700	2: 2
10	SPb – 3619	5920±120	1σ 4960–4610 2σ 5250–4450	2: 3
11	SPb – 3742	5870±120	1σ 4900–4550 2σ 5050–4450	2: 4
12	SPb – 3744	6056±110	1σ 5210–4790 2σ 5300–4700	2: 6
13	SPb – 4035	6020±100	1σ 5050–4780 2σ 5250–4700	2: 5
14	SPb – 4057	6120±120	1σ 5220–4900 2σ 5350–4700	2: 7

* В работе использованы калиброванные значения, полученные при помощи программы OxCal v3.10.

материалах других памятников средневолжской культуры. Например, на стоянке Красный Яр VII сосуд с относительно сложным мотивом орнамента получил весьма позднюю дату середины V тысячелетия до н. э. [Выборнов и др. 2016: 93].

Обозначенные определения согласуются с известными датами по накольчатой керамике стоянки и датировками данного типа посуды средневолжской культуры лесостепного Поволжья в целом [Выборнов 2008: 242–243; Выборнов и др. 2016: 92–96; Выборнов и др. 2018: 69–70].

В то же время остается актуальной проблема более ранней хронологической позиции накольчатого комплекса Ивановского поселения, относящегося к первой половине VI тысячелетия до н. э. При этом и Виловатовская стоянка, и Ивановская располагаются относительно недалеко друг от друга территориально, и с типологической точки зрения их коллекции обнаруживают существенную близость [Васильев и др. 1980: 151–189; Моргунова 1988: 106–122]. Данная проблема далека от своего решения и ее анализу должна быть посвящена специальная работа.

Фрагменты сосуда, орнаментированного сочетанием накольчатых и прочерченных элементов, получили дату первой половины V тысячелетия до н. э. (см. табл. 1: 3, рис. 1: 3). Данное определение относится к числу наиболее поздних среди накольчатой группы дат средневолжской культуры [Выборнов и др. 2016: 91–96].

Важно отметить, что сочетание прочерченной и накольчатой техник орнаментации крайне редко фиксируется на одном сосуде,

в этой связи можно отметить, помимо рассматриваемого нами горшка и еще пары фрагментов с Виловатовской стоянки [Васильев и др. 1980: 158–164], лишь несколько черепков со стоянки Лебяжинка IV [Выборнов и др. 2007: 145].

Традиция орнаментации керамики прочерками, в том числе образующими косую решетку, формируется в раннем неолите региона и характерна для елшанской культуры [Мамонов 2000: 166; Андреев 2015: 12–13; Андреев, Выборнов 2017: 195–238].

В небольшом количестве фрагменты, украшенные прочерченными линиями, а также без орнамента выявлены на многих неолитических стоянках средневолжской культуры лесостепного Поволжья. Данное обстоятельство зачастую давало повод исследователям, с одной стороны, предполагать наличие более раннего культурно-хронологического горизонта, а с другой — «гибридные» сосуды относить к наиболее ранним этапам развития средневолжской культуры. Полученное нами определение свидетельствует о достаточно позднем проявлении традиции украшения керамики прочерченными линиями, когда елшанская культура уже прекратила свое бытование, и о ее эпизодическом использовании носителями средневолжской культуры, в том числе на поздних этапах бытования.

Наиболее многочисленная группа керамики Виловатовской стоянки, по которой получена серия дат, представлена фрагментами, орнаментированными оттисками гребенчатого штампа. Датировки занимают достаточно широкий хронологический диапазон от последней четверти VI до третьей четверти V тысячелетия до н. э. (см. табл. 1: 6–14, рис. 1: 6–7; 2). Они хорошо коррелируются с ранее полученными по гребенчатой керамике как Виловатовской стоянки, так и средневолжской культуры в целом определениями [Выборнов 2008: 241–243; Выборнов и др. 2016: 92–96; Выборнов и др. 2018: 69–70].

При этом сосуды, украшенные оттисками короткого и среднего по длине гребенчатого штампа, образующего простые горизонтальные мотивы орнамента, имеют относительно компактную хронологическую позицию последней четверти VI – первой половины V тысячелетия до н. э. (см. табл. 1: 7, 8–13, рис. 1: 7; 2: 2–6). Фрагменты, орнаментированные шагающей гребенкой, получили наиболее раннюю датировку последней четверти VI тысячелетия до н. э. (см. табл. 1: 14, рис. 2: 7) и самые поздние — второй-третьей четверти V тысячелетия до н. э. (см. табл. 1: 6, 8, рис. 1: 6; 2: 1) в группе дат гребенчатого комплекса Виловатовской стоянки. Важно заметить, что представленные значения, как и уже имеющиеся, синхронны ранним датам энеолитических комплексов региона, на что обращалось внимание специалистами [Шалапинин 2017: 380–388; Сомов, Шалапинин 2019: 229–239]. В этой связи проблема соотношения и времени начала контактов позднеолитических и раннеэнеолитических групп в лесостепном Поволжье остается весьма актуальной [Выборнов, Кулькова 2021: 47], как и выделение особого нео-энеолитического периода [Андреев и др. 2023].

Результаты анализа указывают на синхронность бытования накольчатой и гребенчатой керамических традиций на Виловатовской стоянке, о чем свидетельствует их взаимовстречаемость на отдельных сосудах. Лишь одно вновь полученное определение по накольчатой посуде несколько древнее основного массива датировок и относится к третьей четверти VI тысячелетия до н. э., ему также близка еще одна ранее сделанная дата [Выборнов 2008: 243]. Данное обстоятельство позволяет выдвинуть предположение о более раннем хронологическом положении накольчатых комплексов средневолжской культуры относительно гребенчатых. Однако для надежной верификации озвученной гипотезы необходимо расширение источниковой базы и банка радиоуглеродных дат. На данном этапе изучения стоит констатировать преимущественно синхронное бытование обоих типов посуды без явного хронологического приоритета одного из них. Особняком стоят лишь датировки Ивановской стоянки, о чем было упомянуто выше.

5. Выводы

Все представленные определения согласуются с ранее полученными датами — как по Виловатовской стоянке, так и по материалам других памятников средневолжской культуры лесостепного Поволжья. В ходе проведенного датирования было уточнено время бытования неолитического населения на площади памятника, определен период существования посуды, орнаментированной наколами и прочерченными линиями. Полученные даты способствуют уточнению радиоуглеродной хронологии типологических групп керамики средневолжской культуры в целом и на Виловатовской стоянке в частности.

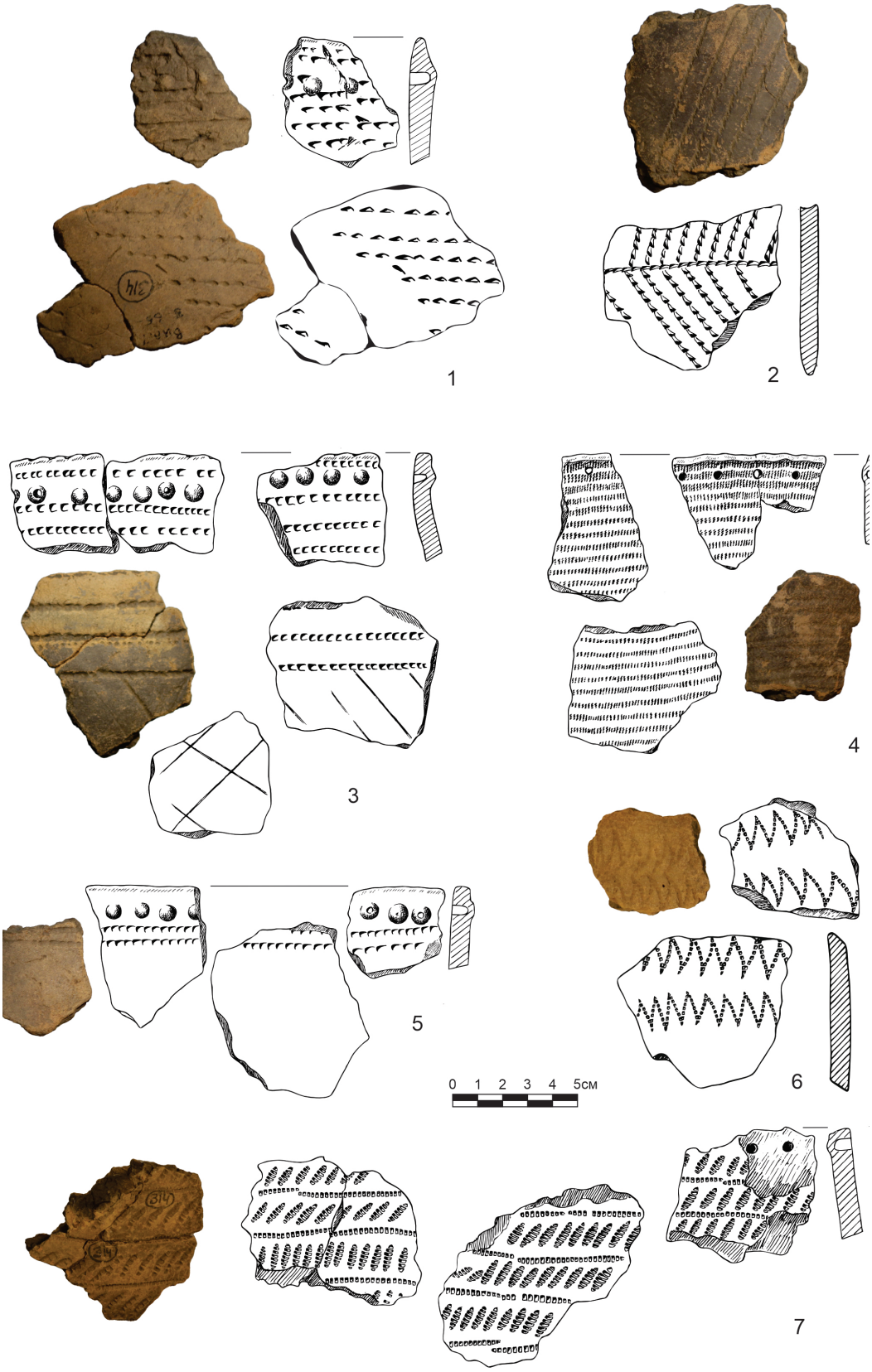

Рис. 1. Фрагменты сосудов Виловатовской стоянки, орнаментированные наколами и гребенчатым штампом, отобранные для радиоуглеродного анализа
[*Fig. 1.* Shards of vessels with pricks and comb stamps from the Vilovatoye site selected for radiocarbon analysis]

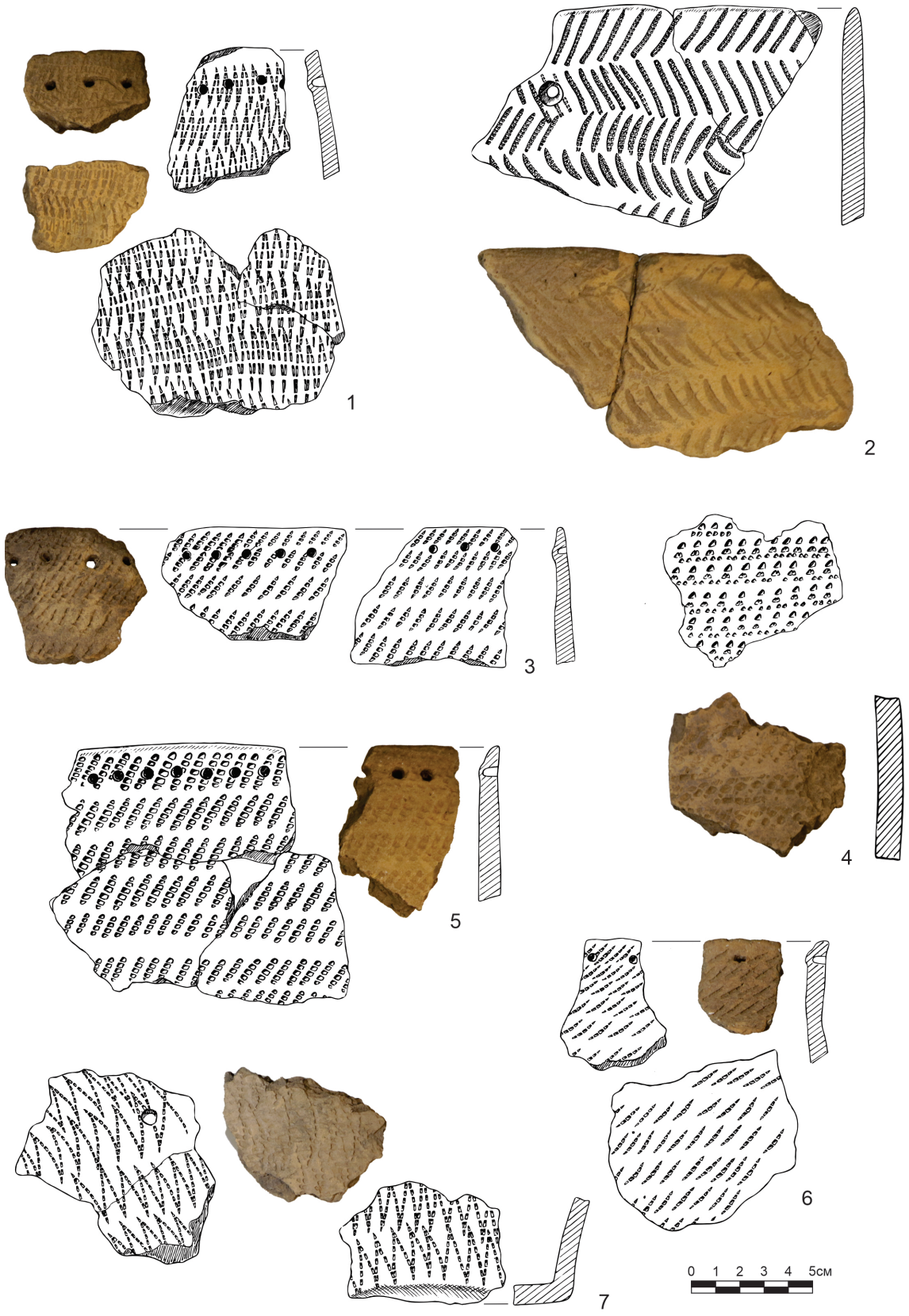

Рис. 2. Фрагменты сосудов Виловатовской стоянки, орнаментированные гребенчатым штампом, отобранные для радиоуглеродного анализа
[*Fig. 2.* Shards of vessels with comb stamps from the Vilovatoye site selected for radiocarbon analysis]

Литература

Андреев 2015 — *Андреев К. М.* Ранний неолит лесостепного Поволжья: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. СПб., 2015. 24 с.

Андреев и др. 2023 — *Андреев К. М., Кудашов А. С., Сомов А. В., Шалапинин А. А.* Переход от неолита к энеолиту в лесостепном и лесном Среднем Поволжье: формы, модели и хронологические рамки // Уральский исторический вестник. 2023. № 1(78). С. 15–25.

Андреев, Выборнов 2017 — *Андреев К. М., Выборнов А. А.* Ранний неолит лесостепного Поволжья (елшанская культура). Самара: Порто-Принт, 2017. 272 с.

Васильев и др. 1980 — *Васильев И. Б., Выборнов А. А., Габяшев Р. С., Моргунова Н. Л., Пенин Г. Г.* Виловатовская стоянка в лесостепном Заволжье // Энеолит Восточной Европы. Куйбышев: КГПИ, 1980. С. 151–189.

Васильев, Выборнов 1988 — *Васильев И. Б., Выборнов А. А.* Неолит Поволжья. Куйбышев: КГПИ, 1988. 112 с.

Выборнов 2008 — *Выборнов А. А.* Неолит Волго-Камья. Самара: СГПУ, 2008. 490 с.

Выборнов и др. 2007 — *Выборнов А. А., Мамонов А. Е., Королев А. И., Овчинникова Н. В.* Неолитическая керамика стоянки Лебяжинка IV в лесостепном Поволжье // Вестник Самарского государственного педагогического университета. Исторический факультет. 2007. Вып. 3. С. 107–155.

Выборнов и др. 2016 — *Выборнов А. А., Андреев К. М., Кулькова М. А., Нестеров Е. М.* Радиоуглеродные данные к хронологии неолита лесостепного Поволжья // Радиоуглеродная хронология эпохи неолита Восточной Европы VII–III тыс. до н. э. Смоленск: Свиток, 2016. С. 74–96.

References

Andreev K. M. The Early Neolithic in the Volga Forest-Steppe. Cand. Sc. (history) thesis abstract. St. Petersburg, 2015. 24 p. (In Russ.)

Andreev K. M., Kudashov A. S., Somov A. V., Shalapinin A. A. The Neolithic–Eneolithic transition in the forest-steppe and forest Middle Volga region: Forms, models and chronological framework. *Ural Historical Journal*. 2023. Is. 1(78). Pp. 15–25. (In Russ.)

Andreev K. M., Vybornov A. A. The Early Neolithic in the Volga Forest-Steppe: The Elshanka Culture. Samara: Porto-Print, 2017. 272 p. (In Russ.)

Kovalyukh N. N., Skripkin V. V. Archaeological pottery: Radiocarbon dating by liquid scintillation. In: Radiocarbon Dating in Archaeological and Paleoecological Research. C onference proceedings (9-12 April 2007, St. Petersburg). St. Petersburg: Institute for the History of Material Culture (RAS), Teza, 2007. Pp. 120–126. (In Russ.)

Kulkova M. A. Radiocarbon dating of ancient pottery. *Samara Journal of Science*. 2014. No. 3(8). Pp. 115–122. (In Russ.)

Mamonov A. E. Elshanka culture. In: K abytov P. S. (ed.) History of Samara Volga Region: From Earliest Times to Present Days. Stone Age. Samara: Samara Scientific Center (RAS), 2000. Pp. 147–176. (In Russ.)

Morgunova N. L. The site of Ivanovo in Orenburg Oblast. In: Archaeological Cultures of the

Выборнов и др. 2018 — *Выборнов А. А., Андреев К. М., Кулькова М. А., Филиппсен Б.* Радиоуглеродная хронология неолита Волго-Камья // Уральский исторический вестник. 2018. № 3(60). С. 66–77.

Выборнов, Кулькова 2021 — *Выборнов А. А., Кулькова М. А.* Проблемы хронологии культур неолита Волго-Камья // Поволжская археология. 2021. № 3(37). С. 42–54.

Ковалюх, Скрипкин 2007 — *Ковалюх Н. Н., Скрипкин В. В.* Радиоуглеродное датирование археологической керамики жидкостным сцинтилляционным методом // Радиоуглерод в археологических и палеоэкологических исследованиях. СПб.: Теза, 2007. С. 120–126.

Кулькова 2014 — *Кулькова М. А.* Радиоуглеродное датирование древней керамики // Самарский научный вестник. 2014. № 3(8). С. 115–122.

Мамонов 2000 — *Мамонов А. Е.* Елшанская культура // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Каменный век. Самара: СНЦ РАН, 2000. С. 147–176.

Моргунова 1988 — *Моргунова Н. Л.* Ивановская стоянка в Оренбургской области // Археологические культуры Северного Прикаспия. Куйбышев: КГПИ, 1988. С. 106–122.

Сомов, Шалапинин 2019 — *Сомов А. В., Шалапинин А. А.* Соотношение неолитических и энеолитических комплексов лесостепного Поволжья по данным радиоуглеродного датирования // Самарский научный вестник. 2019. № 2(27). С. 229–239.

Шалапинин 2017 — *Шалапинин А. А.* К вопросу о хронологическом соотношении неолитических и энеолитических комплексов лесостепного Поволжья // Известия Самарского научного центра РАН. 2017. Т. 19. № 3(2). С. 380–388.

Northern Caspian. Kuybyshev: Kuybyshev State Pedagogical Institute, 1988. Pp. 106–122. (In Russ.)

Shalapinin A. A. To the problem of chronological correlation of the Neolithic and Eneolithic complexes from the forest-steppe Volga region. *Izvestia of Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*. 2017. Vol. 19. No. 3(2). Pp. 380–388. (In Russ.)

Somov A. V., Shalapinin A. A. The ratio of the Neolithic and Eneolithic complexes of the forest-steppe Volga region according to radiocarbon dating. *Samara Journal of Science*. 2019. Vol. 8. No. 2(27). Pp. 229–239. (In Russ.)

Vasilyev I. B., Vybornov A. A. Neolithic Volga Region. Kuybyshev: Kuybyshev State Pedagogical Institute, 1988. 112 p. (In Russ.)

Vasilyev I. B., Vybornov A. A., Gabyashev R. S., Morgunova N. L., Penin G. G. The site of Vilovatoye in the Transvolga forest-steppe. In: Eneolithic Eastern Europe. Kuybyshev: Kuybyshev State Pedagogical Institute, 1980. Pp. 151–189. (In Russ.)

Vybornov A. A. Neolithic Volga-Kama Region. Samara: Samara State Pedagogical University, 2008. 490 p. (In Russ.)

Vybornov A. A., Andreev K. M., Kulkova M. A., Nesterov E. M. Radiocarbon chronology of forest-steppe area of the Volga River basin. In: Zaytseva G. I., Lozovskaya O. V., Vybornov A. A., Mazurkevich A. N. (comps.) Radiocarbon Neolithic Chronology of Eastern Europe in the VII–III Millennium BC. Smolensk: Svitok, 2016. Pp. 74–96. (In Russ.)

Vybornov A. A., Andreev K. M., Kulkova M. A., Philippsen B. Radiocarbon chronology of the Volga-Kama Neolithic. *Ural Historical Journal*. 2018. Is. 3(60). Pp. 66–77. (In Russ.)

Vybornov A. A., Mamonov A. E., Korolev A. I., Ovchinnikova N. V. Neolithic pottery from Lebyazhinka IV of the Volga forest-steppe. In: Bulletin of Samara State Pedagogical University. Department of History. Samara, 2007. Pp. 107–155. (In Russ.)

Vybornov A. A., Kulkova M. A. Chronology issues of the Neolithic cultures in the Volga-Kama Basin. *The Volga River Region Archaeology*. 2021. Vol. 3(37). Pp. 42–54. (In Russ.)

Published in the Russian Federation
Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
Has been issued as a journal since 2008
ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
Vol. 16, Is. 5, Pp. 1188–1209, 2023
Journal homepage: https://kigiran.elpub.ru

CC BY NC ND

УДК / UDC 903.5+397.4
DOI: 10.22162/2619-0990-2023-69-5-1188-1209

Население катакомбной культуры на территории Республики Калмыкия: опыт реконструкции демографической ситуации (по материалам археологических раскопок 1981–2008 гг.)

Татьяна Васильевна Лиджикова[1], *Любовь Алексеевна Бембеева*[2]

[1] Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)
младший научный сотрудник
0000-0003-4155-4301. E-mail: tlidzhikova[at]yandex.ru

[2] Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)
младший научный сотрудник
0000-0001-7340-221X. E-mail: bembeeva.l.a[at]mail.ru

© КалмНЦ РАН, 2023
© Лиджикова Т. В., Бембеева Л. А., 2023

Аннотация. *Введение.* Публикация является заключительной в серии палеодемографических исследований материалов из погребений катакомбной культуры, открытых археологами в курганных могильниках трех локально-территориальных зон Калмыкии: Сарпинская низменность, Ергенинская возвышенность и Прикаспийская низменность. *Объектом* исследования стал антропологический материал из погребений, исследованных в районе Прикаспийской низменности. *Целью* исследования является введение в научный оборот новых антропологических материалов эпохи средней бронзы с территории Республики Калмыкия. *Материалы и методы.* Материалами для исследования послужили костные останки из могильников Прикаспийской низменности, находящиеся в хранилище остеологических материалов Калмыцкого научного центра РАН. Определение пола и возраста погребенных проводилось по комплексной антропологической программе. *Результаты и выводы.* Работа проводилась по нескольким исследовательским направлениям: палеодемографическая характеристика населения, проживавшего на территории Прикаспийской низменности; сравнительный межгрупповой анализ с синхронными антропологическими сериями на территории Калмыкии с использованием метода главных компонент многомерной статистики; обсуждение результатов исследования демографической ситуации, сложившейся на территории республики в эпоху средней бронзы. Отмечены сходство и отличие палеодемографических показателей в сравнении с соседними регионами (Республика Дагестан и Ростовская область) по показателям среднего возраста смерти, большой смертности детей и преобладания мужской части населения, что является

характерным для обществ того времени. Особенности калмыцких материалов проявляются в почти равных значениях среднего возраста смерти в мужской и женской группах и большей численности индивидов в возрастной когорте С50+, причем доля индивидов женского пола немного преобладает.

Ключевые слова: палеодемография, половозрастная структура, катакомбная культура, Республика Калмыкия, таблицы смертности, возрастные когорты, продолжительность жизни, палеопатология, маркеры стресса

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Юго-восточный пояс России: исследование политической и культурной истории социальных общностей и групп» (номер госрегистрации: 122022700134-6).

Для цитирования: Лиджикова Т. В., Бембеева Л. А. Население катакомбной культуры на территории Республики Калмыкия: опыт реконструкции демографической ситуации (по материалам археологических раскопок 1981–2008 гг.) // Oriental Studies. 2023. Т. 16. № 5. С. 1188–1209. DOI: 10.22162/2619-0990-2023-69-5-1188-1209

Reconstructing the Demography of Kalmykia's Catacomb Population: A Study of Excavated Archaeological Materials, 1981–2008

Tatiana V. Lidzhikova[1], *Lyubov A. Bembeeva*[2]

[1] Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St. 358000 Elista, Russian Federation)
Junior Research Associate
0000-0003-4155-4301. E-mail: tlidzhikova[at]yandex.ru

[2] Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St. 358000 Elista, Russian Federation)
Junior Research Associate
0000-0001-7340-221X. E-mail: bembeeva.l.a[at]mail.ru

© KalmSC RAS, 2023
© Lidzhikova T. V., Bembeeva L. A., 2023

Abstract. *Introduction*. The publication finalizes the series of paleodemographic studies into materials from Catacomb burials discovered by archaeologists in grave mounds across the three territorial zones of Kalmykia — Sarpa Lowland, Yergeni Upland, and Caspian Depression. The current paper focuses on anthropological material from burials investigated in the Caspian Depression. *Goals*. The study shall introduce new anthropological material from the Middle Bronze Age once discovered in the territory of Kalmykia. *Materials and methods*. The work examines human bone remains from grave fields of the Caspian Depression stored at the Osteological Materials Repository of Kalmyk Scientific Center (RAS). Age and sex determination procedures have been conducted following a comprehensive anthropological program. *Results*. The diverse research efforts have yielded paleodemographic characteristics of the population that once inhabited the Caspian Depression, a comparative intra-group principal component analysis involving synchronous anthropological series in the territory of Kalmykia (multivariate statistics), and a discussion of summarized results of our insights into the demographic situation across Middle Bronze Age Kalmykia. The paper notes some similarities (and differences) between the identified paleodemographic indicators and those of neighboring regions (Republic of Dagestan and Rostov Oblast) on average age of death, high mortality of children, and predominance of male individuals, the two latter being typical for societies of that era. The Kalmykia-based materials are characterized by almost equal mean ages of death in the male and female groups, and a larger number of individuals aged fifty and more, with a small but evident predominance of female ones among the latter.

Keywords: paleodemography, sex-age structure, Catacomb culture, Republic of Kalmykia, mortality tables, age cohorts, life expectancy, paleopathology, stress markers

Acknowledgments. The reported study was funded by government subsidy, project no. 122022700134-6 'The Southeastern Belt of Russia: Exploring Political and Cultural History of Social Communities and Groups'.

For citation: Lidzhikova T. V., Bembeeva L. A. Reconstructing the Demography of Kalmykia's Catacomb Population: A Study of Excavated Archaeological Materials, 1981–2008. *Oriental Studies*. 2023; 16(5): 1188–1209. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2023-69-5-1188-1209

1. Введение

Погребения катакомбной культуры распространены на всей территории Республики Калмыкия и составляют примерно 60 % всех исследованных погребений. Зонами массовых катакомбных захоронений на данный момент являются Ергенинская возвышенность и Кумо-Манычская впадина [Очир-Горяева 2008: 252; Бембеева, Очир-Горяева 2021: 53]. Это подтверждается проведенными нами исследованиями при работе с полевыми отчетами, в которых преобладают погребения этого периода [Бембеева, Лиджикова 2022: 1079–1081; Бембеева, Лиджикова 2023: 551–554].

Целью данной работы является введение в научный оборот новых антропологических материалов эпохи бронзы из захоронений катакомбной культуры с территории Республики Калмыкия. В связи с этим был проведен сравнительный анализ отдельных групп населения катакомбной культуры по материалам трех локально-территориальных зон Калмыкии, а также воспроизведена реконструкция демографической ситуации на территории Калмыкии в эпоху средней бронзы.

Исследования такого рода стали возможны после создания на базе Калмыцкого научного центра РАН хранилища остеологических материалов. Ранее таких исследований на калмыцких материалах не проводилось. В трудах о краниологических исследованиях показано, что население, проживавшее на территории республики в эпоху средней бронзы, относилось к европеоидной расе. По мнению Б. В. Фирштейн, основным типом в то время был долихомезокранный, но также отмечался и брахикранный европеоидный тип [Фирштейн 1967: 140].

А. В. Шевченко, оперируя данными, исследованными на масштабном краниологическом материале, отмечает высокую внутригрупповую изменчивость признаков, что свидетельствует о ее антропологической неоднородности [Шевченко 1986: 173]. А. А. Казарницкий подтверждает выводы А. В. Шевченко, объясняя неоднородность группы совмещением двух различных морфологических комплексов. Первый тип встречается на рассматриваемой территории в предшествующий период — у представителей ямной культуры. Противоположный и более распространенный второй тип сочетает в себе долихокранию с более узким лицом, что связано, по всей видимости, с носителями новой катакомбной погребальной традиции [Казарницкий 2012: 180]. Автор считает, что изменение физического облика жителей данного региона обусловлено медленным вытеснением местного населения ранней бронзы новым, имеющим более южное (вероятно, закавказское) происхождение [Казарницкий 2012: 183–184].

Авторам работы представляется интересным дополнить имеющиеся морфологические данные исследованиями демографических параметров палеопопуляций того периода.

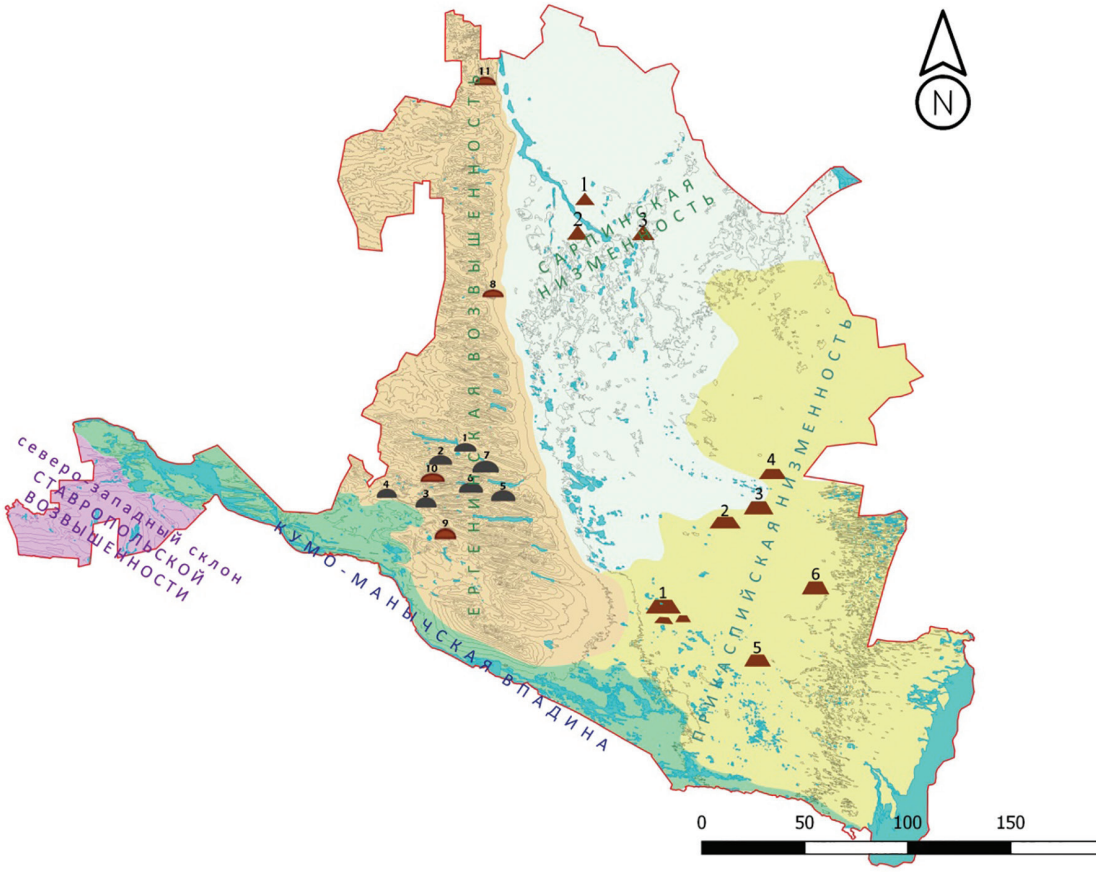
2. Материалы и методы

Материалами для палеодемографических исследований послужили данные о поле и возрасте индивидов из погребений катакомбной культуры курганных могильников, исследованных археологами в ходе спасательных работ на территории республики. В ходе работы весь материал был разбит по территориальному признаку на три локальные зоны: Сарпинская низменность, Ергенинская возвышенность, Прикаспийская низменность[1] (см. карту 1).

Половозрастная структура и данные демографических показателей двух зон (Сарпинской низменности и Ергенинской возвышенности) были рассмотрены ранее [Бембеева, Лиджикова 2022; Бембеева, Лиджикова 2023].

В данном исследовании эти выборки привлечены для сравнительного анализа ряда общих характеристик, свойственных

[1] Зона Кумо-Манычской впадины не исследовалась ввиду малочисленности сохранившихся антропологических материалов. В дальнейшем работа будет проведена, так как эта зона является одним из очагов массовых погребений катакомбной культуры [Очир-Горяева 2008: 249].

Карта 1. Археологические погребальные памятники волго-манычских степей на территории Республики Калмыкия (по материалам раскопок 1933–2008 гг.)
Курганные могильники Сарпинской низменности:
1 — *Цаган-Нур* (1989); 2 — *Эвдык-1* (1982–1984); 3 — *КВЧ. Озерки* (1988).
Курганные могильники Ергенинской возвышенности:
1 — *Элиста–2, 3* (1931, 1965); 2 — *Три брата–1, 2* (1933–1936); 3 —*Цаган-Элсин* (1937);
4 — *Бичкин Булук* (1937); 5 — *Лола–1, 2* (1961–1963); 6 — *Архара* (1962–1963);
7 — *Кермен Толга* (1968–1970); 8 — *Ергенинский* (1981–1986, 2006 –2008); 9 — *Улан-Зуха* (1990);
10 — *Хар-Зуха–1, 2* (1991); 11 — *Малые Дербеты–2* (2007).
Курганные могильники Прикаспийской низменности:
1 — *Цаган-Усн–1, 4, 5, 8, 10* (1987); 2 — *Канал Волга-Чограй (КВЧ)–56* (1988);
3 — *Канал Волга-Чограй (КВЧ)–37* (1988); 4 — *Канал Волга-Чограй (КВЧ)–41* (1988);
5 — *Улан-Хеич* (2002); 6 — *Черноземельский–1* (1998)

[*Map 1.* Archaeological grave sites of the Volga-Manych steppe in the territory of Kalmykia (excavations of 1933–2008)
Mound grave fields of the Sarpa Lowland:
1 — *Tsagan-Nur (1989)*; 2 — *Evdyk-1 (1982–1984)*; 3 — *Canal Volga-Chogray Canal. Ozerki (1988)*;
Mound grave fields of the Yergeni Upland:
1 — *Elista–2, 3 (1931, 1965)*; 2 — *Three Brothers–1, 2 (1933–1936)*; 3 — *Tsagan-Elsin (1937)*;
4 — Bichkin Buluk (1937); 5 — Lola–1, 2 (1961–1963); 6 — Arkhara (1962–1963); *7 — Kermen Tolga (1968–1970)*; 8 — *Yergeninsky (1981–1986, 2006–2008)*; 9 — *Ulan-Zukha (1990)*;
10 — *Khar-Zukha-1, 2 (1991)*; 11 — *Malye Derbety–2 (2007)*;
Mound grave fields of the Caspian Depression:
1 — *Tsagan-Usn–1, 4, 5, 8, 10 (1987)*; 2 — *Canal Volga-Chogray (CVCh)–56 (1988)*; 3 — *Canal Volga-Chogray (CVCh) –37 (1988)*; 4 — *Canal Volga-Chogray (CVCh)–41 (1988)*; 5 — *Ulan-Kheech (2002)*;
6 — *Chernozemelsky–1 (1998)*]

большинству древних популяций: средняя продолжительность жизни, процент детской смертности, пики смертности и т. д., а также для описания демографической ситуации населения того времени.

В нашей статье к анализу привлечены антропологические материалы из подкурганных захоронений Прикаспийской низменности, которая занимает юго-восточную часть территории республики и представляет собой многочисленные понижения, занятые озерами, чередующиеся с холмами, с развеваемыми песками и котловинами выдувания, а также Бэровскими буграми. Здесь преобладает ландшафт южной полупустыни с характерными чертами: низменность, лишенная дренажа, с близким залеганием соленых грунтовых вод, почвы сильнее засолены, климат суше и континентальнее в отличие от Ергенинской возвышенности. В целом же рельеф равнинный, как и на всей территории Калмыкии, климат резко континентальный, почвы типично песчаные и супесчаные, местами встречаются солонцы и солончаки [Очир-Горяева 2008: 19].

Археологические раскопки на интересующей нас территории в прошлом столетии были предприняты в связи со «стройкой века» — канала Волга-Чограй. Охранно-спасательные работы в зоне строительства канала проводились в 1985–1988 гг. Были исследованы курганные группы *Канал Волга-Чограй* (далее — КВЧ) и *Цаган-Усн*. Это были самые масштабные археологические раскопки на территории республики, когда на разных участках работали одновременно сразу 9 экспедиций. На рубеже столетий (1998–2002 гг.) на территории Прикаспийской низменности были иссле-

Таблица 1. Половозрастная структура населения катакомбной культуры Прикаспийской низменности [*Table 1*. Age-sex structure of the Catacomb population across the Caspian Depression]

Возраст, в годах	Цаган-Усн, 1987 г.		Канал Волго-Чограй, 1988 г.		Улан-Хееч, 2002 г.		Черноземельский-1, 1998 г.		S (суммарная выборка)	
	n	%	n	%	n	%	n	%	n	%
Неполовозрелые индивиды										
0–1	0	0	1	4,8	1	4,8	2	9,5	4	19
1–7	0	0	7	33,3	0	0	6	28,5	13	61,9
8–12	2	9,5	2	9,5	0	0	0	0	4	19
13–15	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
S	2	9,5	10	47,6	1	4,8	8	38	21	100,0
Мужчины										
16–25	1	3,6	7	25	0	0	0	0	8	28,6
26–35	6	21,4	4	14,3	0	0	0	0	10	35,7
36–45	1	3,6	2	7,1	0	0	0	0	3	10,7
Старше 45	3	10,7	5	17,9	0	0	0	0	7	25
S	7	25	18	64,3	0	0	0	0	28	100,0
Женщины										
16–25	1	5,5	1	5,5	0	0	0	0	2	11,1
26–35	1	5,5	6	33,3	0	0	0	0	7	38,8
36–45	1	5,5	1	5,5	0	0	2	11,1	4	22,2
Старше 45	1	5,5	3	16,6	1	5,5	0	0	5	27,7
S	4	22,2	11	61,1	1	5,5	2	11,1	18	100,0
Итого	13	19,4	39	58,2	2	2,9	10	14,9	67	100,0

дованы два могильника: Черноземельский (1998) и Улан-Хееч (2002).

Курганный могильник *Цаган-Усн* состоял из 9 групп, часть которых располагалась в 4–5 км к юго-востоку от пос. Цаган-Усн Яшкульского района (группы 3, 4, 5, 7). Группы 8–11 находились в зоне орошаемого участка совхоза «Яшкульский». Всего было исследовано 18 курганов, в которых находилось 92 погребения. По определениям авторов раскопок, к эпохе бронзы отнесено 46 погребений (18 были датированы как погребения катакомбной культуры), раннему железному веку — 30, эпохе средневековья — 4, 11 погребений с неопределенной датировкой, и 1 погребение датируется как современное [Арапов 1987: 3–91; Шишлина 1987: 2–47; Лапа 1987: 1–6].

Курганный могильник, получивший название КВЧ, исследовался с 1985 по 1988 гг. Курганные группы были расположены вдоль всей трассы канала на территории трех районов республики: Юстинского, Октябрьского и Яшкульского. Нами рассматривались антропологические материалы из курганных групп на территории Яшкульского района, находящегося в зоне Прикаспийской низменности. Это группы 41, 42, расположенные на 232-м км трассы канала Волга-Чограй; группы 53, 56 — на 223-м км трассы; группы 37 и 37. Яшкуль— в 2 км от автомобильной трассы Элиста – Астрахань, близ пос. Яшкуль. Всего было исследовано 46 курганов, в которых находилось 188 погребений: эпохи бронзы — 102 (из них 70 отнесено авторами раскопок к погребениям катакомбной культуры), раннего железного века — 30, эпохи средневековья — 26, 29 погребений с неопределенной датировкой и 1 современное [Васюткин 1988: 44–45; Шилов 1988: 3–28; Шишлина 1988: 3–83; Романов 1988: 5–70; Серебряков 1988: 81–82; Шнайдштейн 1988: 2–22; Лапа 1988: 2–8].

В 1998 г. были проведены охранно-спасательные работы в Черноземельском районе Республики Калмыкия на территории совхоза «Черноземельский» (автор раскопок — В. А. Лопатин). Были раскопаны 7 курганов могильника *Черноземельский-1*. Исследовано 46 погребений: 27 из них эпохи бронзы (22 погребения были определены как катакомбные), 9 — раннего железного века, 7 — эпохи средневековья, 3 — с неопределенной датировкой [Лопатин 1999: 3–87].

В 2002 г. в Яшкульском районе, в 1,5 км от поселка Привольный (совхоз «Улан-Хеч»), под руководством П. М. Кольцова были произведены раскопки курганного могильника *Улан-Хееч*. Было исследовано 6 курганов, в которых обнаружено 18 захоронений. По определению автора раскопок, 10 из них датируются эпохой бронзы (6 — катакомбной культуры), 2 — ранним железным веком, 6 — эпохой средневековья [Кольцов 2002: 2–18].

Таким образом, в период 1987–2002 гг. на территории Прикаспийской низменности было раскопано 77 курганов, исследовано 344 погребения: эпохи бронзы — 185 (из них 116 погребений катакомбной культуры), периода раннего железного века — 71, эпохи средневековья — 43, с неопределенной датировкой — 43, современного периода — 2 (см. карту 1).

Материалами для данного исследования послужили костные останки из 116 погребений катакомбной культуры, часть которых находится в хранилище остеологических материалов КалмНЦ РАН. Данные несохранившихся антропологических материалов были восстановлены по Полевым отчетам (приложение 1).

Определение пола и возраста погребенных проводилось по комплексной антропологической программе, включающей традиционные антропологические методики. Половая принадлежность индивидов определялась на основе комплекса признаков, отмечаемых на черепе [Алексеев, Дебец 1964: 29–39] и посткраниальном скелете [Алексеев 1966: 27–49]. Фиксация маркеров стресса и физиологических особенностей скелета, повреждений травматического характера проводилась по стандартной программе оценки встречаемости патологических состояний на костях посткраниального скелета и черепа, разработанная В. П. Алексеевым, А. П. Бужиловой [Алексеев 1966; Бужилова, Козловская, Медникова 1998; Синельников и др. 2009].

3. Результаты палеодемографического и палеопатологического исследований населения Прикаспийской низменности

В исследовании были использованы данные 67 половозрелых и неполовозрелых индивидов. К взрослой группе отнесено 46 ин-

дивидов, из них 28 мужчин и 18 женщин. В детской группе определен 21 ребенок. У двух взрослых не удалось определить пол ввиду плохой сохранности костного материала.

Средняя продолжительность жизни в выборке с учетом детской смертности составляет 24,9 лет. Во взрослой группе этот показатель равен 33,9 лет. Наибольшее количество смертей приходится на возраст 30–34 года. В процентном соотношении этот период является одинаковым для всех взрослых. Возрастная когорта 50+ насчитывает 12 индивидов (26 %), что свидетельствует в целом об успешном процессе адаптации группы. Более детально половозрастные данные содержатся в таблице 1.

Гендерное распределение в таблице демонстрирует незначительную благополучную картину у женщин, в среднем они жили на 5 лет дольше мужчин (36,5 и 32,1 лет соответственно). Два пика смертности в женской группе приходятся на возрастные группы 26–35 лет (38,8 %) и 36–45 лет (22,2 %). Это можно объяснить частым деторождением и зависимостью от санитарно-гигиенических условий проживания.

В возрастной группе 20–34 года показатель мужской смертности немного выше, чем у женщин. Всего по таблице смертности у мужчин насчитывается два пика: в возрасте 16–25 лет (28,6 %) и 26–35 лет (35,7 %).

Мужчины были активной частью населения. Жители Прикаспийской низменности не участвовали в военных кампаниях, такой вывод можно сделать на основании того, что все полученные патологии посткраниального скелета указывают на активную трудовую и бытовую деятельность. Вероятно, основной причиной смерти мужчин являлась естественная убыль, связанная с биологическим истощением ресурсов организма.

В детской группе средняя продолжительность жизни составляет 5,5 лет. Процент детской смертности от общего числа индивидов — 31,3 %. Пиком смертности в группе является период 1–7 лет, на него приходится 61,9 % смертей. Одной из причин может быть переход от грудного вскармливания к взрослой пище. Вторым пиком, гораздо меньшим по количеству, является возраст младенчества 0–1 год (19 %) и вторая группа детства 8–12 лет (19 %). В исследуемой палеопопуляции наблюдается высокий рост рождаемости, несмотря на такую же высокую детскую смертность. Отсутствие смертей в возрасте от 12 лет говорит об успешном прохождении критического периода детства (см. рис. 1).

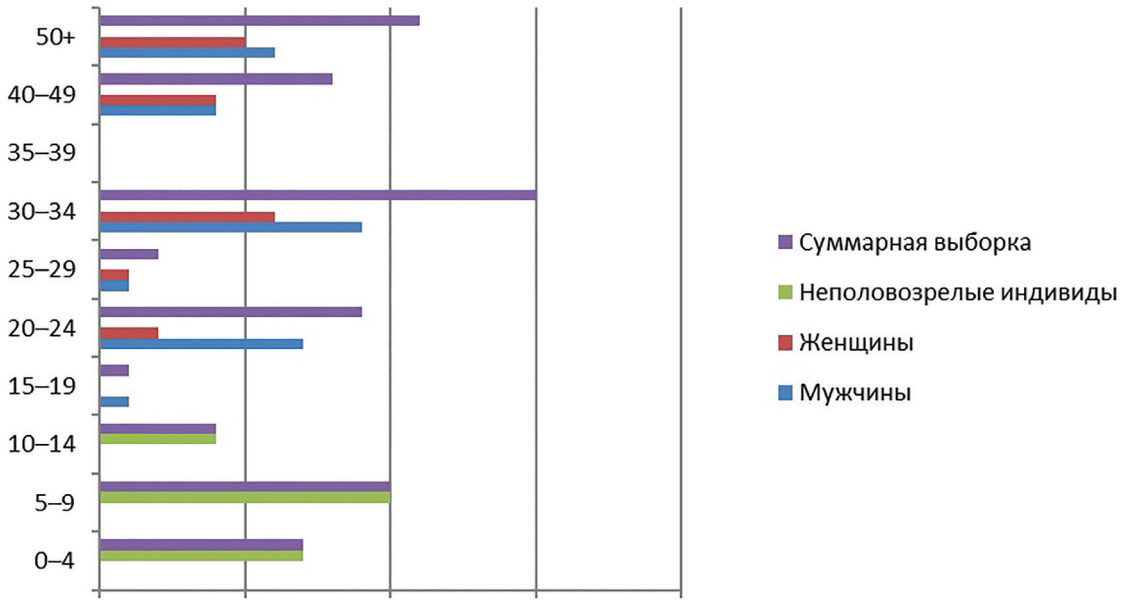

Рис. 1. Распределение индивидов по возрастным интервалам
[*Fig. 1.* Individuals by age interval]

В качестве анализа физиологического стресса использовались данные о патологиях зубочелюстной системы, костные проявления воспалительных процессов, травмы посткраниального скелета.

Патологии зубочелюстной системы. Болезни зубов можно представлять именно как генерализованный индикатор здоровья популяции, где состояние зубной системы опосредованно отражает «качество» условий жизни человека [Березина 2010: 83].

Анализ зубной системы изучаемой популяции включает в себя восемь патологий: свищ, прижизненная утрата зубов с облитерацией альвеол, пародонтоз, кариес, аномальная стертость зубов, сколы эмали, зубной камень, гипоплазия эмали. Было зафиксировано 22 (32,8 %) случая зубного камня, 17 (25,4 %) эмалевой гипоплазии, три из которых приходились на неполовозрелых индивидов. Пародонтоз выявился в 8 (11,9 %) случаях, аномальная стертость зубов имела аналогичный показатель. Свищ встречался 2 (2,9 %) раза и в обоих случаях у женщин. Кариес был в единичном случае у ребенка. Прижизненная утрата зубов встречается у индивидов старше 45 лет 4 (5,9 %) раза, в основном у женщин (3 случая). Скол эмали, являющийся, очевидно, причиной рода деятельности индивидов, был отмечен в 7 (10,5 %) случаях.

Эндокринные нарушения. Случаи внутреннего лобного гиперостоза выявлены в двух случаях у женщин старше 45 лет: из погребения 4 кургана 6 и погребения 5 кургана 8 могильника *Канал Волга-Чограй*. Поротический гиперостоз орбит (Cribra orbitalia) встречается в детской группе в 9 случаях.

Воспалительные процессы на черепах и длинных костях неполовозрелых индивидов были обнаружены в 11 случаях.

Патологии посткраниального скелета. Прогрессирующие патологические изменения в скелете были выявлены в 14 (20,9 %) случаях. Они представляют собой дегенерацию суставных поверхностей. В современной медицине деформирующий артроз встречается у лиц пожилого возраста. В исследуемой выборке данные изменения появляются с 20–29 лет, что может указывать на активную трудовую деятельность при жизни. При исследовании были обнаружены следы остеофитов и остеохондроза на шейных и поясничных позвонках. Имелись признаки развития деформирующего артроза и на дистальных суставных поверхностях бедренной кости и проксимальных суставных поверхностях верхних конечностей. Некоторые патологии встречались комплексно у одного индивида. Например, женщина из погребения 7 кургана 1 могильника *Улан-Хееч* имела травму коленного сустава и артроз крестцово-подвздошного сочленения. Одним из факторов, способствующих возникновению артроза крестцово-подвздошного сочленения, являются полученные ранее травмы коленных суставов. Другим фактором можно предположить неоднократные беременности, так как возраст погребенной старше 45 лет, что также способствовало возникновению артроза крестцово-подвздошного сочленения.

Признаки холодового стресса. Васкулярная реакция организма в области надбровных дуг, глазницах и внешнему краю скуловых костей встречается в 9 случаях (13,4 %). Шесть из них пришлись на мужскую группу. Данный признак связывают с регулярным пребыванием на открытом воздухе в холодную погоду. Он незначительно превалирует у мужчин, что характерно для древних популяций.

Более наглядно патологические отклонения продемонстрированы в таблице 2.

Таблица 2. Частота встречаемости N- патологических отклонений и маркеров стресса
[*Table 2*. Frequencies of N-pathological abnormalities and stress markers]

Название патологий	Суммарная выборка			Мужчины			Женщины			Неполовозрелые индивиды		
	S	n	%	S	n	%	S	n	%	S	n	%
Свищ	67	2	2,9	28	0	0	18	2	11,1	21	0	0
Вторичная адентия	67	4	5,9	28	1	3,6	18	3	16,7	21	0	0

Пародонтоз	67	8	11,9	28	4	14,3	18	4	22,2	21	0	0
Кариес	67	1	1,5	28	0	0	18	0	0	21	1	4,8
Аномальная стертость	67	8	11,9	28	5	17,9	18	3	16,7	21	0	0
Скол эмали	67	7	10,5	28	4	14,3	18	3	16,7	21	0	0
Зубной камень	67	22	32,8	28	13	46,4	18	8	44,4	21	1	4,8
Гипоплазия эмали	67	17	25,4	28	8	28,6	18	6	33,3	21	3	14,3
Искусственная деформация черепа	67	2	2,9	28	1	3,6	18	1	5,6	21	0	0
Васкулярная реакция	67	9	13,4	28	6	21,4	18	3	16,7	21	0	0
Поротический гиперостоз орбит (Cribra orbitalia)	67	9	13,4	28	0	0	18	0	0	21	9	42,3
Лобный гиперостоз	67	2	2,9	28	0	0	18	2	11,1	21	0	0
Воспалительные процессы (посткран.)	67	11	16,4	28	0	0	18	0	0	21	11	52,4
Воспалительные процессы на черепной коробке	67	11	16,4	28	0	0	18	0	0	21	11	52,4
Деформирующий артроз	67	10	14,9	28	7	25	18	3	16,7	21	0	0
Остеохондроз межпозвоночных дисков	67	5	7,5	28	2	7,2	18	3	16,7	21	0	0
Энтезопатия	67	14	20,9	28	8	28,6	18	6	33,3	21	0	0

Таким образом, проанализировав выборку на предмет маркеров физиологического стресса, мы приходим к следующим выводам:

– патологии зубочелюстной системы выявили подверженность индивидов к заболеваниям зубной системы, маркеры эпизодического стресса указывают на то, что население подвергалось периодам голода, их пища не всегда была богата микроэлементами и витаминами. Однообразие в рационе приводило к тому, что у них развился ряд зубочелюстных патологий;

– незначительное воздействие на население оказывали низкие температуры. Васкулярная реакция на холод в основном встречалась у мужской части населения, что указывает на их более активную роль в жизни общества;

– воспалительные процессы и анемия указывает на то, что женщины и дети являлись самой уязвимой частью населения. Лобный гиперостоз встречается только у женщин. Инфекционные инвазии, воспалительные процессы, нехватка витамина B12 и железа могли послужить возникновению таких заболеваний, как гиперостоз костей свода черепа и cribra orbitalia. Каждый второй ребенок в исследуемой выборке имел подобное заболевание;

– анализ встречаемости дегенеративных изменений на суставных поверхностях костей посткраниального скелета показал высокий процент болезней позвоночника (шейный и поясничные отделы), развитость мышечного рельефа на длинных костях указывает на активную трудовую деятельность с ранних лет (см. рис. 2).

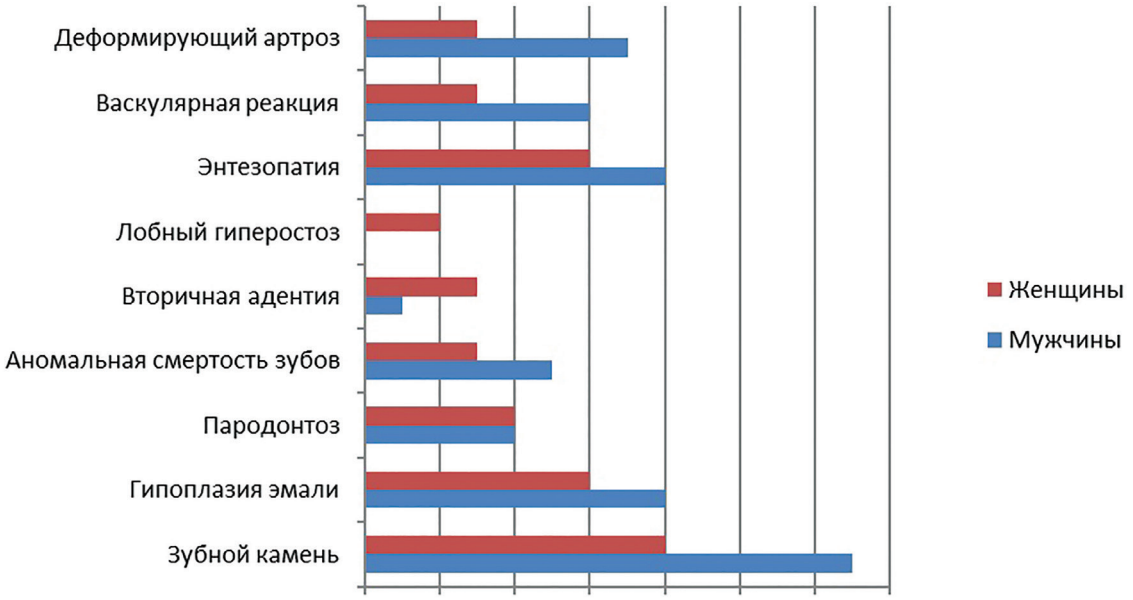

Рис. 2. Сравнение маркеров стресса в мужской и женской группах
[*Fig. 2*. Stress markers in male and female groups]

4. Межгрупповой сравнительный анализ

Анализ половозрастных особенностей трех групп населения, проживавших на территории Калмыкии в эпоху средней бронзы, позволил выявить сходство и отличие по основным палеодемографическим показателям. В исследовании были использованы данные антропологических материалов, которые были рассмотрены ранее [Бембеева, Лиджикова 2022; Бембеева, Лиджикова 2023].

Межгрупповое сравнение серий проводилось на основе метода главных компонент. Группы населений сравнивались по совокупности показателей: средний возраст умерших в группе с учетом детей и подростков (A, лет), средний возраст смерти в мужской группе (AAm, лет), средний возраст смерти в женской группе (AAf, лет), процентное соотношение полов (m – f) (PSR, %), процент детской смертности (PCD, %), процент смертности в первый год жизни (PBD, %), а также процент индивидов в старшей возрастной когорте (C50+, %; C50+m, %; C50+f, %). Методика расчета палеодемографических индексов взята из работы «Влахи» [Алексеева, Богатенков, Лебединская 2003].

Таблица 3. Основные палеодемографические характеристики населения катакомбной культуры
[*Table 3.* Key paleodemographic characteristics of the Catacomb population]

Индекс	Сарпинская низменность	Ергенинская возвышенность	Прикаспийская низменность
N (объем выборки)	70	52	67
A (лет)	26,8	22,7	24,9
AAm (лет)	38,9	41,1	32,1
AAf (лет)	37,2	34,5	36,5
PCD (%)	32,4	46,2	31,3
PBD (%)	7,04	33,3	19
PSRm-f (%)	62–35	57–42	60–39
C50+ (%)	19,7	15,4	16,4
C50+m (%)	14,08	37,5	25,0
C50+f (%)	5,63	16,6	27,7

Группы незначительно различаются по численности выборок. Наименьшее количество индивидов отмечено во второй группе (население Ергенинской возвышенности)[1]. По показателю средней продолжительности жизни людей схожи первая и третья группы (население Сарпинской и Прикаспийской низменностей) — 26,8 и 24,9 лет соответственно. Эти две группы близки и по уровню детской смертности (32,4 % и 31,3 %), схожи процентным соотношением полов (m – f) (62–35 % и 60–39 %), причем все показатели типичны для эпохи средней бронзы в других исследованиях [Алексеев 1972; Березина 2010]: сравнительно низкий показатель продолжительности жизни, высокая детская смертность и значительное преобладание мужской части населения над женской. При этом они отличаются средним возрастом смерти в мужских и женских группах — у населения Сарпинской низменности разница составляет всего 2 года (38,9 и 37,2 лет), в выборке из Прикаспийской низменности этот показатель нетрадиционен для катакомбников: женщины в среднем жили на 5 лет дольше, чем мужчины (32,1 и 36,5 лет). Отличие наблюдается и в финальной возрастной когорте (19,7 % и 16,4 %) — в выборке из Сарпинской низменности процент доживших до 50+ больше, чем в выборке из Прикаспийской низменности, но женщин, доживших до преклонного возраста, в этой группе почти в 5 раз больше, чем в предыдущей (27,7 % против 5,6 %). Это предполагает более комфортные условия для женщин из Прикаспийской низменности, способствующие их выживаемости, несмотря на пик смертности, который приходится на детородный возраст «26–35 лет».

Выборка из Ергенинской возвышенности отличается от двух предыдущих групп низкой продолжительностью жизни (22,7 лет), высоким уровнем детской смертности (46,2 %) и низким процентом индивидов в возрасте 50+ (15,4 %). В данном случае фиксируется высокая смертность в первый год жизни (33,3 %), но также высокая продолжительность жизни во взрослой группе (в среднем 38,1 лет), причем мужчины этой группы жили дольше, чем в других группах (41,1 лет), в то время как женщины имеют самый низкий показатель среди трех групп (34,5 лет) (см. табл. 3).

На графиках (рис. 3–7) более детально прослеживаются сходство и отличие в основных демографических показателях трех групп населения катакомбной культуры, проживавших на территории республики.

[1] В исследовании применялись данные антропологических материалов, непосредственно находящихся в хранилище остеологических материалов КалмНЦ РАН.

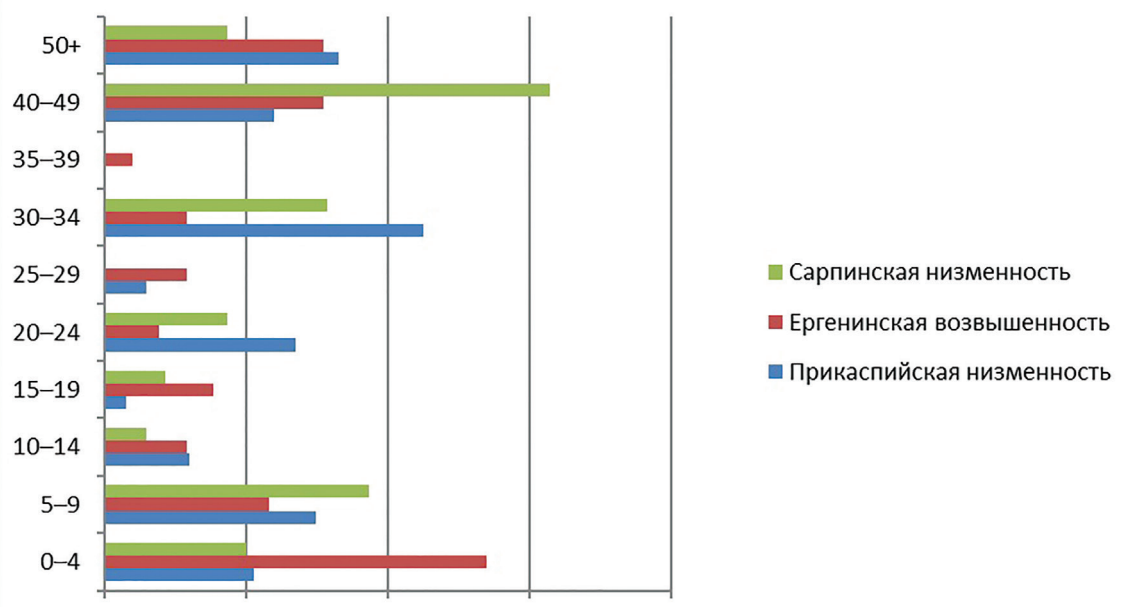

Рис. 3. Сравнительный график соотношения трех групп населения катакомбной культуры
[*Fig. 3.* Comparative graph of the three Catacomb population groups]

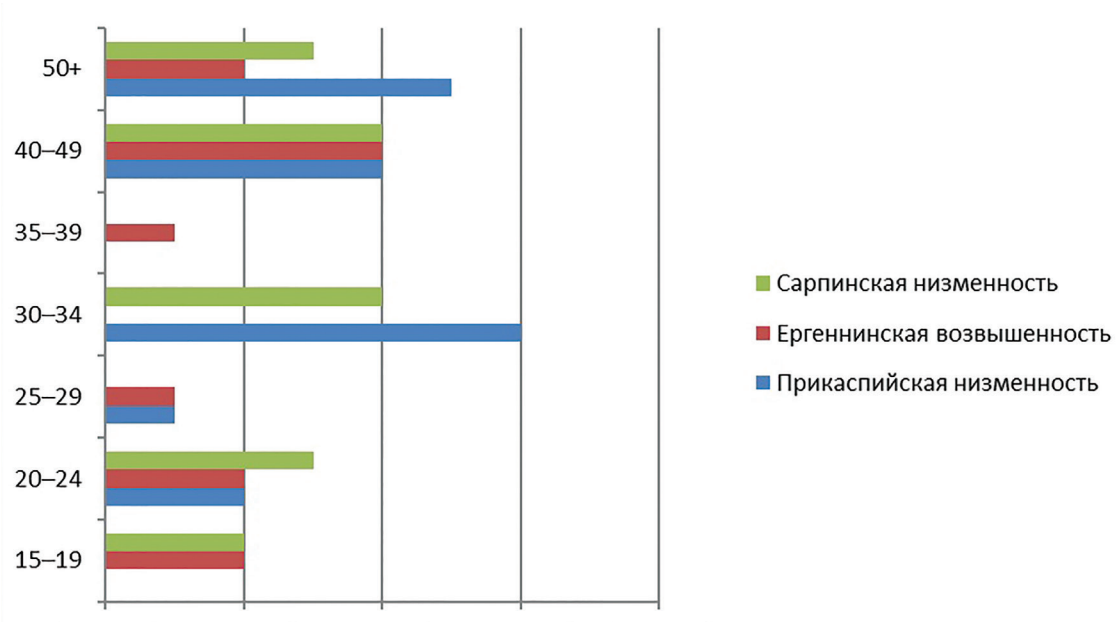

Рис. 4. Возрастная динамика показателей смертности в женской группе
[*Fig. 4.* Age dynamics of mortality in the female group]

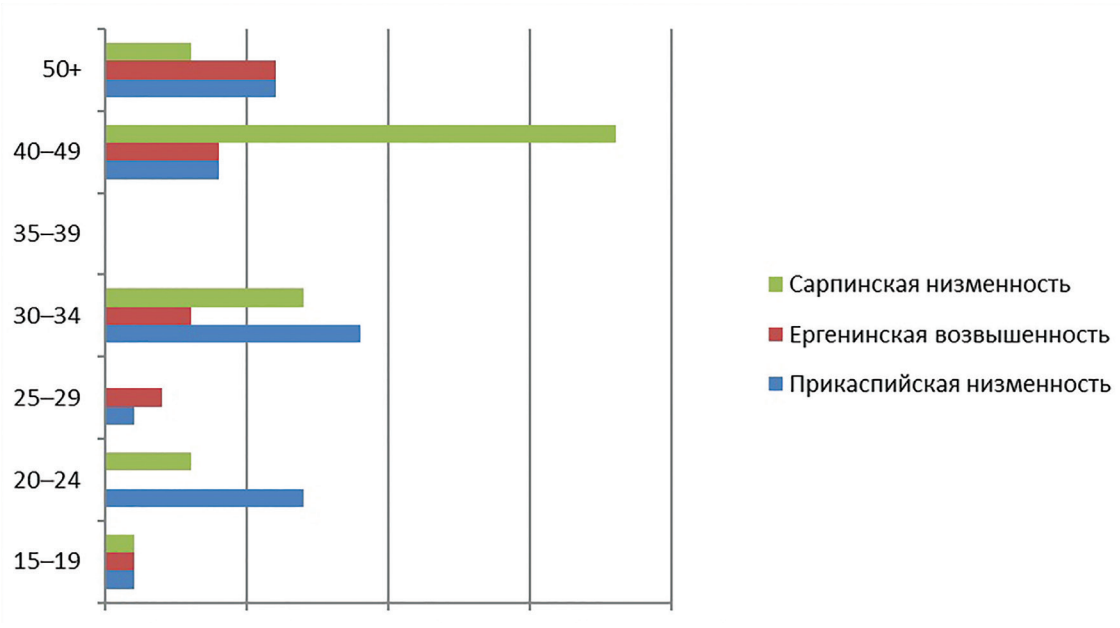

Рис. 5. Возрастная динамика показателей смертности в мужской группе
[*Fig. 5.* Age dynamics of mortality in the male group]

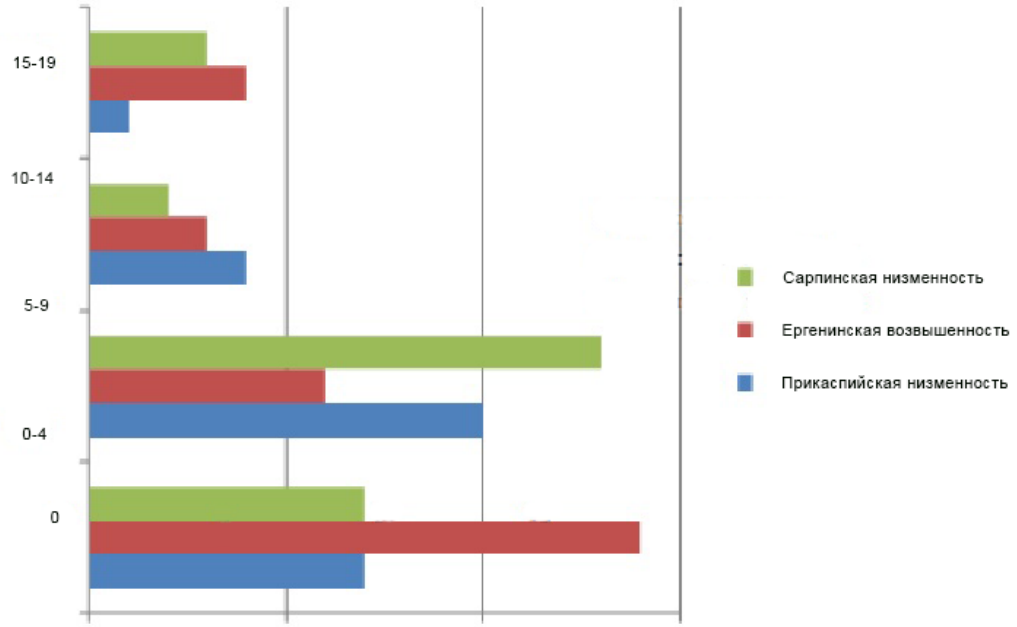

Рис. 6. Возрастная динамика показателей смертности неполовозрелых индивидов
[*Fig. 6.* Age dynamics of mortality in the pre-pubescent group]

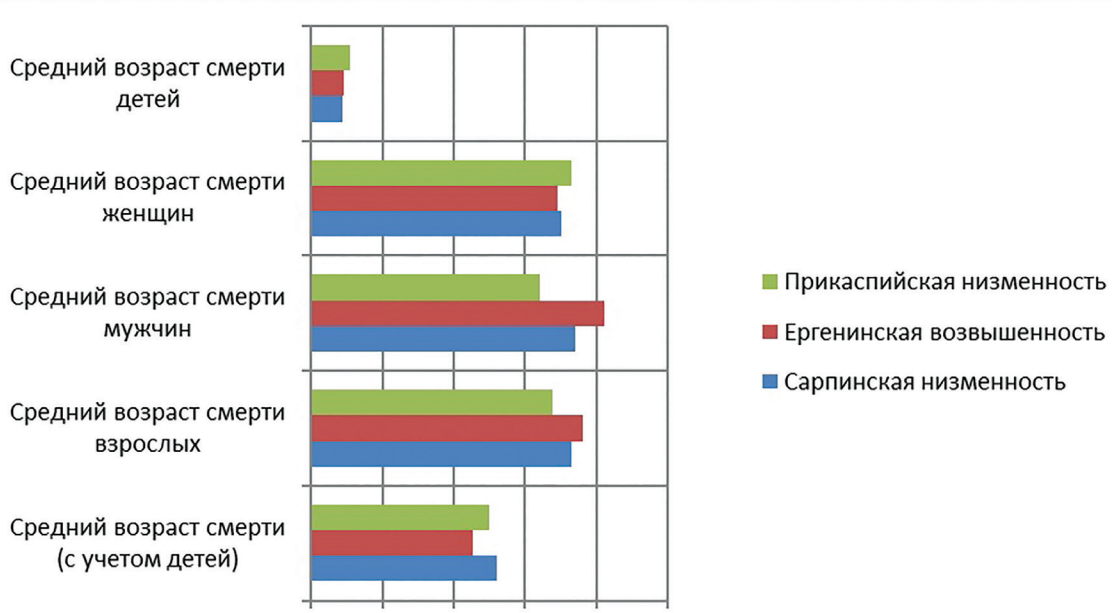

Рис. 7. Средний показатель смерти между тремя группами населения катакомбной культуры
[*Fig. 7.* Average death rate between the three populations of the Catacomb culture]

5. Обсуждение результатов исследования демографической ситуации в эпоху средней бронзы на территории Республики Калмыкия

Полученные результаты палеодемографического исследования трех групп населения катакомбной культуры выявили сходство по многим параметрам. Группы людей, проживавшие в определенный период на относительно небольшом расстоянии друг от друга, совершавшие схожий погребальный ритуал, имевшие один морфологический тип, несомненно, могут относиться к одной культурно-исторической общности [Бембеева, Лиджикова 2022: 1089; Бембеева, Лиджикова 2023: 568]. Для описания демографической ситуации, сложившейся на территории Калмыкии в эпоху средней бронзы, мы объединили три исследованные выборки в одну группу. Результаты приведены в таблице 4 и рис. 8.

Таблица 4. Возрастное распределение населения катакомбной культуры на территории Калмыкии
[*Table 4.* Kalmykia's Catacomb population by age]

Возраст, лет	Выборка из курганных могильников катакомбной культуры, найденных на территории Калмыкии							
	Взрослые и дети		Мужчины		Женщины		Неполовозрелые индивиды	
	n	%	n	%	n	%	n	%
0–4	28	14,8	0	0	0	0	28	42,4
5–9	29	15,4	0	0	0	0	29	43,9
10–14	9	4,8	0	0	0	0	9	13,6
15–19	8	4,2	3	3,9	4	8,7	0	0
20–24	17	8,9	10	13,2	7	15,3	0	0
25–29	5	2,6	3	3,9	2	4,3	0	0
30–34	29	15,4	19	25	10	21,7	0	0
35–39	1	0,5	0	0	1	2,2	0	0
40–49	38	20,1	26	34,2	12	26,1	0	0
50+	25	13,3	15	19,7	10	21,7	0	0
	189	100,0	76	100,0	46	100,0	66	100,0

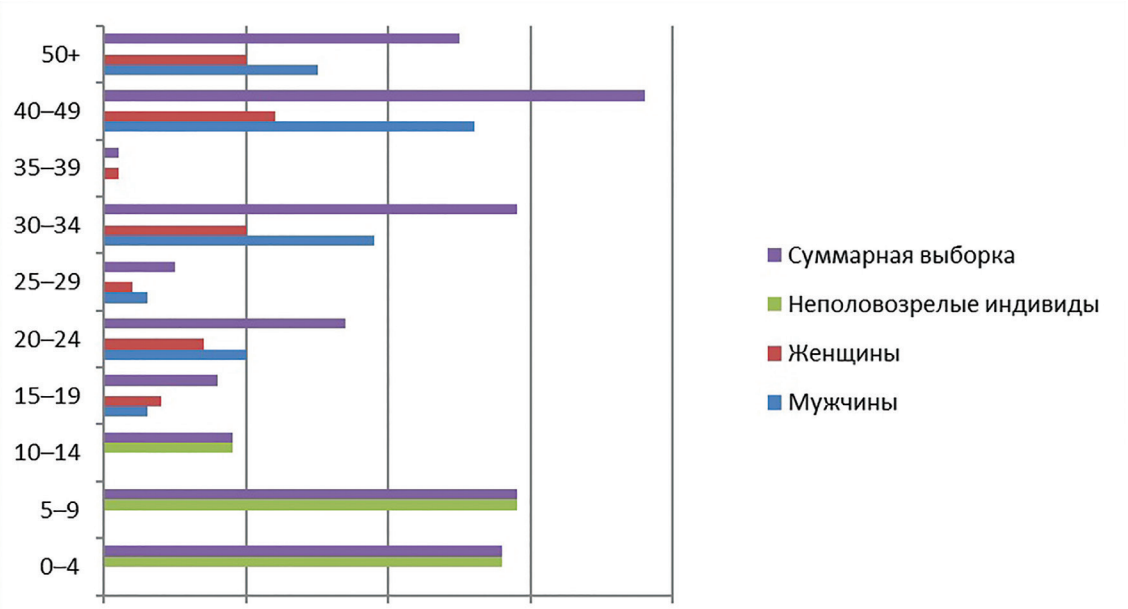

Рис. 8. Возрастная динамика показателей таблиц смертности в группе
[*Fig. 8.* Age dynamics of mortality tables in the group]

По результатам проведенного исследования новых антропологических материалов можно сделать предварительные выводы, касающиеся сходства и отличия палеодемографических показателей в сравнении с соседними регионами, а также предположительное описание образа жизни и заболеваний в группе.

Основные параметры имеют сходство с данными из материалов исследований в Республике Дагестан и Ростовской области и характерны для обществ того времени: средний возраст смерти (A лет: 24,9), высокий процент детской смертности (PCD %: 34,9), преобладание мужского населения (CF %: 32,8 – 19). Выявленные особенности калмыцких материалов выражаются в среднем возрасте смерти в мужской и женской группах, они имеют почти равное значение (AAm лет: 35,9 и AAf лет: 35,3); возрастная когорта C50+ составляет 13,2 % от всей выборки, причем доля индивидов женского пола незначительно, но преобладает (C50+m%: 19,7 и C50+f %: 21,7) (см. табл. 5).

Таблица 5. Основные палеодемографические характеристики населения катакомбной культуры на территории Калмыкии
[*Table 5.* Key paleodemographic characteristics of Kalmykia's Catacomb population]

Индекс	Значения
A — средний возраст смерти в группе (лет)	24,9
AAm — средний возраст смерти в мужской группе (лет)	35,9
FFf — средний возраст смерти в женской группе (лет)	35,3
AA — средний возраст смерти в группе без учета детей (лет)	35,7
PCD — средний возраст смерти в детской группе (%)	34,9
CA — доля индивидов старше 15 лет (%) взрослые	65
CA — доля индивидов старше 15 лет (%) мужчины	40,2
CA — доля индивидов старше 15 лет (%) женщины	24,3
CF — доля «активного» населения / возраст: 15 ≤ X ≤ 50 лет (%) взрослые	51,8
CF — доля «активного» населения / возраст: 15 ≤ X ≤ 50 лет (%) мужчины	32,8
CF — доля «активного» населения / возраст: 15 ≤ X ≤ 50 лет (%) женщины	19
C50+ — доля индивидов старше 50 лет (%) взрослые	13,2
C50+m — доля индивидов старше 50 лет (%) мужчины	19,7
C50+f — доля индивидов старше 50 лет (%) женщины	21,7

Анализ показателей физиологических маркеров исследуемой палеопопуляции выявил большое количество патологий зубочелюстной системы, которые свидетельствуют о периодах голода (эмалевая гипоплазия), однообразии в рационе, а также дефиците микроэлементов и витаминов в пище.

Васкулярная реакция на холод, встречаемая в основном у мужской части населения, предполагает их более активный образ жизни, а развитость мышечного рельефа на длинных костях указывает на активную трудовую деятельность. В женской и детской группах часты случаи воспалительных процессов и разного рода анемий. Так, лобный гиперостоз встречается только у женщин. Такие случаи, как гиперостоз костей свода черепа и cribra orbitalia, вызванные инфекционными заболеваниям и зафиксированные у детей, могут быть возможной причиной смерти.

Травматические повреждения считаются индикаторами агрессивности общества и его военной специализации [Бужилова 1995: 115–118; Перерва 2017: 172–175]. Анализ большинства повреждений, выявленных на костных останках погребенных, свидетельствует о бытовом характере травм, которые не являлись причиной смерти. Уровень травматизма в исследуемой палеопопуляции низкий.

Общие показания маркеров стресса и половозрастной анализ характеризуют нам население, которое не переживало сильных физиологических стрессовых ситуаций в виде длительного голода, заморозков, эпи-

демий и войн, но вместе с тем проживало на территории с невысоким уровнем «благополучной среды» для жизни.

6. Выводы

Результаты палеодемографических и палеопатологических исследований выборки Прикаспийской низменности позволили выявить сходство и отличие по основным показателям с данными выборок Сарпинской низменности и Ергенинской возвышенности, исследованных нами ранее.

Анализ половозрастной структуры объединенной серии населения катакомбной культуры показывает, что по всем основным палеодемографическим параметрам исследуемая палеопопуляция соотносится с хронологическими выборками соседних регионов: средний возраст смерти, высокий процент детской смертности, преобладание мужского населения. Отличие калмыцких материалов выражается в среднем возрасте смерти в мужской и женской группах: они имеют почти равное значение; в возрастной когорте С50+ отмечено незначительное преобладание индивидов женского пола.

Палеопатологические исследования костных останков позволили установить, что в данной палеопопуляции наблюдается большое количество патологий зубочелюстной системы, дегенеративные изменения на суставных поверхностях костей посткраниального скелета показывают высокий процент болезней позвоночника (шейный и поясничные отделы), развитость мышечного рельефа на длинных костях указывает на активную трудовую деятельность с ранних лет. Низкий процент травматизма и характер травм говорит об их бытовом происхождении. Исследуемая палеопопуляция, очевидно, не сталкивалась с разными видами катаклизмов (войны, эпидемии, продолжительный голод), но уровень жизни, тем не менее, был низким, на что указывают вышеперечисленные патологии.

Предварительные исследования наметили целый ряд вопросов, которые могут быть решены при привлечении дополнительных сведений и материалов.

Источники

Арапов 1987 — *Арапов С. В.* Отчет об исследованиях археологической экспедиции Калмыцкого НИИ истории, филологии и экономики в зоне строительства орошаемого участка совхоза «Яшкульский» в Яшкульском районе Калмыцкой АССР в 1987 г. // Научный архив Калмыцкого научного центра РАН. Ф. 14. Оп. 2. № 55. 111 с.

Васюткин 1988 — *Васюткин С. М.* Отчет о работе отряда КГУ, Калмыцкой археологической экспедиции КНИИ ИФЭ в Яшкульском районе Калмыцкой АССР в 1988 году // Научный архив Калмыцкого научного центра РАН. Ф. 14. Оп. 2. № 57. 45 с.

Кольцов 2002 — *Кольцов П. М.* Отчет о результатах охранно-спасательного археологического исследования (раскопок) памятников истории и культуры в зоне проектирования к строительству автодороги «Утта–Привольное» на участке 15 км – Привольный в Яшкульском районе Республики Калмыкия в 2002 г. // Научный архив Калмыцкого научного центра РАН. Ф. 14. Оп. 2. № 81.

Лапа 1987 — *Лапа Н. Л.* Отчет о раскопках в Яшкульском районе КАССР за 1987 г. // Архив Института археологии РАН. Р-1 12438. 6 с.

Лапа 1988 — *Лапа Н. Л.* Отчет о раскопках за 1988 год // Научный архив Калмыцкого научного центра РАН. Ф. 14. Оп. 2. № 58. 8 с.

Лопатин 1999 — *Лопатин В. А.* Охранные исследования в Черноземельском районе Калмыцкой республики в 1999 г. // Архив Института археологии РАН. Ф. Р–1. Ед. хр. 23817.

Романов 1988 — *Романов Ю. Г.* Отчет отряда археологической экспедиции КНИИ ИФЭ в Яшкульском районе Калмыцкой АССР в 1988 году // Научный архив Калмыцкого научного центра РАН. Ф. 14. Оп. 2. № 56. 74 с.

Серебряков 1988 — *Серебряков С. Ф.* Отчет об исследовании кургана № 13 по трассе канала Волга-Чограй Яшкульском районе Калмыцкой АССР в 1988 г. // Научный архив Калмыцкого научного центра РАН. Ф. 14. Оп. 2. № 64. 47 с.

Шилов 1988 — *Шилов В. П.* Отчет об исследовании курганов по трассе канала Волга-Чограй Яшкульском районе Калмыцкой АССР в 1988 г. // Научный архив Калмыцкого научного центра РАН. Ф. 14. Оп. 2. № 63. 28 с.

Шишлина 1987 — *Шишлина Н. И.* Отчет о работе ГИМ, Калмыцкой археологической экспедиции КНИИ ИФЭ в Яшкульском районе Калмыцкой АССР в 1987 г. // Научный архив Калмыцкого научного центра РАН. Ф. 14. Оп. 2. № 56. 49 с.

Шишлина 1988 — *Шишлина Н. И.* Отчет об ис-

следовании курганов на трассе канала Волга-Чограй в Яшкульском районе Калмыцкой АССР в 1988 г. // Научный архив Калмыцкого научного центра РАН. Ф. 14. Оп. 2. № 62. 89 с.

Шнайдштейн 1988 — *Шнайдштейн Е. В.* Отчет об археологических раскопках в зоне строительства канала Волга-Чограй в Яшкульском районе Калмыцкой АССР в 1988 г. // Научный архив Калмыцкого научного центра РАН. Ф. 14. Оп. 2. № 54. 22 с.

Sources

Arapov S. V. Report on the research of the archaeological expedition of the Kalmyk Research Institute of History, Philology and Economics in the construction zone of the irrigated area of the state farm "Yashkulsky" in Yashkulsky district of the Kalmyk ASSR in 1987 // NA KalmSC RAS, F. 14, inventory 2, No. 55, 111 pp.

Koltsov P. M. Report on the results of the conservation and rescue archaeological research (excavations) of historical and cultural monuments in the area of design for construction of the road "Utta-Privolnoye" at the site 15 km - Privolnoye in Yashkulsky district of the Republic of Kalmykia in 2002 // NA KalmSC RAS. F. 14, inventory 2, No. 81.

Lapa N. L. Report on excavations in the Yashkul district of the KASSR in 1987 // Archive of IA RAS. P-1 12438. 6 c.

Lapa N. L. Report on excavations for 1988. // NA KalmNTs RAS, F. 14, inventory 2, No. 58, 111 p. 8 c.

Lopatin V. A. Conservation research in the Chernozemelsky district of the Kalmyk Republic in 1999 // Archive of IA RAS. F. R-1. Un. xp. 23817.

Romanov Y. G. Report of the detachment of the archaeological expedition of the KNII IFE in the Yashkul district of the Kalmyk ASSR in 1988 // NA KalmNTs RAS, F. 14, inventory 2, No. 56, 74 p.

Serebryakov S. F. Report on the study of the burial mound No. 13 along the route of the Volga-Chogray canal in the Yashkul district of the Kalmyk ASSR in 1988 // NA KalmSC RAS, F. 14, inventory 2, No. 64, 47 p.

Shilov V. P. Report on the study of burial mounds along the route of the Volga-Chogray canal Yashkul district of the Kalmyk ASSR in 1988 // NA KalmSC RAS, F. 14, inventory 2, No. 63, 28 p.

Shishlina N. I. Report on the work of the GIM, Kalmyk Archaeological Expedition of the KNII IFE in the Yashkul district of the Kalmyk ASSR in 1987 // NA KalmNTs RAS. F. 14. inventory 2. No. 56. 49 c.

Shishlina N. I. Report on the study of burial mounds on the route of the Volga-Chogray canal in the Yashkul district of the Kalmyk ASSR in 1988 // NA KalmSC RAS, F. 14, inventory 2, No. 62, 89 p.

Shnaidstein E.V. Report on archaeological excavations in the construction zone of the Volga-Chogray canal in the Yashkul district of the Kalmyk ASSR in 1988 // NA KalmSC RAS, F. 14, inventory 2, No. 54, 22 p.

Vasyutkin S. M. Report on the work of the KSU detachment, Kalmyk Archaeological Expedition of the KNII IFE in the Yashkul district of the Kalmyk ASSR in 1988 // NA KalmSC RAS, F. 14, inventory 2, No. 57, 45 p.

Литература

Алексеев 1966 — *Алексеев В. П.* Остеометрия. Методика антропологических исследований. М.: Наука, 1966. 252 с.

Алексеев 1972 — *Алексеев В. П.* Палеодемография СССР // Советская археология. 1972. № 1. С. 3–21.

Алексеев, Дебец 1964 — *Алексеев В. П., Дебец Г. Ф.* Краниометрия. Методика антропологических исследований. М.: Наука, 1964. 127 с.

Алексеева, Богатенков, Лебединская 2003 — *Алексеева Т. И., Богатенков Д. В., Лебединская Г. В.* Влахи. Антропо-экологическое исследование (по материалам средневекового могильника Мистихали). М.: Научный мир, 2003. 127 с.

Бембеева, Очир-Горяева 2021 — *Бембеева Л. А., Очир-Горяева М. А.* Археологические погребальные памятники волго-манычских степей (по материалам раскопок с 1998 по 2009 гг.) // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2021. № 1. С. 8–53. DOI: 10.22162/2587-6503-2021-1-17 -8-53

Бембеева, Лиджикова 2022 — *Бембеева Л. А., Лиджикова Т. В.* Половозрастная структура населения катакомбной культуры Сарпинской низменности (по материалам археологических раскопок на территории Республики Калмыкия) // Oriental Studies. 2022. Т. 15. № 5. С. 1077–1093. DOI:10.22162/2619-0990-2022-63-5-1077-1093

Бембеева, Лиджикова 2023 — *Бембеева Л. А., Лиджикова Т. В.* Древние некрополи Ерге-

нинской возвышенности: палеодемографическое исследование населения катакомбной культуры (по материалам археологических раскопок 1981–2008 гг.) // Oriental Studies. 2023. Т. 16. № 3. С. 548–574. DOI: 10.22162/2619-0990-2023-67-3-548-574

Березина 2010 — *Березина Н. Я.* Демографические особенности раннесредневекового населения Северной Осетии (по материалам могильника Мамисондон) // Вестник Московского университета. Серия XXIII: Антропология. № 4. 2010. С. 82–87.

Бужилова 1995 — *Бужилова А. П.* Древнее население (палеопатологические исследования). М.: ИА РАН, 1995. 189 с.

Бужилова, Козловская, Медникова 1998 — *Бужилова А. П., Козловская М. В., Медникова М. Б.* Историческая экология человека. Методика биологических исследований. М.: Старый Сад, 1998. 260 с.

Казарницкий 2012 — *Казарницкий А. А.* Население азово-каспийских степей в эпоху бронзы (антропологический очерк). СПб.: Наука, 2012. 264 с.

Очир-Горяева 2008 — *Очир-Горяева М. А.* Археологические памятники Волго-манычских степей (свод памятников, исследованных на территории Республики Калмыкия в 1929–1997 гг.). Элиста: Герел, 2008. 298 с.: ил.

Перерва 2017 — *Перерва Е. В.* Маркеры стресса у сарматов в II–IV вв. н. э. из подкурганных захоронений Нижнего Поволжья (палеопатологический аспект) // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2017. № 10(123). С. 165–177.

Синельников и др. 2009 — *Синельников Р. Д., Синельников Я. Р., Синельников А. Я.* Атлас анатомии человека: уч. пособ. в 4 тт. 7-е изд., перераб. Т. 1. М.: РИА «Новая волна»; издатель Умеренков, 2009. 344 с.: ил.

Фирштейн 1967 — *Фирштейн Б. В.* Антропологическая характеристика населения Нижнего Поволжья в эпоху бронзы // Памятники эпохи бронзы юга европейской части СССР. Киев: Наукова думка, 1967. С. 100–140.

Шевченко 1986 — *Шевченко А. В.* Антропология населения южно-русских степей в эпоху бронзы // Антропология древнего и современного населения европейской части СССР. Л.: Наука, 1986. С. 121–215.

References

Alekseev V. P. Osteometry: Some Tools of Anthropological Research. Moscow: Nauka, 1966. 252 p. (In Russ.)

Alekseev V. P. Paleodemography of the Soviet Union. *Sovetskaya arkheologiya*. 1972. No. 1. Pp. 3–21. (In Russ.)

Alekseev V. P., Debets G. F. Craniometry: Some Tools of Anthropological Research. Moscow: Nauka, 1964. 127 p. (In Russ.)

Alekseeva T. I., Bogatenkov D. V., Lebedinskaya G. V. The Vlachs: An Anthropoecological Study (Analyzing Materials from the Medieval Necropolis of Mistihali). Moscow: Nauchnyi Mir, 2003. 127 p. (In Russ.)

Bembeeva L. A., Lidzhikova T. V. Age-sex structure of the Catacomb population from the Sarpa Lowland: Materials of Kalmykia's archaeological excavations analyzed. *Oriental Studies*. 2022. Vol. 15. No. 5. Pp. 1077–1093. (In Russ.) DOI:10.22162/2619-0990-2022-63-5-1077-1093

Bembeeva L. A., Lidzhikova T. V. Ancient necropolises of the Yergeni Upland: A paleodemographic study of the Catacomb population from 1981–2008 archaeological excavations. *Oriental Studies*. 2023. Vol. 16. No. 3. Pp. 548–574. (In Russ.) DOI: 10.22162/2619-0990-2023-67-3-548-574

Bembeeva L. A., Ochir-Goryaeva M. A. Archaeological burial monuments of the Volga-Manych steppe: A review of excavations, 1998-2009. *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS*. 2021. No. 1. Pp. 8–53. (In Russ.) DOI: 10.22162/2587-6503-2021-1-17 -8-53

Berezina N. Ya. Demographic characteristics of Early Medieval population of North Ossetia (On anthropological materials of Mamisondon site). *Moscow University Anthropology Bulletin (Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seria XXIII. Antropologia)*. 2010. No. 4. Pp. 82–87. (In Russ.)

Buzhilova A. P. Ancient Population: Studies in Paleopathology. Moscow: Institute of Archaeology (RAS), 1995. 189 p. (In Russ.)

Buzhilova A. P., Kozlovskaya M. V., Mednikova M. B. Historical Ecology of Man: Some Tools of Biological Research. Moscow: Staryi Sad, 1998. 260 p. (In Russ.)

Firshtein B. V. Population of the Bronze Age Lower Volga: Anthropological characteristics. In: Bronze Age Sites in European Parts of the Soviet Union. Kiev: Naukova Dumka, 1967. Pp. 100–140. (In Russ.)

Kazarnitsky A. A. Population of the Bronze Age Azov-Caspian Steppe: An Essay in Anthropology. St. Petersburg: Nauka, 2012. 264 p. (In Russ.)

Ochir-Goryaeva M. A. Archaeological Sites of the Volga-Manych Steppe: A Compendium of Kalmykia's Investigated Sites, 1929–1997. Elista: Gerel, 2008. 298 p. (In Russ.)

Pererva E. V. Markers of stress of the Sarmatian in the II–IV centuries AD from burial ground tombs of the Lower Volga region (paleopathological aspect). *Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University*. 2017. No. 10 (123). Pp. 165–177. (In Russ.)

Shevchenko A. V. Population of the Bronze Age South Russian Steppe: Anthropological characteristics. In: Anthropology of Ancient and Contemporary Populations across European Parts of the Soviet Union. Leningrad: Nauka, 1986. Pp. 121–215. (In Russ.)

Sinelnikov R. D., Sinelnikov Ya. R., Sinelnikov A. Ya. Human Anatomy Atlas. Coursebook. In 4 vols. Vol. 1. Seventh edition, rev. Moscow: Novaya Volna, Umerenkov, 2009. 344 p. (In Russ.)

Приложение 1

Таблица 1. Данные о поле и возрасте погребенных в курганах могильника Цаган-Усн–1987
[*Table 1.* Age-sex parameters of individuals buried in mounds of the grave field *Tsagan-Usn–1987*]

№ п/п	Могильник	Курган, погребение	Пол	Возраст (лет)
Половозрастное определение было установлено Т. В. Лиджиковой				
1	Цаган-Усн-3	курган 1, погребение 12(1)	М	Старше 45–60
2	Цаган-Усн-3	курган 1, погребение 12(2)	М	23–30
3	Цаган-Усн-3	курган 1, погребение 13	Ж	35–55
4	Цаган-Усн-3	курган 5, погребение 4	Ребенок	10–12
5	Цаган-Усн-4	курган 1, погребение 5 (2)	М	25–35
6	Цаган-Усн-4	курган 1, погребение 6 (1)	М	25–35
7	Цаган-Усн-5	курган 1, погребение 6	Ж	Старше 45
8	Цаган-Усн-5	курган 1, погребение 11	М	25–35
9	Цаган-Усн-5	курган 2, погребение 2	Ж	25–35
10	Цаган-Усн-5	курган 1, погребение 9	М	15–19
11	Цаган-Усн-8	курган 1, погребение 3	М	35–45
12	Цаган-Усн-8	курган 2, погребение 1	Ребенок	10–12
13	Цаган-Усн-8	курган 2, погребение 2	Ж	20–29
14	Цаган-Усн-10	курган 1, погребение 3	М	Старше 45
Несохранившийся антропологический материал: данные из полевых отчетов				
15	Цаган-Усн-3	курган 1, погребение 15	–	взрослый
16	Цаган-Усн-3	курган 5, погребение 2	–	взрослый
17	Цаган-Усн-3	курган 5, погребение 3	–	взрослый
18	Цаган-Усн-3	курган 5, погребение 4	–	ребенок
19	Цаган-Усн-3	курган 5, погребение 7	–	взрослый
20	Цаган-Усн-5	курган 1, погребение 9	–	Ж + ребенок
21	Цаган-Усн-5	курган 2, погребение 3	–	ребенок

Таблица 2. Данные о поле и возрасте погребенных в курганах могильника Канал Волга-Чограй (КВЧ)–1988
[*Table 2*. Age-sex parameters of individuals buried in mounds of the grave field *Canal Volga-Chogray (KVCh)–1988*]

№ п/п	Могильник	Курган (к.) Погребение (п.)	Пол	Возраст (лет)
Половозрастное определение было установлено Т. В. Лиджиковой				
1	*КВЧ-56*	курган 1, погребение 1	М	19–25
2	*КВЧ-56*	курган 2, погребение 2	М	Старше 45
3	*КВЧ-56*	курган 2, погребение 3	Ребенок	6–7
4	*КВЧ-56*	курган 2, погребение 10	Ж	25–35
5	*КВЧ-56*	курган 2, погребение 11	Ребенок	5
6	*КВЧ-56*	курган 5, погребение 1	Ребенок	5
7	*КВЧ-56*	курган 5, погребение 2	Ж	25–35
8	*КВЧ-56*	курган 6, погребение 4	Ж	Старше 45
9	*КВЧ-56*	курган 6, погребение 5	М	25–35
10	*КВЧ-56*	курган 6, погребение 10	М	35–45
11	*КВЧ-56*	курган 6, погребение 11А	Ребенок	6–7
12	*КВЧ-56*	курган 6, погребение 15	Ребенок	5–6
13	*КВЧ-56*	курган 6, погребение 18	Ребенок	11–12
14	*КВЧ-56*	курган 8, погребение 2	М	Старше 45
15	*КВЧ-56*	курган 8, погребение 3	М	17-25
16	*КВЧ-56*	курган 8, погребение 5	Ж	50
17	*КВЧ-56*	курган 8, погребение 8	М	Старше 45
18	*КВЧ-56*	курган 9, погребение 7	М	35–45
19	*КВЧ-56*	курган 9, погребение 8	Ж	20–35
20	*КВЧ-56*	курган 10, погребение 5	М	17–25
21	*КВЧ-56*	курган 11, погребение 1	М	20–29
22	*КВЧ-56*	курган 11, погребение 5	М	25–35
23	*КВЧ-56*	курган 13, погребение 5	М	17–25
24	*КВЧ-56*	курган 14, погребение 2	Ж	17–25
25	*КВЧ-56*	курган 14, погребение 4	Ж	Старше 55
26	*КВЧ-56*	курган 16, погребение 1	Ж	35–45
27	*КВЧ-56*	курган 16, погребение 2	Ребенок	5–6
28	*КВЧ-56*	курган 17, погребение 2	М	Старше 45
29	*КВЧ-37*	курган 1, погребение 1	М	17–25
30	*КВЧ-37*	курган 4, погребение 2	Ж	25–35
31	*КВЧ-37*	курган 5, погребение 1	М	17–25
32	*КВЧ-37*	курган 6, погребение 3	М	Старше 45
33	*КВЧ-37*	курган 8, погребение 1	М	25–35
34	*КВЧ-37*	курган 9, погребение 1	Ж	25–35
35	*КВЧ-37*	курган 14, погребение 2	Ребенок	5–6
36	*КВЧ-37. Яшкуль*	курган 1, погребение 3	Ребенок	18 мес.
37	*КВЧ-37. Яшкуль*	курган 1, погребение 4	Ж	25–35
38	*КВЧ-37. Яшкуль*	курган 1, погребение 6	М	25–35
39	*КВЧ-37. Яшкуль*	курган 1, погребение 7	Ребенок	12

№ п/п	Могильник	Курган (к.) Погребение (п.)	Пол	Возраст (лет)
Несохранившийся антропологический материал: данные из полевых отчетов				
40	*КВЧ-41*	курган 1, погребение 1	–	взрослый
41	*КВЧ-41*	курган 2, погребение 1	–	взрослый
42	*КВЧ-41*	курган 2, погребение 2	–	взрослый
43	*КВЧ-41*	курган 2, погребение 3	–	взрослый
44	*КВЧ-41*	курган 3, погребение 1	–	взрослый
45	*КВЧ-41*	курган 4, погребение 1	–	взрослый
46	*КВЧ-41*	курган 4, погребение 2	–	взрослый
47	*КВЧ-41*	курган 4, погребение 3	–	взрослый
48	*КВЧ-56*	курган 2, погребение 6	–	ребенок
49	*КВЧ-56*	курган 9, погребение 5	–	взрослый
50	*КВЧ-56*	курган 9, погребение 6	–	подросток
51	*КВЧ-56*	курган 9, погребение 8	–	взрослый
52	*КВЧ-56*	курган 10, погребение 1	–	взрослый
53	*КВЧ-56*	курган 12, погребение 4	–	ребенок
54	*КВЧ-56*	курган 14, погребение 4	–	взрослый
55	*КВЧ-56*	курган 14, погребение 5	–	ребенок
56	*КВЧ-56*	курган 17, погребение 1	–	взрослый
57	*КВЧ-56*	курган 17, погребение 4	–	ребенок
58	*КВЧ-37*	курган 7, погребение 3	–	взрослый
59	*КВЧ-37*	курган 14, погребение 4	–	взрослый

Таблица 3. Данные о поле и возрасте погребенных в курганах могильника *Черноземельский–1* (1998)
[*Table 3*. Age-sex parameters of individuals buried in mounds of the grave field *Chernozemelsky–1–1998*]

№ п/п	Могильник	Курган (к.) Погребение (п.)	Пол	Возраст (лет)
Половозрастное определение было установлено Т.В. Лиджиковой				
1	*Группа 1*	курган 3, погребение 4	Ребенок	2–25
2	*Группа 1*	курган 4, погребение 10	Ребенок	3–35
3	*Группа 1*	курган 4,погребение 12	взрослый	25–35
4	*Группа 1*	курган 4, погребение 13	Ребенок	12-18 мес.
5	*Группа 1*	курган 4, погребение 14	взрослый	35–45
6	*Группа 1*	курган 4 , погребение 15	Ребенок	4–5
7	*Группа 1*	курган 4, погребение 19(1)	Ребенок	6–8
8	*Группа 1*	курган 4, погребение 19(2)	Ребенок	5–6
9	*Группа 1*	курган 4 , погребение 27	Ж	35–45
10	*Группа 1*	курган 4, погребение 29	Ж	35–45
11	*Группа 1*	курган 4, погребение 35	Ребенок	12–18 мес.
12	*Группа 1*	курган 4, погребение 36	Ребенок	Около 1 года
Нет полевого отчета				

Таблица 4. Данные о поле и возрасте погребенных в курганах могильника *Улан-Хееч* (2002)
[*Table 4.* Age-sex parameters of individuals buried in mounds of the grave field *Ulan-Kheech–2002*]

№ п/п	Могильник	Курган (к.) Погребение (п.)	Пол	Возраст (лет)
Половозрастное определение было установлено Т. В. Лиджиковой				
1	Улан-Хееч	курган 1, погребение 5	Ребенок	18–24 мес.
2	Улан-Хееч	курган 1, погребение 7	Ж	Старше 45
Нет полевого отчета				

Published in the Russian Federation
Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
Has been issued as a journal since 2008
ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
Vol. 16, Is. 5, Pp. 1210–1227, 2023
Journal homepage: https://kigiran.elpub.ru

CC BY NC ND

УДК / UDC 902/904
DOI: 10.22162/2619-0990-2023-69-5-1210-1227

Опыт определения копромаркеров в отложениях археологических памятников (по материалам стоянки Сельунгур, Южный Кыргызстан)

Михаил Вадимович Шашков[1], *Снежана Викторовна Жилич*[2], *Темирлан Чаргынов*[3], *Мачей Томаш Крайцарж*[4], *Салтанат Алишер кызы*[5], *Виола Бенце*[6], *Светлана Владимировна Шнайдер*[7]

[1] Институт археологии и этнографии СО РАН (д. 17, ул. Лаврентьева, 630090 Новосибирск, Российская Федерация)
кандидат химических наук, старший научный сотрудник
0000-0001-9022-1525. E-mail: shashkov[at]catalysis.ru

[2] Институт археологии и этнографии СО РАН (д. 17, ул. Лаврентьева, 630090 Новосибирск, Российская Федерация)
кандидат геолого-минералогических наук, старший научный сотрудник
0000-0002-0365-0602. E-mail: snezhy[at]yandex.ru

[3] Кыргызский национальный университет им. Ж. Баласагына (д. 547, ул. Фрунзе, 720033 Бишкек, Кыргызстан)
кандидат исторических наук, заведующий кафедрой
0000-0002-6210-9250. E-mail: tima_chargynov[at]mail.ru

[4] Институт геологии Польской академии наук (д. 51/55, ул. Тварда, 00-818 Варшава, Республика Польша)
PhD, заведующий Лабораторией изотопов
0000-0002-1240-0664. E-mail: mkrajcarz[at]twarda.pan.pl

[5] Институт археологии и этнографии СО РАН (д. 17, ул. Лаврентьева, 630090 Новосибирск, Российская Федерация)
кандидат исторических наук, младший научный сотрудник
0000-0003-3138-0942. E-mail: saltanat.alisher.kyzy[at]gmail.com

[6] Университет Торонто (19, ул. Урсулы Франклин, ON M5S 2S2 Торонто, Канада)
PhD, доцент
0000-0001-8052-707X. E-mail: bence.viola[at]utoronto.ca

[7] Институт археологии и этнографии СО РАН (д. 17, ул. Лаврентьева, 630090 Новосибирск, Российская Федерация)
кандидат исторических наук, младший научный сотрудник
0000-0003-2230-4286. E-mail: sveta.shnayder[at]gmail.com

© КалмНЦ РАН, 2023
© Шашков М. В., Жилич С. В., Чаргынов Т., Крайцарж М. Т., А-кызы С., Бенце В., Шнайдер С. В., 2023

Аннотация. *Введение.* В данной статье рассматриваются результаты изучения пепловых слоев из голоценовых отложений пещеры *Сельунгур*. *Цель* исследования заключается в апробации применения метода определения копромаркеров в археологических отложениях. Полевое изучение голоценовых отложений объекта проводилось в полевые сезоны 2018 и 2021 гг., здесь выявлено 7 голоценовых слоев, представляющих собой стратифицированные слои сгоревшего помета травоядных животных. Последовательность содержит свидетельства о землетрясениях, которые нарушали осадочный слой, вызывая образование водовыпускных структур, пластических деформаций и разломов. Тем не менее стратиграфия остается легко читаемой. К сожалению, археологические и палеофаунистические материалы здесь не обнаружены, но серия пеплосодержащих прослоев позволяет предположить, что пещера неоднократно посещалась древними людьми. *Материалы и методы.* Всего было отобрано 7 образцов, по одному из каждого слоя для проведения анализа на содержание макроуглей, а после газ-хромато-спектрометрического анализа. В пепловых отложениях методом анализа макроуглей были выявлены участки концентрации сгоревшего дерева, которое использовались для разведения костров. По всему разрезу голоценовых отложений были отобраны серии проб для анализа методом газовой масс-спектрометрии. Также был проведен анализ современного навоза травоядных животных, обитающих на данной территории: коров, овец, коз, лошадей и ослов, полученные данные были использованы в качестве сравнительной коллекции. *Результаты и выводы.* К сожалению, в слое 7 пещеры *Сельунгур* плохо сохранились продукты горения, богатые данные мы получили из слоев 6–1. Полученные результаты позволяют идентифицировать копростерины и установить, что в слоях 6–2 в качестве топлива использовался конский навоз, а в первом слое — козий. Наиболее широкое распространение лошадей в этом регионе происходило в период существования государства Давань (Паркан), в III в. до н. э. и позднее — в средние века. Скорее всего, в эти периоды горный коридор, в котором находится *Сельунгур*, мог использоваться как один из перевалов Великого шелкового пути, соединявший Ферганскую и Алайскую долины. Накопление верхнего слоя, на наш взгляд, связано с современным периодом.

Ключевые слова: Центральная Азия, Даваньское государство, Великий Шелковый путь, пещера *Сельунгур*, пеплосодержащие прослои, копростеролы, лошадиный навоз

Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ в рамках проекта «Пересмотр перехода к производящей экономике в Центральной Азии: Новый междисциплинарный подход к вопросу неолитизации в Ферганской долине») (№ 22-28-01958, https://rscf.ru/project/22-28-01958/). За консультации во время проведения полевых работ и написания статьи авторы выражают искреннюю благодарность члену-корреспонденту, доктору исторических наук А. И. Кривошапкину.

Для цитирования: Шашков М. В., Жилич С. В., Чаргынов Т., Крайцарж М. Т., Алишер кызы С., Бенце В., Шнайдер С. В. Опыт определения копромаркеров в отложениях археологических памятников (по материалам стоянки Сельунгур, Южный Кыргызстан) // Oriental Studies. 2023. Т. 16. № 5. С. 1210–1227. DOI: 10.22162/2619-0990-2023-69-5-1210-1227

Identifying Markers for Copro-Analysis of Archaeological Deposits: A Study of Materials from the Selungur Cave (Southern Kyrgyzstan)

Mikhail V. Shashkov[1], *Snezhana V. Zhilich*[2], *Temirlan Chargynov*[3], *Maciej T. Krajcarz*[4], *Saltanat Alisherkyzy*[5], *Bence Viola*[6], *Svetlana V. Shnaider*[7]

[1] Institute of Archeology and Ethnography, Siberian Branch of the RAS (17, Lavrentiev Ave., 630090 Novosibirsk, Russian Federation)
Cand. Sc. (Chemistry), Senior Research Associate
0000-0001-9022-1525. E-mail: shashkov[at]catalysis.ru

[2] Institute of Archeology and Ethnography, Siberian Branch of the RAS (17, Lavrentiev Ave., 630090 Novosibirsk, Russian Federation)
Cand. Sc. (Geology and Mineralogy), Senior Research Associate
0000-0002-0365-0602. E-mail: snezhy[at]yandex.ru

[3] J. Balasagyn Kyrgyz National University (547, Frunze St., 720033 Bishkek, Kyrgyz Republic)
Cand. Sc. (History), Head of Department
0000-0002-6210-9250. E-mail: tima_chargynov[at]mail.ru

[4] Institute of Geological Sciences, Polish Academy of Sciences (51/55, Twarda St., 00-818 Warsaw, Republic of Poland)
PhD, Head of the Laboratory
0000-0002-1240-0664. E-mail: mkrajcarz[at]twarda.pan.pl

[5] Institute of Archeology and Ethnography, Siberian Branch of the RAS (17, Lavrentiev Ave., 630090 Novosibirsk, Russian Federation)
Cand. Sc. (History), Junior Research Associate
0000-0003-3138-0942. E-mail: saltanat.alisher.kyzy[at]gmail.com

[6] University of Toronto (19, Ursula Franklin St., ON M5S 2S2 Toronto, Canada)
PhD, Associate Professor
0000-0001-8052-707X. E-mail: bence.viola[at]utoronto.ca

[7] Institute of Archeology and Ethnography, Siberian Branch of the RAS (17, Lavrentiev Ave., 630090 Novosibirsk, Russian Federation)
Cand. Sc. (History), Senior Research Associate
0000-0003-2230-4286. E-mail: sveta.shnayder[at]gmail.com

© KalmSC RAS, 2023
© Shashkov M. V., Zhilich S. V., Chargynov T., Krajcarz M. T., Alisher kyzy S., Bence V., Shnaider S. V., 2023

Abstract. *Introduction*. The article discusses the results of a study of ash layers from Holocene deposits at the Selungur (Surungur) Cave. *Goals*. So, the work attempts a practical evaluation of a method of identifying coprostanols in archaeological sediments. The investigation of Holocene deposits of the site was carried out in 2018 and 2021 field seasons. The study identifies a total of 7 Holocene layers that represent the typical 'fumier' facies of cave and rock shelter deposits connected to pastoralism and animal husbandry practices, and built up of stratified layers of burnt herbivore dung. The sequence contains a record of multiple earthquakes that disturbed the sediments and effected in water escape structures, plastic deformations, and faults. Nevertheless, the stratigraphy remains easily readable. Unfortunately, archaeological and paleofaunistic materials were never found but a series of ash-containing interlayers suggests that the cave was repeatedly visited by ancient humans. *Materials*. In the ash deposits, our micro charcoal analysis has identified areas of concentration of burnt dungs which was used for fire. Series of samples were taken throughout the section of Holocene deposits for gas mass spectrometry analysis. The research efforts have also included the analysis of modern dung from herbivores inhabiting the area, such as cows, sheep, goats, horses and donkeys, for the latter obtained data to serve as a reference collection. *Results*. Unfortunately, layer 7 of the Selungur Cave proved characterized by poor preservation of fire products, while layers 6–1 yielded somewhat rich data. The obtained results make it possible to identify coprosterols and determine that equine dung was used in layers 6-2 as a fuel, and goat dung — in the first layer. The most widespread distribution of equines in this region occurred during the existence of Dayuan (Parkan) state, in the third century BC and later in the Middle Ages. Most likely, during these periods the mountain corridor comprising the Selungur Cave could have been used as a pass of the Silk Road that connected the Fergana and Alay valleys. The accumulation of the upper layer, in our opinion, is associated with the modern era.

Keywords: Central Asia, Dayuan, Silk Road, Selungur, ash-containing interlayers, coprosterols, Equidae

Acknowledgements. The reported study was funded by Russian Science Foundation, grant no 22-28-01958 'Revisiting the Transition to Farming in Central Asia: A New Interdisciplinary Approach to

the Neolithization of the Fergana Valley'. The authors extend gratitude to Dr. Andrei I. Krivoshapkin, Corresponding Member of the RAS, for most valuable consultations during field research and manuscript preparation.

For citation: Shashkov M. V., Zhilich S. V., Chargynov T., Krajcarz M. T., Alisherkyzy S., Viola B., Shnaider S. V. Identifying Markers for Copro-Analysis of Archaeological Deposits: A Study of Materials from the Selungur Cave (Southern Kyrgyzstan). *Oriental Studies*. 2023. Vol. 16(5): 1210–1227. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2023-69-5-1210-1227

1. Введение

Одним из современных междисциплинарных направлений в археологии является изучение биомаркеров. Возможность использования копростеролов в качестве надежных признаков наличия животных и человека впервые была использована при изучении донных отложений [Müller, Kanazawa, Teshima 1979; Leeming et al. 1996; Bull et al. 2002]. Возможность обнаружения и анализа 5-β–станолов уже активно используется при изучении происхождения загрязнений воды или почвы продуктами животноводства [Derrien et al. 2011; Devane et al. 2015].

Так потенциал для поиска копромаркеров в современных и археологических образцах почвы был применен в работе Ричарда Эвершеда при изучении традиции удобрения полей навозом в древности [Evershed et al. 1997]. Наибольшую ценность в анализе стероидных маркеров фекалий представляет тот факт, что соотношение различных копростеролов имеет закономерности в зависимости от биологического вида млекопитающих [Harrault et al. 2019: 10–20]. Тем не менее такие закономерности имеют достаточно высокую вариативность в зависимости от территории проживания животных и рациона питания [Prost et al. 2017: 14–24]. Поэтому зачастую точное определение вида по анализу соотношений копростеролов является сложной задачей. Однако при использовании достаточно большого массива образцов современных фекалий для нескольких видов животных можно существенно повысить достоверность определений.

Для идентификации вида возможно использование ряда диагностичных соотношений копростеролов для выявления граничных признаков различных животных с использованием методов математической статистики [Prost et al 2017: 3–7; Harrault et al 2019: 4–6].

Поиск копромаркеров в археологических отложениях имеет потенциал еще и по причине того, что в условиях дефицита кислорода стероиды могут хорошо сохраняться и служить биомаркерами поступления фекалий в древности [Birk et al 2011: 1218]. Кроме того, стероиды обладают низкой растворимостью в воде и в основном адсорбируются в виде твердых частиц органического вещества, и, как следствие, они не склонны к выщелачиванию, но связываются с почвенной матрицей [Lloyd et al 2012: 58–60; Tyagi, Edwards, Coyne 2008: 268–270].

На территории Центральной Азии группой исследователей под руководством Н. Шрётер проведен анализ фекальных биомаркеров из озерных отложений озера Чатыр-Кёл (Тянь-Шань, Кыргызстан). Им удалось обнаружить следы присутствия человека в этом районе в среднем голоцене, на что указывает зафиксированный пик содержания человеческого фекального стерола — копростанола и его эпимера — эпикопростанола в проанализированных осадках. Связанное с этим увеличение 5β-стигмастанола, фекального биомаркера, полученного от травоядных животных, указывает на присутствие скотоводческого хозяйства. Данные о распределении биомаркеров в этом исследовании демонстрируют раннее присутствие людей на высокогорном участке в Центральной Азии при около 5 900–4 000 лет назад. Профили стероидов показывают, что тогда же (а возможно, и немного ранее) пастбищные животные уже занимали водосбор озера Чатыр-Кёл, что позволило исследователям утверждать о присутствии здесь скотовод-

ческого типа хозяйства [Schroeter et al 2020: 9–10].

В рамках настоящего исследования проведено изучение пеплосодержащих прослоев (так называемые ‘fumiers’) голоценовых отложений стоянки Сельунгур, их визуальный осмотр позволил предположить, что навоз здесь использовался в качестве топлива. С целью определения типов навоза проведено изучение биомаркеров.

В качестве дополнительного метода проведен анализ макроуглей, позволяющий определить остатки от горения древесины, травы, костей и навоза, и микроскопическое исследование отложений на предмет содержания сферолитов — сферических кристаллов кальцита, образующихся в желудочно-кишечном тракте большинства травоядных животных, сохраняющихся в почве и после сжигания и считающихся индикатором присутствия или использования навоза травоядных животных [Gur-Arieh, Shahack-Gross 2020: 120–140].

2. Стоянка *Сельунгур*. Расположение и история изучения

Пещера *Сельунгур* располагается в горах Памиро-Алая, которые окаймляют Ферганскую долину с юга. Пещера находится непосредственно в черте г. Айдаркен по верхнему течению Обишир-Сая (см. рис. 1: 1). Она образована в карстовых отложениях и состоит из двух широких галерей-коридоров длиной от капельной линии около 60 м. Вход в нее обращен к юго-востоку, имеет ширину 27 м и высоту — 20 м. Пол пещеры в дальнем и переднем залах сильно понижается к выходу (см. рис. 1: 2).

Памятник *Сельунгур* был открыт в 1955 г. А. П. Окладниковым и П. Т. Коноплей, которыми была выполнена шурфовка рыхлых отложений пещеры и обнаружены каменные артефакты, однако полученные материалы не были опубликованы (согласно личному сообщению доктора исторических наук У. И. Исламова, 2010 г.). В ходе дальнейших планомерных исследований, проводившихся в период с 1980 по 1988 гг. под руководством У. И. Исламова, на памятнике было заложено 10 раскопов, которыми в различных частях пещеры было выявлено значительное количество литологических слоев, залегавших, по мнению исследователя, in situ (см. рис. 1: 3). Количество выделенных культурных слоев варьировало от 2 до 13, в зависимости от расположения раскопа. Согласно мнению У. И. Исламова, культурные горизонты всех раскопов можно объединить в пять пачек, которые он назвал «культурными слоями» и отнес к раннему палеолиту. Всего на памятнике в период с 1980 г. по 1988 г. было обнаружено около 1 500 каменных артефактов [Исламов, Крахмаль 1995: 139–163; Исламов, Годин, Крахмаль 1990: 3–8].

В 2013 г. было возобновлено изучение памятника силами международной группы ученых. В рамках новых исследований проводилось изучение плейстоценовых отложений памятника. В результате новых работ установлено, что здесь представлен единый комплекс, который выделен в Сельунгурский вариант среднего палеолита, на настоящий момент для него получена датировка в 112±19 тыс. лет назад [Krivoshapkin et al 2020: 91].

Голоценовые отложения памятника не подвергались детальному изучению, при этом на отдельных участках пещеры они представлены в очень хорошей сохранности. В полевые сезоны 2018 и 2021 г. здесь была зачищена небольшая часть западной стенки в зоне Y (см. рис. 1: 3).

Разрез деформирован в результате обвала большой глыбы, отколовшейся от южной стенки пещеры. В результате нижние слои голоценовых и верхние слои плейстоценовых отложений смешались и где-то по центру расчищенной стенки «вспучились».

Во всех представленных слоях присутствуют отложения эолового происхождения. Концентрация лесса в слоях не однородна. Большая часть слоев содержит достаточно большой процент золы разных оттенков серого цвета.

Слой 1. Мощность — до 20 см. Состоит из трех слоев (1.1, 1.2 и 1.3) золы палевого и коричневатого цвета с примесью сажи. Сверху слой деформирован обломочным материалом и перекрыт сажей.

Слой 2. Мощностью до 18 см. Состоит из двух слоев (2.1 и 2.2). Слой 2.1 светло-коричневого оттенка и слой 2.2 коричневого оттенка. Слои разделены прослойкой сажи.

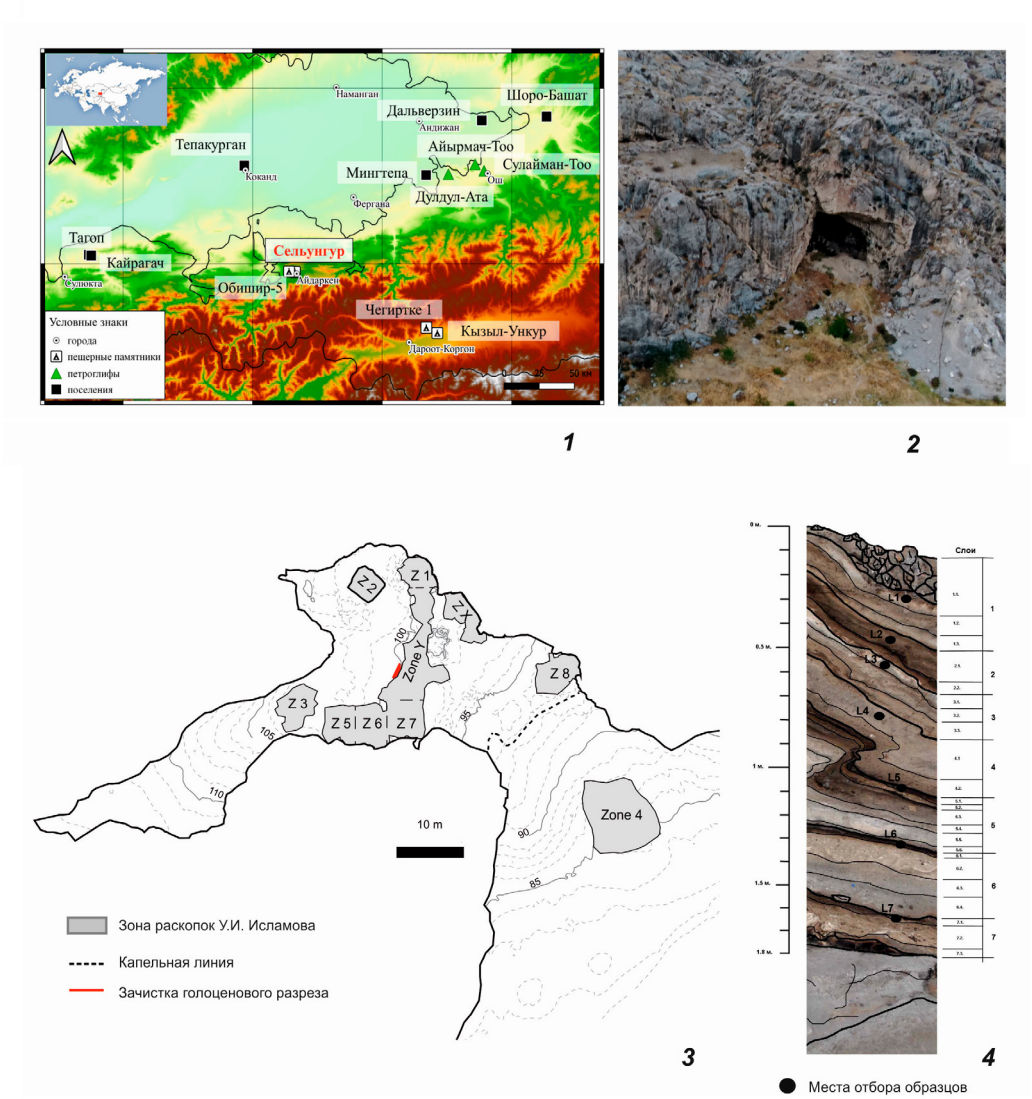

Рис. 1. Пещера *Сельунгур*: 1 — расположение пещеры *Сельунгур* и упоминающихся в статье археологических памятников; 2 — вид на пещеру *Сельунгур*; 3 — план пещеры *Сельунгур*; 4 — разрез голоценовых отложений стоянки *Сельунгур*

[*Fig. 1*. Selungur Cave: a – location of the Selungur Cave and archaeological sites mentioned in the article; b – view of the Selungur Cave; c – plan of the Selungur Cave; d – section of Holocene deposits of the Selungur site]

Слой 3. Мощность слоя — до 17 см. Состоит из трех слоев (3.1, 3.2, 3.3). Верхние слои состоят из золы светлого и серого оттенков. Нижний слой представлен лессом коричневого оттенка с примесью угольков.

Слой 4. Мощность слоя — до 20 см. Состоит из двух слоев. Слой 4.1 сероватого оттенка с примесью сажи и обломочного материала, прослеживается по всей стенке. Слой 4.2 светло-коричневого оттенка с угольками, обрывается в середине зачищенной западной стенки.

Слой 5. Мощность слоя — до 30 см. Состоит из шести слоев. Верхние три слоя темно-коричневого, коричневого и светло-коричневого оттенков разделены между собой прослойками сажи. Нижние три слоя представлены слоями золы серого, бежевого и темно-серого цветов. Нижний слой содержит структуры, свидетельствующие о быстрой флюидизации в результате катастрофических действий (например, землетрясения).

Слой 6. Мощность — до 30 см. Состоит из четырех слоев. Слой 6.1 представляет собой сажу. Слой 6.2 состоит из обломков пепельного материала, что указывает на эрозию и повторное осаждение. Следующие два слоя серого и серовато-коричневого оттенка, содержат угольки и обломочный материал, также здесь представлены следы деформации отложений, вызванные прорывом воды вверх.

Слой 7. Мощность — 16 см. Состоит из трех слоев. Первый слой в виде линзы представлен золой и сажей. Второй слой бежево-светло-коричневого оттенка представлен в основном золой с содержанием угольков, обломков костей и обломочного материала. Третий слой серого оттенка с включением золы бежевого цвета и угольков. В нижней части слоя также прослеживаются следы деформации из-за прорыва воды вверх.

Слой 8. Плейстоценовый слой с вклинившимися голоценовыми слоями в результате обвала большой глыбы камня, отколовшегося от южной стенки пещеры. Перекрыт слоем из сажи и золы.

Вся последовательность голоценовых отложений представляет собой каскад кострищ, сложенных стратифицированными слоями сгоревшего навоза, что является типичным для отложений пещер и скальных укрытий, связанных со скотоводством и животноводством [Angelucci et al. 2009: 193–195]. Последовательность содержит запись о многочисленных землетрясениях, которые нарушили отложения, что привело к образованию структур выхода воды, пластических деформаций и разломов. Тем не менее стратиграфия остается легко читаемой.

3. Материалы и методы исследования

Образцы для поиска копромаркеров были отобраны в ходе полевого сезона 2021 г. Из слоев 1–7 отбирали по одному образцу из наиболее темного (пепло-угольного) прослоя — всего 7 образцов. При визуальном осмотре именно в этих прослоях наблюдали недогоревшие органические остатки и уголь. Перед проведением анализа с использованием газовой масс-спектрометрии был проведен анализ на содержание макроуглей. Для анализа макроуглей было отобрано 7 образцов из выделенных визуально наиболее богатых угольными частицами прослоев каждого слоя. В лаборатории навески объемом по 0,5–2 мл (в зависимости от объема имеющегося образца) обрабатывались гипохлоридом натрия (NaClO) для обесцвечивания не обугленной органики в пробирках объемом 50 мл в течение 48 часов, затем были проситованы на сите с размером ячейки 500 мкм, так как именно угли размерного класса более 500 мкм образуются на месте, а не переносятся ветром и водой на значительные расстояния. Содержимое образца исследовалось под стереомикроскопом Zeiss Stemi 508 с увеличением 10–100 раз. Каждый обнаруженный уголь определялся до морфотипа в соответствии с методикой, описанной [Enache, Cumming 2007: 347–360; Jensen et al. 2007: 907–912; Mustaphi, Pisaric 2014: 734–750], связан с типом исходного топлива (дерево, трава, кость). Так же выделялся морфотип «аморфные» угли, подробно описанный в [Жилич, Чаргынов, Шнайдер 2022], который может рассматриваться как остатки от горения навоза. В процессе определения выполнялось микрофотографирование с помощью камеры Axiocam 208. Все образцы были проверены на содержание сферолитов, путем изучения смыва мелкодисперсной фракции на стекле под микроскопом Zeiss Axio Imager D1 в поляризованном свете с увеличением 400 раз.

4. Метод газовой масс-спектрометрии

В качестве эталонных образцов были собраны фекалии сельскохозяйственных животных, находящихся на выпасе в окрестностях памятника и ближайшем населенном пункте. Отобраны фекалии коров (2 особи), коз (5 особей), овец (6 особей), лошадей (2 особи), осла (1 особь). Образцы сушились в течение 7 дней в сухом темном помещении при температуре 22–25°C. Отобранные образцы для каждого вида измельчались и смешивались. Из каждой смешанной пробы фекалий отбирали навеску около 1 г. Из археологических образцов отбирались навески массой 4 г.

Полученные образцы подвергались процедуре пробоподготовки по методике, описанной в [Prost et al. 2017: 2–5; Harrault et al. 2019: 4–9] с некоторыми видоизменениями. Процедура включает следующую последовательность действий. Образцы экстрагировали дихлорметаном (осч) (объем 5 мл) в герметично закрытой виале при нагревании до 50°C в течение 2 часов. Внутренний

стандарт (5α-холестан) 10 мкг добавляли до начала экстракции. После охлаждения и фильтрования экстракт отдували досуха током сухого азота. Далее проводили процедуру дериватизации смесью 200 мкл N,O-бис (триметилсилил) трифторацетамида и 200 мкл пиридина.

Анализ подготовленных проб осуществляли на ГХ/МС системе на основе трех квадруполей Agilent 7000B (производство США). Разделение веществ, содержащихся в пробах, проводили на капиллярной колонке HP-5MS (30 мм × 0,25 мм × 0,25 μм). Анализ проводили в следующих условиях: температурная программа термостата колонок от 130°C до 310°C со скоростью 8°C/мин; температура испарителя 310°C, сброс 5:1; скорость потока газа-носителя (гелий), 1,2 мл/мин. Режим работы масс-спектрометра: детектирование в режиме выделенных ионов для следующих ионов: 217, 215, 355, 370, 369, 384, 486, 383, 398 m/z; энергия ионизации 70 эВ; температура источника ионизации 250°C. Количественный расчет проводится по внутреннему стандарту (5α-холестан).

Для оценки принадлежности фекальных маркеров проводили статистическую обработку результатов совместно с набором литературных данных при помощи программы STATISTICA 10.0, модуль дискриминантный анализ. Данный тип анализа используется для решения задач распознавания образов, который используется для принятия решения о том, какие «переменные» дискриминируют (классифицируют) возникающие наборы данных (так называемые «группы»). В контексте нашей работы «группы» — это вид животного, «переменные» — относительное процентное содержание определенного копростерола. Всего переменных 8 — по количеству найденных копростеролов.

5. Результаты междисциплинарного изучения пепловых прослоев

При проведении анализа образцов из слоя 7 было определено, что здесь представлена плохая сохранность продуктов горения, слои 6–1 показали хорошие данные. В образцах из слоев 6–1 обнаружены травянистые (рис. 2: 1–4) и аморфные угли (рис. 2: 5–8) в больших количествах, не было обнаружено древесных углей. В большинстве образцов присутствуют остатки обгорелых костей, кости отсутствуют в слоях 3 и 5. В нижних слоях присутствуют остатки насекомых. Во всех образцах были обнаружены сферолиты (см. рис. 2: 9) в больших количествах. Результаты анализа макроуглей можно интерпретировать в качественном, а не количественном аспекте, так как в разных образцах было разное соотношение угольных остатков и вмещающих отложений, кроме того, условия сохранности углей могли быть различными в разные периоды времени. Таким образом, можно сделать вывод, что на протяжении всего периода осадконакопления слоев 1–6 исходным топливом для огня были травы (и полукустарники), навоз травоядных животных и, возможно, кости.

6. Газовая масс-спектро-метрия

6.1. Современные образцы

В результате анализа фекалий современных животных, отобранных в регионе исследования, во всех образцах обнаружены копромаркеры — 5-β–станолы. В каждом образце идентифицированы следующие 5-β–станолы: coprostanol, epi-coprostanol, campestanol, epi-campestanol, 24-ethyl-coprostanol, 24-ethyl-epi-coprostanol, stigmastanol, epi- stigmastanol. Основными во всех образцах были следующие пары 5-β–станолов: coprostanol/epi-coprostanol, 24-ethyl-coprostanol/24-ethyl-epi-coprostanol. Общее количественное содержание и процентное соотношение найденных копромаркеров представлены в таблице 1.

6.2. Археологические образцы

В результате анализа образцов, полученных из слоев седимента памятника *Сельунгур*, 5-β–станолы обнаружены только в 6 верхних слоях L1–L6. В нижних слоях L7–8 копростеролы не обнаружены. В каждом образце идентифицированы те же восемь 5-β–станолов, что и в современных образцах фекалий. Общее количественное содержание и процентное соотношение найденных копромаркеров представлены в таблице 1.

Результаты анализа копростеролов в седименте памятника *Сельунгур* и в образцах фекалий современных животных представлены в таблице 1. В таблице 1 также даются как общее количество копростеролов, так и их процентное соотношение. Обнаружены следующие 5-β–станолы, которые являются характерными для фекалий животных:

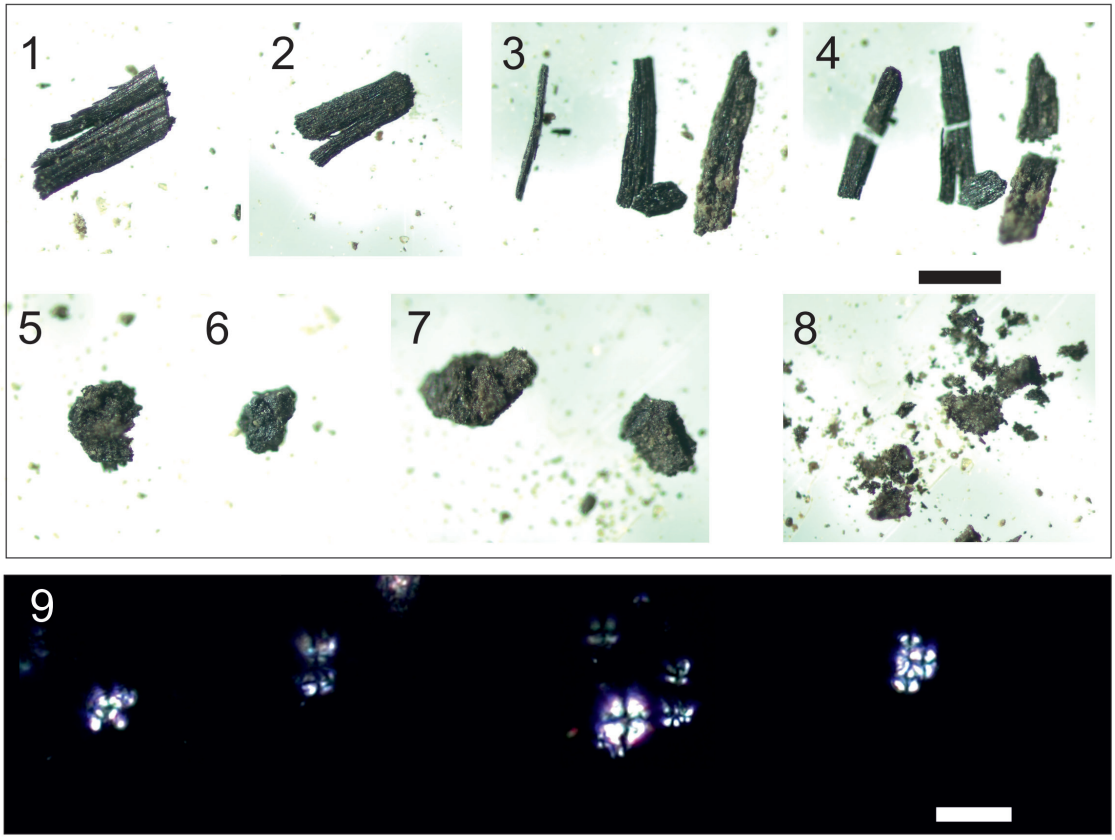

Рис. 2. Микрофотографии углей и сферолитов из образцов отложений пещеры *Сельунгур*: 1–3 — травянистые угли, хрупкие угли с четкой структурой; 4 — травянистые угли при разламывании сохраняют структуру; 5–7 — аморфные угли, без четкой структуры с включениями минеральных частиц; 8 — при разламывании аморфные угли рассыпаются на угольные и минеральные частицы; 9 — сферолиты из отложений стоянки *Сельунгур*, фото в поляризованном свете. Масштабные планки: белая — 10 мкм, черная — 400 мкм.

[*Fig. 2*. Microphotographs of coals and spherulites of sediment samples from the Selungur Cave. 1–3 — grassy coals, brittle coals with clear structures; 4 — grassy coals that retain structure when broken; 5–7 — amorphous coals without a clear structure and with inclusions of mineral particles; 8 — amorphous coals that turn to coal and mineral particles when broken; 9 — spherulites from sediments of the Selungur site, photo in polarized light. Scale bars: white— 10 microns, black— 400 microns]

Таблица 1. Содержание 5β-станолов в образцах седимента памятника *Сельунгур* и фекалий современных животных

[*Table 1*. Content of 5β-stanols in sediment samples from the Selungur Cave and feces of modern animals]

Sample	copro stanol (%)	epi-copro stanol (%)	campe stanol (%)	epi-campe stanol (%)	24ethyl-copro stanol (%)	24ethyl-epi-copro stanol (%)	stigma stanol (%)	epi-stigma stanol (%)	Сумма копростеролов (mkg/g)
Образцы из пещеры *Сельунгур*									
L1	22	4	1	2	39	30	0	2	39.4
L2	29	35	4	2	16	8	2	4	3.8
L3	14	13	6	5	12	47	1	1	11.2
L4	5	9	1	2	26	56	1	1	175.4
L5	14	9	1	2	13	59	1	1	17.3
L6	12	14	3	3	11	53	2	2	46.1

Современные домашние животные									
коза	15	3	1	0	47	32	1	1	1 621
баран	9	2	1	0	68	15	2	2	2 154
корова	7	4	1	0	54	29	2	2	1 124
осел	3	11	1	0	23	59	1	1	685
лошадь	5	10	1	1	44	37	1	1	735

coprostanol/epi-coprostanol, campestanol/epi-campestanol, 24-ethyl-coprostanol/24-ethyl-epi-coprostanol, stigmastanol/epi-stigmastanol. Соотношения между этими станолами имеют закономерности, позволяющие определить вид животного [Harrault et al. 2019: 10–20].

Что касается общего содержания копростеролов, то их ожидаемо много в современных образцах: 700–2 200 mkg/g. Такой уровень содержания характерен для фекалий животных, согласно литературным данным [Harrault et al. 2019: 10–20]. В археологическом седименте содержание на несколько порядков ниже: 4–175 mkg/g. Однако такие содержания на несколько порядков выше, чем характерны для образцов почвы археологических образцов [Prost et al. 2017: 10]. Данный факт объясняется тем, что на памятнике *Сельунгур* нами анализировались образцы из кострищ, что говорит о накоплении фекальных маркеров в пепловых образцах, — возможно, в результате сжигания навоза.

Исходя из данных по соотношению копростеролов в седименте и в современных образцах, наблюдается некоторое сходство по соотношению для образца из слоя 1 (L1) и современного образца козы. Данное сходство заключается в схожем соотношении и пары coprostanol/epi-coprostanol, 24-ethyl-coprostanol/24-ethyl-epi-coprostanol, а также пары coprostanol/24-ethyl-coprostanol. Также некоторое сходство по соотношениям в этих же парах 5-β–станолов можно найти при сравнении образцов слоев 3–6 и осла. Тем не менее такое поверхностное сравнение не является достоверным и не учитывает диапазон возможных колебаний состава, характерных для отдельных видов животных.

Поэтому предложено провести сравнение с литературными данными большого количества образцов фекальных маркеров нескольких видов животных. В работе Л. Харро и его коллег [Harrault et al. 2019] представлены данные по соотношениям фекальных маркеров для северного оленя, козы, овцы, собаки, человека, свиньи, коровы, лося, лошади и лемминга. Для каждого из этих видов представлены данные по соотношениям маркеров порядка 10 различных образцов. Чтобы провести достоверное сравнение по системе с несколькими параметрами, необходимо провести статистическую обработку. Одним из методов математической статистики, позволяющих на основе массива данных известных образцов получить результат для отнесения неизвестных образцов, является метод дискриминантного анализа. Для построения дискриминирующей функции были взяты опубликованные данные [Harrault et al. 2019] для козы, овцы, свиньи, коровы, лося, лошади. Лемминг и северный олень не включены в классификацию из-за того, что они не обитают на юге Ферганской долины. Человек и собака были исключены ввиду того, что для них характерно очень высокое (более 50 %) содержание копростанола, в то время как во всех изучаемых образцах *Сельунгура*, а также отобранных современных фекалий животных содержание копростанола не выше 30 %. Таким образом, построена функция классификации для 6 видов животных. Общее количество образцов 49 из данных [Harrault et al. 2019: 10–20]. Для оценки дискриминирующей силы полученной функции программа рассчитывает статистику «лямбда Уилкса». Чем ближе она к 0, тем лучше дискриминирующая сила, в нашем случае получена «лямбда Уилкса», равная 0,0023. Таким образом, полученная функция обладает хорошей дискриминирующей силой и пригодна для классификации неизвестных образцов. Для наглядной демонстрации результатов классификации построен график модели с использованием литературных данных, который представлен на рис. 3.

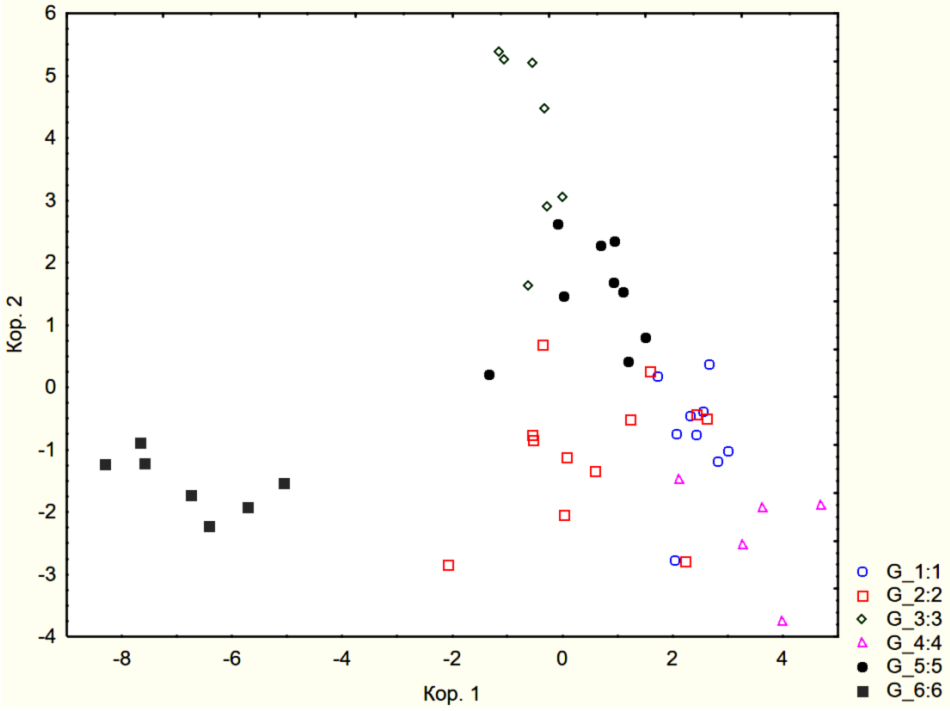

Рис. 3. Графическая интерпретация детерминирующей функции классификации, построенная на основе литературных данных [Harrault et al. 2019: 10–20]. G1:1 — коза, G2:2 — овца, G3:3 — лошадь, G4:4 — лось, G5:5 — корова, G6:6 — свинья

[*Fig. 3.* Graphical interpretation of the deterministic classification function based on available publications (Harraultetal). G1:1 goat, G2:2 sheep, G3:3 horse, G4:4 moose, G5:5 cow, G6:6 pig]

Интерпретация графика (см. рис. 3) проводится следующим образом. Чем дальше точки друг от друга, тем лучше они классифицируются. Видно, что свиньи (G6:6), согласно этой функции, наиболее отличны от других видов. Лошадь достаточно надежно разделяется с козой и овцой, и несколько хуже с коровой. Тем не менее видно, что все виды почти не пересекаются друг с другом, а значит, классификация неизвестных образцов будет достаточно достоверна и надежна.

На следующем этапе проведена классификация археологических и современных образцов. Результаты диагностики представлены в таблице 2. Видно, что фекалии животных диагностируются правильно. Осел опознается как лошадь, что в целом закономерно ввиду их родственного происхождения (осел относится к роду лошадей). Корова опознается неоднозначно — с уклоном в сторону коровы и козы.

Таблица 2. Результаты диагностики вида животных, полученных из данных по соотношению копромаркеров

[*Table 2*. Results of animal species diagnosis obtained from copromarker ratio data]

Образцы	Результат диагностики
Образцы из пещеры *Сельунгур*	
L1	коза
L2	лошадь
L3	лошадь
L4	лошадь
L5	лошадь
L6	лошадь
Современные образцы	
коза	коза
баран	овца

корова	коза / корова
осел	лошадь
лошадь	лошадь

Классификация образцов седимента из пещеры *Сельунгур* для всех слоев, в которых обнаружены копростеролы, за исключением верхнего (L1), определены как лошадиные, верхний слой (L1) — как остатки фекалий козы.

7. Обсуждение полученных результатов

Реконструкция использовавшихся типов топлива для данного региона проводилась для стоянки *Сурунгур*, которая находится в непосредственной близости от пещеры *Сельунгур*. Здесь удалось зафиксировать использование навоза животных в качестве топлива начиная с 7 тыс. лет назад [Дедов и др. 2021: 31–33; Шашков и др. 2022: 368–373].

Подобное исследование, направленное на определение таксономической принадлежности навоза, проводится для региона впервые. Любопытным является то, что на протяжении практически всего обитания человека Сельунгура в голоцене им использовался лошадиный помет в качестве топлива. В традиционных скотоводческих культурах, как правило, в качестве топлива используется навоз коров и яков [Miller, Smart 1984: 16], использование навоза лошадиных отмечается гораздо реже [Токтобай 2010: 15].

В целом доминирование навоза лошадиных в отложениях пещеры *Сельунгур* свидетельствует о присутствии этих животных в регионе и отсутствии или небольшом наличии коров / яков. Наиболее полные палеофаунистические реконструкции на настоящий момент представлены для стоянки *Обишир-5*, где зафиксирован наиболее ранний в регионе эпизод использования доместицированных овец и коз начиная с 8 тыс. лет назад [Taylor et al. 2021: 1171].

В первом слое памятника (период: бронзовый век – средневековье) также выделяются кости крупного рогатого скота и лошадей [Шнайдер и др. 2019: 287]. На стоянке *Сурунгур* на основе морфологического анализа также определены останки овец, коз и оленей в слоях, что датируются в пределах 7,5–6,5 тыс. лет назад [Шнайдер и др. 2021: 324]. Активное заселение равнинной части Ферганской долины приходится на поздний этап бронзового века – раннего железного века, здесь формируется несколько крупных поселений — *Дальверзин*, *Чуст*, *Шурабашат*, *Ошское*, *Кайрагач*, *Актам*, *Тогоп*, где преимущественно представлены останки мелкого рогатого скота [Брыкина 1982; Заднепровский 1997; Горбунова 1962], в меньшем количестве отмечаются кости крупного рогатого скота и лошадей (см. табл. 3). В конце второго – начале первого тысячелетия до н. э. в Центральной Азии появились окончательные свидетельства о верховой езде на лошадях как в археологических, так и в исторических источниках [Drews 2004: 1–10, 73].

Концом первого тысячелетия до н. э. датируются военные вторжения в Ферганскую область западной династии Хань, которая сформировала крупномасштабный обмен лошадьми между Центральной Азией и китайскими государствами. Этот процесс интенсифицировался в средневековый период [Beckwith 1991: 185–190].

В окрестностях г. Ош, в Араване и на Айырмач-Тоо есть изображения даваньских лошадей [Массон 1948: 129–135; Ажигерей 1928: 51; Аманбаева, Сулайманова, Жолдошев 2009: 260–271; Заднепровский 1962: 180; Шер 1980: 93].

На этот момент южные предгорья Ферганской долины являлись одной из важных артерий Шелкового пути, где лошади могли играть ключевую роль в качестве ценного товара и средства передвижения караванов. Другие виды лошадиных, в частности ослы, также могли являться важным транспортом благодаря их выносливости и низкой потребности в воде [Mitchell 2018: 10–20].

Проведенная серия биоархеологических исследований для лошадиных останков, найденных на памятниках Алайской долины, свидетельствует о распространении лошадей начиная со II в. н. э. Их использование объясняется распространением скотоводческого хозяйства и интенсификацией торговых контактов вдоль Алайской долины, которая являлась одной из артерий Шелкового пути [Taylor et al. 2018: 16].

Учитывая преимущественное использование лошадиного навоза в качестве топли-

ва в голоценовых отложениях, мы склонны относить эти слои 2–6 к периоду позднего этапа бронзового века – средневековья, когда в равнинной части Ферганской долины активно развивалось земледелие и отгонное скотоводство. Постепенно с увеличением населения, расширением ареала заселения предгорные и горные области Ферганской долины стали использоваться скотоводами [Брыкина 1982: 155–156].

Таблица 3. Памятники Ферганской и Алайской долин, где представлены находки лошадей
[*Table 3.* Archaeological sites in the Fergana and Alay valleys with horse remains]

Памятник	Тип памятника	Датировка	Культурная принадлежность	Свидетельства присутствия лошадей	Ссылки
Обишир-5 (слой 1)	грот	бронзовый век – средневековье	?	кости лошадей	[Шнайдер и др. 2019: 287]
Минг-Тепа	поселение	раннежелезный век	даваньское время	кости лошадей	[Горбунова 1962: 92]
Дальверзин	поселение	раннежелезный век	даваньское время	кости лошадей	[Горбунова 1962: 92]
Чуст	поселение	VII–VII вв. до н. э.	бронзовый век, чустский этап	кости лошадей	[Горбунова 1962: 92]
Шурабашат	поселение	III–I в. до н. э.	бронзовый век, шурабашатский этап	кости лошадей	[Горбунова 1962: 92]
Кайрагач	поселение	I в. нашей эры	раннежелезный век	кости лошадей	[Брыкина 1982: 16]
Кызыл-Ункур	пещера	260–400 ВСЕ	раннежелезный век	кости лошадей	[Taylor et al. 2018: 16]
Чегиртке 1	структуры	1 040–1 170 CE, 1 440–1 490 CE	раннежелезный век	кости лошадей	[Taylor et al. 2018: 16]
Тогоп	поселение	I в. нашей эры	раннежелезный век	кости лошадей	[Брыкина 1982: 160]
Айрымач-тоо	петроглифы	I тыс. до н. э.	даваньское время	изображения лошадей	[Аманбаева, Сулайманова, Жолдошов, 2009: 269; Заднепровский 1962: 180]
Сулейман-тоо	петроглифы	I тыс. до н. э.	даваньское время	изображения лошадей	[Аманбаева, Сулайманова, Жолдошов, 2009: 266; Заднепровский 1962: 180]
Дулдул-ата	петроглифы	I тыс. до н. э.	даваньское время	изображения лошадей	[Аманбаева, Сулайманова, Жолдошов, 2009: 271; Заднепровский 1962: 180]

Именно район расположения Сельунгура, вероятнее всего, в этот период являлся одним из коридоров Великого Шелкового пути, соединяющим Ферганскую и Алайскую долины. Доминирование следов копромаркеров коз, вероятнее всего, связан с современным этапом обживания региона. Так, часто пещеры в изучаемом районе используются в качестве загонов мелкого рогатого скота, что мы неоднократно наблюдали в ходе полевых исследований.

8. Заключение

Проведенное исследование пепловых прослоев из голоценовых отложений стоянки *Сельунгур* с использованием методов газовой масс-спектрометрии позволило определить, что здесь преимущественно для поддержания огня использовался навоз лошадиных. Проведенный обзор указывает на то, что слои, где доминируют копростеролы лошадиных фекалий, следует связывать с периодом поздней бронзы —средневековья. Вероятнее всего, наиболее активное накопление отложений происходило в период существования Даваньского государства и позднее — в средневековье, когда данный горный коридор мог использоваться как один из участков Великого Шелкового пути, соединяя Ферганскую и Алайскую долины. Накопление верхнего слоя с доминированием копростеролов коз мы склонны связывать с современным этапом обживания региона.

Литература

Ажигирей 1928 — *Ажигирей Г.* Древние рисунки на камнях урочища Сурот-Таш близ Оша // Известия Среднеазиатского отделения Географического общества. 1928. Т. 18. С. 47–56.

Аманбаева, Сулайманова, Жолдошов 2009 — *Аманбаева Б. Э., Сулайманова А. Т., Жолдошов Ч. М.* Наскальное искусство Кыргызстана (историографический и аналитический обзор). Бишкек: Бийиктик, 2009. 80 с.

Брыкина 1982 — *Брыкина Г. А.* Юго-Западная Фергана в первой половине I тысячелетия н. э. М.: Наука, 1982. 196 с.

Горбунова 1962 — *Горбунова Н. Г.* Культура Ферганы в эпоху раннего железа // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. 1962. Вып. 5. С. 91–122.

Дедов и др. 2021 — *Дедов И. Е., Кулакова Е. П., Шашков М. В., Жданов А. А., Пархомчук Е. В., Чаргынов Т., Шнайдер С. В.* Междисциплинарное изучение пеплосодержащих прослоев на памятнике *Сурунгур* в Ферганской долине (Южный Кыргызстан) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2021. Т. 49. № 4. С. 24–36.

Жилич, Чаргынов, Шнайдер 2022 — *Жилич С. В., Чаргынов Т., Шнайдер С. В.* Исследование макроугольков из угольных прослоев отложений археологического памятника Сурунгур (Ферганская долина, южный Кыргызстан) // Теория и практика археологических исследований. 2022. Т. 34. № 1. С. 163–180.

Заднепровский 1962 — *Заднепровский Ю. А.* Наскальные изображения лошадей в урочище Айырмач-Тау (Фергана) // Советская этнография. 1962. № 5. С. 125–128.

Заднепровский 1997 — *Заднепровский Ю. А.* Ошское поселение к истории Ферганы в эпоху поздней бронзы. Бишкек: Мурас, 1997. 171 с.

Исламов, Крахмаль 1995 — *Исламов У. И., Крахмаль К. А.* Палеоэкология и следы древнего человека в Центральной Азии. Ташкент: ФАН, 1995. 220 с.

Исламов, Годин, Крахмаль 1990 — *Исламов У. И., Годин М. Х., Крахмаль К. А.* Хайдарканская котловина в нижнечетвертичном периоде // История материальной культуры Узбекистана. 1990. Вып. 24. С. 3–8.

Массон 1948 — *Массон М. Е.* Древние наскальные изображения домашних лошадей в южном Киргизстане // Труды Института языка, литературы и истории Киргизской СССР. Фрунзе: ФАН, 1948. С. 129–135.

Токтобай 2010 — *Токтобай А.* Қазақ жылқысының тарихы (= История казахских лошадей). Алматы: Алматыкітап, 2010. 496 с.

Шашков и др. 2022 — *Шашков М. В., Жданов А. А., Дедов И. Е., Чаргынов Т., Шнайдер С. В.* Изучение органического и элементного состава остатков кострищ археологического памятника *Сурунгур* с оценкой используемого вида топлива // Журнал Сибирского федерального университета. Химия. 2022. № 15(3). С. 365–376.

Шер 1980 — *Шер Я. А.* Петроглифы Средней и Центральной Азии. М.: Наука, 1980. 327 с.

Шнайдер и др. 2019 — *Шнайдер С., Алишер кызы С., Селин Д. В., Рендю У., Абдыканова А., Бранкалеоне Г., Крайцарж М. Т., Кривошапкин А. И.* Результаты экспедиционных исследований памятника *Обишир-5* в 2018–2019 годах // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и

сопредельных территорий. 2019. Вып. 25. С. 286–292.

Шнайдер и др. 2021 — Шнайдер С. В. Жилич С.В., Федорченко А. Ю. Рендю В., Пархомчук Е.В., Алишер кызы С., Оленченко В. В., Цибизов Л. В., Сердюк Н. В., Зеленков Н. В., Чаргынов Т. Т., Кривошапкин А.И. Сурунгур — новый памятник раннего голоцена в Ферганской долине // Stratum plus. Археология и культурная антропология. 2021. №2. С. 319–337.

Angelucci et al. 2009 — *Angelucci D. E., Boschian G., Fontanals M., Pedrotti A., Vergès J. M.* Shepherds and Karst: The Use of Caves and Rock-Shelters in the Mediterranean Region during the Neolithic // World Archaeology. 2009. № 41(2). Pp. 191–214.

Beckwith 1991 — *Beckwith C. I.* The Impact of the Horse and Silk Trade on the Economies of T'ang China and the Uighur Empire: On the Importance of International Commerce in the Early Middle Ages // Orient Journal of the Economic and Social History of the Orient. 1991. Is. 34. Pp. 183–198. DOI: 10.2307/3632244

Birk et al 2011 — *Birk J. J., Teixeira W. G., Neves E. G., Glaser B.* Faeces deposition on Amazonian Anthrosols as assessed from 5β-stanols // Journal of Archaeological Science. 2011. Vol. 38. Is. 6. Pp. 1209–1220. DOI: 10.1016/j.jas.2010.12.015

Bull et al. 2002 — *Bull I. D., Lockheart M. J., Elhmmali M. M., Roberts D. J., Evershed R. P.* The origin of faeces by means of biomarker detection // Environment International. 2002. No. 27. Pp. 647–654.

Derrien et al. 2011 — *Derrien M., Jarde E., Gruau G., Pierson-Wickmann A. C.* Extreme variability of steroid profiles in cow feces and pig slurries at the regional scale: implications for the use of steroids to specify fecal pollution sources in waters // Journal of Agricultural and Food Chemistry. 2011. Vol. 59. Is. 13. Pp. 7294–7302.

Devane et al. 2015 — *Devane M. L., Wood D., Chappell A., Robson B., Webster-Brown J., Gilpin B.J.* Identifying avian sources of faecal contamination using sterol analysis // Environmental Monitoring and Assessment. 2015. No. 187. Pp. 1–19.

Drews 2004 — *Drews R.* Early Riders: The Beginnings of Mounted Warfare in Asia and Europe. New York; London: Routledge, 2004. 230 p.

Enache, Cumming 2007 — *Enache M. D., Cumming B. F.* Charcoal morphotypes in lake sediments from British Columbia (Canada): an assessment of their utility for the reconstruction of past fire and precipitation // Journal of Paleolimnology. 2007. Vol. 38(3). Pp. 347–363.

Evershed et al. 1997 — *Evershed R. P., Bethell P. H., Reynolds P. J., Walsh N. J.* 5β-Stigmastanol and related 5β-stanols as biomarkers of manuring: analysis of modern experimental material and assessment of the archaeological potential // Journal of Archaeological Science. 1997. Vol. 24. Is. 6. Pp. 485–495. DOI: 10.1006/jasc.1996.0132

Gur-Arieh, Shahack-Gross 2020 — *Gur-Arieh S., Shahack-Gross R.* Ash and Dung Calcitic Micro-remains // Handbook for the Analysis of Micro-Particles in Archaeological Samples. Interdisciplinary Contributions to Archaeology / A. G. Henry (ed.). Cham: Springer, 2020. Pp. 117–147.

Harrault et al. 2019 — *Harrault L., Milek K., Jardé E., Jeanneau L., Derrien M., Anderson D. G.* Faecal biomarkers can distinguish specific mammalian species in modern and past environments // PLoS One. 2019. Vol. 14. Is. 2. Pp. 1–26. DOI: 10.1371/journal.pone.0211119

Jensen et al. 2007 — *Jensen K., Lynch E. A., Calcote R., Hotchkiss S. C.* Interpretation of charcoal morphotypes in sediments from Ferry Lake, Wisconsin, USA: do different plant fuel sources produce distinctive charcoal morphotypes? // The Holocene. 2007. Vol. 17(7). Pp. 907–915.

Krivoshapkin et al. 2020 — *Krivoshapkin A., Viola B., Chargynov T., Krajcarz M.T., Krajcarz M., Fedorowicz S., Shnaider S., Kolobova K.* Middle Paleolithic variability in Central Asia: Lithic assemblage of Sel'Ungur cave // Quaternary International. 2020. Vol. 535. Pp. 88–103.

Leeming et al. 1996 — *Leeming R., Ball A., Ashbolt N., Nichols P.* Using faecal sterols from humans and animals to distinguish faecal pollution in receiving waters // Water Researches. 1996. Vol. 30. Is. 12. Pp. 2893–2900.

Lloyd et al. 2012 — *Lloyd C. E. M., Michaelides K., Chadwick D. R., Dungait J. A. J., Evershed R. P.* Tracing the flow-driven vertical transport of livestock-derived organic matter through soil using biomarkers // Organic Geochemistry. 2012. Vol. 43. Pp. 56–66. DOI: 10.1016/j.orggeochem.2011.11.001

Miller, Smart 1984 — *Miller N. F., Smart T. L.* Intentional burning of dung as fuel: A

mechanism for the incorporation of charred seeds into the archaeological record // Journal of Ethnobiology. 1984. No. 4. Pp. 15–28.

Mitchell 2018 — *Mitchell P.* The Donkey in Human History: An Archaeological Perspective. Oxford: Oxford University Press, 2018. 296 p.

Müller, Kanazawa, Teshima 1979 — *Müller G., Kanazawa A., Teshima S.* Sedimentary record of fecal pollution in part of Lake Constance by coprostanoldetermination // Die Naturwissenschaften. 1979. No. 66. Pp. 520–521.

Mustaphi, Pisaric 2014 — *Mustaphi C.J.C., Pisaric M. F.* A classification for macroscopic charcoal morphologies found in Holocene lacustrine sediments // Progress in Physical Geography. 2014. Vol. 38(6). Pp. 734–754.

Prost et al. 2017 — *Prost K., Birk J. J., Lehndorff E., Gerlach R., Amelung W.* Steroid biomarkers revisited-Improved source identification of faecal remains in archaeological soil material // PloS one. 2017. Vol. 12. Is. 1. Pp. 1–30. DOI: 10.1371/journal.pone.0164882

Schroeter et al. 2020 — *Schroeter N.*, *Lauterbach S.*, *Stebich M.*, *Kalanke J.*, *Mingram J.*, *Yildiz C.*, *Schouten S.*, *Gleixner G.* Biomolecular evidence of early human occupation of a high-altitude site in Western Central Asia during the Holocene // Frontiers in Earth Science. 2020. № 8. Pp. 1–13. DOI: 10.3389/feart.2020.00020

Taylor et al. 2021 — *Taylor W. T. T.*, *Pruvost M.*, *Posth C.*, *Rendu W.*, *Krajcarz M. T.*, *Abdykanova A.*, *Brancaleoni G.*, *Spengler R.*, *Hermes T.*, *Schiavinato S.*, *Hodgins G.*, *Stahl R.*, *Min J.*, *Alisher Kyzy S.*, *Fedorowicz S.*, *Orlando L.*, *Douka K.*, *Krivoshapkin A.*, *Jeong C.*, *Warinner C.*, *Shnaider S.* Evidence for early dispersal of domestic sheep into Central Asia // Nature Human Behavior. 2021. No. 5(9). Pp. 1169–1179.

Taylor et al. 2018 — T*aylor W., Shnaider S., Abdykanova A., Fages A., Welker F., Irmer F., Seguin-Orlando A., Khan N., Douka K., Kolobova K., Orlando L., Krivoshapkin A., Boivin N.* Early pastoral economies along the Ancient Silk Road: Biomolecular evidence from the Alay Valley, Kyrgyzstan // PLoS One. 2018. Vol. 31. Pp. 1–19. DOI: 10.1371/journal.pone.0205646

Tyagi, Edwards, Coyne 2008 — *Tyagi P., Edwards D. R., Coyne M. S.* Use of Sterol and Bile Acid Biomarkers to Identify Domesticated Animal Sources of Fecal Pollution // Water, Air and Soil Pollution. 2008. Vol. 187. Pp. 263–274.

References

Amanbayeva B. E., Sulaymanova A. T., Zholdoshov Ch. M. Rock Art of Kyrgyzstan: Historiographic and Analytical Reviews. Bishkek: Biyiktik, 2009. 80 p. (In Russ.)

Angelucci D. E., Boschian G., Fontanals M., Pedrotti A., Vergès J. M. Shepherds and karst: The use of caves and rock-shelters in the Mediterranean region during the Neolithic. *World Archaeology*. 2009. Vol. 41. No. 2. Pp. 191–214. (In Eng.)

Azhigirey G. Ancient rock drawings in Surot-Tash near Osh. *Izvestiya Sredneaziatskogo otdeleniya Geograficheskogo obshchestva*. 1928. Vol. 18. Pp. 47–56. (In Russ.)

Beckwith C. I. The impact of the horse and silk trade on the economies of T'ang China and the Uighur Empire: On the importance of international commerce in the Early Middle Ages. *Journal of the Economic and Social History of the Orient*. 1991. Is. 34. Pp.183–198. (In Eng.) DOI: 10.2307/3632244

Birk J. J., Teixeira W. G., Neves E. G., Glaser B. Faeces deposition on Amazonian anthrosols as assessed from 5β-stanols. *Journal of Archaeological Science*. 2011. Vol. 38. Is. 6. Pp. 1209–1220. (In Eng.) DOI:10.1016/j.jas.2010.12.015

Brykina G. A. Southwestern Fergana in the Early-to-Mid First Millennium CE. Moscow: Nauka, 1982. 196 p. (In Russ.)

Bull I. D., Lockheart M. J., Elhmmali M. M., Roberts D. J., Evershed R. P. The origin of faeces by means of biomarker detection. *Environment International*. 2002. No. 27. Pp. 647–654. (In Eng.)

Dedov I. E., Kulakova E. P., Shashkov M. V., Zhdanov A. A., Parkhomchuk E. V., Chargynov T., Shnaider S. V. Multidisciplinary study of burnt deposits at Surungur, Fergana Valley, Southern Kyrgyzstan. *Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia*. 2021. Vol. 49. No. 4. Pp. 24–36. (In Russ.)

Derrien M., Jarde E., Gruau G., Pierson-Wickmann A. C. Extreme variability of steroid profiles in cow feces and pig slurries at the regional scale: Implications for the use of steroids to specify fecal pollution sources in waters. *Journal of Agricultural and Food Chemistry*. 2011. Vol. 59. Is. 13. Pp. 7294–7302. (In Eng.)

Devane M. L., Wood D., Chappell A., Robson B., Webster-Brown J., Gilpin B. J. Identifying

avian sources of faecal contamination using sterol analysis. *Environmental Monitoring and Assessment*. 2015. No. 187. Pp. 1–19. (In Eng.)

Drews R. Early Riders: The Beginnings of Mounted Warfare in Asia and Europe. New York, London: Routledge, 2004. 230 p. (In Eng.)

Enache M. D., Cumming B. F. Charcoal morphotypes in lake sediments from British Columbia (Canada): An assessment of their utility for the reconstruction of past fire and precipitation. *Journal of Paleolimnology*. 2007. Vol. 38. No. 3. Pp. 347–363. (In Eng.)

Evershed R. P., Bethell P. H., Reynolds P. J., Walsh N. J. 5β-Stigmastanol and related 5β-stanols as biomarkers of manuring: Analysis of modern experimental material and assessment of the archaeological potential. *Journal of Archaeological Science*. 1997. Vol. 24. Is. 6. Pp. 485–495. (In Eng.) DOI: 10.1006/jasc.1996.0132

Gorbunova N. G. Culture of Early Iron Age Fergana. *Arkheologicheskiy sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha*. 1962. Is. 5. Pp. 91–122. (In Russ.)

Gur-Arieh S., Shahack-Gross R. Ash and dung calcitic micro-remains. In: Henry A. G. (ed.) Handbook for the Analysis of Micro-Particles in Archaeological Samples. Interdisciplinary Contributions to Archaeology. Cham: Springer, 2020. Pp. 117–147. (In Eng.)

Harrault L., Milek K., Jardé E., Jeanneau L., Derrien M., Anderson D. G. Faecal biomarkers can distinguish specific mammalian species in modern and past environments. *PLoS ONE*. 2019. No. 14(2). Article e0211119. Pp. 1–26. (In Eng.) DOI:10.1371/journal.pone.0211119

Islamov U. I., Godin M. Kh., Krakhmal K. A. Late Quaternary Khaydarken Depression. In: History of Material Culture of Uzbekistan. 1990. Vol. 24. Pp. 3–8. (In Russ.)

Islamov U. I., Krakhmal K. A. Paleoecology an Traces of Ancient Humans in Central Asia. Tashkent: FAN, 1995. 220 p. (In Russ.)

Jensen K., Lynch E.A., Calcote R., Hotchkiss S. C. Interpretation of charcoal morphotypes in sediments from Ferry Lake, Wisconsin, USA: Do different plant fuel sources produce distinctive charcoal morphotypes? *The Holocene*. 2007. Vol. 17. No. 7. Pp. 907–915. (In Eng.)

Krivoshapkin A., Viola B., Chargynov T., Krajcarz M.T., Krajcarz M., Fedorowicz S., Shnaider S., Kolobova K. Middle Paleolithic variability in Central Asia: Lithic assemblage of Sel'Ungur cave. *Quaternary International*. 2020. Vol. 535. Pp. 88–103. (In Eng.)

Leeming R., Ball A., Ashbolt N., Nichols P. Using faecal sterols from humans and animals to distinguish faecal pollution in receiving waters. *Water Researches*. 1996. Vol. 30. Is. 12. Pp. 2893–2900. (In Eng.)

Lloyd C. E. M., Michaelides K., Chadwick D. R., Dungait J. A. J., Evershed R. P. Tracing the flow-driven vertical transport of livestock-derived organic matter through soil using biomarkers. *Organic Geochemistry*. 2012. Vol. 43. Pp. 56–66. (In Eng.) DOI: 10.1016/j.orggeochem.2011.11.001

Masson M. E. Ancient rock drawings of domesticated horses in Southern Kyrgyzstan. In: Proceedings of the Institute of Language, Literature and History (Kirghiz SSR). Frunze: FAN, 1948. Pp. 129–135. (In Russ.)

Miller N. F., Smart T. L. Intentional burning of dung as fuel: A mechanism for the incorporation of charred seeds into the archaeological record. *Journal of Ethnobiology*. 1984. No. 4. Pp. 15–28. (In Eng.)

Mitchell P. The Donkey in Human History: An Archaeological Perspective. Oxford: Oxford University Press, 2018. 296 p. (In Eng.)

Müller G., Kanazawa A., Teshima S. Sedimentary record of fecal pollution in part of Lake Constance by coprostanols determination. *Die Naturwissenschaften*.1979. No 66. Pp. 520–521. (In Eng.)

Mustaphi C. J. C., Pisaric M. F. A classification for macroscopic charcoal morphologies found in Holocene lacustrine sediments. *Progress in Physical Geography*. 2014. Vol. 38. No. 6. Pp. 734–754. (In Eng.)

Prost K., Birk J.J., Lehndorff E., Gerlach R., Amelung W. Steroid biomarkers revisited — Improved source identification of faecal remains in archaeological soil material. *PLoS ONE*. 2017. No. 12(1). Article e0164882. Pp. 1–30. (In Eng.) DOI: 10.1371/journal.pone.0164882

Schroeter N., Lauterbach S., Stebich M., Kalanke J., Mingram J., Yildiz C., Schouten S., Gleixner G. Biomolecular evidence of early human occupation of a high-altitude site in Western Central Asia during the Holocene. *Frontiers in Earth Science*. 2020. No. 8. Pp. 1–13. (In Eng.) DOI: 10.3389/feart.2020.00020

Shashkov M. V., Zhdanov A. A., Dedov I. E., Chargynov T., Shnaider S. V. Organic and elemental composition of fire residue in Surungur archaeological site with assessment fuel type used. *Journal of Siberian Federal University. Chemistry*. 2022. No. 15 (3). Pp. 365–376. (In Russ.)

Sher Ya. A. Petroglyphs of Central Asia. Moscow: Nauka, 1980. 327 p. (In Russ.)

Shnaider S., Alisher kyzy S., Selin D. V., Rendu W., Abdykanova A., Brancaleoni G., Krajcarz M. T., Krivoshapkin A. I. Results of field studies at the Obishir-5 site in 2018–2019. *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. 2019. Vol. 25. Pp. 286–292. (In Russ.)

Taylor W. T. T., Pruvost M., Posth C., Rendu W., Krajcarz M. T., Abdykanova A., Brancaleoni G., Spengler R., Hermes T., Schiavinato S., Hodgins G., Stahl R., Min J., Alisher kyzy S., Fedorowicz S., Orlando L., Douka K., Krivoshapkin A., Jeong C., Warinner C., Shnaider S. Evidence for early dispersal of domestic sheep into Central Asia. *Nature Human Behavior*. 2021. No. 5(9). Pp. 1169–1179. (In Eng.)

Taylor W., Shnaider S., Abdykanova A., Fages A., Welker F., Irmer F., Seguin-Orlando A., Khan N., Douka K., Kolobova K., Orlando L., Krivoshapkin A., Boivin N. Early pastoral economies along the Ancient Silk Road: Biomolecular evidence from the Alay Valley, Kyrgyzstan. *PLoS One*. 2018. No. 13(10). Article e0205646. Pp. 1–19. (In Eng.) DOI: 10.1371/journal.pone.0205646

Toktobay A. History of Kazakh Horses.. Almaty: Almaty Kitap, 2010. 496 p. (In Kaz.)

Tyagi P., Edwards D. R., Coyne M. S. Use of sterol and bile acid biomarkers to identify domesticated animal sources of fecal pollution. *Water, Air and Soil Pollution*. 2008. Vol. 187. Pp. 263–274. (In Eng.)

Zadneprovsky Yu. A. Osh Settlement in the History of Late Bronze Age Fergana. Bishkek: Muras, 1997. 171 p. (In Russ.)

Zadneprovsky Yu. A. Rock drawings of horses in Aiyrmach-Tau (Fergana). *Sovetskaya etnografiya*. 1962. No.5. Pp.125–128. (In Eng.)

Zhilich S.V., Chargynov T., Shnaider S. V. Study of macrocharcoal remains from charcoal interlayers at the Surungur archaeological site depositions (Fergana Valley, Southern Kyrgyzstan). *Theory and Practice of Archaeological Research*. 2022. Vol. 34. No. 1. Pp. 163–180. (In Russ.)

Published in the Russian Federation
Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
Has been issued as a journal since 2008
ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
Vol. 16, Is. 5, Pp. 1228–1240, 2023
Journal homepage: https://kigiran.elpub.ru

CC BY NC ND

УДК / UDC 930(929)
DOI: 10.22162/2619-0990-2023-69-5-1228-1240

История буддизма в летописи Р. Санжиева

Цымжит Пурбуевна Ванчикова[1], *Марина Васильевна Аюшеева*[2]

[1] Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (д. 6, ул. Сахьяновой, 670047 Улан-Удэ, Российская Федерация)
доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник
0000-0002-1381-6186. E-mail: vanchikova.ts[at]gmail.com

[2] Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (д. 6, ул. Сахьяновой, 670047 Улан-Удэ, Российская Федерация)
кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
0000-0003-3760-9867. E-mail: ayagma[at]yandex.ru

© КалмНЦ РАН, 2023
© Ванчикова Ц. П., Аюшеева М. В., 2023

Аннотация. *Введение.* В статье дана краткая характеристика летописи Рабжи Санжиева по истории хоринских бурят, написанной на старописьменном монгольском языке и хранящейся в Центре восточных рукописей и ксилографов Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения РАН. *Целью* статьи является источниковедческий анализ материалов по истории буддизма в летописи хоринских бурят, впервые вводимым в научный оборот. *Материалы и методы.* Источником исследования является объемное сочинение Р. Санжиева, которое можно рассматривать как продолжение летописи Шираб-Нимбу Хобитуева, написанной в 1887 г. При анализе сочинения был использован описательно-повествовательный подход и сравнительно-исторический метод, благодаря которым содержание летописи и материалы других бурятских летописей были рассмотрены во взаимосвязи. *Результаты.* Летопись хоринских бурят Р. Санжиева сохраняет традиции бурятского летописания, содержит новые сведения и богатый фактологический материал, в частности по истории бурятского буддизма, неизвестные по более ранним летописям. Сведения по истории буддизма были рассмотрены по трем группам: история в лицах, история храмов и религиозных объектов, история бытования. Отмечено, что данное деление является условным, поскольку один и тот же фрагмент может относиться к разным группам. *Выводы.* Установлено, что автором была значительно расширена история агинских бурят и история распространения буддизма среди этой этнической группы на основе привлечения широкого круга новых архивных и документальных материалов разнообразного содержания. Кроме того, в летописи Р. Санжиева приводятся сведения о наиболее значимых событиях в мире и России конца XIX – начала XX в. и об их отражении в жизни хори-бурят.

Ключевые слова: Рабжа Санжиев, бурятская летопись, история буддизма, дацаны, агинские буряты, архивные источники

Благодарность. Статья выполнена в рамках государственного задания — проект «Письменные традиции народов Байкальского региона в контексте историко-культурного наследия России и Внутренней Азии» (номер госрегистрации: 121031000263-3).
Для цитирования: Ванчикова Ц. П., Аюшеева М. В. История буддизма в летописи Р. Санжиева // Oriental Studies. 2023. Т. 16. № 5. С. 1228–1240. DOI: 10.22162/2619-0990-2023-69-5-1228-1240

History of Buddhism in the Chronicle of Rabzha Sanzhiev

Tsymzhit P. Vanchikova[1], *Marina V. Ayusheeva*[2]

[1] Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of RAS (6, Sakhyanova St., Ulan-Ude 670047, Russian Federation)
Dr. Sc. (History), Professor, Chief Research Associate
0000-0002-1381-6186. E-mail: vanchikova.ts[at]gmail.com

[2] Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of RAS (6, Sakhyanova St., Ulan-Ude 670047, Russian Federation)
Cand. Sc. (History), Senior Research Associate
0000-0003-3760-9867. E-mail: ayagma[at]yandex.ru

© KalmSC RAS, 2023
© Vanchikova Ts. P., Ayusheeva M. V., 2023

Abstract. *Introduction*. The article reviews the Chronicle of Rabzha Sanzhiev dealing with the history of Khori Buryats, written in Classical Mongolian, and housed at the Center of Oriental Manuscripts and Xylographs (IMBT SB RAS). *Goals*. The article attempts a source analysis into a history (historical accounts) of Buddhism from the Chronicle of Khori Buryats to be newly introduced into scientific circulation. *Materials and methods*. The study investigates a voluminous work by R. Sanzhiev that can be considered a continuation of the Chronicle of Shirab-Nimbu Khobituev written in 1887. Our analysis employs both a descriptive/narrative approach and the comparative historical method that make it possible to examine R. Sanzhiev's Chronicle and other Buryat historical accounts in interrelation. *Results*. The Chronicle of Khori Buryats by R. Sanzhiev follows the traditions of Buryat chronicle-writing, contains new data, and is rich in factual material, in particular relating to the history of Buryat Buddhism missing in earlier texts. Messages on the history of Buddhism have been divided into three groups: history of persons, history of temples and religious objects, and history of corresponding traditions. It should be noted that such a division is conditional enough, since one and the same fragment can actually cluster within more than one group. *Conclusions*. The paper reveals the author did add a wide range of diverse archival and documentary materials to significantly expand the history of Aga Buryats and the history of how Buddhism had been disseminated within this Buryat ethnic group. Furthermore, R. Sanzhiev included messages about most significant late nineteenth to early twentieth century events in Russia and the world, and explained how the latter influenced the then life of Khori Buryats.
Keywords: Rabzha Sanjiev, Buryat chronicle, history of Buddhism, datsans, Aga Buryats, archival sources
Acknowledgements. The reported study was funded by government assignment, project no. 121031000263-3 'Scriptural Traditions of Baikal Peoples in the Context of Historical and Cultural Heritage of Russia and Inner Asia'.
For citation: Vanchikova Ts. P., Ayusheeva M. V. The History of Buddhism in the Annals of R. Sanzhiev. *Oriental Studies*. 2023; 16(5): 1228–1240. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2023-69-5-1228-1240

1. Введение

Большой популярностью среди бурятского населения пользовалась летопись Ш.-Н. Хобитуева «История происхождения бурят 11 хоринских родов, входящих в состав народности бурят, проживающих в Восточной Сибири Российской империи» [Казакевич 1935: V; Бадмаева, Очирова 2018: 13]. В монгольском фонде Центра восточных рукописей и ксилографов Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (далее — ЦВРК ИМБТ СО РАН) представлено около 10 ее списков и редакций, в том числе работы С. Ванданова, Д. Бубеева, Р. Санжиева [Annotated catalogue 2004: 5–18]. Нами установлено, что рассматриваемое сочинение Р. Санжиева отличается наибольшим объемом использования летописи Ш.-Н. Хобитуева и вставками, местами весьма значительными, из работ А. Очирова [Бадмаева, Очирова 2018: 264–282], Т. Тобоева [Бурятские летописи 1995: 5–35] и разных документов и материалов, главным образом, по истории агинских бурят. Как отмечал один из первых исследователей данной летописи Ц. Б. Цыдендамбаев, в работе Р. Санжиева дополнения из летописи Ш.-Н. Хобитуева разбросаны по всему сочинению, что отразилось на хронологической непоследовательности излагаемого материала: «некоторые дополнения вынесены далеко за пределы дополняемой хроники, тогда как по дате своей они должны быть вставлены на соответствующих местах текста хроники» [Цыдендамбаев 2001: 60]. Этому, безусловно, способствовало привлечение широкого круга материалов: нередко одно и тоже событие описано повторно, но в несколько другой интерпретации, что, вероятно, может свидетельствовать о разных источниках информации.

Следует отметить, что история религии в большинстве бурятских летописей, как правило, не отделена от важных событий в жизни бурятского общества: решений вышестоящих инстанций по вопросам управления, землепользования, награждений ответственных лиц, назначений на должности, описаний природных явлений, повлиявших на благополучие и благосостояние народа и пр. В сочинении Р. Санжиева изложение истории хоринских и агинских бурят также тесно переплетено с историей бурятского буддизма. Из дополнений и вставок особенно ценны полнотекстовые копии наказов и обращений духовных лиц, решения общественных приговоров по вопросам регулирования религиозной жизни и улучшения быта мирян, а также сведения о строительстве дацанов, приобретении культовых предметов, проведении хуралов, детальное перечисление имен милостынедателей, сумм пожертвований, перечисление ширетуев Агинского и Цугольского дацанов с краткой характеристикой их заслуг.

2. Общие сведения по истории буддизма в летописи

Сведения по истории буддизма можно сгруппировать на: 1) данные, связанные с персоналиями, буддийскими ламами и милостынедателями, в том числе перечни настоятелей-ширетуев Агинского, Цугольского дацанов, список пандита-хамбо-лам, сюда же относятся отдельные упоминания о бурятских ламах, мирянах в связи с приобретением религиозных предметов, строительством дацанов; 2) сведения, касающиеся истории монастырских комплексов (строительства, реконструкции, бытования), приобретения тех или иных святынь (скульптур Майдари, собраний Ганжура и Данжура и др.). Подобные сведения, как правило, снабжены отсылками на разрешительные архивные документы, даты и номера документов, начало и окончание работ и пр.; 3) в третью группу можно выделить разные сведения, копии с документов и писем, касающихся нормативно-правового положения буддийской религии, поведения лам, нравственно-моральных устоев духовенства и мирян. Безусловно, сведения из данных трех групп пересекаются, и один и тот же фрагмент может включать, например, описание заслуг или пожертвований того или иного лица при возведении какого-либо храма. Ниже рассмотрим данные группы подробнее. Можно выделить работу В. Юмсунова «История происхождения 11 хоринских родов», где выделены 12 глав: «О религиозных верованиях», «Об образе жизни» и др. [Бурятские летописи 1995: 36–102],

и «Бишыхан запискэ», в которой материал сгруппирован по родам [Бурятские летописи 1995: 133–169].

3. Сведения о настоятелях дацанов и хамбо-ламах

На л. 69об.–72 приведен список пандита хамбо-лам с 1-го хамбо Д.-Д.Заяева по 11-го пандита хамбо-ламу Гуру Цыремпилова (1864 – после 1932). Предваряет данный перечень краткая история о хамбо-ламе Заяеве. При перечислении пандита хамбо-лам указаны номера и даты документов, на основании которых они были утверждены в должности, даты вступления в должность и даты смерти. Имеется также описание их деятельности и заслуг. Например, в сведениях о Д.-Д. Заяеве отмечена его работа в Уложенной комиссии 1767 г. и составлении им заметок о паломничестве в Тибет по просьбе императрицы Екатерины II. Следует отметить, что описание его путешествия в Тибет включено в текст летописи на л. 138–142 [История 2006: 14–34]. Наибольшая информация в сочинении дана о хамбо-ламе Ч. Д. Иролтуеве: о посещении им буддийских центров дайцинской империи с целью поклонения святыням, о его встрече в Урге с делегацией агинских бурят для совместного поднесения даншика[1] Богдо-гэгэну; о его путешествии по странам буддийского Востока в 1899 г., о снабжении его высочайшими рекомендациями к царям и королям посещаемым им стран; о назначении его помощником при главном комитете по проведению выставки в городе Чите в 1898 г. [ЦВРК. МФ. М-I-1. Л. 47об., 71]. Приводимые в сочинении Р. Санжиева сведения о хамбо-ламах вносят отдельные дополнения в биографии бурятских иерархов, в частности о посещении Ч. Д. Иролтуевым заграничных буддийских святынь [Васильева 2021: 224–225; Чимитдоржин 2004: 94].

Список настоятелей Агинского дацана приведен на лл. 12об–14. Он содержит перечень из 9 имен настоятелей, с кратким указанием имени, родовой принадлежности, из какого дацана прибыл, дат жизни, времени пребывания на должности. Так, первый ширетуй Ригдол Пагбаев происходил из хальбинского рода[2], до назначения на должность настоятеля являлся умзатом Галтайского дацана, но вскоре после назначения умер. Вторым ширетуем был назначен гелон Галтайского дацана Сультим Мункуев[3] из бодонгудского рода, который также через непродолжительное время скончался. Третьим ширетуем был назначен цоржи Галтайского дацана Галсан Бадиев[4] из рода харгана. Он скончался в 1820-х гг. Далее отмечена непродолжительность исполнения должностных обязанностей первых трех ширетуев. Поэтому агинские ламы и нойоны обратились за чтением моления-абурал и определения того, кто должен занять место четвертого настоятеля к хубилгану-перерожденцу, который в то время находился по приглашению в монгольской местности у реки Души. Прославленный своей ученостью перерожденец предсказал следующее: «в такой-то стороне от Агинского дацана, с такой-то отметиной, в таком-то возрасте есть человек, которому предопределено быть ламой, и он будет здравствовать до 85 лет» [ЦВРК. МФ. М-I-1. Л. 13]. Согласно данному указанию, четвертым настоятелем был избран в 1827 г. мэдэгчи[5]-лама из Галтайского дацана Жимба-Доржи[6] Ширунов из рода харгана, который в 1862 г. скончался в возрасте 85 лет. Пятым ширетуем Агинского дацана в 1863 г. был избран Галсан-Жимба Тугулдуров из Цугольского дацана, из рода зун хуасай, известный как неприветливый цорджи-багши (мэндгуй цоржо багши). Он был первым настоятелем, который, согласно

[1] Даншик — жертвоприношение; обряд жертвоприношения; подношение [БАМРС 2001: 34].

[2] В статье Д. Дариева назван род харгана [Дариев 2021].

[3] В Общем архивном фонде ЦВРК ИМБТ СО РАН имеется родословная бодонгутского рода, где отмечен ширетуй Агинского дацана, сын Мункэ [ЦВРК. ОАФ. Д. 2275. Л. 57].

[4] В ряде публикаций третьим настоятелем назван Галсан-Нима Раднаев [Дариев 2021; Нацов 1998: 61].

[5] Согласно «Таблице званий и должностных лам в дацанах Бурятии, составленной в Сибирском комитете по ведомостям бурятских лам», мыдыгечи (мыдечи) — должность эконома в бурятских дацанах, который принимал и заведовал жертвенными припасами (см.: [Цибиков 1970: 46–47]).

[6] В статье Д. Дариева имя четвертого настоятеля — Жамьян-Зундуй, который являлся ширетуем по 1858 г. [Дариев 2021].

но принятому в 1853 г. «Положению о ламайском духовенстве Восточной Сибири», получил диплом о назначении на должность [ЦВРК. МФ. М-I-1. Л. 13]. Г.-Ж. Тугулдуров скончался в 1872 г. в возрасте 55 лет. Шестым настоятелем дацана был утвержден в 1875 г. лама из Агинского дацана Галдан Пушигеев из шарайтского рода, в то время ему было уже 75 лет. О нем сказано, что он был одним из тех, кто поступил в хувараки во время первоначального строительства Агинского дацана и при созыве хувараков прибыл в возрасте 9 лет из отока Ингидай. Он с молодости усердно изучал книги. В 1836 г. в 37 лет Галдан Пушигеев отправился для поклонения V Джебдзун-дамба-хутухте Лувсан-чултэм-жигмэд-дамбий-жанцану (1815–1841), при этом хотел принять обеты от хутухты. На поездку были взяты средства из казны восьми агинских родов, а также был объявлен сбор средств среди прихожан, желающих самим поклониться Джебдзун-дамба-хутухте. Г. Пушигеев вместе с 45 спутниками прибыл в Да-хурэ и преподнес даншик хутухте. Однако получил обеты гелонга от кашин-цоржи ламы (монг. qasin sorǰi blam-a, тиб. bka’ bzhin chos rje), прибывшего из Западного Тибета вместе с малолетним богдо. Здесь же сказано, что среди 45 спутников Г. Пушигеева был и предыдущий настоятель «мэндгуй цоржи», который в 20 лет принял от кашин-ламы обеты гецула [ЦВРК. МФ. М-I-1. Л. 13].

В 1888 г. ширетуй Г. Пушигеев в возрасте 88 лет скончался, седьмым настоятелем стал лама данного дацана Доржи Данжинов из шарайтского рода, известный как Ензон-багши. Он в молодости вел светское домохозяйство, но в 26 лет принял монашеские обеты и начал обучение в Цугольском дацане. Много лет старательно изучал цанид, а в 1860-х гг. защитил степень габжу[1] в Цугольском дацане. Доржи Данжинов скончался в первый осенний месяц 1900 г. в возрасте 75 лет. Сведения о данном настоятеле приведены на разных листах сочинения. Так, в 1895 г. Ензон-багши Данжинов объявил милостынедателям о желании посадить вокруг Агинского дацана разные деревья. «На что милостынедатели активно откликнулись, обрадовавшись совершению такого благодеяния, кто-то жертвовал деньгами, кто-то имуществом. Другие — с далеких мест Улирэнгэ и склонов горы Алханай брали саженцы, некоторые по два дерева, другие по три или одному дереву, и посадили их. И с помощью местных жителей за два года исполнили [его желание]. Вокруг тех деревьев возвели высокую ограду. Завершили в 1898 г.» [ЦВРК. МФ. М-I-1. Л. 53об.].

Восьмым настоятелем Агинского дацана в сочинении Р. Санжиева назван Шойдог Галданов[2] из бодонгутского рода. Как отмечает автор сочинения, на празднество по случаю интронизации восьмого ширетуя собралось много милостынедателей, что не наблюдалось при возведении в должность предыдущих ширетуев. При этом подчеркивая, что в дацане был установлен порядок западно-тангутского монастыря Лабран в распределении средств среди хувараков из личной казны настоятеля. В 1911 г. ширетуй Ш. Галданов по причине преклонного возраста и слабости здоровья попросил увольнения с должности, его просьба была удовлетворена, в 1912 г. в возрасте 74 лет скончался.

На должность 9-го настоятеля Агинского дацана был избран лама Агинского дацана Вампил[3] Жамсаранов из шарайтского рода, который обучался в школе цанида в монастыре Лабран Дашичил и защитил степень дорамба. Он был утвержден генерал-губернатором Восточной Сибири документом за № 12249 от 26 декабря 1911 г. с выдачей диплома за № 12247. Известно, что В. Жамсаранов занимал свой пост вплоть до 1924 г. [Нацов 1998: 61].

Более кратко приведен список ширетуев Цугольского дацана: после Л.-Д. Дандарова вторым ширетуем был утвержден в 1850 г. вышестоящим начальством Галсан-Жимба Дылгиров из харганатского рода. О нем сказано: «был известен как великий ученый, который перевел с тибетского на монгольский язык много биографий и шастр, издал их ксилографическим способом, на протяжении 4 сезонов в году соблюдал сам — медитативное созерцание, и трудно подсчитать количество прочитанных им книг» [ЦВРК. МФ. М-I-1. Л. 17]. После его смерти в 60-летнем возрасте на должность третьего

[1] Ученая степень, присуждаемая по окончании полного курса цанида.

[3] По другим источникам — Галсан-Чойдак Сундаров (Галданай) [Нацов 1988: 61].

[3] По другим источникам — Дамби-Жалсан [Нацов 1988: 61].

настоятеля Цугольского дацана был избран Данзин Сумьяев из рода харгана. Четвертым ширетуем был Лундун Бадмаев из рода шарайд. После его смерти был назначен ширетуем Галсан-Жинба Иванов из рода барун хуацай. О нем сказано, что он был усерден в изучении чойры, являлся учителем многих хувараков по цаниду и прославился как габжи-багши. Умер в возрасте 84 лет. Пятым настоятелем дацана был утвержден Жамьян Узамбаев из рода барун хуацай.

Сведения о настоятелях Кодунского дацана и замещении ими должности главного ламы хоринских дацанов приведены не последовательно, разрозненно и повторяют данные летописи Ш.-Н. Хобитуева, в то время как списки пандита хамбо-лам, ширетуев Агинского и Цугольского дацанов выходят за рамки исторического повествования Ш.-Н. Хобитуева, значительно дополняют и уточняют их, что еще раз подтверждает принадлежность Р. Санжиева к агинским бурятам и его прямую заинтересованность в более полном отражении истории агинских бурят, для чего им были использованы новые, имевшиеся в его ведении архивные и прочие документы.

4. Сведения о посещении бурятских дацанов тибетскими и монгольскими ламами

Не менее ценными представляются сведения о посещении тибетскими и монгольскими ламами бурятских дацанов. В ряде бурятских летописей сообщается о прибытии 150 тибетских и монгольских лам, которые в 1741 г. были названы комплектными и освобождены от податей [Бурятские летописи 2011: 16, 88].

С тех пор многие монгольские и тибетские ламы, учителя посещали бурятские дацаны. Однако политика терпимости к ним постепенно менялась [Цыремпилов 2010: 13–14]. Самыми известными буддийскими хутухтами, побывавшими на территории этнической Бурятии, были, прежде всего, Ганжурва-гэгэн, Хоршид-гэгэн и др. Одним из первых исследователей, собиравшим материал о гэгэнах и хутухтах, приезжавших в бурятские дацаны, был Генин-Дарма Нацов. В личном фонде Г.-Д. Нацова в Центре восточных рукописей и ксилографов хранятся его материалы на старописьменном монгольском языке с фотографиями буддийских учителей и краткой биографической справкой [ЦВРК. МФ. Ф. Г.-Д. Нацова (№ 8). Оп. 2. Д. 28, 31, 111]. Более полный вариант данного материала с переводом на русский язык хранится в Музее истории Бурятии [МИБ. ОФ 17946/2].

Несмотря на общеизвестные факты пребывания зарубежных буддийских лам, информация об их деятельности разрознена и недостаточна. Более подробно освещена деятельность Ганжурвы-гэгэна, точнее его бурятской линии преемственности, в статьях [Чимитдоржин 2008; Жамсуева 2015]. В работе Р. Санжиева встречаются редкие упоминания о бурятских хутухтах и перерождениях высоких лам. В частности перерождение настоятеля Агинского дацана Ензон-багши, Собуу-ахай ламы из Зугалайского дацана.

Рассматриваемая летопись содержит ряд свидетельств о посещении заграничными ламами бурятских дацанов: «В 1833 г. в Агинский дацан прибыл ученый лама, известный в Монголии как Тугсарай-джодши» [ЦВРК. МФ. М-I-1. Л. 49]; «В 1897 г. по приглашению вышеупомянутого Агван-хамбо Доржиева из западного Тибета прибыл прославленный Дипуу Ганжурва, известный как Дипуу-лама, очень ученый лама, который мог предсказать, сколько лет будет жить человек, в какой семье родится в следующей жизни и какое рождение обретет» [ЦВРК. МФ. М-I-1. Л. 53об.]. Автор приводит любопытные сведения о Ганжурва-гэгэне, который посетил бурятские дацаны Хоринского ведомства — Анинский, Ацагатский, Челсанский и Эгитуйский, откуда его пригласил прихожанин Агинского дацана хуасайского рода Дамдин Бадмаев. Ламы Агинского дацана обратились к Ганжурва-гэгэну с приглашением посетить Агинский дацан, когда он находился в доме Д. Бадмаева в Табтанае. Прихожане и духовные лица обратились с просьбой к Ганжурва-ламе указать, где переродится Ензон-багши, умерший в 1900 г., и составить молитву о его скорейшем перерождении. По указанию Ганжурва-ламы собрали список из имен почти 300 маленьких детей, живших в юго-западном направлении, и доромба Вампил Жамсаранов из шарайтского рода отправился в Амдо в монастырь Лабран Дашичил к гэгэну Гунчен Джамьян-Шадпе, который, просмо-

трев список, определил, что Ензон-багши возродился в юго-западном направлении от дацана в агинской местности Барун Тодхал в семье Цэдэна Ламаганова из рода харгана, о чем подтвердил на бумаге с печатью. Тот документ показали многим светским и духовным милостынедателям и ученикам для свидетельства. «В 1909 г., когда маленькому перерожденцу Ензон-багши было 8 лет, в доме отца и матери, ширетуй Агинского дацана лама Галданов пожаловал ему обеты гецула. Учителем этого хубилгана был назначен решением светских и духовных милостынедателей штатный лама гелон Лубсан Чойдак Балданов, который изначально был ламой селенгинского Загустайского дацана, на протяжении 30 лет проходил обучение в Агинском дацане и стал очень образованным габжу. Хубилгана Ензон-багши в возрасте 9 лет первого числа белого месяца нового года пригласили в монастырь» [ЦВРК. МФ. М-I-1. Л. 54].

Помимо приглашения ученых лам, буряты активно совершали паломничества к святыням Монголии, Тибета и Индии, делали заказы на изготовление ритуальных предметов, книг в мастерских Долон-нора и Пекина. Весной 1898 г. при Цугольском дацане собрались ширетуй Цугольского дацана, сайты восьми агинских родов, должностные лица и постановили поднести молитву о благоденствии — даншик 8-му Джебдзун-Дамба-хутухте (1870–1924) в сумме 2 тыс. руб. В тот же год в Ургу к Джебдзун-Дамба-хутухте отправились представители от лам Агинского дацана габжу Чойбсан (Ишидоржи) Бадлуев, от лам Цугольского дацана цоржи-лама Даржа Дондопов из рода зун хуасай, от милостынедателей Самдан Зодбоев из рода шарайд, ранее занимавший пост кандидата в тайши. В Урге делегация агинских бурят встретилась с пандита хамбо-ламой Ч. Д. Иролтуевым и совместно сделали подношение. Во время пребывания в Урге Далай-ламы XIII агинские буряты также отправили делегацию с поднесением мандалы.

5. Сведения об истории культовых объектов

Сведения, отнесенные нами ко второй группе, включающие историю возведения, реставрации культовых зданий и объектов, представлены в сочинении Р. Санжиева также разрозненно и непоследовательно. Новым материалом являются сообщения, относящиеся ко времени после 1867 г., когда была закончена летопись Ш.-Н. Хобитуева. Например, в летописи Ш.-Н. Хобитуева сведения о строительстве Цугольского дацана в 1831 г. и его реставрации в 1868 г. приведены в хронологическом порядке. Р. Санжиев объединил известные ему по летописи Ш.-Н. Хобитуева сведения и добавил к ним новые сведения — о событиях, произошедших уже после написания работы Ш.-Н. Хобитуева. Например, по истории Цугольского дацана добавлена следующая информация: «построенный в 1831 г. деревянный Цугольский дацан обветшал, потому было решено ходатайствовать о постройке трехэтажного каменного дацана на собственные пожертвования, что было одобрено в 1858–1859 гг. и начато строительство, завершившееся в 1868 г.»; «Господин министр внутренних дел разрешил в 1868 г. отстроить Онон-Цугольский дацан из камня заново. На его освящение прибыл хамбо-лама Ванчиков»; «В 1887 г. данный дацан сгорел и на его месте был отстроен трехэтажный каменный дацан, строительство завершилось в 1895 г.» [ЦВРК. МФ. М-I-1. Л. 17–17об., 22об.].

Новыми являются сведения о том, что во времена Ензон-багши Данжинова реконструкция Агинского дацана проводилась на протяжении 5 лет с 1883 по 1888 гг., а освящение главной святыни и храма состоялось 6 декабря. На лл. 48–48об. повествуется о дуганах при Агинском дацане. Так, изначально при Агинском дацане были построены 4 дугана — Оточи и Дэмчок, которые при перестройке Агинского дацана по просьбе верующих и с разрешения приамурского генерал-губернатора были перенесены и построены возле нового Агинского дацана и стали называться джуд и манба дуганы. Третий дуган назывался дуганом Гунриг, а четвертый — дуган Аюши [Жамсуева 2001: 36–43]. Со временем они также обветшали, и на месте дугана Гунрик было построено новое здание на средства Самдана Зодбоева, бывшего кандидатом в тайши, а дуган Аюши — на средства зайсанов Занданова, Бадмаева и Догбаева[1]. Эти два дугана стали называться дуганами аймаков шарайт и хуасай. Агинские буряты обратились с ходатайством о возведении перед Агинским

[1] Инициалы в источнике не указаны.

дацаном дугана Дара Эхэ в честь коронации императора Николая Александровича, на что было получено разрешение от генерал-губернатора Восточной Сибири 30 января 1898 г. за номером 699. Со временем данный дуган стал называться цанид-дуган.

Автором перечислены некоторые инициативы ширетуя Агинского дацана Д. Данжинова: приобретение комплектов буддийского канона Ганжур и Данжур, изготовление тысячи будд хороших времен, а также покрытого золотом 80-локтевого Майдари и 10 бодхисаттв размером в 3–4 локтя, строительство специального дугана для их размещения. Помимо этого, Д. Данжиновым было предложено построить из кедра забор вокруг дацана, называемый «горлам».

В начальный период распространения и утверждения буддизма бурятские монастыри снабжались книгами и основными объектами религиозного почитания из Тибета, Монголии и Китая. Подтверждением чему являются сведения, приводимые в летописи, так в ней упоминаются имена лам, которым было поручено отправиться в Китай для заказа книг и буддийских скульптур. Сначала это было поручено Жигшибу Васильеву из шарайтского рода с товарищами, но после смерти Ж. Васильева выполнение договоренностей было продолжено гонир-ламой Дамдином Гармаевым из кубдутского рода. Представляют интерес сведения о покупке буддийских предметов для Агинского дацана с участием доверенных в лице засак-ламы Шинраба Галцанова, заседателя Цэнгэ Наманжиева из цаганского рода, заседателя Бадмы Дашиева из галзутского рода и др., которые выехали с серебром и золотом в Пекин, где договорились о цене на священные книги и буддийские скульптуры вместе с доставкой. Но из-за смерти Ц. Наманжиева и Б. Дашиева забрать исполненный заказ отправился засак-лама Ш. Галцанов, который в 1870 г. привез в Агинский дацан тысячу будд хорошего времени, более ста томов Ганжура, более 200 томов Данжура [ЦВРК. МФ. М-I-1. Л. 59].

Кроме упомянутых лам, известных своей ученостью или активной деятельностью по развитию буддизма, приводятся сведения и о милостынедателях, внесших значительные пожертвования на различные религиозные нужды. Так, сообщается о Дамдине Бадмаеве из рода барун хуасай, который в 1899 г. за свой счет заказал в Петровском заводе стопудовый котел для приготовления манжа[1] хуваракам Агинского дацана. Когда же заказ был исполнен, то Д. Бадмаев также на свои средства организовал его доставку на подводах, запряженных многими конями и быками, и в начале лета 1900 г. преподнес его Агинскому дацану. Сообщается, что на изготовление котла им было потрачено 1 500 руб. Данное подношение повлияло на проведение хурала Сог[2] (монг. soγa): «8 числа последнего добавочного летнего месяца ширетуй Данжинов объявил новый порядок проведения хурала Сог. С тех пор стали проводить хурал вместе с раздачей пищи — манжа» [ЦВРК. МФ. М-I-1. Л. 53].

Упоминается о заслугах тайши Самдана Зодбоева, который преподнес здание, ставшее Гунрик-дуганом. В 1883 г. на его средства был проведен 30-дневный хурал Чойра, помимо этого, он ежегодно жертвовал по 1 000 руб. После смерти С. Зодбоева в 1907 г. его сыновья также стали вносить средства на нужды Агинского дацана [ЦВРК. МФ. М-I-1. Л. 43].

6. Другие сведения в летописи Р. Санжиева

Третья группа сведений содержит информацию, касающуюся внутренней организации бурятских дацанов, установления религиозных служб и ритуалов, назначений на административные должности, из которых узнаем, например, что философская школа чойра при Агинском дацане была организована в 1860 г., настоятелем школы-дацана цанид-хамбой был назначен старший гебкуй Самдан Суугаев из хуацайского рода [ЦВРК. МФ. М-I-1. Л. 21].

В летописи неоднократно приводятся сведения о проведении тех или иных молебствий, хуралов, обрядов. Выше уже говорилось, что при ширетуе Галданове в Агинском дацане был заведен порядок хуральных чтений по образцу амдоского монастыря Лавран. На л. 59об. дается более конкретная, но несколько противоречивая информация о нововведениях в религиозную практику бурятского дацана: «Порядок молитвенных чтений Агинского дацана из-

[1] Манж — чай для лам (во время богослужения) [БАМРС 2001: 320].

[2] По информации Л. В. Лощенкова, Цогчод / Согшод хурал — соборное подношение для Отошо.

начально был установлен согласно правилам цонгольского монастыря Балдан Брайбун, который следовал порядкам чтений, установленных в тибетском монастыре Брайбун Гоман, поскольку вышеупомянутый хамбо Дамба-Даржа Заяев на протяжении 7 лет проходил обучение в западном Тибете, в стране Далай-ламы, и оттуда перенял религиозное учение. В 1857 г. во времена 4-го ширетуя Жимба-Доржи Ширунова стали следовать порядку чтений, принятому в монгольском монастыре Арья-пандиты. Затем в 1884 г. переняли порядок чтений, принятый в Западном Тибете в Лхасе. Некоторые молитвы читались согласно установлениям монастыря Лавран. Это было пожелание 6-го ширетуя ламы Данжинова, относится ко времени, когда он занимал пост ширетуя» [ЦВРК. МФ. М-I-1. Л. 59об.].

В целом информация заслуживает доверия, а имеющиеся неточности, такие как упоминание шестого настоятеля вместо седьмого, отнесение времени принятия порядка хуральных чтений монастыря Лавран то к деятельности Галданова, то к деятельности Д. Данжинова, могут свидетельствовать о разных источниках летописи, о вариативной «устной истории». Во внедрении правил религиозных служб сказывается влияние традиций тибетского и монгольского буддизма, сложившиеся школьные практики, авторитет учителей.

В летописи Р. Санжиева приведена уникальная информация об изготовлении копии Ганжура ламами Агинского дацана: «Начиная с 1847 г. ламы Агинского дацана во множестве очень старательно переписывали тома Ганжура и в 1849 г. завершили. По этому поводу 4 числа 6 месяца читали молитвы, провели рабнай-освящение. Были организованы праздничные мероприятия. Для скачек было затребовано 250 лошадей. Скачки состоялись на расстоянии 5–6 модон[1]. На борьбу также созвали очень много людей. Затраты на переписывание, бумагу, оплату труда, питание и прочие праздничные принадлежности взяли на себя состоятельные милостынедатели. Прежде проводившийся летом хурал Юм стал называться Ганжур хурал» [ЦВРК. МФ. М-I-1. Л. 59].

Уникальность летописи Р. Санжиева заключается в том, что в нее включены тексты документов, писем, служебных бумаг, из которых следует отметить наставление Данжинова, приговоры агинских бурят, послание хамбо Гомбоева и др. В летописи приведены полнотекстовые копии 4 протоколов заседаний выставочного комитета по проведению сельскохозяйственной выставки в г. Чите. Во время совещаний, на которых присутствовали пандита хамбо-лама, ширетуи практически всех бурятских дацанов, почетные должностные лица и др., помимо вопросов об организации и проведении будущей выставки, сбора дополнительных средств на строительство буддийского храма, решались вопросы улучшения буддийской религии и быта мирян. На первом заседании обсуждался вопрос о строительстве буддийского дацана в Чите, его внутреннем обустройстве и прилегающей территории. На данные цели требовалось израсходовать 12 тыс. руб. вместо запланированных 8 тыс., в связи с чем объявили дополнительный сбор. Предполагалось, что после проведения выставки буддийский дацан будет передан в ведение Русского императорского экономического общества, расположенного в г. Чите. На втором заседании, состоявшемся 23 января 1899 г., были затронуты вопросы благоденствия религии и милостынедателей. Решения данного совещания записаны в 6 пунктах. Особо оговорена лояльность к государственной власти и царю, отмечены пункты Положения о ламайском духовенстве 1853 г., на основе которых ламы исполняют требы милостынедателей, сами совершенствуются в изучении тибетских и монгольских книг и соблюдают принятые обеты. Были также затронуты вопросы санитарного положения территории вокруг и внутри дацанов, где воспрещалось употреблять спиртное, курить, устраивать азартные игры. Подобные возмутительные деяния подвергались порицанию и наставлению со стороны ширетуев-настоятелей дацанов, а в сельской местности нарушители подвергались наказанию и штрафу со стороны светских властей [ЦВРК. МФ. М-I-1. Л. 78].

Ценным представляется приговор собрания представителей агинских бурят и духовенства, состоявшегося в январе 1899 г., на котором был принят своего рода манифест по улучшению состояния религии и быта домохозяев. Данный текст состоит из 12 пунктов. Главным мотивом в этом документе был отказ от стяжательства (не носить дорогих шелковых одежд, не строить

[1] Единица измерения расстояния, равная версте, или 1,066 км.

слишком просторных жилищ) и поощрение к образованию, изучению цанида, развитию школы чойра [ЦВРК. МФ. М-I-1. Л. 79].

В сочинении Р. Санжиева представлена копия с письма пандита хамбо-ламы Гомбоева на имя ширетуя Агинского дацана Д. Данжинова от 2 января 1889 г. за № 18. В нем сказано, что при разборе старых бумаг из архива Гусиноозерского дацана «был обнаружен указ исполняющего должность пандита хамбо-ламы Г. Ч. Ванчикова от 1 августа 1863 г., разосланный ширетуям всех дацанов, о том, что, согласно учению Будды, с указанного года во время великих дней следует воздерживаться от совершения грехов, накапливать благодеяния, все приверженцы буддийской религии должны соблюдать пост, совершать моления, читать молитвы и тому подобное совершать ежемесячно во время великих дней» [ЦВРК. МФ. М-I-1. Л. 61об.]. Особо отмечается, что, несмотря на то, что с того послания прошло 35 лет и многие ламы и ширетуи сменились, тем не менее выражается надежда, что «сегодняшние ширетуи и ламы тот указ, передавая друг другу, сделали своим руководством» [ЦВРК. МФ. М-I-1. Л. 61об.]. В виду того, что поступает информация о том, что «в некоторых дацанах, в отдаленных местах население, в особенности молодые и в малолетние, не знают о том, что в проповеданные Буддой великие дни следует воздерживаться от греха и совершать благодеяния» [ЦВРК. МФ. М-I-1. Л. 61об.]. Далее пандита хамбо-лама перечисляет «69 великих дней согласно буддийской религии и на которые обратило внимание правительство» [ЦВРК. МФ. М-I-1. Л. 61].

К 1882 г. относится наставление ширетуя Агинского дацана Ензон-багши Д. Данжинова, в котором он пишет, что всем хувараkам следует носить одежду, полагающуюся ученикам Будды, что следует проводить хуралы в религиозном одеянии, а также носить его возле монастырей. Данное послание для учеников было составлено в ответ на письмо пандита хамбо-ламы Дампила Гомбоева, в котором он просит настоятеля Агинского дацана обратиться с наставлением к ученикам о необходимости соблюдения правил поведения для принявших обеты [ЦВРК. МФ. М-I-1. Л. 53об.].

Летопись Р. Санжиева содержит правила, касающиеся не только поведения буддийских монахов, но и адресованные мирянам. На лл. 40об–41 приведены выдержки из сочинения Ензон-ламы Доржи Данжинова, названного «Gergei-ten-ü suryal» (Поучение женщинам). В нем говорится о необходимости соблюдения невестками таких издавна установленных норм поведения, как почитание свекра и свекрови, хозяина домашнего очага. В творческом наследии бурятского ламы Д. Данжинова около 40 дидактических сочинений [Герасимова 1957: 93–104]. Подобные темы он поднимал в ряде других этико-дидактических сочинений, например «Köbegün kiged ökin beri-ber ečige eke-dür ergün kündülel üiledkü yosun-i üjegülügči kemegdekü orusiba» («Сочинение, иллюстрирующее правила почитания родителей сыном и невесткой») [ЦВРК. МФ. М-II-117. 8 л.], «Miq-a-bar qurim kikü ba takil üiledküi terigüten-ü gem erigüü üjegülegči amu» («Сочинение, иллюстрирующее грехи за проведение свадьбы и подношений с употреблением мяса») [ЦВРК. МФ. М-II-118. 3 л.], «Ekener-ün qubčad-un ba čimeg kiged yerü bayidal urida-yin quučid-un jangšil yerüiyer bayiqu ba yosun busu-yi qoriysan bičig» («Сочинение, составленное из правил и старинных обычаев, касательно повседневного поведения, украшений и одежды женщин») [ЦВРК. МФ. М-II-90. 29 л.].

Сочинение Р. Санжиева не ограничивается только историей бурятских дацанов, в нем есть небольшие замечания о событиях в мире, в том числе имеющих отношение к буддийской религии. Например, пересказ газетной заметки об обнаружении праха Будды, о пребывании Далай-ламы в Урге или начале военных действий Альянса восьми держав в 1900 г. Помимо исторических фактов, в летописи имеются фольклорные материалы, отражающие буддийское восприятие мира. Это, прежде всего, легенды о горе Алханай, свидетельствующие о волшебных, сверхъестественных событиях, происходивших возле знаменитой горы и подтверждающих бытующее мнение о горе Алханай как обители буддийского божества Чакрасамвары.

7. Заключение

В работе Р. Санжиева история буддизма вписана в общую историю агинских и

хоринских бурят. Автор летописи, несомненно, являлся агинским бурятом, потому история двух дацанов Агинского и Цугольского наиболее полно отражена в летописи. Тем не менее в ней приведены сведения по истории других хоринских и селенгинских дацанов. Очевидно, что автор сочинения по возможности расширял известные по другим историческим сочинениям бурят сведения, уточнял данные, имена и события. На информативность летописи повлиял и разнообразный круг источников, среди которых следует отметить: официальные бумаги из архивов степной думы и дацанов, устные истории, летописи, частные записки, газеты и пр. Несмотря на фрагментарность некоторых приводимых сведений и их разбросанность по всему сочинению, в своей основе наряду с устной историей они опираются на документальные свидетельства и сообщают новые сведения, обогащающие летопись.

Источники

МИБ — Töbed mongγol-un gegen qubilγannar-a yeke aldar-tai lamanar-un buriyad-tur yabuγsan tus qolbuγdaqu medege (= Сведения о посещении бурят известными тибетскими и монгольскими хубилганами) // Музей истории Бурятии. Инв. № ОФ 17946/2. 8 л.

ЦВРК — Orus-un güren-ü jegün sibir-e doruna aγši buriyad kemekü yasutan-u jon terigüten γaruγsan ba tegün dotur-a qori-yin arban nigen ečige-yin buriyad jon-u tegüüke bičig (= История происхождения бурят 11 хоринских родов, входящих в состав бурятской народности, проживающих в Восточной Сибири Российской империи) // Центр восточных рукописей и ксилографов Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (ЦВРК). Монгольский фонд. Инв. № М–I–1. 162 л.

Sources

Accounts of How Buryats Were Visited by Renown Tibetan and Mongolian Reincarnate Buddhist Masters. At: Historical Museum of Buryatia. Inv. no. ОФ 17946/2. 8 p. (In Classical Mong.)

A History of Origins of the Eleven Khori Buryat Clans Inhabiting Eastern Siberia of the Russian Empire. At: Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies (SB RAS), Center of Oriental Manuscripts and Xylographs, Mongolian Collection. File no. M–I–1. 162 p. (In Classical Mong.)

Литература

Бадмаева, Очирова 2018 — *Бадмаева Л. Б., Очирова Г. Н.* Летопись Ш.-Н. Хобитуева как памятник письменной культуры бурят. Улан-Удэ: Бэлиг, 2018. 288 с.

БАМРС 2001 — Большой академический монгольско-русский словарь / отв. ред. Г. Ц. Пюрбеев. В 4 тт. Т. 2. Д–О. М.: Academia, 2001. 536 с.

Бурятские летописи 1995 — Бурятские летописи / сост. Ш. Б. Чимитдоржиев, Ц. П. Ванчикова. Улан-Удэ: Бурятский ин-т общ. наук, 1995. 199 с.

Бурятские летописи 2011 — Бурятские летописи / сост.: Ц. П. Ванчикова, Ш. Б. Чимитдоржиев, М. В. Аюшеева. Улан-Удэ: Республиканская типография, 2011. 224 с.

Васильева 2021 — *Васильева И. Г.* Семнадцать Больших Светильников. Материалы к жизнеописанию Хамбо-лам. СПб.: Изд-е А. Терентьева («Нартанг»), 2021. 464 с.

Герасимова 1957 — *Герасимова К. М.* Ламаизм и национально-колониальная политика царизма в Забайкалье в XIX и в начале XX веков. Улан-Удэ: Бурят-Монгольский НИИ культуры, 1957. 160 с.

Дариев 2021 — *Дариев Д.* Шэрээтэ ламы Агинского дацана [электронный ресурс] // Толон. 12.07.2021. URL: http://gazeta-tolon.ru/index.php/rubrika/kraevedenie/2490-shereete-lamy-aginskogo-datsana (дата обращения: 22.06.2023).

История 2006 — История бурятского буддизма: письменные источники / транслит., пер., коммент. и исследование Ц. П. Ванчиковой. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2006. 147 с.

Жамсуева 2001 — *Жамсуева Д. С.* Агинские дацаны как памятники истории культуры. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2001. 170 с.

Жамсуева 2015 — *Жамсуева Д. С.* Реинкарнация бурятской линии Ганжирвы-гэгэна // Вестник Бурятского научного центра

Сибирского отделения РАН. 2015. № 4(20). С. 120–125.

Казакевич 1935 — Летописи хоринских бурят. Вып. 2: Хроника Шираб-Нимбо Хобитуева / текст издал В. А. Казакевич (Труды Института Востоковедения). IX. М.-Л.: АН СССР, 1935. 125 с.

Нацов 1998 — *Нацов Г.-Д.* Материалы по ламаизму в Бурятии / предисл., пер., прим. и глоссарий Г. Р. Галдановой. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 1998. 187 с.

Цибиков 1970 — *Цибиков Б. Д.* Обычное право селенгинских бурят. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1970. 282 с.

Цыремпилов 2010 — *Цыремпилов Н. В.* «Чужие» ламы. Российская политика в отношении заграничного буддийского духовенства в XVIII – начале XX в. // Вестник Санкт-Петербургского университета. Востоковедение и африканистика. Сер. 13. 2010. Вып. 4. С. 9–18.

Цыдендамбаев 2001 — *Цыдендамбаев Ц. Б.* Бурятские исторические хроники и родословные. Улан-Удэ: Респ. тип., 2001. 256 с.

Чимитдоржин 2004 — *Чимитдоржин Д. Г.* Институт Пандита Хамбо Лам: 1764–2004. Улан-Удэ: Буддийский институт «Даши Чойнхорлин», 2004. 188 с.

Чимитдоржин 2008 — *Чимитдоржин Д. Г.* Хуухэн-хутухта и Ганчжурва-гэгэн // История и культура народа Центральной Азии: наследие и современность. Ч. 2. Этнография, религиоведение, язык, фольклор и литература: сб. науч. ст. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2008. С. 73–76.

Annotated catalogue 2004 — Annotated Catalogue of the Collection of Mongolian Manuscripts and Xylographs M I of the Institute of Mongolian, Tibetan and Buddhist Studies of Siberian Branch of Russian Academy of Sciences / N. Tsyrempilov; ed. T. Vanchikova. Sendai: Center for Northeast Asian Studies Tohoku University, 2004. 310 p.

References

Badmaeva L. B., Ochirova G. N. The Chronicle of Sh.-N. Khobituev as a Monument of Buryat Written Culture. Ulan-Ude: Belig, 2018. 288 s.

Chimitdorzhiev Sh. B., Vanchikova Ts. P. (comps.) Buryat Chronicles. Ulan-Ude: Buryat Institute of Social Sciences, 1995. 199 p. (In Russ.)

Chimitdorzhiev Sh. B., Vanchikova Ts. P., Ajusheeva M. V. (comps.) Buryat Chronicles. Ulan-Ude: Republican Printing House, 2011. 224 p. (In Russ.)

Chimitdorzhin D. G. Khuukhen Khutukhtu and Ganjurva Gegeen. In: History and Culture of Central Asian Peoples. Heritage and Contemporaneity. Pt. 2: Ethnography, Religious Studies, Language, Folklore and Literature. Collected scholarly papers. Ulan-Ude: Buryat Scientific Center (SB RAS), 2008. Pp. 73–76. (In Russ.)

Chimitdorzhin D. G. The Institution of the Pandito Khambo Lama: 1764–2004. Ulan-Ude: Dashi Choinkhorling, 2004. 188 p. (In Russ.)

Dariev D. Shereete Lamas of Aginsky Datsan. On: Tolon (online newspaper). Posted on 12 July 2021. Available at: http://gazeta-tolon.ru/index.php/rubrika/kraevedenie/2490-shereete-lamy-aginskogo-datsana (accessed: 22 June 2023). (In Russ.)

Gerasimova K. M. Lamaism and Tsarist Russia's Ethno-Colonial Policy in Transbaikalia: Nineteenth to Early Twentieth Centuries. Ulan-Ude: Buryat-Mongol Institute of Culture, 1957. 160 p. (In Russ.)

Kazakevich V. A. (ed.) Chronicles of the Khori Buryats. Vol. 2: The Chronicle of Shirab-Nimbo Khobituev (Proceedings of the Institute of Oriental Studies 9). Moscow, Leningrad: USSR Academy of Sciences, 1935. 125 p. (In Classical Mong. and Russ.)

Natsov G.-D. Materials on Lamaism in Buryatia. G. Galdanova (foreword, transl., etc.). Ulan-Ude: Buryat Scientific Center (SB RAS), 1998. 187 p. (In Russ.)

Pyurbeev G. Ts. (ed.) Unabridged Academic Mongolian-Russian Dictionary. In 4 vols. Vol. 2: Д–О. Moscow: Academia, 2001. 536 p. (In Mong. and Russ.)

Tsibikov B. D. Customary Law of the Selenga Buryats. Ulan-Ude: Buryatia Book Publ., 1970. 282 p. (In Russ.)

Tsydendambaev Ts. B. Buryat Historical Chronicles and Genealogical Tables. Ulan-Ude: Respublikanskaya Tipografiya, 2001. 256 p. (In Russ.)

Tsyrempilov N. Annotated Catalogue of the Collection of Mongolian Manuscripts and Xylographs M I of the Institute of Mongolian, Tibetan and Buddhist Studies of Siberian Branch of Russian Academy of Sciences (CNEAS Monograph Series 17). Ts. Vanchikova (ed.). Sendai: Tohoku University (Center for Northeast Asian Studies), 2004. 310 p. (In Eng.)

Tsyrempilov N. V. Alien Lamas: Russian policy

towards foreign Buddhist clergy in the 18th – early 20th centuries. *Vestnik of Saint Petersburg University. Series 13. Asian and African Studies*. 2010. No. 4. Pp. 9–18. (In Russ.)

Vanchikova Ts. P. (comp.) History of Buryat Buddhism: Written Sources. Ts. Vanchikova (translit., study, etc.). Ulan-Ude: Buryat Scientific Center (SB RAS), 2006. 147 p. (In Russ.)

Vasilyeva I. G. The Seventeen Great Lamps [for the Buddhist Path]: Biographical Materials of Khambo Lamas. St. Petersburg: A. Terentyev (Narthang), 2021. 464 p. (In Russ.)

Zhamsueva D. S. Datsans of Aga [Buryats] as Monuments of History and Culture. Ulan-Ude: Buryat Scientific Center (SB RAS), 2001. 170 p.

Zhamsueva D. S. The reincarnation of the Buryat lineage of Ganzhirva Gegen. *Bulletin of the Buryat Scientific Center SB RAS*. 2015. No. 4(20). Pp. 120–125. (In Russ.)

Published in the Russian Federation
Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
Has been issued as a journal since 2008
ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
Vol. 16, Is. 5, Pp. 1241–1250, 2023
Journal homepage: https://kigiran.elpub.ru

УДК / UDC 94
DOI: 10.22162/2619-0990-2023-69-5-1241-1250

Georgian Traces in the History of the Chuvash

Anton K. Salmin[1]

[1] Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of the RAS (3, Universitetskaya Emb., 199034 St. Petersburg, Russian Federation)
Dr. Sc. (History), Leading Research Associate
0000-0002-1072-9933. E-mail: antsalmin[at]mail.ru

© KalmSC RAS, 2023
© Salmin A. K., 2023

Abstract. The paper deals with the Transcaucasian prehistoric period in the history of the ancestors of the Chuvash people. Goals. The study aims to identify and analyse the sources and literature on the topic relating to events of the 7th to 1st centuries BC. *Materials and methods.* The work employs a complex approach to the examination of the material, which made it possible to analyse the sources and the thoughts of predecessors consistently and systematically. The study focuses on works of historians, ethnographers and linguists about the ethnic groups that previously inhabited and now inhabit the areas to the south of the Greater Caucasus. The sources that proved important include the works by such historians as Herodotus (5th century BC), Apollonius of Rhodes (3rd c. BC), Pseudo-Orpheus (4th c. AD), Priscus Panionensis (5th c.), Menander Protector and Stephanus of Byzantium (both 6th c.). The paper also makes use of some pronouncements by such remarkable researchers as Andrey Golovnev, Sergey Arutyunov, Alikber Alikberov, Nicholas Berdzenishvili, Vera Budanova, Murtazali Gadzhiev, and David Muskhelishvili. Results. Impartial investigation shows that the ethnonym of the Chuvash has undergone a lengthy course of transformation through history in the form of *Savir (Saspir/Sapir, Savar, Sabir) → Suvar (Suvas, Suvan) → Suvash → T'šăvaš (Chuvash)*. As far back as the 7th century BC, to the southeast of Colchis a large confederation of tribes headed by the Saspirs came into being. The study reveals and confirms traces in the pre-history of the distant ancestors of the Chuvash that are shared with the peoples of Georgia. In the period under examination, the historical forerunners of the Chuvash lived in a territory between Media and Colchis, between the Medes and the Colchians. In the 3rd century BC and the 3rd century AD, they were recorded to inhabit the Chorokh River valley. Alongside historical events, the publication traces ethnographic parallels with the ancient Georgian peoples and some shared elements of vocabulary.

Keywords: historical ancestors of the Chuvash, Transcaucasia, prehistory, Georgia, history, ethnography, language

Acknowledgements. The reported study was performed under the R&D Plan of the Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (the Kunstkamera) of the RAS 'Factors of Ethnocultural Identity'.

For citation: Salmin A. K. Georgian Traces in the History of the Chuvash. Oriental Studies. 2023. Vol. 6. No. 5. Pp. 1241–1250. (In Eng.). DOI: 10.22162/2619-0990-2023-69-5-1241-1250

Грузинский след в истории чувашей

Антон Кириллович Салмин[1]

[1] Музей антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера) РАН (д. 3, Университетская наб., 199034 Санкт-Петербург, Российская Федерация)
доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник
0000-0002-1072-9933. E-mail: antsalmin[at]mail.ru

© КалмНЦ РАН, 2023
© Салмин А. К., 2023

Аннотация. *Введение.* Статья посвящена изучению Закавказского доисторического периода истории предков чувашского народа. *Целью* исследования является выявление и анализ источников и литературы по теме, посвященных событиям VII–I вв. до н. э. В качестве методологии автором выбран комплексный подход к изучению материалов, что позволило анализировать источники и мысли предшественников последовательно и системно. *Материалами* для изучения явились труды историков, этнографов и лингвистов о народах, населявших и населяющих территории к югу от Большого Кавказского хребта. Среди авторов важными оказались труды таких историков, как Геродот (V в. до н. э.), Аполлоний Родосский (III в. до н. э.), Псевдо-Орфей (IV в.), Приск Панийский (V в.), Менандр Протектор и Стефан Византийский (VI в.). В статье были использованы высказывания таких выдающихся исследователей, как А. В. Головнев, С. А. Арутюнов, А. К. Аликберов, Н. А. Бердзенишвили, В. П. Буданова, Д. Л. Мусхелишвили. *Результаты.* Как показывает беспристрастное исследование, этноним чуваш прошел длинный исторический путь трансформации в виде *савир* (*саспир* / *сапир*, *савар*, *сабир*) → *сувар* (*сувас*, *суван*) → *суваш* → *чăваш*. Еще в VII в. до н. э. к юго-востоку от Колхиды образовывается крупная конфедерация племен во главе с саспирами. В ходе исследования раскрыты и подтверждены общие с народами Грузии треки в доистории исторических предков чувашей. В изучаемый период исторические предки чувашей обитали на территории от Мидии до Колхиды между мидянами и колхами. В III в. до н. э. и в III в. н. э. они были зафиксированы в долине р. Чорох. Наряду с историческими событиями в публикации прослежены общие с древнегрузинскими народами этнографические параллели и общая лексика.

Ключевые слова: исторические предки чувашей, Закавказье, предыстория, Грузия, история, этнография, язык

Благодарность. Исследование выполнено по госзаданию Музея антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера) РАН «Слагаемые этнокультурной идентичности» (номер госрегистрации: 121122700101-6).

Для цитирования: Салмин А. К. Грузинский след в истории чувашей // Oriental Studies. 2023. Т. 16. № 5. С. 1241–1250. DOI: 10.22162/2619-0990-2023-69-5-1241-1250

1. Introduction

> "Ancestral peoples had a strong individuality and differed from one another more clearly than present-day communities"
> [Головнев 2009а: 122].

Leading researchers in the historical-ethnographic field point to the necessity of a complex (i. e., trans- and interdisciplinary) approach to the exploration of ethnogenetic processes. It is a question of the need for researchers to go beyond the bounds of their own specialist subject. "Of course, interdisciplinary in this instance is not an end in itself but rather has practical significance: immense importance attaches to the still not fully investigated cognitive potential of borderline spheres of learning, especially in areas of interpenetration with other fields where fresh knowledge is

being formed" [Аликберов 2019: 154]. This is "the normal state of scholarship because where everything is clear and fully settled stagnation sets in" [Гуревич 2000: 125].

There are many hypotheses about origins of the Chuvash. Those peoples who have been named as their ancestors include the Xunyu, Xiongnu, Xianbei, Wuhua, Onogurs, Ugrians, Huns, Bulgars, ancient Turks, Iranians and Sumerians. All this long, yet still incomplete, list of tribes is indicative not only of a lack of study but also, and above all, of the complexity of the question.

In actual fact, the history of a people is a succession of regenerations. We should only write about the spatial-chronological parameters of tribes and peoples. Not only times changed, but ethnic groups also transformed. It is, for example, impossible to place an equals sign between the subjects of Modu and Attila. Because "the course of events regenerates ethnicity, which does not exist outside of movement" [Головнев 2009б: 53]. Ethnic components are impermanent characteristics. The replacement of culture-forming components helps them transform, overcome crises, and facilitates regeneration. Peoples become reborn in the broadest sense of the word. Turko-Mongol tribes — forming alliances at some times, disintegrating into hordes at others, on occasion drawing subjugated tribes into their military unions — were able to conquer the steppes. In that way, one set of peoples disappeared, and others emerged. At the same time, it is useful to abandon illusions and reconcile oneself to many newly discovered facts.

2. Ethnonymy

As far back as 1925, in a letter to Mikhail Petrov, the author of a brochure On the Origin of the Chuvash, Nikolai Ashmarin wrote that "the word t'šăvaš [Chuvash] has still not been scientifically explained: all the existing explanations have been unsatisfactory" [Петров 1925: прил. 2].

The ethnonym Saspirs, in the various forms — Σάσπειρες, Σασπείρων, Σάσπειρσι and Θεσπιέες — appeared six times in Herodotus' Histories in the 5th century BC [Ηρόδοτ 1995: 1. 104, 110; 3. 94; 4. 37, 40; 7. 79]. The tribes mentioned also feature in the form Σάπειρες/Σάπειρας (Sapeires) in the Argonautica written by Apollonius Rhodius in the mid-3rd century BC.

"And beyond the island and opposite mainland dwell the Philyres: and above the Philyres are the Macrones, and after them the vast tribes of the Becheiri. And next in order to them dwell the Sapeires, and the Byzeres have the lands adjoining to them, and beyond them at last live the warlike Colchians themselves... Thence they sailed on, past the Macrones and the far-stretching land of the Becheiri and the overweening Sapeires, and after them the Byzeres; forever forward they clave their way, quickly borne by the gentle breeze" [Apollonius 1912: 43, 62].

In this passage, the blind seer Phineus tells the company of bold adventurers who intend to sail towards distant Colchis about the tribes they will encounter on the way. Those include the Sapeires (Sapirs). The Argonauticais an is an epic poem closely akin to the Iliad and Odyssey in subject matter. So, how did its author find out the real name of the Sapeires? The answer is simple: the central characters – Pelias and Jason – were historical figures. Pelias brutally usurped royal power in Iolcus, while Jason was his nephew, the son of the deposed King Aeson and Polymede (in other versions Alcimede). The whole plot of the poem is founded upon this pair and the intrigues for possession of the throne. Of primary significance for us, however, is the Greeks' knowledge of the actual ethnic pattern of habitation on the southeastern shores of the Pontus Euxinus. In the 8th century BC, mariners, followed by migrants established over 900 trading posts and settlements around the Black Sea and the Sea of Marmara. Some of the largest of these were in Colchis. In the 5th–4th centuries BC, the Greeks already had a precise conception of the boundaries of the regions that they had made their own. Besides, researchers write about intermarriage between the newcomers and local tribes people. It is at the very least possible to speak with certainty about the real-life existence of the Βεχείρες, Σάπειρες and Βύζηράς among those ethnic groups that Apollonius mentions in the Argonautica.

The practice of writing the ethnonym that interests us in a wide variety of phonetic transcriptions continued into the 1st millennium AD. In the Ethnica of Stephanus of Byzantium, for example we can read: "The Sapirs [Σάπειρες], a people of the Pontic region now spelt with aβ — Sabirs [Σάβειρες]" [Stephanus 1849: 555]. In that same work we also find the

variants Σάπειρ and Σάσπειρ. That is to say, the same phonetic practices were at work as with Herodotus.

The Greek grammarian Herodian (Aelius Herodianus, early-to-mid 3rd century AD) replaced the Ptolemaic Savar with σάπερ/σάπειρ [Guilielmus 1823: 51], i. e., the same as Herodotus. This is indicative of the persistence of the Herodotean version over a period of at least eight centuries. In his Res Gestae chronicling the history of Rome, Ammianus Marcellinus used the ethnonym in the form Sapires [Ammianus 1970: 26]. That was in AD 361–362. The Sapirs are also mentioned in the Orphic Argonautica, whose author (Pseudo-Orpheus) lived in the 4th century [Псевдо-Орфей 1948: 268].

One of the ancient variants of the ethnonym survived in the form of Saviar, the name for Ossetians in the language of the Svans. A researcher into ethnonyms and tribal names in the Northern Caucasus believes that "this term is a reflection of the name of the ancient Savirs" [Волкова 1973: 109]. The Svans also use the similar word Sav'yar for Karachays and Balkars [Каракетов 2014: 96].

Roman, Greek, Iranian, Armenian, Georgian, Syrian and Arab authors wrote about this people, each distorting the ethnonym to fit the phonetics of their own language. In ancient and mediaeval manuscripts, it was conveyed using the consonants S–v-r, vowel sounds being added according to the consonantism of the given language. In Ibn Khordadbeh's Book of Roads and Kingdoms, in the writings of King Joseph of Khazaria and in an authentic document produced by the Khazar Jews of Kiev, it is written simply SWR.

Generally, historians consider the ethnonyms Σάπειρες, Σάσπειρες, Σάβιροι, Sapires, Savares, Saviri to be identical [Буданова 2000: 335, 342, 345].

In a long series of linguistic distinctions between r and z and the ethnonym Suvar/Suvaz itself, Andrei Kovalevsky erroneously termed them dialectal differences [Ковалевский 1956: 21, 35]. They are, rather, two different linguistic markers: Suvar and Turkic. In Arabic script r and z might also be taken for the n sound. Suvan is one further variant on the ethnonym. However, this version, found in the manuscript of Ibn Fadlan's Risalah (Account, Journal or Report), is considered authentic by some Kazan-based scholars who regard it as the actual endonym [Фахрутдинов 1986: 97]. Similar instances have indeed been known in history, for example Tatar and the Chinese Datan or Tan-Tan; Taχwâr and the Chinese Davan or Dayuan for Tocharian. The Middle Chinese ending –n is often conveyed by –r. The form Suani exists in the writings of Priscus of Panium. The Suani [Σουανῶν] also occur in the works of Menander [Menander 1829: 225, 407]. Commentators on Menander call the Suani a tribe close in origin to the Lazi [gens Lazis finitima]. It is interesting to note that the form Suani is also a variant of the name of the Georgian Svan clan. The same applies to the toponym Suania – Svaneti(a). In my opinion, Gerard Friedrich Miller was not justified in considering Philip Johan von Strahlenberg in error for having written ruder aurbis Bulgan – "remnants of the city of Bulgan". He assumed that Strahlenberg had made a slip and should have used Bulgar like eastern authors [Миллер 1791: 4–5]. However, Strahlenberg in the early 18th century most probably recorded the actual pronunciation of the name of the capital of Volga Bulgaria in the form Bulgan. That is to say, we have here an instance of the phonetic variation of consonantal sounds r ↔ z ↔ n. In Arabic script, moreover, all three letters have similar shapes. A similar case occurs with two names for the river now known as the Kuban: Κωφήν – Kofin (according to Menander); Κοὐφης – Kufis (according to George Kedrenos).

In the Svan language there are several ways of forming the plurals of nouns. The endings most frequently used are ær and its variants: –æl, –æ → r; –æ → l; –i → r, and also –ar/–al/–a → r/–e → l [Tuite. A short]. For example, the endonym Svans mainly occurs only in the plural – šwan-är; the singular form is mə-šwan. The suffix –är as the chief form of the plural is, however, also usual in Georgian-Zan languages [Дондуа 1975: 72]. Other scholars, such as Murtazali Gadzhiev, have also written about the plural suffix –ar in Caucasian languages [Гаджиев 2019: 22]. The core lexicon of the Chuvash language includes a large number of words ending in –ar, –ir, –as or –ash. The ethnonyms of the Avars, Kabars, Sapirs/Savars/Savirs, Bulgars, Khazars, Balkars and Magyars all follow that same pattern. Each of these ethnic groups inhabited the Caucasus or Pre-Caucasus at one time.

Impartial research shows that the ethnonym Chuvash underwenta long historic course of

transformation along the lines of Savir (Saspir/Sapir, Savar, Sabir) → Suvar (Suvas, Suvan) → Suvash (Săvaš) → Čăvaš (T'šăvaš).

3. Historical-Geographical Analysis

In the 7th century BC, a large confederation of tribes headed by the Saspirs formed to the southeast of Colchis [Кудрявцев 1956: 156]. This circumstance presented a number of difficulties to would-be conquerors seeking to advance northwards. By the second half of the 7th century, the Cimmerians' invasion had significantly reduced the might of the Urartian state, and the Saspirs exploited this situation to gain control over the region between Colchis and Media.

In the early 6th century BC, the Saspirs managed to put a complete end to Urartian dominance in Transcaucasia. "Southern Transcaucasia soon found itself within the Saspirs' sphere of influence" [История Грузии 1962: 15]. Together with the Colchians, they also played a leading role in the lands of western Transcaucasia. From the 6th century onwards, Colchis was only formally subordinate to the Persian Achaemenids. The Colchians determined administrative matters, domestic issues and trade with other countries for themselves. They also maintained habitual economic and social ties with the Achaemenid state. Furthermore, there was a well-travelled route in western Iran that also passed through the lands of the Saspirs.

Georgian colleagues consider that in the 6th century BC the Saspirs' southern borders extended as far as the Aras (Araxes) River, while their centre "was perhaps located in the Chorokh gorge. Disposed to the north of them were the united tribes of Colchis (Qulḫa)" [Мусхелишвили 2015: 23–24].

From Herodotus, it is possible to precisely determine the location of the Saspirs geographically and in relation to other ethnic groups: "Now from the Maiotian lake to the river Phasis and to the land of the Colchians is a journey of thirty days for one without encumbrance; and from Colchis it is not far to pass over to Media, for there is only one nation between them, the Saspeirians, and passing by this nation you are in Media" [Ηρόδοτ 1995: 1.104.1]. This means that the Saspirs occupied the lands between the Medes and the Colchians. Herodotus states this unequivocally: "The Persians inhabit Asia extending to the Southern Sea, which is called the Erythraian; and above these towards the North Wind dwell the Medes, and above the Medes the Saspeirians, and above the Saspeirians the Colchians, extending to the Northern Sea, into which the river Phasis flows. These four nations inhabit from sea to sea" [Ηρόδοτ 1995: 4.37.1].

What interests us in Herodotus' information is the fact that the Saspirs are considered to be a large coalition of peoples whose territory extended from Media to Colchis, and also included a considerable part of the former Urartian kingdom.

More precisely, the Saspirs were the northwestern neighbours of the Matieni, who belonged de facto to the satrapy of Media [Сафарова 2009: 12, 14]. Hovhannes Khorikyan mentions that they had a border with the Medes in the area of the lower reaches of the River Kura (Cyrus), while the road from Colchis to Media ran through the regions west of the Caspian and by way of the Kura valley. "The Saspirs could not have been located to the south of the Colchians, because the Moschoi (Eastern Chalybes) lived there… Therefore the Saspirs were to the east of the Colchians and lived between the Matieni to the west and the Alarodi to the south" [Хорикян 2015: 199–200]. He elaborates further: the Saspirs did not occupy the Armenian highlands, but the lands between the Kura and the Greater Caucasus range – and subsequently Caucasian Albania, i.e., the region on the left bank of the Kura. Saspirs were also known in many other parts of the Iranian world, in near-inaccessible mountains and in maritime localities, such as the south coast of the Caspian.

Both the Colchians and the Saspirs were heavily dependent on the Persian Empire, right up until the first half of the 5th century BC. "For example, when the Persian ruler Xerxes mounted a campaign against Greece in 480 BC, as well as Moschoi, Tibarenoi, Macrones, Mossynoiki, Mares and Saspeires, there were also Colchians in his forces" [История Грузии 1962: 17].

In circa early-to-mid 3rd century BC, Apollonius of Rhodes wrote about the Sapirs [Σάπειρες] "who have long lived" next to the Bechyres and Byzeres. This suggests that the three peoples had been neighbours well before 300 BC. Which is all fully in accordance with the historical reality. To be even more precise, in this period the Sapirs occupied the lands to

the southeast of the Chorokh River towards Lakes Sevan and Van.

Taken together, Herodotus' topographical coordinates leave no room to distrust the historical accuracy of the Saspirs' reported area of habitation in the 5th century BC. Drawing on other sources, it is possible to enlarge that time span to cover the 9th to the 1st centuries BC. In that period, the Saspirs occupied a territory from Media to Colchis, between the Medes and the Colchians, with the former to the south and the latter to the north by the Phasis River. The Matieni mountains, alongside which the Sapirs dwelt, are considered to be those near Erzurum [Пиотровский 1959: 117]. Grigory Stratanovich, the translator and commentator on Herodotus, was in no doubt at all about these landmarks.

4. Ethnography

Of course, Herodotus was not just a historian but also an ethnographer and ethnologist. On the basis of his writings, it is possible to peep behind the curtain that conceals the ethnic prehistory of many peoples of the Transcaucasia. From the quotation already mentioned, we know that the Saspirs lived between Colchis and Media. Herodotus added further: "And from Colchis it is not far to pass over to Media, for there is only one nation between them, the Saspeirians, and passing by this nation you are in Media." In another place, he reiterates: "beyond the Medes, the Saspirians; beyond them, the Colchians" [Ηρόδοτ 1995: 1. 104; 4. 37]. All these statements speak in favour of an autonomous ethnos living compactly.

An analysis of Herodotus' Histories provides serious grounds for considering the Saspirs to have been Indo-Europeans. Even the names of their chieftains – Siromitres and his son Masistios – are Iranian, although cited with Georgian vowelization. In the 7th century BC, the Scythians launched an offensive towards Media, but in order to reach their desired goal they also needed to overcome such powerful states as Assyria and Urartu. And that is not counting the tribes located along the eastern seashore of the Pontus Euxinus, including first and foremost the tribal coalitions of the Colchians and the Saspirs. "And it is hard to imagine that all these large and small political and ethnic formations of settled agricultural peoples and tribes would give the nomadic Scythian warriors a delighted reception. Any redeployment, even a peaceful one, of a large body of mounted warriors has a disastrous impact on the life of settled agricultural localities" [Сборник 2008: 14]. Consequently, the Saspirs cannot in any way be related to the Scythians in terms of ethnicity. Apollonius, however, wrote that the Bechyres were a Scythian tribe, and after them came the Sapirs – another Scythian tribe. I would presume that as an outside foreign observer, Apollonius may well have generalized and been unable to distinguish the Bechyres and Sapirs from the Scythians, considering them inhabitants of the regions that he was describing. This "canard" was evidently taken at face value by one Armenian colleague who writes that the Saspirs were located in (Caucasian) Iberia and "in terms of their origins were probably Scythian tribes" [Хорикян 2015: 200].

According to the Father of History, Persians dwelt in Asia all the way to the Red Sea. Beyond them were successively the Medes, Saspirs and Colchians. They occupied lands from the Pontus Euxinus to the Red Sea. Therefore, the Persians and Saspirs could not possibly be included in one linguistic group.

There are people who favour including the Saspirs among the ancient Georgian tribes [История Грузии 1962: 20]. Others believe that the Speri who lived to the north-west of the Saspirs, beyond the River Sper and the Saspirs were one and the same ethnos. The question of identifying the Saspirs with the Iberians has been at the discussion stage [Кудрявцев 1956: 155]. Of course, it has to be admitted that the Saspirs, along with other peoples, did make a significant contribution to the formation of a Georgian state but that gives no grounds to equate them on an ethnic level.

From Herodotus, we also learn that the Saspirs engaged in animal husbandry, grazing "cows on mountain pastures", for example. They were a differentiated society and also practiced slavery. The Saspirs equipped themselves for war the same way as the Colchians: they "wore wooden helmets, and carried small shields of raw hide, and short spears; besides which they had swords" [Ηρόδοτ 1995: 5. 79].

Present-day researchers analysing the primary sources justly assert that the Saspirs were the only population between Media and Colchis [Мутафян, Лев 2012: 18], a large ethnic group that was an integral, independent community [Хорикян 2015: 194, 195]. In other

words, as of the 5th century BC, the Saspirs possessed their own separate territory and constituted an autonomous and distinct ethnos. They were neither Colchians nor Medes, but rather an independent tribe of their own.

5. Language

In ancient times, all the tribes of the southern Precaucasus spoke one of the widespread languages. But which one was it? We still have no exhaustive answer to that question. At the same time, we ought to be speaking about the ethno-cultural diversity and polyethnicity of the population, or about the existence of dialects of some single ancient language, or a few languages. Evidently linguistic assimilation played a major role, while the gene pool remained the same. The fact that ancient Caucasian language shared common origins with now extinct languages of the Near East has today been proven. The region that interests us included eastern Anatolia, the Armenian highlands, and Iranian Azerbaijan. At the same time, we should remember that "the original ethnic territories of the ancestors of the Georgians and Armenians were in close proximity to each other" [Арутюнов 2019: 177]. In essence, the ancestral homeland of the Indo-Europeans was located in these parts. The Anatolians were the first to branch off from the Indo-European "trunk". It follows that the Sapirs also belonged to this linguo-geographical area.

Incidentally, the correspondence between the Chuvash r and l — and the Turkic z and š is characteristic of the Mongols and Tungus as well. Linguistically, the Chuvash are considered the sole living descendants of the Onogurs as speakers of an r-Turkic language [Golden 2013: 49]. At the same time, the Chuvash and Yakut languages are known for deviating from the common Turkic system of consonants. This was already a feature of Chuvash back in early times, as is demonstrated by some words that have come down as loan words in Hungarian (the Magyars' language), as well as the few remnants surviving from the languages of the Danube Bulgars and the Huns. The r/l sound shift occurs in Transcaucasian languages too, for example Hittite ḫawarkina/ḫawalkina "iron" (cf. Chuvash kăvar "burning coal"); Hittite pur, Georgian pir, Svanetian pil "mouth" [Иванов 1979: 112, 120].

Lexical correspondences between Georgian and Chuvash are naturally explained by the period of proximity in the Caucasus or, perhaps, an ancient language kinship. Scholars cite a whole list of such word pairs. For instance, Chuvash sivĕ — Georgian .tsivi "cold"; chir — chiri "illness"; san — shen "thy"; man "my" — me "I"; kĕpe — kaba "dress, shirt"; kachchă "lad, young man" — katsi "man"; çar — dzhari "army"; supăn' — saponi "soap"; tupa — tapa "frying pan"; tări — torolo "skylark"; taka — tkha "goat, ram"; khalăkh — khalkhi "people"; chul — t'al "stone, flint". Also Chuvash kart(a) — Georgian kart "enclosure" (cf. kart → the ethnonym Kartveli, apparently from the Persian kar), and the Chuvash çĕr— Georgian-Svanetian *ser "night" [Климов, Халилов 2003: 33–34].

The Georgian tribes' adjacence to and contacts with the ancestors of the Hittites and other members of the Indo-European language family led to many lexical borrowings. Some words in this category also found their way into Chuvash, for example Hittite tete — Georgian didi "big, large" [Мусхелишвили 2015: 12–13] — Chuvash tete (in phonetic transcription – dede) "elder brother, uncle".

The Georgian (and Megrelian) word baγana "infant" may have an echo in the Chuvash pukane/pokania/pukhania meaning "doll". In any event, Vasily Egorov, the compiler of an etymological dictionary of Chuvash, confessed to being unable to find any related words in Turkic languages [Егоров 1964: 163]. There are also direct structural-semantic matches, such as the Georgian ces-rigi and the Chuvash iăla-iĕrke, both meaning "rite, ritual"[1]. All this testifies as a minimum to close contacts between the Saspirs and Georgian tribes.

6. Conclusion

Taken together, Herodotus' topographical coordinates leave no room to distrust the historical accuracy of the Saspirs' place of habitation in the 5th century BC. Drawing on other sources, it is possible to enlarge that time span to cover the 9th to the 1st centuries BC. In that period, the Saspirs occupied a territory from Media to Colchis, between the Medes and the Colchians, with the former in the south and the latter to the north by the Phasis River. The

[1] I am indebted to my Teacher, S. A. Arutyunov, for pointing this out.

Matieni mountains, alongside which the Sapirs dwelt, are considered to be those near Erzurum. In the 3rd century BC and then in the 3rd century AD, the Sapirs are recorded by Apollonius of Rhodes and Herodian respectively to inhabit the valley of the Chorokh alongside the Bechyres and Byzeres tribes.

Литература

Аликберов 2019 — *Аликберов А. К.* Об интерактивных подходах к гуманитарному знанию в востоковедении // Труды Отделения историко-филологических наук РАН: 2018. М.: РАН, 2019. С. 152–164.

Арутюнов 2019 — *Арутюнов С. А.* Быть или не быть? (Этнография памяти) // Этнография. 2019. № 2. С. 172–208.

Буданова 2000 — *Буданова В. П.* Варварский мир эпохи Великого переселения народов. М.: Наука, 2000. 540 с.

Волкова 1973 — *Волкова Н. Г.* Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа. М.: Наука, 1973. 208 с.

Гаджиев 2019 — *Гаджиев М. С.* Этническая карта Северного Кавказа в период поздней античности (общий обзор по данным письменных источников) // Вестник Дагестанского научного центра. 2019. № 72. С. 17–30.

Головнев 2009а — *Головнев А. В.* Антропология движения: (Древности Северной Евразии). Екатеринбург: Волот, 2009. 496 с.

Головнев 2009б — *Головнев А. В.* Дрейф этничности // Уральский исторический вестник. 2009. № 4. С. 46–55.

Гуревич 2000 — *Гуревич А. Я.* Подводя итоги… // Одиссей. Человек в истории. 2000. М.: Наука, 2000. С. 125–138.

Дондуа 1975 — *Дондуа К. Д.* Статьи по общему и кавказскому языкознанию. Л.: Наука, 1975. 319 с.

Егоров 1964 — *Егоров В. Г.* Этимологический словарь чувашского языка. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1964. 355 с.

Иванов 1979 — *Иванов Вяч. Вс.* О некоторых переднеазиатских параллелях к картвельским лексемам // Лингвистический сборник. Тбилиси: Мецниереба, 1979. С. 111–129.

История Грузии 1962 — История Грузии. Т. I: С древнейших времен до 60-х годов XIX века / гл. ред. Н. А. Бердзенишвили. Тбилиси: Учпедгиз, 1962. 254 с.

Каракетов 2014 — *Каракетов М. Д.* Этнонимия // Карачаевцы. Балкарцы. М.: Наука, 2014. С. 92–97.

Климов, Халилов 2003 — *Климов Г. А., Халилов М. Ш.* Словарь кавказских языков: Сопоставление основной лексики. М.: Вост. лит., 2003. 511 с.

Ковалевский 1956 — *Ковалевский А. П.* Книга Ахмеда ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 гг. Ст., пер. и коммент. Харьков: ХГУ, 1956. 347 с., 1 л. ил.

Кудрявцев 1956 — *Кудрявцев О. В.* Племена и народности Кавказа (VI–IV вв. до н. э.) // Всемирная история. Т. II. М.: Госполитиздат, 1956. С. 154–158.

Миллер 1791 — *Миллер Г. Ф.* Описание живущих в Казанской губернии языческих народов, яко то черемис, чуваш и вотяков. СПб.: Имп. АН, 1791. VIII, 99, II с., 8 л. ил.

Мусхелишвили 2015 — М*усхелишвили Д. Л.* Ранние этапы этнической истории // Грузины. М.: Наука, 2015. С. 12–25.

Мутафян, Лев 2012 — *Мутафян Клод, Лев Эрик ван.* Исторический атлас Армении: Ближний восток и Южный Кавказ с VIII века до Р. Х. до XXI века. М.: Ключ-С, 2012. 143 с.

Петров 1925 — *Петров М. П.* О происхождении чуваш. Чебоксары: Чуваш. гос. изд-во, 1925. 62 с.

Пиотровский 1959 — *Пиотровский Б. Б.* Ванское царство (Урарту). М.: Вост. лит., 1959. 284 с., илл.

Псевдо-Орфей 1948 — *Псевдо-Орфей.* Поход аргонавтов // Вестник Древней истории. 1948. № 3. С. 267– 271.

Сафарова 2009 — *Сафарова И. Х.* К вопросу о матиенах // Труды Института истории НАН Азербайджана. Т. 27. Баку, 2009. С. 5–20.

Сборник 2008 — Сборник избранных статей Виталия Борисовича Виноградова. К 70-летию со дня рождения / ред. С. Л. Дударев. Армавир. гос. пед. ун-т, 2008. 228 с.

Фахрутдинов 1986 — *Фахрутдинов Р.* Мелодия камней. Казань: Татар. кн. изд-во, 1986. 224 с.

Хорикян 2015 — *Хорикян О. Г.* К локализации саспиров XVIII сатрапии Ахеменидской Персии // Иран-наме: Научный востоковедческий журнал. Алматы. 2015. № 3–4. С. 194–200.

Ammianus 1970 — *Ammianus Marcellinus.* Römische Geschichte. Lateinisch und Deutsch und mit einem Kommentar versehen von Wolfgang Seyfarth. Dritter Teil. Buch 22–25. Berlin: Akademie-Verlag, 1970. 255 s.

Apollonius 1912 — *Apollonius Rhodius.*The Argonautica. London: W. Heinemann; New York: Macmillan, 1912. 431 p.

Golden 2013 — *Golden Peter B.* Some Notes on the Etymology of Sabir // KOINONΔΩPON. Сб. ст. к 60-летию В.П. Никонорова. СПб.: Филфак СПбГУ, 2013. С. 49–55.

Guilielmus 1823 — *Guilielmus Dindorfius*. Grammatici Græci. Vol. I. Lipsia: In Libraria Kuehniana, 1823. XXXIV, 443 p.

Menander 1829 — *Menander Protector.* Ex Historia // Corpus scriptorum Historiae Byzantinae. Is. 23. Vol. 2. Part 1. Bonnae: Impensis Ed. Weberi, 1829. Pp. 279–444.

Stephanus 1849 — Stephanus of Byzantium. Ethnica. Vol. I. Berlin: Reimer, 1849. 818 p.

Tuite. A short — *Tuite Kevin.* A short descriptive grammar of the Svan language [электронный ресурс] // URL: http://www.uni-jena.de/unijenamedia/Downloads/faculties/phil/kaukasiol-ogie/Svan%5Bslightlyrevised%5D.pdf (дата обращения: 29.04.2023).

Ηρόδοτ 1995 — *Ηρόδοτος.* Ιστορία. Μτφρ. Η. Σπυρόπουλος. Αθήνα: Γκοβόστη, 1995. 235 σελίδες.

References

Alikberov A. K. On interactive approaches to humanitarian knowledge in Oriental studies. In: Tarasova N. V. (comp.) Proceedings of the Department for Historical and Philological Research RAS. V. Tishkov (ed.). Moscow: Nauka, 2019. Pp. 152–164. (In Russ.)

Ammianus Marcellinus. Römische Geschichte. Lateinisch und Deutsch und mit einem Kommentar versehen von Wolfgang Seyfarth. Part Three. Books 22–25. Berlin: Akademie-Verlag, 1970. 255 p. (In Lat. and Germ.)

Apollonius Rhodius. The Argonautica. London: W. Heinemann; New York: The Macmillan Co., 1912. 431 p. (In Anc. Greek)

Arutyunov S. A. To be or not to be? (Ethnography of memory). Etnografia. 2019. No. 2 (4). Pp. 172–208. (In Russ.) DOI: 10.31250/2618-8600-2019-2(4)-172-208

Berdzenishvili N. A. (ed.) History of Georgia. Vol. 1: From Ancient Times to the 1860s. Tbilisi: Uchpedgiz, 1962. 254 p. (In Russ.)

Budanova V. P. The Barbarian World of the Migration Period. Moscow: Nauka, 2000. 540 p. (In Russ.)

Dondua K. D. Articles in General and Caucasian Linguistics. Leningrad: Nauka, 1975. 319 p. (In Russ.)

Dudarev S. L. (ed.) Selected Articles by Vitaly B. Vinogradov. Armavir: Armavir State Pedagogical University, 2008. 228 p. (In Russ.)

Egorov V. G. Etymological Dictionary of the Chuvash Language. Cheboksary: Chuvashia Book Publ., 1964. 355 p. (In Russ.)

Fakhrutdinov R. The Melody of Stones. Kazan: Tatarstan Book Publ., 1986. 224 p. (In Russ.)

Gadzhiev M. S. Ethnic map of Northern Caucasus in the late antiquity period (General review based on written sources). Herald of the Daghestan Scientific Center. 2019. No 72. Pp. 17–30. (In Russ.)

Golden P. B. Some notes on the etymology of Sabir. In: KOINONΔΩPON. Collected papers to celebrate V. P. Nikonorov's 60th Birthday. St. Petersburg: St. Petersburg (Faculty of Philology), , 2013. Pp. 49–55.

Golovnev A. V. Anthropology of Movement: Antiquities of Northern Eurasia. Yekaterinburg: Volot, 2009. 496 p. (In Russ.)

Golovnev A. V. Ethnicity drift. Ural Historical Journal. 2009. No 4 (25). Pp. 46–55. (In Russ.)

Guilielmus Dindorfius. Grammatici Græci. Vol. 1. Leipzig: In Libraria Kuehniana, 1823. 443 p. (In Greek)

Gurevich A. Ya. Summing up... In: Gurevich A. Ya. (ed.) Odysseus. Man in History. 2000. Collected papers. Moscow: Nauka, 2000. Pp. 125–138. (In Russ.)

Herodotus. Histories. H. Spyropoulos (transl.). Athens: Govostis Publishers, 1995. 235 p. (In Greek)

Ivanov V. V. On some West Asian parallels to Kartvelian lexemes. In: Linguistic Collection. Tbilisi: Metsniereba, 1979. Pp. 111–129. (In Russ.)

Karaketov M. D. Ethnonymy. In: Karaketov M. D., Sabanchiev Kh.-M. A. (eds.) Karachays. Balkars. Moscow: Nauka, 2014. Pp. 92–97. (In Russ.)

Khorikyan H. On the location of the XVIII Satrapy Saspeires of Achaemenid Persia. Iran-Nameh. 2015. No. 3–4 (35–36). Pp. 194–200. (In Russ.)

Klimov G. A., Khalilov M. Sh. Dictionary of Caucasian Languages: Comparing Basic Vocabularies. Moscow: Vostochnaya Literatura, 2003. 511 p. (In Russ.)

Kovalevsky A. P. Ahmad ibn Fadlan and His Mission to the Volga in the Years 921–922. Kharkov: Kharkov State University, 1956. 347 p. (In Russ.)

Kudryavtsev O. V. Tribes and ethnicities of the Caucasus, sixth to fourth centuries BC. In: Zhukov E. M., Utchenko S. L. et al. (eds.) World History. Vol. 2. Moscow: Gospolitizdat, 1956. Pp. 154–158. (In Russ.)

Menander Protector. Ex Historia. In: Niebuhr B. G. (ed.) Corpus Scriptorum Historiae Byzantinae. Pt. 1. Bonn: E. Weberi, 1829. Pp. 279–444. (In Lat. and Anc. Greek)

Miller G. F. A Description of Pagan Peoples

Inhabiting Kazan Governorate, Such as the Cheremis, Chuvash, and Votyak. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences, 1791. VIII, 99, II p., 8 p. (In Russ.)

Muskhelishvili D. L. Early stages of ethnic history. In: Georgians. Moscow: Nauka, 2015. Pp. 12–25. (In Russ.).

Mutafian C., van Lauwe E. Historical Atlas of Armenia: Middle East and South Caucasus, 8th Century BC to the 21st Century AD. Moscow: Klyuch-S, 2012. 143 p. (In Russ.)

Petrov M. P. On the Origin of the Chuvash. Cheboksary: Chuvashia State Publ. House, 1925. 62 p. (In Russ.)

Piotrovsky B. B. The Kingdom of Van (Urartu). Moscow: Vostochnaya Literatura, 1959. 284 p. (In Russ.)

Pseudo-Orpheus. The Campaign of the Argonauts. Vestnik drevnei istorii (Journal of Ancient History). 1948. No. 3 (25). Pp. 267–271. (In Russ.)

Safarova I. Kh. On the question of the Matieni. In: Proceedings of the Institute of History ANAS. 2009. Vol. 27. Pp. 5–20. (In Russ.)

Stephanus of Byzantium. Ethnica. Vol. 1. Berlin: Reimer, 1849. VI, 818 p. (In Greek)

Tuite K. A Short Descriptive Grammar of the Svan Language. Available at: http://www.uni-jena.de/unijenamedia/Downloads/faculties/phil/kaukasiol-ogie/Svan%5Bslightlyrevised%5D.pdf (accessed: 29 April 2023). (In Eng.)

Volkova N. G. Ethnonyms and Tribal Names of the North Caucasus. Moscow: Nauka, 1973. 208 p. (In Russ.).

Published in the Russian Federation
Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
Has been issued as a journal since 2008
ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
Vol. 16, Is. 5, Pp. 1251–1264, 2023
Journal homepage: https://kigiran.elpub.ru

УДК / UDC 391(=512.157=1.571.56)
DOI: 10.22162/2619-0990-2023-69-5-1251-1264

Визуализация представлений о душе в украшениях национальных костюмов саха (якутов) и тувинцев

Саргылана Валентиновна Никифорова[1]

[1] Северо-Восточный федеральный университет (д. 42, ул. Кулаковского, 677018 Якутск, Российская Федерация)
кандидат культурологии, доцент
0000-0002-4875-1757. E-mail: nsv2107[at]mail.ru

© КалмНЦ РАН, 2023
© Никифорова С. В., 2023

Аннотация. *Введение.* Культурное наследие саха (якутов) и тувинцев обнаруживает сходство базовых мировоззренческих представлений об устройстве Вселенной, многоярусности каждого из трех миров, о пантеоне божеств и др. *Целью* работы является реконструкция семантики национальных украшений как визуального нарратива, транслирующего представления о душе человека в традиционной культуре якутов и тувинцев, для чего потребовалось обобщить описания этих представлений по этнографическим материалам, выявить подтверждения, что украшения выполняли функцию маркера души, рассмотреть семантику знаков украшений традиционного костюма. *Гипотеза* исследования. Применительно к визуализации знаний о душе мы исходили из положения, что, если в фольклорных источниках имеются повторяемые указания на расположение одной из трех душ (аорта, кровь, пояс и т. д.), то относительно двух других тоже должны быть подобные представления об их размещении. *Методы.* В рамках междисциплинарного и сравнительно-исторического подходов, с учетом динамики религиозных, эстетических взглядов, использованы компаративный, структурно-функциональный, интерпретационный и аксиологический методы. Использован также метод мозаичной реконструкции символики украшений. *Результаты.* Подтверждено, что украшения выступают как способ визуализации ценностных представлений о картине мира, расположении души человека, статусе их владельца и поведенческих нормах. Они определены как знаки самой большой идентичности обитателя среднего мира, выполняющие функцию маркера и оберега каждой из трех душ человека, а также — медиатора между сакральным и профанным мирами, триггера в обрядовой коммуникации и указателя социального статуса владельца. *Выводы.* Универсальной формой круга (серебряный диск, бусина, узел бесконечности, пуговица) обозначены локализация и функция каждой души: воздушная у якутов, средняя душа у тувинцев помещаются в голове, обозначены головными украшениями. Материнская душа у якутов локализована в области средостения (пульс, кровь — сердце, печень), первая душа у тувинцев — в области пупа. У якуток фертильного возраста эта душа обозначена солярным знаком нагрудного украшения. В тувинском костюме символический аналог нами не обнаружен. Третья душа, земная, у якутов обозначена пряжкой пояса, она

обитает в пупе; хорошая, по представлениям тувинцев, душа обитает в поясе. Якуты сохранили более архаический вариант корпуса символов. Разночтения определяются поздним влиянием маньчжуро-китайской культуры, буддизма на мировоззрение южных тувинцев.
Ключевые слова: мифологические воззрения, трехчастное строение мира, три души человека, семиотический статус, культурные универсалии, символика украшений, женский текст культуры, маркер, коды культуры, идентификация
Для цитирования: Никифорова С. В. Визуализация представлений о душе в украшениях национальных костюмов саха (якутов) и тувинцев // Oriental Studies. 2023. Т. 16. № 5. С. 1251–1264. DOI: 10.22162/2619-0990-2023-69-5-1251-1264

Adornments to Traditional Sakha (Yakut) and Tuvan Costumes: Visualizing Ideas of Soul

Sargylana V. Nikiforova[1]

[1] North-Eastern Federal University (42, Kulakovsky St., 677018 Yakutsk, Russian Federation)
Cand. Sc. (Culturology), Associate Professor
0000-0002-4875-1757. E-mail: nsv2107[at]mail.ru

© KalmSC RAS, 2023
© Nikiforova S. V., 2023

Abstract. *Introduction. T*he cultural heritages of the Sakha (Yakut) and the Tuvan are distinguished by a similarity of basic worldview ideas pertaining to the structure of the Universe, multi-storeyedness of each of the Three Worlds, the pantheon of deities, etc. *Goals*. The article aims to interpret semantics of ethnic jewelry as a visual narrative articulating the ideas of individual soul in traditional Sakha and Tuvan cultures. To facilitate this, the paper shall summarize the available descriptions of these ideas from ethnographic material, identify some facts confirming jewelry used to serve as markers of soul, consider semantics of traditional jewelry signs. The study hypothesizes as follows: when it comes to soul visualizations, folklore sources manifest repeated indications localizing one of the three souls (aorta, blood, belt, etc.) — hence, the other two must also have some certain locations and related beliefs, too. *Methods*. With due regard of the dynamics in religious and aesthetic preferences, the employed interdisciplinary and comparative historical approaches comprise the structural/functional, interpretative, and axiological methods. The method of mosaic reconstruction proves as instrumental in revealing jewelry symbolism. *Results*. The paper confirms adornments (jewelry pieces) act as means to visualize some valuable worldviews, ideas of human soul and its whereabouts, prestige and behavioral norms. The former are defined as utmost identity signs for an inhabitant of the Middle World that serve as markers and protective amulets for each of the three human souls, also viewed as mediators between the sacred and profane worlds, triggers in ritual communication, and social status indicators. *Conclusions*. Being a universal form, circle (silver disk, bead, infinity knot, and button) denotes the place and function of each soul. For instance, the air one of the Sakha and the middle one of the Tuvan are placed in the head and identified with head adornments (jewelry pieces). According to Sakha beliefs, the maternal soul is localized in the mediastinum (pulse and blood — heart and liver), while Tuvans place soul one into the navel. Yakut women of fertile age tend to mark this soul with solar breast jewelry, with no identified symbolic parallels in the Tuvan costume. Yakuts believe the third earthly soul be indicated with a belt buckle and dwell in the navel, while the Tuvan tradition says the good soul dwells in the belt. So, the Yakut have retained somewhat more archaic version of the symbolic corpus. And the differences are largely determined by the late influence of Manchu-Chinese culture and Buddhism on worldviews of southern Tuvans.
Keywords: mythological beliefs, three-part world structure, three human souls, semiotic status, cultural universals, symbolism of jewelry, female cultural text, marker, cultural codes, identification
For citation: Nikiforova S. V. Adornments to Traditional Sakha (Yakut) and Tuvan Costumes: Visualizing Ideas of Soul. *Oriental Studies*. 2023; 16(5): 1251–1264. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2023-69-5-1251-1264

1. Введение

Трансформации визуального текста культуры (в частности украшений костюма) наиболее наглядны и сопровождаются сменой или утратой значений, что меняет связи внутри всей системы. В настоящей статье выбор тувинского и якутского костюмов для исследования обусловлен тем, что, помимо языкового родства двух народов, привлекает внимание сходство базовых мировоззренческих представлений об устройстве Вселенной, о многоярусности каждого из трех миров, а также сходства или наличия общих черт в пантеоне божеств. Кроме того, отмечено наличие в ранних этнографических источниках прямых указаний на количество и функции каждой из трех душ человека в культурах тувинцев и якутов. Отмечаемое повсеместно размывание идентичности активизирует поиск имеющихся в культуре средств идентификации. Предлагаемая интерпретация семантики украшений костюма, как инструмента коллективной памяти культуры, отчасти может способствовать трансляции и актуализации наследия.

2. Историография

Национальный костюм представляет концентрацию всех способов мироустроения в опыте каждого народа. Его описания встречаются при первых упоминаниях о культуре. Меховая верхняя одежда и серебряные украшения якутов служили для уплаты ясака и фрагментарно описаны казаками с 1630-х гг. [Материалы по истории 1970]. Подробные записи встречаются в трудах путешественников, чиновников и политссыльных: Я. И. Линденау [Линденау 1983], И. Г. Георги [Георги 1776], Н. С. Щукина [Щукин 1844], Р. К. Маака [Маак 1994], А. Ф. Миддендорфа [Миддендорф 1869]; В. Л. Серошевского [Серошевский 1993] и др. Одно из первых специальных исследований — монография Р. С. Гаврильевой [Гаврильева 1998]; системно по реконструкции и семиотике костюма с 1990-х гг. работает автор ряда книг С. И. Петрова [Петрова 1999; Петрова 2006; Петрова, Заболоцкая 2013], украшения исследовали Ф. М. Зыков [Зыков 1976], А. И. Саввинов [Саввинов 2001], С. В. Никифорова [Никифорова 2010], а также А. Н. Прокопьева и К. Д. Яковлева [Прокопьева, Яковлева 2021] и др.

О национальном костюме тувинцев среди других писали Г. Н. Потанин [Потанин 1867], Н. Ф. Катанов [Катанов 2011], а также А. В. Анохин [Анохин 1994], Е. Д. Прокофьева [Прокофьева 2011] и др. Детально костюм рассматривала В. П. Дьяконова [Дьяконова 1960], ею изучены якутские гривны [Дьяконова 1958]; С. И. Вайнштейн определил технологии и способы декорирования костюма [Вайнштейн 1974].

В работе Л. П. Потапова обобщены материалы экспедиции 1957–1966 гг. [Потапов 1969]. Съемные украшения по материалам фондов Российского этнографического музея и Музея антропологии и этнографии описывает Е. А. Михайлова [Михайлова 2006]. Весомый вклад в изучение этнографических собраний внесла А. О. Дыртык-оол [Дыртык-оол 2014], систематизировавшая коллекции из фондов музеев республики, России и Монголии.

М. О. Сиянбиль и А. А. Сиянбиль анализируют возрастную градацию и символику костюма [Сиянбиль, Сиянбиль 2000], в этом ряду работы и Р. Б. Ховалыг [Ховалыг 2018; Ховалыг 2020; Ховалыг 2022]. Знаково-символическую природу, современное состояние семиозиса украшений исследуют Ш. Б. Майны, М. С. Кухта, Ч. Х. Монгуш [Кухта, Майны, Монгуш 2017; Майны, Кухта 2019; Майны, Кухта 2020; Майны, Сат 2022] и др.

Цель исследования — реконструировать семантику национальных украшений как визуальный нарратив, который транслирует представления о душе человека в традиционных культурах саха (якутов) и тувинцев.

3. Материалы и методы

Рассмотрены нашивные и съемные украшения: головные уборы якутов и тувинцев; якутское нагрудное украшение; наборные ремни якутов и тканые пояса тувинцев (из фондов Национального музея им. Алдан-Маадыр Республики Тыва и Якутского музея им. Ем. Ярославского), а также фольклорные и этнографические тексты.

В рамках междисциплинарного и сравнительно-исторического подходов, с учетом динамики религиозных и эстетических взглядов, использованы компаративный, структурно-функциональный, интерпретационный

и аксиологический методы. В случае утраты отдельных значений использовался семиотический анализ нарративного уровня, позволивший дополнить знания о тех символах, которые поддаются расшифровке и отмечены в имеющейся научной литературе.

Применительно к визуализации представлений о душе мы исходим из положения, что если в фольклорных и этнографических источниках имеются повторяемые указания на расположение одной из трех душ (например, в поясе), то в отношении двух других тоже должны быть подобные представления.

4. Три мира и три души в представлениях тувинцев и якутов

Символически тело выстраивается по аналогии с вертикалью мира: голова — верхний мир, торс — средний мир, ниже пояса — нижний мир. Миры визуализированы в костюме соответствующим образом, ибо «традиционное сознание соблюдало универсальный характер корреспонденций между создаваемой вещью, строением человеческого тела и представлениями о структуре Вселенной» [Байбурин 1993: 221].

Трехчастное строение мира зафиксировано в типичной композиции изображений на оленных камнях Тувы, Забайкалья и Монголии. Их расположение «вынуждает» сопоставлять способы изображения скифских и древнетюркских представлений о строении мира, которые экстраполируются на представления о душе человека. В археологических описаниях знаки на оленных камнях — за исключением образов животных — интерпретируются в терминологии украшений: круги-серьги, ожерелья, гривны-пекторали, бусы, пояс, опоясок, пряжки [Килуновская, Фролов 2020: 126–127].

Стоит выделить значение солярного знака — круг с точкой в центре в обеих культурах. Применительно к костюму бусина, диск или вышитый узел счастья — это аккордная точка, стягивающая различные семантические поля, как знак порядка, фиксации, аккумуляции.

Категорию «душа» изобретают все культуры без исключения. «Вокруг нее сконцентрированы все обряды и ритуалы: „душа“ является главной ценностью в символических обменах между мирами; именно „душу“ просят у неба, а потом пристально следят за ее состоянием в течение всей жизни человека. После смерти „душу“ провожают в нижний мир» [Львова и др. 1989: 53].

По мифологическим воззрениям якутов человек обладает тремя душами: *буор кут* — земная душа; *ийе кут* — материнская душа; *салгын кут* — воздушная душа [Пекарский 1958: 1261–1262]. В момент зачатия встречаются космос, т. е. творящая энергия неба от отца (*салгын кут*), и хаос, порождающая и хранящая энергия земли (*буор кут*). В муках рождения, в синтезе творится отдельная материнская душа (*ийе кут*). В культуре тувинцев имеются традиционные представления, согласно которым человек также имеет три души. В. П. Дьяконова подробно описала представления о душе потомков урянхайцев, южных нарынских тувинцев, живущих на границе с Монголией: «1) муу-сунус — плохая душа, 2) дунд-сунус — средняя душа и 3) сайн-сунус — хорошая душа» [Дьяконова 1975: 88], визуализацию их представлений мы предлагаем в данной работе.

Центральные тувинцы для обозначения души используют другие названия: *сунезин*, *сус*, *сузу* или «кол сунезин — главная душа (кол = муу-сунус?), бора сунезин — серая душа» [Кенин-Лопсан 1987: 28]. Отметим, что якуты различают *кут* (души) по материалу, из которого они созданы: воздух (гармония, разум) и земля (природа, мощь); третья, материнская, синтезирует гармонию космоса и энергию хаоса, преобразуя божественное и природное в человеческое. У тувинцев дифференциация душ по качественным характеристикам: плохая, средняя и хорошая, — возможно, это влияние буддизма.

Сунус, *сюнэ*, *сюн*, *сунезин*, *сюрен*, *сюрь* (*сүр*), *тын*, *кут* — данной терминологией обозначается душа, свойственная человеку, живущая посмертно. *Сюне* посылалась человеку небом. Если ее похитил злой дух, то человек лишается памяти и сознания, если при камлании не удается скоро вернуть, то *тын* (животная душа) прерывается. После смерти *сунус* провожалась шаманом в страну предков, откуда могла быть вызвана только им же [Дьяконова 1975: 45–48].

В словаре «душа» трактуется как «сүлде … сүнезин» — жизненная сила, душа; судьба, рок, духовная мощь, дух; сущность, истинный смысл чего-либо [Этимологический словарь 2018: 152–153].

В языке якутов есть слово *сүҥ* ‘очень

большой, огромный, достойный уважения', а слово *сүүнэ* означает 'огромный, большой, незаурядный, выдающийся', снабжено пометой составителя: «Ср. алт., куманд. сүне, хакас. сүнэ душа человека, выходящая в момент смерти и остающаяся некоторое время около умершего в виде ветра, воздуха, пара» [Большой толковый 2012: 250, 324].

«Первая душа муу-сунус — физическая жизненная сила или элемент, подобный тын (дыхание) … с указанием, что она в человеке „прикреплена" к жиле (аорте) кол. Когда кол „разрывается", то прекращается и ёмь (дыхание)» [Дьяконова 1975: 89–90], что выражается в тезисе: «дыхание и кровь — основные символы (вместилища) души» [Новик 2019: 136]. Вероятно, первая душа располагается в области пупа. «Вторая душа дунд-сунус подвижна, может во сне с дыханием через ноздри покидать тело человека и возвращаться вновь; — мы предполагаем, что при жизни она локализуется в голове и обозначается на головных уборах (чинзе, нить судьбы и т. п.). Третья душа сайн-сунус предохраняет человека от бед, она оберегает, охраняет его, но это „наружная" или „внешняя" душа, обитает в поясе (кур), которым подпоясывают одежду» [Дьяконова 1975: 88].

В тувинском языке «кут[уъ] миф. душа, животворящая сила; жизненная сила [человека, животного, растения], дух, душа: зародыш, эмбрион; оберег, амулет» [Этимологический словарь 2004: 321–324]. Тувинцы считают, что ульгени дают кут (зародыш) на душу ребенка, кут на скот <…> После смерти человека, по одним сведениям, «(душа) возвращается к божеству, по воле которого была послана для земной жизни (Ульгеню); по другим: Эрлик берет душу покойного, уводит в подземный мир, судит, иногда отправляет на землю, заставляя творить зло» [Потапов 1991: 250–257]. Моральные оценочные суждения по отношению к божествам ранних верований принято считать влиянием последующих религий. В Словаре якутского языка кут переведена как «жизненная сила, душа. <…> сущность вещи; жизненность (= кут сүр) дух, жизнь (тын, сүр)» [Пекарский 1958: 1261–1262].

Н. А. Алексеев, исследуя традиционные религиозные верования якутов, отмечает: «первая душа человека — салгын кут способна странствовать во время сна и, если попадала в руки злых духов, человек заболевал. Вторая душа — буор кут (земная) ходила вокруг человека, далеко не отходя. Если злые духи ловили ее, то человек хворал и мог умереть. Третья — ийе кут (материнская) считалась подлинной душой, не выходила из тела, злые духи не могли поймать ее. Она покидала тело человека только, когда те терзали салгын и буор кут. Последние … воспринимались как антропоморфные <…> Из трех душ человека невидимой считалась только она» [Алексеев 2008: 119].

В ряде других источников кут представлялись как зооморфные, орнитоморфные или в виде насекомого [Ксенофонтов 1992: 61, 202]. Якуты считали, что буор кут рассыпается прахом, рассеивается, и эти частицы потом находят и соединяют в одно целое шаманы [Пекарский 1958: 1261–1262]. Далее Н. А. Алексеев отмечает, что «создателем кут … считался Юрюнг Айыы тойон (глава духов айыы), а распорядителем — богиня Айыысыт, она вселяла души детей в женщин» [Алексеев 2008: 119]. Получается, что кут смертны: их можно похитить, мучить, они могут менять характер, но, помимо души кут, у человека была душа сюр, которая бессмертна [Алексеев 2008: 118–121; Пекарский 1958: 1261–1263].

Итак, помимо языкового родства, привлекает внимание сходство базовых мировоззренческих представлений о душах у якутов и тувинцев. Кроме того, стоит отметить присутствие в фольклорных текстах и ранних этнографических источниках [Пекарский 1958: 1261–1262; Серошевский 1993: 643; Анохин 1994: 19–24; Потапов 1969: 347] прямых указаний на количество и функциональные особенности каждой из трех душ человека в обеих культурах.

5. Украшения головных уборов как знаки души

Невеста у тувинцев «на время свадьбы надевала специальный головной убор тумалай (думаалай), представляющий большое прямоугольное полотнище (1 х 1,5 м). <...> На лобную часть пришивали треугольную вставку. Этот треугольник украшали вышивкой, бусами, пуговицами» [Потапов 1969: 225]. В работе по символике тувинского костюма называется «старинная головная накидка невесты „баштангы", с вышитой по шелку „нитью счастья"» [Сиянбиль, Сиянбиль 2000: 56]; попутно отметим наличие в культуре саха съемного головного украшения бастынга,

представляющего кожаный обруч с серебряными набойками и подвесками и солярным знаком туосахта на лбу. Еще уточнение: по правилам ношения думаалай поверх него «накидывали второй свадебный головной убор — баштангы» [Ховалыг 2020: 46]. *Баштангы* под созвучным названием *пашь тангы* детально описана Е. Д. Прокофьевой [Прокофьева 2011: 322–323].

Вышивка, бусина, пуговица на головной накидке невесты выполняли функцию символа указателя и защиты средней души, служили знаком обитателя среднего мира. Они внешне схожи с *чинзе* (нашивным навершием шапки), который изготавливался из следующих материалов (по нисходящей, от высших чинов — к низшим): рубин – коралл – жемчуг – горный хрусталь – золотой – серебряный шарик – медная пуговица – шишка из красной ткани или нити [Сиянбиль, Сиянбиль 2000: 37–40]. Но *чинзе* являлся знаком чиновничьей иерархии.

По представлениям нарынских тувинцев, местом обитания души считалась голова [Кухта, Майны, Монгуш 2017: 93]. Мы предполагаем, что голова может быть местом пребывания средней души — дунд-сунус, которая «находится в каком-то из органов человека (назвать этот орган не смогли) и после смерти его отправляется вместе с сайн-сунус к Эрлик Ловун-хану» [Дьяконова 1975: 88].

Локализация дунд-сунус в голове и обозначение круглыми нашивными украшениями головных уборов тувинцев сопоставимы с украшениями шапок саха серебряным диском — *туосахта*. Ранее мы рассматривали семантику солярного знака на шапках и головных украшениях якутов [Никифорова 2010: 69] и пришли к выводу, что *туосахта* на *дьабака* (ритуальной шапке) — это знак *салгын кут*.

В предании о шамане Хагыстаайы, свидетеля противостояния сына Улуу Тойона и шамана, умевшего превращаться в осу, записано, что сын Улуу Тойона из озорства похитил душу единственной дочери шамана, заключенную в украшении, спрятал в своей ноздре, но шаман, превратившись в осу, укусил его, тот чихнул, и с сиянием выпала на пол серебряная бляха от женской меховой шапки, *туосахта*; оса схватила ее и улетела [Ксенофонтов 1992: 202–203] — шаман выиграл схватку за душу, что означало выздоровление дочери.

Головной убор как часть костюма, приближенная к небесам, в обряде служит медиатором между верхним и средним мирами, поэтому строго регламентируются материал, форма изготовления, правила ношения и хранения. Во всех культурах небрежность в отношении к головному убору, утрата его чреваты последствиями, вплоть до фатальных. Особенно строги ограничения в обряде. Манипуляции с украшениями, головными уборами и поясом подлежат четким прескрипциям: максимальное их включение на свадьбе, полное исключение по смерти — у якутов украшения как феномен культуры, блокирующий контакт с нижним миром, исключались в болезни и агонии [Бравина 2005: 184], частично — при родах. В повседневности головной убор в культурах номадов не одалживался, не обменивался, не клался на стол, не хранился ниже уровня пояса, постоянно подновлялся и только как жест беспросветного отчаяния (признание бесчестия) мог быть брошен на землю.

Еще более суровы требования в женском тексте культуры. Регламентировалось все: количество кос, цвет и качество ткани для ленты, украшения, платки, шапки, особенно для женщины фертильного возраста. У тувинцев на свадьбу надевался *тумалай*, один из немногих предметов головного убора, который мог одалживаться. «Без тумалая невесте нельзя было ехать в аал к жениху» [Потапов 1969: 239–251]; оно же «свадебное покрывало (широкое четырехугольное полотнище с отверстиями для глаз), которым молодая… прикрывала в первые дни лицо от старших родственников мужа» [Тенишев 1968: 183].

В культуре якутов молодая закрывала лицо покрывалом *аннах* (ровдуга с аппликацией сукном, бисером и металлом). П. А. Слепцов указывает на сословные различия: «богатые невесты закрывали лицо соболями, бедные — лоскутом кобыльей шкуры. Это служило магическим приемом защиты от злых духов и сглаза» [Слепцов 1989: 40]. Аналог современной фаты изначально являлся защитным средством в обряде избегания, предупреждающем снохачество.

Вышеизложенное позволяет резюмировать, что солярные знаки на головных уборах служили маркером, идентифицирующим обитателя среднего мира. Знаки в форме круга, точки, узла (серебряный диск, бусина,

пуговица, красная плетеная шишечка, вышитый «узел судьбы») на этапе шаманистских представлений могли обозначать место пребывания и защиту (щит) одной из трех душ человека: у якутов — *салгын кут*, у тувинцев — *дунд-сунус*, которые обе культуры помещали в голове.

6. Знак души в нагрудных украшениях как триггер коммуникации

Украшения рассматриваются как способ визуального моделирования образа мира, равно как и знаки культурной идентичности этноса, которые являются формой, регламентирующей поведенческие установки по отношению к свободной или просватанной девице, жене, матери, вдове, т. е. служат универсальным триггером в акциональном коде устойчивой коммуникации. Они составляют ткань женского текста культуры, являясь показателем социального статуса.

Исследователи подчеркивают очистительную и охранительную функции металла: тувинцы «с давних пор знали полезные свойства серебра. Украшения носили как обереги, считая, что серебро имеет сакральное значение (не подпускает плохое к владельцу)» [Майны, Сат 2022: 27]; якуты выделяли сакрально-магическую силу серебряных украшений, их лечебные свойства [Саввинов 2001: 105]. А. К. Байбурин относит их «к числу предметов с постоянно высоким семиотическим статусом, по сути, это не „вещи“, а знаки, так как их „вещность“, утилитарность стремится к нулю, в то время как „знаковость“ выражена максимально» [Байбурин 1989: 73].

Нагрудное украшение якутов *илин кэбисэр* — ленточная композиция из рядов цепочек, S-образной формы ажурных звеньев, которая закрепляется металлическими гравированными заклепками или ровдужными завязками к гривне, «образуя щит на груди женщины. Градация по статусу: вариант девицы — символически менее загружен, это не „паспорт“, а программа судьбы, …благопожелание на выполнение женского предназначения» [Никифорова 2010: 60].

В украшениях преобладали геометрический и растительный орнаменты: «элементарные … символы обладают большей культурно-смысловой емкостью, <…> простые символы образуют символическое ядро культуры» [Лотман 2000: 242]. В пожеланиях на процветание рода включение вегетативного (трава, побежки, листья, цветы, сено, крупа и т. п.), хроматического и пушного (количество ворсинок и цвет) кодов считается культурной универсалией.

Якутские ювелиры в качестве базового элемента фурнитуры использовали сдвоенную S-образную спираль, образующую лиру: «„бегущая спираль“ <…> „лира“, узор из двух, соприкасающихся, зеркально расположенных асимметричных спиралей» [Павлинская 2014: 217]. Вариант нагрудного украшения рожавшей женщины утяжелен по центру крупной пластиной *кун* (солнце). Функция солярного знака на уровне груди — служить указателем и защитой для *ийэ кут*.

Пример украшения-трансформера не единичный в костюме якутов, ранее мы указывали на сборно-разборный характер конструкции украшения, в котором выразилась специфика сознания кочевников-скотоводов [Никифорова 2010: 119].

В тувинском костюме «женский эдектиг тон в качестве оберега и защиты семьи <…> декоративный элемент ооруk (богаа. — *Р. Х.*) — широкая кайма из черного бархата, красного шелка и золотой парчи» [Ховалыг 2022: 1299]. В *эдектиг тон* замужней женщины верхняя часть символизирует материнство и «защиту <…> святого материнского молока» [Сиянбиль, Сиянбиль 2000: 34].

Если в одних культурах принято максимально украшать девицу на выданье, то в традиционных культурах тувинцев и якутов пик украшательства приходится на замужнюю женщину фертильного возраста: мать, хозяйку дома. «Наибольшей полнотой, строгой обусловленностью …отличался женский набор украшений. Украшения молодой женщины у народов Южной Сибири в течение детородного периода были особенно изысканны, многочисленны, отличались сложным исполнением» [Михайлова 2006: 101].

Женский текст культуры якутов детально артикулируется для данной возрастной группы: также суровы прескрипции по акциональному коду. С одной стороны, в культуре наличествует большое количество табу, предполагающих заведомую греховность и нечистоту; с другой — женщина воспринимается как хранительница очага и мать семейства, наделяемая святостью. В детородном возрасте ее здоровье и жизнь наиболее уязвимы: высока была смертность во время беременности, при

родах и после. Серебряным украшениям здесь отводилась немаловажная роль: они «обладали особыми свойствами, способными предохранять, защищать, тем самым могли влиять на судьбу человека» [Саввинов 2001: 122].

Также одинаково якуты и тувинцы регулировали набор украшений для вдовы и состарившейся жены, он «значительно упрощался и сводился к минимуму, приближаясь к детскому („бесполому“) варианту» [Михайлова 2006: 73, 101–102]. Отметим, что украшение как маркер смены статуса также является культурной универсалией.

Итак, второй *күн* (солярный знак) нагрудного украшения якутов является знаком и щитом *ийе кут* (материнской души). Нагрудные украшения якутов, кроме обозначения *ийе кут*, служат упорядочению коммуникативных практик в обряде и повседневности, т. е. декларируют ожидаемые нормы публичного поведения, указывают на социальный статус владелицы.

По представлениям тувинцев, первая душа *муу-сунус* (плохая) прикреплена к аорте, связана с дыханием, можно было бы предположить, что располагается в области груди или пупа, но определить ее обозначение в костюме мы не смогли. Тувинцы локализацию *муу сунус* или *кол сунезин* (главная) предполагали в пупе, а пуповину, как и якуты, хранили всю жизнь.

7. Пояс как знак души и механизм инкультурации

Наборные пояса являются хронологическим индикатором и показателем социального статуса. Археологи считают, что широкий как более архаичный тип пояса возникает в культуре ранних кочевников. Узкие наборные пояса с профилированными накладными бляшками, являющимися характерными элементами древнетюркской культуры, относят к VII–VIII вв. [Павлинская 2006: 305; Чугунов 2016: 351–352; Добжанский 1990: 30; и др.].

В работе «Символика женских украшений…» было отмечено, что «пояс маркирует границу между сакральным верхом и материально-телесным низом, с которым связывается идея плодородия и сексуальной силы. Функция пояса в ритуале — включение человека в пространство культуры. Ритуалы завязывания / развязывания поясов интерпретируются как символическое размыкание и замыкание границ сакрального пространства; начало и конец коммуникации. Пояс символизирует мужскую силу, у девушек — невинность, у матерей семейства — упорядоченность сексуальных связей, у мальчиков — инициацию, включение в мир людей» [Никифорова 2010: 60–61]. У якутов «существовали и детские наборные пояса, которые, как можно предположить, надевались на мальчика, когда он впервые самостоятельно садился в седло» [Павлинская 2006: 306], подпоясался — готов предстать перед обществом равноправным членом.

Пряжки на поясе, по информации якутского народного мастера Б. Неустроева-Мандар Уус, в старину изготавливались в форме *күн* (солнце), что должно было служить указателем и оберегом в области пупа, месте обитания *буор кут* (земной души). Парадный пояс *кур* служил знаком статуса. «В женских погребениях обнаруживаются узкие кожаные пояса с 6–10 ажурными медными бляхами» [Гоголев 1993: 109]. Археологические данные свидетельствуют, что не было деления на мужские (узкие) и женские (широкие) кожаные пояса — эта тенденция наблюдается в современном национальном костюме саха. По гендерному признаку могли различаться орнаментация на пластинах и пряжках как ранее в тувинских, так и в якутских парадных поясах.

«До середины XIX в. тувинцы укрепляли на мужских кожаных поясах серебряные или медные прямоугольные, овальные или круглые бляхи <...> в конце XVIII в. наборные пояса были, вероятно, довольно широко распространены» [Вайнштейн 1974: 94]. Исходя из роли, которую выполняли кожаные ремни (*кур*) в костюме, «правильнее называть их воинскими парадными поясами» [Чугунов 2016: 336], что позволяет предположительно рассматривать их как хроноиндикаторы эпохи ранних кочевников. Известно, что до начала XX в. тувинцы вместо кушака подпоясывались ремнем, украшенным серебряными или медными бляхами [Потапов 1969: 215; Вайнштейн 1991: 178].

В тувинской культуре применительно к тканым поясам различие по гендерному признаку определялось хроматическим кодом культуры. Мужской пояс изготавливался из ткани синего и голубого цветов, женский — из красной. Особо нарядным считается пояс из шелковой ткани. «У юго-восточных тувинцев пояса надевали мальчикам с трехлетнего

возраста. С появлением пояса сайн-сунус (хорошая душа) „поселяется“ в нем и неотлучно обитает там до смерти человека. Потому его нельзя никому ни дарить, ни продавать» [Дьяконова 1975: 88]. О том, что пояс в тувинской культуре служил не только прагматическим целям, но выполнял и апотропеические функции, говорит то, что к нему «подвешивались амулеты, а у детей медные бубенчики» [Потапов 1969: 216]. И еще одна функция пояса: он замыкает границу между сакральным верхом и профанным низом. Вообще границы между телом и миром (края одежды) обязательно символически обозначались. В якутском вестиментарном коде — меховой оторочкой или бисерной вышивкой, в тувинском — хашем, цветным кантом по краю одежды. Подпоясывание буквально завершает процесс включения в культуру.

Таким образом, по представлениям тувинцев, *сайн-сунус* (хорошая душа) пребывает в поясе; у якутов поясная пряжка круглой формы служит знаком и защитой *буор кут* (земной души). Место пояса в структуре костюма подчеркивает его статус в коммуникации. Он осознается как предмет, связанный с акциональным кодом культуры: распоясался — преступил общественные нормы, подпоясался — зафиксировал границы культурной коммуникации.

8. Заключение

Поскольку украшения с усложнением общества становятся знаками престижа, они чаще подвержены изменениям, а в силу своей дороговизны лучше сохраняются. В вертикали костюма якутов три знака солнца визуализируют представления о трехчастном мире и защищают место локализации каждой из трех душ в теле человека. Верхний мир обозначен серебряным диском на головном украшении или навершии шапки. Функцией солярного знака на головных уборах является указание на локализацию и защиту воздушной души, одновременно он выполняет роль медиатора, транслятора и маркера, знака принадлежности к среднему миру. Средний мир обозначен вторым солярным знаком нагрудного украшения — защиты материнской души. И, наконец, нижний мир ограничен знаком на поясной металлической пряжке, защищает земную душу. По представлениям тувинцев первая душа (плохая) прикреплена к аорте и связана с дыханием, определить ее символическое обозначение в костюме и украшениях не удалось. В источниках голова предположительно рассматривается как вместилище средней души, которая выделена знаками на головном уборе (навершие шапки, нить счастья, бусина); в большинстве текстов прямо указана локализация хорошей души в поясе.

Якуты различают души по материалу, из которого они созданы. Первая, *салгын кут*, — из воздуха (символ гармонии, разума, небесного, божественного); вторая, *буор кут*, — из земли (символизирует мощь природы); третья, *ийе кут*, — материнская, синтезирует гармонию космоса и энергию хаоса, преобразуя божественное и природное в человеческое. У тувинцев имеется дифференциация душ по качественным характеристикам: плохая, средняя и хорошая. Якуты сохранили более архаический вариант корпуса символов. Возможно, разночтения определяются поздним влиянием буддизма на мировоззрение тувинцев, а также влиянием маньчжуро-китайской культуры, что могло повлечь изменения в костюме.

Мы определяем украшения как знаки идентичности самого высокого уровня — обитатель среднего мира (землянин). Они выполняют функцию маркера и оберега каждой из трех душ человека, а также медиатора между сакральным и профанным мирами, триггера в обрядовой коммуникации и указателя социального статуса владельца. В более общем плане украшения выполняют функции инструмента упорядочивания коммуникативных практик в обряде и повседневности, структурирования коллективной памяти, формы самопрезентации, этнической идентификации и дифференциации, потому активно участвуют в процессе сохранения культурного наследия и конструирования этнически маркированной идентичности.

Источники

Большой толковый 2012 — Большой толковый словарь якутского языка: в 15 тт. Т. IX / под ред. П. А. Слепцова. Новосибирск: Наука, 2012. 630 с.

Георги 1776 — *Георги И. Г.* Описание всех, в Российском государстве обитающих народов. Ч. II. СПб.: Иждив-м Ив. Глазунова при Имп. акад. наук, 1776. 188 с.

Катанов 2011 — *Катанов Н. Ф.* Очерки

Урянхайской земли. Дневник путешествия, совершенного по поручению Императорской академии наук и Императорского Русского географического общества / подгот. рукописи и коммент. А. К. Кужугет. Кызыл: ТИГИ при правительстве РТ, 2011. 384 с.

Линденау 1983 — *Линденау Я. И.* Описание народов Сибири (перв. пол. XVIII в.): ист.-этнограф. материалы о народах Сибири и Северо-Востока. Магадан: Кн. изд-во, 1983. 176 с.

Маак 1994 — *Маак Р. К.* Вилюйский округ. 2-е изд. М.: Яна, 1994. 592 с.

Материалы по истории 1970 — Материалы по истории Якутии XVII века (Документы ясачного сбора). Ч. 1–3. М.: Наука, 1970. 1269 с.

Миддендорф 1878 — *Миддендорф А. Ф.* Путешествие на Север и Восток Сибири: Север и восток Сибири в естественно-историческом отношении. Ч. II. Вып. 7. Отд. 6: Коренные жители Сибири. СПб.: Тип. Акад. наук. 1878. 331 с.

Пекарский 1958 — *Пекарский Э. К.* Словарь якутского языка. 2-е изд. В 3 тт. Т. I. Вып. 1–4. А–К. М.: АН СССР, 1958. 1280 стлб.

Потанин 1867 — *Потанин Г. Н.* Материалы для истории Сибири. М.: Университетская тип. (Катков и К.), 1867. 324 с.

Серошевский 1993 — *Серошевский В. Л.* Якуты: Опыт этнографического исследования. 2-е изд. М.: РОССПЭН, 1993. 736 с.

Тенишев 1968 — *Тенишев Э. Р.* Тувинско-русский словарь. М.: Советская энциклопедия, 1968. 468 с.

Щукин 1844 — *Щукин Н. С.* Поездка в Якутск. СПб.: Тип. Деп-та военных поселений, 1844. 315 с.

Этимологический словарь 2004 — Этимологический словарь тувинского языка / сост. Б. И. Татаринцев; отв. ред. Д. А. Монгуш. Т. III: К–Л. Новосибирск: Наука, 2004. 440 с.

Этимологический словарь 2018 — Этимологический словарь тувинского языка / сост. Б. И. Татаринцев; отв. ред. Н. Н. Широбокова. Т. V: С. Новосибирск: Наука, 2018. 180 с.

Sources

Georgi J. G. Description of All Peoples Inhabiting the Russian State. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences, 1776. Pt. 2. 188 p. (In Russ.)

Katanov N. F. Essays on the Uryankhay Land: A Journal of the Travel Undertaken under Instructions from Imperial Academy of Sciences and Imperial Russian Geographical Society. A. Kuzhuget (text prep., comment.). Kyzyl: Tuvan Humanities Research Institute, 2011. 384 p. (In Russ.)

Lindenau J. J. Description of Siberian Peoples, Early-to-Mid Eighteenth Century: Materials in the History and Ethnography of Peoples Inhabiting Siberia and Northeast [Russia]. Magadan: Magadan Book Publ., 1983. 176 p. (In Russ.)

Maack R. K. Vilyuysky District. Second edition. Moscow: Yana, 1994. 592 p. (In Russ.)

Middendorff A. F. Travels to the North and East of Siberia: Northern and Eastern Siberia in Natural and Historical Perspectives. Pt. 2. Is. 7. Section 6: Native Inhabitants of Siberia. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences, 1878. 331 p. (In Russ.)

Pekarsky E. K. Dictionary of the Yakut Language. Second edition. In 3 vols. Vol. 1. Is. 1–4: A–K. Moscow: USSR Academy of Sciences, 1958. 1280 cols. (In Yak. and Russ.)

Potanin G. N. Materials for the History of Siberia. Moscow: Katkov & Co., 1867. 324 p. (In Russ.)

Seroshevsky V. L. Yakuts: An Ethnographic Study. Second edition. Moscow: ROSSPEN, 1993. 736 p. (In Russ.)

Shchukin N. S. Journey to Yakutsk. St. Petersburg: Department of Military Settlements, 1844. 315 p. (In Russ.)

Shvetsova T. M. (ed.) Materials in the History of Seventeenth-Century Yakutia: Documents Dealing with Yasak Collections. Moscow: Nauka, 1970. Pts. 1–3. 1269 p. (In Russ.)

Sleptsov P. A. (ed.) Unabridged Explanatory Dictionary of the Yakut Language. In 15 vols. Vol. 9. Novosibirsk: Nauka, 2012. 630 p. (In Yak. and Russ.)

Tatarintsev B. I. (comp.) Etymological Dictionary of the Tuvan Language. D. Mongush (ed.). Vol. 3: K–L. Novosibirsk: Nauka, 2004. 440 p. (In Tuv. and Russ.)

Tatarintsev B. I. (comp.) Etymological Dictionary of the Tuvan Language. N. Shirobokova. Vol. 5: C. Novosibirsk: Nauka, 2018. 180 p. (In Tuv. and Russ.)

Tenishev E. R. Tuvan-Russian Dictionary. Moscow: Sovetskaya Entsiklopediya, 1968. 468 p. (In Tuv. and Russ.)

Литература

Алексеев 2008 — *Алексеев Н. А.* Этнография и фольклор народов Сибири. Новосибирск: Наука, 2008. 494 с.

Анохин 1994 — А*нохин А. В.* Материалы по шаманству у алтайцев. Горно-Алтайск: Ак Чечек, 1994. 152 с.

Байбурин 1989 — *Байбурин А. К.* Семиотические аспекты функционирования вещей // Этнографическое изучение знаковых средств культуры / отв. ред. А. С. Мыльников. Л.: Наука, 1989. С. 63–88.

Байбурин 1993 — *Байбурин А. К.* Ритуал в традиционной культуре: структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. СПб.: Наука, 1993. 240 с.

Бравина 2005 — *Бравина Р. И.* Концепция жизни и смерти в культуре этноса: на материале традиций саха. Новосибирск: Наука, 2005. 307 с.

Вайнштейн 1974 — *Вайнштейн С. И.* История народного искусства Тувы. М.: Наука, 1974. 224 с.

Вайнштейн 1991 — *Вайнштейн С. И.* Мир кочевников центра Азии. М.: Наука, 1991. 296 с.

Гаврильева 1998 — *Гаврильева Р. С.* Одежда народа саха конца XVII – середины XVIII века. Новосибирск: Наука, 1998. 144 с.

Гоголев 1993 — *Гоголев А. И.* Якуты (проблемы этногенеза и формирования культуры). Якутск: ЯГУ, 1993. 200 с.

Добжанский 1990 — *Добжанский В. Н.* Наборные пояса кочевников Азии. Новосибирск: НГУ, 1990. 164 с.

Дьяконова 1958 — *Дьяконова В. П.* Старинные шейные украшения // Сборник Музея антропологии и этнографии. Т. XVIII. М.; Л.: АН СССР, 1958. С. 179–186.

Дьяконова 1960 — *Дьяконова В. П.* Материалы по одежде тувинцев // Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции 1957–1958 гг.: в 3 тт. Т. 1. М.; Л.: АН СССР, 1960. С. 238–266.

Дьяконова 1975 — *Дьяконова В. П.* Погребальный обряд тувинцев как историко-этнографический источник. Л.: Наука, 1975. 164 с.

Дыртык-оол 2014 — *Дыртык-оол А. О.* Тувинские женские украшения в коллекции Национального музея Республики Тыва // Siberian Journal of Life Sciences and Agriculture. [S. l.]. 2014. No. 5.1. Pp. 251–258. DOI: 10.12731/wsd-2014-5.1-251-258

Зыков 1976 — *Зыков Ф. М.* Ювелирные изделия якутов. Якутск: Кн. изд-во, 1976. 64 с.

Кенин-Лопсан 1987 –— *Кенин-Лопсан М. Б.* Обрядовая практика и фольклор тувинского шаманства: конец XIX – начало XX века. Новосибирск: Наука, 1987. 165 с.

Килуновская, Фролов 2020 — *Килуновская М. Е., Фролов Я. В.* Сравнительный анализ поясных украшений скифского времени Барнаульского Приобья и Тувы // Вещь в контексте погребального обряда: мат-лы Междунар. науч. конф. (г. Москва, 28–30 января 2020 г.) / отв. ред. С. А. Яценко, Е. В. Куприянова. М.: РГГУ, 2020. С. 126–138.

Ксенофонтов 1992 — *Ксенофонтов Г. В.* Шаманизм. Избранные труды (Публикации 1928–1929 гг.). Якутск: Север-Юг, 1992. 318 с.

Кухта, Майны, Монгуш 2017 — *Кухта М. С., Майны Ш. Б., Монгуш Ч. Х.* Культурная семантика этно-дизайна традиционных украшений Тувы // Успехи современной науки и образования. 2017. Т. 6. № 4. С. 92–95.

Лотман 2000 — *Лотман Ю. М.* Семиосфера. СПб.: Искусство-СПб., 2000. 704 с.

Львова и др. 1989 — *Львова Э. Л., Октябрьская И. В., Сагалаев А. М., Усманова М. С.* Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Человек. Общество. Новосибирск: Наука, 1989. 243 с.

Майны, Кухта 2019 — *Майны Ш. Б., Кухта М. С.* Тувинский костюм: традиции и современность // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2019. № 36. С. 232–242. DOI: 10.17223/22220836/36/22

Майны, Кухта 2020 — *Майны Ш. Б., Кухта М. С.* Сакральная семантика тувинского традиционного костюма // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2020. № 40. С. 242–249. DOI: 10.17223/22220836/40/22

Майны, Сат 2022 — *Майны Ш. Б., Сат О. С.* Технология изготовления женских накосных украшений тувинцев в современных условиях // Вестник Тувинского государственного университета. Вып. 1. Социальные и гуманитарные науки. 2022. № 3(96). С. 24–40. DOI: 10.24411/2221-0458-2022-96-24-40

Михайлова 2006 — *Михайлова Е. А.* Съемные украшения народов Сибири // Украшения народов Сибири (Сборник МАЭ. Т. LI) / отв. ред. Л. Р. Павлинская. СПб.: МАЭ РАН, 2006. С. 12–119.

Никифорова 2010 — *Никифорова С. В.* Симво-

лика женских украшений: культурные коды традиционной повседневности саха (якутов). СПб.: Астерион, 2010. 220 с.

Новик 2019 — *Новик Е. С.* Миф и ритуал народов Сибири: Избранные статьи. М.: РГГУ, 2019. 451 с.

Павлинская 2006 — *Павлинская Л. Р.* Наборные пояса в культурах Сибири // Украшения народов Сибири (Сборник МАЭ. Т. LI) / отв. ред. Л. Р. Павлинская. СПб.: МАЭ РАН, 2006. С. 302–341.

Павлинская 2014 — *Павлинская Л. Р.* Якутский художественный металл в историко-этнографическом аспекте // Всадники Северной Азии и рождение этноса: этногенез и этническая история саха: мат-лы Всерос. науч. конф. (г. Якутск, 24–26 октября 2012 г.) / отв. ред. А. Н. Алексеев; редкол.: Е. Н. Романова, Р. И. Бравина, Н. К. Данилова. Новосибирск: Наука, 2014. С. 212–225.

Петрова 1999 — *Петрова С. И.* Традиционная одежда и мировоззрение наших предков. Якутск: Бичик, 1999. 80 с.

Петрова 2006 — *Петрова С. И.* Свадебный наряд якутов: традиции и реконструкция. Новосибирск: Наука, 2006. 104 с.

Петрова, Заболоцкая 2013 — *Петрова С. И., Заболоцкая З. М.* Народный костюм якутов: историко-этнографическое и искусствоведческое исследование. Новосибирск: Наука, 2013. 208 с.

Потапов 1969 — *Потапов Л. П.* Очерки народного быта тувинцев. М.: Наука, 1969. 402 с.

Потапов 1991 — *Потапов Л. П.* Алтайский шаманизм. Л.: Наука, 1991. 321 с.

Прокопьева, Яковлева 2021 — *Прокопьева А. Н., Яковлева К. М.* История изучения якутских украшений в XIV–XVIII вв. // Oriental Studies. 2021. Т. 14. № 6. С. 1290–1303. DOI: 10.22162/2619-0990-2021-58-6-1290-1303

Прокофьева 2011 — *Прокофьева Е. Д.* Процесс национальной консолидации тувинцев. СПб.: Наука, 2011. 538 с.

Саввинов 2001 — *Саввинов А. И.* Традиционные металлические украшения якутов: XIX – начало XX века (Историко-этнографическое исследование). Новосибирск: Наука, 2001. 171 с.

Сиянбиль, Сиянбиль 2000 — *Сиянбиль М. О.,* Сиянбиль А. А. Традиционный тувинский костюм (История. Символика). Кызыл: Тип. Госком-та по печати и масс. инф. РТ, 2000. 72 с.

Слепцов 1989 — *Слепцов П. А.* Традиционная семья и обрядность у якутов (XIX – начало XX в.). Якутск: Якутск. кн. изд-во, 1989. 159 с.

Ховалыг 2018 — *Ховалыг Р. Б.* Тувинская традиционная одежда. Новосибирск: Наука, 2018. 336 с.

Ховалыг 2020 — *Ховалыг Р. Б.* Одежда тувинских женщин конца XIX – начала XX вв. // Ермолаевские чтения: мат-лы IV научно-практ. конф. (г. Кызыл, 22 июня 2020 г.). Кызыл: НМ РТ, 2020. С. 43–50. DOI: 10.24412/2686-9624-2020-43-50

Ховалыг 2022 — *Ховалыг Р. Б.* Историко-этнографические аспекты тувинской женской наплечной одежды «эдектиг тон» // Oriental Studies. 2022. Т. 15. № 6. С. 1293–1307. DOI: 10.22162/2619-0990-2022-64-6-1293-1307

Чугунов 2016 — *Чугунов К. В.* Парадные пояса кочевников Азии в раннескифское время // Алтай в кругу Евразийских древностей / отв. ред. А. П. Деревянко, В. И. Молодин. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2016. С. 336–356.

References

Alekseev N. A. Peoples of Siberia: Ethnography and Folklore. Novosibirsk: Nauka, 2008. 494 p. (In Russ.)

Anokhin A. V. Materials on Altaian Shamanism. Gorno-Altaysk: Ak Chechek, 1994. 152 p. (In Russ.)

Baiburin A. K. Ritual in Traditional Culture: Analyzing Structural Semantics of East Slavic Customs and Rites. St. Petersburg: Nauka, 1993. 240 p. (In Russ.)

Baiburin A. K. Things and semiotic aspects of their functioning. In: Mylnikov A. S. (ed.) Ethnographic Research into Semiotic Means of Culture. Leningrad: Nauka, 1989. Pp. 63–88. (In Russ.)

Bravina R. I. Concepts of Life and Death in Ethnic Culture: Analyzing Traditions of the Sakha. Novosibirsk: Nauka, 2005. 307 p. (In Russ.)

Chugunov K. V. Parade belts of Asian nomads from the Scythian era. In: Derevyanko A. P., Molodin V. I. (eds.) Altai among the Eurasian Antiquities. Novosibirsk: Institute of Archaeology and Ethnography (SB RAS), 2016. Pp. 336–356. (In Russ.)

Dobzhansky V. N. Plated Belts of Asian Nomads. Novosibirsk: Novosibirsk State University, 1990. 164 p. (In Russ.)

Dyakonova V. P. Materials on Tuvan traditional garments. In: Comprehensive Archaeological and Ethnographic Expedition to Tuva (1957–1958). Proceedings. In 3 vols. Moscow,

Leningrad: USSR Academy of Sciences, 1960. Vol. 1. Pp. 238–266. (In Russ.)

Dyakonova V. P. Old-time neck adornments. In: Collected Papers of the Museum of Anthropology and Ethnography. Moscow, Leningrad: USSR Academy of Sciences, 1958. Vol. 18. Pp. 179–186. (In Russ.)

Dyakonova V. P. Tuvan Funeral Rites as a Source in History and Ethnography. Leningrad: Nauka, 1975. 164 p. (In Russ.)

Dyrtykool A. O. Tuvan women's jewelry in the collection of the National Museum of the Republic of Tuva. *Siberian Journal of Life Sciences and Agriculture*. 2014. No. 5.1. Pp. 251–258. (In Russ.) DOI: 10.12731/wsd-2014-5.1-251-258

Gavrilyeva R. S. Garments of the Sakha: Late Seventeenth to Mid-Eighteenth Centuries. Novosibirsk: Nauka, 1998. 144 p. (In Russ.)

Gogolev A. I. Yakuts: Issues of Ethnic and Cultural Genesis. Yakutsk: Yakutsk State University, 1993. 200 p. (In Russ.)

Kenin-Lopsan M. B. Ritual Practices and Folklore of Tuvan Shamans: Late Nineteenth to Early Twentieth Centuries. Novosibirsk: Nauka, 1987. 165 p. (In Russ.)

Khovalyg R. B. Clothing of Tuvan women of the late XIX – early XX centuries. In: Fourth Yermolaev Readings. Conference proceedings (Kyzyl, 22 June 2020). Kyzyl: Aldan Maadyr National Museum of Tuva, 2020. Pp. 43–50. (In Russ.) DOI: 10.24412/2686-9624-2020-43-50

Khovalyg R. B. Edektig ton: Historical and ethnographic aspects of the Tuvan women's shoulder garment. *Oriental Studies*. 2022. Vol. 15. No. 6. Pp. 1293–1307. (In Russ.) DOI: 10.22162/2619-0990-2022-64-6-1293-1307

Khovalyg R. B. Traditional Tuvan Garments. Novosibirsk: Nauka, 2018. 336 p. (In Russ.)

Kilunovskaya M. E. Frolov Ya. V. Comparative analysis of the belt details of Scythian time from Barnaul Ob' basin and Tuva. In: Yatsenko S. A., Kupriyanova E. V. (eds.) Artifact in the Context of Funeral Rites. Conference proceedings (Moscow, 28–30 January 2020). Moscow: Russian State University for the Humanities, 2020. Pp. 126–138. (In Russ.)

Ksenofontov G. V. Shamanism: Selected Works (Publications of 1928–1929). Yakutsk: Sever-Yug, 1992. 318 p. (In Russ.)

Kukhta M. S., Mainy Sh. B., Mongush Ch. Kh. Traditional adornments of Tuva: Cultural semantics of ethnic design. *Uspekhi sovremennoy nauki i obrazovaniya*. 2017. Vol. 6. No. 4. Pp. 92–95. (In Russ.)

Lotman Yu. M. Semiosphere. St. Petersburg: Iskusstvo-SPb, 2000. 704 p. (In Russ.)

Lvova E. L., Oktyabrskaya I. V., Sagalaev A. M., Usmanova M. S. Traditional Worldviews of South Siberian Turks: Man and Society. Novosibirsk: Nauka, 1989. 243 p. (In Russ.)

Mainy Sh. B., Kukhta M. S. Sacred semantics of Tuvan traditional costume. *Tomsk State University Journal of Cultural Studies and Art History*. 2020. No. 40. Pp. 242–249. (In Russ.) DOI: 10.17223/22220836/40/22

Mainy Sh. B., Kukhta M. S. Tuva costume: Traditions and modernity. *Tomsk State University Journal of Cultural Studies and Art History*. 2019. No. 36. Pp. 232–242. (In Russ.) DOI: 10.17223/22220836/36/22

Mainy Sh. B., Sat O. S. Technology of manufacturing of women's jewelry of Tuvans in modern conditions. *Vestnik of Tuvan State University. Issue 1. Social Sciences and Humanities*. 2022. No. 3(96). Pp. 24–40. (In Russ.) DOI: 10.24411/2221-0458-2022-96-24-40

Mikhaylova E. A. Removable adornments of Siberian peoples. In: Pavlinskaya L. R. (ed.) Adornments of Siberian Peoples (Collected Papers of MAE 51). St. Petersburg: Museum of Anthropology and Ethnography (RAS), 2006. Pp. 12–119. (In Russ.)

Nikiforova S. V. Symbolism of Women's Adornments: Cultural Codes in Traditional Everyday Life of the Sakha. St. Petersburg: Asterion, 2010. 220 p. (In Russ.)

Novik E. S. Myth and Ritual of Native Siberians: Selected Articles. Moscow: Russian State University for the Humanities, 2019. 451 p. (In Russ.)

Pavlinskaya L. R. Plated belts in Siberian cultures. In: Pavlinskaya L. R. (ed.) Adornments of Siberian Peoples (Collected Papers of MAE 51). St. Petersburg: Museum of Anthropology and Ethnography (RAS), 2006. Pp. 302–341. (In Russ.)

Pavlinskaya L. R. Yakut metal craft: A perspective from history and ethnography. In: Alekseev A. N. et al. (eds.) Horsemen of North Asia and Birth of Ethnos: Ethnogenesis and Ethnic History of the Sakha. Conference proceedings (Yakutsk, 24–26 October 2012). Novosibirsk: Nauka, 2014. Pp. 212–225. (In Russ.)

Petrova S. I. Traditional Garments and Worldviews of Our Ancestors. Yakutsk: Bichik, 1999. 80 p. (In Russ.)

Petrova S. I. Yakut Wedding Rites: Tradition and Reconstruction. Novosibirsk: Nauka, 2006. 104 p. (In Russ.)

Petrova S. I., Zabolotskaya Z. M. Yakut Folk Costume: A Study in History, Ethnography and Art Criticism. Novosibirsk: Nauka, 2013. 208 p. (In Russ.)

Potapov L. P. Altaian Shamanism. Leningrad: Nauka, 1991. 321 p. (In Russ.)

Potapov L. P. Traditional Everyday Life in Tuva: Essays. Moscow: Nauka, 1969. 402 p. (In Russ.)

Prokofyeva E. D. Tuvan Ethnic Consolidation. St. Petersburg: Nauka, 2011. 538 p. (In Russ.)

Prokopieva A. N., Yakovleva K. M. 14th–18th century Sakha jewelry: History of research reviewed. *Oriental Studies*. 2021. Vol. 14. No. 6. Pp. 1290–1303. (In Russ.) DOI: 10.22162/2619-0990-2021-58-6-1290-1303

Savvinov A. I. Traditional Yakut Metal Adornments, Nineteenth to Early Twentieth Centuries: A Study in History and Ethnography. Novosibirsk: Nauka, 2001. 171 p. (In Russ.)

Siyanbil M. O., Siyanbil A. A. Traditional Tuvan Costume: History and Symbolism. Kyzyl: Tyva Committee for Mass Media and Publishing, 2000. 72 p. (In Russ.)

Sleptsov P. A. Traditional Yakut Family and Rites: Nineteenth to Early Twentieth Centuries. Yakutsk: Yakutsk Book Publ., 1989. 159 p. (In Russ.)

Vainshtein S. I. The World of Nomads in the Center of Asia. Moscow: Nauka, 1991. 296 p. (In Russ.)

Vainshtein S. I. Tuva: A History of Folk Art. Moscow: Nauka, 1974. 224 p. (In Russ.)

Zykov F. M. Yakut Jewelry. Yakutsk: Yakutsk Book Publ., 1976. 64 p. (In Russ.)

Published in the Russian Federation
Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
Has been issued as a journal since 2008
ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
Vol. 16, Is. 5, Pp. 1265–1277, 2023
Journal homepage: https://kigiran.elpub.ru

CC BY NC ND

УДК / UDC 572.021(571.56)
DOI: 10.22162/2619-0990-2023-69-5-1265-1277

Антропология холода: восприятие деградации мерзлоты сельскими жителями Республики Саха (Якутия)

Лилия Иннокентьевна Винокурова[1], *Степан Алексеевич Григорьев*[2]

[1] Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН (д. 1, ул. Петровского, 677027 Якутск, Российская Федерация)
кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник
0000-0002-5779-6893. E-mail: lilivin[at]mail.ru

[2] Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН (д. 1, ул. Петровского, 677027 Якутск, Российская Федерация)
кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
0000-0001-9365-0122. E-mail: detample[at]yandex.ru

© КалмНЦ РАН, 2023
© Винокурова Л. И, Григорьев С. А., 2023

Аннотация. *Введение.* Территория Республики Саха (Якутия) — крупнейшего северо-восточного субъекта РФ — расположена в зоне вечномерзлых грунтов. В настоящее время деградация мерзлоты оказывает значительное влияние прежде всего на повседневную жизнь сельского населения, сохраняющего традиционные занятия, зависимые от состояния природной среды. Статья представляет результаты исследований, проведенных в рамках проекта Российского научного фонда (№ 19-78-10088) «Антропология холода: естественные низкие температуры в системе жизнеобеспечения сельских сообществ Якутии (традиционные практики, вызовы современности и стратегии адаптации)» в Амгинском улусе (районе) Республики Саха (Якутия). *Целью* статьи является анализ локального опыта адаптации населения к актуальным и потенциальным угрозам, связанным с последствиями таяния мерзлоты и возникающего дефицита холода. *Материалами* послужили собранные за полевые сезоны 2019, 2020 и 2022 гг. экспертные интервью, результаты опросов и анкетирования жителей с. Амги в совокупности с визуальными наблюдениями за ландшафтом. *Методологической основой* послужили принципы, заложенные исследователями антропологии холода, новым элементом послужил персональный подход, фокусирующий внимание на личностном восприятии респондентами происходящих изменений. *Результаты.* Выявлены определенные модели индивидуального поведения сельских жителей в ситуации возникающих угроз. Изучены личностные аспекты восприятия деградации мерзлоты разными группами сельских жителей, обозначены актуальные вызовы в виде лимитирования площадей для ведения сельского хозяйства, процессов деформации жилого фонда и социальной инфраструктуры села. Установлено, что местные жители стремятся адаптироваться к текущим изменениям путем применения новых технологий, внедрения со-

временных конструктивных элементов, ранее редко или совсем не применявшихся в практиках сельской местности. Отмечено, что изменения в мерзлотных грунтах несут в себе как прямые, так и косвенные угрозы, последствия от которых могут проявиться в «отложенной» перспективе. Особенно важно наличие прямых рисков для традиционных в данном районе скотоводства и земледелия, что усиливает давление на социальную стабильность и трудовую занятость.
Ключевые слова: Якутия, Арктика, антропология холода, сельская повседневная жизнь, вечная мерзлота, дефицит холода
Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ в рамках проекта «Антропология холода: естественные низкие температуры в системе жизнеобеспечения сельских сообществ Якутии (традиционные практики, вызовы современности и стратегии адаптации)» (№ 19-78-10088, https://www.rscf.ru/project/19-78-10088/) с использованием научного оборудования Центра коллективного пользования Федерального исследовательского центра Якутского научного центра СО РАН в рамках реализации мероприятий по гранту № 13. ЦКП.21.0016.
Для цитирования: Винокурова Л. И., Григорьев С. А. Антропология холода: восприятие деградации мерзлоты сельскими жителями Республики Саха (Якутия) // Oriental Studies. 2023. Т. 16. № 5. С. 1265–1277. DOI: 10.22162/2619-0990-2023-69-5-1265-1277

Cryoanthropology: Perceptions of Permafrost Degradation by Rural Residents of the Sakha Republic (Yakutia)

Liliia I. Vinokurova[1], *Stepan A. Grigorev*[2]

[1] Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North of the Siberian Branch of the RAS (1, Petrovsky St., 677027 Yakutsk, Russian Federation)
Cand. Sc (History), Leading Research Associate
0000-0002-5779-6893. E-mail: lilivin[at]mail.ru

[2] Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North of the Siberian Branch of the RAS (1, Petrovsky St., 677027 Yakutsk, Russian Federation)
Cand. Sc (History), Senior Research Associate
0000-0001-9365-0122. E-mail: detample[at]yandex.ru

© KalmSC RAS, 2023
© Vinokurova L. I., Grigorev S. A., 2023

Abstract. *Introduction*. The Sakha Republic (Yakutia) — the largest northeastern federal subject of Russia — is distinguished by that it rests on permafrost. The present-day permafrost degradation has significant impacts on rural everyday life characterized by persistent traditional economic practices largely dependent on environmental conditions. *Goals*. The article seeks to analyze some local experiences of human adaptations to current and potential threats resulting from permafrost thawing and cold deficit. *Materials and methods*. To facilitate this, the paper shall introduce materials collected during 2019, 2020 and 2022 field surveys, the former to include expert interviews, results of questionnaires filled in by residents of Amga village, and our visual landscape observations. Historical and anthropological approaches prove most instrumental, as is the personal history method that focuses on the respondents' individual perceptions of the ongoing changes. *Results*. The study identifies some patterns of individual behavior adopted by rural residents in the face of emerging climate threats. Special attention is paid to separate aspects of how various rural groups tend to perceive permafrost degradation. The paper resumes that the most pressing challenges include agricultural land reduction, deterioration of rural housing stock and social infrastructure. It has been revealed that residents of Amga village strive to adapt to the current changes via the use of new technologies and introduction of modern construction elements that used to be rare or completely absent in rural practices. The work emphasizes there are both direct and indirect threats — including the 'delayed' ones — resulting from the changes in permafrost soils. So, certain direct risks for the traditional livestock-breeding and

agricultural agendas do increase pressure on social stability and employment.
Keywords: Yakutia, Arctic, cryoanthropology, rural everyday life, permafrost, cold deficiency
Acknowledgements. The reported study was funded by Russian Science Foundation, grant no. 19-78-10088 'Cryoanthropology: Natural Low Temperatures in the Life Subsistence System of Yakutia's Rural Communities (Traditional Practices, Modern Challenges and Adaptation Strategies)'. Some laboratory investigations conducted with the aid of scientific equipment at Yakut Scientific Center (SB RAS, Research Equipment Sharing Department) under grant no. 13. ЦКП.21.0016.
For citation: Vinokurova L. I., Grigorev S. A. Cryoanthropology: Perceptions of Permafrost Degradation by Rural Residents of the Sakha Republic (Yakutia). *Oriental Studies*. 2023; 16(5): 1265–1277. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2023-69-5-1265-1277

1. Введение

Климатические изменения и их социальные последствия становятся все более важным фактором в развитии человечества и вызывают растущее внимание научного сообщества. Динамика изменений, а также скорость, с которой они происходят, не всегда предоставляют возможность этническим группам, сохраняющим традиционные хозяйственные занятия в различных регионах планеты, своевременно реагировать и адаптироваться к меняющимся условиям окружающей среды. На территориях Арктики и Севера, включая Якутию, коренные народы подвержены растущему воздействию климатических изменений, вызванных глобальным потеплением. Новые климатические реалии налагают свой отпечаток на социально-экономическое и культурное развитие коренного населения, создают проблемы, требующие своевременного ответа [Ulrich et al. 2017; Fedorov 2019; Лобанов, Кириллина 2019; Федоров 2020; Lytkin et al. 2021].

На разных уровнях изучения данного явления сложность представляет выявление самого факта воздействия климатических трансформаций на образ жизни людей, его сепарация от других факторов, влияющих на повседневную жизнь людей, а также определение обстоятельств, при которых оно происходит. Чрезвычайные ситуации в виде стихийных бедствий (наводнения, лесные пожары, засуха и т. д.), несомненно, больше притягивают к себе внимание, часто именно после таких природных происшествий локальные социумы и попадают в фокус антрополого-энвайроментальных исследований, становясь объектом исследований по разным вопросам изменения окружающей среды.

Гораздо более трудноуловимыми являются постепенные деградационные процессы, не несущие в себе очевидной экстремальности, но оказывающие растянутое во времени значительное стрессовое воздействие на население. К ним относится таяние многолетней мерзлоты в северо-восточной Азии и связанный с этим комплекс разнообразных трансформаций в местной природной среде. Помимо того, что изменения подобного характера очень многогранны и динамически неоднородны, их фиксация и оценка местными жителями также неоднозначны. Даже в небольших сообществах есть группы, которые по-разному воспринимают изменения климата, и на их восприятие влияет широкий спектр переменных, таких как локальные погодные явления, личный опыт, пол и образование [Ayal, Filho 2017; Wolf, Allice, Bell 2013].

Следует отметить, что существуют большие различия в оценке изменений климата у ученых и местных жителей. Исследования показывают: дифференция в восприятии проявляется в том, что ученые рассматривают целевую область с точки зрения своих собственных интересов или исследовательских вопросов при том, что для местных жителей существует много других факторов, влияющих на их отношение к данной проблеме [Takakura et al. 2021].

Фиксация сдвигов в восприятии климатических изменений у локальных сообществ часто осуществляется методом анкетирования либо всеобщего опроса населения. Несмотря на то, что, вероятно, это продуктивный способ определения общественного мнения и его отношения к происходящему, данная методология нередко упускает отдельные детали и подробности местных знаний о трансформации окружающей среды.

В этом ключе более детальным источником информации становятся личные истории, выявляемые посредством глубинного интервьюирования. Разработка вопросов персональной истории в контексте изменения состояния окружающей среды, фактически игнорировавшихся ранее в историографии, позволяет значительно дополнить панораму «конца „вечной“ мерзлоты» для сложившихся на Севере систем жизнеобеспечения.

Влияние климатических условий на жизнедеятельность населения Севера и Арктики достаточно освещено как в отечественной, так и в мировой историографии. Исследования, посвященные угрозам изменений климата для социально-экономического положения и повседневной жизни сельского населения Якутии, а также мерам по их преодолению, в разные годы проводились якутскими исследователями Л. И. Винокуровой, С. И. Бояковой, А. Н. Саввиновой, В. В. Филипповой и др. [Винокурова 2011; Боякова 2016; Savvinova et al. 2016]. Среди результатов международного междисциплинарного сотрудничества по изучению изменений климата в Республике Саха (Якутия) следует отметить работы Х. Такакура, основанные на длительных полевых наблюдениях [Living in Siberia 2012; Takakura 2015; Takakura 2016].

В то же время исследования, направленные на изучение значимых перемен окружающей среды, в том числе изменения роли естественных низких температур в повседневной жизни коренного населения Якутии, пока немногочисленны. Необходимо указать на развитие нового научного направления междисциплинарных исследований — антропологию холода, в которой выдвинуты основные гуманитарные аспекты темы взаимоотношений человека с природным холодом. Вышли в свет пионерные работы А. А. Сулейманова, в которых выявлены исторически сложившиеся практики использования ресурсов холода во всех его проявлениях в виде не только естественных низких температур, но также снега, льда и вечной мерзлоты [Сулейманов 2022а; Сулейманов 2022в]. При этом исследователем сформулирована проблема растущего «дефицита холода» из-за деградации вечномерзлых грунтов. Таяние казавшегося «вечным» подземного льда актуализируется, и не только в чисто научном дискурсе, в силу видимых экономических и социальных последствий [Сулейманов 2022б; Vinokurova, Filippova, Solovyeva 2022; Григорьев 2022].

2. Материалы, методы, обзор

Обзор существующих работ по деградации вечной мерзлоты в Якутии показывает, что зачастую недостаточно внимания уделяется хозяйственной специфике территорий. Исходя из этого, внимание авторов статьи было сфокусировано на землях Амгинского улуса Республики Саха (Якутия), где исторически были развиты не только традиционное скотоводство, но и земледелие, привнесенное русскими в XVII в. и перенятое у них коренными жителями. Такой выбор позволяет изучать спектр мнений людей, непосредственно или опосредованно соприкасающихся с землей, с земельными ресурсами в самых разных ракурсах. Обследованный контингент обладает длительным личным опытом наблюдений за большими культивированными площадями.

Район исследований — село Амга — расположен в юго-восточной части Центральной Якутии, на левобережье р. Амги. Местный климат резко континентальный, а среднегодовая температура воздуха для метеостанции «Амга» составляет –8,3°С. Средние январские значения достигают –40,8°С, а июльские — +17,6°С. Годовое количество осадков в регионе составляет в среднем 270 мм [Lytkin et al. 2021: 4]. Историческая значимость территории исследований заключается в том, что с. Амга оказалось одним из первых мест, где русское население, переселявшееся в Якутию в XVII в., пыталось адаптировать свои земледельческие практики в местных природных условиях. По сведениям Ф. Г. Сафронова, первая попытка заселения русскими землепашцами среднего течения Амги относится к 1652 г., к 1685 г. в Амгинской слободе проживало уже 17 семей, возделывавших 164 га земли. В 1862 г. население Амгинской слободы составляло уже 798 чел., занимавшихся земледелием и скотоводством [Сафронов 1978: 14–15].

После 1917 г. с. Амга прошло обычный путь советизации и коллективизации, в 1929 г. в Амге была организована сельскохозяйственная артель «Луч». Вскоре на ее основе возник колхоз «Победа». С 1930 г. село является центром Амгинского улуса

(района). Позднее этот колхоз вошел в состав совхоза «Амгинский», просуществовавший до распада СССР. После развала совхозной системы в сфере сельского хозяйства района возникли малочисленные предприятия, представляющие как государственную, так и частную формы собственности. При этом необходимо подчеркнуть, что произошел существенный секвестр площади возделываемых земель. Территории бывших пашен либо были заброшены, либо стали застраиваться. В настоящее время сельское хозяйство остается основой экономики Амгинского района, основные отрасли — это мясомолочное скотоводство, мясное табунное коневодство и выращивание сельскохозяйственных культур — овощей, зерновых и кормовых.

Полевые исследования в с. Амге нами проводились в сентябре 2019, 2020 и 2022 гг. За эти сезоны были произведены выборочное анкетирование (более 100 чел.), интервьюирование и экспертный опрос, которым было охвачено в целом 58 человек[1]. Для определения подходящих респондентов использовался метод «снежного кома»: через личные связи респондентов были выявлены, опрошены и проинтервьюированы старожилы села обоего пола, местные краеведы и носители традиционного знания, служащие, фермеры, руководители учреждений и предприятий разных уровней.

Были выяснены наиболее острые проблемы, с которыми столкнулись местные органы власти и ключевые субъекты сельскохозяйственной деятельности в связи с изменениями климата и активным течением деградации мерзлоты, определены практики реагирования и адаптации к возникающим вызовам. В ходе полевых работ были обследованы сельская застройка (жилая и хозяйственная), объекты инфраструктуры и территории, прилегающие к с. Амге. Для исторической реконструкции землепользования были востребованы материалы муниципального архива Амгинского района, Амгинского районного музея истории Гражданской войны, краеведческих коллекций.

Целью исследования является анализ индивидуального опыта восприятия и адаптации жителей с. Амги к трансформациям вечномерзлых грунтов для более глубокого понимания воздействия изменения климата на локальные социумы в районах пролегания вечной мерзлоты. Методологической основой послужили принципы, заложенные исследователями антропологии холода, которые применяются коллективом поддержанного РНФ проекта «Антропология холода: естественные низкие температуры в системе жизнеобеспечения сельских сообществ Якутии (традиционные практики, вызовы современности и стратегии адаптации)» (№ 19-78-10088) под руководством А. А. Сулейманова. В данном случае новизну исследованию придает персональный подход, который фокусируется на личностном восприятии респондентов происходящих изменений, а также на выявлении определенных моделей индивидуального поведения в ситуации возникающих вызовов. Авторы выражают свою признательность сотрудникам Муниципального архива Амгинского улуса (района) и жителям с. Амги за поддержку проведенных исследований.

3. Не «вечная» мерзлота и жители села Амга. Таяние вечномерзлых грунтов как личный вызов

Проведенные исследования в Амгинском и в других улусах Якутии показывают, что сельские старожилы практически все знакомы с изменениями в окружающей среде, отмечают новые явления в ландшафте, фауне, флоре, а также колебания сезонных температур в последние годы [Lytkin et al. 2021: 14–15]. Участившиеся стихийные бедствия в виде лесных пожаров и наводнений влекут за собой ускорение термокарстовых процессов, образуя опасный круг вызовов. Бесспорно, оценка текущих процессов неодинакова, как и степень остроты, болезненности для каждого; есть различия и в самом восприятии изменений: «картина» варьируется в зависимости от возраста, рода занятий, пола, социального статуса человека. В этой связи представляется важным предпринимаемый анализ персональных историй жителей якутских сел, чья территория подвергается деградации мерзлоты.

Следует подчеркнуть, что воздействие на население Амгинского улуса такого фактора, как оттаивание многолетней мерзло-

[1] В данной работе цитируются только материалы 6 информантов, хотя при написании статьи авторы использовали результаты интервью всех (58) информантов.

ты, не носит резкого характера, а является постепенным, во многом скрытым явлением. Оно не привлекает массового ежедневного внимания, оставаясь тем не менее серьезной угрозой. Проявления деградации мерзлоты растянуты во времени, поэтому на пригодных для хозяйственного применения землях села чаще всего не становятся препятствием для начала их использования. Но оттаивание мерзлоты создает дополнительные нагрузки при дальнейшей эксплуатации территорий, а также оказывает нарастающее давление на уже сформированные хозяйства и инфраструктуру.

Исследования показали, что жители с. Амги сталкиваются с целым спектром проблем: нехватка территорий для жилищного строительства, деформация жилых построек и ухудшение состояния транспортной сети [ПМА 2022: Инф. 1; ПМА 2022: Инф. 2; ПМА 2022: Инф. 3; ПМА 2022: Инф. 4; ПМА 2022: Инф. 5; ПМА 2022: Инф. 6]. Все это негативно сказывается на социальном самочувствии местного населения. В ходе проведенных в рамках проекта опросов и интервью большинство респондентов отметило, что испытали непосредственно на себе отрицательное влияние происходящих в окружающей среде изменений, в том числе затопление территории усадеб, деформацию жилых построек, ухудшение условий содержания домашних животных [ПМА 2022: Инф. 1; ПМА 2022: Инф. 2; ПМА 2022: Инф. 4].

В ходе полевых наблюдений фиксируется значительная плотность застройки в селе, новые жилые микрорайоны строятся на окраине в непосредственной близости или непосредственно на заброшенных полях. Как следствие, площадь населенного пункта расширяется в сторону земель с уже начавшимся процессом термокарста.

Новые хозяйства вынуждены располагаться в местностях, малопригодных для проживания, что, в свою очередь, увеличивает экономическую и логистическую нагрузку на поселенцев. Проблему нехватки пригодных для проживания территорий отмечал молодой учитель местной средней школы. Он высказывал опасения о будущих проблемах, связанных с деградацией грунтов: «Через 10, 15 лет, все равно там, выйдут [быллары[1]], я так думаю. … Я вырос здесь! Знаю с малых лет и когда я там был, ходил, рыбачил, там же пашня была, она вся ровная была. Я свой участок даже сейчас могу вспомнить в своих детских мыслях. И вот, она вообще ровная была. А сейчас вот смотрю, там бугорок, здесь яма...» [ПМА 2022: Инф. 1].

Следует подчеркнуть, что на неблагоприятных участках строят жилье и обзаводятся хозяйством в основном молодые семьи с детьми, которые еще не имеют надежной экономической основы [Григорьев 2022: 57]. Таким образом, деградация мерзлоты формирует целый комплекс проблем для социально незащищенных категорий населения с. Амги.

Определенно вызовом выглядит ситуация и для сельских «верхов». Несмотря на свое относительное благополучие, служащие администрации улуса, представители местного бизнеса, а также крупные (по местным меркам) фермеры также сталкиваются с проблемами, вызванными деградацией мерзлоты. Их взгляд на происходящие процессы представляет интерес тем, что дает возможность увидеть ситуацию с точки зрения тех, кто в значительной мере способен не только реагировать на изменения в окружающей природной среде, но и воздействовать на социально-экономическую обстановку в селе.

Показательна жизненная позиция молодого управленца, чья рабочая биография с первых шагов связана с Амгинским улусом. Он начинал с должности простого служащего в маленьком наслеге, на момент интервью занимал высокую позицию в администрации улуса. В силу служебных обязанностей близко воспринимает текущие вызовы окружающей среды, в первую очередь связанные с состоянием грунтов. Для него был остро важным вопрос об остановке строительных работ на большом объекте с. Амги, поэтому считает их тревожащими обстоятельствами: «В этом году мы должны были закончить коробку нового здания школы. Сваи под фундамент установлены, проведены подготовительные работы. Но обнаружился участок оттайки грунта, пришлось остановить строительство. Теперь нужно замораживать оттаявший участок, для чего необходимо изыскать порядка

[1] Быллары — структурный бугристо-западинный микрорельеф, напоминающий панцирь черепахи [Вечная мерзлота 2019: 23].

11 млн дополнительно… Внесение изменений в проектную документацию требует еще 4 млн рублей (и времени. — *Л. В.*, *С. Г.*). Мы задерживаем социально значимый объект, несем непредусмотренные расходы каждый день. ... В последнее время наблюдаю такую ситуацию часто и повсеместно. Так как я курирую строительство, то могу сказать: примерно 8 из 10 объектов сталкивается с оттайкой вечномерзлых грунтов. Мне кажется, что 80 против 20 процентов — это показатель большой проблемы...» [ПМА 2022: Инф. 2].

На наш взгляд, можно предположить значительные организационные и финансовые риски в дальнейшем, учитывая масштабы строительства в Амгинском улусе, где планируется ввод двух домов культуры в селах, спортивных объектов к республиканскому празднику Ысыах Олонхо в 2024 г., а также начало строительства поликлиники в с. Амге [Виктор Смирников 2023].

В ходе полевых исследований выявлены новые, ранее не встречавшиеся адаптивные сюжеты, демонстрирующие гибкость реакции сельских жителей на происходящие изменения. Они активно перенимают опыт и технологии из современных СМИ, из различных интернет-сервисов, в том числе из онлайн-платформы YouTube. Упомянутый выше школьный учитель признал: «…мы же цивилизованные люди, прогресс идет в строительстве, разные варианты есть. Я сам тоже смотрю, у меня же семейная проблема, чтобы этот дом долго простоял без ремонта… Когда свой дом строил, был молодой, без опыта. А сейчас с людьми разговариваю, в интернете нахожу, в YouTube там, все вот читаю. Сейчас вот думаю: в то время если бы знал, что можно применять кору дерева для утепления, я весь участок бы с этой корой сделал бы...» [ПМА 2022: Инф. 1]. Он использовал технологию применения коры дерева для теплоизоляции определенных участков при возведении дома, увиденную им в интернете. Следует указать, что ранее такой способ, как засыпка пространства фундамента здания корой лиственницы, не применялся в локальной технологии жилищного строительства. При этом кора лиственницы обычно использовалась как кровельный и укрывной материал для крыш и погребов.

В качестве интересного сюжета можно рассматривать применение знаний, обретенных при получении профессионального образования. Респондент-фермер, по образованию строитель, высказывался, что установка свай на значительную глубину, по его мнению, может решить проблему просадки зданий, вызванной деградацией мерзлоты: «Вот поэтому я сейчас решил, что нужно строить на сваях. Уже давно решил. Ну, я строитель — решил, что здесь бесполезны засыпка, ленточный фундамент, бетон. Это уже бесполезно, она (земля, грунт. — *Л. В.*, *С. Г.*) уходит. Надо на сваях, минимум 3–4 метра надо прорубить и поставить на сваях, чтобы ровно дом стоял» [ПМА 2022: Инф. 3]. Приведенные примеры показывают, что образовательный уровень респондентов и их вовлеченность в информационные сети может являться важным адаптивным ресурсом для местного населения в меняющихся условиях жизнедеятельности.

4. Фермеры Амги vs деградация мерзлоты

Большую ценность для исследования представляют взгляды на потепление и таяние мерзлоты тех людей, кто каждый день встречается с изменениями климата не только в быту, но и на сельскохозяйственном производстве, — фермеров Амгинского улуса, являющегося одним из аграрных лидеров республики. Из собранных материалов отобраны главные для данной группы лиц сюжеты: восприятие текущих природно-климатических процессов и их воздействия на сельскохозяйственные угодья и условия ведения хозяйства. Фермеры единодушны в признании факта текущих процессов, напрямую влияющих на хозяйственные практики. Так, глава крупного фермерского скотоводческого хозяйства высказался совершенно прямолинейно: «От таяния мерзлоты, от деградации почв мы несем прямые убытки. На моих глазах сократились площади пастбищ и сенокосов, нам с каждым годом труднее заготавливать корма. Даже заготовленное бывает трудно вывезти, потому что дороги „проседают“, обводняются, технике сложно проехать…» [ПМА 2022: Инф. 4].

Фермер предполагает, что, если процессы таяния сохранятся или вдруг ускорятся, следует ожидать роста трудностей для ве-

дения сельского хозяйства. Его беспокоит общее сокращение пригодных для ведения сельского хозяйства площадей: в юности он застал еще легендарные совхозы Амгинского района, являвшиеся в советское время житницей республики, и очень эмоционально воспринимает сужение сельхозугодий. Эти личные воспоминания соответствуют историческим фактам: по состоянию на 1985 г. в пяти писсовхозах района засевали почти 9 тыс. га только зерновых [Статистический бюллетень 1986: 33], а по данным 2021 г. зерновые посевы всех хозяйствующих в аграрной сфере субъектов занимали 3,5 тыс. га пашен [От земледелия до агротуризма 2021]. Иными словами, окультуренные трудом нескольких поколений амгинских хлеборобов пашни заброшены и, как уже отмечалось, стали участками форсированной оттайки мерзлотных грунтов [Lytkin et al. 2021: 13].

Фермеры с. Амги вынуждены анализировать состояние природных ресурсов: при оценке деградации мерзлоты они взвешивают как объективные климатические факторы, так и антропогенные. Учитывая зимние температуры и толщину снежного покрова, уровень воды в водоемах или летние лесные пожары, они указывают и на «человеческий вклад»: часто становятся «былларами» и зонами обводнения именно заброшенные, ранее культивируемые участки. Отмечают они также специфический мерзлотный риск в федеральных лесных противопожарных требованиях, включающих обязательные минерализованные полосы-вырубки вокруг населенных пунктов. По их наблюдениям, такие полосы уже вызвали проседание в них грунтов с образованием обводненных оврагов [ПМА 2022: Инф. 4].

Обеспокоенность процессами таяния мерзлоты, ухудшения качества угодий из-за оттайки и проседания грунтов отмечается среди фермеров независимо от возраста и пола: тему активно обсуждают состоявшиеся хозяева в возрасте за пятьдесят и начинающая молодежь, мужчины и женщины. Женщина — владелица фермерского хозяйства с крупным рогатым скотом и небольшим табуном лошадей, с юности работающая на земле, высказывалась о нехватке пригодных земель: «Сначала хозяйство было небольшое, работали от зари до зари. Потом подали проект на грант, получили в 2013 г. поддержку по программе „Начинающий фермер“, это была ощутимая помощь. Сразу купили сенокосилку и сеноуборочную машину. Полностью отчиталась по гранту в 2018 г. Если была бы у меня собственная земля — могла бы подать заявку на программу „Семейный грант для фермеров“. Но с землей у нас туго… Мы, например, арендуем у собственников (называет имена. — *Л. В., С. Г.*) сенокосные участки…» [ПМА 2022: Инф. 5].

Нужно указать, что ограниченность покосных и пастбищных площадей, наряду с другими факторами, часто сдерживает желающих расширить свое хозяйство.

В гендерном аспекте следует отметить, что само по себе фермерство — физически и эмоционально тяжелое занятие для женщин. Во всех обследованных селах Якутии, как и в Амге, к обычным для такого труда нагрузкам добавляются вызовы, обусловленные последствиями климатических изменений. Женщина-фермер поделилась, что в 2018 г. «зимовка выдалась тяжелая, кормов не хватало. Закупали сено в соседнем Усть-Майском улусе. Перевозка обошлась дорого… Мы еле до весны дотянули, но в селе случился падеж скота. А весной было наводнение. Скотина у многих паслась на островах, наши коровы с лошадьми на одном из островов оказались отрезанными поднимающейся водой. Я бросилась спасать своих коров, а островок уже заливает. Упирающихся коров за рога вытаскивала на коренной берег. Мне мужчины с проходящей моторной лодки кричали: „Бросай, спасайся сама! Пойдет волна, смоет!“. Сама уже по пояс в воде, но пока последнюю, тринадцатую по счету, не вытащила, не ушла. Это же мои коровы, как их на погибель бросить?» [ПМА 2022: Инф. 5].

При этом респондент и другие женщины-фермеры намерены дальше развивать свое хозяйство, присматриваются к внедрению птицеводства и других видов аграрного производства, не требующих значительных земельных площадей.

Деградация грунтов напрямую затрудняет сельскохозяйственные работы и наносит дополнительный ущерб местному хозяйству. Интересна позиция респондента-фермера, переселенца еще советского времени из одной из кавказских республик. Живет в Амге четвертое десятилетие, здесь

выросли его дети. Попробовав себя в разных сферах, он стал индивидуальным предпринимателем, является более десяти лет главой крепкого крестьянского хозяйства, занимающегося выращиванием крупного рогатого скота. На наш вопрос «Какие проблемы может создавать оттайка мерзлоты?», он ответил: «…Земля уходит, я же говорю, мешает вот косить сено, убирать его. Постоянно ломается у меня косилка» …» [ПМА 2022: Инф. 6]. Дополнительный ремонт и закупка запчастей для сельхозтехники, используемой на полях, подверженных деградации мерзлоты, по его словам, требует значительных расходов. Кроме финансовых, есть потери во времени, в графике работ: «Ну, самое плохое, когда ломается прямо во время этой работы, это сколько времени отнимает, если не дай бог, погода еще подвернется, да если дождь. И так день надо ждать тоже…» [ПМА 2022: Инф. 6].

Респондент в своих ответах подтверждает, что особой деградации подвергаются бывшие пашни, заброшенные в постсоветский период: «Потому что уже 30 лет их никто не пашет, не сеет. Сейчас вот такие уже березы, листвяк вырос. Заросло уже все. Поле если не пашешь, оно на глазах вот.., трактор туда зайдет, оттуда не выйдет. Вот такие ямы, вот такие болота образовались. Все пропало. Просело… Хотон[1] строим, через год он уже проседает, уходит…» [ПМА 2022: Инф. 6].

Таким образом, главные вызовы, с которыми сталкиваются местные фермеры, можно свести к двум основным факторам: это дефицит полезных для жизни и ведения хозяйства территорий, а также дополнительная финансовая нагрузка на частные бюджеты.

5. Заключение

Исследования в с. Амге в течение ряда лет показывают, что у местных жителей ярко выраженно проявляются сопутствующие с рефлексией на деградацию мерзлоты стрессы, выражающие ожидание различных бедствий: обводнения усадеб, разрушения дорог и коммуникаций, наводнений. Разного рода беспокойство и страхи дальнейшего ухудшения ситуации с состоянием грунтов и связанных с изменением климата паводков характерны для лиц старше среднего возраста обоего пола и разной национальности. Специалисты считают, что прогнозировать наводнения на р. Амге достаточно сложно, они происходят регулярно и обусловлено это комплексом причин, в том числе климатом: «стоково-заторные наводнения происходят в годы с ранней, но недостаточно дружной весной, когда резкие оттепели начинаются по всему бассейну реки уже во второй декаде апреля, но всякий раз прерываются резкими возвратами холодов (2000, 2018)» [Тананаев, Находкин, Голованов 2021: 92]. В контексте персонального уровня восприятия природных процессов нельзя не согласиться также с утверждением, что в борьбе за снижение ущерба «акцент должен переместиться с технических мер, которые не эффективны, на развитие инструментов страхования рисков, на разработку программ психологической поддержки пострадавших от наводнений» [Тананаев, Находкин, Голованов 2021: 95].

Внимание данного исследования было сфокусировано на личном восприятии природных процессов теми, чья повседневная жизнь связана с природой напрямую и чье благосостояние зависит от характера и масштабов изменения мерзлотных грунтов. При этом отчетливо видно, что трансформация климата, изменение природных циклов и таяние мерзлоты прочно вошли в личную повседневную жизнь всего сельского сообщества. Интервьюирование обнаружило, что уроженцы с. Амги, связанные множеством родственных и соседских связей с односельчанами, склонны в своих хозяйственных практиках учитывать и «общинные» интересы. В частности, будучи главами хозяйств, они ощущают личную социальную ответственность в вопросах трудоустройства земляков, неся при этом даже дополнительные, в связи с меняющимися условиями деятельности, расходы. Такое поведение характерно для лиц коренной национальности в основном старших возрастных групп.

В каждой персональной истории обследованного с. Амги присутствуют общие черты воздействия процессов таяния мерзлоты на жизнедеятельность человека и его семьи. Выглядят они следующим образом: на уровне дома и усадьбы — проблемы с оттаиванием участка с необходимо-

[1] Специальное хозяйственное помещение у якутов, коровник. — *Л. В., С. Г.*

стью откачивания воды и отсыпки участка; варианты укрепления старого здания или постройка нового дома по новым технологиям; при безуспешности перечисленных предпринимаемых шагов — релокация. В ведении сельского хозяйства на территориях, где идут процессы термокарста, налицо проблемы с использованием техники, разрушение хозяйственных конструкций и коммуникаций, постепенное сужение хозяйственных угодий. Для представителей власти вызовы деградации мерзлоты также создают организационные, производственные и финансовые сложности, угрожают репутационными потерями в силу социального резонанса замедления и удорожания текущих работ.

Жители Амги так или иначе вынуждены приспосабливаться к меняющимся условиям жизнедеятельности, формируя личные практики адаптации, обусловленные доступом к источникам информации и наличием профессиональных знаний. Выявленное применение новых технологий и широкое внедрение конструктивных элементов, ранее редко применявшихся в возведении строений, отражают готовность и умение сельских жителей приспосабливаться к происходящим изменениям. Циркуляция знаний и технологий в коммуникативных сетях, наличие специальных знаний и накопление локального опыта являются важными адаптивными ресурсами для обследованного населения.

Наиболее остро как личная угроза деградация мерзлоты воспринимается занятыми в традиционных для жителей с. Амги скотоводстве и земледелии. При анализе личных историй видно, что им приходится ощущать все текущие вызовы меняющегося климата буквально «душой и телом»: засухи с неурожаем, бескормица, наводнения, а также связанные с этим экономические и социальные риски. Как собственники и руководители сельскохозяйственного производства максимально негативным сценарием дальнейшей деградации мерзлоты они считают вариант вынужденной ликвидации или сильного сокращения хозяйства с увольнением наемных работников. С учетом проблемы занятости в якутских селах любое снижение производства и количества занятых является болезненным ударом для сельских сообществ. Фермеры осознают негативность подобного варианта и настроены избегать его всеми доступными средствами. Стабильность мерзлотных грунтов для них — вопрос чрезвычайно важный, так как оттаивание мерзлоты с последующим обводнением территории, подъемом уровня водоемов чревато потерей сельскохозяйственных площадей, нарушением коммуникаций и разрушением производственной и социальной инфраструктуры. В этом свете следует признать, что изменения в мерзлотных грунтах являются не только текущими, но и «отложенными» во времени социально-экономическими вызовами для населения.

Полевые материалы авторов

ПМА 2022: Инф. 1 — информант С. Б., житель с. Амги, 1986 г. р.

ПМА 2022: Инф. 2 — информант В. С., житель с. Амги, 1987 г. р.

ПМА 2022: Инф. 3 — информант Г. Д., житель с. Амги, 1962 г. р.

ПМА 2022: Инф. 4 — информант А. И., житель с. Амги, 1969 г. р.

ПМА 2022: Инф. 5 — информант В. Н., житель с. Амги, 1983 г. р.

ПМА 2022: Инф. 6 — информант А. П., житель с. Амги, 1960 г. р.

Authors' Field Data

Informant 1: S. B., resident of Amga (Amginsky District, Sakha Republic, Russian Federation). (In Russ.)

Informant 2: V. S., resident of Amga (Amginsky District, Sakha Republic, Russian Federation). (In Russ.)

Informant 3: G. D., resident of Amga (Amginsky District, Sakha Republic, Russian Federation). (In Russ.)

Informant 4: A. I., resident of Amga (Amginsky District, Sakha Republic, Russian Federation). (In Russ.)

Informant 5: V. N., resident of Amga (Amginsky District, Sakha Republic, Russian Federation). (In Russ.)

Informant 6: A. P., resident of Amga (Amginsky District, Sakha Republic, Russian Federation). (In Russ.)

Источники

Виктор Смирников 2023 — Виктор Смирников: «В 2023 и 2024 году ожидаем ввод нескольких социально значимых объектов» [электронный ресурс] // Муниципальный район «Амгинский улус (район)». Новости. 14 января 2023 г. URL: https://mr-amginskij.sakha.gov.ru/news/front/view/id/3341127 (дата обращения: 25.07.2023)

От земледелия до агротуризма 2021 — От земледелия до агротуризма: Чем можно заняться в Амгинском улусе [электронный ресурс] // Якутское-Саха информационное агентство (ЯСИА). 18 марта 2021 г. URL: https://ysia.ru/ot-zemledeliya-do-agroturizma-chem-mozhno-zanyatsya-v-amginskom-uluse/ (дата обращения: 25.07.2023)

Статистический бюллетень 1986 — Статистический бюллетень 101/2086. Статистическое управление Якутской АССР. Якутск: Изд-во Стат. управления, 1986. 186 с.

Sources

From agriculture to agritourism: Leisure time opportunities in Amginsky Ulus. On: Yakut-Sakha News Agency (YaSIA). Posted on 18 March 2021. Available at: https://ysia.ru/ot-zemledeliya-do-agroturizma-chem-mozhno-zanyatsya-v-amginskom-uluse/ (accessed: 25 July 2023). (In Russ.)

Statistical Digest 101/2086. Statistical Department of the Yakut ASSR. Yakutsk: Statistical Department, 1986. 186 p. (In Russ.)

Viktor Smirnikov: ‘In 2023 and 2024, several socially significant facilities to come into operation’. On: Administrative Office of Amginsky District (website). Newsfeed. Posted on 14 January 2023. Available at: https://mr-amginskij.sakha.gov.ru/news/front/view/id/3341127 (accessed: 25 July 2023). (In Russ.)

Литература

Боякова 2016 — *Боякова С. И.* Транспорт Якутии в условиях глобальных климатических изменений: риски, вызовы, возможности адаптации // Академические исследования в Якутии: «территория историка» / отв. ред. И. И. Юрганова. Якутск: Алаас, 2016. С. 201–212.

Вечная мерзлота 2019 — Вечная мерзлота и культура. Глобальное потепление и Республика Саха (Якутия), Российская Федерация. Сендай: Центр исследований Северо-Восточной Азии, Университет Тохоку, 2019. 72 с.

Винокурова 2011 — *Винокурова Л. И.* Сельская Якутия: восприятие коренным населением изменений в окружающей среде // Арктика и Север. 2011. № 4. С. 154–161.

Григорьев 2022 — *Григорьев С. А.* Температурные изменения, деградация многолетней мерзлоты и новые вызовы в системе жизнеобеспечения Амгинского улуса РС (Я): результаты полевых наблюдений // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2022. № 1(38). С. 51–62.

Лобанов, Кириллина 2019 — *Лобанов В. А., Кириллина К. С.* Современные и будущие изменения климата Республики Саха (Якутия). СПб.: РГГМУ, 2019. 157 с.

Сафронов 1978 — *Сафронов Ф. Г.* Русские на северо-востоке Азии в XVII – середине XIX в.: управление, служилые люди, крестьяне, городское население. М.: Наука, 1978. 257 с.

Сулейманов 2022а — *Сулейманов А. А.* «Ресурсы холода» в системе жизнеобеспечения сельских сообществ Якутии. Вторая половина XIX–XX вв.: Историко-антропологический очерк. Новосибирск: Наука, 2022. 136 с.

Сулейманов 2022б — *Сулейманов А. А.* Последствия наводнений и деградации многолетней мерзлоты для системы жизнеобеспечения населения бассейна реки Алазея (на материалах второй половины XX–XXI веков) // Научный диалог. 2022. № 11(8). С. 470–487. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-8-470-487

Сулейманов 2022в — *Сулейманов А. А.* Антропология холода: сельские сообщества Якутии и модернизация практик эксплуатации криогенных ресурсов в советский период // Арктика: гуманитарные векторы развития: тезисы Междунар. конф. (г. Москва, 15–16 февраля 2022 г.) / ред.: С. Г. Ваняшкин, Е. В. Воробьева. М.: МГЛУ, 2022. С. 64–65.

Тананаев, Находкин, Голованов 2021 — *Тананаев Н. И., Находкин Н. А., Голованов А. О.* Генезис, сценарии и особенности прогнозирования наводнений в среднем течении р. Амга (Центральная Якутия) // Природные ресурсы Арктики и Субарктики. 2021. Т. 26. № 3. С. 86–99.

Федоров 2020 — *Федоров С. И.* Хозяйственная деятельность якутов в условиях изменений климата и «дефицита холода»: традиционные практики и вызовы современности // Человек и культура. 2020. № 2. С. 37–48. DOI: 10.25136/2409-8744.2020.2.32566

Ayal, Filho 2017 — *Ayal D. Y., Filho Leal W.* Farmers perceptions of climate variability and its adverse impacts on crop and livestock production in Ethiopia // Journal of Arid Environments. 2017. Vol. 140. Pp. 20–28. DOI: 10.1016/j.jaridenv.2017.01.007

Fedorov 2019 — *Fedorov R.* Cryogenic Resources: Ice, Snow, and Permafrost in Traditional Subsistence Systems in Russia // Resources. 2019. Vol. 8(1). Pp. 1–17. DOI: 10.3390/resources8010017

Lytkin et al. 2021 — *Lytkin V., Suleymanov A., Vinokurova L., Grigorev S., Golomareva V., Fedorov S., Kuzmina A., Syromyatnikov I.* Influence of permafrost landscapes degradation on livelihoods of Sakha Republic (Yakutia) rural communities // Land. 2021. Vol. 10. No. 2. Pp. 1–22. DOI: 10.3390/land10020101.

Savvinova et al. 2016 — *Savvinova A., Filippova V., Svinoboeva A., Fuller T.* Climate change impacts on Siberia's Evenki: a study of traditional land use and adaptation in southern Yakutia // 15th international multidisciplinary scientific geoconference SGEM. 2015. Vol. 1. Pp. 883–888.

Living in Siberia 2012 — Living in Siberia, a land of extreme cold: Reindeer, ice and indigenous peoples / ed. by H. Takakura. Tokyo: Shinsensha, 2012. 272 p.

Takakura 2015 — *Takakura H.* Arctic pastoralist Sakha: Ethnography of Evolution and Micro-adaptation in Siberia. Melbourne: Trans Pacific Press, 2015. 254 p.

Takakura 2016 — *Takakura H.* Limits of pastoral adaptation to permafrost regions caused by climate change among the Sakha People in the middle basin of Lena River // Polar Science. 2016. Vol. 10. Is. 3. Pp. 395–403. DOI:10.1016/j.polar.2016.04.003

Takakura et al. 2021 — *Takakura H., Fujioka Y., Ignatyeva V., Tanaka T., Vinokurova N., Grigorev S., Boyakova S.* Differences in local perceptions about climate and environmental changes among residents in a small community in Eastern Siberia // Polar Science. 2021. № 27. Pp. 1–14. DOI: 10.1016/j.polar.2020.100556

Ulrich et.al 2017 — *Ulrich M., Habeck O., Crate S., Desyatkin A., Desyatkin R., Fedorov A., Hiyama T., Iijima Y., Ksenofontov S., Mészáros C., Takakura H.* Permafrost livelihoods: A transdisciplinary review and analysis of thermokarst-based systems of indigenous land use // Anthropocene. 2017. № 18. Pp. 89–104. DOI: 10.1016/j.ancene.2017.06.001

Vinokurova, Filippova, Solovyeva 2022 — *Vinokurova L., Filippova V., Solovyeva V.* When Ice Turns to Water: Forest Fires and Indigenous Settlements in the Republic of Sakha (Yakutia) // Sustainability. 2022. Vol. 14. No. 8. Pp. 1–20. DOI: 10.3390/su14084759

Wolf, Allice, Bell 2013 — *Wolf J., Allice I., Bell T.* Values, climate change, and implications for adaptation: Evidence from two communities in Labrador, Canada // Global Environmental Change. 2013. Vol. 23. Iss. 2. Pp. 548–562. DOI: 10.1016/j.gloenvcha.2012.11.007

References

Ayal D. Y., Filho Leal W. Farmers perceptions of climate variability and its adverse impacts on crop and livestock production in Ethiopia. *Journal of Arid Environments*. 2017. Vol. 140. Pp. 20–28. Available at: https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S0140196317300071 (accessed: 7 August 2023). (In Eng.) DOI: 10.1016/j.jaridenv.2017.01.007

Boyakova S. I. Transport of Yakutia in the context of global climatic changes: Risks, challenges, opportunities for adaptation. In: Yurganova I. I. (ed.) Academic Studies in Yakutia: The Realm of Historians. Yakutsk: Alaas, 2016. Pp. 201–212. (In Russ.)

Fedorov R. Cryogenic resources: Ice, snow, and permafrost in traditional subsistence systems in Russia. *Resources*. 2019. Vol. 8(1). Article 17. Available at: https://www.mdpi.com/2079-9276/8/1/17 (accessed: 5 November 2023). (In Eng.) DOI: 10.3390/resources8010017

Fedorov S. I. Economic activity of the Yakuts in the conditions and climate change and "deficit of cold temperature": Traditional practices and challenges of modernity. *Man and Culture*. 2020. No. 2. Pp. 37–48. Available at: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=32566 (accessed: 5 November 2023). (In Russ.) DOI: 10.25136/2409-8744.2020.2.32566

Grigoriev S. A. Temperature changes, permafrost degradation and social challenges in the life support system of the Amginsky Ulus of the Republic of Sakha (Yakutia): Field studies results. *North-Eastern Journal of Humanities*. 2022. No. 1(38). Pp. 51–62. (In Russ.)

Lobanov V. A., Kirillina K. S. Sakha Republic (Yakutia): Current and Expected Climate Changes. St. Petersburg: Russian State Hydrometeorological University, 2019. 157 p. (In Russ.)

Lytkin V., Suleymanov A., Vinokurova L.,

Grigorev S., Golomareva V., Fedorov S., Kuzmina A., Syromyatnikov I. Influence of permafrost landscapes degradation on livelihoods of Sakha Republic (Yakutia) rural communities. *Land*. 2021. Vol. 10. No. 2. Pp. 1–22. Available at: https://www.mdpi.com/2073-445X/10/2/101 (accessed: 10 August 2023). (In Eng.) DOI: 10.3390/land10020101

Safronov F. G. Russians in Northeast Asia, Seventeenth to Mid-Nineteenth Centuries: Governance, Servicemen, Peasants, and Urban Dwellers. Moscow: Nauka, 1978. 257 p. (In Russ.)

Savvinova A., Filippova V., Svinoboeva A., Fuller T. Climate change impacts on Siberia's Evenki: A study of traditional land use and adaptation in southern Yakutia. In: 15th International Multidisciplinary Scientific GeoConference (SGEM). Proceedings. 2015. Vol. 1. Pp. 883–888. (In Eng.)

Suleymanov A. A. Consequences of floods and permafrost degradation for life support system of population of Alazeya River Basin (Second half of 20th – 21st centuries). *Nauchnyi dialog*. 2022. Vol. 11. No. 8. Pp. 470–487. (In Russ.) DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-8-470-487

Suleymanov A. A. Cryoanthropology: rural communities of Yakutia and modernization of practices of using cryogenic resources in the Soviet period. In: Vanyashkin S. G., Vorobyova E. V. (eds.) The Arctic: Humanitarian Vectors of Development. Conference abstracts (Moscow, 15–16 February 2022). Moscow: Moscow State Linguistic University, 2022. Pp. 64–65. (In Russ.)

Suleymanov A. A. The Resources of Cold in Rural Yakutia's Life Sustenance System, Mid-Nineteenth to Twentieth Centuries: An Essay in History and Anthropology. Novosibirsk: Nauka, 2022. 136 p. (In Russ.)

Takakura H. (ed.) Living in Siberia, a Land of Extreme Cold: Reindeer, Ice and Indigenous Peoples. Tokyo: Shinsensha, 2012. 272 p. (In Eng.)

Takakura H. Arctic Pastoralist Sakha: Ethnography of Evolution and Micro-Adaptation in Siberia. Melbourne: Trans Pacific Press, 2015. 254 p. (In Eng.)

Takakura H. et al. (eds.) Permafrost and Culture: Global Warming and Sakha Republic (Yakutia), Russian Federation. Sendai: Center for Northeast Asian Studies (Tohoku University), 2019. 72 p. (In Russ.)

Takakura H. Limits of pastoral adaptation to permafrost regions caused by climate change among the Sakha People in the middle basin of Lena River. Polar Science. 2016. Vol. 10. Is. 3. Available at: https://www.researchgate.net/publication/300425576_Limits_of_pastoral_adaptation_to_permafrost_regions_caused_by_climate_change_among_the_Sakha_People_in_the_middle_basin_of_Lena_River (accessed: 28 July 2022). (In Eng.) DOI:10.1016/j.polar.2016.04.003

Takakura H., Fujioka Y., Ignatyeva V., Tanaka T., Vinokurova N., Grigorev S., Boyakova S. Differences in local perceptions about climate and environmental changes among residents in a small community in Eastern Siberia. *Polar Science*. 2021. Vol. 27. [Article 100556]. Available at: https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S1873965220300645 (accessed: 31 August 2021). (In Eng.) DOI: 10.1016/j.polar.2020.100556

Tananaev N. I., Nakhodkin N. A., Golovanov A. O. Genesis, scenarios and features of flood prediction in the middle reach of the Amga River (Central Yakutia). *Arctic and Subarctic Natural Resources*. 2021. Vol. 26. No. 3. Pp. 86–99. (In Russ.)

Ulrich M., Habeck O., Crate S., Desyatkin A., Desyatkin R., Fedorov A., Hiyama T., Iijima Y., Ksenofontov S., Mészáros C., Takakura H. Permafrost livelihoods: A transdisciplinary review and analysis of thermokarst-based systems of indigenous land use. *Anthropocene*. 2017. Vol. 18. Pp. 89–104. (In Eng.) DOI: 10.1016/j.ancene.2017.06.001

Vinokurova L. I. Rural Yakutia: Perception indigenous population changes in environment. *Arctic and North*. 2011. No. 4. Pp. 154–161. (In Russ.)

Vinokurova L., Filippova V., Solovyeva V. When ice turns to water: Forest fires and indigenous settlements in the Republic of Sakha (Yakutia). *Sustainability*. 2022. Vol. 14. No. 8. [Article 4759]. Available at: https://www.mdpi.com/2071-1050/14/8/4759 (accessed: 7 August 2023). (In Eng.) DOI: 10.3390/su14084759

Wolf J., Allice I., Bell T. Values, climate change, and implications for adaptation: Evidence from two communities in Labrador, Canada. *Global Environmental Change*. 2013. Vol. 23. Is. 2. Pp. 548–562. Available at: https://www.researchgate.net/publication/257408075_Values_climate_change_and_implications_for_adaptation_Evidence_from_two_communities_in_Labrador_Canada (accessed: 9 June 2023). (In Eng.) DOI: 10.1016/j.gloenvcha.2012.11.007

Published in the Russian Federation
Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
Has been issued as a journal since 2008
ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
Vol. 16, Is. 5, Pp. 1278–1300, 2023
Journal homepage: https://kigiran.elpub.ru

CC BY NC ND

УДК / UDC 94 (571.150):314.7.045
DOI: 10.22162/2619-0990-2023-69-5-1278-1300

«Святое поле»: социальная и культурная память о депортациях в сельском ландшафте юга Западной Сибири (на примере Алтайского края)

Татьяна Кирилловна Щеглова[1]

[1] Алтайский государственный педагогический университет (д. 55, ул. Молодежная, 656031 Барнаул, Российская Федерация)
доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой
0000-0003-2738-414X. E-mail: tk_altai[at]mail.ru

© КалмНЦ РАН, 2023
© Щеглова Т. К., 2023

Аннотация. *Введение.* Статья посвящена мемориализации памяти жертв депортаций и современным коммеморациям в сибирском принимающем обществе. *Цель* данного исследования — рассмотреть состояние памяти о депортациях принимающего населения, о путях и способах мемориализации и о формах коммеморациий в региональном обществе и культурном пространстве. В качестве гипотезы выступает предположение, что мемориализация началась в 1990-е гг. в обществах депортированных народов в национально-административных территориях (республиках, округах и т. д.) под влиянием государственной политики. Триггером послужила реабилитация депортированных народов СССР, которая запустила процессы мемориализации и формирование коммеморациий. В публикации изложены результаты многолетних исследований памяти сельского населения сибирского региона методами устной истории и этнологии. *Материалы и методы.* Основными источниками являются материалы интервью очевидцев, в среде которых размещали и в которой проживали депортированные; визуальные места памяти, включающие не только установленные на Алтае памятники жертвам депортаций, но и следы памяти о депортациях в народной топонимике, в застройке сел, в захоронениях на сельских кладбищах и других видах «отвердения памяти». *Результаты и выводы.* Автор пытается компенсировать историю депортаций, написанную в отечественной историографии, преимущественно на основе памяти депортированных, изучением памяти принимающего сельского населения и сибирского культурного ландшафта. Автором определяются особенности процессов и путях мемориализации памяти о жертвах депортаций в местах высылки и формах коммеморациий. Одним из важнейших вопросов стало выявление соотношения в этих процессах инициативы «сверху» — от государственно-властных структур, с инициативой «снизу» — от российского общества, в том числе отношение и участие сибирского сельского населения в мемориализации депортаций на протяжении 1990–2020-х гг.

Ключевые слова: депортации, Алтайский край, депортированное и принимающее население, социальная и культурная память, «места памяти», мемориализация, коммеморации, памятники, сибирский культурный ландшафт
Для цитирования: Щеглова Т. К. «Святое поле»: социальная и культурная память о депортациях в сельском ландшафте юга Западной Сибири (на примере Алтайского края) // Oriental Studies. 2023. Т. 16. № 5. С. 1278–1300. DOI: 10.22162/2619-0990-2023-69-5-1278-1300

The Sacred Realm: Social and Cultural Memory of Deportations in Rural Landscapes across the South of Western Siberia (Altai Krai)

Tatiana K. Shcheglova[1]

[1] Altai State Pedagogical University (55, Molodezhnaya St., 656031 Barnaul, Russian Federation)
Dr. Sc. (History), Professor, Head of Department
0000-0003-2738-414X. E-mail: tk_altai[at]mail.ru

© KalmSC RAS, 2023
© Shcheglova T. K., 2023

Abstract. *Introduction*. The article deals with the memorialization of victims of deportations and contemporary commemoration practices witnessed in Siberian recipient society. *Goals*. The study attempts an insight into the deportation-related memories of recipient communities, memorialization means and trends, commemoration forms in the region's society and cultural environment. The hypothesis is that the memorialization processes were actually (and largely) ignited among the deported peoples (and their local autonomies) by Russian government policy of the 1990s. It was the rehabilitation of Soviet ethnic deportees that triggered the memorialization movement and the emergence of related commemorations. The publication presents results of the long term research into memories of rural Siberians conducted through the methods of oral history and ethnology. *Materials and methods*. The study focuses on eyewitness accounts and interviews with individuals representing the once recipient communities, commemoration sites that include not only monuments to deported victims installed in the Altai but also some traces of deportations evident from folk toponymy, rural housing stock, burials across local cemeteries, and other types of 'memory solidification'. *Results and conclusions*. The paper seeks to supplement the published history and historiography of deportations — largely based of the deportees' memories and experiences — with insights into perceptions of recipient communities and Siberian cultural landscapes. Special attention is paid to certain distinguishing features of the memorialization processes and ways in places of actual residence and death of the deportees and related commemoration forms. The work also strives to reveal an actual correlation between the 'downward' (from government agencies) and 'upward' (from the public) initiatives, and specifically the contribution of rural Siberian population to the memorialization of deportations in the 1990s–2020s.
Keywords: deportations, Altai Krai, deportees and recipient population, social and cultural memory, commemoration sites, memorialization, commemoration, monuments, Siberian cultural landscape
For citation: Shcheglova T. K. The Sacred Realm: Social and Cultural Memory of Deportations in Rural Landscapes across the South of Western Siberia (Altai Krai). *Oriental Studies*. 2023; 16(5): 1278–1300. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2023-69-5-1278-1300

1. Введение

Депортации в СССР в 1940–1950-х гг. являлись частью истории периода Второй мировой войны. Их история не может быть вырвана из контекста международных, политических и военных событий. Обычно в работах пишут о более чем трех миллионах людей, подвергнутых депортации с европейской части СССР в Сибирь и республики Средней Азии [Бугай 1995: 5].

Однако людей, втянутых в эти процессы, было в несколько раз больше, поскольку депортации коснулись не только самих депортированных, но и затронули население принимающих обществ в местах размещения депортированных. Депортации повлияли на их жизнь и развитие как в период совместного проживания, так и в последующем, оставили свой след в культуре и экономике регионов.

Депортации в силу их массовости не могли не остаться в памяти сибирского общества. Несомненно, память депортированного населения более ярко и выпукло хранит информацию о том, «как это было», и она находится в зоне травмы. Полевые материалы показывают, что социальная память депортированных и в первом, и в последующих поколениях до наших дней находится в зоне семейных коммуникаций и воспоминаний [Архив ЦУИиЭ АлтГПУ]. Что касается сибирского принимающего общества, то на первом месте в памяти о войне в наши дни находится информация о трагедиях, связанных с семейными потерями на фронте и трудными условиями жизни и труда оставшихся членов семьи в тылу. Память местного сибирского населения по-другому расставляет акценты в воспоминаниях о военном времени; информация о депортациях хранится на периферии, но легко актуализируется наводящими вопросами. На сегодняшний день не так много создано воспоминаний о приеме депортированных в преимущественно сельское общество, об их устройстве, о взаимоотношениях депортированного и принимающего общества, об адаптации тех и других к ситуации и т. д. Изучение истории сибирского общества в условиях депортаций, их влияния на жизнь сибиряков и последствий только начаты в отличие от изучения социальной памяти депортированного населения. Исследователями проделана огромная работа по фиксации воспоминаний депортированных о высылке, транспортировке и организации труда в ссылке, создана на их основе обширная база источников, которую еще предстоит без эмоционального накала «переварить» в исследовательском «котле». Этому способствовал этап проговаривания травмы депортированными народами после длительного замалчивания в советское время и реабилитации в постсоветский период [Бруль 1995; Алексанян 2007]. Важный «терапевтический» эффект носила и последующая за проговариванием травмы мемориализация этих событий — как на уровне национально-административных территорий (Республики Чечня, Калмыкия, Ингушетия и др.), так и по Российской Федерации в целом [Полян 2010].

Частью этих процессов стали преобразования памяти российского общества — и депортированного, и принимающего сибирского сельского населения — из социальной (коллективной, семейной, индивидуальной) в культурную. Носителями социальной памяти выступают дети и внуки участников и очевидцев тех событий. Как известно, этот вид памяти как способ существования эмпирического (жизненного) опыта недолговечен. Информация о расселении и пребывании депортированных в селах в памяти индивидуальной и в памяти коллективной, как и любой вид нематериализованной памяти, теряется со временем. Если верить главным разработчикам теории о социальной памяти [Ассман 2014: 22–24], то информация благодаря семейным коммуникациям хранится 3–5 поколений; травматическая память существует, несомненно, дольше. Сохранению социальной памяти способствует трансформация ее в какие-либо материальные объекты — публикации и книги, сайты или интернет-порталы, памятные знаки и памятные места, памятники и мемориалы.

Цель данного исследования — рассмотреть состояние памяти о депортациях принимающего населения, о путях и способах мемориализации и о формах коммеморации в региональном обществе и культурном пространстве. В качестве гипотезы выступает предположение, что мемориализация началась в 1990-е гг. в обществах депортированных народов в национально-административных территориях (республиках, округах и т. д.) под влиянием государственной политики. Триггером послужила реабилитация депортированных народов СССР [Декларация 1989], которая запустила процессы мемориализации и формирование коммеморации. Частью процессов мемориализации стало обращение депортированных и их потомков к местам высылки с целью поминовения трагических событий, в том числе семейных потерь родных и близких. В наци-

ональных республиках в основе процессов мемориализации и сложившейся системы коммеморациий о жертвах депортаций лежит алгоритм Дней памяти, установленных у депортированных народов в дни опубликования документов об их депортации, для немцев — это 28 августа, для армян — это 14 июня, для калмыков — 28 декабря и т. д.

Это движение нашло отклик в регионах принятия депортированных (в нашем случае — в Алтайском крае), было поддержано в русле общегосударственной политики региональными властями и региональной общественностью в контексте «отвердения» общей памяти о жертвах политических репрессий. В отличие от поминовения других категорий репрессированных, тех же раскулаченных крестьян, количество которых сопоставимо с количеством депортированных [Земсков 1995: 118–127].

Отсутствие на современном этапе установленных Дней памяти жертв таких политических репрессий, как раскулачивание, «большой террор» и других масштабных кампаний, коснувшихся сибирского, в том числе русского населения, негативно оказывает влияние на коллективную, культурную, национальную память. Подтверждением, например, служит одна из публикаций об открытии памятника раскулаченным в с. Палочка по инициативе ее жительниц Ирины Янченко и Гульнары Корягиной, который стал только в 2018 г. первым в процессе мемориализации памяти раскулаченным: «Массовые захоронения в окрестностях села они нашли в 2018-м. И загорелись идеей создать в родном поселке мемориал, какого нет во всей России, — кулаку-спецпоселенцу. На средства президентских грантов они провели громадную работу. Чтобы установить имена жертв сталинского режима, побывали в архивах Томска, Барнаула, Бийска, Новосибирска. С поисковиками отряда Максима Елезова определили те самые границы захоронений» [Тирская 2020]. Об этом говорит и неравномерное соотношение «отвердевшей памяти» о депортациях и раскулачивании. В частности памятных знаков и памятников раскулаченным встречается гораздо меньше как на местах раскулачивания, так и в местах высылки. Можно привести только единичные примеры «паломничества» потомков раскулаченных крестьян с Алтая в места их ссылки — в северные регионы Сибири, Нарымский или Туруханский край и установления там памятников [Новоселово 2012; Сквер Памяти 2023].

2. Память и следы депортаций в ландшафте сознания сельского населения и культурном ландшафте поселений Алтая. Сельская обыденная микротопонимика как форма коммеморациий

Процессы мемориализации памяти жертв депортаций и коммеморации в современном сибирском обществе как принимающей стороне имеют многофакторный и многовекторный характер. Самой простой формой сохранения этнокультурных следов пребывания депортированных в памяти принимающего населения в селах Алтайского края является топонимика. Вызовы, связанные с заселением депортируемых, повлияли не только на ландшафт сознания и ландшафт памяти сельского общества, но и, как показывают материалы устной истории, маркируются «топонимикой» сельского ландшафта. Она имеет неофициальный характер, сохраняется в виде народных наименований-прозвищ тем или иным «местам» внутри поселений или в их окрестностях. Эти народные названия имеют устойчивый характер в повседневном употреблении сельских обществ. В данной публикации под «топонимами» и «микротопонимами» понимаются народные названия или прозвища, бытующие в общении сельских обществ, имеющие ограниченное хождение и не нанесенные на карты.

Интерес представляет соотношение социальной памяти и тех материальных следов, которые остались в поселениях и их окрестностях в виде присвоенных прозвищ местам, связанным с депортацией. Народная топонимика в виде народных названий в сельском ландшафте является первой формой «отвердения памяти». На современном этапе она выполняет функцию коммеморациий и представлена микротопонимами в жилой среде, микротопонимами на кладбищах, микротопонимами в окружающем деревни пространстве. В отличие от культурной памяти в виде народных топонимов, социальная память местного сибирского населения имеет тенденцию затухания, сохраняясь только в памяти непосредственных очевидцев событий, не переходит в зону интереса или любопытства последующих поколений

местных жителей и фактически отсутствует в семейных разговорах. Сельская народная микротопонимика частей или окрестностей поселений, связанная с памятью о депортациях, используется старшими поколениями в диалогах с младшими поколениями и благодаря этому сохраняется. Несомненно, сито времени просеивает и эти микротопонимы, и они останутся только в виде самых устойчивых маркеров истории депортаций в народной топонимической системе региона.

Один из самых распространенных микротопонимов в алтайских селах сформировался вокруг районов расселения спецпереселенцев, особенно калмыков. Как показывают полевые материалы, «калмыцкие» зоны застройки формировались инициативно самими калмыками на окраинах сел. Это не значит, что калмыки обособлялись в обязательном порядке. В полевых исследованиях зафиксировано проживание калмыков как дисперсно в селе, так и обособленно на его окраине [Архив ЦУИиЭ АлтГПУ. Ф. 1. П. К. Шиллер. 2018; Д. Ф. Часовских. 2021]. Но в данной публикации речь пойдет о местах, где калмыки селились компактно, которые, видимо, настолько выделялись на общем фоне, что часто получали среди местного населения и среди самих калмыков свои названия. Самым распространенным названием для мест компактного расположения жилищ калмыков встречается «Копай-гора». Топоним «Копай-гора», а в городах — «Копай-город» как часть населенного пункта, в советское время получил широкое распространение. В их основе лежало сооружение землянок — жилища, вкопанного в землю. В городах оно было связано, например, с большими индустриальными стройками, когда для приехавших на них строителей-добровольцев не успевали возводить жилье, и быстрым способом решения этой проблемы являлось земляное или палаточное строительство. Так первоначально выглядел один из районов в Барнауле в 1930-е гг. во время одной из комсомольских строек пятилетки Барнаульского Меланжевого комбината. Именно в землянках еще длительное время жили и первые работницы комбината, а сам городской микрорайон назывался в народе «Копай-город».

В селах широко распространился в военное время термин «Копай-гора». На современном этапе термин «Копай-гора» в социальной памяти местного сельского населения часто ассоциируется с депортированными калмыками. Наряду с «Копай-горой» в памяти сельского населения встречаются другие названия сегментов сельской застройки с землянками калмыков. В некоторых селах Алтая окраины села, особенно на возвышенностях, называют «Шанхаем», что объясняют тем, что в годы войны там располагались землянки калмыков [Архив ЦУИиЭ АлтГПУ. Ф. 1. А. Н. Сусоев. 2019]. Наряду с «Шанхаем» зафиксированы названия «Хотон» [КРС 1977: 601][1], «Калмыцкая республика». Их появление понятно. Микротопоним «Хотон», видимо, пришел с подачи самих калмыков; так назывались по-калмыцки небольшие поселения. Микротопоним «Калмыцкая республика» (Калмыцкая АССР ликвидирована в 1943 г., восстановлена как автономная область в 1957 г., преобразована в республику в 1958 г.) возник по названию административно-национального образования в СССР, откуда были депортированы калмыки. Не совсем понятным является появление широко распространенного названия сегмента поселений «Шанхай». Откуда пошло оно, сибирские старожилы объяснить не могут. Некоторые связывали с антропологическими чертами калмыков по аналогии с китайцами. Но так или иначе во многих селах остались участки застройки, которые до сих пор называют «Шанхаем» или «Копай-горой».

В отличие от «хотона» или «шанхая», топоним «Копай-гора», получивший название по традициям земляного строительства, изначально не носил этнического содержания, но в ряде сел под влиянием депортаций он стал ассоциироваться с калмыками и до сих пор сохраняется в памяти местного населения как часть поселения, застроенная калмыками. Как правило, калмыки устраивали свое мини-поселение не просто на окраине, а выбирая возвышенности в окрестностях села. Отсюда добавление к слову «копай» слова «гора». Конечно, землянка не являлась калмыцким типом жилища. Для сибирских территорий, которые осваивались длительное время переселенцами — как «вольными», так и «невольными» из европейской части России, землянки часто являлись первичным жилищем, до постройки капитального жилья, в том числе при ос-

[1] Хотн — хотон, село, деревня.

новании нового села, заимки или выселка. К землянкам российские крестьяне прибегали и в неблагоприятные периоды жизни, например в период войны. Широко они использовались раскулаченными крестьянами как при выселении из села, так и при ссылке «на севера». В военное и послевоенное время землянки массово появились в селах — как у других депортированных, так и у местных сибиряков. Землянка строилась и калмыками, и русскими с углублением в землю и возведением над землей из пластов дерна (целины) невысоких стен, крыша над которыми также покрывалась дерном. Связывалось это земляное сооружение ветками, чащей, стволами кустарников, нестроевым лесом. Полевые исследования показывают увеличение доли архаичных земляных жилищ в 1930–1950-е гг. среди местного населения Алтая: как только возникали неблагоприятные условия для срубного строительства, крестьяне переходили на земляное [Щеглова 2018: 31–142].

Однако, как правило, земляные жилища местных жителей вкраплялись в застройку улиц, тогда как калмыки в силу разных причин селились обособленно, уходили на окраину села, иногда на определенном удалении, создавая самостоятельный микрорайон. Причин было много. Так сохранялось ощущение единства, и вследствие этого легче выстраивались отношения с местным населением. Так было легче общаться (большинство не знали русский язык). Так было легче сообща преодолевать трудности. Так сохранялся этнический «род» и его культура. Но немаловажным фактором стало и то, что к моменту вселения калмыков уже все возможные свободные и доступные для заселения депортированных калмыков площади были заняты семьями ранее депортированных. Полевые исследования показали, что в 1941, 1942, 1943 гг. их расселили в пустующих домах раскулаченных крестьян, в садиках и яслях, школах и клубах, т. е. в тех помещениях, которые прописывались в указах о депортациях, а также в жилых домах сибиряков. В результате потенциально возможный для заселения жилищно-производственный сельский фонд был довольно быстро исчерпан, и к появлению в сибирских селах калмыков в 1944 г. ни жилых, ни общественно-производственных помещений не осталось. Дома же сибиряков вследствие проведенного подселения депортированных и уплотнения населения в жилых помещениях буквально были переполнены. Прибывающим позднее депортированным фактически «прибиться» было негде. Но их продолжали размещать, по воспоминаниям респондентов, в перенаселенные избы, где приходилось порой говорить на нескольких языках — русском, немецком, калмыцком и других, делить избное пространство на зоны, где спали, ели, готовили пищу по этносемейному признаку [Щеглова 2021: 60–61]. Ситуация, когда в результате подселения в домах местных жителей проживали наряду с хозяевами несколько семей депортированных, в 1941–1945 гг. была привычной для алтайского села. Иногда под одной крышей оказывалось 5–7 семей. Именно отчасти поэтому калмыкам пришлось перейти к формированию своей жилой среды — землянкам. Как рассказывали респонденты, сразу, как только оттаяла весной 1944 г. земля, калмыкам (а они поступили в Алтайский край зимой 1944 г.), пережившим голод и холод, ничего не оставалось делать, как искать способы обеспечения собственным жильем, как говорят очевидцы, «рыть землянки» [Архив ЦУИиЭ АлтГПУ. Ф. 1. Материалы 2021 г. А. А. Захарова (дев. Мамонтова); Д. Ф. Часовских]. Этот процесс лег на женщин, стариков и подростков, так как мужчины еще не успели вернуться. Поэтому и строили в основном землянки. И держались кучно, воспроизводя в едином коллективе свои традиции покинутых степных территорий.

Способствовала этому и разница в бытовой культуре, которая ярко проявлялась в совместной жизни под одной крышей. Именно этой разницей местное население объясняло для себя обособление калмыков в тех селах, куда их привозили в значительном количестве. На обыденном уровне местное население, например, связывало это с традициями питания как части народной культуры калмыков, непривычными и непонятными для местного земледельческого населения. Например, об этом говорит респондент, объясняя, почему калмыки, в отличие от немцев, уходили с квартир сибиряков: «Немцы не копали [землянки]. Немцы жили [на квартирах]. Ну калмыки?! Почему они так у людей не могли жить [как немцы]? Потому что они вот, допустим… Я сколько раз заходила [к

ним]. Ну, мы девчонки играли, ребятишки играли вместе у них. Стоит, допустим, бочка у кого-то. Какая скотина сдохнет, они это забирали все, солили и ели. Это же все же вонь[1]… Вот поэтому они копали эти землянки[2] и в них жили… А немцы жили на квартирах» [Архив ЦУИиЭ АлтГПУ. Ф. 1. Материалы 2019 г. М. А Гончаревская].

В определенной степени ассоциативные связи землянок «копай-горы» с калмыками формировали их этнокультурный образ или этнокультурный стереотип у местного населения. Их обособленность способствовала цельности этого образа, закрепленного сельской народной топонимикой.

Что касается других депортированных, то они переходили из переполненных изб и землянок к сооружению своих жилищ, с опорой на народные строительные традиции, что закрепилось народными микротопонимами в улицах сел Алтая. На обыденном бытовом уровне встречаются названия по этнонимам депортированных. Эти улицы запомнились местному населению глинобитными или саманными жилищами, литыми или плетенными мазанками, которые отличались от срубных сибирских изб. Происходящие в сельской архитектуре и застройке под влиянием депортируемых изменения местное население называло «засорением» села. Вот как описывала влияние депортаций на сельский ландшафт Р. И. Дорошенко: «жили в разных домах. В 40-е годы — саманные. Глиняные дома (саманы) делали из кирпичиков (глина с соломой) [в народе их прозвали «саманухи». — *Т. Щ.*]. Делали [в войну] из дерна, вырезали его [народное название «землянухи». — *Т. Щ.*]. Пол из глины, смажут, утрамбуют. Крыша камышовая, глиняная с соломой… Были литые дома [прозывали «литухи» — *Т. Щ.*]. Белили их глиной с озера (белой), километров 50 отсюда… Дома в основном были такие — кто на что горазд» [Архив ЦУИиЭ АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2010 г. Р. И. Дорошенко].

В результате депортаций и обнищания местного сельского населения в годы войны архитектурно-жилищная среда в сельских поселениях стала «пестрой», как говорило местное население, «неряшливой», с «засоренными улицами»: «кто саманный [дом строил]. Кто копал… Плели эти избушки маленькие. Делали, у кого какая сила была. Что делать!?» [Архив ЦУИиЭ АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2010 г. Р. И. Дорошенко].

«Засорение», по мнению местного населения, проявилось в массовом распространении нетрадиционных для сибиряков саманных или литых домов целыми улицами или районами застройки на окраинах. Нельзя сказать, что для сибирской срубной деревни они тоже являлись кардинальными новациями. Нестабильность жизни русского населения в историческом прошлом, перманентные переселения и миграции в Сибирь, разнообразие природно-климатических условий и природно-географических ландшафтов на юге Западной Сибири вносили до депортаций в традиционное срубное строительство сибиряков разнообразные строительные материалы и технологии строительства. Однако именно депортируемые сформировали целые сегменты поселковой архитектуры за счет использования глины и других нестроевых материалов и повлияли на строительные традиции принимающего населения. Появились Немецкие, Армянские, Хохляцкие улицы или края. В сибирских селах такое обозначение частей села по местам выхода переселенцев сформировалось еще в дореволюционный период.

Традиционно в дореволюционное время части села называли «краями»: край села — «Хохлы», «Мордва», «Рязань», «Тамбов» и др. Они обозначали этнотерриториальные группы переселенцев. В военное время эта традиция распространилась и на депортированных — Немецкая, Армянская или Хохляцкая улицы так же, как части села — «Шанхай», «Копай-гора» или «Хохлы». Но на современном этапе эти народные микротопонимы постепенно уходят из употребления по разным причинам[3]. Во-первых, решение жилищного вопроса в колхозах и совхозах в 1960–1980-е гг. постепенно изменило застройку села за счет сноса вет-

[1] Такие случаи происходили в семьях, члены которых голодали.

[2] Традиция возведения жилищ типа землянки восходит к далеким предкам калмыков. Объяснение, данное информантом, связано с незнанием обычаев другого народа и обыденными представлениями.

[3] Как показывают полевые исследования, в большинстве сел названия улиц не существуют или мало сохранились.

хого жилища; расположение и внешний вид домов и тем более улиц депортированных хорошо помнят только старожилы, которых остается все меньше. Во-вторых, в Алтайском крае с большой скоростью исчезли тысячи сельских поселений, вместе с которыми исчезает и память о калмыцких «копай-горах» или Немецких саманных улицах.

Названия улиц по депортируемым народам на территории Алтайского края, как показывают полевые исследования, давались по тем народам, которые оказали наибольшее влияние на строительные приемы и традиции.

Чаще местные респонденты по влиянию на архитектуру и застройку села называют три народа — немцев, армян и «хохлов» (украинцев)[1]. Немцы и армяне наибольшее влияние на архитектурный облик сибирского села оказали прежде всего тем, что «научили делать саман» и распространили саманное строительство. «Их (армян) почему-то на ту сторону вывезли (Армянская улица), они там строились. Они делали дома сами: ямы выкапывали: туда солому, глину топтали. Саманные дома» [Архив ЦУиЭ АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2002 г. Т. А. Чепурных]. «Армяне это выдумали, такое строительство (саманное). Саман делали из соломы и глины. С обеих сторон обмажут, выбелят» [Архив ЦУиЭ АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2002 г. В. Г. Кожемякин].

Благодаря украинцам, как говорят старожилы, сибиряки научились «лить дома», «хохлушки» научили «лить» стены. В войну в традиционном срубном жилище под влиянием украинцев и немцев распространилась штукатурка внутренних, затем и внешних стен. Как говорят сибиряки, стали «мазать стены» — хохлушки или немцы «научили щукатурить»: «они [немцы] работящие люди. Немцы научили „щикатурить“» [Архив ЦУИиЭ АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 1993 г. А. И. Привалова].

Принимающее население благодаря многоканальному влиянию стало путаться в названиях жилищ из глины и соломы, путать саманную технологию с глинобитной. Н. И. Ярошенко (1935 г. р.) называла «топтанкой» дом из самана: «В деревне [после войны] все стали делать себе „топтанки“ из самана. Я тоже захотела топтанку. А уже дружила с парнем, с Шурой Ефименко. Он нам помогал эту топтанку делать. Работал на овчарне, ухаживал за овцами. Едет с работы — привезет немного соломы. Мы с матерью ее замесим — так и сделали себе хату побольше [раньше была землянка], «топтанку» [АО администрации Романовского района АК]. Примеров описания «засорения» архитектурно-застроечной среды сельских поселений множество: «мы отлили себе саманную избушку» в Романово, после войны в Романово осталось «несколько деревянных домишек-пятистенников. В основном глинобитные саманные избушки. И семьи беднее бедного» [Архив ЦУИиЭ АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2010 г. Е. К. Киян].

Эти «архитектурные» места памяти выполняют коммеморативную роль. На основе остатков застройки сельских поселений и народной топонимики сохраняется память сельского общества о жизни в селах депортированных немцев, калмыков, армян, украинцев и других народов. Подтверждением этому служат отрывки интервью с Петром Карловичем Шиллером (1947 г. р.), в которых описывается сельский культурный ландшафт с местами памяти о депортированных в окрестностях села Дружба (отделение Чистюнькинского свеклосовхоза Топчихинского района) и следами, оставленными депортированными:

О калмыках:

«Дом на доме был. Вот это называется Копай-гора. По эту сторону люди землянки копали, и по эту сторону землянки были. Калмыки жили. Они как-то отдельно жили. Да вот она, Копай-гора. Наверху ^…^ ставили землянки, а тут огороды были. Тут везде землянки. Вот где дерево стояло, Семен (…) землянку при мне строил. Вот, где тополь, там землянка была, в кустах. Там вот по ту сторону, тоже землянки были. Вот, где я живу, тоже землянки. Мы так и называли его: Калмыцкий поселок. Землянки голимые были. Одноклассники мои жили Обусаева Зина, Борис Очаев… (пауза). Одни калмыки жили вот здесь. Вот она щас улица идет. Эти разбросаны в разные стороны. Вот тут одни землянки были. Вот тута тоже землянки были. Вот тут жил мой друг, старше меня. Ему уже 84 года, народный артист Калмыцкой ССР, и это, еще РСФСР. Борис Очаев [Народный ар-

[1] Именно так называли депортируемых переселенцев с Западной Украины и Белоруссии, тогда как переселенцев с Левобережья Днепра, в том числе и крестьян, обычно называли в Сибири хохлами.

тист 2019][1]. Он тут с матерью жил. Вот они жили, мать и брат его. Мы так и называли … Калмыцкий поселок и Калмыцкий пруд. В честь их назвали[2]. [...] Тут тоже раньше ниче не было. Вот, в 41-м году[3], калмыков переселили, всех туда переселили. Ну, кто в бараке был, в основном они все здесь были. В землянках [...] Да домиков не было, потом они начали строить домики. А потом уже в пятидесятых они начали строиться. Землянки, потом саманухи…» [Архив ЦУИиЭ АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2018 г. П. К. Шиллер].

Об армянах.

«А строили армяне. Они в основном. Эти строители хорошие были — сейчас улица Молодежная (раньше Армянская). Вон там в углу копнешь, и там это глина и камни. Вот смотри, вот тут тоже все, везде дома были — саманы. Вот они строились уже… Вот домик [саманный] остался … А столько народу тут было по этой улице! Уйма народу было! Тут тоже домики были. Старые армяне строили. [...] Эти тоже армяне строили. Атавасяны … А эти были литые домики [...] Там вот, где мы проходили, телятники были, там свинарник был в углу. Саманный был свинарник. И один свинарник был, это как тоже не хуже, как землянка, под землей. Потому что саманные, они же холодные. Вырывали [землю] и вниз спускались. Маленькие эти [были] саманные свинарники. Вот где-то высоты — метра полтора. А тот в земле был» [Архив ЦУИиЭ АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2018 г. П. К. Шиллер].

Но самым ярким в народной топонимике является сюжет, записанный в Топчихинском районе о формировании цепочки совхозных прудов[4] при поселке Дружба Топчихинского района, получивших названия по этнонимам депортированных народов, живущим вдоль этой цепочки — Немецкий пруд, Армянский пруд, Калмыцкий пруд, Украинский пруд, а также Русский пруд. Эта народная топонимика укрепила социальную память. К сожалению, разрушение колхозно-совхозного наследства за последние 30 лет повсеместно привело на Алтае к гибели этих искусственных водохранилищ и прудов. А вместе с ними из региональной топонимической системы уходят и многие этномикротопонимы.

П. К. Шиллер так рассказывал:

«В деревне были пруды… Руками делали плотину […]. Заболочилась, потом вот они ивняк посадили. Вот где-то еще есть. А вот тут, смотри, тут родник бежал все время, зимой и летом. Вода холодная-холодная. Тут поле было… Вот этот пруд называется Калмыцкий. Дальше туда, тоже пруд был Армянский… А вот все это пруд этот. Вон дальше черемуха, красиво тут было все-таки. Ведь этот пруд, он от дороги идет, и идет, и идет… Русский оказался в середке, в центре. Там это Немецкий… Кленом они заросли, вот тут пруд был. Был тут, и рыбачили, сидели. Тут купались. Вот выходим [из одного пруда], и вот сюда пошли купаться. … Потом Украинский. Купались все вместе [русские, немцы, калмыки, украинцы и другие народы, проживающие в сс. Победим и Дружба]. Такое название было — основная национальность [строилась улицами по берегам]. Вот этот был — русские и немцы и калмыки, армяне. Вот их и называли тогда. Вот национальности сами называли» [Архив ЦУИиЭ АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2018 г. П. К. Шиллер].

Подводя итоги изучению социальной памяти о депортациях в принимающих сельских сообществах, в том числе с опорой на микротопонимы, на современном этапе можно отметить, что наряду с сохранением мест памяти о депортации в топонимике социальная память, в целом, имеет тенденцию к затуханию в принимающих регионах. Иную тенденцию имеет культурная память. В отличие от социальной она набирает в последние годы силу и темпы. Более того, имеет разные формы и пути формирования. «Отвердение» социальной и национальной памяти о жертвах депортаций началось в 1990-е гг. после перестройки и распада СССР, продолжается до сих пор и

[1] Речь идет о заслуженном артисте Калмыцкой АССР Борисе Эрдниевиче Очаеве, который был удостоен также звания «Народный артист Калмыцкой АССР». В период ссылки его семья проживала в с. Чистюнька Топчихинского района Алтайского края.

[2] Информант имеет в виду, что назвали в честь проживавших в этой местности калмыков.

[3] Информант путает годы: калмыки прибыли в Алтайский край в январе 1944 г.

[4] Совхозы, как и колхозы, были втянуты в 1960–1970-е гг. в обязательное строительство прудов, с разведением рыбы, в закладку совхозных садов, в открытие кирпичных совхозных заводиков для обеспечения производственных и потребительских нужд.

имеет разные каналы и формы сохранения памяти о депортациях. Формирование культурной памяти тесно связано с процессами мемориализации и ее особенностями на разных территориях и в разное время. Нас в первую очередь интересует культурная память регионального общества, условия и факторы ее формирующие.

3. Коммуникации депортированного и принимающего населения в 1990–2020-е гг. Тенденции трансформации социальной памяти в культурную. Особенности «отвердения памяти» о депортациях в Сибири и мемориализации жертв депортаций

Для Алтайского края первой формой мемориализации стало выявление и облагораживание участков захоронений умершего депортированного населения на городских и сельских кладбищах Алтая в русле поминовения жертв разных видов репрессий. Инициаторами выступали региональные общественно-политические деятели, которые поднялись в начале 1990-х гг. наверх в водовороте радикальных перемен. Но массово региональное общественное движение еще не втянулось в процессы мемориализации жертв депортированных на Алтае, уделяя основное внимание жертвам политических репрессий 1930-х гг. Главную роль в акцентуации памяти регионального общества на депортированных в 1990-е гг. сыграли сами депортированные и их потомки, которые в процессе реабилитации все чаще обращались к местам выселения и к памяти об оставшихся в их земле предках. В результате социальная память, связывая прошлое и настоящее, проявилась в маркировке мест погребения депортированного и местного населения в 1940–1950-е гг. в виде реконструкции либо установке памятных знаков на участках захоронений на Алтае. Примером являются выявленные мемориальные зоны памяти о войне в целом и о депортированных народах в частности на старом Булыгинском кладбище гор. Барнаула. Оно было открыто для захоронений барнаульцев как Воинское в первой половине XX в. в сосновом бору почти в центре города на берегу реки Пивоварки. В 1940–1950-е гг. на его территории сформировалось несколько зон: зона захоронения военнослужащих, которые умерли в эвакогоспиталях, рядом — участки, где располагались Армянское, Мусульманское, Калмыцкое и Детское кладбища.

Мемориализация участников Великой Отечественной войны на его территории активно началась в 1975 г., когда к 30-летию победы в Великой Отечественной войне здесь был создан мемориальный комплекс воинам, умершим от ран в госпиталях Барнаула (на стелах 420 фамилий). Но в памяти барнаульцев сохранилась информация о других захоронениях, в том числе калмыцких и армянских. Со временем калмыцкие захоронения сравнялись с землей, и только благодаря памяти барнаульцев сохранилась информация о местах их захоронения; надписи на могильных плитах и памятниках армян стирались, но с помощью воспоминаний барнаульцев места захоронений тех и других были частично восстановлены уже в 1990-е гг. [Памятники истории 1994].

Благодаря этому важным шагом к формированию культурной памяти о жертвах депортаций на Алтае стала установка в 1994 г. на Булыгинском кладбище мемориального памятного знака на месте захоронений калмыков, отразившая единый порыв и совместные усилия калмыков и городского сообщества, которые проявились в надписи: «Покоящимся здесь калмыкам, умершим в 40-х – 50-х годах. От калмыцкого народа, жителей Алтая и г. Барнаула» (см. фото 1).

Инициатива на этом этапе шла не от региональной администрации и регионального сообщества, занятых в 1990-х гг. реабилитацией и мемориализацией жертв политических репрессий против населения Алтайского края, а сверху — от государственных структур Российской Федерации и Республики Калмыкия и снизу — от общественности Калмыкии — самих депортированных и их потомков. Связало движение сверху и движение снизу такое уникальное явление мемориализации и коммемораций, как «Поезда памяти». С ними связаны последующие шаги по созданию мемориальных зон и формированию мест памяти о депортированных калмыках, а также «отвердение» социальной памяти на территории как Алтайского края, так и других сибирских регионов. Поезда памяти были организованы в 1993, 2001 [Итоги пребывания 2001], 2002[1] и 2013 гг. Начавшись в

[1] Третий поезд назывался «Дети войны, дети Сибири». Состоял из 500 человек, которые роди-

Фото 1. Памятный знак на месте захоронений депортированных калмыков. Установлен в 1994 г. Надпись «Покоящимся здесь калмыкам, умершим в 40–50-х годах. От калмыцкого народа, жителей Алтая и г. Барнаула» (г. Барнаул, Булыгинское (старое) кладбище)
[*Photo 1.* Commemoration monument on a mass grave site for Kalmyk deportees. Installed in 1994. Legend: 'To Kalmyk victims who deceased here in the 1940s–1950s. From the Kalmyk people, natives of the Altai and Barnaul'. Bulyginskoye (old) cemetery, Barnaul]

Республике Калмыкия, этот проект стал общероссийским. Его целью стало сохранение и передача памяти о жертвах политических репрессий в СССР. Проводились они в рамках государственной программы «Культура памяти» при поддержке Министерства культуры Российской Федерации по инициативе экс-президента Калмыкии К. Н. Илюмжинова. Как считает Э.-Б. М. Гучинова, идея поездов была поднята в Калмыкии с инициативы государства, которому было необходимо спроецировать и уложить в обществе свою точку зрения к процессу депортации народов [Гучинова 2021: 125].

Содержательно поезда памяти имели многовекторный характер деятельности — культурный, мемориальный, общественный и политический, объединив в процессах мемориализации жертв депортации калмыцкого народа и принимающего населения. В процедурах поминовения и в коммеративных практиках «Поезда памяти» и в прямом, и в переносном смысле связали территорию Калмыкии с Сибирью, так как сценарии мероприятий по ходу движения поездов включали участие и депортированных (324 пассажира были депортированы в 1943 г. в Сибирь), и сибиряков. Первый Поезд памяти с названием «Калмыкия — с благодарностью сибирякам» вышел в 1993 г. Поезд проследовал через столицы регионов, в которые в годы депортации были депортированы калмыки: Тюмень — Омск — Барнаул — Томск — Красноярск — Новосибирск. Именно благодаря поезду памяти 1993 г. в Барнауле от калмыков и барнаульцев был поставлен описанный ранее памятный знак жертвам депортации калмыцкого народа на старом Булыгинском кладбище.

лись уже в период ссылки в Сибири, но сами не были депортированы, в отличие от участников предыдущих двух поездов. По факту рождения их можно назвать «сибиряками». Пассажиры данного поезда, будучи детьми депортированных калмыков, рожденными за Уралом, смогли проехать по тому же маршруту, что и их родители в 1943 г.

Как известно, поезда, начавшись в 1993 г. с идеи поминовения жертв депортаций, произвели в публичном дискурсе разворот от трагического нарратива к позитивному с акцентом на благодарность жителям Сибири, благодаря которым депортированные, по их словам, выжили в местах размещения. Как заявлял Кирсан Илюмжинов, одной из целей было выражение благодарности сибирякам «за доброту, милосердие, поддержку в трудные для калмыцкого народа годы» (цит. по: [Гучинова 2021: 123]). В результате поезда памяти превратились в мощные площадки коммуникаций, с одной стороны, депортированного и принимающего населения, с другой — власти и общества, так как в вагонах поездов и на станциях находились люди, ставшие жертвами репрессий, ветераны Великой Отечественной войны, представители государственных органов и общественных организаций. Встречи участников «Поездов памяти» с местными жителями, совместное проведение памятных мероприятий, посещение мемориальных комплексов и памятных знаков для возложения цветов стали важными побудительными мотивами обращения регионального сообщества к памяти о депортациях.

Для алтайского сообщества «поезда памяти» стали своего рода триггером развития культурной памяти. Благодаря этим поездам наряду с установленным на Булыгинском кладбище Барнаула появился еще ряд памятных знаков жертвам депортации калмыков в Барнауле. Второй памятный знак в виде мраморной стелы [Сегодня на Алтай 2021], установленной участниками второго «поезда памяти» по местам депортаций и захоронений калмыков, появился в 2001 г. в Барнауле на площади Свободы по инициативе и на средства Республики Калмыкии[1] (см. фото 2). Надпись на нем гласила «Жертвам сталинских репрессий 1943–1957 гг. от калмыцкого народа» и строками стихотворения калмыцкого поэта Давида Кугультинова.

Таким образом, коммеморации, запущенные «сверху» — от власти к обществу — переросли границы республиканского мероприятия и ушли «в народ». Они актуализировали информацию о депортациях в коллективной памяти сибирского регионального общества, послужили триггером (толчком) в процессе «отвердения» этой памяти с формированием «мест памяти» и мемориальных зон в городском и сельском культурном ландшафте Алтайского края. Анализ процессов мемориализации показывает, что к 2000–2010-м гг. сформировалась инициатива «снизу» уже от сельских и городских обществ алтайского региона по сохранению памяти о народах, которые были депортированы на Алтай. Подтверждением этому служат события, связанные с установкой памятного знака на территории Троицкого района в местах массового применения на лесозаготовках (Боровлянский леспромхоз) труда репрессированных и депортированных в 1930–1940-е гг., в которых участвовали и депортированные, в том числе и калмыки, и местные жители (см. фото 3). Произошло это 24 июня 2016 г. в с. Заводском Троицкого района, где был поставлен мраморный знак. В комплексе мероприятий по установке и открытию памятного знака встретилась память как самих жертв репрессий, так и местных жителей. О движении «снизу» от сельского общества свидетельствует история установки этого памятного знака. Началась она с появления ленточек на соснах (на предназначенных к заготовке деревьях) на лесной деляне около поселка. Местные жители помнили, что как раз на этом месте были расположены братские могилы. В знак протеста против строительства на этом месте местные жители поставили поклонные кресты, начали работу фиксации территории не только захоронений, но и расположения землянок, где проживали заключенные. Инициатором была местная жительница Мария Поливцева.

[1] Эта плита была разбита в ночь с 17 на 18 марта 2002 г., позже демонтирована. Акт вандализма был направлен не против памятника, а против выбора места для его установки — Соборной площади города, где, по некоторым данным, располагалось самое старое кладбище города и где, по одной из версий, был похоронен великий изобретатель И. И. Ползунов. Такие же протесты сопровождали установку на Соборной площади 4 ноября 2010 г., в день праздника Единства России, памятника «Прощание» по проекту известного алтайского скульптора Прокопия Щетинина. В отличие от памятного знака жертвам депортаций калмыков, этот памятник, несмотря на протесты, установлен и используется в общественно-политической жизни жителей Барнаула.

Фото 2. Памятный знак жертвам сталинских репрессий от калмыцкого народа (г. Барнаул, пл. Свободы (бывш. Соборная площадь)). Открыт в 2001 г.
[*Photo 2.* Commemoration monument to victims of Stalinist repressions from the Kalmyk people. Svobody St. (former Sobornaya Sq.), Barnaul. Opened in 2001]

Фото 3. Памятный знак «Жертвам репрессий». Установлен 26 июня 2016 г. (с. Заводское, Троицкий район, Алтайский край)
[*Photo 3.* Commemoration monument to victims of repressions. Installed on 26 June 2016. Zavodskoye, Troitsky District, Altai Krai]

В ходе обустройства прилегающей территории было найдено много предметов быта спецпоселенцев. Благодаря сбору документов и обращению в краевое управление природных ресурсов и экологии эти территории вывели из зоны заготовок леса[1]. На месте захоронений был поставлен памятный знак. На церемонии его открытия присутствовали, с одной стороны, представители общественности — потомки репрессированных и местных жителей и, с другой стороны, представители власти — местная администрация и Общественная палата Калмыкии. Отношение к мемориализации памяти о тех событиях местного сельского населения выразилось в тексте «Жертвам репрессий».

Как пояснили сельчане, памятный знак поставлен в память тем, кто был в спецпоселениях Троицкого района — калмыкам, немцам, белорусам, армянам, литовцам и всем, кто пострадал от репрессий, в том числе местному населению. Этот пример показывает консолидацию регионального сообщества в процессе мобилизации исторической памяти и мемориализации исторического прошлого, в том числе через связи с народами, проживавшими в депортации на Алтае. Как прокомментировал старожил, очевидец происходящего в прошлом и в наши дни Г. Д. Элерт: «Вон она щас, в Заводском поставили памятник, литовцы приезжают, такие, знаменитые. Ищут, где ихние предки похоронены. И вот сейчас там камень поставили, как обелиск. И вот к нему [памятнику] каждый год приезжают и кланяются. А он [памятник] там за этим местом, где похороны [захоронения] были» [Архив ЦУИиЭ АлтГПУ. Ф. 1. Материалы 2019 г. Г. Д. Элерт].

Гарантом этой консолидации выступает общая память, которая объединяет тех и других. Как это следует из выступления-воспоминания приехавшего на открытие знака Ивана Нимгировича Басангова, члена Общественной палаты Калмыкии, в детстве жившего при Боровлянском лесничестве: «После Барнаула на каждой остановке стали отцеплять по два вагона. Наконец поезд с оставшимися остановился. Дальше никакой железной дороги не было. Сказали, что повезут на подводах. Кругом, куда ни глянь, глубокий белый снег и темный лес. Поселенцев на лошадях привезли куда-то, потом объявили, что это 108 участок Боровлянского леспромхоза. Там стояло несколько бараков, в которых и оставили жить прибывших. Каждой семье отвели по одной комнате. В первую же зиму мы похоронили маму, когда я был в четвертом классе, не стало отца, от ран, полученных на войне, умер муж сестры… Мне скоро 80, я вернулся домой в родную Калмыкию, но я с благодарностью вспоминаю Алтайский край и Троицкий район, жителей, которые помогли нам тогда пережить это непростое время» [Делили судьбу 2016].

Индивидуальная память Ивана Басангова маркируется рядом событий, которые не дают забыть о взаимоотношениях депортируемого и принимающего общества с благодарностью. Для И. Н. Басангова это связано с имянаречением — Иван, как своего рода «братания» русского мальчика Ивана и калмыцкого мальчика Олста: «Алтайский край — это мое детство. А детство — это все равно счастливое время. На Алтае я познакомился с мальчиком Ваней Кузнецовым. Я подарил ему пару значков, оставшихся от старшего брата, и кожаный портфель. Он немного старше меня, и ему пора было идти в школу. Ваня так обрадовался и сказал: „Олста (так меня тогда звали по названию урочища, в котором я родился), давай дружить по правде и давай тебя будут звать Ванькой, как и меня!“. С тех пор меня зовут русским именем Иван» [Делили судьбу 2016].

[1] Такая же история произошла в г. Барнауле в 1991 г. в районе бывшей Барнаульской тюрьмы, вокруг которой проводились массовые расстрелы и захоронения репрессированных и раскулаченных из Алтайского края в 1930-е гг., когда значительная прилегающая к СИЗО территория ленточного бора под давлением общественности была выведена из зоны застройки, с оформлением статуса городского кладбища. 19 августа 1991 г. был установлен безвозмездно первый памятный знак по инициативе ССО «Память» строительного техникума (рук. С. Ф. Бондарев), авторами проекта безвозмездно также были студенты при финансовом участии алтайского отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры (заместитель краевого совета Л. Д. Фатеева) в память жертв репрессий с говорящей надписью «Невинно убиенных пусть сила правды воскресит. Вечная память почившим». Сегодня он прочно вошел в общественно-культурную жизнь региона.

Тот факт, что, вернувшись в Калмыкию, он не вернулся к своему имени, говорит об особых закономерностях в развитии одновременно и травматической, и благодарной памяти, которые переплелись и ужились друг с другом. По этим причинам Иван Нимгирович был на Алтае не единожды: ездил на могилки родителей, посещал родную школу [Делили судьбу 2016].

Проявлением общественной инициативы под влиянием «поездов памяти» стала установка памятного знака в с. Урюпино Алейского района, информацию о котором собрали в экспедиции 2021 г. (см. фото 4). Он касался не столько коллективной травмы, как предыдущие безымянные памятные знаки, сколько социальной индивидуальной памяти калмыков — депортированных, умерших и похороненных на кладбище села Урюпино, так как был установлен потомками депортированных. На памятнике размещены 17 фамилий с годами смерти и внизу надпись: «От родных из Калмыкии. 26.05.2001». Среди тех, чьи фамилии написаны на памятном знаке, трое детей, родившихся и умерших в младенческом возрасте в 1950–1951, 1951–1952, 1954–1955 гг.

В 2010-е гг. на Алтае благодаря деятельности научной и культурной общественности Армении актуализировалась информация в памяти местного населения о депортированных армянах-репатриантах. Инициативу проявили армянские документалисты (Тигран Паскевичян, Сатеник Фарамазян). В 2011 г. студия «Версус» начала работу над документальным фильмом о репатриации армян в 1946–1949 гг. Однако материал, собранный в течение года, не позволил ограничиться одним фильмом. Все это переросло в большой проект «Возвращаясь на круги своя», включающий множество компонентов. К 2017 г. результатами его реализации стала документальная трилогия: «Родина моя незнакомая» (репатриация 1946–1949), «Родина моя холодная» (репрессии, депортация и адаптация репатриантов 1946–1956), «Последняя мечта или game over» (эмиграция 1960–1990). Коммеморативными продуктами являлись выставка «Человек перед лицом насилия» (армянские репатрианты в ГУЛАГе и ссылке), сборник статей «Транзитная Родина: Поиск последнего пристанища». Для Алтая большую роль сыграл документальный фильм «Правила биографии» (воспоминания старо-

Фото 4. Памятник от родных из Калмыкии (с. Урюпино, 26.05.2001)
[*Photo 4.* Monument to Kalmyk deportees from Kalmykia-based relatives. 26 May 2001. Uryupino, Aleysky District, Altai Krai]

жилов алтайских сел о ссыльных армянах). В поисках следов депортированных армян-репатриантов в социальной памяти местного населения и культурном ландшафте Алтая съемочная группа посетила несколько районов Алтайского края. Приезд на Алтай группы документалистов совместно с армянскими антропологами Г. Харатьян, Г. Шагоян (НАН Армении) активизировал не только социальную память, но и научные изыскания сибирских исследователей (Н. Н. Аблажей, г. Новосибирск, Т. К. Щеглова, г. Барнаул), которые совместно с учеными НАН Армении в течение нескольких лет создавали на основе архивного и устного материала реконструкцию тех событий с опорой на коллективную и индивидуальную память как самих депортированных армян, так и принимающего населения, для которого обращение к их воспоминаниям актуализировало информацию об армянской депортации в ландшафте сознания. Создатели фильма довольно точно диагностировали состояние памяти сибирского населения о депортации армян: «хочется рассказать о фильме „Правила биографии“. В нем собраны воспоминания старожилов сел Заринского и Залесовского районов Алтайского края о выселенных в 1949 году армянах. В основном это люди, которым за 70 лет. Появление нашей съемочной группы вначале вызывало у собеседников некое замешательство. „...никто никогда не спрашивал об армянах“, — говорит Галина Максимова из Заринска, но затем с легкостью начинает рассказывать об армянской семье, которая жила у них в 1950-е гг. „Это вам для истории, да?“, — складывая дрова, спрашивает Иван Владимиров из Хмелевки и ведет нас показывать место, где когда-то была армянская землянка. „Помню, свадьбу помню...“, — сразу отвечает на вопрос об армянах Полина Куковякина. События, связанные с армянами, как нам показалось, вспоминают, не напрягаясь (проблемы возникают лишь с непривычными армянскими именами). В течение интервью часто переходят к обобщениям, рассказывая уже о своей судьбе, о том, как они жили и работали, какие события повлияли на их жизнь в далеком прошлом» [ПМА 2017].

Оценку памяти алтайского сельского населения о депортированных армянах можно распространить и на социальную память о других депортированных народах, забыть о которых не позволяют не только общие этапы совместной жизни старших поколений, но и следы в сельском культурном ландшафте.

Такими местами памяти о депортированных на Алтае являются сохранившиеся до наших дней фрагменты захоронений на деревенских кладбищах, которые последние годы берутся сельскими обществами, часто по инициативе потомков самих депортированных, под контроль и заботу. Приведем такой пример: польский участок на кладбище в с. Солонешное (Солонешенский район Алтайского края) с захоронениями поляков в 1940-е гг. (см. фото 5). В первой половине 1940 г. в Солонешное на спецпоселение были направлены депортированные поляки, позднее здесь размещался пункт вербовки в Армию Андерса.

Сельское кладбище, где хоронили умерших польских ссыльных, находится на покатом холме. Инициаторами установления мест захоронения стали потомки депортированных поляков. Было известно имя польской ссыльной Халины Зарембы, которая была похоронена здесь. По просьбе ее дочери Хелены Сидорчук (Helena Zaremba-Sidorczuk) о. Анджей Обуховский, настоятель Римско-католического прихода Св. Иоанна Крестителя в Бийске, посетил Солонешное в 2005 г. и сделал фотографии заброшенного кладбища. Сведения о похороненных здесь поляках были найдены в загсе Солонешенского района (Информация на 2013 г. [Виртуальный музей 2013]).

В селе Дружба Топчихинского района сохранился участок старого кладбища, где были похоронены умершие в депортации армяне. На одной из армянских могил сохранилась запись об умершей: Сукиасян Фрося Мамиконовна (см. фото 6). На могильном камне, установленном на захоронении в армянской традиции, читается надпись, что она умерла 07.07.1951, т. е. в возрасте 18 лет. Благодаря деятельности местных краеведов стало известно, что семья обвиненного в сепаратизме (связях с дашнаками) и расстрелянного в 1937 г. Мамикона Сукиасяна была выслана из Армении первоначально в Самарскую область, а затем в Алтайский край, в Чистюньский свеклосовхоз. На момент депортации семья состояла из жены Мамикона, Марины Сагателовны, 1904 г. р., и их детей: Фроси Мамиконовны, 1927 г. р., Милкуш Мамиконовны, 1931 г. р., Жорика Мамиконовича, 1933 г. р., Грайра Мамиконовича, 1935 г. р. [Поздин 2018].

Фото 5. Заброшенное кладбище села Солонешное Алтайского края. Фото 2005 г. Автор: настоятель Римско-католического прихода Св. Иоанна Крестителя в Бийске о. Анджей Обуховский
[*Photo 5.* Desolate cemetery in Soloneshnoye (Soloneshnensky District, Altai Krai). 2005. Photo by and courtesy of Rev. Andrzej Obuchowski]

Фото 6. Сельское кладбище с. Дружба (Топчихинский район, Алтайский край). Могильный камень на захоронении армянской девушки Фроси Мамиконовны Сукиасян
[*Photo 6.* Local cemetery in Druzhba (Topchikhinsky District, Altai Krai). Tombstone to Armenian girl Frosya M. Sukisyan]

По данным Топчихинского ЗАГС, в этой семье в 1951 г. умерла только Фрося Мамиконовна, все остальные в 1956 г. отбыли в Армению. О судьбе остальных армян из всей группы депортированных в 1949 г. в Чистюнькинский совхоз сохранились записи в Топчихинском ЗАГСе [Поздин 2018]. В этом же Топчихинском районе формой сохранения памяти о депортациях в местном сельском сообществе стало создание интернет-площадок с публикацией информации о депортированных народах. Примером является создание страницы про депортированных армян на сайте Топчихинского краеведческого музея. Как правило, инициаторами таких коммеморaций являются местные краеведы и учителя истории, занимающиеся с учениками исследовательско-поисковой работой. В своей деятельности они фиксируют оставленное депортируемыми наследие в памяти местного населения, собирают воспоминания, ведут переписку с потомками депортированных, выявляют и сохраняют следы в сельском культурном ландшафте.

Такое отношение в сельских обществах отражает крестьянскую культуру поминовения и сохранения памяти о прошлом через диалоги поколений в семейном и сельском кругу, благодаря которым дошли до нас «места памяти» о депортациях. На современном этапе для этнологов и антропологов изучение памяти является одним из важнейших направлений исследований, закономерностей и тенденций ее развития и ее видов, в том числе коммеморaций. И не только на примере репрессий, но и других событий прошлого, связанных с массовой историей и охватом значительных групп населения. Например, в этом ряду стоит возникшее в последние десятилетия на Алтае движение вокруг таких мест памяти, как исчезнувшие села Алтайского края и сохранившиеся от них деревенские погосты. Эти места памяти держатся на коллективной социальной памяти ее жителей, вынужденно мигрировавших в свое время из сел, включенных в списки неперспективных [Калашникова 2021; Дубасы 2012]. Места исчезнувших сел становятся местом съездов и встреч бывших жителей. Как правило, на месте большинства сел от сельских усадеб остаются ямы и возвышенности, поросшие крапивой, которую можно полноправно назвать «могильной травой», маркирующей жилую среду погибших сел. Многие места расположения сел распаханы. Но, как правило, сохраняются и огорожены деревенские кладбища. Их существование также обусловлено социальной памятью, кратковременно на протяжении жизни нескольких поколений, сохраняющую историческую и антропологическую информацию. К коммеративным практикам можно отнести как «съезды» жителей для встреч и воспоминаний, так и посещения могил в дни поминовений родных и близких (родительские дни, Красная Горка, Троица) на деревенских погостах. Для защиты кладбищенского пространства и надмогильных памятников участниками мемориализации делается опашка территории погоста глубоким рвом, чтобы случайно оно не попало под запашку или не забредал скот. Нельзя сказать, что это движение по мемориализации памяти о людях, живших в исчезнувших селах, является повсеместным, но оно расширяется в последние годы. При проведении полевых исследований встречается много территорий исчезнувших сел и заброшенных кладбищ, которые окружены заросшими травой рвами [Щеглова 2008: 479–487].

Отношение к местам памяти о прошлом, касающимся жизни поколений предшественников, является ключевой и основной частью культуры памяти как регионального, так и всего общероссийского общества. Фрагменты этой культуры входят в историко-культурное наследие и свидетельствуют о состоянии общества и государства, перспективах их развития, здоровья общества. Культура памяти является существенным условием консолидации общества вокруг принятия прошлого во всех его проявлениях и существования этого общества в настоящем. Таким мемориальным местом культурной памяти можно назвать кладбище в поселке Дружба Топчихинского района (бывшее отделение Чистюнькинского свеклосовхоза), которое демонстрирует историю депортаций на Алтай в 1940–1950-е гг., отражая разные волны этнических миграций. Наш респондент нашел ему емкое и говорящее определение: «Святое поле». Во время посещения кладбища житель Топчихинского района П. К. Шиллер, подводя к сохранившимся надмогильным камням на армянских захоронениях, к

немецким крестам и пирамидкам, к калмыцким холмикам, русским и украинским крестам и пирамидкам со звездами, перечисляя запомнившиеся ему имена и фамилии похороненных, рассказывая о них, назвал весь погост «Святым полем». Отрывок из его интервью показывает, что память в сельских обществах на уровне старших поколений еще сохранилась:

«Вот это старые могилки. Вот здеся заросло, тут калмыцкие могилки были. Вот это тоже старые могилки, вот здеся. Тоже заросли уже все. Тоже где калмыки лежали (пауза, и далее поясняет, почему не сохранилось памятных знаков). А у них, дощечки они только ставили. Калмыцкие могилки были в этом месте. Артист (Борис Очаев), получается, у него похоронены мать и брат — с голоду умер. Не мать, а бабушка. С голоду, жрать нечего было. Это армянские могилки. Вот это похоронены мои соседи. Саркисян. Вот их Ефросинья, год рождения двадцать седьмой год, до пятьдесят пятого [дожила]… Тут еще могилки были, но их нет, а вот эти остались памятники. Святое поле» [Архив ЦУИиЭ АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2018 г. П. К. Шиллер].

4. Заключение

Подводя итоги проведенному исследованию, можем сделать предварительные выводы. Во-первых, история депортаций касается не только депортированных народов и их принудительной высылки. В этом отношении можно говорить о расширительном толковании слова «депортация», включая весь период проживания депортированных в местах ссылки или спецпоселений, до появления во второй половине 1950-х гг. указов, в соответствии с которыми репрессированные народы стали постепенно возвращаться на места своего прежнего жительства [Указ 1956а; Указ 1956б].

Поэтому изучение памяти о депортациях в российском обществе должна охватывать как депортированное, так и местное население. Это важно, в том числе, и для всего российского полиэтнического общества, для сохранения его общественного здоровья и трансляции культуры памяти. Что касается самой памяти, и это, во-вторых, то на современном этапе она представлена как социальной памятью, которая имеет ограниченный срок существования, так и культурной памятью, которая, «затвердев», передается последующим поколениям на длительную перспективу, имея не только мемориальное значение, но и оздоровляющее, и воспитательное. В-третьих, изучение социальной (коллективной и индивидуальной) памяти показывает, что депортация по-разному осталась в памяти депортированного и принимающего населения. Основными ее носителями являются семьи депортированных как на уровне старших поколений, которые на современном этапе представлены детьми тех, кого депортировали, и тех, кто родился уже в депортации, так и на уровне их потомков, у которых сформировался значительный след в сознании благодаря семейной памяти и семейному проговариванию трагических событий. Состояние памяти о депортациях у депортированного и принимающего населения показывает, что травматическая и социальная память имеют разные сроки хранения информации и тенденции развития. Память сибирского населения тоже хранит информацию о депортации и депортированных в их селе. Но в отличие от памяти депортированных эта информация не находится в центре внимания, не востребована или мало востребована в семейном кругу. По этой причине ее носителями выступает преимущественно старшее поколение, представленное очевидцами событий. В-четвертых, на современном этапе социальная память постепенно трансформируется в культурную память. Логика этих процессов включала несколько этапов. На этапе реабилитации по инициативе сверху, от государства, в начале 1990-х гг. актуализировалась социальная память, и начался период проговаривания травмы. Затем по инициативе государства, как на уровне Российской Федерации, так и на уровне республик, возникло движение по формированию и увековечиванию памяти жертв депортаций. Самым ярким выражением стали «Поезда памяти» калмыцкого народа в места депортации, которые эмоционально являлись одновременно выражением скорби по родным и близким и благодарности принимающему населению, благодаря которому удалось сгладить негативные последствия государственной политики принудительных переселений. Эти «Поезда памяти» стали площадками коммуникаций одновременно власти и общества, депортированного и си-

бирского населения. В 1990-е гг. и в начале 2000-х гг. начался процесс «отвердения памяти» с установки сначала в национальных республиках и округах, а затем в местах высылки памятников, памятных знаков, сбора и публикации воспоминаний депортированных, создания интернет-продуктов и т. д. Запущенные государством и депортированными народами процессы формирования культурной памяти нашли отклик у принимающего общества. И уже в 2010–2020-е гг. в процессы мемориализации, инициированные депортированными народами, подключается местное сибирское общество, выявляя места памяти и увековечивая их. Вместе с тем культурная память местного населения сформировалась ранее и имела разные формы коммеморации, связанных со следами депортаций не только в ландшафте сознания, но и в культурном ландшафте сел и их окрестностей. К ним относится народная топонимика, имеющая до сих пор хождение в обыденной повседневной жизни современного сельского населения Алтайского края. Культурная память существует также в виде фрагментов захоронений депортированных на деревенских погостах. Таким образом, на основе социальной и культурной памяти депортированного и принимающего населения совместными усилиями формируется культура памяти, наличие которой является гарантом перспективного будущего полиэтнического российского общества.

Полевые материалы автора

ПМА 2017 — Полевые материалы Т. К. Щегловой, запись 23 декабря 2017 г.

Author's Field Data

Field data of T. Shcheglova. Rec. on 23 December 2017. (In Russ.)

Источники

АО администрации Романовского района АК — Ярошенко (Гринь) Наталья Ивановна, 1935 г. р. с. Дубровино, Романовский район: Сборник воспоминаний граждан Романовского района о событиях Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. (Ч. 1: Женщина и война; Ч. 2: Дети войны): рукопись // Архивный отдел администрации Романовского района Алтайского края. Ф. Р-67. Оп. 1. Д. 47.

Архив ЦУИиЭ АлтГПУ — Архив Центра устной истории и этнографии Алтайского государственного педагогического университета (записи: М. А. Гончаревская, 1939 г. р., Троицкий район, с. Троицкое; Т. А. Чепурных, 1926 г. р., Зональный район, п. Урожайный; Р. И. Дорошенко, 1937 г. р., Романовский район, с. Дубровино; Е. К. Киян, 1942 г. р., Романовский район, с. Романово; А. И. Привалова, 1913 г. р., Смоленский район, с. Точильное; П. К. Шиллер, 1947 г. р., Топчихинский район, пос. Дружба; В. Г. Кожемякин, 1931 г. р., Зональный район, п. Урожайный; А. А. Захарова (дев. Мамонтова), 1934 г. р., Алейский район, с. Урюпино; Д. Ф. Часовских, 1939 г. р., Алейский район, с. Урюпино; Г. Д. Элерт, 1935 г. р., Троицкий район, с. Зеленая Поляна; А. Н. Сусоев, 1936 г. р., Курьинский район, с. Трусово).

Декларация 1989 — Декларация Верховного Совета СССР «О признании незаконными и преступными репрессивных актов против народов, подвергшихся насильственному переселению, и обеспечении их прав». 14.11.1989 // Ведомости народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. 1989. 15 ноября. № 23. С. 607.

Указ 1956а — Указ Президиума Верховного совета СССР от 17 марта 1956 года «О снятии ограничений в правовом положении с калмыков и членов их семей, находящихся на спецпоселении» [электронный ресурс] // Инф.-правовая база «Гарант». URL: https://base.garant.ru/6331041/ (дата обращения: 10.07.2023).

Указ 1956б — Указ Президиума Верховного Совета СССР «О снятии ограничений по спецпоселению с чеченцев, ингушей, карачаевцев и членов их семей, выселенных в период Великой Отечественной войны». 16 июля 1956 г. [электронный ресурс] // ГА РФ. Ф. 207. Т. 4. Папка 15. URL: http://docs.historyrussia.org/ru/nodes/165844-ukaz-prezidiuma-verhovnogo-soveta-sssr-o-snyatii-ogranicheniy-po-spetsposeleniyu-s-chechentsev-ingushey-karachaevtsev-i-chlenov-ih-semey-vyselennyh-v-period-velikoy-otechestvennoy-voyny-16-iyulya-1956 (дата обращения: 10.07.2023).

Sources

Altai State Pedagogical University, Center of Oral History and Ethnography, Archive (Informants: M. Goncharevskaya, b. 1939, Altai Krai, Troitsky District, Troitskoye; T. Chepurnykh, b. 1926, Zonalny District, Urozhainy; R.

Doroshenko, b. 1937, Romanovsky District, Dubrovino; E. Kiyan, b. 1942, Romanovsky District, Romanovo; A. Privalova, b. 1913, Smolensky District, Tochilnoye; P. Schiller, b. 1947, Topchikhinsky District, Druzhba; V. Kozhemyakin, b. 1931, Zonalny District,. Urozhainy; A. Zakharova (née Mamontova), b. 1934, Aleysky District, Uryupino; D. Chasovskikh, b. 1939, Aleysky District, Uryupino; G. Elert, b. 1935, Troitsky District, Zelenaya Polyana; A. Susoev, b. 1936, Kuryinsky District, Trusovo). (In Russ.)

Declaration of the Supreme Soviet of the USSR of 14 November 1989 Proclaiming the Forced Relocations of Repressed Soviet Citizens Illegal and Unlawful, and Securing Their Rights. *Vedomosti narodnykh deputatov SSSR i Verkhovnogo Soveta SSSR*. 1989, November 15. No. 23. P. 607. (In Russ.)

Natalya I. Yaroshenko (née Grin), b. 1935, Dubrovino, Romanovsky District (Altai Krai). In: Collected Memoirs of Romanovsky District Residents about the Great Patriotic War of 1941–1945 and Related Events (Pt. 1: Woman and War. Pt. 2: Children of War). Manuscript. At: Administrative Office of Romanovsky District (Altai Krai, Russia), Archival Department. Coll. P-67. Cat. 1. File 47. (In Russ.)

Order of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR of 16 July 1956 on Elimination of Special Settlement-Related Restrictions for Ethnic Chechens, Ingushes, Karachays, and Members of Their Families Relocated during the Great Patriotic War. At: State Archive of the Russian Federation. Coll. 207. Vol. 4. File 15. Available at: http://docs.historyrussia.org/ru/nodes/165844-ukaz-prezidiuma-verhovnogo-soveta-sssr-o-snyatii-ogranicheniy-po-spetsposeleniyu-s-chechentsev-ingushey-karachaevtsev-i-chlenov-ih-semey-vyselennyh-v-period-velikoy-otechestvennoy-voyny-16-iyulya-1956 (accessed: 10 July 2023). (In Russ.)

Order of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR of 17 March 1956 on Elimination of Legal Status-Related Restrictions for Ethnic Kalmyks and Members of Their Families in Special Settlement Areas. On: GARANT Legal Information System. Available at: https://base.garant.ru/6331041/ (accessed: 10 July 2023). (In Russ.)

Электронные ресурсы

Виртуальный музей 2013 — Польский участок на кладбище в с. Солонешное [электронный ресурс] // Музей ГУЛАГа. URL: http://gulagmuseum.org/showObject.do?object=294082144&language=1 (дата обращения: 15.07.2013).

Делили судьбу 2016 — Делили судьбу, хлеб и картошку [электронный ресурс] // Алтайская правда (Новости Барнаула и Алтайского края). 26 июня 2016 г. URL: https://www.ap22.ru/paper/Delili-sud-bu-hleb-i-kartoshku.html (дата обращения: 15.07.2023)

Дубасы 2012 — Дубасы, Якуниха и Каменушка — исчезнувшие села Заринского района // Эра: Электронные ресурсы Алтая. URL: http://era.altlib.ru/771?ysclid=los65inb8y23320162 (дата обращения: 10.09.2023).

Итоги пребывания 2001 — Итоги пребывания «Поезда Памяти калмыцкого народа» в Барнауле [электронный ресурс] // ИА «Амител». Новости Барнаула. 28 мая 2001 г. URL: https://www.amic.ru/news/prochee/itogi-prebyvaniya-poezda-pamyati-kalmyckogo-naroda-v-barnaule (дата обращения: 15.07.2023)

Калашникова 2021 — *Калашникова Е.* История забытого села Куличье [электронный ресурс] // Русское географическое общество: Алтайское краевое отделение. 3 июня 2021 г. URL: https://www.rgo.ru/ru/article/istoriya-zabytogo-sela-kuliche (дата обращения: 10.09.2023).

Народный артист 2019 — Народный артист Калмыкии отметил юбилей [электронный ресурс] // MK.ru. Культура. 08.06.2019. URL: https://www.mk-kalm.ru/culture/2019/06/08/narodnyy-artist-kalmykii-otmetil-yubiley.html (дата обращения: 01.04.2023).

Новоселово 2012 — Новоселово. Памятник крестьянам с Алтая, спецпереселенцам в Нарымский край [электронный ресурс] // Музей «Следственная тюрьма НКВД». Май 2012 г. URL: https://nkvd.tomsk.ru/projects/regional_memorials_and_tablets/memorials_memorial_tablets_regional/Novoselovo (дата обращения: 01.09.2023).

Памятники истории 1994 — Памятник истории и культуры регионального значения. Постановление АКЗС № 169 от 28.12.1994 [электронный ресурс] // Платформа материалов Pandia.ru. Объекты культурного наследия регионального значения (памятники архитектуры и истории). URL: https://pandia.ru/text/80/211/47521.php (дата обращения: 15.07.2023).

Поздин 2018 — *Поздин С. В.* Репрессированные армяне в Топчихинском районе [электронный ресурс] // Топчихинский район: краеведческий сайт. История. 4.06.2018. URL: http://top-kraeved.ru/repressirovannye-

armjane-v-topchihinskom-rajone/ (дата обращения: 15.07.2023).

Сегодня на Алтай 2021 — Сегодня на Алтай прибывает поезд памяти из Республики Калмыкия под девизом «Калмыки — с благодарностью к сибирякам» [электронный ресурс] // ИА «Амител». Новости Барнаула. 25 мая 2001 г. URL: https://www.amic.ru/news/prochee/segodnya-na-altay-pribyvaet-poezd-pamyati-iz-respubliki-kalmykiya-pod-devizom-kalmyki-s-blagodarnostyu-k-sibiryakam (дата обращения: 15.07.2023).

Сквер памяти 2023 — Сквер Памяти раскулаченных открылся в селе Палочка [электронный ресурс] // Вести-Томск – Новости Томска и области. 26.06.2023. URL: https://www.tvtomsk.ru/news/86860-skver-pamjati-raskulachennyh-otkrylsja-v-sele-palochka-verhneketskogo-rajona.html (дата обращения: 01.09.2023).

Тирская 2020 — *Тирская С.* Первый Центр памяти раскулаченных имеет непосредственное отношение к Алтаю [электронный ресурс] // Алтайская правда. 21 сентября 2020. URL: https://www.ap22.ru/paper/Pervyy-Tsentr-pamyati-raskulachennyh-imeet-neposredstvennoe-otnoshenie-k-Altayu.html (дата обращения: 10.09.2023).

Internet Sources

Dubasy, Yakunikha and Kamenushka — extinct villages of Zarinsky District. On: Era. Online Resources of the Altai. Available at: http://era.altlib.ru/771?ysclid=los65inb8y23320162 (accessed: 10 September 2023). (In Russ.)

Kalashnikova E. History of godforsaken Kulichye village. On: Russian Geographical Society. Altai Department. Posted on 3 June 2021. Available at: https://www.rgo.ru/ru/article/istoriya-zabytogo-sela-kuliche (accessed: 10 September 2023). (In Russ.)

Kalmyk people's train of memory in Barnaul. On: Amitel news agency. News of Barnaul. Posted on 28 May 2001. Available at: https://www.amic.ru/news/prochee/itogi-prebyvaniya-poezda-pamyati-kalmyckogo-naroda-v-barnaule (accessed: 15 July 2023). (In Russ.)

Kalmyks arrive with hearty thanks to Siberians: Altai to welcome train of memory from Kalmykia today. On: Amitel news agency. News of Barnaul. Posted on 25 May 2001. Available at: https://www.amic.ru/news/prochee/segodnya-na-altay-pribyvaet-poezd-pamyati-iz-respubliki-kalmykiya-pod-devizom-kalmyki-s-blagodarnostyu-k-sibiryakam (accessed: 15 July 2023). (In Russ.)

Monument of history and culture of regional significance. Decree of Altai Krai Legislative Assembly no. 169 of 28 December 1994. On: PANDIA (Pandia.ru). Monuments of Cultural Heritage of Regional Significance (Architecture and History). Available at: https://pandia.ru/text/80/211/47521.php (accessed: 15 July 2023). (In Russ.)

Novoselovo. Monument to peasant natives of Altai relocated to Narymsky Krai. On: NKVD Jail Museum. May 2012. Available at: https://nkvd.tomsk.ru/projects/regional_memorials_and_tablets/memorials_memorial_tablets_regional/Novoselovo (accessed: 1 September 2023). (In Russ.)

People's artist of Kalmykia celebrated his jubilee. On: MK.ru (Moskovskij Komsomolets newspaper). Culture. Posted on 8 June 2019. Available at: https://www.mk-kalm.ru/culture/2019/06/08/narodnyy-artist-kalmykii-otmetil-yubiley.html (accessed: 1 April 2023). (In Russ.)

Polish section of Soloneshnoye village cemetery. On: Gulag Museum. Available at: http://gulagmuseum.org/showObject.do?object=294082144&language=1 (accessed: 15 July 2013). (In Russ.)

Pozdin S. V. Repressed Armenians in Topchikhinsky District. On: Topchikhinsky District (website of local history and lore). History. Posted on 4 June 2018. Available at: http://top-kraeved.ru/repressirovannye-armjane-v-topchihinskom-rajone/ (accessed: 15 July 2023). (In Russ.)

Shared destiny's burden, bread and potatoes. On: Altaiskaya Pravda newspaper (website). Posted on 26 June 2016. Available at: https://www.ap22.ru/paper/Delili-sud-bu-hleb-i-kartoshku.html (accessed: 15 July 2023). (In Russ.)

Square in memory of dekulakized [peasants] opened in Palochka village. On: Vesti-Tomsk. News of Tomsk and Tomsk Oblast. Posted on 26 June 2023. Available at: https://www.tvtomsk.ru/news/86860-skver-pamjati-raskulachennyh-otkrylsja-v-sele-palochka-verhneketskogo-rajona.html (data obrashcheniya: 01.09.2023).

Tirskaya S. First memorial center of dekulakized [peasants] has direct relation to Altai. On: Altaiskaya Pravda newspaper (website). Posted on 21 September 2020. Available at: https://www.ap22.ru/paper/Pervyy-Tsentr-pamyati-raskulachennyh-imeet-neposredstvennoe-otnoshenie-k-Altayu.html (accessed: 10 September 2023). (In Russ.)

Литература

Алексанян 2007 — *Алексанян А.* Сибирский дневник. 1949–1954 гг. Ереван: Гитутюн, 2007. 394 с.

Ассман 2014 — *Ассман А.* Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика / пер. с нем. Б. Хлебникова. М.: НЛО, 2014. 328 с.

Бруль 1995 — *Бруль В. И.* Немцы в Западной Сибири. Топчиха: Топчихинск. Тип., 1995. Ч. 1. 192 с.; Ч. 2. 222 с.

Бугай 1995 — *Бугай Н. Ф.* Л. Берия — И. Сталину: «Согласно Вашему указанию…». М.: АИРО-XX, 1995. 320 с.

Гучинова 2021 — *Гучинова Э.-Б. М.* Представляя депортацию калмыков: от поездов памяти к медиапроектам // Шаги/Steps. 2021. Т. 7. № 1. С. 117–135. URL: https://shagi.ranepa.ru/steps/article?viewid=835 (дата обращения: 17.05.2023). DOI: 10.22394/2412-9410-2021-7-1-117-135

Земсков 1995 — *Земсков В. Н.* К вопросу о масштабах репрессий в СССР // Социологические исследования. 1995. № 9. С. 118–127.

КРС 1977 — Калмыцко-русский словарь / под ред. Б. Д. Муниева. М.: Русский язык, 1977. 760 с.

Полян 2010 — *Полян П.* Увековечение памяти о депортированных — дело рук самих депортированных. Заметки о мемориализации тотальных насильственных миграций [электронный ресурс] // Неприкосновенный запас. 2010. № 3(71). URL: http://www.intelros.ru/readroom/nz/nz_71/6960-uvekovechenie-pamyati-o-deportirovannyx-delo-ruk-samix-deportirovannyx-zametki-o-memorializacii-totalnyx-nasilstvennyx-migracij.html (дата обращения: 10.09.2023).

Щеглова 2008 — *Щеглова Т. К.* Деревня и крестьянство Алтайского края в XX веке. Устная история: монография. Барнаул: БГПУ, 2008. 528 с.

Щеглова 2018 — *Щеглова Т. К.* Жилище русских крестьян юга Западной Сибири в контексте развития традиционной крестьянской системы преодоления трудностей в XIX – первой половине XX столетий // Щеглова Т. К. Культура и быт русского сельского населения юга Западной Сибири в 1930–1950-х гг.: жилище, пища, одежда, семейные и трудовые традиции: монография. Барнаул: АлтГПУ, 2018. С. 31–142.

Щеглова 2021 — *Щеглова Т. К.* «Тут полно было всяких наций»: депортации 1939–1949 годов в памяти сибирского сельского населения // Сибирские исторические исследования. 2021. № 2. С. 53–72. DOI: 10.17223/2312461X/32/3

References

Assmann A. The Long Shadow of the Past: Culture of Memory and Politics of History. B. Khlebnikov (transl.). Moscow: NLO, 2014. 328 p. (In Russ.)

Brul V. I. Germans in Western Siberia. Topchikha: Topchikha Print Shop, 1995. Pt. 1, 192 p. Pt. 2, 222 p. (In Russ.)

Bugay N. F. Lavrentiy Beria to Joseph Stalin: ‘Following Your Instructions…’. Moscow: AIRO-XX, 1995. 320 p. (In Russ.)

Guchinova E.-B. M. Performing the Deportation of Kalmyks: From memory trains to media projects. *Shagi/Steps*. 2021. Vol. 7. No. 1. Pp. 117–135. Available at: https://shagi.ranepa.ru/steps/article?viewid=835 (accessed: 17 May 2023). (In Russ.) DOI: 10.22394/2412-9410-2021-7-1-117-135

Muniev B. D. (ed.) Kalmyk-Russian Dictionary. Moscow: Russkiy Yazyk, 1977. 760 p. (In Kalm. and Russ.)

Polyan P. Memorialization of deported victims be the deported victims’ job: Notes on memorialization of forced community relocations. *Neprikosnovennyi zapas (NZ)*. 2010. No. 3(71). Available at: http://www.intelros.ru/readroom/nz/nz_71/6960-uvekovechenie-pamyati-o-deportirovannyx-delo-ruk-samix-deportirovannyx-zametki-o-memorializacii-totalnyx-nasilstvennyx-migracij.html (accessed: 10 September 2023). (In Russ.)

Shcheglova T. K. “There used to be different nations here”: Deportations of the years 1939-1949 in the memory of Siberian rural population. *Siberian Historical Research*. 2021. No. 2. Pp. 53–72. DOI: 10.17223/2312461X/32/3

Shcheglova T. K. Russian peasant dwellings in the south of Western Siberia: A perspective from the traditional peasant system developed to overcome difficulties in the nineteenth to mid-twentieth centuries. In: Shcheglova T. K. Culture and Everyday Life of Rural Russians in the South of Western Siberia, 1930s–1950s: Dwelling, Food, Clothing, Family and Labor Traditions. Monograph. Barnaul: Altai State Pedagogical University, 2018. Pp. 31–142. (In Russ.)

Shcheglova T. K. Village and Peasantry in Twentieth-Century Altai Krai: Oral History. Monograph. Barnaul: Barnaul State Pedagogical University, 2008. 528 p. (In Russ.)

Zemskov V. N. Revisiting the scale of repression in the Soviet Union. *Sotsiologicheskie issledovaniya (Sociological Studies)*. 1995. No. 9. Pp. 118–127. (In Russ.)

Published in the Russian Federation
Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
Has been issued as a journal since 2008
ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
Vol. 16, Is. 5, Pp. 1301–1308, 2023
Journal homepage: https://kigiran.elpub.ru

УДК / UDC 811.512.37
DOI: 10.22162/2619-0990-2023-69-5-1301-1308

О вариантах синхронических русских переводов калмыцкого письма конца XVII в.

Галина Михайловна Ярмаркина[1]

[1] Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)
кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, ученый секретарь
0000-0002-3701-9157. E-mail: yarmarkinagm[at]mail.ru

© КалмНЦ РАН, 2023
© Ярмаркина Г. М., 2023

Аннотация. *Введение.* Русские переводы калмыцких деловых писем, сохранившиеся в российских архивах, представляют собой ценный источник как по истории калмыцко-русских отношений в XVII–XVIII в., так и по истории российского переводоведения. В архивных делах наряду с окончательным вариантом перевода можно обнаружить черновик перевода, имеющий правки и в определенной степени отражающий процесс перевода. *Материалы и методы*. В работе рассматриваются варианты синхронического перевода письма калмыцкого тайши Аюки, датированного 21 февраля 1688 г. Эти варианты анализируются с точки зрения определения выбора автором перевода той или иной лексемы, лексической замены, обоснования причины отказа от крупных фрагментов текста. В качестве основного используется сравнительно-сопоставительный метод. *Результаты*. Сопоставление рабочего (чернового) и окончательного вариантов перевода XVII в. дает представление об общей стратегии работы переводчика: при общей ориентации на текст оригинала и передачу основного содержания письма синхронический перевод насыщен дополнительной информацией. В целом процесс перевода письма не сводится к копированию текста оригинала; характер исправлений в черновом варианте указывает на наличие дополнительного устного источника информации и дальнейшую ориентацию на письменную форму речи. Лексические замены, коррекция словоформ, изменение синтаксических конструкций иллюстрируют ход работы переводчика над текстом перевода.
Ключевые слова: историография переводоведения, русские переводы XVII–XVIII вв., синхронные переводы, варианты перевода, черновик, хан Аюка (1642–1724)
Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Универсалии и специфика традиций монголоязычных народов сквозь призму кросс-культурных контактов и системы взаимоотношений России, Монголии и Китая» (номер госрегистрации: 123021300198-4).
Для цитирования: Ярмаркина Г. М. О вариантах синхронических русских переводов калмыцкого письма конца XVII в. // Oriental Studies. 2023. Т. 16. № 5. С. 1301–1308. DOI: 10.22162/2619-0990-2023-69-5-1301-1308

Kalmyk Letters of the Late Seventeenth Century: More on Variants of Synchronic Russian Translations

Galina M. Yarmarkina[1]
[1] Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., 358000 Elista, Russian Federation)
Cand. Sc. (Philology), Senior Research Associate, Scientific Secretary
0000-0002-3701-9157. E-mail: yarmarkinagm[at]mail.ru

© KalmSC RAS, 2023
© Yarmarkina G. M., 2023

Abstract. *Introduction*. Russian translations of Kalmyk official letters housed at Russia's archives may serve as vivid historical sources both on seventeenth–eighteenth century Kalmyk-Russian relations — and on how translation studies emerged and developed in our country. So, archival files often contain draft translations with original revisions that somewhat show the shaping of the final text and the translation process at large. *Materials and methods*. The paper examines several Kalmyk-to-Russian synchronic translations of Kalmyk Tayiji Ayuka's letter dated 21 February 1688. The variants are analyzed with due regard of why the translator would select certain lexemes, replace the already selected ones, and virtually ignore some quite sizeable fragments of the source text. The comparative method proves key to the study. *Results*. The comparative insight outlines the overall translation strategy: a synchronic translation does focus on the source text and articulate major messages contained therein — but is also replete with additional details. In general, the translation process in not reduced to copying the source text with the aid of target language means, and some distinctions of traced revisions attest to there may have been a transmitter of oral information, though written speech patterns did prevail. The lexical substitutions, corrections of word forms, changes in syntactic constructs clearly illustrate how the translator was making his way through the text.
Keywords: historiography of translation studies, Russian translations of the seventeenth-eighteenth centuries, synchronic translations, translation variants, draft, Khan Ayuka (1642–1724)
Acknowledgements. The reported study was funded by government subsidy, project no. 123021300198-4 'Universals and Specifics in Traditions of the Mongolian-speaking Peoples through the Prism of Cross-Cultural Contacts and the System of Relations between Russia, Mongolia and China'.
For citation: Yarmarkina G. M. Kalmyk Letters of the Late Seventeenth Century: More on Variants of Synchronic Russian Translations. *Oriental Studies*. 2023; 16 (5): 1301–1308. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2023-69-5-1301-1308

1. Введение

Письма калмыцкого тайши, а затем и хана, Аюки (1642–1724) и их русские переводы, сохранившиеся в российских архивах, традиционно используются в качестве источников по истории калмыцко-русских отношений в XVIII в. [Тепкеев 2018; Тепкеев 2021]. Однако эти материалы оказываются не менее ценными источниками для изучения истории российского переводоведения, насчитывающей не одно столетие, но до настоящего времени имеющей множество лакун, в числе которых можно отметить персональный состав переводчиков [Беляков и др. 2019; Беляков 2021; Гуськов 2023], особенности делопроизводственной практики [Тимошина 2019: 155–160], специфику устных сообщений и письменных переводов документов [Сень 2021], лингвистические аспекты переводческой деятельности [Таунзенд 2021: 169–252].

В Российском государственном архиве древних актов (далее — РГАДА) сохранились письма тайши (хана) Аюки, направленные представителям высшей власти Российского государства, и синхронические переводы калмыцких писем, выполненные переводчиками и толмачами. Как правило, в архивном деле хранится окончательный вариант перевода, однако в редких случаях наряду с окончательным вариантом можно обнаружить черновик перевода, имеющий

правки (зачеркнутые слова или фрагменты текста, надписи над строкой, вставки и т. п.) и, следовательно, в определенной степени отражающий процесс перевода. Источники, сохраняющие редакторские правки выполненного перевода, оказываются настоящей находкой для исследователя. На уникальность подобных документов обращает внимание К. И. Таунзенд, которая рассматривает черновую рукопись перевода как источник, позволяющий выявить общую стратегию, тактики и приемы работы русского переводчика XVIII в. [Таунзенд 2021: 169–191]. В деле 5 фонда 119 РГАДА обнаружены версии черновика и окончательного перевода одного из писем тайши Аюки, представляющие несомненный интерес и отражающие работу переводчика по редактированию текста, поиску и окончательному выбору языковых средств.

2. Материалы и методы

В статье рассматривается перевод письма тайши Аюки, датированный 21 февраля 1688 г. Письмо адресовано московским государям Ивану Алексеевичу и Петру Алексеевичу [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. Д. 5. Л. 3–13][1]. Документ сохранился в двух вариантах перевода письма на русский язык – черновом и окончательном. Эти варианты мы анализируем с точки зрения источника по истории переводоведения, а также иллюстрации процесса перевода: определения выбора автором перевода той или иной лексемы, лексической замены, обоснования причины отказа от крупных фрагментов текста (часто в несколько строк). В качестве основного используется сравнительно-сопоставительный метод.

На листах 3–6 представлен окончательный вариант перевода: текст написан без помарок, довольно четким почерком, на полях нет помет. С листа 5 и до конца листа 6 текст перевода написан другим почерком. Часть листов 5 и 6 утрачена (в основном по краям), некоторые буквы и фрагменты текста отсутствуют.

На листах 7–13 сохранился рабочий (черновой) вариант русского перевода того же самого письма. Текст содержит правки: некоторые слова зачеркнуты, над ними написаны другие, более подходящие, по мнению переводчика, слова (часто синонимичные). Зачеркнутыми оказываются не только слова, но и целые строки, фрагменты текста. Лист 9 сохранился частично — правый край листа неровный, утрачены некоторые фрагменты листа вместе с написанным текстом. Цифра 10 в нумерации пропущена, после листа 9 следует лист 11. Правый верхний и правый нижний углы листа 11 оборваны, правый край листа неровный. Правый край листа 12 неровный.

При передаче рукописи в данной работе мы используем следующие обозначения: в квадратных скобках зачеркнутым приводится зачеркнутый в рабочем варианте текст, в фигурных скобках — слова, написанные над строкой, в угловых скобках — фрагменты, восстановленные с опорой на окончательный вариант перевода.

3. Редакторские правки в черновом варианте перевода

3.1. Отказ от фрагментов текста

Редакторские правки имеются уже в начале текста, где переводится этикетная формула приветствия адресата: *Великие государи цари и великие князи Иоанн Алексеевич, Петр Алексеевич [~~и Великая государыня благоверная царевна и великая княжна София Алексеевна~~] всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержцы, бутте здоровы, а я здесь здров есть* [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. Д. 5. Л. 7]. В черновом варианте упомянуты три адресата: великие князья Иван Алексеевич, Петр Алексеевич и великая княжна Софья. Обращение к царевне Софье зачеркнуто и в окончательный вариант перевода не вошло, что в целом соответствует оригиналу письма, направленного Ивану Алексеевичу и Петру Алексеевичу: A yu heyin bičiq: Iban Eleqseiüči Peüter Eleqsei-üči-{dü} öqbö: ende bida bügüdēr mendü:[2] = *Аюкан бичг. Иван Элксеүч, Пеүтр Элксеүчд өгв. Энд бидн бүгдәр менд* ‘Письмо Аюки. Ивану Алексеевичу, Петру Алексеевичу передал. Здесь мы [вместе] со всеми [пребываем] в здравии’ [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. Д. 5. Л. 1]. Появление же в черновом варианте перевода обращения к царевне Софье могло быть связано с наличием определенных шаблонов, характерных для оформления этикетной рамки деловых писем в период регентства Софьи.

[1] Об оригинале письма подробнее см. в работе [Тепкеев, Ярмаркина, Гедеева 2022].

[2] Транслитерация выполнена ведущим сотрудником Калмыцкого научного центра Российской академии наук, доктором исторических наук Д. Н. Музраевой и кандидатом филологических наук Д. Б. Гедеевой.

Правки, когда слово или выражение зачеркивается и не входит в окончательный вариант перевода, самые многочисленные в рассматриваемом источнике, причем почти половина из них представляет собой стратегию отказа от частицы де, характерной для передачи устного, а не письменного текста: *Крымские [~~де~~] люди с Чеполовом мурзою вместе заодно и пересылаютца послами своими промеж себя* [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. Д. 5. Л. 8–9]; *Пожалуите, великие государи, пришлите с Москвы доброго человека и я [~~де~~] с ним переговорю* [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. Д. 5. Л. 13].

Помимо частицы *де*, исключенными из текста оказываются местоимения *оне* и *ничего*: *Нынешним годом десятью приезжали [~~оне~~] и многое число лошадей отгоняли* (…) [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. Д. 5. Л. 11]; *Послы мои преж сего приезживали к Москве, и их жаловали, а ныне [~~ничего~~] нет* (…) [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. Д. 5. Л. 11]. Приведенные примеры отказа от лексем можно объяснить избыточностью информации, плеонастичностью, придающей письменному тексту разговорный, устный характер. Вполне вероятно, что переводчиком или переписчиком ощущалось различие между письменной и устной речью. Подобные правки позволяют предположить наличие тенденции к исключению определенных элементов устной речи из письменного делового текста.

3.2. Лексические замены и коррекция словоформ

Рассматриваемый источник фиксирует и такие характерные для рабочего процесса исправления, как зачеркнутая часть слова, которая тут же заменяется другой лексемой, вошедшей впоследствии в окончательный вариант: <…> *и шапки срывали, и денги [~~отним~~] обрывали* [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. Д. 5. Л. 7].

Отмечены случаи, когда недописанное слово зачеркивается в связи с необходимостью использования зависимых слов, уточняющих детали описываемого события: <…> *что я посылал в Крым и в Озов [~~с ло~~] с продажными лошадми и Уфу город воевали* [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. Д. 5. Л. 7]; *Буде великие государи изволите [~~сыскать~~] тех лошадей сыскать [~~и отдаду~~] и прикаж<и> отдать, и то добро* [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. Д. 5. Л. 12]. Подобные правки также являются своеобразной фиксацией процесса переводческой работы.

Характер правок указывает и на то, что переводчик может возвращаться к первоначальному варианту: *Башкирцы взяли [~~живо~~] {животы}* <…> [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. Д. 5. Л. 13]; *В договоре у нас было великим государем, как понадобетца [~~на службу~~] на службу [~~моих людей~~] моего войску, и мне было давать тако ж де* [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. Д. 5. Л. 8].

Разнообразные замены слов указывают на поиск переводчиком более подходящего слова: *[~~Сказали~~] Говорили вы, великие Государи* <…> [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. Д. 5. Л. 7]. Если в данном случае выбор глагола может определяться семантико-грамматическими вариациями, то в следующем примере трудно говорить об эквиваленте, так как в оригинале отсутствуют и слово дорога и слово степь: ср. русс.: <…> нашел [на дороге] на степи пять человек живых яицких казаков да четы<ре пушки медных> [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. Д. 5. Л. 9]; калм.: Zayigiyin xazagiyin Enöüšedü aldaqsan dörbön tob tabun küügiyini acaraǰi öqbö bida:: = *Зәәһин хазгин Энүшд алдсн дөрвн тов, тавн күүһинь асрҗ өгввидн* ‘Яицким казакам мы вернули потерянные на Амударье четыре пушки и пять человек’ [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. Д. 5. Л. 1]. Вероятно, дополнительная информация могла быть получена переводчиком из устного сообщения посла, доставившего письмо.

Неоднократно подвергаются редактуре и формы слов: *При бояри[~~ны~~]не и воеводе {Ефиме} князе Андрее Ивановиче Голицыне с товарыщи* <…> [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. Д. 5. Л. 8].

3.3. Изменение синтаксической конструкции

Черновой вариант синхронического перевода калмыцкого письма, на наш взгляд, фиксирует живой процесс работы переводчика. Так, можно отметить отказ от первоначального варианта предложения и последующее перестроение конструкции с частичным сохранением лексического наполнения и изменением форм слов, встречающихся в зачеркнутом фрагменте: *[~~Послал я к вам послов~~] Преж сего посылал я послов своих с лошадьми к Москве* [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. Д. 5. Л. 7]; *[~~Бояре де великих госуда<рей> Бояре в Астарахани~~] Прежние аста<ра>ханские бояре и воеводы на договорах к вам, великим Государем, писывали[~~шнева~~][1], для служеб своих {многое} лишное* [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. Д. 5. Л. 9].

[1] В данном случае зачеркнутой оказывается явная описка, связанная, по всей вероятности, с экстралингвистическими особенностями ситуации, характерной для процесса перевода письма.

3.4. Изменения, не отмеченные в черновом варианте

Информация о работе над текстом перевода не ограничивается рассмотренными выше случаями. В рабочем (черновом) варианте синхронического перевода встречаются вставки — слова, написанные над строкой мелкими буквами, а также явные описки, зачеркнутые и исправленные. Отметим, что не все правки (например, некоторые вставки) входят в окончательный вариант перевода. В окончательном варианте перевода встречаются никак не отмеченные в рабочем варианте лексемы (послам — посыльным), изменения в графическом оформлении некоторых слов (еицкими — яицкими), замена знака буквенной цифири числительным (·а҃· — адин). Ниже мы приводим оба варианта синхронического перевода письма калмыцкого тайши Аюки.

Черновой вариант синхронического перевода	Окончательный вариант синхронического перевода
[л. 7] Аюка тайша в листу пишет. Великие Государи цари и великие князи Иоанн Алексеевич, Петръ Алексеевич [~~и Великая Государыня благоверная царевна и великая княгиня София Алексеевна~~] всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержцы, бутте здоровы, а я здесь здровъ есть. [~~Сказали~~] *Говорили* вы, великие государи, что я посылал в Крым и в Озов [~~с ло~~] *с продажными лошадьми* и Уфу город воевали. А Уфу де города не [~~розоряли~~] *воевали* [~~и лош~~] и воиною ничего не имывали. Буде мы взяли у них хотя одного жеребенка, чтоб Великие Государи велели сыскать казаками астаханскими[1], и еицкими, и самарскими. В Крым и в Озов [нрзб] лошадей гоняли, то ваша правда, Белыя цари. [~~Послал я к вам послов~~] Преж сего посылал я пословъ своих с лошадьми к Москве. Под Пензою у валу на воротех на посылщиков пензенцы насцали им на голову. По дороге и на Москве руские люди ардабазарных лошадеи крали, и насилно отимали лошади, и шапки срывали, и денги [~~отним~~] *обрывали*. А после де того посылали в два пойма [~~и о том~~], *и тем* послам о том грабежу [не] отповеди [л. 8] никакой не сказали. В Крым де ездят [~~с тав~~(нрзб) ~~де едет~~)] с товары. Астараханские и терские и наши татары и нагайцы, а своих де вы нагаискихъ татар не унимаете, а моихъ де унимаете. Что [~~де~~] в Крым, сказывали, мы давали на помочь воиска, и то де ложь есть. {При бояри[~~ны~~]*не* и воеводе Ефим} князе Андрее Ивановиче {Голицыне} с товарыщи, как я шертовал, и договаривалис на чем, после того руским людем никаких налог мы не чинили, [~~а к~~] *что* до шерти взято было с обеих сторон, того вам и нам не спрашивати, а после шерти что взято будетъ, и того спрашивати. В договоре у нас было великимъ государемъ, как понадобетца [~~на службу~~] *на службу* [~~моих людей~~] *моего войску*, и мне было давать такожде. И великим Государем мне, Аюкаю, [~~руских людей~~] *ратных людей* давать же. Я ходил войною на Хиву и на Чеполова, [~~и в то число~~] и посылал	[л. 3] Аюка тайша в листу пишет. Великие государи цари и великие князи Иоанн Алексеевич, Петр Алексеевич всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержцы, бутте здоровы. А я здесь здоров есть. Говорили вы, великие государи, что я посылал в Крым и в Озов с продажными лошадьми и Уфу город воевали. А Уфу де города не воевали и войною ничего не имывали. Буде мы взяли у них хотя одного жеребенка, чтоб великие государи велели сыскать казаками астараханскими, и яицкими, и самарскими. В Крым и в Озов лошадей гоняли, то ваша правда, Белыя цари. Преж сего посылал я послов своих с лошадьми к Москве. Под Пензою у валу на воротех на посыльщиков пензенцы насцали им на голову. По дороге и на Москве руские люди ардабазарных лошадей крали и насильно отимали лошади, и шапки срывали и деньги обрывали, а после де того посылали в два пойма, и тем посыльным о том грабежу отповеди никакой не сказали. В Крым ездят с товары астараханские, и терские, и наши татары и нагайцы, а своих де вы нагайских татар не унимаете, а моих де унимаете. Что в Крым, сказывали, мы давали на помочь войска, и то де ложь есть. При боярине и воеводах при князе Андрее Ивановиче Голицыне с товарыщи, как я шертовал, [л. 4] и договаривались на чем, после того руским людем никаких налог мы не чинили. Что до шерти взято было с обеих сторон, того вам и нам не спрашивать, а после шерти что взято будет, и того спрашивати. В договоре у нас было, великим государем как понадобитца на службу моего войску, и мне было давал, тако ж де и великим государем мне, Аюкаю, ратных людеи давать же. Я ходил войною на Хиву и на Чеполова, и посылал я послов своих двожды просить войску, и великие государи войску дать мне не указали. Крымские люди с Чеполовомъ мурзою вместе заодно и пересылаютца послами своими промеж себя. Буде мне не поверите, проведайте донскими казаками. У шерти говорили слова

[1] Так в источнике. В окончательном варианте – астараханскими.

я пословъ своих [нрзб] дважды просить войску, и великие Государи войску дать мне не указали. Крымские [~~де~~] люди с Чеполовомъ мурзою вместе заодно и [л. 9] пересылаютца послами своими промеж себя. Буде мне не по<вери>-те, проведайте донскими <каза>ками. У шерти [~~де~~] говорили словами правду. [~~Бояре де великих госуда<рей> Бояре в Астарахани~~] Прежние аста<ра>ханские бояре и воеводы на договорах к вамъ, великим государем, писывали[~~шнева~~], для служеб своих {многое} лишное. А ныне боярин в Астарахани Алексей Петрович Салтыков ему, Аюкаю, по указу великих государей на два года денежное жалованья выдал. А как был договор при боярине и воеводах, при князе Андрее Ивановиче Голицыне с товарыщи, мне тайше и иным тайш<ам> на тот год государева жалованья не дано. Яицкие казаки ходи<ли> под Хиву, и они до Хивы не дошли, померли. И после того он, Аюкай тайши, ходил под Хиву, нашел [~~на дороге~~] *на степи* пять человек живых яицких казаков да четы<ре пушки медных. И тех де казаков и пушки отдал на Яик> [л. 11] казаком. А у еицких де каза<ков> пропала ико[~~не~~]*ны*: и они де казаки ему, Аюкаю тайше, говорили, бутто видели они те иконы у калмык, и за [~~те де за и~~] *иконы* платил де он, Аюкай, две тысячи рублев казаком, чтоб не быть им в соре. Посыл<ал> де Аюкай в прошломъ году на службу в полк з Букои тайжи тысечю человек моего послушания. Против прежнего есть или нет. В прошлом году башкирцы у меня лошадей отогнали. Половину лошадей отдали, а другую не отдали. Нынешним годом десятью приезжали [~~оне~~] и многое число лошадей отгоняли, тритцать четыре человека взяли мускова и женскова полу, тысечю лошадей взяли, сорок верблюдов, двести баранов, пять кибиток со всякимъ животом взяли, шесть человек убили, одного человека поранили. После шерти побрали. Прежние великие государи царь Алексей Михайлович меня жаловал своим государским жалованьем, а ныне [~~де~~] мне государева жалованье присыловали {преж сего} кречеты и соболи. [л. 12] Послы мои преж сего приезживали к Москве, и их жаловали, а ныне [~~ничего~~] нет, посланников моих против прежнего [~~не пожаловано не~~] ваше государева жалования нет. ми правду. Прежние астараханские бояре и воеводы на договорах к вам, великим государем, писывали для служеб своих многое лишное, а ныне боярин в Астарахани Алексей Петрович Салтыков ему, Аюкаю, по указу великих государеий на два года денежное жалованье выдал. А как был договор при боярине и воеводах, при князе Андрее Ивановиче Голицыне с товарыщи, мне тайше и иным тайшам на тот год государева жалованья не дано. Яицкие казаки ходили под Хиву, и они до Хивы не дошли, померли. И после того он, Аюкай тайши, ходил под Хиву, нашел а степи пять человек живых яицких казаков да четыре пушки медных, и тех де казаков и пушки отдал на Яик [л. 5] <казаком. А> у еицких де казаков <пропали> иконы, и они де, казаки, ему, Аюкаю тайше, говорили, бутто видели они те иконы у калмык, и за иконы платил де он, Аюкай, две тысячи рублев казаком, чтоб не быть им в соре. Посылал де я, Аюкай, в прошлом году на службу в полк з Букой тайжи тысечю человек моего послушания против прежнего, есть или нет. В прошлом году башкирцы у меня лошадей отогнали, половину лошадей отдали, а другую не отдали. Нынешним годом десятью приезжали и многое число лошадей отгоняли, тритцать четыре человка взяли мускова полу и женскова, тысечю лошадей взяли, сорок верблюдов, двести баранов, пять кибиток со всяким животом взяли, шесть человек убили, одного человека поранили. После шерти все побрали. Прежние великие государи царь Алексей Михайлович меня жаловал своим государским жалованьем, а ныне де мне государева жалованья нет. Присыловали преж сего кречеты и соболи. Послы мои преж сего приезживали к Москве, и их жаловали, а ныне нет, посланников моих против прежнего вашего государева жалования нет. Которые бывали на вашей великих государей службе калмыки, им государево жалованья давано по портищу сукна да по шапке на человека, а ныне того нет по вашему великих государей указу.

Которые бывали [~~на шей~~] на вашей великих государей службе калмыки, им государево жалованья давано по портищу сукна да по шапке на человека, а ныне того нет {по вашему великих Государей указу}. [~~а~~] в Астарахани пороху, свинцу и железа нам не продают [~~великие~~], и мы де свинец, и порох, и железа станем покупать [~~и ныне я~~] {и негде}, а в Крым де лошадей гонять не велеть. Как де шерть учинили, мы русских городов не разоряли, и скоту не отганяли, и нигде ни одного жеребенка не взяли, а буде взяли {мы}, и вы к нам пишите. А у нас еже год лошадей отгоняют и улусных моих людей в полон берут. И про то де вам, великим государем, известно ль. Буде великие государи изволите [~~сыскать~~] тех лошадей сыскать [~~и отдаду~~] и прикаж<и> отдать, и то добро, а не сыщутца, терпеть не станем. После князь Якова Никитича в Астарахани воевод добрых не бывало, только де приезжают денег наживать. [л. 13] Чтоб великие государи пожаловали прислали доброго человека язычного, чтоб по татарские знал. Преж сего езживали язышные люди ко мне. Буде не поверите етому письму, доброго человека пришлите, и я с ним сам стану говорить. Пожалуйте, великие государи, пришлите с Москвы доброго человека и я [~~де~~] с нимъ переговорю. Да и посланика своего доб<ро>го ж пришлю к вам, великим государем. Башкирцы взяли [~~живо~~] {животы}, чтоб тот посланник на Уфе у башкирцов сыскал и отдал ему. [~~Тот живот~~] Присланной мои Бике, да товарыщ Манидай, да подячей Инке, •а•[1] человек кошевщик, {всего} четы<ре> человека. Великие государи, пожалуйте посланников моих отпустите вскоре коньми. Как [~~де~~] уедут в степь, так и ардабазарной станицы к Москве не будет, чтоб им застать у Волги. [РГАДА. Ф. 19. Оп. 1. Д. 5. Л. 7–13]	А в Астарахани пороху, свинцу и железа нам не продают, и мы де свинец, и порох, и железа станем покупать инде где, а в Крымъ лошадеи гонять [л. 6] < не велеть. Как> де шерть учинили, мы <русских городов> не розаряли и скоту <не отганяли>, и нигде ни одного жеребенка ни взяли, а буде взяли мы, и вы к нам пишите. А у нас еже год лошадей отгоняете и улусных моих людей в полон берут. И про то де вам вам, великим государем, извесно ль. Буде великие государи изволите тех лошадей сыскать и прикажите отдать, отдать и то добро, а не сыщутца, терпеть не станем. После князь Якова Никитича в Астарахани воевод добрых не бывало, только де приезжают денег наживать. Чтоб великие государи пожаловали прислали доброго человека язычного, чтоб по татарские знал. Преж сего езживали язычные люди ко мне. Буде не поверите етому письму, доброго человека пришлите, и я с ним сам стану говорить. Пожалуйте, великие государи, пришлите с Москвы доброго человека, и я с ним переговорю. Да и посланника своего доброго ж пришлю к вам, великим государем. Башкирцы взяли животы, чтоб тот посланник на Уфе у башкирцов сыскал и отдал ему. Присланной мой Бике да товарыщ Манидай, да подьячей Инкей, адин человек кошевник, всего четыре человека. Великие государи, пожалуйте посланников моих отпустите вскоре коньми. Как уедут в степь, так и ардабазарной станицы к Москве не будет, чтоб им застать у Волги. [РГАДА. Ф. 19. Оп. 1. Д. 5. Л. 3–6]

4. Заключение

Сопоставление черновика и окончательного варианта синхронического перевода письма тайши Аюки указывает на то, что при общей ориентации на текст оригинала и передачу основного содержания письма синхронический перевод насыщен дополнительной информацией. В целом процесс перевода письма не сводится к копированию текста оригинала; характер исправлений в черновом варианте (например, сокращение количества повторяющихся разговорных частиц) указывает на наличие дополнительного устного источника информации (возможно, от посыльного, через толмача) и дальнейшую ориентацию на письменную форму речи. Лексические замены, коррекция словоформ, изменение синтаксических конструкций иллюстрируют ход работы переводчика над текстом перевода.

Источники

РГАДА — Российский государственный архив древних актов.

Sources

Russian State Archive of Ancient Acts.

Литература

Беляков 2021 — *Беляков А. В.* Толмачи и переводчики Астраханской приказной избы: к организации посольской переводческой службы в конце XVI—XVII вв. за пределами Москвы (постановка вопроса) // Переводчики

[1] Знак буквенной цифири, обозначающий 1.

и переводы в России конца XVI – начала XVIII столетия: мат-лы Междунар. науч. конф. (г. Москва, 29–30 сентября 2021 г.). М.: ИРИ РАН, 2021. С. 258–278.

Беляков и др. 2019 — *Беляков А. В., Гуськов А. Г., Лисейцев Д. В., Шамин С. М.* Переводчики Посольского приказа в XVII в.: персональный состав (предварительные данные) // Переводчики и переводы в России конца XVI — начала XVIII столетия: мат-лы Междунар. науч. конф. (г. Москва, 12–13 сентября 2019 г.). М.: [б. и.], 2019. С. 187–209.

Гуськов 2023 — *Гуськов А. Г.* Из неволи на дипломатическую службу: бывшие полоняники в Посольском приказе // Переводчики и переводы в России до начала XVIII столетия: мат-лы Междунар. науч. конф. Вып. 3. М.: ИРИ РАН, 2023. С. 128–163.

Сень 2021 — *Сень Д. В.* Коммуникационные практики российско-османских властей южного пограничья: устные сообщения и письменные переводы документов (1710-е — 1720-е гг.) // Переводчики и переводы в России конца XVI – начала XVIII столетия: мат-лы Междунар. науч. конф. (г. Москва, 29–30 сентября 2021 г.). М.: ИРИ РАН, 2021. С. 163–176.

Таунзенд 2021 — *Таунзенд К. И.* Перевод как фактор развития национального языка и культуры России XVIII в.: дисс. … д-ра филол. наук. М., 2021. 399 с.

Тепкеев 2018 — *Тепкеев В. Т.* Аюка-хан и его время. Элиста: КалмНЦ РАН, 2018. 359 с.

Тепкеев 2021 — *Тепкеев В. Т.* Письма хана Аюки как источник по истории русско-калмыцких отношений конца XVII – первой четверти XVIII в. // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2021. №4. С. 10–22. DOI: 10.22162/2587-6503-2021-4-20-10-22

Тепкеев, Ярмаркина, Гедеева 2022 — *Тепкеев В. Т., Ярмаркина Г. М., Гедеева Д. Б.* Письмо тайши Аюки 1688 г. // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2022. № 2. С. 95–115. DOI: DOI: 10.22162/2587-6503-2022-2-22-95-115

Тимошина 2019 — *Тимошина Л. А.* Переводчики и делопроизводство Посольского приказа в XVII в. // Переводчики и переводы в России конца XVI — начала XVIII столетия: мат-лы Междунар. науч. конф. (г. Москва, 12–13 сентября 2019 г.). М.: [б. и.], 2019. С. 154–160.

References

Belyakov A. V. Interpreters and translators of the Astrakhan Prikaz Izba (Military Governor's Office): More on how translation service beyond Moscow was arranged in the late sixteenth and seventeenth centuries (Articulating the issue). In: Liseytsev D. V., Shamin S. M. et al. (eds.) Translators and Translations in Russia: Late Sixteenth to Early Eighteenth Centuries. Conference proceedings (Moscow, 29–30 September 2021). Moscow: Institute of Russian History (RAS), 2021. Pp. 258–278. (In Russ.)

Belyakov A. V., Guskov A. G., Liseytsev D. V., Shamin S. M. Translators of the Ambassadorial Prikaz, seventeenth century: A name list of employees (Preliminary data). In: Liseytsev D. V., Shamin S. M. et al. (eds.) Translators and Translations in Russia: Late Sixteenth to Early Eighteenth Centuries. Conference proceedings (Moscow, 12–13 September 2019). Moscow, 2019. Pp. 187–209. (In Russ.)

Guskov A. G. From hostage to diplomatic officer: Ex-POWs in the Ambassadorial Prikaz. In: Liseytsev D. V., Shamin S. M. et al. (eds.) Translators and Translations in Russia before the Early Eighteenth Century. Conference proceedings (Moscow, 11–15 September 2023). Vol. 3. Moscow: Institute of Russian History (RAS), 2023. Pp. 128–163. (In Russ.)

Sen D. V. Communication practices of Russia–Ottoman southern border authorities: Oral messages and written translations of documents, 1710s–1720s. In: Liseytsev D. V., Shamin S. M. et al. (eds.) Translators and Translations in Russia: Late Sixteenth to Early Eighteenth Centuries. Conference proceedings (Moscow, 29–30 September 2021). Moscow: Institute of Russian History (RAS), 2021. Pp. 163–176. (In Russ.)

Taunzend K. I. Translation as a Development Factor for the Eighteenth-Century Russian Language and Culture. Dr. Sc. (philology) thesis. Moscow, 2021. 399 p. (In Russ.)

Tepkeev V. T. Khan Ayuka and His Era. Elista: Kalmyk Scientific Center (RAS), 2018. 366 p. (In Russ.)

Tepkeev V. T. Russian-Kalmyk Relations, 1680s–1720s: Khan Ayuka's Letters as a Historical Source. *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS*. 2021. No. 4. Pp. 10–22. (In Russ.). DOI: 10.22162/2587-6503-2021-4-20-10-22

Tepkeev V. T., Yarmarkina G. M., Gedeeva D. B.Taisha Ayuka's Letter 1688. *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS*. 2022. No. 2. Pp. 10–38. (In Russ.). DOI: 10.22162/2587-6503-2022-2-22-10-38

Timoshina L. A. Translators and records management practices of the seventeenth-century Ambassadorial Prikaz. In: Liseytsev D. V., Shamin S. M. et al. (eds.) Translators and Translations in Russia: Late Sixteenth to Early Eighteenth Centuries. Conference proceedings (Moscow, 12–13 September 2019). Moscow, 2019. Pp. 154–160. (In Russ.)

Published in the Russian Federation
Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
Has been issued as a journal since 2008
ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
Vol. 16, Is. 5, Pp. 1309–1324, 2023
Journal homepage: https://kigiran.elpub.ru

УДК / UDC 881.511.143
DOI: 10.22162/2619-0990-2023-69-5-1309-1324

Чусовой словарь из архива Г. Ф. Миллера: особенности и его значение для классификации мансийских диалектов

Наталья Андреевна Кошелюк[1]

[1] Институт системного программирования им. В. П. Иванникова РАН (д. 25, ул. А. Солженицына, 109004 Москва, Российская Федерация)
кандидат филологических наук, научный сотрудник
0000-0002-5833-7971. E-mail: nkoshelyuk[at]yandex.ru

© КалмНЦ РАН, 2023
© Кошелюк Н. А., 2023

Аннотация. *Введение.* Статья посвящена исследованию мансийского словаря по р. Чусовая из архива Г. Ф. Миллера, датированного первой половиной XVIII в. Насколько известно, в других архивах (например, А. М. Шёгрена и П. С. Палласа) данные о чусовом мансийском диалекте не содержатся, а единственный источник, в котором он упоминался, — это статья венгерского лингвиста Я. Гуйя. В ней автор на примере нескольких мансийских слов, зафиксированных в XVIII в. на территориях Нижнего Тагила, Нижней Туры и по течению р. Чусовая, выделяет три признака, отличающие диалекты этих мест от других. Сопоставление чусового словаря Г. Ф. Миллера с аналогичными лексемами из статьи Я. Гуйи показало расхождение с выводами ученого. *Цель* исследования — проверка уровня соответствия данных чусового диалекта с другими мансийскими диалектами, зафиксированными в том же регионе и в тот же период времени: неизвестным из архива П. С. Палласа, березовским, соликамским, чердынским, кунгурским, верхотурским и капринским диалектами, полное описание которых представлено в статье Ю. В. Норманской «Как менялась классификация мансийских диалектов (исследование на материале первых кириллических книг и словарей XVIII–XIX веков)» (2022 г.). *Материалы и методы* — мансийские архивные данные, сопоставительный и сравнительно-исторический методы. *Результаты и выводы.* Обратившись к данным, изложенным в статье Ю. В. Норманской, мы провели их полный сопоставительный анализ по диалектно-дифференцирующим чертам Л. Хонти (1988) и пришли к выводу, что мансийский словарь по р. Чусовая из архива Г. Ф. Миллера подтверждает полученные исследователем выводы: в XVIII в. диалектно-дифференцирующие признаки для северных и западных диалектов еще не возникли, либо только начинались. Однако черта, указанная Ю. В. Норманской как единственная, характерная только для северных диалектов — переход ПМанс. *k>χ перед задними гласными — на основании данных чусового диалекта, по традиционной классификации являющегося западным, не получила подтверждения: в нем зафиксирован такой же переход, как и в северных (chot ‘шесть’, chórom ‘три’).

Ключевые слова: мансийский язык, диалектная классификация, архивные данные, архив Г. Ф. Миллера, р. Чусовая, диалекты XVIII в.
Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ в рамках проекта «Цифровое описание диалектов уральских языков на основании анализа больших данных» (№ 20-18-00403, https://rscf.ru/project/20-18-00403/).
Для цитирования: Кошелюк Н. А. Чусовой словарь из архива Г. Ф. Миллера: особенности и его значение для классификации мансийских диалектов // Oriental Studies. 2023. Т. 16. № 5. С. 1309–1324. DOI: 10.22162/2619-0990-2023-69-5-1309-1324

Dictionary of Chusovaya Mansi from G. F. Müller's Archives: Its Features and Significance for Mansi Dialect Classification

Natalia A. Kosheliuk[1]

[1] Ivannikov Institute for System Programming of the RAS (25, Solzhenitsyn St., 109004 Moscow, Russian Federation)
Cand. Sc. (Phylology), Research Associate
0000-0002-5833-7971. E-mail: nkoshelyuk[at]yandex.ru

© KalmSC RAS, 2023
© Koshelyuk N. A., 2023

Abstract. *Introduction.* The article examines a dictionary of Mansi compiled from lexemes recorded along the Chusovaya River in the early-to-mid eighteenth century. The dictionary was discovered in G. F. Müller's archives. Other available archives (e.g., those of A. J. Sjögren and P. S. Pallas) contain no mention of the dictionary. So, the only source referring to the latter is a 1958 article by Hungarian linguist J. Gulya that analyzes several Mansi words recorded in the eighteenth century across the Lower Tagil, Lower Tura, and Chusovaya river basins to determine a total of three distinct features inherent to the local Mansi dialects. A comparison of lexemes contained in G. F. Müller's dictionary of Chusovaya Mansi against the ones published in J. Gulya's work has yielded a number of discrepancies with the scholar's conclusions. *Goals*. So, the paper compares Chusovaya Mansi against other Mansi dialects — Berezovo, Solikamsk, Cherdyn, Kungur, Upper Tura, and Karpinsky ones — recorded during the same period and in the same area. The most extensive description and analysis of the latter sources based on L. Honti's classification are to be found in J. Normanskaya's article titled 'How the Classification of Mansi Dialects Was Changed (On the Material of the First Cyrillic Books and Dictionaries of the 18th and 19th Centuries)' (2022). *Materials and methods*. The work employs the comparative and comparative historical methods to examine a variety of Mansi-language archival sources. *Results*. The paper reconsiders the data contained in J. Normanskaya's publication for a comparative analysis, and shows that the Chusovaya Mansi dictionary does confirm the Russian researcher's conclusions: Northern and Western Mansi dialect differences developed by L. Honti were non-existent or had only just appeared in the eighteenth century. However, the proto-Mansi *k>χ transition before back vowels identified by J. Normanskaya as the one and only feature exclusively characteristic of Northern Mansi dialects has not been confirmed in the Chusovaya dialect traditionally clustered within Western Mansi: it happens to contain the traditional Northern transition (*chot* 'шесть', *chórom* 'три').
Keywords: Mansi language, dialect classification, archival data, Müllers's archives, Chusovaya River, eighteenth-century dialects
Acknowledgements. The reported study was funded by Russian Science Foundation, grant no. 20-18-00403 'Digital Description of Uralic Languages on the Basis of Big Data' (Leading Researcher Yu. V. Normanskaya).
For citation: Koshelyuk N. A. Dictionary of Chusovaya Mansi from G. F. Müller's Archives: Its Features and Significance for Mansi Dialect Classification. *Oriental Studies*. 2023; 16(5): 1309–1324. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2023-69-5-1309-1324

1. Введение

Последние исследования памятников уральских и тюркских языков XVIII в., обнаруженных лингвистами Института языкознания РАН и Института системного программирования РАН в архивах Санкт-Петербурга и Национальной библиотеки Финляндии в Хельсинки, имеют особое значение. Как оказалось, эти источники — словари А. М. Шёгрена, П. С. Палласа, М. А. Кастрена и русских миссионеров — позволяют не только дополнить имеющуюся на сегодняшний день базу данных новым материалом, но и уточнить для ряда языков и диалектов релевантность диалектно-дифференцирующих изоглосс, на основе которых строятся их современные классификации: по мансийскому языку — см. коллективную монографию [Норманская, Ковылин, Безенова 2022], где представлены результаты исследований новых архивных источников по многим языкам — саамскому, марийскому, коми, удмуртскому, якутскому, мансийскому, ненецкому, селькупскому, хантыйскому, чувашскому, башкирскому, бурятскому, хакасскому и др.

Весной этого года нам удалось получить доступ к материалам Г. Ф. Миллера в Российском государственном архиве древних актов (г. Москва), собранным историком во время его участия во Второй Камчатской экспедиции в период с 1733 по 1743 гг. Маршрут экспедиции охватывал значительную часть Восточной Сибири, но исключая территории Крайнего Севера. За время экспедиции Г. Ф. Миллер с другими участниками академического отряда побывал в гг. Твери, Казани, Кунгуре, Екатеринбурге, Тобольске, Томске, Красноярске, Иркутске, Якутске и на окружных территориях вплоть до русско-китайской границы (см. карту 1). В состав портфелей Г. Ф. Миллера вошли разнообразные данные об истории, географии, этнографии, культуре и численности народов Сибири, а также языковой материал — исследователь собрал более 40 различных словарей, включая тунгусские, ламутские, монгольские, камасинские и корейские и записи некоторых уже исчезнувших диалектов. Мансийский язык в архиве историка представлен тремя словарями — пелымским на р. Тавде, березовским на р. Сосьве, мансийским по р. Чусовая (далее — чусовой диалект) [Греков 1960: 55–160].

В настоящей статье мы представим результаты исследования последнего из перечисленных памятников (см. факс. 1). Словарь набран и размещен на платформе LingvoDoc[1]. Он состоит из 251 лексемы, записанных латиницей, и включает сведения о явлениях природы, металлах и минералах, животных и птицах, названиях органов и частей человеческого тела, цветах, числах, родственных связях и т. д.

2. Чусовой диалект vs. другие мансийские словари XVIII в.

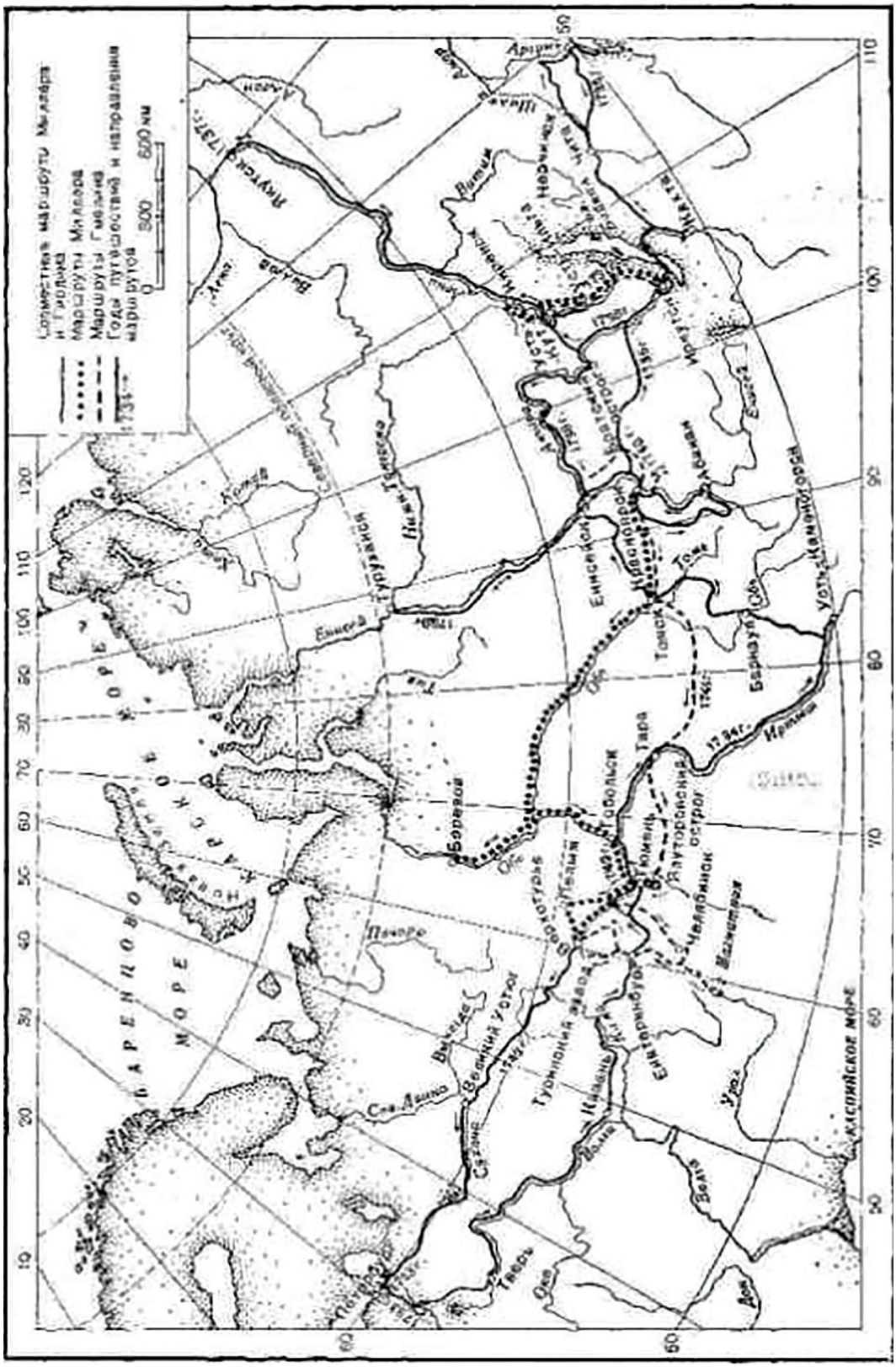
Насколько нам известно, анализ чусового диалекта мансийского языка до сих пор полноценно не был проведен. В архивах А. М. Шёгрена и П. С. Палласа этот словарь отсутствует. Единственные фрагментарные сведения о нем можно получить только из публикации Я. Гуйя [Gulya 1958: 2–184], в которой исследователь рассматривает несколько мансийских слов, зафиксированных в XVIII в. на территориях Нижнего Тагила, Нижней Туры и по течению р. Чусовая. В результате исследования лингвист выделил три признака, позволяющих разграничивать диалекты этих областей от других:

1) противопоставление o и u в первом слоге в качестве рефлекса ПМанс. *ū, позволяющее отнести эти диалекты к южным. В качестве примера приводится слово *kūrəm ‘три’ [Steinitz 1955: 115];

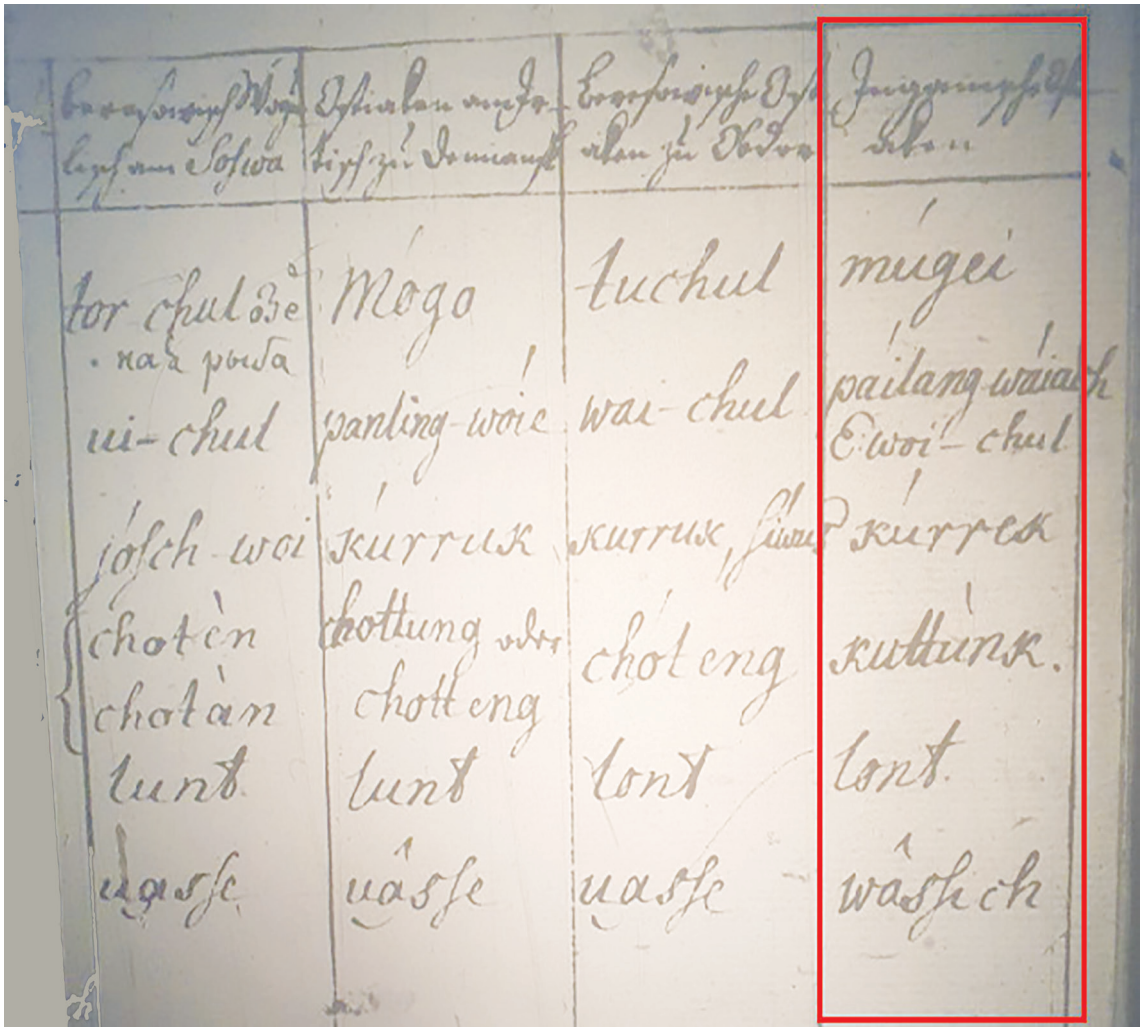
2) противопоставление š и s в качестве рефлекса ПМанс.*š, позволяющее отнести эти диалекты к южным и западным. В качестве примера приведено слово *ši̯ə̯ta ‘сто’ [Steinitz 1955: 97];

3) наличие монофтонга и дифтонга в качестве рефлекса ПМанс. *ā̆, что дает основание отнести эти диалекты к южным и северным, так как в других диалектах исследователь выделяет дифтонги. В качестве примера приводится слово *sā̆tä ‘семь’ [Steinitz 1955: 3].

[1] Подробнее см.: [Чусовой 2022].

Карта 1. Маршрут Второй Камчатской экспедиции в составе с Г. Ф. Миллером в 1733–1743 гг.
[*Map 1*. Route of the Second Kamchatka Expedition attended by G. F. Müller in 1733–1743]

Факсимиле 1. Пример записи чусового мансийского диалекта в архиве Г. Ф. Миллера [РГАДА. Д. 199. Портфель 3 (513, 3)]
[*Fasc. 1.* A Chusovaya Mansi entry in G. F. Müller's archives]

На первоначальном этапе работы мы решили проверить, как в чусовом словаре Г. Ф. Миллера, на приведенных Я. Гуйя примерах, реализуются указанные им противопоставления. Выяснилось, что подтверждаются только два признака из трех: в слове *kūrəm 'три' в рассматриваемом источнике зафиксировано как chórom, что соответствует первому признаку, а в слове *sātä 'семь' — как sata — зафиксирован монофтонг, что соответствует третьему признаку. Однако в слове *šə̑ta 'сто', где по Я. Гуйя мы ожидали увидеть s, зафиксировано š: schäta. Это несоответствие побудило нас обратиться к статье Ю. В. Норманской «Как менялась классификация мансийских диалектов (исследование на материале первых кириллических книг и словарей XVIII–XIX веков)» [Норманская 2022]. В этой работе исследователь проводит сравнительный анализ семи словарей XVIII в. по диалектно-дифференцирующим признакам Л. Хонти [Honti 1988: 149], позволяющий заключить, что в ранних памятниках диалектно-дифференцирующие черты еще не выкристаллизовались: «в XVIII в. при реализации ПМанс. фонем, которые для диалектов XIX в. станут дифференцирующими, наблюдались в большинстве случаев дублетные архаические и инновационные рефлексации... Переход k > χ начался в XVIII в. в северных диалектах и отсутствовал в западных. Таким образом, это единственный диалектный признак, который в тот период различал западные и северные диалекты по классификации Л. Хонти» [Норманская 2022: 136–141]. В связи с этим нам представляется интересным проверить, насколько данные мансийского сло-

варя (по р. Чусовая), также датированного XVIII в., соответствуют полученным автором выводам и вписываются в общую канву мансийских диалектов этого периода.

Для реализации поставленной задачи мы проверили и выписали все соответствующие лексемы, обнаруженные в чусовом словаре и в списке слов на каждую из диалектно-дифференцирующих черт по Л. Хонти (см. табл. 1), представленных в статье [Норманская 2022: 132–141], после чего сопоставили выявленные рефлексы. В качестве дополнения и более полного представления об уникальности исследуемого памятника приводим обзор особых черт, которые нам удалось обнаружить в нем.

Таблица 1. Диалектно-дифференцирующие черты мансийских диалектов по [Honti 1988: 149]
[*Table 1.* Mansi dialect differences]

ПМанс. [Honti 1982]	ПМанс. [Норманская 2015]	Южные [Honti 1988]	Восточные [Honti 1988]	Западные [Honti 1988]	Северные [Honti 1988]
*ā	*å	ā	ō	ō	ō
*ī	*a	a	ā/e̯	e̯	ā/e*
*ɣ	*-ɣ	əw	ī	əɣ/0**	əɣ
*ć	*č	ć	ś	ś	ś
*k_Vзад.		k	x/k	k	x
*š		š	s(š)	š	s/š

* Уточнено по обским мансийским полевым данным, см. подробнее [Норманская 2015].

** Уточнено Ю. В. Норманской по диалектным примерам [Honti 1982].

Здесь и далее сопоставление чусового словаря будет проводиться в соответствии с данными, изложенными в статье [Норманская 2022], и ее структурой.

Как указывается в [Норманская 2022: 129–130], «для анализа были привлечены словари (по традиционной классификации) северных диалектов, собранных П. С. Палласом в: 1) д. Березово (здесь и далее березов. — *Н. К.*); 2) место создания не указано, найден в архиве А. М. Шёгрена в Петербурге, в тексте присутствуют как северные, так и западные черты (здесь и далее неизв. — *Н. К.*) и западных диалектов: 3) соликамского (здесь и далее солик. — *Н. К.*), 4) чердынского (здесь и далее чердын. — *Н. К.*), 5) кунгурского (здесь и далее кунгур. — *Н. К.*), 6) верхотурского (здесь и далее верхотур. — *Н. К.*), изданные П. С. Палласом, и 7) карпинского (здесь и далее карпин. — *Н. К.*), записанного М. А. Кастреном».

Таблица 2. Рефлексы прамансийских фонем в первых словарях XVIII в. [Норманская 2022: 131]
[*Table 2.* Proto-Mansi phonetic reflexes in earliest eighteenth-century dictionaries]

ПМанс. [Honti 1982]	ПМанс. [Норманская 2022]	Диалект						
		берез. — П	неизв. — П	солик. — Ч	чердын. — П	кунгур. — П	верхотур. — П	карпин. — П
*ā	*å	o / a	o	o	o / a	o / a	o / a	o / a / oa
*i̯	*a	a / e	a / aa	e / a	a / ɨ	a / e	o / a	o / e / ea / aa / u
*ɣ	*-ɣ	0 / -ɣ/ -j	0 / -ɣ/ -j / -u	0 / -ɣ	0	0	0	0 / -ɣ- / -x / -j
*ć	*č	č- / -z-	č- / -z-	č / s	č / š	s	č	č / s

*k_Vзад.		χ	k / χ	k	k	k	k	k
*š		š	š	š	š	š	š	š

* П — П. С. Паллас, Ч — прот. Симеон Черкалов

ПМанс. *ā

Таблица 3. Рефлексы прамансийской *ā в чусовом диалекте
[*Table 3.* Reflexes of the proto-Mansi *ā in the Chusovaya dialect]

ПМанс. [Honti 1982]	ПМанс. [Норманская 2015]	Чусовой
*ā	*å	o / a

1) чусовой (далее — чусов.) chot ‘шесть:’
неизв. *Хоттъ* ‘шесть’, верхотур., чердын., кунгур. *Котъ* ‘шесть’ <ПМанс. *kāt [Honti 1982: 158];

2) чусов. katàl ‘день, солнце’:
березов. *Хо́даль* ‘день, солнце’, неизв. *Хо́даль* ‘солнце’, *Хо́дель* ‘день’, карпин. *Коатлъ* ‘солнце, день’, *Котлиетъ* ‘полдень’, верхотур. *Хоталъ*, чердын. *Котлантъ, Коталъ* ‘свет’, кунгур. *Косталъ* ‘солнце’, *Каталь* ‘день’, солик. *Ко́толь* ‘солнце’, *Ко́тель* ‘день’ < ПМанс.*kātəl ~ *kătə*l* [Honti 1982: 158];

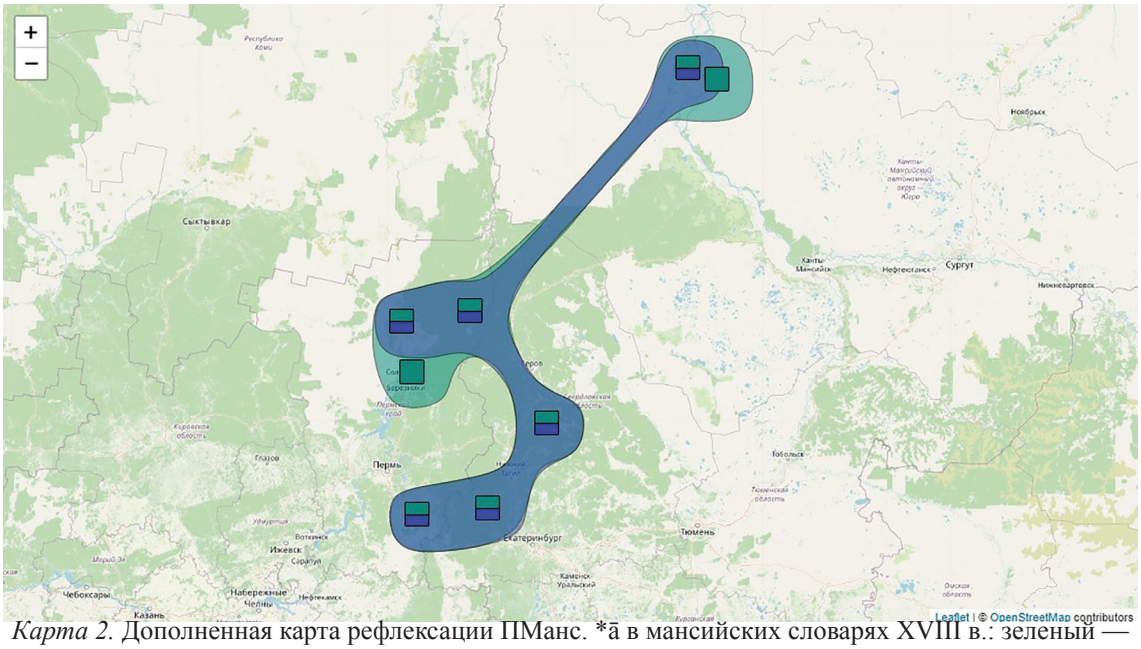
3) чусов. tarom ‘Бог’:
березов. *То́рымъ*, неизв. *То́ромъ, Хо́дель* ‘день’, карпин. *Тормъ*, верхотур. *Тармъ*, чердын. *Торомъ*, кунгур. *Таромъ*, солик. *То́ромь* ‘Бог’ < ПМанс. *tārəm [Honti 1982: 190];

4) чусов. sáiowe, wóie ‘масло’:
неизв. *Вой*, солик. *Вой* ‘жир’ < ПМанс. *wāj [Honti 1982: 192];

5) чусов. uáta ‘ветер’:
березов. *Воть*, *Уатъ*, неизв. *Воттъ*, карпин. *Уот*, верхотур. *Воть*, чердын. *Уадъ*, кунгур. *Воати* ‘ветер’, *Ваталинъ* ‘вихрь’, солик. *Во́тъ* ‘ветер’ < ПМанс.*wāta [Honti 1982: 198].

Рефлексы чусового диалекта соответствуют рефлексам, зафиксированным Ю. В. Норманской в диалектах XVIII в.

На карте 2 представлена рефлексация ПМанс. *ā в мансийских словарях XVIII в.

Карта 2. Дополненная карта рефлексации ПМанс. *ā в мансийских словарях XVIII в.: зеленый — 0, синий — a
[*Map 2*. Reflexes of the proto-Mansi *ā in eighteenth-century dictionaries. Supplemented map (green — 0, blue — a)]

ПМанс. *ĩ̯

Таблица 4. Рефлексы прамансийской *ĩ̯ в чусовом диалекте
[*Table 4*. Reflexes of the proto-Mansi *ĩ̯ in the Chusovaya dialect]

ПМанс. [Honti 1982]	ПМанс. [Норманская 2015]	Чусовой
*ĩ̯	*a	ä / a / au

1) чусов. aúve ‘дверь’:

неизв. *Ави*, кунгур. *Ава* ‘дверь’, солик. *Э́въ*, *Э́внарпъ* ‘запор у двери’ < ПМанс.*ĩ̯wa [Honti 1982: 124];

2) чусов. ätta ‘волосы’:

березов. *Этъ* ‘рог’, неизв., чердын. *Атъ*, кунгур. *ата* ‘волос’ < ПМанс.*ĩ̯a [Honti 1982: 124];

3) чусов. ja¨‘река’:

березов., неизв. *Я*, карпин. *Еа*, верхотур. е, кунгур. *гей*, солик. *Е́* ‘солнце’ < ПМанс.*jĩ̯ [Honti 1982: 140];

4) чусов. lall ‘нога’

березов. *Лагылъ*, неизв. *Ла́гылъ*, карпин. *Лейлъ*, *Люйлъмъ*, верхотур., кунгур. *Лалъ*, чердын. *Лылъ*, солик. *Ле́лъколъ* ‘день’ < ПМанс.*lĩ̯ɣla [Honti 1982: 159];

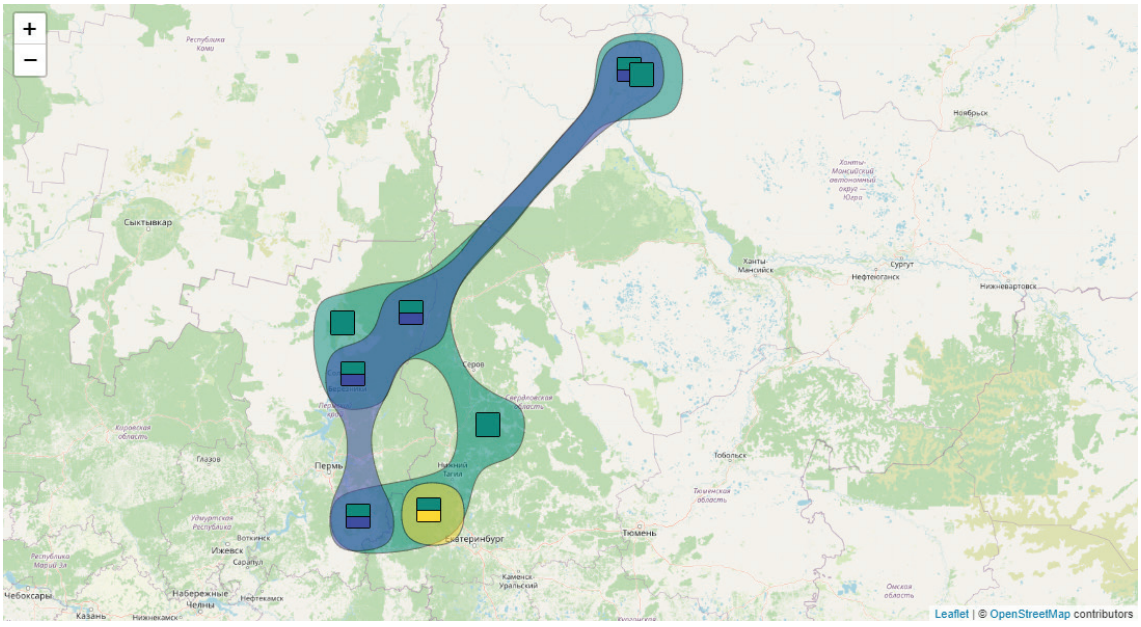
5) чусов. schäta ‘сто’

неизв. *шаттъ* ‘сто’, солик. *Шетъ талъ* ‘столетие’ < ПМанс.*sĩ̯ɜ [Honti 1982: 181];

6) чусов. káeba ‘лодка’

неизв. *Хáабъ*, карпин. *Каапъ*, верхотур., чердын. *Капъ*, кунгур. *Каба*, солик. *Ке́ппе* ‘лодка’ < ПМанс.*kĩ̯pa [Honti 1982: 154];

На карте 3 представлена рефлексация ПМанс. *ĩ̯ в мансийских словарях XVIII в.

Карта 3. Дополненная карта рефлексации ПМанс. *ĩ̯ в мансийских словарях XVIII в.: зеленый — a, синий — e, желтый — ä
[*Map 3.* Reflexes of the proto-Mansi *ĩ̯ in eighteenth-century dictionaries. Supplemented map (green — a, blue — e, yellow — ä)]

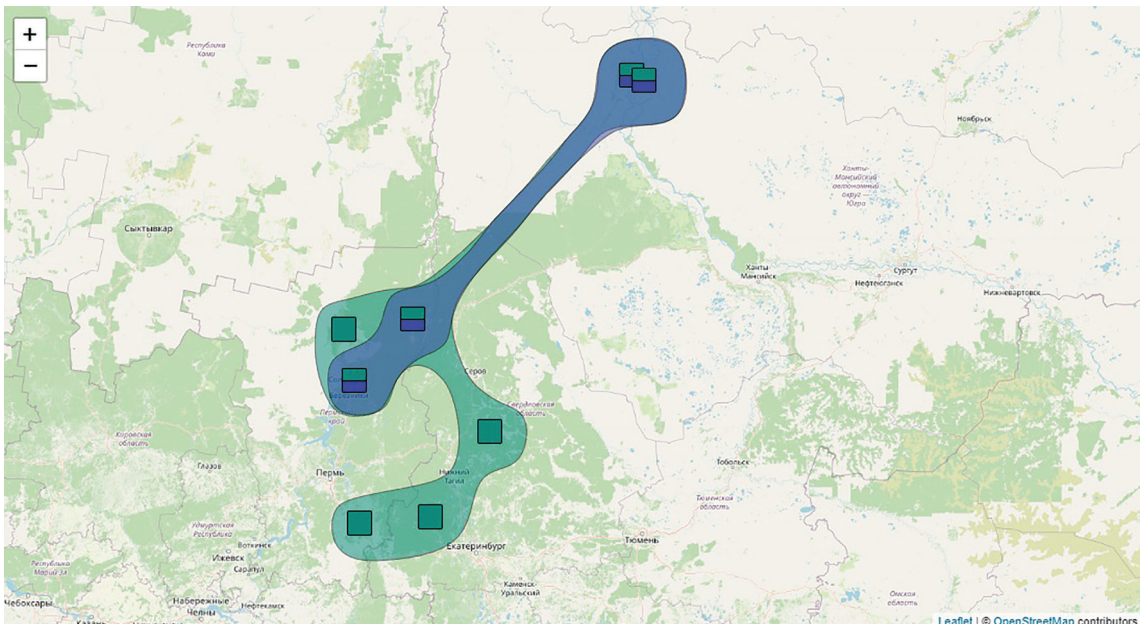
Согласно [Норманская 2022: 134], «рефлекс a, зафиксированный во всех говорах XVIII в., уже отсутствует в мансийских данных XIX в., а переход *a>e произошел уже в XVIII в. в центральной зоне рассматриваемого ареала диалектов. В XIX в. он, видимо, затронул все диалектные ареалы, кроме южного тавдинского» [Норманская 2022: 134]. Данные чусового словаря не противоречат полученным выводам, но, как мы видим, в этом источнике представлен незафиксированный ранее рефлекс *a̋*, правило появления которого остается неясным (проверка полного словаря показала, что ä для этой прамансийской гласной встречается в разных позициях). При этом полагаем, что появление *áe* в слове ‘лодка’ — один из способов записи *a̋*).

ПМанс. *-ɣ

Таблица 5. Рефлексы прамансийской *-ɣ в чусовом диалекте
[*Table 5*. Reflexes of the proto-Mansi *-ɣ in the Chusovaya dialect]

ПМанс. [Honti 1982]	Чусовой
*-ɣ	0

1) чусов. ginna¨‘большой’
неизв. *Ёны* ‘великий’, карпин. *Ены* ‘большой’, верхотур. *Юнынкъ* ‘велико’, чердын. *Яныбашкъ* ‘власть’, *Юнынкъ* ‘велико’, кунгур. *Инна* ‘велико’, солик. *Ены* ‘большой’ < ПМанс. *jänəɣ (~ -ä) [Honti 1982: 142];
2) чусов. teru ‘сосна’
неизв., карпин., солик. *Тары* ‘сосна’ < ПМанс. *tärəɣ [Honti 1982: 189];
3) чусов. kua͡lu ‘веревка’
неизв. *коа̀лхъ*, карпин. *Коалъ* ‘веревка’ < ПМанс. *kʷā̆ləɣ [Honti 1982: 152];
4) чусов. léina ‘белка’
неизв. *Лей* ‘хвост’ < ПМанс.*līɣ [Honti 1982: 159];
5) чусов. raieng ‘горячий’
бертзов. *Рей* ‘жара’ < ПМанс.*rīɣ [Honti 1982: 180];
6) чусов. gebu ‘сова’
неизв. *гибы* ‘сова’ < ПМанс. *jipəɣ [Honti 1982: 143];
На карте 4 представлена ПМанс. *-ɣ в мансийских словарях XVIII в.

Карта 4. Дополненная карта рефлексации ПМанс. *-ɣ в мансийских словарях XVIII в.:
зеленый — 0, синий — ɣ
[*Map 4*. Reflexes of the proto-Mansi *-ɣ in eighteenth-century dictionaries.
Supplemented map (green — 0, blue — ɣ)]

Как видно, реализация прамансийской *-ɣ в чусовом диалекте полностью соответствует процессу ее перехода в *0* для чердынского, кунгурского и верхотурского диалектов.

ПМанс. *ć

Таблица 6. Рефлексы прамансийской *ć в чусовом диалекте
[*Table 6*. Reflexes of the proto-Mansi *ć in the Chusovaya dialect]

ПМанс. [Honti 1982]	ПМанс. [Норманская 2015]	Чусовой
*ć	*č	z

1) чусов. tonzantüm ‘стоять’

карпин. *Тунчу* ‘стоять’, верхотур. *Тончанъ*, чердын. *Тунчантъ*, кунгур. *Тонсинъ* ‘стой’ < ПМанс.*tūńć-, *tūćt- [Honti 1982: 186];

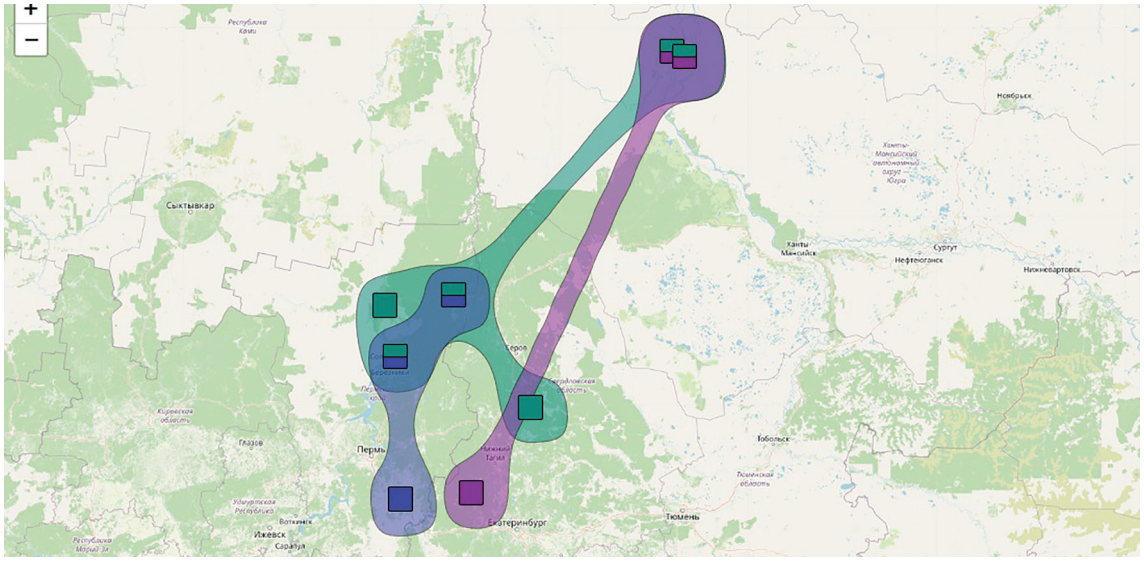
2) чусов. konza ‘звезда’

кунгур. *Конся* ‘звезда’, *Каталь* ‘день’, солик. *Ко́толь* ‘солнце’, *Ко́тель* ‘день’ < ПМанс. *kūńćз [Honti 1982: 153] < ПУ *kuńćV ~ *kućV;

3) чусов. zökiek ‘ласточка’

неизв. *Чегыякъ*, солик. *Чахаихъ* ‘ласточка’ < ПМанс. *ćäkəjək [Honti 1982: 130].

На карте 5 представлена рефлексация ПМанс. *ć в мансийских словарях XVIII в.

Карта 5. Дополненная карта рефлексации ПМанс. *ć в мансийских словарях XVIII в.: зеленый — č, синий — s, фиолетовый — z

[*Map 5.* Reflexes of the proto-Mansi *ć in eighteenth-century dictionaries. Supplemented map (green — č, blue — s, violet — z)]

Согласно [Норманская 2022: 136], «в XVIII в. в большинстве рассматриваемых диалектов в середине слова начался переход *ć в *s*; как свидетельствуют данные Б. Мункачи, в конце XIX в. во всех мансийских диалектах, кроме южных, этот переход был завершен». Интересно, что в рассматриваемом источнике прамансийский согласный *ć имеет только один рефлекс — *z* (в позиции начала слова и после n), что не характерно для группы западных диалектов, но единично встречается в северных: мы обнаружили переход ПМанс. *ć в *z* только в одном слове в березовском и неизвестном словарях: березов. *Возерма*, неизв. *Возирма* ‘желчь’ < ПМанс. *waćərām[1].

ПМанс. *k_Vзад.

Таблица 7. Рефлексы прамансийской *k_$V_{зад.}$ в чусовом диалекте

[*Table 7.* Reflexes of the proto-Mansi *k_V_{rear} in the Chusovaya dialect]

ПМанс. [Honti 1982]	Чусовой
*k_Vзад.	k / ch

1) чусов. konza ‘звезда’

кунгур. *Конся* ‘звезда’, *Каталь* ‘день’, солик. *Ко́толь* ‘солнце’, *Ко́тель* ‘день’ < ПМанс. **kūńćз* [Honti 1982: 153] < ПУ *kuńćV ~ *kućV;

2) чусов. kol ‘рыба’

неизв. *Хулль*, карпин. *Кулъ*, верхотур. *Кволъ*, чердын. *Кулъ*, кунгур. *Колъ*, солик. *Ку́лъ* ‘рыба’ < ПМанс.*kūl [Honti 1982: 148];

3) чусов. chot ‘шесть’

неизв. *Хоттъ*, верхотур., чердын., кунгур. *Котъ* ‘шесть’ < ПМанс.*kāt [Honti 1982: 158];

4) чусов. katàl ‘солнце’

березов. *Хо́даль* ‘день, солнце’, неизв. *Хо́даль* ‘солнце’, *Хо́дель* ‘день’, карпин. *Коатлъ* ‘солнце, день’, *Котлиетъ* ‘полдень’, верхотур. *Хоталъ*, чердын. *Котлантъ*, *Коталъ* ‘свет’, кунгур. *Косталъ* ‘солнце’, *Каталь*

‘день’, солик. *Ко́моль* ‘солнце’, *Ко́тель* ‘день’ < ПМанс.*kātəl ~ *kăt̮əl [Honti 1982: 158];

5) чусов. kökkòr ‘живот’

неизв. *Куры* ‘мешок’ < ПМанс. *kūrəɣ [Honti 1982: 156];

6) чусов. káeba ‘лодка’

березов. *Ха́абъ*, карпин. *Каапъ*, верхотур., чердын. *Капъ*, *Коталъ*, кунгур. *Каба*, солик. *Ке́нпе* ‘лодка’ < ПМанс.*kə̄pa [Honti 1982: 154];

7) чусов. kúlten ‘завтра’

березов., неизв. *Холита* ‘утро, завтра’, карпин. *Коолъ*, чердын. *Кольт*, кунгур. *Кула* ‘утро’, < ПМанс.*kəl [Honti 1982: 147];

[1] В мансийском словаре по р. Чусовая это слово отсутствует.

8) чусов. ko͡o͡möm ‘муж’

березов. *Хумъ*, *Кумъ*, *гумъ* ‘человек, муж’, неизв. *Хумъ*, кунгур. *Камъ*, солик. *Кумъ* ‘муж’ < ПУ *kojmV [Honti 1982: 147];

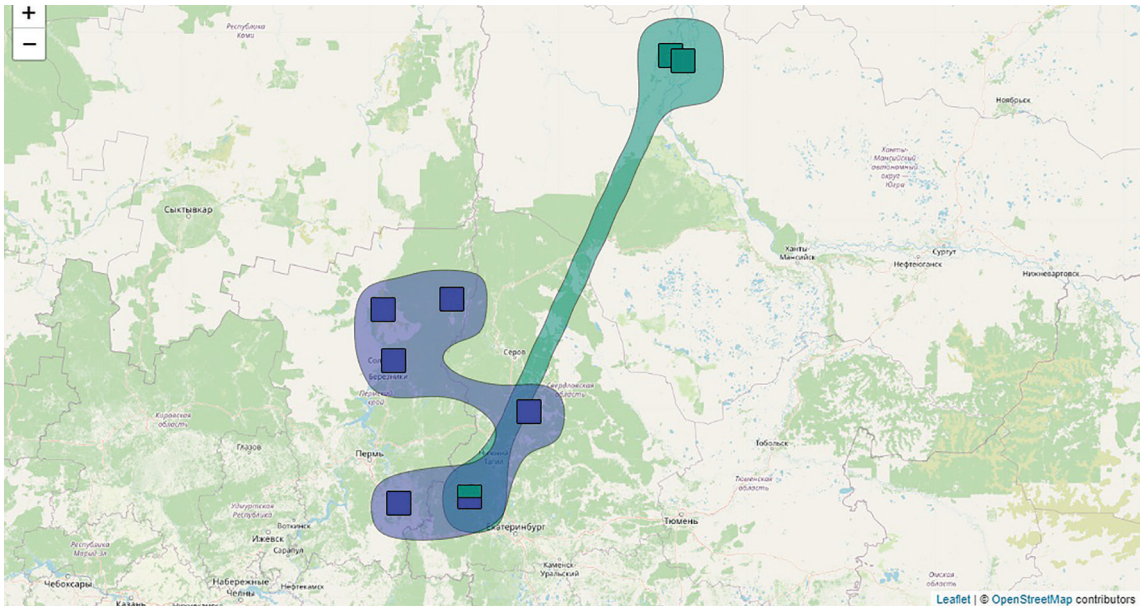
9) чусов. chórom ‘три’

неизв. *Хо́румь*, кунгур. *Коромъ*, верхотур. *Кормъ*, чердын. *Урумъ* ‘три’, солик. *Ку́рмъ талъ* ‘трехлетие’ < ПМанс. *kūrəm [Honti 1982: 157];

10) чусов. kiáĺä ‘береза’

березов. *Ха́лъбвошъ*, карпин. *Калъ* ‘береза’ < ПМанс.*kə̯̄ [Honti 1982: 148].

На карте 6 представлена рефлексация ПМанс. *k_Vзад. в мансийских словарях XVIII в.

Карта 6. Дополненная карта рефлексации ПМанс. *k_$V_{зад.}$ в мансийских словарях XVIII в.: зеленый — k, синий — χ

[*Map 6.* Reflexes of the proto-Mansi *k_V_{rear} in eighteenth-century dictionaries. Supplemented map (green — k, blue — χ)

В статье [Норманская 2022: 136] говорится о том, что переход ПМанс. *k>χ, начавшийся в XVIII в. в северных диалектах и отсутствующий в западных, является единственным диалектным признаком, который в тот период различал западные и северные диалекты по классификации Л. Хонти. Однако в рассматриваемом памятнике мы видим, что и в западных диалектах этот процесс уже имел место (см. слова ‘шесть’ и ‘три’). Таким образом, этот признак нельзя назвать диалектно-дифференцирующим.

ПМанс. *š

Таблица 8. Рефлексы прамансийской *š в чусовом диалекте

[*Table 8.* Reflexes of the proto-Mansi *š in the Chusovaya dialect]

ПМанс. [Honti 1982]	Чусовой
*š	š/č

1) чусов. óscha ‘город’

неизв. *Вошъ*, верхотур., чердын., солик. *Ушъ* ‘град’ <ПМанс.*ūša [Honti 1982: 197];

2) чусов. tschísche ‘спина’

неизв., верхотур., чердын., кунгур. *Шишъ* ‘спина’ < ПМанс. *šiš (~ -ä) [Honti 1982: 181];

3) чусов. schüma ‘сердце’

березов., неизв., верхотур., чердын., кунгур., солик. *Шимъ* ‘сердце’ < ПМанс. *šim (~-*ä*) [Honti 1982: 184];

4) чусов. scham, schammat ‘глаз’

березов., неизв., карпин., верхотур. *Шемъ* ‘око’, *Шампулъ* ‘ресницы’, чердын. *Шамкасылъ* ‘брови’, *Шамъ* ‘око’, кунгур. *Шамбанъ* ‘ресницы’, *Шамбонъ* ‘зрение’, *Шамъ* ‘око’, солик. *Ша́мъ* ‘глаз’ < ПМанс. *šäm (~ -*ä*) [Honti 1982: 184];

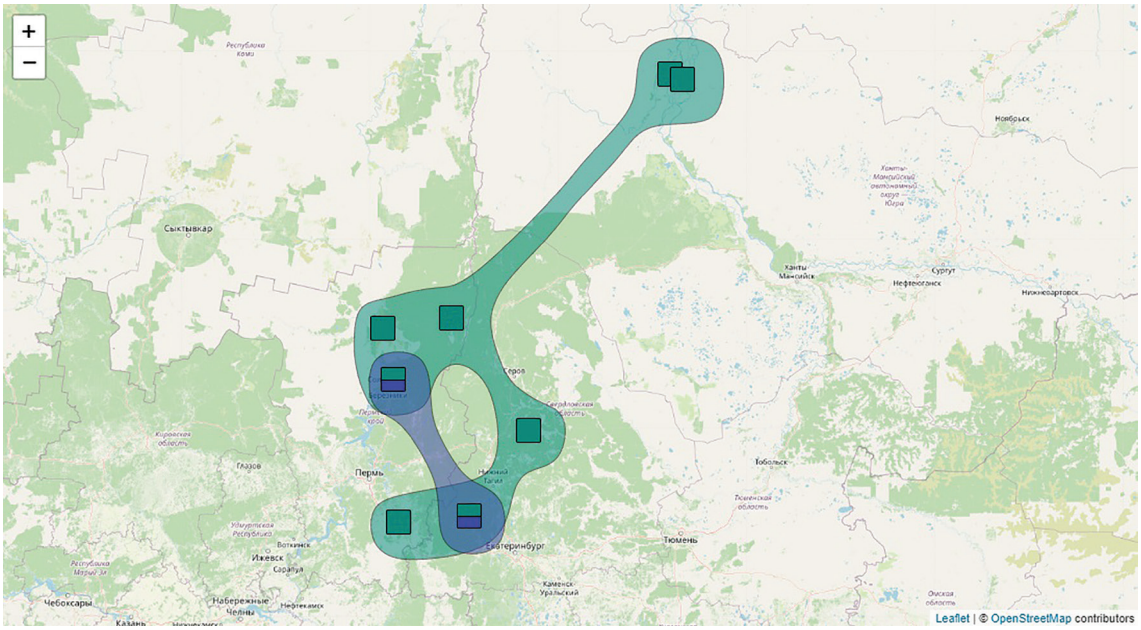
5) чусов. tschäntschi-kurta ‘бедро’

березов. *Шанжипангъ* ‘колено’, неизв. *Ша́нжипангъ*, кунгур. *Шанши*, верхотур. *Шаншъ* ‘колено’, солик. *Ша́шлу* ‘голень’ < ПМанс. *šā̈nš (~ -ä) [Honti 1982: 133];

6) чусов. schäta ‘сто’

неизв. *шаттъ* ‘сто’, солик. *Шетъ* талъ ‘столетие’ < ПМанс.*sɨ̯ƫ3 [Honti 1982: 181].

На карте 7 представлена рефлексация ПМанс. *š в мансийских словарях XVIII в.

Карта 7. Дополненная карта рефлексации ПМанс. *š в мансийских словарях XVIII в.: зеленый — š, синий — č

[*Map 7.* Reflexes of the proto-Mansi *š in eighteenth-century dictionaries. Supplemented map (green — š, blue — č)]

Как видно из примеров, для подавляющего большинства диалектов XVIII в. характерно сохранение ПМанс. *š за исключением двух западных: в чусовом для слов ‘бедро’ и ‘спина’ мы видим переход в *č* и для слова *Чéху* ‘туман’ в соликамском (оно отсутствует в чусовом). Предполагаем, это может быть незафиксированной ранее, в связи с недостаточностью данных, особенностью западных диалектов либо их ареальной изоглоссой, так как в XIX в. переход ПМанс. *š в č не отмечается.

В процессе исследования этого источника мы обнаружили также некоторые неописанные ранее черты:

а) *p > b

1) чусов. bóschma ‘дым’:

неизв. *посядымъ* ‘обоняние’, солик. *По́шшимъ*, сосьв. *посым* ‘дым’ < ПУ *pośV 'курить';

2) чусов. bánkun ‘голова’:

березов. *пенке* ‘голова’, *панкь* ‘власть’, верхотур. *панкъ* ‘власть’, кунгур. *банка* ‘глава’, неизв. *пынгъ*, юконд. *p'aŋk*, сосьв. *пуŋк* ‘голова’ < ПМанс. *päŋk [Honti 1982: 177] < ПУ *päŋe;

3) чусов. bäl ‘ухо’:

карпин. *Пальтиль* ‘глухой’, березов. *пялъ*, неизв. *паль*, верхотур. *паль*, юконд. *pa:l'*, чердын. *пель*, кунгур. *баль*, солик.

Паль, сосьв. *паль* ‘ухо’ < ПМанс. *päĺ (~ -ä) [Honti 1982: 174] < ПУ *peljä;

4) чусов. beôl ‘деревня, поселок’:

неизв. *пāвыл*, солик. *Пóиль*, юконд. *pawəl*, сосьв. *пāвыл* ‘деревня’ < ПУ *palɣV;

5) чусов. ämba ‘собака’:

неизв. *ампъ*, солик. *Áмпъ*, кунгур. *амба*, карпин. *Омбъ*, сосьв. *āмп* ‘собака’ < ПМанс. *ā̈mpɜ [Honti 1982: 125] < ПУ *ämpV (*empV);

6) чусов. ólba ‘кедр’:

неизв. *улъба*, солик. *Ýлпе*, карпин. *Ульпи/а*, сосьв. *ӯльпа* ‘кедр’; пелым. βulʹpȧ, ᵝulʹpȧ, сосьв. *ūlʹpȧ* [Kannisto, Eiras, Moisio 2013: 150]; сосьв. uľpä [ūľpa], пелым. uľpę̆ ~ vuľpę̆ ‘кедр’ [Munkácsi, Kálmán 1986: 694];

7) чусов. närbuma ‘зеленый’:

чердын. *нюр̂пымъ* ‘зелень’, верхотур. *нирпамошпъ*, кунгур. *нъ̄рбума*, солик. *Ня́рпомъ*, сосьв. *ня̄рппумоспа* ‘зеленый’ < ПУг. *ńErV (*ńOrV, *ńOrkV) ‘отросток, росток’ [UEW 1988: 331] + ПУг. *pimV [UEW 1988: 879];

8) чусов. gebu ‘сова’:

неизв. *гибы* ‘сова’ < ПМанс. *jipəɣ [Honti 1982: 143];

9) чусов. káeba ‘лодка’:

неизв. *Хáабъ*, карпин. *Каапъ*, верхотур., чердын. *Капъ*, кунгур. *Каба*, солик. *Кéппе* ‘лодка’ < ПМанс.*kɨ̄pa [Honti 1982: 154].

Как видно из списка, это явление отмечено также в неизвестном и в кунгурском диалектах (единожды встречается в карпинском), но по количественному признаку — регулярности появления — все-таки свойственно именно чусовому диалекту. Не исключено, что подобное озвончение имеет ареальную, контактную природу: известно, что подобный процесс свойственен ряду тюркских языков, носители которых проживали на близлежащих территориях (например, башк.: *мөп — мөб* ‘главный’, *булып — булыб* ‘также’, *алып — алыб* ‘брать’; татар. *пешерү — бишеру* ‘варить’, *папа — баба* ‘отец’).

б) *j > g

1) чусов. ginna¨‘большой’:

неизв. *Éны* ‘великий’, карпин. *Ены* ‘большой’, верхотур. *Юнынкъ* ‘велико’, чердын. *Яныбашкъ* ‘власть’, *Юнынкъ* ‘велико’, кунгур. *Инна* ‘велико’, солик. *Ены* ‘большой’ < ПМанс. *jänəɣ (~ -ä) [Honti 1982: 142];

2) чусов. gu¨‘ночь, мрак’:

пелым. *Игъ* ‘ночь’ [Словцов 1905: 18], iy̆ɣ ‘ночь’ [Kannisto, Eiras, Moisio 2013: 119] < ПУ *jitV (*jütV)

3) чусов. *gemtan* ‘сталь’ < ?.

Выявленный в чусовом диалекте переход прауральского и прамансийского **j* в *g* является уникальным и ранее не отмечавшимся для мансийского языка: поиск подобных случаев по всем мансийским данным, которыми мы располагаем, а также по другим языкам и диалектам, размещенным на платформе LingvoDoc, показал лишь один подобный случай в неизвестном словаре П. С. Палласа: *гибы* ‘сова’ < ПМанс. *jipəɣ [Honti 1982: 143].

3. Выводы

Сравнительно-сопоставительный анализ мансийского словаря по р. Чусовая из архива Миллера с другими словарями XVIII в. показал, что он подтверждает полученные Ю. В. Норманской выводы, что в этот период диалектно-дифференцирующие признаки для северных и западных диалектов еще не возникли либо только начинались (см. подробнее: [Норманская 2022]), и наряду с архаичной рефлексацией часто встречается инновационная. Однако указанная в качестве единственной черты, характерной именно и только для северных диалектов, — переход *k>χ перед задними гласными — на основании новых данных не получает подтверждения: в чусовом диалекте мы также зафиксировали подобный переход, как и в северных (chot ‘шесть’, chórom ‘три’).

Кроме того, в чусовом мансийском мы обнаружили несколько уникальных и нигде неотмеченных черт:

1) ä в реализации ПМанс. *ɨ̄̆;

2) озвончение прамансийской *p >b;

3) z в реализации ПМанс. *ć, изредка зафиксированная в данных северных диалектов;

4) переход праязыковой *j в g, единожды встретившийся также в неизвестном словаре северного мансийского диалекта из архива А. М. Шёгрена.

Источники

Березовский 2022 — Словарь северного диалекта мансийского языка (с. Березово, собран П. С. Палласом в XVIII в.) [электронный ресурс] // Виртуальная платформа Lingvodoc 3.0. URL: http://lingvodoc.ispras.ru/dictionary/3066/11/perspective/3066/14/view (дата обращения: 08.08.2023 г.).

Верхотурский 2022 — Словарь верхотурского диалекта мансийского языка (из архива А. М. Шёгрена, переписанного из материалов П. С. Палласа) [электронный ресурс] // Виртуальная платформа Lingvodoc 3.0. URL: http://lingvodoc.ispras.ru/dictionary/2685/1653/perspective/2685/1654/view (дата обращения: 08.08.2023 г.).

Карпинский 2022 — Словарь усть-улсуйского диалекта мансийского языка (кириллица), собран майором Капринским и записан М. А. Кастреном в XVIII в. [электронный ресурс] // Виртуальная платформа Lingvodoc 3.0. URL: http://lingvodoc.ispras.ru/dictionary/3096/54761/perspective/3096/54762/view (дата обращения: 08.08.2023).

Кунгурский 2022 — Словарь кунгурского диалекта мансийского языка (из архива А. М. Шёгрена, переписанного из материалов П. С. Палласа) [электронный ресурс] // Виртуальная платформа Lingvodoc 3.0. URL: http://lingvodoc.ispras.ru/dictionary/2685/6/perspective/2685/7/view (дата обращения: 08.08.2023).

Неизвестный 2022 — Словарь диалекта мансийского языка (из архива А. М. Шёгрена XIX в.) [электронный ресурс] // Виртуальная платформа Lingvodoc 3.0. URL: http://lingvodoc.ispras.ru/dictionary/2654/9320/perspective/2654/9324/view (дата обращения: 08.08.2023).

РГАДА — Российский государственный архив древних актов.

Словцов 1905 — Словарь верхне-пелымский вогульский (составлен священником Верхне-Пелымского (Спасского) прихода о. Конст. Словцовым). Тобольск, 1905 [электронный ресурс] // Виртуальная платформа Lingvodoc 3.0. URL: http://lingvodoc.ispras.ru/dictionary/652/2/perspective/652/3/publish (дата обращения: 07.08.2023).

Соликамский 1783 — Словарь мансийского языка, составленный протоиереем С. Черкаловым (г. Соликамск, 1783) [электронный ресурс] // Виртуальная платформа Lingvodoc 3.0. URL: http://lingvodoc.ispras.ru/dictionary/867/9/perspective/867/10/view (дата обращения: 08.08.2023).

Чердынский 2022 — Словарь чердынского диалекта мансийского языка (из архива А. М. Шёгрена, переписанного из материалов П. С. Палласа) [электронный ресурс]. // Виртуальная платформа Lingvodoc 3.0. URL: http://lingvodoc.ispras.ru/dictionary/2685/846/perspective/2685/847/view) (дата обращения: 08.08.2023).

Чусовой 2022 — Словарь диалекта по р. Чусовая (архив Г. Ф. Миллера) [электронный ресурс] // Виртуальная платформа Lingvodoc 3.0. URL: http://lingvodoc.ispras.ru/dictionary/7175/1/perspective/7175/2/view (дата обращения: 06.08.2023).

Sources

Dictionary of a Mansi Dialect (personal archives of A. J. Sjögren, nineteenth century). On: LingvoDoc 3.0 Platform. Ob-Ugrian Corpus. Northern Mansi. 2022. Available at: http://lingvodoc.ispras.ru/dictionary/2654/9320/perspective/2654/9324/view (accessed: 8 August 2023). (In Mansi and Russ.)

Dictionary of Cherdyn Mansi (personal archives of A. J. Sjögren, copies of materials collected by P. S. Pallas). On: LingvoDoc 3.0 Platform. Ob-Ugrian Corpus. Western Mansi. 2022. Available at: http://lingvodoc.ispras.ru/dictionary/2685/846/perspective/2685/847/view (accessed: 8 August 2023). (In Mansi and Russ.)

Dictionary of Chusovaya Mansi (personal archives of G. F. Müller). On: LingvoDoc 3.0 Platform. Ob-Ugrian Corpus. 2022. Available at: http://lingvodoc.ispras.ru/dictionary/7175/1/perspective/7175/2/view (accessed: 6 August 2023). (In Mansi and Russ.)

Dictionary of Kungur Mansi (personal archives of A. J. Sjögren, copies of materials collected by P. S. Pallas). On: LingvoDoc 3.0 Platform. Ob-Ugrian Corpus. Western Mansi. 2022. Available at: http://lingvodoc.ispras.ru/dictionary/2685/6/perspective/2685/7/view (accessed: 8 August 2023). (In Mansi and Russ.)

Dictionary of Mansi (compiled by Rev. S. Cherkalov, Solikamsk, 1783). On: LingvoDoc 3.0 Platform. Ob-Ugrian Corpus. Western Mansi. Available at: http://lingvodoc.ispras.ru/dictionary/867/9/perspective/867/10/view (accessed: 8 August 2023). (In Mansi and Russ.)

Dictionary of Northern Mansi (Berezovo; compiled by P. S. Pallas in the eighteenth century). On: LingvoDoc 3.0 Platform. Ob-Ugrian Corpus.

Northern Mansi. 2022. Available at: http://lingvodoc.ispras.ru/dictionary/3066/11/perspective/3066/14/view (accessed: 8 August 2023). (In Mansi and Russ.)

Dictionary of Upper Pelym Vogul (compiled by Rev. K. Slovtsov, Tobolsk, 1905). On: LingvoDoc 3.0 Platform. Ob-Ugrian Corpus. Western Mansi. Available at: http://lingvodoc.ispras.ru/dictionary/652/2/perspective/652/3/publish (accessed: 8 August 2023). (In Mansi and Russ.)

Dictionary of Upper Tura Mansi (personal archives of A. J. Sjögren, copies of materials collected by P. S. Pallas). On: LingvoDoc 3.0 Platform. Ob-Ugrian Corpus. Western Mansi. 2022. Available at: http://lingvodoc.ispras.ru/dictionary/2685/1653/perspective/2685/1654/view (accessed: 8 August 2023). (In Mansi and Russ.)

Dictionary of Ust-Uls Mansi (Cyrillic; collected by major Karpinsky and compiled by M. A. Castren in the eighteenth century). On: LingvoDoc 3.0 Platform. Ob-Ugrian Corpus. Western Mansi. 2022. Available at: http://lingvodoc.ispras.ru/dictionary/3096/54761/perspective/3096/54762/view (accessed: 8 August 2023). (In Mansi and Russ.)

Russian State Archive of Ancient Acts.

Литература

Греков 1960 — *Греков В. И.* Путешествие Академического отряда // В. И. Греков. Очерки из истории русских географических исследований в 1725–1765 гг. М.: АН СССР, 1960. 441 с.

Норманская 2015 — *Норманская Ю. В.* Новые полевые и архивные данные по мансийским диалектам и их значение для прамансийской реконструкции системы вокализма первого слога // Урало-алтайские исследования. 2015. № 4(19). С. 40–59.

Норманская 2022 — *Норманская Ю. В.* Как менялась классификация мансийских диалектов (исследование на материале первых кириллических книг и словарей XVIII–XIX веков) // Сибирский филологический журнал. 2022. № 1. С. 126–143. DOI: 10.17223/18137083/78/10

Норманская, Ковылин, Безенова 2022 — Кириллические памятники на алтайских и уральских языках: в 3 тт. Т. I: Графико-фонетические особенности книг XIX в. / отв. ред. Ю. В. Норманская. М.: Альма-Матер, 2022. 553 с.

Норманская, Кошелюк 2020 — *Норманская Ю. В., Кошелюк Н. А.* Неопубликованный мансийский словарь П. С. Палласа — ранее неизвестный мансийский диалект? // Урало-алтайские исследования. 2020. № 1(36). С. 92–101.

References

Grekov V. I. Travels of the Academic Crew. In: Grekov V. I. Essays in the History of Russian Geographical Explorations: 1725–1765. Moscow: USSR Academy of Sciences. On: Big Archive. Available at: https://big-archive.ru/geography/sketches_from_the_history_of_geographical_research_in_1725-1765_years/16.php?ysclid=ll0zbqzqpo165835723 (accessed: 9 August 2023). (In Russ.)

Gulya J. A 1776 Mansi-Language Manuscript (Nyelvtudományi Közlemények 60). 1958. 186 p. (In Hung.)

Honti L. Die wogulische Sprache. In: Sinor D. (ed.) The Uralic Languages: Description, History and Foreign Languages. Handbuch der

Gulya 1958 — *Gulya J.* Egy 1776-ból származó manysi nye lvemlék (Különlenyomata «Nyelvtudományi Közlemények»). LX évf. 1958. 186 old.

Honti 1982 — *Honti L.* Geschichte des obugrischen Vokalismus der ersten Silbe. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1982. 227 p.

Honti 1988 — *Honti L.* Die wogulische Sprache // The Uralic Languages: Description, History and Foreign Languages. Handbuch der Orientalistik / ed. D. Sinor. Leiden; New York; København; Köln: E. J. Brill, 1988. Pp. 147–171.

Kannisto, Eiras, Moisio 2013 — *Kannisto A., Eiras V., Moisio A.* Wogulisches Wörterbuch / Gesammelt und geordnet von A. Kannisto, bearbeitet von V. Eiras, herausgegeben von A. Moisio. Kotimaisten Kielten Keskuksen Julkaisuja. Helsinki: Société Finno-Ougrienne-Kotimaisten Kielten Keskus, 2013. 961 p.

Munkácsi, Kálmán 1986 — *Munkácsi B., Kálmán B.* Wogulisches Wörterbuch / gesammelt von B. Munkácsi, geordnet, bearb. und hrsg. von B. Kálmán. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1986. 950 p.

Steinitz 1955 — *Steinitz W.* Geschichte des wogulischen Vokalismus. Berlin: Akademie-Verlag, 1955. 366 p.

UEW 1988 — *Rédei K.* Uralisches Etymologisches Wörterbuch (Bd. II: Finnisch-permische und finnisch-wolgaische Schicht Ugrische Schicht). Budapest: Akadémiai Kiadó, 1988. 906 p.

Orientalistik. Leiden, New York, Copenhagen, Köln: E. J. Brill, 1988. Pp. 147–171. (In Germ.)

Honti L. Geschichte des obugrischen Vokalismus der ersten Silbe. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1982. 227 p. (In Germ.)

Kannisto A., Eiras V., Moisio A. Wogulisches Wörterbuch. Helsinki: Société Finno-Ougrienne –Kotimaisten Kielten Keskus, 2013. 961 p. (In Mansi and Germ.)

Munkácsi B., Kálmán B. Wogulisches Wörterbuch. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1986. 950 p. (In Mansi and Germ.)

Normanskaya J. V. How the classification of Mansi dialects was changed (On the material of the first Cyrillic books and dictionaries of the 18th and 19th centuries). *Siberian Journal of Philology*. 2022. No. 1. Pp. 126–143. (In Russ.)

Normanskaya J. V. New field and archive data on the Mansi dialects and their meaning for the Proto-Mansi reconstruction of the first syllable vowel system. *Ural-Altaic Studies*. 2015. No. 4(19). Pp. 40–59. (In Russ.)

Normanskaya J. V., Kosheliuk N. A. The unpublished Mansi dictionary of P. S. Pallas — an earlier unknown Mansi dialect? *Ural-Altaic Studies*. 2020. No. 1(36). Pp. 92–101. (In Russ.)

Normanskaya J. V., Kovylin S. V., Bezenova M. P. Cyrillic Texts in Altaic and Uralic Languages. In 3 vols. Vol. 1: Graphophonetic Features of Nineteenth-Century Books. J. Normanskaya (ed.). Moscow: Alma-Mater, 2022. 553 p. (In Russ.)

Rédei K. Uralisches Etymologisches Wörterbuch. Vol. 2: Finnisch-permische und finnisch-wolgaische Schicht Ugrische Schicht. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1988. 906 p. (In Fin., Germ., etc.)

Steinitz W. Geschichte des wogulischen Vokalismus. Berlin: Akademie-Verlag, 1955. 366 p. (In Mansi and Germ.)

Published in the Russian Federation
Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
Has been issued as a journal since 2008
ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
Vol. 16, Is. 5, Pp. 1325–1342, 2023
Journal homepage: https://kigiran.elpub.ru

УДК / UDC 811.512.141.276
DOI: 10.22162/2619-0990-2023-69-5-1325-1342

Зоонимы арабо-персидского происхождения в башкирском языке и его диалектах

Зарема Назировна Экба[1]

[1] Институт языкознания РАН (д. 1/1, Б. Кисловский переулок, 103009 Москва, Российская Федерация)
кандидат филологических наук, научный сотрудник
0000-0002-7300-1392. E-mail: zaremaekba[at]iling-ran.ru

© КалмНЦ РАН, 2023
© Экба З. Н., 2023

Аннотация. *Введение*. В работе впервые анализируются названия животных арабо-персидского происхождения в башкирском литературном языке и его диалектах в их соотношении с данными других тюркских языков. Исследовательская статья ставит своей целью определить и систематизировать данную лексико-тематическую группу заимствований в башкирском языке и его диалектах, определить словообразовательные типы заимствований, определить способы и время вхождения этих лексем в тюркские языки. *Материалы и методы*. В настоящем исследовании произведен максимально полный отбор наименований животных арабо-персидского происхождения в литературном башкирском языке и его диалектах на основании имеющихся словарей. В статье использованы лексико-семантический и описательный методы, метод структурного анализа, метод сравнительно-сопоставительного анализа, метод диахронического анализа, этимологический метод. *Результаты и выводы*. Выполнен сравнительный анализ зоонимов с другими тюркскими языками, а в ряде случаев — с другими языками алтайской языковой семьи, их этимологический анализ, а также определены приблизительные хронологические границы вхождения данных заимствований в тюркские языки. В ходе лексико-тематической классификации выделены следующие группы названий: «Млекопитающие», «Птицы», «Рыбы», «Насекомые и прочие», а также проанализированы арабо-персидские лексемы, выражающие общее название животных. Выявлены следующие типы словообразования зоонимов: 1) заимствуется название животного как таковое, среди таких случаев можно выделить подгруппы: а) экзотические названия; б) культурно значимые слова; в) медицинские термины; 2) композитные сочетания, среди которых определяются две подгруппы: а) определительные конструкции с изафетом; б) определительные конструкции без изафета, в том числе словосложение. В результате исследования установлено, что та часть названий, которая была заимствована в тюркские языки книжным путем, употребляется только в литературном башкирском языке, либо считается устаревшей и встречается в текстах произведений классиков башкирской литературы. Другая часть названий животных, заимствованная устным путем, употребляется исключительно в диалектах и говорах и имеет соответствия исконного происхождения в литературном языке.

Ключевые слова: языковые контакты, тюркские языки, башкирский язык, диалекты и говоры башкирского языка, заимствованная лексика, арабо-персидские заимствования, зоонимы
Благодарность. Автор выражает признательность доктору филологических наук, профессору, члену-корреспонденту РАН Анне Владимировне Дыбо за консультирование при работе над статьей.
Для цитирования: Экба З. Н. Зоонимы арабо-персидского происхождения в башкирском языке и его диалектах // Oriental Studies. 2023. Т. 16. № 5. С. 1325–1342. DOI: 10.22162/2619-0990-2023-69-5-1325-1342

Zoonyms of Arab-Persian Origin in the Bashkir Language and Its Dialects

Zarema N. Ekba[1]

[1] Institute of Linguistics of the RAS (1/1, Bolshoi Kislovsky Lane, 1 25009 Moscow, Russian Federation)
Cand. Sc. (Philology), Research Associate
0000-0002-7300-1392. E-mail: zaremaekba[at]iling-ran.ru

© KalmSC RAS, 2023
© Ekba Z. N., 2023

Abstract. *Introduction*. The article attempts a first analysis of animal names of Arab-Persian origin in standard Bashkir and its dialects in their relation to other Turkic languages. *Goals*. The study aims to identify and systematize this lexical/thematic group of borrowings to Bashkir and its dialects, identify word-formation patterns of such borrowings, reveal how and when these lexemes appeared in Turkic languages. *Materials and methods*. The work explores a variety of available dictionaries to provide a most complete selection of animal names of Arab-Persian origin in standard Bashkir and its dialects. The employed research methods include the lexical/semantic and descriptive ones, those of structural, comparative and diachronic analysis, as well as the etymological method. *Results*. The paper introduces a comparative analysis of the mentioned zoonyms against ones traced in other Turkic (sometimes even Altaic at large) languages, provides insights into their etymologies, and determines approximate chronological boundaries of when the loanwords occurred in the Turkic languages. Our lexical/thematic classification efforts have yielded a number of name groups, such as 'mammals', 'birds', 'fish', 'insects' and others. Special attention is paid to Arab-Persian lexemes expressing common animal names. The following word-formation patterns for the examined zoonyms have been identified: 1) borrowings in the form of ready-made root stems be divided into subgroups, such as exotic names, culturally significant words, and medical terms; 2) composite combinations clustering within two subgroups, such as attributive constructions with *ezāfe* particles and ones without the latter (incl. compounding). So the study attests to the share of names borrowed to the Turkic languages via books are used only in standard Bashkir or considered outdated to be found only in classical Bashkir literary texts. However, the share of animal names introduced orally can be traced exclusively in dialects and have correspondences of Bashkir origin in the standard language.
Keywords: language contacts, Turkic languages, Bashkir language, dialects of Bashkir, borrowed vocabulary, Arab-Persian borrowings, zoonyms
Acknowledgements. The author expresses gratitude to Dr. Anna V. Dybo, Professor and Corresponding Member of the RAS, for most valuable consultations.
For citation: Ekba Z. N. Zoonyms of Arab-Persian Origin in the Bashkir Language and Its Dialects. *Oriental Studies*. 2023; 16(5): 1325–1342. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2023-69-5-1325-1342

1. Введение

В тюркском языкознании имеется ряд работ, посвященных исследованиям названий животных. В первую очередь следует отметить подробный этимологический анализ наименований домашних и диких животных, результаты которого приведены в исследовании А. М. Щербака [Щербак 1961], где основной задачей ставится анализ лексики тюркского происхождения в сопоставлении ее с другими языками алтайской языковой семьи. Определенное внимание здесь уделяется и заимствованной лексике. Существует немало работ по отдельно взятым тюркским языкам: [Базарова 1978; Ишбердин 1970; Петров 1995; Садыкова 1994; Сафина 2005; Хабибуллина 2008; Юсифов 1975; и др.] В части исследований башкирского языка имеются многочисленные работы, посвященные лексике коневодства, пчеловодства, охоты и рыболовства, которые также затрагивают различные аспекты изучения зоонимов. Большинство исследований посвящены в основном исконной лексике, зоонимы арабо-персидского происхождения в башкирском языке и его диалектах не были предметом специального рассмотрения. Между тем в говорах распространен ряд лексем этой лексико-тематической группы, содержащих заимствованный компонент и не употребляющихся в литературном языке.

В работе была поставлена цель — систематизировать эту группу заимствований, определить их словообразовательные типы, а также выявить способы и приблизительное время вхождения этих лексем в тюркские языки. Для этого был произведен максимально полный отбор наименований животных арабо-персидского происхождения в литературном башкирском языке и его диалектах на основании имеющихся словарей, произведен их этимологический анализ и лексико-тематическая классификация.

2. Материалы и методы исследования

Источниками для сбора материала послужили следующие словари: «Башҡорт теленең диалекттары һүҙлеге» («Диалектологический словарь башкирского языка») [ДСБЯ 2002] и «Башҡорт теленең академик һүҙлеге» («Академический словарь башкирского языка») (в 10 томах) [АСБЯ 2011–2018]. Методом сплошной выборки были выделены лексемы, обозначающие названия животных и имеющие в своем составе арабо-персидский компонент, которые имеют помету «диалектное» в [АСБЯ 2011–2018] или указание на конкретный диалект или говор в [ДСБЯ 2002]. Источник происхождения лексемы и ее арабо-персидское написание приводится в соответствии с [АСБЯ 2011–2018], транслитерация в соответствии с [Ахметьянов 2004–2007].

Так как перед нами стояла задача выявить, по мере возможности, хронологию вхождения лексем данной группы лексики в тюркские языки, мы обратились к научным трудам, которые содержат (помимо всего прочего) сведения о названиях животных в памятниках древнетюркской письменности: «Диван Лугат ат-Турк» Махмуда Кашгарского [МК 2005], «Древнетюркский словарь» [ДТС 2016], «Историко-сравнительный словарь тюркских языков XIV века» (На материале «Хосроу и Ширин» Кутба) [Наджип 2017], «Botanica und Zoologica im Babur-name» («Ботаника и зоология в Бабур-Наме») [Hauenschild 2006], Грамматика И. Мегизера «Institutiones linguae Turcicae libri quatuor» («Основные правила тюркского языка») [Megiser 1612].

Учитывая, что многие арабо-персидские заимствования в башкирском и татарском языках являются общими, с целью этимологического анализа использовался «Этимологический словарь татарского языка» [Ахметьянов 2004–2007], кроме того, привлекались данные «Сравнительно-исторической грамматики тюркских языков» [СИГТЯ 2001; СИГТЯ 2006].

Научная новизна работы состоит в том, что впервые предложена классификация данной группы лексики, установлены два типа (с подгруппами) словообразования заимствованных названий животных, выявлены способы и приблизительные хронологические рамки вхождения этих лексем в тюркские языки, подробно рассмотрены диалектные названия зоонимов.

3. Слова, выражающие общее название животных

3.1. ***йән*** (от перс. جان *җан* ‘душа’) в значении ‘животное, зверь’ — очень широко распространенное во многих тюркских языках заимствование. Этимология слова *йән* подробно рассматривается у Р. Г. Ахметьянова, который приводит этимологию слова в языке-источнике (персидском): тат. лит. *җан*, тат. диал. *җән*, *йан*, *йән* ‘душа’, чув. *чон*, *чун* < перс. *җан* (регулярно встречается в современных тюркских языках) << пехлеви gān, авест. gayan ~ скр. gaya *тын*, *сулыш*, *нава* ‘дыхание, воздух’[1]. Там же отмечено, что слово вошло в арабский из древнеиранских языков, затем вновь было заимствовано из арабского в персидский язык; вероятно, ст.-тат. лит. *җаннан «йөрәк, җан»* ‘сердце’, ‘душа’ образовалось в самом арабском языке [Ахметьянов, I 2004: 189]. Соответствия в других тюркских языках: каз., кырг., к.-калп. *жан*, к.-балк. *джан*, туркм. *җан*, узб. *жон*, уйг. *җен*, тур., аз. *can* и др. Значение ‘животное, зверь’ является вторичным и возникло уже на тюркской языковой почве, оно отмечено в отдельных современных тюркских языках (баш., тат. ‘животное, зверь’, к.-балк. ‘живое существо, создание’), в персидском языке такого значения нет. Первоначальное значение слова, в котором оно было заимствовано из персидский язык — это ‘дух, душа, жизнь (в противоположность смерти)’ [Рубинчик I, 1983: 425][2]. Предположительно, одно из наиболее ранних замствований в тюркских языках зафиксировано в словаре Наджипа: جان *җан* ‘душа’ [Наджип, I 2017: 109]. Из тюркских языков Поволжья слово заимствовано в финноугорские: мар. *цан*, *чон*, удм. *зан*, *йан* [Ахметьянов, I 2004: 189].

3.2. ***йәнлек*** — является распространенным во многих тюркских языках дериватом, образованным от основы *йән* при помощи суффикса абстрактного существительного *-лык(-лек)*: баш. *йәнлек* в значении ‘зверь / звериный’ [АСБЯ, IV 2012: 297]; тат. *җәнлек*, диал. башк. *йәнлек* ‘зверь’ > чув. *енлĕк*, мар. *йанлык* > *йалнык*, удм. *зәнлык* < др.-тюрк. ğanlïγ *җанлы зат* ‘живое существо’, в финно-угорские язы ки пришло через тюркские языки [Ахметьянов, I 2004: 192]. В демском говоре южного диалекта имеется фонетический вариант *йәннек* и употребляется в значении ‘домашний скот’; в кызыльском и миасском говорах восточного диалекта в значении ‘зверь’ употребляется сама производящая основа *йән*, без добавления аффикса; в северо-западных говорах имеется производная от *йәннек* ‘зверь’ лексема *йәнечке* ‘охотник’, в среднем говоре *йәннексе* — соответствует лит. *һунарсы* ‘охотник’ [ДСБЯ 2002: 132]. Лексема ǯanlïγ в значении ‘живой, одушевленный’, ‘живое существо’ зафиксирована в памятниках, в частности в самом древнем — Наманганском списке «Кутатгу Билиг» (конец XII – первая половина XIII в.) (цит. по: [ДТС 2016: 678]); там же встречается и парное ǯanlïγ tirig с тем же значением ‘живой, одушевленный’ (цит. по: [ДТС 2016: 678]). Лексема ǯanlïγ имеет многочисленные рефлексы в современных тюркских языках как с прямым значением ‘живой, одушевленный’, так и с переносным значением ‘живой, яркий, выразительный’. Соответственно в других тюркских языках: каз. диал. *жандық* ‘мелкий домашний скот (овцы, козы)’ [КРС 2002: 281], кырг. *жандык* ‘живое существо’, ‘мелкий домашний скот (овцы, козы)’ [Юдахин, I 1985: 228], в узбекском употребляется в сакральном значении: *жонлик* ‘домашнее животное или птица, предназначенная в жертву духам’ [УзРС 1988: 155].

3.3. ***йануар*** — слово распространено во многих тюркских языках, очевидно, заимствовано сразу в форме деривата: Р. Г. Ахметьянов приводит следующие соответствия: тат. лит. *җанвар*, тат. диал.

[1] Здесь и далее перевод словарных статей с башкирского и татарского на русский язык наш. — *Прим. авт.*

[2] Примечательно, что другие словари перс. яз. приводят дополнительные значения этого слова, отражающие низовые религиозные представления: ‘отец демонов’, ‘название существ, обитавших в мире до человека’ [ППАРС 1910: 425]; ‘духи, сказочные существа, населявшие землю до сотворения Адама’ [ПРС, I 1976: 205]. В тюркские языки это значение персидской лексемы не заимствовано, так как древние тюрки имели собственную, хорошо развитую систему религиозных представлений и соответствующую лексику в языке (см. подр. об этом: [СИГТЯ 2006: 562–628]). Во многих тюркских языках перс. заимствованию *йән / джан* в значении ‘дух, душа’ соответствует исконное *kut / kot* (о корелляции этих употреблений подробнее см.: [Экба 2015: 53–62]).

җаныывар ‘животное; зверь’ ~ башк. *йануар*, *йанур*, чув. *янавар «хайван; юньсез кеше»* ‘скотина; бестолковый человек’ > мар. *янавар «сукбай»* ‘бродяга’ ~ кар. *джанавар «җанвар; шәфкатьсез»* ‘животное, зверь’; ‘жестокий’, гагауз. *җәнавар «бүре»* ‘волк’, кумык. *җанавар «икеләнүчән, куркак (йорт хайваны шикелле)»* ‘колеблющийся, сомневающийся’, ‘трусливый (подобный домашнему животному)’, и указывает на происхождение слова от перс. *җанāвар «җан иясе, җан йөртүче; мәхлукъ, юньснз, мескен»* ‘существо (букв. хозяин души)’; ‘божье создание’, ‘бестолковый, несчастный, беспомощный’ (*җан* «*җан*» ‘душа’, *овар*, *вар «йөртүче»* ‘ведущий, направляющий’< авест. *bar* ~ скр. *bhar*) [Ахметьянов, I 2004: 189]. Соответствия в других тюркских языках: каз. *жануар* ‘животное, скотина’, а также ‘ласковое обращение к животному (чаще всего к лошади или верблюду)’ [КРС 2002: 281], кырг. *жаныбар* ‘животное’, а также ‘ласковое обращение к животным, людям и предметам’ [Юдахин, I 1985: 129], к.-балк. *джаныуар* ‘животное, зверь’, ‘хищное существо, тварь’ [КБРС 1989: 226], кум. *жаныывар* ‘живое существо, живой организм’, [СОЛКЯ 2020: 57], тур. canavar прямое и переносное ‘хищник’, ‘зверь’, тур. диал. ‘боров’, ‘дикий кабан’, ‘волк’ [БТРС 1998: 143] и др. Лексема ǯanvar ‘животное, зверь, живое существо’, отмечена в памятнике «Врата истин» А. Югнекского (стамбульский список уйгурским письмом с подстрочным дублированием арабским письмом, 1480) [ДТС 2016: 678]. В чувашском кыпчакское заимствование, с обычной для этих случаев передачей начального ǯ- персизмов и арабизмов через j-: ср. чув. *юмарт* ‘радушный’ < перс. ǯud-mard ‘щедрый’, чув. *ямахат* ‘семья’ < ар. ǯamāhat ‘общество’ и др. В некоторых тюркских языках встречается и парное словосочетание в значении ‘все живое’, ‘все живые существа’: к.-балк. *жан-жаныуар* [КБРС 1989: 806–807], кумык. *жан-жаныывар* [СОЛКЯ 2020: 43] и др.

Исконным соответствием персидского заимствования *йән* в значении ‘животное, зверь’ с некоторой оговоркой можно считать пратюрк. *kejik, которое, однако, не имеет полного семантического соответствия и употребляется в значении ‘дичь (главным образом, парнокопытные)’, встречается в орхонских, енисейских и древнеуйгурских памятниках [СИГТЯ 2001: 151]. А. М. Щербак отмечает, что «значения лексемы kijik очень разнообразны: узб. ‘серна, сайгак’, алт. ‘дикий зверь’, согласно описанию султана Бабура, обозначает название группы живых существ, ‘животное, зверь’» [Щербак 1961: 121]. Рефлексы этой лексемы в современных тюркских языках имеют еще более широкий и разнообразный круг значений, ср. например: kajik чув. ‘птица’, чув. диал. ‘заяц’, ‘насекомое, мошка’, тат. ‘вошь’, тат. диал. ‘мышь’, а также обще-тюрк. ‘дикий (о животных и растениях)’, сюда же можно отнести кумык. разг. *гийик* ‘волк’, кайт. диал. ‘олень’ [СОЛКЯ 2020: 57]; отдаленное семантическое сходство наблюдается при развитии переносного значения, ср.: тур. перен. canavar ‘хищник’, ‘зверь’, кар. kajik ‘жестокий’, ног. ‘нелюдимый’ и др. (см. подробнее: [СИГТЯ 2001: 151–152]).

Следует отметить, что общеродовые названия животных *kuš ‘птица’, *kurt ‘насекомое’ и *balyq ‘рыба’ в тюркских языках являются исконными.

4. Млекопитающие (звери)

4.1. ***маймыл*** (перс.میمن *мәймун*) ‘обезьяна’; в башкирских диалектах распространены различные фонетические варианты: караид. *маймун*, ср. *мәймүк*, арг. *маймын*, дем. *мәймүн* — соответствует лит. *маймыл* ‘обезьяна’ [ДСБЯ 2002: 227]; происхождение слова указано по: [АСБЯ, VI 2014: 166]. Р. Г. Ахметьянов указывает на арабское происхождение слова: тат. лит. *маймыл*, *маймул*, тат. диал. *мәймүн*, башк. *маймун*, *маймын*, *мәймүн* ‘обезьяна’ > чув. *маймăл*, удм., мар. *маймыл*, ног., каз., кирг. *маймыл*, узб. диал. *маймыл* < чаг., к.-балк. *маймул* < куман., кумык., кар., уйг., осм. *маймун* < ар. *мәймун* [Ахметьянов, II 2007: 165]. Он же возводит этимологию слова к арабскому корню *ймн ‘бәхетле булу’* ‘быть счастливым’, отсюда название страны Йемен ‘счастливая страна’ (по аналогии с рус. ‘Счастливая Аравия’ (из легенды)); все что привозилось из Йемена, считалось удачным, счастливым, в том числе обезьяны: *маймыллар да «бәхетле халык» дип исәпләнгәннәр* (‘обезьяны считались «счастливым народом»’); отсюда же происходит и женское имя *Мәймүнә «бәхетле кыз; Йәмән кызы»* ‘счастливая девушка’, ‘девушка из Йемена’. Однако ученый указывает, что до

конца не ясно, что является первичным — глагольный корень или собственное имя, он предполагает родство лексемы *маймун* > *маймыл* с др.-рус. *мамона* < латин. mamona > итальян. manina >> англ. monkey *«маймыл»* (‘обезьяна’) [Ахметьянов, II 2007: 165]. Слово отмечено в Бабур-наме: *маутūп* Affe [Hauenschild 2006: 101]; в Грамматике И. Мегизера отмечено параллельное употребление двух лексем в значении ‘обезьяна’: maimon ~ schaidi [Megiser 1612: 319], что, по всей вероятности, объясняется нестатичностью языковой нормы того периода времени. Достоверно установить происхождение этой лексемы в тюркских языках не представляется возможным, она одинакова употребительна в арабском и персидском языках. Для древнетюркских памятников реконструирована более древняя лексема *be:čin ‘обезьяна’ и отмечено, что слово отображает бродячий корень, т. е. семитские и индоевропейские названия обезьяны, при этом оно имеет монгольскую параллель mečin, т. е., возможно, это раннее заимствование в тюркские языки из монгольских [СИГТЯ 2001: 168].

4.2. ***нар*** (перс. نار *нар*) ‘одногорбый верблюд’: в отдельных башкирских говорах название образовано словосложением перс. نار*нар* ‘одногорбый верблюд’ + тюрк. *дөйә* ‘верблюд’: сакм., иргиз. *нардөйә* ‘одногорбый верблюд’ — соответствует лит. *нар (бер үркәсле дөйә)* ‘одногорбый верблюд’ [ДСБЯ 2002: 243], ‘дромадер, дромедар, арабиан’. Академический словарь указывает на арабское происхождение слова [АСБЯ, VI 2014: 523]; у Р. Г. Ахметьянова указано на его персидское происхождение: *нар* ‘верблюд (одногорбый)’ < обще-юж.-тюрк. *нар* < перс. *нар* [Ахметьянов, II 2007: 203]. На персидское происхождение слова указывает и М. Рясянен: čag. kzk. nar ‘einhöckeriges Kamel’= kalm. (KWb. 272) nar: n. temēn ‘Bastard des einhöckerigen Kamels mit dem Zweihöckerigen’< pers. nar ‘самец’ [VEWT 1969: 350]. Соответствует в других тюркских языках: турк., каз., кирг., к-калп., ног. nar ‘одногорбый верблюд’; аз. ner ‘самец верблюда (независимо от его породы)’ [Щербак 1961: 104]. Вероятно, это относительно позднее заимствование, так как для пратюркского состояния реконструируется большое количество исконных лексем, выражающих различные наименования верблюдов в зависимости от возраста, пола, способа функционирования и других признаков: *buɣra ‘взрослый верблюд’, *bota ‘верблюжонок’ *torum ‘двухгодовалый верблюд’ и мн. др. (см. подробнее: [СИГТЯ 2001: 424–448]). Кроме того, следует принять во внимание тот факт, что в пратюркской языковой картине мира верблюду отводится значительное место как в области жизнедеятельности, так и в мифологических представлениях тюрков в фольклорной образной системе, что и способствовало весьма развитой исконной терминологии.

Учитывая географическую прародину древних тюрков, есть основания предполагать, что их предки имели дело с традиционными двугорбыми верблюдами, которых в животноводческой терминологии принято называть бактрианами: эти животные обитали на территориях современной Монголии и Средней Азии и были одомашнены еще 4 тыс. лет назад. Этот род верблюда хорошо приспособлен как к жаркому, засушливому климату, так и к сильным морозам, снегу и ветру. Одногорбый верблюд, которого называют дромадер (дромедар) или арабиан, родом из Северной Африки и Ближнего Востока, обитает в пустынных и полупустынных зонах этих регионов; считается, что он был одомашнен на территории Аравийского полуострова на 1 тыс. лет раньше своего двугорбого сородича, тоже обладает высокой выносливостью, однако более скудный шерстяной покров не позволяет ему существовать в холодном климате. Интересно отметить, что в животноводческой терминологии нарами называют гибрид первого поколения самки-бактриана и самца-дромедара, который по своим физическим свойствам превосходит родительские виды [Новицкий 2017].

В современном персидском языке лексема نار (*нāр*) имеет следующий ряд значений: 1) ‘мужского пола, относящийся к мужскому полу’, 2) уст. ‘мужественный, храбрый, сильный’; 3) ‘самец’ (употребляется в сочетаниях с названиями животных: осел-самец, лев-самец, бык и т. д.) [Рубинчик, II 1983: 634], т. е. собственно значения ‘верблюд’ эта лексема в языке-источнике не имеет. На наш взгляд, изначально слово было заимствовано в тюркские языки в значении ‘самец верблюда’, которое из современных языков сохранилось только в азербайджанском.

Подтверждением этой точки зрения может служить также употребление этого значения в татарских дастанах «Атулы Батыр» и «Алфамыш»: «*нар* — бер өркечле ата дөя, төрки дастаннарда көч символы буларак йөри[1] (см. подробнее об этом: [Ахметова-Урманче 2004: 408, 519]). Подобное употребление находим и в киргизском героическом эпосе: «нарами» образно называются главы родов, старейшины» (см. подробнее об этом: [СИГТЯ 2006: 725–726]. Со временем словом *нар* стал называться любой одногорбый верблюд, безотносительно к полу, в противоположность к уже известному двугорбому, встречаются и производные от него: в татарском эпосе *наргычы* ‘погонщик верблюдов’.

Учитывая вышеприведенные сведения, дромедара можно отнести к разряду экзотических животных в языковой картине мира древних тюрков, а лексему *нар* — к заимствованию, которое пришло в тюркские языки книжным путем. Кроме того, достоверно подтверждается персидское происхождение данной лексемы, несмотря на то, что в некоторых лексикографических источниках она указывается как арабская.

4.3. ***фил*** (перс.فیل *фил*) ‘слон’ , происхождение слова приведено по: [АСБЯ, IX 2017: 299]; Р. Г. Ахметьянов указывает, что в тюркские языки слово пришло через арабский из санскрита: *фил* ‘слон’ < ар. *фил* < скр. pil; мар. и чув. *пил* заимствованы из татарского [Ахметьянов, III 2007: 228]. Соответствует в других тюркских языках: каз. *пил* [КРС 2002: 677], ног. *бил* [НРС 1958: 585], кумык. *пил* [СОЛКЯ 2020: 58], узб. fil [УРС 1989: 36]. Лексема отмечена в Бабур-наме: *fil* ~ *pil* ‘Asiatischer Elefant’ [Hauenschild 2006: 85]; встречается у А. Югнекского («Врата истин», стамбульский список арабским письмом, конца XV – начала XVI в): FIL ‘слон’ (цит. по: [ДТС 2016: 207]), зафиксирована в Грамматике И. Мегизера: füll — лит. fil ‘слон’ [Megiser 1612: 306]. В «Сравнительно-исторической грамматике тюркских языков» для значения ‘слон’ реконструируется более старое древнекитайское заимствование **jaŋ-gan*<*xiang* и отмечено, что слоны в Северном Китае встречались еще в I тыс. до н. э., так как упоминания об охоте на слонов встречаются еще в иньских надписях [СИГТЯ 2001: 156]. Относительно позднее книжное заимствование.

4.4. ***хәтер*** (ғәр.خاطر *хәтр*) ‘память’; употребляется в миасском говоре в составе словосочетания *хәтерһеҙ ат* (букв. ‘беспамятная лошадь’) в значении ‘ленивая лошадь’; баш. лит. *хәтер* ‘память’, ‘настроение, душа’, ‘сердце’; тат. ‘память; самосознание; достоинство личности’; Р. Г. Ахметьянов возводит к арабскому слову *хәтр* в значении ‘тревога’ (от арабского корня *хтр* (с твердым *-т*) в значении ‘быть осторожным’, ‘помнить’; отсюда *хәтәр «куркыныч»* ‘опасность’, *хәтәрле «куркынычлы»* ‘опасный’, а также прилагательное *хәтәр* [Ахметьянов, III 2007: 234]; в баш. диал. иргиз. *хәтир* ‘память’, сакм. *хәтәрле* ‘опасно’; в Наманганском списке «Кутатгу Билиг»: χatïr خاطر ‘мысль, душа’ [ДТС 2016: 675]. Вторая часть наименования — исконное слово.

Рассмотренные названия млекопитающих заимствованы в виде готовых корневых основ, исключение составляет только наименование *хәтерһеҙ ат* ‘ленивая лошадь’, где заимствованный компонент употреблен в качестве определения, оно же является чисто диалектным, остальные термины употребляются в литературном башкирском языке, с некоторой оговоркой в отношении лексемы *маймыл* ‘обезьяна’, которое имеет диалектные фонетические варианты. Термины *маймыл* ‘обезьяна’ и *фил* ‘слон’ не имеют исконных параллелей, вероятно, в связи с отсутствием самих этих объектов в пратюркской языковой картине мира, но имеют более древние соответствия, заимствованные из других языков; название *нар* ‘одногорбый верблюд’ является более поздним заимствованием по отношению к исконным названиям верблюдов. Арабо-персидские названия обезьяны, слона и верблюда заимствованы книжным путем, а наименование *хәтерһеҙ ат* ‘ленивая лошадь’ является вторичным образованием на основе переносного значения (ср., например, кумык. диал. *чабан оьгюз / чаван огуз* ‘ленивый вол’ [СОЛКЯ 2020: 45]).

5. Птицы

5.1. ***былбыл*** (ар.-перс.بلبل *булбул*) ‘соловей’; Р. Г. Ахметьянов указывает на арабское происхождение слова [Ахметьянов, I 2004: 168]; в современном башкирском язы-

[1] Нар — самец одногорбого верблюда, в тюркских дастанах является символом силы (перевод наш).

ке употребляется как поэтический термин, в словаре приводится его арабо-персидское происхождение [АСБЯ, II 2011: 455]; распространенное во многих тюркских языках Средней Азии и Кавказа в различных фонетических вариантах: каз. *бұлбұл* [Бектаев 2007: 113], узб. bulbul [УРС 1989: 22], ног. *билбил* [НРС 1958: 585], к.-балк. *булбул* [КБРС 1989: 168], кумык. *бюлбюл* [СОЛКЯ 2020: 60; и др.]; из памятников наиболее раннее упоминание в Бабур-наме: bulbul ‘Nachtigall’ [Hauenschild 2006: 78]; отмечено и в Грамматике И. Мегизера: bulbul [Megiser 1612: 295]. Для центральноазиатских ветвей тюркских языков для значения ‘соловей’ реконструируется старое заимствование из согдийского *sandyγač ‘соловей’ с первоначальным значением в согдийском znt’wč ‘обладающий мелодичным голосом’, а также ср-согд. znt’wčh’mry’ ‘певчая птица’ [СИГТЯ 2001: 176], исходя из чего правильным будет предположить относительно позднее вхождение арабо-персидского термина в тюркские языки книжным путем.

5.2. ***ҙур сыпҡай*** ‘чомга’ (букв. ‘большая поганка’), в аргаяшском говоре употребляется в значении ‘чомга’, соответствует лит. *урҙан* ‘чомга (вид дикой утки)’ [ДСБЯ 2002: 86]; в составе названия в качестве определения использвано перс. (фарс.**زور** *зур*) ‘большой’; Р. Г. Ахметьянов сопоставляет тат. *зур* ‘большой’ с финским и эстонским словами *суур*; общее зап.-тюрк. *зор* < происходит из перс. *зор*, *зур «көч, көчлек; көчәну, кыен»* в значении ‘сила’, напряжение, затруднение’, а также древн. индо-иран. sūra, др-греч. ϛορ(α) *«көчле, зур»* ‘сильный, большой’. Для татарского языка происхождение лексемы он предполагает не из персидского, а из одного из древних индоевропейских языков, однако в сиб.-тат. *зур «көчлек»* ‘сила’ (*зурла-у «көчләү, җәберләү»*) пришло через языки Средней Азии [Тумашева 1992: 52; Ахметьянов, I 2004: 223–224]; соответствует в других тюркских языках: кырг. *зор* ‘большой, громадный’, ‘сила, насилие’ [Юдахин, I 1985: 292], к.-балк. *зор* ‘сила, принуждение’ [КБРС 1989: 237], узб. zor ‘сила, мощь’, ‘усердие, старание’ [УРС 1989: 167] и др. Вторая часть слова *сыпҡай* является исконной и означает название птицы ‘поганка’ (водоплавающая птица из породы уток, мясо которой имеет неприятный привкус) [АСБЯ, VII 2015: 748]. Интересно отметить, что русское название птицы *чомга / чемга* ‘поганка’, согласно мнению некоторых ученых, вошло в русский язык через татарский и образовано от глагольной основы *чум-* ‘нырять’ [Сафина 2005: 15].

В башкирских говорах лексема *зур* ‘большой’ также активно употребляется для образования диалектных названий растений в составе сложных слов, ср., например: *зур шылтырауыҡ ҙлән* ‘погремок’, *зур юл япрағы* ‘подорожник’ и др.

5.3. ***салбарлы тауыҡ*** ‘мохноногая курица’ (букв. ‘курица в брюках’), кызыл., иксакм. ‘мохнатоногая курица’ [ДСБЯ 2002: 267], или *аяғы ҡауырһын менән ҡапланған тауыҡ* [АСБЯ, VII 2015: 368]; в составе названия в качестве определения употребляется (перс.شلوار *шалуар*) ‘брюки’ с присоединением исконного аффикса *-лы* со значением обладания. Соответствует в других тюркских языках: тур. şalvar, аз. şalwar ‘брюки, шаровары’, баш. *салбар*, узб. диал. čalwar, čalbyr ‘брюки’; к.-балк. *шалбар* ‘штаны, шаровары’ [СИГТЯ 2001: 478]; на персидское происхождение слова указывает М. Рясянен [VEWT 1969: 27]; вторая часть названия *тауыҡ* ‘курица’ — исконное слово; в основе башкирского названия *салбарлы тауыҡ* лежит явная метафоризация, оно имеет узко-диалектное употребление в отдельных говорах.

5.4. ***мәрйенкүҙ*** ‘чирок’ (букв. ‘глаза как бусины’), употребляется в миасском говоре в значении ‘чирок’ [ДСБЯ 2002: 241], соответствует лит. *сүрәгәй өйрәк* ‘чирок’ (вид мелкой, пестрой утки) [АСБЯ, VII 2015: 701]; происходит от *мәрйен* (ар.مرجان *мәржән*) ‘бусина, бусы’, ‘коралл, коралловый’ + тюрк. *ҡүҙ* ‘глаз’; в кызыльском говоре употребляется *мәрженкәй өйрәк* (букв. ‘коралло-подобная утка’) ‘чирок’, где арабское *мәржен* ‘бусина, бусы’ или ‘коралл, коралловый’ употребляется с аффиксом *-кәй* (в значении ‘подобный’) + тюрк. *өйрәк* ‘утка’. Очевидно, оба названия произошли на основе метафорического переноса: в первом случае глаз птицы уподобляется бусине, во втором — в основу названия легла окраска перьев этого вида утки. Р. Г. Ахметьянов приводит следующие параллели: тат. *мәржән*, баш., тат. диал. *мәрйән*, *мәрйен*, сиб.-тат. (цит. по: [Тумашева 1992: 150]) *мәрҗен* ‘кораллы; бусы; бисер’ > чув. *мерчен*, мар., удм. *мäрзäн*, *марзан* < ар. *мәржән*, *мәржан* < арамей. (древн.

диал. евр. яз.) marganiδa < грек. μαργαριτης *«энҗе, мәрҗән»* ‘жемчуг, коралл’; в этот же ряд он относит рус. из латин. > *Маргарита* ‘название цветка и женское имя’ > ар. > тат. *мәрварит* ‘жемчужный цветок’. По мнению некоторых исследователей, греческое слово имеет семитское происхождение; широкое распространение имеют производные от него антропонимы *Мәрҗән*, *Маргарет*, *Мәрвәрит*, в древности эти имена присваивались детям рабов [Ахметьянов, II 2007: 182]. Интересно отметить, что в киргизском фольклорном эпосе для образной передачи особой прочности богатырской кольчуги используется сравнение ее колец с глазом птицы (*чымчык көз*), жаворонка (*торгой көз*) или курицы (*тоок көзү*) [СИГТЯ 2006: 711].

5.5. ***тутый***, ***тутыйғош*** (перс.طوطی *тота, тути*) баш. лит. прямое значение ‘попугай’, в кызыльском говоре употребляется фонетический вариант *тотоғош* [ДСБЯ 2002: 339], переносное значение ‘красотка’ [АСБЯ, VIII 2016: 617]; Р. Г. Ахметьянов приводит следующую этимологию: тат. *тутый* попугай < перс. *тота*, *тути* < скр. *тоту*, чув. *туртӑш* < *тутый кош* (цит. по: [Федотов, II 1996: 254]). По мнению некоторых исследователей, рус. *дутыш «күгәрчен токымы»* ‘голубиное семя’ происходит из тат. *тутый кош* [Ахметьянов, III 2007: 181]. Соответствует в других тюркских языках: кирг. *тоту* ‘попугай’, ‘сказочная птица, отличающаяся красивым голосом и ярким оперением, райская птица’ [Юдахин, II 1985: 256], узб. *toti* ‘попугай’, в казахском и ногайском наблюдаем семантический сдвиг: каз. *туты*, ног. *тотыгус / тутыш кус* ‘павлин’; вторая часть сложного слова *тутыйғош ~ тотыгус ~ тутыш кус* является фонетическим вариантом исконного *kuš ‘птица’ (см. подробнее: [СИГТЯ 2001: 168]).

5.6. ***тауис*** (перс.طاوس *mawuc*) ‘павлин’; соответствует в других тюркских языках: тат. *тавис / тавыс*, кумык. *тавус / тутукъуш* [СОЛКЯ 2020: 61], узб. tawus, тур. tavus kuşu и др. Р. Г. Ахметьянов справедливо считает, что слово пришло в тюркские языки из греческого через арабский: *тавис* ‘пава, павлин’ < ар. *mawuc* < греч. ταως [Ахметьянов, III 2007: 81].

Обе лексемы — *тутый* ‘попугай’ и *тавис* ‘павлин’ — вошли в тюркские языки не позднее XV–XVI вв., они отмечены в Бабур-наме: ṭāūs ‘Pfau’, ṭūṭī ‘Papagei’ [Hauenschild 2006: 123, 131] и в Грамматике И. Мегизера: dudi ‘попугай’, tausch ‘павлин’ [Megiser 1612: 302, 332] и представляют собой книжные заимствования.

5.7. ***шаһбаз*** (перс.شاهباز *шахбаз*) баш. лит. уст. ‘сокол’, в современном башкирском литературном языке соответствует *ыласын* ‘сокол’ > пратюрк.*lačyn [АСБЯ, IX 2017: 793]; как и лексема *былбыл* ‘соловей’, заимствование пришло в тюркские языки книжным путем, в диалектах и современном литературном языке в прямом значении не употребляется, имеет переносное значение ‘храбрый, смелый’, встречается по большей части в поэзии и текстах классиков башкирской литературы. Для пратюркского состояния для значения ‘сокол’ реконструирован ряд лексем исконного происхождения: *kart-y ‘орел, сокол, беркут, ястреб’, *tojgan ‘сокол, ястреб’ и *lačyn ‘сокол’ (см. подробнее: [СИГТЯ 2001: 169–170]), что также свидетельствует в пользу более позднего вхождения персидской заимствованной лексемы в круг этого значения относительно исконных названий.

В рассмотренных диалектных названиях птиц *ҙур сыпҡай* ‘чомга’, *салбарлы тауыҡ* ‘мохнатоногая курица’, *мәрйенкүҙ* и *мәрженкәй өйрәк* ‘чирок’ заимствованный компонент используется в качестве определения в составе сложных слов, а собственно сами названия птиц имеют исконное происхождение, эти названия образовались на башкирской языковой почве. Литературные заимствования *былбыл* ‘соловей’, *тутый / тутыйғош* ‘попугай’, *тауис* ‘павлин’ и *шаһбаз* ‘сокол’ заимствованы книжным путем в виде готовых корневых основ.

6. Рыбы

6.1. ***сөләймән*** (ғәр.سليمان); в башкирском языке *сөләймән* ‘лосось’ [АСБЯ, VII 2005: 605], название имеет весьма интересную историю происхождения и связано с представлением о пророке Сулеймане как духе воды [Хисамитдинова 2010: 268]. Хотя Р. Г. Ахметьянов считает неправомерным связывать это название с именем библейского пророка Сулеймана (Соломона) [Ахметьянов, III 2007: 60], есть некоторые свидетельства того, что в коранической традиции это имя все же ассоциировано с водной стихией: в исследовании О. А. Сухаревой указывается, что «по мусульманскому поверью, его трон

висел над водой» [Сухарева 1975: 47]. Здесь нельзя не вспомнить и суфийскую легенду о том, как шах Сулейман Бакыргани был проклят Аллахом, и в качестве наказания после смерти его могила осталась под водой. Происхождение такой легенды имеет под собой вполне обоснованный исторический факт — изменение русла реки Амударьи после разрушения плотин во время монгольского нашествия в 1221 г., о чем писал [Бартольд 1965: 325]. В башкирском языке встречается и название растения, производное от этого имени: *сөләймән мөһөрө* (букв. ‘печать Сулеймана’) ‘водяное растение, относящееся к семейству лилейных’, в башкирской мифологии считается ‘цветком водяного’ [Хисамитдинова 2010: 268]. В СИГТЯ для значения ‘лосось’ реконструирована лексема *bel, отмечено, что это локальное сибирское слово, внешних параллелей к которому не обнаружено [СИГТЯ 2001: 179].

6.2. ***сәркәш балык*** или ***сәркәш балығы*** в башкирском языке ‘бойцовая рыбка (сиамский петушок)’ [АСБЯ, VII 2015: 823]; определительная часть названия образована от перс.سرکش *сәркәш* ‘упрямый, драчливый’, в башкирском литературном языке и айском говоре южного диалекта имеет значение ‘упрямый’ [ДСБЯ 2002: 295]. Этимологию слова подробно разбирает Р. Г. Ахметьянов: баш. диал. *сәркәш* ‘ездовой бык; драчун; любитель главенствовать’, баш. лит. *һәркәш* ‘бодливый; бойцовый (о животных)’, тат. *сәркәш* ‘своенравный и упорный’, уйг., узб. и др. *сәркәш*, чаг. *сиркә* и возводит его к перс. *сәркәш «көтү башлығы (кәҗә, тәкә); баш күтәрүче»* ‘предводитель стада (коза, козел)’; букв. *«баш сузучы (сәр ‘баш’, кәш ‘сузучан’)»* — букв. ‘растягивающий голову’ [Ахметьянов, III 2007: 45]. Очевидно, название образовано на основе метафорического переноса, второй компонент изафета — исконное слово, подробно этимология общего родового названия — лексемы balyq ‘рыба’ приводится в [СИГТЯ 2001: 177], также отмечено, что это наименование является мифологически маркированным [СИГТЯ 2006: 711]; зафиксировано у Махмуда Кашгарского: *балық* ‘рыба’, к ней приведена пословица *Балық сувдā кӯзī таштин* ‘Рыба в воде, но глаза ее наверху’ (так говорят о тех, кто будто бы проявляет беспечность к чему-либо, но на самом деле бдит) [МК 2005: 358].

6.3. ***хәрәмалабуға*** ‘ерш’; в сакмарском говоре употребляются дериваты от производящей основы *хәрәм* (ар.حرام *харам*) ‘запрещенный, недозволенный’ *хәрәмалабуға*, *хәрәмсе*, *хәрәмтәй* в значении ‘ерш’ — соответствует лит. *этеш* ‘ерш’ [ДСБЯ 2002: 367]; в башкирском языке лексема *алабуға* имеет значение ‘окунь’, а также мифологическое значение ‘священная рыба’ [АСБЯ, I 2011: 222], т. е. диалектное название *хәрәмалабуға* буквально может означать ‘запретный окунь’ либо ‘запретная священная рыба’ — оба варианта равновероятны, подтверждение чему находим в «Мифологическом словаре»: «*Алабуға* — окунь, тотемная рыба тюрков, в том числе и башкир, досл. ‘пегий бык’ или ‘пегая корова’; встречается в родоплеменной этнонимии башкир; пегая масть — масть скота, который вышел со дна озера вместе с конем Акбузатом; в соответствии с легендой часть скота пегой масти ушла обратно в озеро и превратилась в рыб — *алабуға*» [Хисамитдинова 2010: 21]. Помимо этого, основным значением арабского заимствования *хәрәм* является ‘запрещенный по шариату’ (ср., например, баш. *хәрәм аш* ‘запрещенная шариатом еда’, *хәрәм эш* ‘греховное дело’, *хәрәм мал* ‘имущество, нажитое нечестным путем’ и т. д.), т. е. представляется весьма возможным соотнести диалектное название ерша с неким религиозным запретом, существовавшим в отношении этого вида рыбы. Такая этимология вполне укладывается в более общую концепцию относительно подобного рода запрета, например, есть данные относительно верований древних таджиков: «Как и во многих местах Средней Азии, где есть водоемы при святынях, эти рыбы считались священными, запретными для употребления в пищу. Существовало представление, что рыбы — разумные существа, так как когда-то могли быть людьми» [Карамышева 1987: 234].

Два других диалектных названия ерша — *хәрәмсе* и *хәрәмтәй* — образованы путем присоединения к заимствованной основе исконных аффиксов: *хәрәмсе* — при помощи аффикса деятеля *-се*, т. е. буквально означает ‘совершающий грех’ (прямое значение этого слова ‘мошенник, плут, жулик, шулер’) [АСБЯ, IX 2017: 434], *хәрәмтәй* — при помощи аффикса *-тәй* со значением ‘похожий,

подобный’, т. е. буквально ‘уподобленный греху’. Самостоятельно название *алабуға* ‘окунь’ традиционно рассматривается как сложное слово, с первым компонентом *ала* ‘пестрый’, толкование второго неоднозначно как по семантическим, так и по фонетическим признакам (см. подробнее об этом: [СИГТЯ 2001: 178]).

Таким образом, диал. названия рыб *хәрәмалабуға* ‘ерш’ и *сәркәш балыҡ / сәркәш балығы* ‘бойцовая рыбка (сиамский петушок)’ получили вторичное развитие на почве башкирского языка, название *сөләймән* ‘лосось’, скорее всего, является усеченной формой от *сөләймән балығы* по аналогии с предыдущим названием; во всех этих наименованиях рыб явно отражены языческие представления народа — носителя языка.

7. Насекомые и подобные

7.1. Ряд зоонимов в башкирских диалектах образован изафетными конструкциями, содержащими в составе арабское слово *алла* (ар. الله *аллаһу*) ‘бог’: с.-з. *алла бабай тараҡаны* (букв. ‘таракан дедушки аллаха’) ‘солдатик, красноклоп бескрылый’ — лит. *көнйылытҡыс* или *еңгәсәй*; ср.-урал. *алла быуай һыйыры* (букв. ‘корова дедушки аллаха’) ‘божья коровка’ — лит. *ҡамҡа*, диал. *ҡояшапай*; ср.-урал. *алла пипейе*, *алла себеше*, с.-з. *алла титейе* (букв. ‘божий цыпленок’) — название насекомого ярко-красного цвета, обитающего в почве, литературного соответствия нет [ДСБЯ 2002: 20]; ср.-урал. *алла пипейе* переводится как ‘божья коровка’ [Хисамитдинова 2010: 24]. Там же указано, что в башкирской мифологии такие насекомые, как ‘божья коровка’ и ‘солдатик’, относятся к живности Аллаха, а само название *Алла бабай* является антропоморфизацией Аллаха [Хисамитдинова 2010: 23–24]. Как известно, слово *аллах* (ар. *аллаһу*) распространено во многих языках мусульманского мира в значении ‘единый бог’, ‘верховное божество’. У Р. Г. Ахметьянова есть указание на то, что в образах *Алланың кашка тәкәсе* (Божьего барана с белым пятном на лбу) и *Алла бозавы* (Божьего Тельца) отражены религиозные (языческие) обычаи древних семитских племен: на жертву клали барана, поклонялись статуе золотого тельца [Ахметьянов, I 2004: 60]. Таким образом, скорее всего, происхождение этих названий неверно было бы связывать только с влиянием ислама, они могут восходить к более древнему, доисламскому периоду развития семитских языков.

7.2. ***бабасыр*** (ар. بواسير *буасир*) ‘глист, острица, власоглав’; в демском, среднем, сакмарском говорах употребляется с межзубным *ç* в форме *бабаçыр*; в демском, среднем, ик-сакмарском говорах употребляется вариант с фарингальным *h* — *бабаһыр* [ДСБЯ 2002: 33]; в «Мифологическом словаре башкирского языка» указано также мифологическое значение этого слова: *бабасыр* ‘дух болезни, злой дух’ [Хисамитдинова 2010: 46]. Р. Г. Ахметьянов приводит параллели с финно-угорскими и другими тюркскими языками: тат. *бабасыр* ‘геморрой; глиста, острица’ > мар. *бабасыр*, *павасыр*, удм. *бабасыр* ‘явыз рух; *бабасыр*’ (‘злой дух, глиста’) ~ кумык. *бабасур*, туркм. *бабасыл*, узб. *бобосил* и др. < ар. *буасир «бүсерләр, бүсер рухлары»* ‘дух грыжи’ (*бусир* является формой мн. ч. от *бүсер*) и поясняет, что дух грыжи представляли как очень уродливое клещевидное животное [Ахметьянов, I 2004: 104]; таким образом, название насекомого напрямую связано с представлением о нем как о языческом духе.

7.3. ***бәрей күбәләге*** ‘мохнатая бабочка’, в демском говоре параллельно употребляются два фонетических варианта — с глухим или звонким в анлауте: *пәрей күбәләге / бәрей күбәләге* (букв. ‘бабочка дьявола’) — синоним названия *шайтан күбәләге* ‘мохнатая бабочка’; происходит от весьма распространенного в тюркских языках персидского заимствования (перс. پری *пәри*) *пери*, которое является общим названием невидимых духов. Р. Г. Ахметьянов приводит следующие параллели: тат. лит. *пәри* [*пәрей*, *пәри*], башк. *бәрей*, *пәрей*, тат. диал. *пири*, *пире*, *пир* ‘*пери*, черт и т. п.’, *парий*, удм. *перӥ*, тат. диал. *фәри* > чув. *хвери*, *хӗвери*, к-калп. *перi*, обще-кыпч. *парий*, *пэри*, уйг. *пәри*, обще-тюрк. peri < перс. *пери*, *пәри «пәри; пәрәгән, гүзәл»* ‘*пери*, красавица’, восходит к авестийскому *pairika* с первоначальным значением ‘летающая фея, ангел’; подчеркивается, что это слово с древних времен многократно заимствовалось в тюркские языки из иранских [Ахметьянов, III 2007: 9]. Н. И. Исанбаев пишет, что относительно марийского языка это наиболее часто употребляемое название невидимых духов, в целом *пәри* — не очень сильный дух-про-

казник, однако в некоторых говорах этому слову придается значение злого духа, нечистого, в литературных произведениях наоборот — значение обольстительной красавицы, русского *пéри* [Исанбаев 1978: 48]. В башкирской мифологии *бәрей* ‘бес, нечистая сила’[1]; *бәрей күбәләге* приводится как синоним названия *шайтан күбәләге* (букв. ‘бабочка шайтана’) — ‘серая ночная бабочка’ [Хисамитдинова 2010: 79, 358]; в татарских диалектах употребляется *пәрәгән* в значении ‘фея, эльф’, которое Р. Г. Ахметьянов возводит к согд. pärikän ‘королева фей’, отмечая, что оно имеет родство с иранским *пәри* [Ахметьянов III, 2007: 9]. Вторая часть названия исконная: *kepelek ‘бабочка, мотылек’ [СИГТЯ 2001: 187].

7.4. ***мәликәтутай*** ‘божья коровка’, от (ар. ملكه *мәликә*) ‘царица’: в иргизском говоре *мәликәтутай* [ДСБЯ 2002: 240], в северо-западном говоре употребляется фонетический вариант с соблюдением рядного сингармонизма *мәликәтүтәй* [Хисамитдинова 2010: 227] — соответствует баш. лит. *ҡамҡа* ‘божья коровка’, образовано путем словосложения: ар. *мәликә* ‘царица’ + перс. *тутай / тутый* (этимологию слова см. п. 5.5), тат. *мәликәтутай* ‘божья коровка’, чаг., к.-калп. *мәлек татай*, чув. *мәлкĕ тотай* ‘название детской игры’; наименование насекомого метафорично и связано с его пестрыми, нарядными крыльями [Ахметьянов, II 2007: 179]. В башкирской мифологии божья коровка — мифологизированное насекомое, являющееся животным Аллаха [Хисамитдинова 2010: 171], соответствующая семантика представлена в башкирских диалектах (см. выше п. 7.1. ср.-урал. *алла пипейе*, *алла быуай һыйыры*, *алла себеше*, с-з. *алла титейе* ‘божья коровка’). Имеются сведения в мифологиях других народов относительно мифологизации божьей коровки: так, например, в эстонском эпосе роль посыльных к знахарям выполняют божьи коровки [СИГТЯ 2006: 711]. Лексема *мәлик / мәликә* в значении ‘царь / царица’ является одним из старых из зафиксированных заимствований, указано на ее наличие в памятнике «Хосров и Ширин» Кутба (XIV в.): ملكه *мәлик* ‘царь’ [Наджип, I 2017: 108] и распространение во многих тюркских языках: узб. *малика* ‘царица, правительница’, ‘жена царя или шаха’, ‘принцесса’; к.-балк. уст. *малик* ‘прорицатель, предсказатель’, ‘лекарь, знахарь’; диалектное название насекомого в башкирском языке вторично по отношению к основному.

7.5. ***мәсет тараҡаны*** ‘солдатик’ (букв. ‘таракан мечети’); в сакмарском говоре означает ‘солдатик’— соответствует лит. *еңгәсәй*; в среднем говоре имеет значение ‘божья коровка’ [ДСБЯ 2002: 242]; образовано от *мәсет* (ар. مسجد *мәсет*) ‘мечеть’ — мифологизированное священное место поклонения Аллаху, в башкирской мифологии есть культовые обряды, связанные с ней (например, дверь мечети участвует в родинном обряде как предмет, направленный на открытие родовых путей; *мәсет эйәһе* — дух-хранитель мечети и др., см. подробно об этом [Хисамитдинова 2010: 229]); лексема *мәсет* встречается в Гератском списке «Кутатгу Билиг»: mäčıt (مسجد)‘мечеть’ [ДТС 2016: 360]; вторая часть названия — русское заимствование. Очевидно, диалектное наименование насекомого возникло в силу его восприятия как некоего мифологизированного существа, по аналогии с вышерассмотренными названиями *бабасыр* ‘глист, острица, власоглав’ и *алла быуай һыйыры* ‘божья коровка’.

7.6. ***шайтан*** (ар. شيطان *шайтан*) ‘черт, бес, дьявол’; в нескольких говорах (аргаяшском, кызыльском, тук-соранском, среднеуральском, айском) употребляется в составе словосочетания *шайтан күбәләге* (букв. ‘бабочка дьявола’ или ‘чертова бабочка’) ‘ночница’ — соответствует лит. *төн күбәләге* ‘ночница’ [ДСБЯ 2002: 389], синоним вышерассмотренного *пәрей күбәләге / бәрей күбәләге* ‘ночная бабочка’; в «Мифологическом словаре башкирского языка» *шайтан күбәләге* обозначен как ‘серая ночная бабочка’ [Хисамитдинова 2010: 358]. Баш. лит., кирг., каз. *шайтан*, тат. *шайтан*, *шәйтан* ‘черт, сатана, бес’; слово распространено во многих языках Евразии в значении ‘враг божества’, ‘злой дух’ [Ахметьянов, IV 2007: 83]; вторая часть слова исконная. Помимо названий животных, в башкирских диалектах заимствование *шайтан* является составной частью многих изафетных конструкций — названий растений (см. подробнее об этом: [Экба 2023: 89–103]); в сакмарском говоре образует изафетную конструкцию *шайтан*

[1] Подробно о дистрибуции употребления лексемы *пәрей* / *бәрей* в башкирских диалектах см. [Хисамитдинова, Экба 2020].

кәмәһе (букв. ‘лодка дьявола’) ‘байдарка’ [ДСБЯ 2002: 389]: очевидно, название возникло на основе метафорического переноса и ассоциируется с ненадежностью и опасностью этого вида водного транспорта.

7.7. ***караид. шәмсираҡҡорт*** ‘светлячок’ (букв. ‘солнечное насекомое’) — соответствует лит. *баҙлауыҡ* ‘светлячок’ [ДСБЯ 2002: 401; АСБЯ, IX 2017: 933]; лексема представляет собой сложное слово и происходит от *шәмсе* (ар.شمس *шәмсе*) уст. кн. ‘солнце’ + баш. *ҡорт* ‘насекомое’ на основе метафорического переноса. Вторая часть слова исконная: *ku:r-t ‘червяк, насекомое (общее название)’ [СИГТЯ 2001: 181].

В плане словообразования лексем этой подгруппы можно отметить, что одна лексема заимствована без изменений — *бабасыр* ‘глист, острица, власоглав’, две образованы путем словосложения — *мәликәтутай* ‘божья коровка’и *шәмсираҡҡорт* ‘светлячок’, большинство представляют собой изафеты II типа с арабо-персидским компонентом в качестве главного слова: *алла бабай тараҡаны* ‘солдатик, красноклоп бескрылый’, *алла быуай һыйыры* ‘божья коровка’, *алла пипейе*, *алла себеше*, *алла титейе* ‘насекомое ярко-красного цвета, обитающее в почве’, *пәрей күбәләге / бәрей күбәләге, шайтан күбәләге* ‘мохнатая бабочка’, *мәсет тараҡаны* ‘солдатик’, ‘божья коровка’. Все эти наименования (за исключением лексемы *бабасыр*) возникли как вторичное явление на почве башкирского языка, в основном на основе метафорического переноса, распространены по большей части в диалектах и говорах и имеют соответствия исконного происхождения в башкирском литературном языке. В дословных названиях насекомых явно отражены древние языческие представления носителей языка о добрых и злых духах, но так как использованная в них заимствованная арабо-персидская лексика непосредственно связана с влиянием исламской религии, соответственно, можно предположить, что на протяжении определенного длительного периода времени происходила контаминация этих двух религий, что и нашло свое отражение в языке.

8. Выводы

В рамках настоящего исследования произведен максимально полный отбор и анализ наименований животных (зоонимов) арабо-персидского происхождения в литературном башкирском языке, его диалектах и говорах на основании имеющихся словарей, произведены их этимологический и сравнительный анализ с другими тюркскими языками, а также лексико-тематическая классификация. Выделены следующие группы названий: «Млекопитающие», «Птицы», «Рыбы» и «Насекомые и подобные», а также рассмотрены арабо-персидские лексемы, выражающие общее название животных.

По типам словообразования определились следующие группы зоонимов:

1) заимствуется название животного как таковое, среди таких случаев можно выделить подгруппы: а) экзотические: *маймыл* ‘обезьяна’, *нар* ‘одногорбый верблюд, *тауис* ‘павлин’, *тутый* ‘попугай’, *фил* ‘слон’; б) культурно значимые: *былбыл* ‘соловей’, *шаһбаз* ‘сокол’; в) медицинские: *бабасыр* ‘глист, острица, власоглав’;

2) композитные сочетания, среди которых определяются две группы: а) определительные конструкции с изафетом: *пәрей күбәләге / бәрей күбәләге* ‘мохнатая бабочка’, *алла быуай һыйыры* ‘божья коровка’, *шайтан күбәләге* ‘ночница’, *алла бабай тараҡаны* ‘солдатик, красноклоп бескрылый’, *алла пипейе*, *алла себеше*, *алла титейе* ‘название насекомого ярко-красного цвета, обитающего в почве’, ‘божья коровка’, *мәсет тараҡаны* ‘солдатик’ — все образованные таким способом наименования являются названиями насекомых; сюда же можно отнести и названия рыб *сәркәш балыҡ / сәркәш балығы* ‘бойцовая рыбка (сиамский петушок)’ и *сөләймән* ‘лосось’, которое, скорее всего, является усеченной формой от *сөләймән балығы* по аналогии с предыдущим названием; б) определительные сочетания без изафета, которые в свою очередь подразделяются на 1) определительные конструкции, в которых заимствованный компонент употреблен в качестве определения: *салбарлы тауыҡ* ‘мохнатоногая курица’, *ҙур сыпҡай* ‘чомга (вид дикой утки)’, *хәтерһеҙ ат* ‘ленивая лошадь’; и 2) словосложение, где первой частью является арабо-персидское заимствование, вторым — исконное слово: *мәликәтутай* ‘божья коровка’, *шәмсираҡҡорт* ‘светлячок’, *мәрйенкүҙ* ‘чирок’ (вид мелкой, пестрой утки), *хәрәмалабуға* ‘ерш’.

В отношении хронологических рамок

проникновения арабо-персидских названий животных в тюркских языках можно отметить следующее:

1) наиболее древними являются термины, обозначающие общее название животных: *йән* ‘животное, зверь’, ‘живое существо’, *йәнлек* ‘зверь / звериный’, *йәнуар* ‘животное, зверь’, каждое из них зафиксировано в памятниках древнетюркской письменности и имеет развитую систему рефлексов в современных тюркских языках;

2) ряд терминов в башкирском литературном языке являются более поздними образованиями по отношению к исконным и имеют определенную специфику в употреблении, к ним относятся названия: *нар* ‘одногорбый верблюд’, *былбыл* ‘соловей’ и *шахбаз* ‘сокол’; способ заимствования — через книжные источники;

3) несколько терминов, заимствованных книжным путем, вовсе не имеют исконных параллелей, вероятно, в связи с отсутствием самих этих объектов в пратюркской языковой картине мира: *маймыл* ‘обезьяна’, *тауис* ‘павлин, *тутый* ‘попугай’ и *фил* ‘слон’, при этом названия обезьяны и слона имеют очень древние соответствия, заимствованные из других языков. Подтверждение этой гипотезы находим у А. М. Щербака: «Что касается таких наименований как *тэвэ* ‘верблюд’, *эшгäк* ‘осел’, *піл* ‘слон’, *маймун* ‘обезьяна’, *мäчэ* ‘кошка’, *палаŋ* ‘леопард’, то они только в некоторой части (например, общевидовое название верблюда) имеют несомненно тюркское происхождение. Есть основания считать, что в местах расположения древних тюрок перечисленные животные отсутствовали или по крайней мере количество их было ничтожным» [Щербак 1961: 160];

4) наибольшая часть рассмотренных нами зоонимов возникла в относительно поздний период как вторичное явление уже на почве башкирского языка, в основном на основе метафорического переноса, распространена по большей части в диалектах и говорах и имеет соответствия исконного происхождения в башкирском литературном языке: а) названия насекомых: *пәрей күбәләге / бәрей күбәләге* ‘мохнатая бабочка’, *алла быуай һыйыры* ‘божья коровка’, *шайтан күбәләге* ‘ночница’, *алла бабай тараканы* ‘солдатик, красноклоп бескрылый’, *алла пипейе, алла себеше, алла питейе* ‘название насекомого ярко-красного цвета, обитающего в почве’, ‘божья коровка’, *мәсет тараканы* ‘солдатик’, *мәликәтутай* ‘божья коровка’, *шәмсиракҡорт* ‘светлячок’; б) наименования рыб: *сәркәш балык / сәркәш балығы* ‘бойцовая рыбка (сиамский петушок)’ и *хәрәмалабуға, хәрәмсе, хәрәмтәй* ‘ерш’; в) названия птиц: *ҙур сыпҡай* ‘чомга’, *салбарлы тауык* ‘мохнатоногая курица’ и *мәрйенкүҙ* ‘чирок’; г) названия млекопитающих: *хәтерһеҙ ат* ‘ленивая лошадь’. Названия насекомых однозначно соотносятся с древними языческими представлениями о существовании добрых и злых духов и отражают низовые религиозные представления, эти наименования образованы на базе башкирского языка с помощью заимствованных компонентов. Сюда же можно отнести названия *бабасыр* ‘глист, острица, власоглав’ (он же ‘Дух грыжи’) и *сөләймән* ‘лосось’ (он же ‘Дух воды’), которые также несут в себе идею языческого мироустройства.

В результате исследования установлено, что та часть названий, которая была заимствована в тюркские языки книжным путем, в основном употребляется только в литературном башкирском языке, незначительная ее часть считается устаревшей, зафиксирована в словарях и встречается по большей части в текстах произведений классиков башкирской литературы. Другая часть названий животных, заимствованная устным путем или уже образованная на почве башкирского языка, употребляется почти исключительно в диалектах и говорах и имеет соответствия исконного происхождения в литературном языке. В этом отношении лексико-тематические группы «Названия животных» и «Названия растений» для арабо-персидских заимствований в башкирском языке совпадают (о названиях растений см. подробнее: [Экба 2023: 89–103]).

Языки и диалекты

аз. — азербайджанский
авест. — авестийский
алт. —алтайский
англ. — английский
ар. — арабский
арамей. —арамейский
баш. — башкирский

башк. — башкирский язык
булг. — булгарский
гагауз. — гагаузский
греч. — греческий
др.-греч. — древнегреческий
др.-иран. —древнеиранский
др.-рус. — древнерусский
др.-тюрк.— древнетюркский
евр. — еврейский
зап.-тюрк. — западно-тюркские
индо-евр. — индоевропейские
индо-иран. — индоиранские
итал. — итальянский
каз. — казахский
кайт. — кайтакский диалект кумыкского языка
кар. — караимский
к.-балк. — карачаево-балкарский
кирг. — киргизский
к.-калп. — каракалпакский
куман. — куманский
кумык. — кумыкский
лат. — латинский
мар. — марийский
минз. — минзелинский говор татарского языка
монг. — монгольский
морд. — мордовский
нем. — немецкий
ног. — ногайский
обще-кыпч. — обще-тюркский
осм. — османский
перс. — персидский
рус. — русский
сиб.-тат. — сибирскотатарский
скр. — санскрит
согд. — согдийский
ср.-согд. — средне-согдийский
ст.-тат. — старо-татарский
ст.-тюрк. — старо-тюркский
тат. — татарский
тоб. — тобольский диалект татарского языка
тув. — тувинский
тур. — турецкий
туркм. — туркменский
тюрк. — тюркский
узб. — узбекский
удм. — удмуртский
уйг. — уйгурский
фин. — финский
фр. — французский
чаг. — чагатайский
чув. — чувашский
эстон. — эстонский
юж.-тюрк. — южно-тюркские

Диалекты и говоры башкирского языка

Восточный диалект

ай. — айский говор
арг. — аргаяшский говор
кызыл. — кызыльский говор
миас. — миасский говор
сал. — сальютский (сальзигутский) говор

Южный диалект

дем. — демский говор
ик-сакм. — ик-сакмарский говор
иргиз. — иргизский говор
сакм. — сакмарский говор
средн. — средний говор
тук-соран. — тук-соранский говор

Северо-Западный диалект

гайн. — гайнинский говор
караид. — караидельский говор
нижнебельск. — нижнебельский говор
с.-з. — северо-западный диалект
ср.-урал. — среднеуральский говор
танып. — таныпский говор

Источники

АСБЯ 2011–2018 — Башҡорт теленең академик һүзлеге (Академический словарь башкирского языка): в 10 тт. / под ред. Ф. Г. Хисамитдиновой. Уфа: Китап, 2011–2018. Т. I. 2011. 432 с.; Т. II. 2011. 568 с.; Т. IV. 2012. 944 с.; Т. VI. 2014. 944 с.; Т. VII. 2015. 872 с.; Т. VIII. 2016. 832 с.; Т. IX. 2017. 980 с.

Ахметьянов 2004–2007 — *Ахметьянов Р. А.* Этимологический словарь татарского языка: в 4 тт. Бирск: Бирск. гос. пед. ин-т, 2004–2007: Т. I. 2004. 258 с.; Т. II. 2007. 238 с.; Т. III. 2007. 240 с.; Т. IV. 2007. 174 с.

Бектаев 2007 — *Бектаев Калдыбай*. Қазақша-Орысша Сөздік (Казахско-русский словарь). Алматы: Алтын Қазына, 2007. 709 с.

БТРС 1998 — Большой турецко-русский словарь. А. Н. Баскаков [и др.]; ред.: Э. М.-Э. Мустафаев, Л. Н. Старостов. 2-е изд. М.: Русский язык, 1998. 966 с.

ДСБЯ 2002 — Башҡорт теленең диалекттары һүзлеге (=Диалектологический словарь башкирского языка) / сост.: М. И. Дильмухаметов, У. Ф. Надергулов, С. Г. Сабирьянова, Г. Г. Гаряева. Уфа: Китап, 2002. 432 с.

ДТС 2016 — Древнетюркский словарь / под ред. Д. М. Насилова, И. В. Кормушина и др.; сост.: Т. А. Боровкова, Л. В. Дмитриева, А. А. Зырин, И. В. Кормушин и др. Изд. 2-е, пересмотр. Астана: Ғылым, 2016. 760 с.

КБРС 1989 — Карачаево-балкарско-русский словарь / под ред. Э. Р. Тенишева и Х. И. Суюнчева. М.: Русский язык, 1989. 832 с.

КРС 2002 — Казахско-русский словарь / под ред. Р. Г. Сыздыковой и К. Ш. Хусаин. Алматы: Дайк-пресс, 2002. 1008 с.

МК 2005 — Махмуд ал-Кашгари. Диван Лугат ат-Турк / пер., предисл. и коммент. З.-А. М. Ауэзовой, индексы сост. Р. Эрмерсом. Алматы: Дайк-Пресс, 2005. 1288 с. + 2 с. вкл.

Наджип 2017 — *Наджип Э. Н.* Историко-сравнительный словарь тюркских языков XIV века (На материале «Хосроу и Ширин» Кутба): в 4 кн. Астана: Гылым, 2017. Кн. I. 366 с.; Кн. II. 372 с.; Кн. III. 452 с.; Кн. IV. 620 с.

НРС 1958 — Ногайско-русский словарь / под ред. Н. А. Баскакова. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1958. 735 с.

ППАРС 1910 — Полный персидско-арабско-русский словарь / сост. И. Д. Ягелло. Ташкент: Типо-лит. Штаба Туркест. воен. округа. 1910. 1815 с.

ПРС 1976 — Персидско-русский словарь: в 2 тт. / сост. М. А. Гаффаров. М.: Наука, ГРВЛ, 1976. 1300 с.

Рубинчик 1983 — *Рубинчик Ю. А.* Персидско-русский словарь: в 2 тт. М.: Русский язык, 1983. 1664 с.

СОЛКЯ 2020 — Словарь отраслевой лексики кумыкского языка / сост.: Т. Г. Таймасханова, У. Б. Абдуллабекова. Махачкала: Алеф, 2020. 236 с.

Тумашева 1992 — *Тумашева Д. С.* Словарь диалектов сибирских татар. Казань: Казанск. ун-т, 1992. 356 с.

УзРС 1988 — Узбекско-русский словарь / под ред. С. Ф. Акобирова и др. Ташкент: Гл. ред. Узбекской Сов. энциклопедии, 1988. 728 с.

УРС 1989 — Узбекско-русский словарь / сост.: О. Азизов, В. Ризаева; под ред. И. Хайрулаева. Ташкент: Укитувчи, 1989. 185 с.

Федотов 1996 — *Федотов М. Р.* Этимологический словарь чувашского языка: в 2 тт. Чебоксары: Чуваш. гос. ин-т гуманит. наук, 1996. Т. I (А–Р). 470 с.; Т. II (С–Я). 509 с.

Хисамитдинова 2010 — *Хисамитдинова Ф. Г.* Мифологический словарь башкирского языка. М.: Наука, 2010. 456 с.

Юдахин 1985 — *Юдахин К. К.* Киргизско-русский словарь (Кыргызча-орусча сөздүк): в 2 тт. Фрунзе: Гл. редакция киргизской советской энциклопедии, 1985. Т. I (А–К). 504 с.; Т. II (Л–Я). 475 с.

VEWT 1969 — *Räsänen M.* Versuch eines Etymologischen Wörterbuchs des Türksprachen. Helsinki: Suomalais-ugrilainen seura, 1969. 533 s.

Sources

Akhmetyanov R. A. Etymological Dictionary of the Tatar Language. In 4 vols. Birsk: Birsk State Pedagogical Institute, 2004–2007. Vol. 1, 2004, 258 p. Vol. 2, 2007, 238 p. Vol. 3, 2007, 240 p. Vol. 4, 2007, 174 p. (In Tat.)

Akobirov S. F. et al. (eds.) Uzbek-Russian Dictionary. Tashkent: Uzbek Sovetskaya Entsiklopediya, 1988. 728 p. (In Uzb. and Russ.)

Azizov O., Rizaeva V. (comps.) Uzbek-Russian Dictionary. I. Khairulaev (ed.). Tashkent: Ukituvchi, 1989. 185 p. (In Uzb. and Russ.)

Baskakov A. N. et al. Unabridged Turkish-Russian Dictionary. E. Mustafaev, L. Starostov (eds.). Second edition. Moscow: Russkiy Yazyk, 1998. 966 p. (In Turk. and Russ.)

Baskakov N. A. (ed.) Nogai-Russian Dictionary. Moscow: State Publishing House for Foreign and Native Language Dictionaries, 1958. 735 p. (In Nog. and Russ.)

Bektaev Q. Kazakh-Russian Dictionary. Almaty: Altyn Qazyna, 2007. 709 p. (In Kaz. and Russ.)

Borovkova T. A., Dmitrieva L. V., Zyrin A. A., Kormushin I. V. et al. (comps.) Dictionary of Old Turkic. D. Nasilov, I. Kormushin et al. (eds.). Second edition, rev. Astana: Gylym, 2016. 760 p. (In Turk., Russ., etc.)

Dilmukhametov M. I., Nadergulov U. F., Sabiryanova S. G., Garyaeva G. G. (comps.) The Bashkir Dialect Dictionary. Ufa: Kitap, 2002. 432 p. (In Bash. and Russ.)

Fedotov M. R. Etymological Dictionary of the Chuvash Language. In 2 vols. Cheboksary: Chuvash State Institute for the Humanities, 1996. Vol. 1 (A-P), 470 p. Vol. 2 (C-Я), 509 p. (In Chuv. and Russ.)

Gaffarov M. A. (comp.) Persian-Russian Dictionary. In 2 vols. Moscow: Nauka — GRVL, 1976. 1300 p. (In Pers. and Russ.)

Khisamitdinova F. G. (ed.) Academic Dictionary of the Bashkir Language. In 10 vols. Ufa: Kitap, 2011–2018. Vol. 1, 2011, 432 p. Vol. 2, 2011, 568 p. Vol. 4, 2012, 944p. Vol. 6, 2014, 944 p. Vol. 7, 2015, 872 p. Vol. 8, 2016, 832 p. Vol. 9, 2017, 980 p. (In Bash.)

Khisamitdinova F. G. A Dictionary of Bashkir Mythology. Moscow: Nauka, 2010. 456 p. (In Bash. and Russ.)

Mahmud al-Kashgari. Dīwān Lughāt al-Turk. Z.-A. Auezova (transl., foreword, etc.), R. Ermers (indices). Almaty: Daik-Press, 2005. 1288 p. (In Turk., Russ., etc.)

Najip E. N. Comparative Historical Dictionary of

Fourteenth-Century Turkic Languages: A Case Study of *Khosrow* and *Shirin* by Qutb. In 4 vols. Astana: Gylym, 2017. Vol. 1, 366 p. Vol. 2, 372 p. Vol. 3, 452 p. Vol. 4, 620 p. (In Turk., Russ., etc.)

Räsänen M. Versuch eines Etymologischen Wörterbuchs des Türksprachen. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1969. 533 p. (In Germ.)

Rubinchik Yu. A. Persian-Russian Dictionary. In 2 vols. Moscow: Russkiy Yazyk, 1983. 1664 p. (In Pers. and Russ.)

Syzdykova R. G., Khusayin K. Sh. (eds.) Kazakh-Russian Dictionary. Almaty: Daik-Press, 2002. 1008 p. (In Kaz. and Russ.)

Taymaskhanova T. G., Abdullabekova U. B. (comps.) Dictionary of Kumyk Industrial Terms. Makhachkala: Alef, 2020. 236 p. (In Kum. and Russ.)

Tenishev E. R., Suyunchev Kh. I. (eds.) Karachay-Balkar–Russian Dictionary. Moscow: Russkiy Yazyk, 1989. 832 p. (In Kar.-Balk. and Russ.)

Tumasheva D. S. The Tatar Dialect Dictionary: Siberia. Kazan: Kazan State University, 1992. 356 p. (In Tat. and Russ.)

Yagello I. D. (comp.) A Complete Persian-Arabic-Russian Dictionary. Tashkent: Headquarters of Turkestan Military District, 1910. 1815 p. (In Pers., Arab. and Russ.)

Yudakhin K. K. Kyrgyz-Russian Dictionary. In 2 vols. Frunze: Kirghiz Sovetskaya Entsiklopediya, 1985. Vol. 1 (А–К), 504 p. Vol. 2 (Л–Я), 475 p. (In Kyrg. and Russ.)

Литература

Ахметова-Урманче 2004 — *Ахметова-Урманче Ф. В.* Татар эпосы. Дастаннар (=Татарский эпос. Дастаны). Казань: Раннур, 2004. 639 с.

Базарова 1978 — *Базарова Д. Х.* История формирования и развития зоологической терминологии узбекского языка. Ташкент: Фан, 1978. 224 с.

Бартольд 1965 — *Бартольд В. В.* Сведения об Аральском море и низовьях Амударьи с древнейших времен до XVII века // Сочинения. Т. III: Работы по исторической географии. М.: Наука, 1965. 711 с.

Исанбаев 1978 — *Исанбаев Н. И.* Лексико-семантическая классификация татарских заимствований в марийском языке // Вопросы марийского языка. Йошкар-Ола: Мар. НИИ, 1978. С. 3–50.

Ишбердин 1970 — *Ишбердин Э. Ф.* Названия животных и птиц в башкирских говорах: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Уфа, 1970. 24 с.

Карамышева 1987 — *Карамышева Б. Х.* К вопросу о культовом значении конных игр в Средней Азии // Прошлое Средней Азии: Археология, нумизматика и эпиграфика, этнография. Душанбе: Дониш, 1987. С. 124–137.

Новицкий 2017 — *Новицкий И.* Бактриан и дромедар в современном верблюдоводстве [электронный ресурс] // Сельхозпортал. 27.04.2017. URL: https://сельхозпортал.рф/articles/baktrian-i-dromedar-v-sovremennom-verblyudovodstve/ (дата обращения: 26.09.2023).

Петров 1995 — *Петров Л. П.* Чувашская орнитонимия и история ее формирования: дисс. ... канд. филол. наук. Чебоксары, 1995. 147 с.

Садыкова 1994 — *Садыкова З. Р.* Зоонимическая лексика татарского языка. Казань, 1994. 128 с.

Сафина 2005 — *Сафина Э. И.* Названия птиц в татарском языке и их лексикографирование: дисс. ... канд. филол. наук. Казань, 2005. 27 с.

СИГТЯ 2001 — Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Т. 4: Лексика / отв. ред. Э. Р. Тенишев. 2-е изд., доп. М.: Наука, 2001. 822 с.

СИГТЯ 2006 — Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Т. 6: Картина мира пратюркского этноса по данным языка / отв. ред.: Э. Р. Тенишев, А. В. Дыбо. М.: Наука, 2006. 908 с.

Сухарева 1975 — *Сухарева О. А.* Пережитки демонологии и шаманства у равнинных таджиков // Домусульманские верования и обряды в Средней Азии / отв. ред. Г. П. Снесарев, В. Н. Басилов. М.: Наука, 1975. С. 5–93.

Хабибуллина 2008 — *Хабибуллина З. А.* Древнетюркские названия животного мира в современном башкирском языке. Уфа: БГПУ, 2008. 152 с.

Хисамитдинова, Экба 2020 — *Хисамитдинова Ф. Г., Экба З. Н.* Наименования духов-хозяев в башкирской мифологии // Урало-алтайские исследования. 2020. № 3(38). С. 111–129. DOI: 10.37892/2500-2902-2020-38-3-111-129

Щербак 1961 — *Щербак А. М.* Названия домашних и диких животных в тюркских языках // Историческое развитие лексики тюркских языков. М.: АН СССР, 1961. С. 82–172.

Экба 2015 — *Экба З. Н.* О соотношении пратюркского qut и иранского zan в современных тюркских языках // Урало-алтайские исследования. 2015. № 1(16). С. 53–62.

Экба 2023 — *Экба З. Н.* Фитонимы арабо-персидского происхождения в башкирском языке и его диалектах // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2023. № 2(43). С. 89–103. DOI: 10.25693/SVGV.2023.43.2.007

Юсифов 1985 — *Юсифов Ю. Г.* Зоологическая лексика азербайджанского языка (на основе орнитонимов): автореф. дисс. ... канд. филол.

наук. Баку, 1985. 20 с.
Hauenschild 2006 — *Hauenschild I.* Botanica und Zoologica im Bābur-name: Eine lexikologische und kulturhistorische Untersuchung // Turcologica. Band 66 / ed. by L. Johanson. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2006. Pp. 1–66.
Megiser 1612 — *Megiser H.* Institutiones linguae Turcicae libri quatuor. Leipzig: Sumptibus authoris impressa, 1612. 340 p.

References

Akhmetova-Urmanche F. V. The Tatar Epos. Dastans (Sagas). Kazan: Rannur, 2004. 639 p. (In Tat.)
Barthold V. V. Messages on the Aral Sea and lower reaches of the Amu Darya: From earliest times to the seventeenth century. In: Barthold V. V. [Complete] Writings. Vol. 3: Essays in Historical Geography. Moscow: Nauka, 1965. 7 11 p. (In Russ.)
Bazarova D. Kh. Uzbek Zoological Terms: A History of Shaping and Development. Tashkent: Fan, 1978. 224 p. (In Uzb. and Russ.)
Ekba Z. N. On the relation of the Proto-Turkic *qut* and the Iranian *ǯan* in the modern Turkic languages. *Ural-Altaic Studies*. 2015. No. 1(16). Pp. 53–62. (In Russ.)
Ekba Z. N. Phytonyms of Arab-Persian origin in the Bashkir language and its dialects. *North-Eastern Journal of Humanities*. 2023. No. 2(43). Pp. 89–103. (In Russ.) DOI: 10.25693/SVGV.2023.43.2.007
Hauenschild I. Botanica und Zoologica im Bābur-name: Eine lexikologische und kulturhistorische Untersuchung. In: Johanson L. (ed.) Turcologica. Vol. 66. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2006. Pp. 1–66. (In Germ.)
Isanbayev N. I. Lexical and semantic classification of Tatar borrowings to Mari. In: Issues of the Mari Language. Yoshkar-Ola: Mari Research Institute, 1978. Pp. 3–50. (In Russ.)
Ishberdin E. F. Animal and Bird Names in Bashkir Dialects. Cand. Sc. (philology) thesis abstract. Ufa, 1970. 24 p. (In Russ.)
Karamysheva B. Kh. More on the cult significance of equestrian games in Soviet Central Asia. In: R anov V. A. (ed.) The Past of Soviet Central Asia: Archaeology, Numismatics and Epigraphy, Ethnography. Dushanbe: Donish, 1987. Pp. 124–137. (In Russ.)
Khabibullina Z. A. Old Turkic Animal Names in Modern Bashkir. Ufa: Bashkir State Pedagogical University, 2008. 152 p. (In Russ.)
Khisamitdinova F. G., Ekba Z. N. Names of local spirits in Bashkir mythology. Ural-Altaic Studies. 2020. No. 3 (38). Pp. 111–129. (In Russ.) DOI: 10.37892 / 2500-2902-2020-38-3-111-129.
Megiser H. Institutiones linguae Turcicae libri quatuor. Leipzig: Sumptibus authoris impressa, 1612. 340 p. (In Lat.)
Novitsky I. Bactrians and dromedaries in contemporary camel breeding. On: Selkhozportal (Agricultural Web Portal). Posted on 27 April 2017. Available at: https://sel'khozportal.rf/articles/baktrian-i-dromedar-v-sovremennom-verblyudovodstve/ (accessed: 26 September 2023). (In Russ.)
Petrov L. P. Chuvash Ornithonymy and History of Its Shaping. Cand. Sc. (philology) thesis. Cheboksary, 1995. 147 p. (In Russ.)
Sadykova Z. R. Tatar Zoonyms. Kazan, 1994. 128 p. (In Tat. and Russ.)
Safina E. I. Tatar Bird Names and Their Lexicography. Cand. Sc. (philology) thesis abstract. Kazan, 2005. 27 p. (In Russ.)
Shcherbak A. M. Names of domestic and wild animals in Turkic languages. In: Historical Development of Turkic Vocabularies. Moscow: USSR Academy of Sciences, 1961. Pp. 82–172. (In Russ.)
Sukhareva O. A. Vestiges of demonology and shamanism among plain-based Tajiks. In: Snesarev G. P., Basilov V. N. (eds.) Pre-Islamic Beliefs and Rituals in Soviet Central Asia. Moscow: Nauka, 1975. Pp. 5–93. (In Russ.)
Tenishev E. R. (ed.) Comparative Historical Grammar of the Turkic Languages. Vol. 4: Vocabulary. Second edition, suppl. Moscow: Nauka, 2001. 822 p. (In Russ.)
Tenishev E. R., Dybo A. V. (eds.) Comparative Historical Grammar of the Turkic Languages. Vol. 6: The Worldview of Proto-Turks from Linguistic Evidence. Moscow: Nauka, 2006. 908 p. (In Russ.)
Yusifov Yu. G. Azerbaijani Zoological Terms: A Study of Ornithonyms. Cand. Sc. (philology) thesis abstract. Baku, 1985. 20 p. (In Russ.)

Published in the Russian Federation
Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
Has been issued as a journal since 2008
ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
Vol. 16, Is. 5, Pp. 1343–1366, 2023
Journal homepage: https://kigiran.elpub.ru

CC BY NC ND

УДК / UDC 811.51
DOI: 10.22162/2619-0990-2023-69-5-1343-1366

Новые полевые и архивные данные к глоттохронологической классификации самодийских языков

Юлия Викторовна Норманская[1, 2]

[1] Институт системного программирования им. В. П. Иванникова РАН (д. 25, ул. А. Солженицына, 109004 Москва, Российская Федерация)
доктор филологических наук, главный научный сотрудник
[2] Институт языкознания РАН (д. 1, Большой Кисловский пер., 125009 Москва, Российская Федерация)
доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник
0000-0002-2769-9187. E-mail: julianor[at]mail.ru

© КалмНЦ РАН, 2023
© Норманская Ю. В., 2023

Аннотация. *Введение.* Классификация самодийских языков — это одна самых популярных тем в уралистике в последние годы, по которой высказано не менее шести разных точек зрения ведущими специалистами, которые при этом противоречат друг другу. Фактически нет ни одной дочерней группы самодийских языков, по поводу существования которой все авторы были бы согласны. В настоящей статье мы проанализируем на платформе LingvoDoc (lingvodoc.ispras.ru) стословные списки самодийских языков, собранные от последних носителей и в архивах. *Материалы и методы.* На платформе LingvoDoc находятся 16 словарей и конкордансов текстов самодийских языков, которые включают в себя базисную лексику, их них 10 словарей: ненецкие, энецкие, нганасанские, селькупские — собраны от носителей языка, а 6 — по архивным и изданным книгам. Они обсчитываются с помощью формулы глоттохронологии, доработанной С. А. Старостиным. В результате их анализа на LingvoDoc строится график степени близости времени распада самодийских языков и диалектов в 3D-формате с точки зрения времени распада. *Результаты.* Было установлено, что с точки зрения глоттохронологии существовала определенная близость между ненецким, энецким и нганасанским языками, которые традиционно объединяли в северносамодийскую группу, и селькупским, маторским и камасинским, которые считаются южносамодийскими. Но эти общности существовали очень незначительное время. Более длительный период было единство между маторским и камасинским языками и между ненецким и энецким. Наибольшее количество слов без этимологии в других списках базисной лексики наблюдается в селькупских диалектах (до 18 лексем) и в нганасанском языке (13 слов). Это свидетельствует об их длительном изолированном существовании. *Выводы.* Проведенный анализ показал справедливость традиционной классификации самодийских языков. Учет материала первых селькупских книг позволил более надежно постулировать южносамодийскую группу.

Ключевые слова: самодийские языки, ненецкий, энецкий, нганасанский, селькупский, матор-

ский, камасинский, классификация, полевые исследования, архивные данные
Благодарность. Исследование проведено при финансовой поддержке РНФ в рамках проекта «Цифровое описание диалектов уральских языков на основании анализа больших данных» (№ 20-18-00403, https://rscf.ru/project/20-18-00403/).
Для цитирования: Норманская Ю. В. Новые полевые и архивные данные к глоттохронологической классификации самодийских языков // Oriental Studies. 2023. Т. 16. № 5. С. 1343–1366. DOI: 10.22162/2619-0990-2023-69-5-1343-1366

More on the Glottochronological Classification of the Samoyedic Languages: New Field and Archival Data

Julia V. Normanskaja[1, 2]

[1] Ivannikov Institute for System Programming of the RAS (25, Solzhenitsyn St., 109004 Moscow, Russian Federation)
Dr. Sc. (Philology), Chief Research Associate
[2] Institute of Linguistics of the RAS (1, Bolshoi Kislovsky Lane, 125009 Moscow, Russian Federation)
Dr. Sc. (Philology), Leading Research Associate
0000-0002-2769-9187. E-mail: julianor[at]mail.ru

© KalmSC RAS, 2023
© Normanskaja Ju. V., 2023

Abstract. *Introduction.* Classification of the Samoyedic languages ranks among most popular topics of Uralistics in recent years, with at least six different perspectives — often in contradiction with one another — expressed by leading experts. In fact, there is no single subgroup of the Samoyedic languages on which all the authors would unanimously agree. *Goals*. The article attempts an analysis of word lists of the Samoyedic languages available on the LingvoDoc platform (lingvodoc.ispras.ru) — recorded from the last native speakers and collected from archives. *Materials and methods*. The LingvoDoc platform stores a total of 16 Samoyedic-language dictionaries (and text concordances) containing some basic vocabularies. Ten dictionaries were compiled from native speakers (Nenets, Enets, Nganasan, and Selkup dialects), while six others were derived from archival and published sources. They are processed using the glottochronology formula developed by S. Starostin. The LingvoDoc-based analysis yields 3D proximity degree graphs calculated depending on divergence time points of the Samoyedic language unity. *Results*. It has been determined that, from a glottochronological perspective, there was a certain proximity between Nenets, Enets, and Nganasan traditionally grouped into the North Samoyedic cluster, while Selkup, Mator, and Kamassian are regarded as South Samoyedic. However, these communities were short-lived enough, a longer period of unity be observed between Mator and Kamassian, and between Nenets and Enets. The highest number of words with no etymology in other basic vocabulary lists was found in Selkup dialects (up to 18 lexemes) and in the Nganasan language (13 words), which attests to their prolonged isolated existence. *Conclusions*. The current analysis supports the validity of the traditional classification of the Samoyedic languages. The involvement of materials from early Selkup texts provides more reliable evidence for delineating a South Samoyedic group.
Keywords: Samoyed languages, Nenets, Enets, Nganasan, Selkup, Mator, Kamassian, classification, field research, archival data
Acknowledgements. The reported study was funded by Russian Science Foundation, grant no. 20-18-00403 ‘Digital Description of Uralic Languages on the Basis of Big Data’ (Leading Researcher Yu. V. Normanskaya).
For citation: Normanskaja Ju. V. More on the Glottochronological Classification of the Samoyedic Languages: New Field and Archival Data. *Oriental Studies*. 2023; 16(5): 1343–1366. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2023-69-5-1343-1366

1. Введение

Классификация самодийских языков — это одна самых популярных тем в уралистике в последние годы, по которой высказано не менее шести разных точек зрения ведущими специалистами, которые при этом противоречат друг другу. Фактически нет ни одной дочерней группы самодийских языков, по поводу существования которой все авторы были бы согласны.

В настоящее время на платформе LingvoDoc (lingvodoc.ispras.ru) создан инструмент «Глоттохронологический анализ языков», который анализирует стословные списки безисной лексики по методике С. А. Старостина, и доступны онлайн стословные списки современных самодийских языков, записанные в аудиоформате от последних носителей языков и созданные на основе архивных материалов XVIII в. – начала XX в. Представляется, что глоттохронологический анализ этих источников, часть из которых собрана от носителей, дает возможность более точно выбрать именно слово базисной лексики, а также позволит прояснить ситуацию с противоречащими друг другу классификациями.

Дальнейшее изложение состоит из двух частей. В первой части статьи дается краткий анализ существующих классификаций. Во второй части статьи приведены результаты анализа 16 списков базисной лексики по формуле С. А. Старостина, инсталлированной на платформу LingvoDoc.

2. Обзор существующих классификаций самодийских языков

«Традиционная» классификация (см. рис. 1) была построена, в первую очередь, на основе географии проживания носителей самодийских языков, ср., например: [Colinder 1960: 11, 35]. По ней выделяется группа северносамодийских языков: ненецкого, энецкого, нганасанского — и южносамодийских: селькупского и саяно-самодийских.

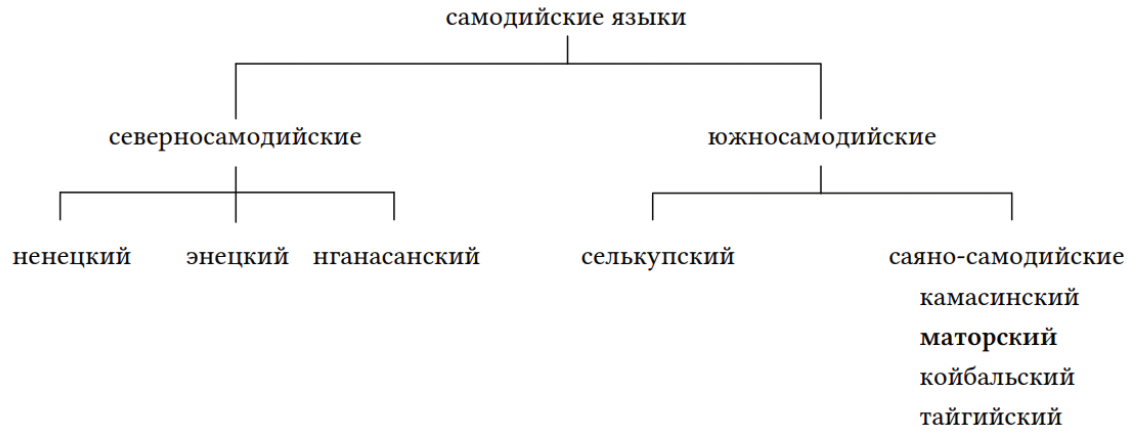

Рис. 1. «Традиционная» классификация самодийских языков
[*Fig. 1.* 'Traditional' classification of the Samoyedic languages] (рисунки переделать единым шрифтом в виде диаграммы)

Эта классификация остается до сих пор наиболее общепринятой, ср. [Oxford guide 2022].

В следующей по времени классификации, предложенной Е. А. Хелимским в [Хелимский 1982: 55], на основании анализа малого списка М. Сводеша, состоящего из 92 слов базисной лексики[1] по 6 самодийским языкам, он приходит к выводу о том, что южносамодийские языки не образовывали группу, а независимо отделились при распаде прасамодийского языка, см. рис. 2.

[1] Е. А. Хелимский отмечает, что слова 'идти', 'плавать', 'тот', 'этот' могут быть переданы большим количеством различных слов, из которых было сложно без опроса информантов выбрать одно слово для стословного списка. Слово 'семя' не имело во многих языках специального выражения, см. [Хелимский 1982: 38].

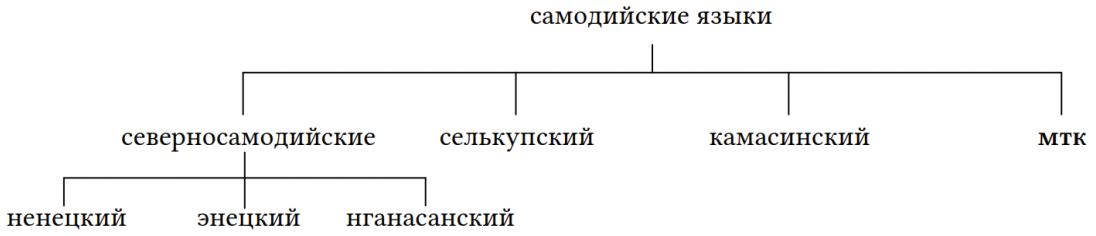

Рис. 2. Классификация самодийских языков по: [Хелимский 1982]
[*Fig. 2.* Classification of the Samoyedic languages according to E. Helimski (1982)]

В докладе С. А. Старостина в 2004 г., см. [Starostin 2004], списки базисной лексики, собранные Е. А. Хелимским и дополненные в 2001 г. по существующим словарям, были проанализированы с помощью специальной формулы, которую С. А. Старостин разработал для уточнения времени распада (подробнее см. ниже рис. 10). В результате он получил результат, фактически совпадающий с «традиционной» классификацией (ср. рис. 1; датировки, полученные С. А. Старостиным, можно увидеть на рис. 3), но он пришел к выводу об отсутствии существования южносамодийской общности и наиболее раннем отделении селькупского языка.

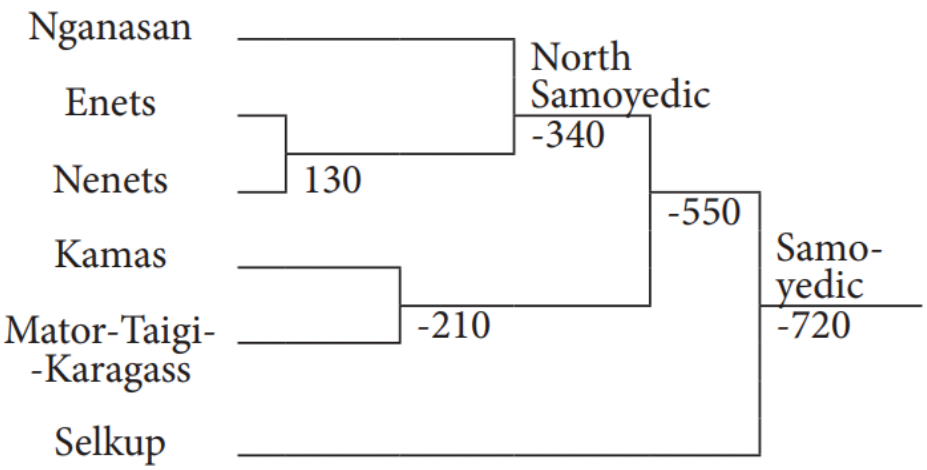

Рис. 3. Время распада самодийских языков по [Starostin 2004]
[*Fig. 3*. Divergence time of the Proto-Samoyedic language unity according to S. Starostin]

В 1987 г. Х. Катц высказал мнение, что селькупский и камасинский следует объединить в одну группу, а маторский является наиболее рано отделившимся самодийским языком (см. рис. 4).

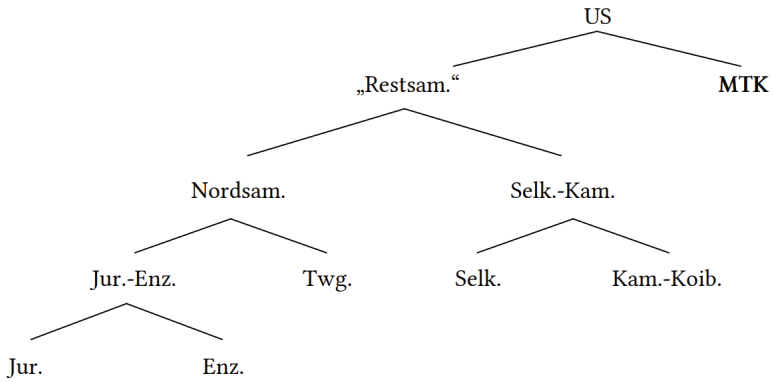

Рис. 4. Классификация самодийских языков по: [Katz 1987]
[*Fig. 4*. Classification of the Samoyedic languages according to H. Katz]

В 1991 г. Ю. Янхунен предложил другую классификацию. По его мнению, от прасамодийского языка первым отделился нганасанский язык, затем маторский, и лишь потом произошел постепенный распад других дочерних языков, ср. [Janhunen 1998: 457–479] и рис. 5.

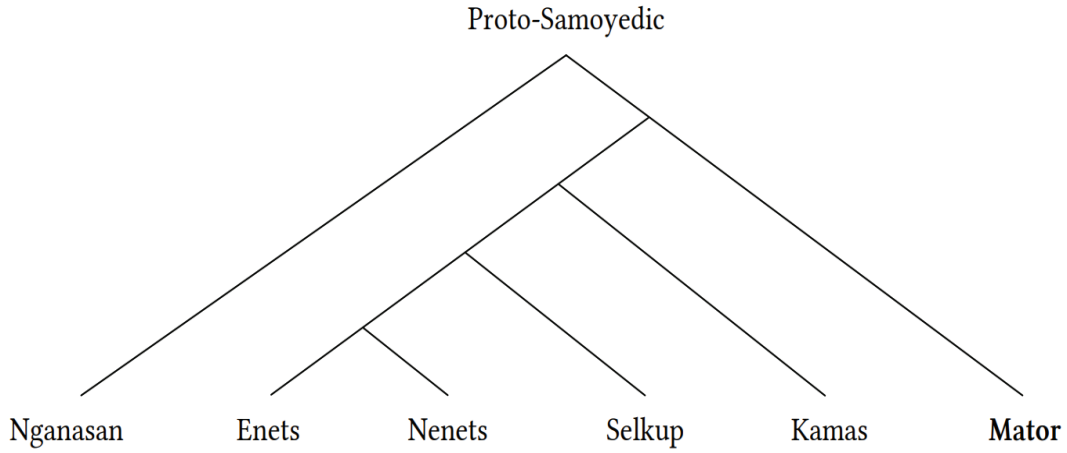

Рис. 5. Классификация самодийских языков по: [Janhunen 1998]
[*Fig. 5.* Classification of the Samoyedic languages according to J. Janhunen]

Ю. Янхунен указывает, что эта схема хорошо соответствует географии проживания носителей языков, поскольку носители нганасанского и маторского языков жили на северо-востоке и юго-востоке территории проживания носителей самодийских языков.

В докладе, сделанном на заседании Финно-угорского общества в Хельсинки в 1997 г. сразу после издания маторского этимологического словаря [Helimski 1997], Е. А. Хелимский отмечает, что маторский язык следует объединять в одну группу с ненецким и энецким языком, поскольку на материале анализа всех доступных нам списков по маторскому языку он выявил, что наибольшее количество лексических изоглосс объединяет маторский язык с энецким и ненецким, и они имеют также общие фонетические и морфологические изоглоссы, см. подробнее в рукописи статьи, доработанной и подготовленной к печати А. Ю. Урманчиевой [Helimski 2022]. Учитывая результаты, которые он ранее получил при анализе 92-словных списков, Е. А. Хелимский склоняется к тому, что классификация самодийских языков менялась с течением времени из-за миграций и ареальных контактов. Он предлагает следующую схему, состоящую из трех периодов (см. рис. 6).

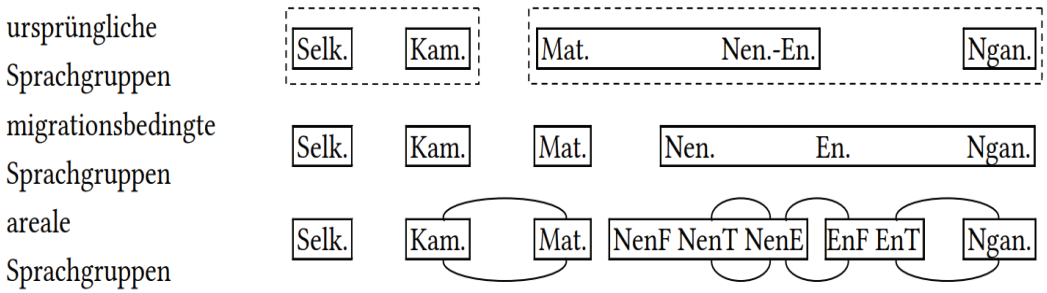

Рис. 6. Классификация самодийских языков по: [Helimski 2022]
[*Fig. 6.* Classification of the Samoyedic languages according to E. Helimski (2022)]

В работе Е. А. Хелимского основным аргументом изначальной близости маторского с ненецко-энецкой группой было именно количество общих прасамодийских этимологий, в которых нет рефлексов в камасинском и селькупском. Таких лексем по словарю Ю. Янхунена [SW 1977] он насчитал 96, из них в 54 нет нганасанских параллелей. При этом у камасинского с северно-самодийскими языками по [SW 1977] насчитывается только 34 общих этимологии без маторского и селькупского. В докладе в 1997 г. Е. А. Хелимский предположил, что это могло указывать на существование в наиболее ранний период сразу после распада прасамодийской общности маторско-ненецко-энецкой группы, наследием которой стали 54 общих слова.

Однако следует отметить, что эта работа была подготовлена Е. А. Хелимским в 1997 г. и не была опубликована в течение последующих 10 лет при его жизни. Можно предположить, что так произошло неслучайно. Дело в том, что подготовка и публикация новых источников по самодийским языкам, в частности, им самим по нганасанскому [Helimski 2007a], энецкому [Helimski 2007б], северно-селькупскому [Helimski 2007в; Helimski, Kahrs 2001], последователями А. П. Дульзона большого словаря по южным и центральным селькупским диалектам, ср. [Быконя 2005] значительно расширяет перспективы поиска новых самодийских этимологий. Оказывается, что, с одной стороны, у некоторых прасамодийских слов, которые по [SW 1977] имели общеизвестные рефлексы только в ненецком, энецком и маторском языках и вошли в список, состоящий из 54 лексических изоглосс, можно найти рефлексы также в южных и центральных селькупских диалектах по словарю [Быконя 2005], приведем лишь некоторые примеры, ср. ПС *k̂əj- ‘идти’ (> ненецкий, маторский) [SW 1977: 51] можно сравнить с селькупским обским, тымским, васюганским *қвая-гу*, васюганский, тымский *қвое-гу*, *қвоя-гу* ‘идти, ехать’ [Быконя 2005: 79], обской, нарымский *қва-гу*, *қваг-гу* ‘идти, ехать’[1] [Быконя 2005: 75]; ПС *ťərta ‘ровный, плоский, равнина’ (> энецкий, ненецкий, маторский) [SW 1977: 81] можно сравнить с селькупским елабужским *лапчяй*, нарымским, тымским *лапчяль* ‘мелкий, плоский’ [Быконя 2005: 114], см. также дальнейшие селькупские диалектные формы в [Alatalo 2004: 387].

С другой стороны, Е. А. Хелимский подготовил, но не успел издать словарь северо-самодийских именных основ, который был набран и дополнен современными формами Ю. В. Норманской и В. Ю. Гусевым. В настоящее время он доступен онлайн на платформе LingvoDoc (http://lingvodoc.ru/dictionary/7386/1/perspective/7386/2/view). В нем представлено 836 именных северо-самодийских основ, часть из них общеизвестны и имеют параллели в других самодийских языках: маторском, камасинском и селькупском, по [SW 1977] таких слов в этом списке 325. При этом 511 северносамодийских именных основ не имеют общеизвестных параллелей в других языках. Из них 394 лексемы имеют параллели в нганасанском языке и ненецком и / или энецком, а 117 — только в ненецком и энецком. Отметим, что эти цифры касаются лишь именных основ, вероятно, анализ глаголов позволил бы их значительно увеличить. Таким образом, очевидно, что при анализе полных словарей количество общих лексем, которые из всех самодийских языков есть только в ненецком, энецком и нганасанском, значительно больше, чем в ненецком, энецком и маторском (394 на материале только именных основ и 96 — на материале всего маторского словаря). Безусловно, это может быть связано с тем, что нганасанский словарь, собранный Е. А. Хелимским [Helimski 2007a], значительно больше словаря уже исчезнувшего маторского языка, ср. [Helimski 1997]. Однако очевидно, что подсчеты, приведенные в [Helimski 2022], не могут быть окончательным аргументом при решении о том, какая классификация верна.

В 2016 г. В. Блажек в своей статье, посвященной памяти Е. А. Хелимского, опять обратился к теме анализа базисной лексики самодийских языков. Как мы уже писали выше, в период с 1982 г. по 2016 г. появилось значительное количество новых, более полных словарей конкретных самодийских языков и этимологических словарей, и, опираясь на них, В. Блажек создал новые списки базисной лексики. Результаты подсчетов, которые получил он, можно увидеть на рис. 7, 8.

[1] Аналогичный рефлекс дифтонгоидный рефлекс ПС *əj представлен, например, в ПС *ŵəj ‘половина’.

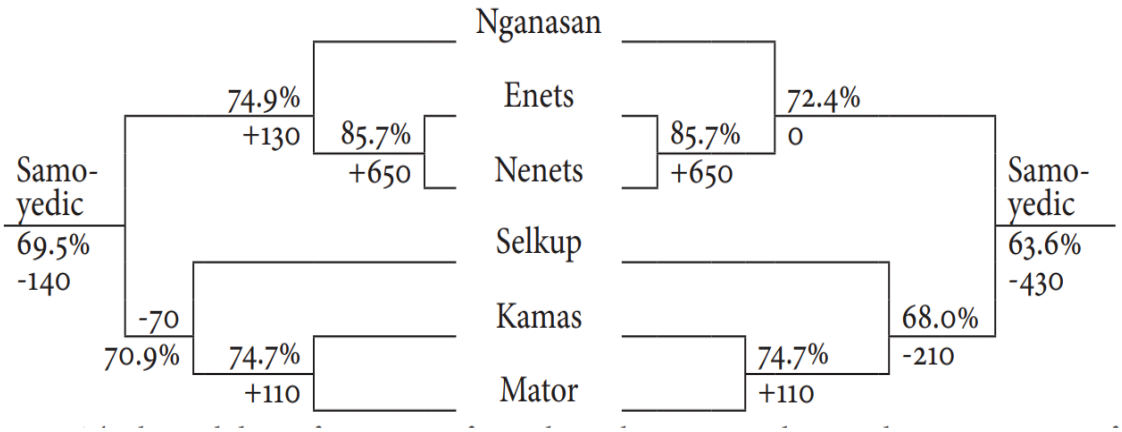

Рис. 7. Время распада самодийских языков по: [Blažek 2016]
[*Fig. 7.* Divergence time of the Proto-Samoyedic language unity according to V. Blažek]

На рис. 7 справа указаны максимальные, а слева — минимальные возможные датировки, которые зависят от того, какое слово из синонимов выбрать как основное.

Ниже на рис. 8 схема распада самодийских языков представлена в виде диаграммы, которая отражает проценты близости между всеми языками.

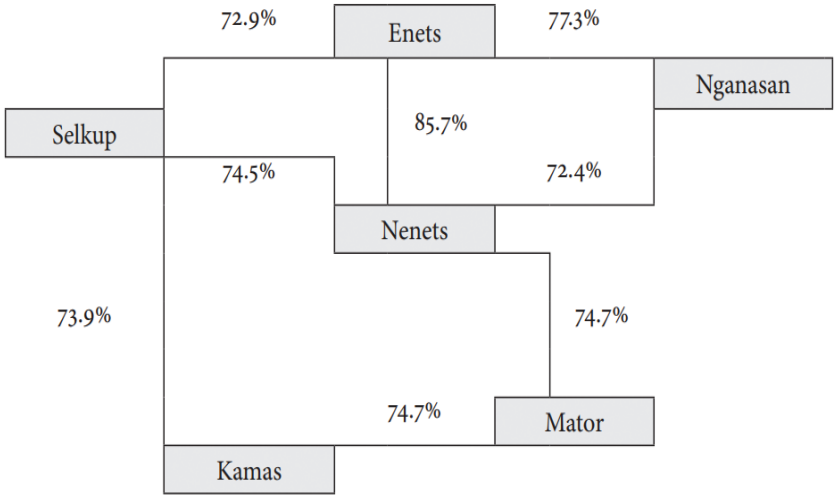

Рис. 8. Процент общей базисной лексики в самодийских языках по: [Blažek 2016]
[*Fig. 8.* Share of basic vocabulary in the Samoyedic languages according to V. Blažek]

Мы видим, что классификация, предложенная В. Блажеком на основании глоттохронологических подсчетов, фактически совпадает с традиционной (см. рис. 1).

В 2023 г. А. Ю. Урманчиева в своей докторской диссертации [Урманчиева 2023] ставит вопрос о том, почему выводы, представленные Е. А. Хелимским в докладе 1997 г. о близости маторского языка к ненецкому и энецкому, не нашли подтверждения в работах по глоттохронологии, которые опубликовали С. А. Старостин и В. Блажек. Она также создает списки базисной лексики, но уже не 6, а 9 самодийских языков, добавляя в подсчеты данные по лесному ненецкому, лесному энецкому и южноселькупскому языкам. В результате анализа двух списков: М. Сводеша и стословного списка, полученного в проекте типологического изучения заимствований «Loanwords Typology» — так называемого Leipzig-Jakarta list, опубликованного в [Tadmor 2009: 69–71], А. Ю. Урманчиева приходит к выводу, что маторский язык образовывал с ненецким языком особую подгруппу праненецкоматорскую подгруппу (см. схему классификации на рис. 9).

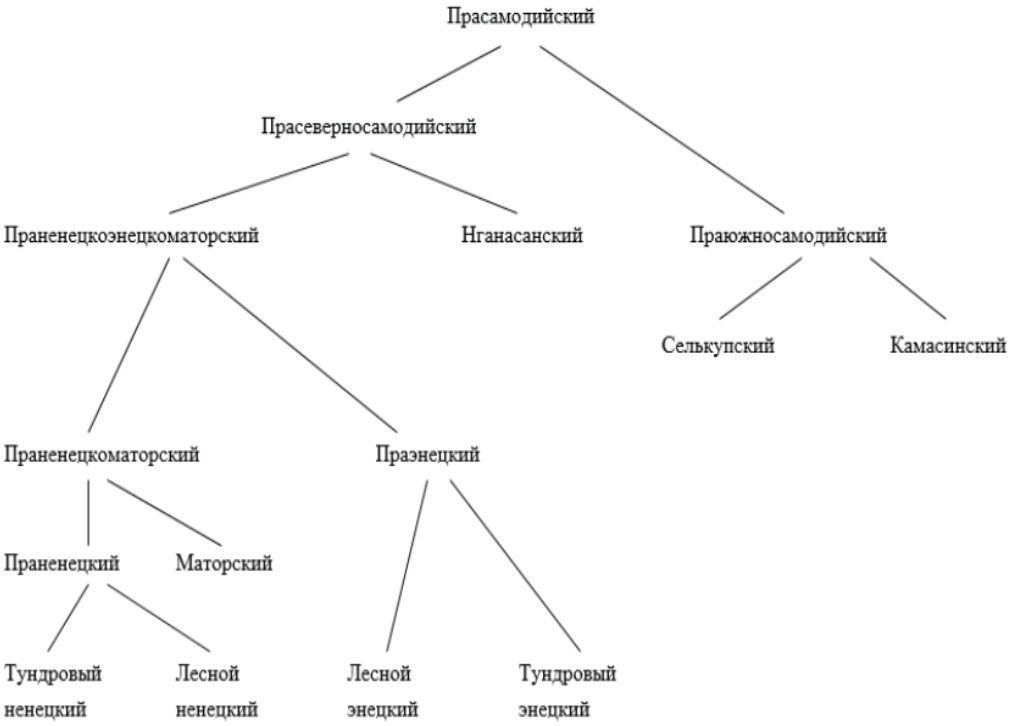

Рис. 9. Классификация самодийских языков сразу после распада праязыковой общности по: [Урманчиева 2023]
[*Fig. 9.* Classification of the Samoyedic languages in the direct aftermath of the Proto-Samoyed unity's split according to A. Urmanchieva]

На рис. 10 пунктирными линиями также указаны древние контакты. Позже, по мнению автора, имели место также контакты селькупского и камасинского языков с маторским и нганасанского — с энецким. Наиболее поздние контакты были у носителей тундрового ненецкого и лесного энецкого, нганасанского и тундрового энецкого, маторского и камасинского языков. И уже в историческую эпоху классификация самодийских языков выглядела, по мнению А. Ю. Урманчиевой, фактически традиционным образом (см. рис. 10).

Суммируя, можно сказать, что выводы А. Ю. Урманчиевой по поводу классификации самодийских языков в разные периоды времени схожи с докладом Е. А. Хелимского в 1997 г., за исключением того, что она постулирует большую близость ненецкого языка к маторскому, чем к энецкому. Классификация самодийских языков сразу после распада праязыка по А. Ю. Урманчиевой (см. рис. 6) базируется на анализе списков базисной лексики, и она значительно отличается и от первой классификации Е. А. Хелимского, предложенной в 1982 г. также на основе списков базисной лексики (см. рис. 2), и от результатов С. А. Старостина (см. рис. 3) и В. Блажека (см. рис. 7, 8), полученных уже на материале современных словарей. Возникает вопрос: как несколько авторов могли получить при применении одного и того же метода столь разные результаты? По подсчетам Е. А. Хелимского, процент совпадений между тундровым ненецким и маторским — 58,1 %, а между тундровым ненецким и тундровым энецким — 74,7 %; по данным В. Блажека, между тундровым ненецким и маторским — 74,7 %, между тундровым ненецким и тундровым энецким — 85,7 %, а по А. Ю. Урманчиевой между тундровым ненецким и маторским — 74,19 %, между тундровым ненецким и тундровым энецким — 69,23 %. Связано ли это с тем, что при анализе стословного списка маторского языка А. Ю. Урманчиева использовала иной подход? В частности «при наличии синонимов для выражения одного и того же значения отмечается, есть ли когнат маторского слова в другом самодийском языке, но не отмечается отсутствие когната одного из синонимов в маторском» (см. подробнее: [Урманчиева 2023: 70–71]).

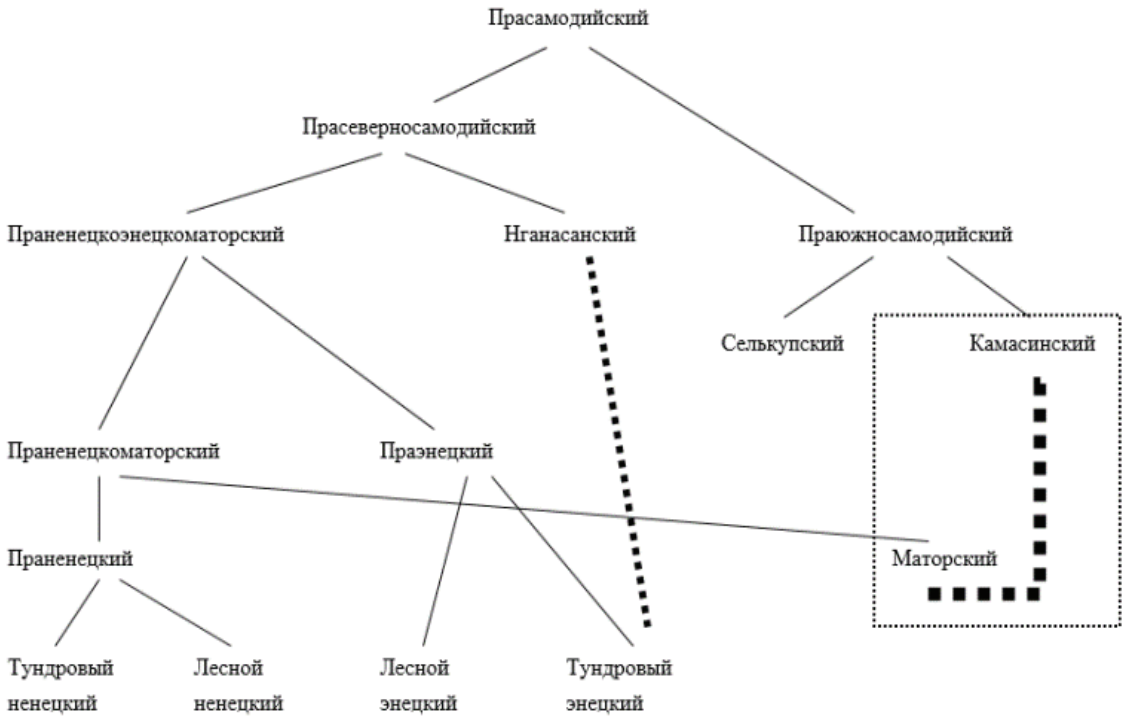

Рис. 10. Классификация самодийских языков в исторический период по: [Урманчиева 2023]
[*Fig. 10.* Classification of the Samoyedic languages throughout recorded history according to A. Urmanchieva]

Она указывает, что этот метод дает «более высокие проценты соответствия в столбце маторского языка, поэтому эти данные могут сопоставляться только с другими данными внутри этого столбца, но не с данными других столбцов» [Урманчиева 2023: 79]. Но возникает вопрос, как тогда соотносить цифры близости между тундровым ненецким и тундровым энецким, а также тундровым ненецким и маторским? Можно ли на основании результатов, полученных разными методами постулировать существование особой ненецко-маторской группы?

Но, помимо несколько модифицированного метода, который использовала А. Ю. Урманчиева, было установлено, что различаются и сами списки базисной лексики, которые находятся в открытом доступе: Е. А. Хелимского, В. Блажека, А. Ю. Урманчиевой и Ю. Б. Корякова, который в 2018 г. анализировал близость не всех самодийских идиомов, а только ненецких, энецких и селькупских (ср. [Коряков 2018]). Во-первых, у А. Ю. Урманчиевой из стословного списка М. Сводеша «удалены слова: ‘птица’ (нет однословного обозначения, передается описательно, как ‘летающий зверь’), ‘семя’ (слабо представленная реалия), ‘лист’ (слабо представленная реалия), ‘перо’ (затруднения в выборе нейтрального термина), ‘зеленый’ (отсутствие устойчивого обозначения этого цвета), ‘желтый’ (отсутствие устойчивого обозначения этого цвета), ‘круглый’ (затруднения в выборе нейтрального термина)», см. [Урманчиева 2023: 67]. Во-вторых, например, для маторского языка наши знания о его лексике были существенно дополнены словарем [Helimski 1997], в котором представлены некоторые слова, которые отсутствовали в списках базисной лексики, опубликованные в [Хелимский 1982], а для других уточнена этимология. Например, у Е. А. Хелимского приведено маторское слово *тчелегаде* ‘корень’, и про него в [Хелимский 1982: 130–131] не указано, что это хакасское заимствование, ср. [Helimski 1997: 230], при этом в маторском словаре [Helimski 1997: 308] приведено и другое слово, обозначающее ‘корень’ — mondo(h) с прасамодийской этимологией ПС *wanco ‘корень’ [SW 1977: 17], рефлексами которой является тундровое ненецкое *вано*, тундровое энецкое badu ‘корень’.

Соответственно такие случаи позволили А. Ю. Урманчиевой, В. Блажеку и С. А. Старостину, в определенной степени, увеличить процент близости ненецкого и маторского языков, по сравнению с исследованием [Хелимский 1982].

Но при внимательном изучении списков становится ясно, что различия в них не сводятся только к использованию более современных словарей. Проиллюстрируем это на примере первого слова из стословного списка и только трех языков: ненецкого, энецкого и селькупского, которые есть во всех четырех работах:

'all / все':

– [Хелимский 1982: 130]: «ненецкий *тюку*', энецкий t'uku', селькский muntiķ»

– [Blažek 2016: 90]: «Ненецкий t'uku'.

– Энецкий t'uku', kurhari.

– Селькупский *бай*, тазовский mûndeŋ, верхне-обской, чаинский sielaŋ, средне-обской, кетский, нижне-пумпокольский wes».

– [Коряков 2018: 168]: «Ненецкий лесной: 1[1] *чупей* 'все; всё, целиком; весь; полностью' [Бармич, Вэлло 2002: 148, 182]; Ненецкий тундровый: 2 *сямян* 'все' [Терещенко 1965: 600], *мал*' 'весь, вся, всё, все' [Терещенко 1965: 225]; Два или три разных корня.

Энецкий тундровый: 1[2] t'uku, t'ukut'ii; tʃuku, tʃukotʃii. ЛЭ: 1 tʃuku, tʃuktʃii.

Селькупский тазовский: 1 muntiŋ 2 'весь, все, всё'; *мунтык/ŋ* 'всё, весь, все' [Казакевич, Будянская 2010: 77].

нарымский: -1 об.Ч. *вес* / *вэс* [Быконя 2005: 21].

кетский: 2 tīr [Alatalo 2004: 187]»[3].

[Урманчиева 2023: 72]: «тундровый ненецкий tyuku°q, тундровый энецкий t'ukut'ii, t'uku, селькупский северный *мунтык/ŋ*, южный tāķ əl'».

Становится ясно, что из рассматриваемых списков больше всего отличаются данные, которые использует В. Блажек. Дело в том, что он в одной колонке приводит данные из всех доступных ему словарей и диалектов. Далее подсчеты он не ведет для каждого диалекта отдельно, а считает формы разных диалектов синонимами, поэтому, очевидно, процент общих слов в стословнике для разных языков у него значительно выше, чем у других исследователей.

Мы видим на этом примере, что списки Е. А. Хелимского и А. Ю. Урманчиевой наиболее близки между собой. В целом эта тенденция прослеживается и на материале других слов, за исключением того, что А. Ю. Урманчиева привлекает материал по еще трем языкам (лесному ненецкому, лесному энецкому, южноселькупскому) и учитывает материалы более современных словарей.

Отличие списков Е. А. Хелимского и А. Ю. Урманчиевой от материалов Ю. Б. Корякова в этом примере заключается, во-первых, в выборе тундрового ненецкого слова. И здесь без опроса носителей по специальной анкете невозможно решить, чей список более корректный, поскольку в словаре [Терещенко 1965: 225, 600, 696] все три слова: *мал*', *сямян* и *тюку*'', даже судя по контекстам, имеют значение 'all / все'. По южноселькупскому в списках Ю. Б. Корякова и А. Ю. Урманчиевой тоже приведены разные формы, ср. [Коряков 2018: 168]: tīr [Alatalo 2004: 187], [Урманчиева 2023: 72]: сельк. южн. *tāķ əl*'. Но если обратиться к словарю [Быконя 2005], основанному на картотеке А. П. Дульзона и его учеников, где собрано более 25 тыс. лексем с контекстами, то наиболее употребительным южноселькупским (кетским) обозначением слова 'всё, весь, все' является русское заимствование об., кет., тым. *вес*. В трудах Н. П. Григоровского, созданные в конце XIX в. на чаинском крайнеюжном селькупском диалекте, которые сейчас в виде глоссированных корпусов на LingvoDoc, также в значении 'всё, весь, все' используется русское заимствование, которое указано только в списке В. Блажека.

Безусловно, в такой сложной ситуации, как наличие больших словарей с многочисленными синонимами, но без легкодоступных корпусов или литературной нормы, для получения более надежного выбора слова стословника необходим опрос носителей.

[1] Ю. Б. Коряков номера в близкородственных языках обозначает количество этимологически разных основ. Отрицательное число (-1) обозначает заимствование.

[2] Здесь и далее цифры при перечислении слов стословного списка указывают на одинаковую или разную этимологию для диалектных форм одного языка: если цифры одинаковые у форм разных диалектов, то этимология совпадает, если они разные, то различается, -1 указывает на заимствование.

[3] Здесь приведены формы не из всех селькупских диалектов, которые разбираются в статье [Коряков 2018], а только те, которые релевантны для сравнения со списками других исследователей.

При этом только в работе Ю. Б. Корякова есть указания, что материал не собран по существующим словарям, а строился на данных опроса носителей, которые проводили для ненецкого языка М. К. Амелина, для энецкого — А. Б. Шлуинский и О. В. Ханина, для нарымского селькупского — Н. Л. Федотова. Безусловно, Е. А. Хелимский и А. Ю. Урманчиева опирались на собственные полевые материалы, но не всегда понятно, когда они взяты из словарей, а когда — из реального опроса носителей.

Поэтому в дальнейшей работе мы сочли целесообразным опираться на списки слов, представленные онлайн на платформе LingvoDoc (lingvodoc.ispras.ru), собранные от носителей языка и уже соединенные этимологическими связями.

3. Анализ списков базисной лексики самодийских языков на платформе LingvoDoc

В настоящее время на LingvoDoc любой пользователь после регистрации может создавать свои словари и / или корпуса и анализировать материалы других пользователей, авторы которых разместили их в открытом доступе. В словарях во вкладке «Инструменты» можно выбрать опцию «Глоттохронологический анализ языков» (см. рис. 11).

Эта опция может применяться к любому набору языков, в словарях которых доступно более 50 слов из стословного списка М. Сводеша. 100-словный список Сводеша – Старостина [Старостин 2007: 784] выбран, поскольку лишь для него обоснованы и разработаны строгие семантические спецификации [Starostin 2010; Kassian et al. 2010], позволяющие получить достаточно точные сравниваемые данные для разных языков. Что касается синонимов, то сравнение результатов обработки списков, составленных по более строгим критериям (обычно не более пяти синонимов на весь список, ср. [Starostin 2010: 100]), и списков с бóльшим количеством синонимов говорит в пользу минимизации количества синонимов (М. Сводеш вовсе не допускал синонимов), для чего могут быть эффективно использованы уточняющие контексты [Kassian et al. 2010]. Согласно предложенной С. А. Старостиным глоттохронологии (см. подробнее [Старостин 1989]), из подсчета по формуле, представленной на рис. 12, сначала удаляются заимствования, родственные слова соединяются на платформе LingvoDoc этимологическими связями, затем подсчитывается процент совпадений между списками двух идиомов и вычисляется время распада [Starostin 2013: 133–136].

$$\sqrt{\frac{\ln\left(\frac{Nn(t)}{N_0}\right)}{-n\lambda^n\sqrt{Nn(t)}}}$$

Эта формула, для которой С. А. Старостин подобрал экспериментальным путем лямбду, равную 0,05, дает возможность определить время распада любого набора языков (см. подробнее: [Старостин 1989]).

На LingvoDoc также встроена функция создания графиков близости языков в форматах 2D и 3D.

В настоящее время на LingvoDoc доступны списки базисной лексики для:

1) тундрового ненецкого, созданного на основе словаря [Терещенко 1965] и опроса носителей из ямальской тундры, проведенного М. К. Амелиной в 2017 г. (http://lingvodoc.ru/dictionary/3420/1/perspective/3420/2/view);

2) лесного ненецкого, созданного на основе опроса, проведенного М. К. Амелиной в с. Халясавей, 2015 г. (http://lingvodoc.ru/dictionary/3104/11/perspective/3104/12/view);

3) ненецкого, созданного по словарю А. А. Дунина-Горкавича, 1910 г. (http://lingvodoc.ru/dictionary/339/4/perspective/339/5/view);

4) тундрового, созданного в 2015 г. на основе опроса в г. Дудинка О. В. Ханиной (http://lingvodoc.ru/dictionary/330/3/perspective/330/4/view);

5) лесного энецкого, созданного в 2011 г. на основе опроса в г. Дудинка О. В. Ханиной (http://lingvodoc.ru/dictionary/694/4/perspective/694/5/view);

6–7) тазовского, созданного на основе словаря [Helimski 2007в] (http://lingvodoc.ru/dictionary/7270/1/perspective/7270/2/view) и опроса носителей, проведенного О. А. Казакевич в с. Быстринка в 2011 г. (http://lingvodoc.ru/dictionary/1723/8454/perspective/1723/8455/view);

8) сургутского (тазовского) селькупского, собранного П. С. Палласом в XVIII в. (http://lingvodoc.ru/dictionary/2639/1283/perspective/2639/1287/view);

Рис. 11. Использование «Глоттохронологического анализа» на LingvoDoc
[*Fig. 11.* Applying the Glottochronological Analysis tool on the LingvoDoc platform]

9–10) нарымского, созданного на основе записей Ю. А. Морева, сделанных в с. Ласкино в 1967–1970 гг. (http://lingvodoc.ru/dictionary/6807/2/perspective/6918/2/view), и записанного в 2009 г. в с. Парабель (http://lingvodoc.ru/dictionary/334/3/perspective/334/4/view);

11) кетского селькупского, записанного Е. М. Будянской и О. А. Казакевич в с. Катайга в 2010 г. (http://lingvodoc.ru/dictionary/1723/7/perspective/1723/8/view);

12) кетский (нарымского округа) селькупский, собранный П. С. Палласом в XVIII в. (http://lingvodoc.ru/dictionary/2639/4179/perspective/2639/4183/view);

13) нижнечаинского селькупского, созданного на основе книг Н. П. Григоровского, созданных в 1879 г. (http://lingvodoc.ru/dictionary/3853/121809/perspective/3853/121810/view);

14) маторского, созданного на основе словаря [Helimski 1997] (http://lingvodoc.ru/dictionary/7271/1/perspective/7271/2/view);

15) камасинского, созданного на основе словаря [Donner 1944] (http://lingvodoc.ru/dictionary/7272/1/perspective/7272/2/view);

16) нганасанского, созданного на основе словаря Е. А. Хелимского (http://lingvodoc.ru/dictionary/7269/1/perspective/7269/2/view).

В результате их анализа был получен следующий график степени близости времени распада самодийских языков и диалектов в 3D-формате с точки зрения глоттохронологии (см. рис. 12).

В цифровом формате полученные результаты выглядят следующим образом: (см. табл. 1). Первая цифра в таблице обозначает время в тысячелетиях, прошедшее со времени распада двух языков или диалектов. Вторая цифра отражает процент совпадающих этимологически родственных слов. Из таблицы видно, что при анализе полных стословных списков (не памятников XVIII – начала XX в., в которых часто наблюдается сниженный процент сходств, связанный, возможно, с неполнотой списков) самый низкий процент сходств (55–56 %) слов наблюдается между нганасанским vs. южным и центральным селькупскими диалектами, по формуле С. А. Старостина они распались примерно 2 700–2 800 лет тому назад, т. е. в начале I тыс. до н. э. Этот процент выше, чем у А. Ю. Урманчиевой (между нганасанским и селькупским — 40,8 %), ср. [Урманчиева 2023: 79–80], и значительно ниже, чем у В. Блажека (63,6–69,5 % при разном обсчете синонимов), что, вероятно, связано с принципами выбора слов базисной лексики. Полученный результат почти совпадает с процентом, полученным Е. А. Хелимским в 1982 г. (между нганасанским и селькупским 54,6 %[1]), и с датировками распада прасамодийского языка, полученными С. А. Старостиным (см. рис. 3).

Опираясь на полученные результаты, попробуем ответить на вопросы, которые ставили предшествующие исследователи:

1. Существовала ли северносамодийская группа языков, состоящая из ненецкого, энецкого и нганасанского языков? Или, как утверждал Е. А. Хелимский в докладе 1997 г., маторский язык ближе к ненецкому и энецкому, чем нганасанский? Оказалось, что, хотя близость маторского к ненецкому незначительно выше (65–67 %), чем у нганасанского (63–66 %), то с энецкими этот процент значительно различается: у маторского с энецкими диалектами (66–68 %), у нганасанского с ними (72–75 %). Таким образом, по методике С. А. Старостина, следует постулировать группу северносамодийских языков. Возможно ли, что эта близость между нганасанским и энецкими языками имеет контактную природу? Рассмотрим, какие слова в базисной лексике образуют нганасанско-ненецко-энецкие изоглоссы, чтобы понять их природу, являются ли они рефлексами прасамодийских корней или следствием более поздних контактов? (см. табл. 2).

Итак, из 9 лексических изоглосс 5 слов (‘гореть’, ‘желтый’, ‘живот’, ‘звезда’, ‘лежать’) не имеют общеизвестной этимологии за пределами северносамодийских языков. Но остальные слова, которые составляют 72–75 % близости энецкого и нганасанского языков, имеют либо прасамодийскую этимологию, либо параллели в других южносамодийских языках. Поэтому мы предполагаем, что северносамодийская группа не

[1] При этом наименьший процент сходств, по Е. А. Хелимскому, отмечался между селькупским и маторо-тайги-карагасским, что было связано с тем, что его маторский список был меньше и хуже этимологизирован, поскольку был еще не создан словарь [Helimski 1997].

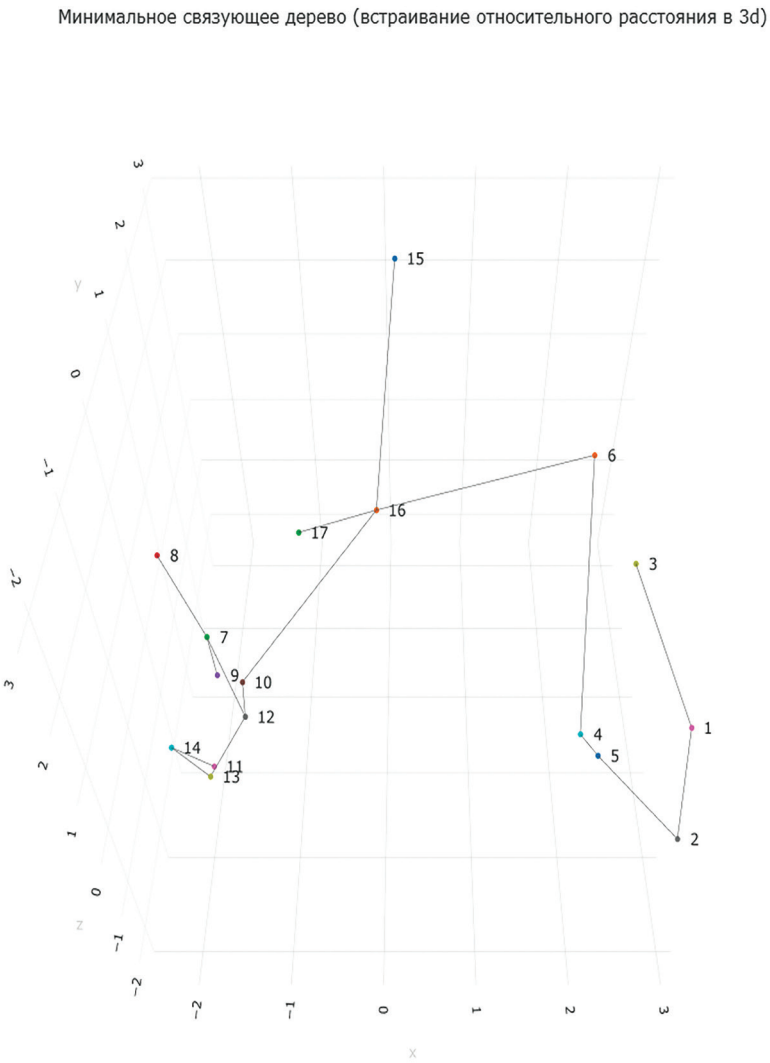

Рис. 12. График степени близости в зависимости от времени распада самодийских языков
[*Fig. 12.* Proximity degree graphs calculated depending on differing divergence time points of the Samoyedic language unity]

1. Словарь ненецко-русский, Н. М. Терещенко; 2. Словарь русско-самоедский, А. А. Дунин-Горкавич, 1910 г.; 3. Словарь пуровского диалекта лесного ненецкого языка (с. Халясавэй, Пуровский район Ямало-Ненецкого автономного округа); 4. Словарь тундрового диалекта энецкого языка; 5. Словарь лесного диалекта энецкого языка; 6. Словарь стословного списка нганасанского языка; 7. Словарь стословного списка тазовского селькупского языка; 8. Материалы П. С. Палласа по диалектам остякского (селькупского) языка: сургутский округ (тазовский говор); 9. Словарь верзнетолькинского (северного) диалекта селькупского языка (собран от И. В. Кунина, с. Быстринка, 2011 г.); 10. Материалы П. С. Палласа по диалектам остякского (селькупского) языка: нарымский округ (кетский говор); 11. Словарь кетского диалекта селькупского языка (собран от Ф. П. Зубрекова, подготовлен Е. М. Будянской, О. А. Казакевич); 12. Нижнечаинский диалект. Словарь корпуса селькупских оригинальных данных Н. П. Григоровского «Азбука сюссогой гулани: сказки и счет», 1879 г.; 13. Словарь корпуса текстов, элицитаций и лексем, записанных Ю. А. Моревым, д. Ласкино, 1967, 1970 гг.; 14. Словарь нарымского диалекта селькупского языка (И. А. Коробейникова); 15. Словарь стословного списка маторского языка; 16. Словарь стословного списка камасинского языка; 17. Коркорданс корпуса камасинского языка

может быть полностью результатом более поздних контактов. Но, очевидно, что после распада прасамодийского языка существовала она недолго и в середине I тыс. до н. э. распалась. Между энецким и нганасанским были, вероятно, сепаратные контакты, возможно, с участием субстратного языка.

2. Существовала ли южносамодийская общность, которая объединяла маторский, камасинский и селькупские языки? Или маторского-камасинская группа ближе к северносамодийской, чем к селькупской, как предполагал С. А. Старостин?

Проценты совпадения слов с современными селькупскими диалектами у камасинского — 63–68 %, у маторского — 64–71 %. Но с селькупскими диалектами, по данным XVIII–XIX вв., процент совпадения в базисной лексике значительно выше: у камасинского (64–76 %) и маторского (69–75 %).

У камасинского с северносамодийскими языками наблюдается процент, сравнимый с современными селькупскими диалектами: с ненецкими 60–67 %, с энецкими и нганасанским — 67 %; у маторского с северносамодийскими языками наблюдается также схожий процент: с ненецкими 65–67 %, с энецкими и нганасанским — 66–68 %.

Рассмотрим конкретные слова, которые составляют камасинско-маторско-селькупские изоглоссы (см. табл. 3).

Из табл. 3 видно, что 6 из 7 слов являются рефлексами прасамодийских слов базисной лексики. Таким образом, можно исключить гипотезу о более позднем контактном влиянии и признать существование южносамодийской группы, которую весьма надежно подтверждает материал селькупских первых словарей и книг.

3. Между какими самодийскими языками наблюдалась длительная общность? В результате нашего анализа нам удалось выявить только те общности, которые признавало большинство исследователей. Явное повышение процента совпадающих слов выявлено между:

а) ненецкими и энецкими языками (69–79 % сходства, что позволяет датировать их распад I–V в. н. э.);

б) маторским и камасинским (76 % общих слов), распад общности датируется III в. н. э.;

в) южным и северным селькупскими языками (74–92 %), вследствие столь большого разброса процента совпадений надежно датировать время распада сложно.

Бесспорным является близкое родство тундрового и лесного ненецкого (85 % общих слов), распад общности датируется V в. н. э., которые раньше некоторыми авторами считались одним языком. Более поздние различия, например, между тундровым и лесным энецким уже имеют диалектный характер, поскольку идиомы имеют 92 % общих слов и, по С. А. Старостину, разделились во II тыс. н. э.

Рассмотрим, благодаря каким конкретно лексемам выделяются те общности, о которых мы упомянули выше: ненецко-энецкая, маторско-камасинская, селькупская (см. табл. 4, 5, 6).

Нами было выявлено только 2 изоглоссы, выделяющие камасинско-маторскую общность (см. табл. 4). При этом высокий процент сходств (76 %) имеет параллели в разных языках, поэтому эти изоглоссы являются исконными прасамодийскими и не могли быть объяснены более поздними контактами.

Помимо этого, в каждом селькупском диалекте представлено от 3 до 18 слов с неизвестной этимологией. Видно, что значительное количество селькупских слов, которые не имеют параллелей в других самодийских языках, являются доказательством близкого родства этой группы и длительного периода ее сепаратного развития. Большое количество слов, не имеющих надежной этимологии, указывают на возможность субстрата.

4. Заключение

Проведенный анализ позволил выявить четыре типа некоторого повышения процента при обсчете базисной лексики между самодийскими языками.

I тип наблюдается между маторским и камасинским и между селькупским, маторским и камасинским. Количество особых изоглосс между этими языками, которые отсутствуют в других самодийских языках и диалектах, небольшое: 2–7 лексем, большинство из которых принадлежат и к прасамодийской базисной лексике. Повышенный процент формируется в первую очередь не за счет сепаратных лексических изоглосс, а за счет сохранения слов прасамодийской базисной лексики, которая была утрачена в некоторых других самодийских языках.

Таблица 1. Время распада и процент общих слов в самодийских языках

	1. Тунд. Нен	2. Нен. 1910г	3. Лесн. Нен.	4. Тунд. Энец	5. Лесн. Энец	6. Нган	7. Таз. Сел	8. Таз. Сург. XVIIIв.
1	n/a	1.17 (87%)	1.32 (85%)	1.89 (73%)	1.61 (79%)	2.40 (63%)	2.53 (60%)	2.61 (59%)
2	1.17 (87%)	n/a	1.79 (75%)	1.92 (73%)	1.67 (78%)	2.50 (61%)	2.72 (57%)	2.67 (58%)
3	1.32 (85%)	1.79 (75%)	n/a	2.10 (69%)	1.82 (75%)	2.23 (66%)	2.53 (60%)	2.51 (61%)
4	1.89 (73%)	1.92 (73%)	2.10 (69%)	n/a	0.92 (92%)	1.82 (75%)	2.34 (64%)	2.26 (66%)
5	1.61 (79%)	1.67 (78%)	1.82 (75%)	0.92 (92%)	n/a	1.93 (72%)	2.46 (62%)	2.51 (61%)
6	2.40 (63%)	2.50 (61%)	2.23 (66%)	1.82 (75%)	1.93 (72%)	n/a	2.44 (62%)	2.39 (63%)
7	2.53 (60%)	2.72 (57%)	2.53 (60%)	2.34 (64%)	2.46 (62%)	2.44 (62%)	n/a	1.23 (86%)
8	2.61 (59%)	2.67 (58%)	2.51 (61%)	2.26 (66%)	2.51 (61%)	2.39 (63%)	1.23 (86%)	n/a
9	2.71 (57%)	2.71 (57%)	2.48 (61%)	2.51 (61%)	2.60 (59%)	2.66 (58%)	0.89 (92%)	1.47 (82%)
10	2.39 (63%)	2.78 (56%)	2.45 (62%)	1.85 (74%)	2.20 (67%)	2.16 (68%)	1.04 (90%)	1.71 (77%)
11	2.54 (60%)	2.83 (55%)	2.48 (61%)	2.50 (61%)	2.61 (59%)	2.80 (55%)	1.13 (88%)	1.75 (76%)
12	2.39 (63%)	2.29 (65%)	2.39 (63%)	2.23 (66%)	2.30 (65%)	2.60 (59%)	1.14 (88%)	1.64 (78%)
13	2.61 (59%)	2.84 (54%)	2.44 (62%)	2.49 (61%)	2.51 (61%)	2.84 (55%)	1.29 (85%)	1.66 (78%)
14	2.59 (59%)	2.75 (56%)	2.53 (60%)	2.49 (61%)	2.59 (59%)	2.78 (56%)	1.31 (85%)	1.85 (74%)
15	2.54 (60%)	2.55 (60%)	2.21 (67%)	2.19 (67%)	2.25 (66%)	2.21 (67%)	2.19 (67%)	1.77 (76%)
16	2.29 (65%)	2.67 (58%)	2.21 (67%)	2.15 (68%)	2.25 (66%)	2.17 (67%)	2.21 (67%)	1.94 (72%)

II тип лексических изоглосс наблюдается между северносамодийскими языками по традиционной классификации. Между нганасанским, энецким и ненецким зафиксировано 9 слов базисной лексики. При этом 5 из них не имеют этимологии. Это коррелирует с тем, что в нганасанской базисной лексике представлено достаточно большое количество слов без этимологии, что отмечают все исследователи (ср.: [Урманчиева 2023: 90]). По нашим подсчетам, их 13, в то время как в ненецких, энецких, камасинском и маторском языках, распад которых датируется нашей эрой, их не более 5–6 лексем.

III тип лексических изоглосс наблюдается между ненецкими и энецкими языками, их объединяет 11 лексических изоглосс в базисной лексике, при этом из них 3 слова не имеют этимологии, у остальных слов есть прасамодийская и часто даже прауральская этимология, но в них реконструируется значение, не принадлежащее к базисной лексике. Таким образом, в 8 случаях произошли общие семантические инновации в ненецком и энецком языках в исконных самодийских словах. Такие примеры не свидетельствуют о заимствованиях, а говорят о совместных изменениях, т. е. вместе с более высоким процентом сходств в базисной лексике подтверждают наличие ненецко-энецкой группы, которая распалась в начале I тыс. н. э.

IV тип лексических изоглосс наблюдается между селькупскими языками. Из 22 слов только 2 (‘этот’, ‘сказать’) принадлежат к прасамодийской базисной лексике, 5 слов изменили свое значение, и 15 слов являются либо, предположительно, древними заимствованиями, либо их этимология неизвестна. Учитывая, что в нарымском селькупском еще есть 13 слов с неизвестной этимологией, у которых нет параллелей даже в селькупских диалектах, можно предполагать и длительное сепаратное развитие селькупского, и значительное внешнее влияние.

Итак, проведенный анализ показал справедливость традиционной классификации самодийских языков (см. рис. 1). Учет материала первых селькупских книг позволил более надежно постулировать южносамодийскую группу. Интеграция на платформу LingvoDoc формулы С. А. Старостина позволила установить ориентировочное время распада:

1) прасамодийского языка — начало I тыс. до н. э.,

2) северносамодийского — середина I тыс. до н. э.,

[*Table 1*. Divergence time and share of common lexemes in the Samoyedic languages]

9. В.-тольк Сел	10. Кет. XVIIIв.	11. Кет. Сел	12. Н.-чаин. 1879г	13. Ла-ски-но 1967 и 1970 гг.	14. На-рым. Сел.	15. Ка-мас.	16. Матор.
2.71 (57%)	2.39 (63%)	2.54 (60%)	2.39 (63%)	2.61 (59%)	2.59 (59%)	2.54 (60%)	2.29 (65%)
2.71 (57%)	2.78 (56%)	2.83 (55%)	2.29 (65%)	2.84 (54%)	2.75 (56%)	2.55 (60%)	2.67 (58%)
2.48 (61%)	2.45 (62%)	2.48 (61%)	2.39 (63%)	2.44 (62%)	2.53 (60%)	2.21 (67%)	2.21 (67%)
2.51 (61%)	1.85 (74%)	2.50 (61%)	2.23 (66%)	2.49 (61%)	2.49 (61%)	2.19 (67%)	2.15 (68%)
2.60 (59%)	2.20 (67%)	2.61 (59%)	2.30 (65%)	2.51 (61%)	2.59 (59%)	2.25 (66%)	2.25 (66%)
2.66 (58%)	2.16 (68%)	2.80 (55%)	2.60 (59%)	2.84 (55%)	2.78 (56%)	2.21 (67%)	2.17 (67%)
0.89 (92%)	1.04 (90%)	1.13 (88%)	1.14 (88%)	1.29 (85%)	1.31 (85%)	2.19 (67%)	2.21 (67%)
1.47 (82%)	1.71 (77%)	1.75 (76%)	1.64 (78%)	1.66 (78%)	1.85 (74%)	1.77 (76%)	1.94 (72%)
n/a	1.74 (76%)	1.41 (83%)	1.10 (89%)	1.33 (85%)	1.43 (83%)	2.13 (68%)	2.36 (64%)
1.74 (76%)	n/a	1.18 (87%)	0.99 (91%)	1.37 (84%)	1.18 (87%)	1.82 (75%)	1.80 (75%)
1.41 (83%)	1.18 (87%)	n/a	1.11 (89%)	0.98 (91%)	0.91 (92%)	2.38 (63%)	2.00 (71%)
1.10 (89%)	0.99 (91%)	1.11 (89%)	n/a	0.95 (91%)	1.06 (89%)	2.01 (71%)	1.95 (72%)
1.33 (85%)	1.37 (84%)	0.98 (91%)	0.95 (91%)	n/a	0.97 (91%)	2.33 (64%)	2.10 (69%)
1.43 (83%)	1.18 (87%)	0.91 (92%)	1.06 (89%)	0.97 (91%)	n/a	2.33 (64%)	2.17 (67%)
2.13 (68%)	1.82 (75%)	2.38 (63%)	2.01 (71%)	2.33 (64%)	2.33 (64%)	n/a	1.74 (76%)
2.36 (64%)	1.80 (75%)	2.00 (71%)	1.95 (72%)	2.10 (69%)	2.17 (67%)	1.74 (76%)	n/a

3) южносамодийского языка — конец I тыс. до н. э.,

4) ненецко-энецкой группы — начало I тыс. н. э.,

5) камасинско-маторского — середина I тыс. н. э.,

6) селькупского — конец I тыс. н. э.,

7) ненецкого — конец I тыс. н. э.,

8) энецкого — начало II тыс. н. э.

Анализ материала показывает, что до начала нашей эры группы самодийских языков (южные и северные) существовали очень незначительное время, но все же представляется, что повышенный процент совпадений между языками внутри этих групп нельзя объяснить только контактным влиянием. Безусловно, лексические подсчеты в таком спорном случае нельзя считать окончательным результатом, и он нуждается в подтверждении на материале детального анализа морфологии и графико-фонетики.

Сокращения

В.-тольк. — верхне-толькинский
камас. — камасинский
кет. — кетский
лесн. — лесной
матор. — маторский
нарым. — нарымский
нган. — нганасанский
нен. — ненецкий
н.-чаин. — нижне-чаинский
ПС — прасамодийский
сел. — селькупский
сург. — сургутский
таз. — тазовский
тунд. — тундровый

Источники

Helimski 2007а — Helimski E. Рукопись словаря нганасанского языка. Hamburg, 2007. 150 с.
Helimski 2007б — Helimski E. Рукопись словаря энецкого языка. Hamburg, 2007. 220 с.
Helimski 2007в — Helimski E. Рукопись словаря селькупского языка. Hamburg, 2007. 180 с.

Sources

Helimski E. Manuscript of a Nganasan Dictionary. Hamburg, 2007. 150 p. (In Ngan.)
Helimski E. Manuscript of a Selkup Dictionary. Hamburg, 2007. 180 p. (In Selk.)
Helimski E. Manuscript of an Enets Dictionary. Hamburg, 2007. 220 p. (In Enets)

Таблица 2. Нганасанско-ненецко-энецкие параллели в стословном списке, у которых нет соответствий в базисной лексике других языков
[*Table 2*. Unique Nganasan-Nenets-Enets lexical parallels from Swadesh's 100-word list]

Нганасанский	Тундровый ненецкий	Ненецкий, 1910 г.	Лесной ненецкий	Тундровый энецкий	Лесной энецкий	ПС
1. *нгойбу́* ‘голова’	*ӈэва* ‘голова’	*айво* ‘голова’	ŋæ̏iwa ‘голова’	aburʲe, aburʲi ‘голова’	ɛba ‘голова’	*åjwå ‘голова’ [SW 1977: 16] < ПУ *ojwa
2. *лонгу́ди* ‘гореть’				leided'e ‘гореть’		
3. *тодяку́* ‘желтый’	*тасехэй* ‘желтый’	*тасей* ‘желтый’				
4. *ми́нада̀* ‘живот’			mintɕi̋ ‘живот’	munzi, munðe, munðɨ ‘живот’	munoðe ‘живот’	
5. *фотади́е* ‘звезда’				poðeseo ‘звезда’	poðesei ‘звезда’	
6. *кошӱа* ‘сухой’	*хасуй* ‘сухой’	*хазуй* ‘сухой’	kɨsúj ‘сухой’	kasuo ‘сухой’	kasuj ‘сухой’	*kås(ə)- ‘сухим стать’ < ПУ *koški-
7. *нгана́са* ‘человек’	*ненэць’(н)* ‘человек’	*нена́чь* ‘человек’	ɲéɛaŋ ‘человек’		entʃĭʔ ‘человек’	*enå ‘настоящий’ [SW 1977: 23]
8. *ма'* ‘что’				mʲi, mʲiʔ, mʲiiʔ ‘что’		*me ‘что’ [SW 1977: 91] < ПУ *mз [UEW 1986: 296]
9. *bəd-* ‘лежать’	*ва’’нӑ(сь)* ‘лежать’			baðoti ‘лежать’	balʲkiʃ ‘лежать’	

Таблица 3. Камасинско-маторско-селькупские слова в стословном списке, у которых нет соответствий в базисной лексике других языков
[*Table 3*. Unique Kamassian-Mator-Selkup words from Swadesh's 100-word list]

Таз. сел.	Сург. округ (тазовский говор) XVIII в.	В.-тольк. сел.	Нарым. округ (кетский) XVIII в.	Кет. сел.	Ниж. чаин. сел., 1879	Ласкино 1967 и 1970 гг.	Нарым. сел.	Камас.	Матор.	ПС
1. oliˌ ‘голова’	*олы* ‘голова’	olliˌ ‘голова’	*олъ* ‘голова’	olliˌ ‘голова’	*олъ* ‘голова’	ól ‘голова’	ɔl ‘голова’	ulu ‘голова’		*olə̑ ‘вершина, голова’ [SW 1977: 29]
2. perqiˌ ‘живот’		pʲerqiˌ ‘живот’	*перга* ‘живот’	pʲerqiˌ ‘живот’	*пергé* ‘живот’	pärg ‘живот’	p'érg ‘живот’		*hErgā* ‘живот’	*perkä ‘живот’ [SW 1977: 122]
3. qiš̨qä ‘звезда’	*кышка* ‘звезда’		*кызанга-сай* ‘звезда’	qisaŋɕa ‘звезда’	*кызынган-сéй* ‘звезда’		kiʃkəχáj ‘звезда’	khinzigäi ‘звезда’	*кинджикей* ‘звезда’	ПУ *kuńćз ‘звезда’ [UEW 1986, 1, 2: 210]
4. ippiqo ‘лежать’		ippa ‘лежать’		ippa ‘лежать’	*úппы-* ‘лежать’	éppu-gù ‘лежать’	ipəgú ‘лежать’	i'büm ‘лежать’		
5. tiqiˌ’ qum ‘мужчина’				tʲepʲe-qum ‘мужчина’	*тебек* ‘мужчина’	täbə-täbə-l ɣup ‘мужчина’	tɛbiˌlgúp, tɛb ‘мужчина’		*tihi* ‘мужчина’	*tipå ‘мужчина’ [SW 1977: 163]
6.	*мычь* ‘гора’	matʃʲi ‘гора’						гора mija ‘гора’	гора *бія* ‘гора’	*mə̑jå ‘земля’ [SW 1977: 85]
7.						ʂündzˌ’é-ka ‘птица’	ʃun'dz'éka ‘птица’		*тчинджя-ха* ‘птица’	*si1nsä1k-kз [SW 1977: 141] < ПУ *ć[i] ŋćз(-kз) [UEW 1986, 1, 1: 48]

Таблица 4. Ненецко-энецкие параллели в стословном списке, у которых нет соответствий в базисной лексике других языков
[*Table 4*. Unique Nenets-Enets lexical parallels from Swadesh's 100-word list]

Тундровый ненецкий	Ненецкий, 1910 г.	Лесной ненецкий	Тундровый энецкий	Лесной энецкий	ПС
1. *сехэры* ‘дорога, тропа’	*сéры* ‘дорога, тропа’		sexa ‘дорога, тропа’	sɛxeri ‘дорога, тропа’	ПУ *ćäke(-rз) ‘жесткий снег’ [UEW 1986, 1, 1: 31]
2. *якэ* ‘дым’	*якэ́* ‘дым’	dʲakiˊ ‘дым’		dʲake dʲakʲi ‘дым’	*jäckə̑- ‘дым’ [SW 1977: 39]

3. *пăдярăха* ‘зеленый, цвета желчи’			роδеraха ‘зеленый’	pɔzeraха ‘зеленый’	*pəʔtä ‘желчь’ [SW 1977: 115] < ПУ *piša ‘желчь’ [UEW 1986, 1, 3: 384]
4. *тăб* ‘песок’	*табъ* ‘песок’		tobo ‘песок’	tɔb(u) ‘песок’	*tlə̑pə̑ ‘грязь, земля’ [SW 1977: 148]
5. *пăриденя* ‘черный’	*пардéна* ‘черный’	pɬʲit͡ɕénа ‘черный’		pəlzer- ‘черный’	
6. *тюку* ‘этот, это’		t͡ɕukʲí ‘этот, это’	tʃikʲi, tʃikʲe, tʃike ‘этот, это’	tʃikʲi, tʃikʲe, tʃik ‘тот, то’	*tü- ‘этот’ [SW 1977: 167]
7. *нямю* ‘язык’	*нямю* ‘язык’		nʲamʲi ‘язык’	nʲamʲi ‘язык’	*äŋ ‘рот’ + *mü ‘внутренний’
8.	*сёнзе* ‘живот’			sɔse ‘живот’	*sünsə̑ ‘грудь’ [SW 1977: 144] < ПУ *śińćä [UEW 1987, 1, 4: 480]
9.	*сарпé* ‘дорога, тропа’			sɔbʲi ‘дорога, тропа’	*sə̑rpä ‘путь’ [SW 1977: 134]
10.	*óлику* ‘маленький’		ulʲajku, ulʲajguu, ulʲajgu ‘маленький’	iblʲe:juk, iblʲe:jku, iblʲa:jku ‘маленький’	
11.			pos’uteo ‘круглый’	pɔʃtej ‘круглый’	

Таблица 5. Маторско-камасинские параллели в стословном списке, у которых нет соответствий в базисной лексике других языков
[*Table 5*. Unique Mator-Kamassian lexical parallels from Swadesh's 100-word list]

Маторский	Камасинский	ПС
1. ād'e ‘дорога, тропа’	*иде* ‘дорога, тропа’	*etå ‘путь, след’ [SW 1977: 24]
2. phüra ‘песок’	*хура* ‘песок’	

Таблица 6. Селькупские слова в стословном списке, у которых нет соответствий в базисной лексике других языков
[*Table 6.* Unique Selkup words from Swadesh's 100-word list]

Таз. сел.	Сург. округ (тазовский говор) VIII в.	В.-тольк. сел.	Нарым. округ (кетский) XVIII в.	Кет. сел.	Н.-чаин. сел. 1879	Ласкино 1967 и 1970 гг.	Нарым. сел.	ПС
1. čɔ̄pi̯qo ‘гореть’		ʧʲora- ‘гореть’						
2. weʧtiˌ ‘дорога, тропа’		vətti ‘дорога, тропа’		vətti ‘дорога, тропа’	*ватóнъ* ‘дорога, тропа’	wátt, wát ‘дорога, тропа’	vat ‘дорога, тропа’	*uəʔt ‘след, путь’ [SW 1977: 30] < ПУ *utka [UEW 1987, 1, 4: 546]
3. kiɒ̯a ‘маленький’	*кы-быля* ‘маленький’	kiɒ̯a ‘маленький’	*кыба* ‘маленький’		*кыбá* ‘маленький’	qiba ‘маленький’	kibá ‘маленький’	
4. koččiˌ ‘много’		koʧʧʲ ‘много’		kwəʧʧi ‘много’	*кóчи* ‘много’	qoč’ə, kóč’ə, koč’ ‘много’	kɔ́tɕ(ik) ‘много’	
5. iɾa ‘мужчина’		iɾa ‘мужчина’						
6. šɛntiˌ ‘новый’		ʃʲenti ‘новый’		sʲendi ‘новый’	*сéнды* ‘новый’	ṣénd, ṣänd ‘новый’	ʃand ‘новый’	
7. topiˌ ‘нога (стопа)’	*топы* ‘нога (стопа)’	topi ‘нога (стопа)’	*тоба* ‘нога (стопа)’	topi ‘нога (стопа)’	*топъ* ‘нога (стопа)’	tob ‘нога (стопа)’	təb ‘нога (стопа)’	*topå ‘коготь, копыто’ [SW 1977: 166]
8. i̯ntäl ‘нос’	*унжель* ‘нос’	inʲʧʲæj ‘нос’						
9. kōra ‘песок’		qora ‘песок’		kora ‘песок’	*корá* ‘песок’	qóːra ‘песок’	kɔ́ra ‘песок’	
10. teḵipiḭ ‘сухой’		tøkimpan ‘сухой’		ʧəkibʲi ‘сухой’			tɕágəbəl ‘сухой’	
11. üŋkiḭsa ‘ухо’	*юнгол-сотъ* ‘ухо’							*jüntə̂- ‘слышать’ [SW 1977: 49]
12. qum ‘человек’	*кубъ* ‘человек’	qum ‘человек’	*куммъ* ‘человек’	qum ‘человек’	*гомъ, комъ* ‘человек’	qop, qup ‘человек’	kup ‘человек’	ПУ *koj(e)mз [UEW 1986, 1, 2: 168]
13. qaj ‘что’	*кае* ‘что’		*кай* ‘что’	qaje ‘что’	*кáй* ‘что’	qái-l, qáj-t ‘что’		ср. тунг. *xai [Blažek 2016]

14. kiḽi ‘грудь’		kiḽɨ ‘грудь’		kiḽi ‘грудь’		qḭ̀l ‘грудь’	kil ‘грудь’	
15. tiriḵ ‘полный’				tɨrɨmbɨitɨj ‘полный’			tɨr ‘полный’	*tirə̑ ~ *terə̑ ‘содержимое’ [SW 1977: 158]
16. kɐ̄ɟiqo ‘сказать’		kət- ‘сказать’		qət- ‘сказать’	*ка́с-, ка́т-* ‘сказать’		kadəgú ‘сказать’	*kɐ̄ɟ(ə)- ‘сказаться’ [SW 1977: 66]
17.	*ига* ‘яйцо’	ɛŋj ‘яйцо’		nʲapʲi ‘яйцо’		n’áb’i ‘яйцо’	n’ab’ ‘яйцо’	ср. кет. ɛ̄ʔj ‘яйцо’, ɛ̄ŋ ‘яйца’
19.	*еганъ* ‘есть (кушать)’	*еганъ* ‘есть (кушать)’						
20.			*чаяга-сомба* ‘белый’	tɨ̈kɨ ‘белый’	*тёгы* ‘белый’	čágə, č’a:R, č’ág ‘белый’	tɐ̈’ag ‘белый’	
21.				pəjja ‘женщина’			paja ‘женщина’	
22.					*máб, máy* ‘этот, это’	táu, táw ‘этот, это’	tav ‘этот, это’	*tə̑- ‘этот’ [SW 1977: 144]

Литература

Бармич, Вэлло 2002 — *Бармич М. Я., Вэлло И. А.* Словарь ненецко-русский и русско-ненецкий (лесной диалект). СПб.: Просвещение, 2002. 288 с.

Быконя 2005 — Селькупско-русский диалектный словарь / под ред. В. В. Быконя. Томск: ТГПУ, 2005. 348 с.

Казакевич, Будянская 2010 — *Казакевич О. А., Будянская Е. М.* Диалектологический словарь селькупского языка (северное наречие) / под ред. О. А. Казакевич. Екатеринбург: Баско, 2010. 368 с.

Коряков 2018 — *Коряков Ю. Б.* Проблема «язык или диалект» и самодийские языки // Урало-алтайские исследования. 2018. № 4(31). С. 156–217.

Старостин 1989 — *Старостин С. А.* Сравнительно-историческое языкознание и лексикостатистика // Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока: мат-лы к дискуссиям на Междунар. конф. (г. Москва, 29 мая – 2 июня 1989 г.). Ч. I. М.: Наука, ГРВЛ, 1989. С. 3–39.

Старостин 2007 — *Старостин С. А.* Труды по языкознанию. М.: Языки славянских культур, 2007. 928 с.

Терещенко 1965 — *Терещенко Н. М.* Ненецко-русский словарь. М.: Сов. энциклопедия, 1965. 942 с.

Урманчиева 2023 — *Урманчиева А. Ю.* Реконструкция лингвистического ландшафта Западной Сибири (на материале самодийских языков): дисс. … д-ра филол. наук. М., 2023. 280 с.

Хелимский 1982 — *Хелимский Е. А.* Древнейшие венгерско-самодийские языковые параллели (Лингвистическая и этногенетическая интерпретация). М.: Наука, 1982. 164 с.

Alatalo 2004 — *Alatalo J.* Sölkupisches Wörterbuch: Aufzeichnungen von Kai Donner, U. T. Sirelius und Jarmo Alatalo (Lexica Societatis Fenno-Ugricae, XXX). Helsinki: Société Finno-Ougrienne, 2004. 465 s.

Blažek 2016 — *Blažek V.* On the classification of the Samoyedic languages. Dedicated to the memory of Eugene Helimski (1950–2007) // Finnisch-Ugrische Forschungen. Bd. 63. 2016. S. 79–125.

Collinder 1960 — *Collinder B.* Comparative grammar of the Uralic languages. Stockholm: Almqvist & Wiksell, 1960. 416 p.

Donner 1944 — *Donner K.* Kamassisches Wörterbuch nebst Sprachproben und Hauptzügen der Grammatik / bearbeitet und herausgege-

ben von A. J. Joki (Lexica Societatis Fenno-Ugricae, VIII). Helsinki: Suomalais-ugrilainen Seura, 1944. 215 s.

Helimski 1997 — *Helimski E.* Die matorische Sprache. Wörterverzeichnis – Grundzüge der Grammatik – Sprachgeschichte. Unter Mitarbeit von B. Nagy (Studia Uralo-Altaica, No. 42). Szeged: Typo System, JATE Finnougor Tanszék, 1997. 475 s.

Helimski 2022 — *Helimski E.* Mator and Northern Samoyed. Materials to a paper read on May 16, 1997 for the Finno-Ugric Society, Helsinki. = Eugen Helimski. Zur Stellung des Matorischen innerhalb der samojedischen Sprachen (Посмертная публикация. Подготовка к изданию и комментарии А. Ю. Урманчиевой) // Siberica et Uralica: In memoriam Eugen Helimski (Studia uralo-altaica. Vol. 56). V. Gusev, A. Urmanchieva, A. Anikin (eds.). Szeged: University of Szeged, 2022. S. 479–495.

Helimski, Kahrs 2001 — *Helimski E., Kahrs U.* Nordselkupisches Wörterbuch von F. G. Mal′cev (1903). Hamburg: Hamburger Finnisch-ugrische und Sibirische Materialien, 2001. 155 s.

Janhunen 1998 — *Janhunen J.* Samoyedic // The Uralic Languages / ed. by D. Abondolo. London: Routledge, 1998. Pp. 457–479.

Kassian et al. 2010 — *Kassian A., Starostin G., Dybo A., Chernov V.* The Swadesh wordlist. An attempt at semantic specification // Journal of Language Relationship. 2010. No. 4. Pp. 46–89.

Katz 1987 — *Katz H.* Zur Phonologie des Motorisch-Karagassisch-Taigischen // Studien zur Phonologie und Morphonologie der uralischen Sprachen. Akten der dritten Tagung für uralische Phonologie (Eisenstadt, 28. Juni – 1. Juli 1984 (Studia uralica 4) / K. Redei (ed.). Wien: Verband der wissenschaftlichen Gesellschaften Osterreichs, 1987. S. 336–348.

Oxford guide 2022 — The Oxford Guide to the Uralic Languages / ed. by Bakró-Nagy M., Laakso J., Skribnik E. Oxford, New York: Oxford University Press, 2022. 1184 p.

Starostin 2004 — *Starostin S.* Preliminary results of application of ‘recalibrated’ glottochronology to classification of Eurasian language families // Paper presented at Workshop on Prehistoric Chronology: Language, Genes and Migrations being held at the Santa Fe Institute, March 2004.

Starostin 2010 — *Starostin G.* Preliminary lexicostatistics as a basis for language classification: A new approach // Journal of Language Relationship. 2010. № 3. Pp. 79–116.

Starostin 2013 — *Starostin G.* Lexicostatistics as a basis for language classification: increasing the pros, reducing the cons // Classification and Evolution in Biology, Linguistics and the History of Science: Concepts – Methods – Visualization / H. Fangerau, H. Geisler, Th. Halling, W. Martin (eds.). Stuttgart: F. Steiner, 2013. Pp. 125–146.

SW 1977 — *Janhunen J.* Samojedischer Wortschatz: Gemeinsamojedische Etymologien (Castrenianumin toimitteita, 17). Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1977. 185 s.

Tadmor 2009 — *Tadmor U.* Loanwords in the world’s languages. Findings and results // Loanwords in the worldś languages: A comparative handbook by M. Haspelmath, U. Tadmor. Berlin: Mouton de Gruyter, 2009. Pp. 55–75.

UEW 1986 — *Rédei K.* Uralisches etymologisches Wörterbuch. Budapest: Akademiai Kiado, Band 1 Lieferung 1-3 (1986), Band 1 Lieferung 4-5 (1987), Band 1 Lieferung 6 (1988), Band 2, 3 (1988). 905 s.

References

Alatalo J. Sölkupisches Wörterbuch: Aufzeichnungen von Kai Donner, U. T. Sirelius und Jarmo Alatalo (Lexica Societatis Fenno-Ugricae XXX). Helsinki: Société Finno-Ougrienne, 2004. 465 p. (In Germ.)

Bakró-Nagy M., Laakso J., Skribnik E. (eds.) The Oxford Guide to the Uralic Languages. Oxford, New York: Oxford University Press, 2022. 1184 p. (In Eng.)

Barmich M. Ya., Vello I. A. Nenets-Russian and Russian-Nenets Dictionary: The Forest Dialect. St. Petersburg: Prosveshchenie, 2002. 288 p. (In Nen. and Russ.)

Blažek V. On the classification of the Samoyedic languages. Dedicated to the memory of Eugene Helimski (1950–2007). *Finnisch-Ugrische Forschungen*. 2016. Vol. 63. Pp. 79–125. (In Eng.)

Bykonya V. V. (ed.) Selkup-Russian Dictionary. Tomsk: Tomsk State Pedagogical University, 2005. 348 p. (In Selk. and Russ.)

Collinder B. Comparative Grammar of the Uralic Languages. Stockholm: Almqvist & Wiksell, 1960. 416 p. (In Eng.)

Donner K. Kamassisches Wörterbuch nebst Sprachproben und Hauptzügen der Grammatik / bearbeitet und herausgegeben von A. J. Joki (Lex-

ica Societatis Fenno-Ugricae VIII). Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1944. 215 p. (In Germ.)

Helimski E. A. Earliest Hungarian-Samoyedic Parallels: Linguistic and Ethnogenetic Interpretations. Moscow: Nauka, 1982. 164 p. (In Russ.)

Helimski E. Die matorische Sprache. Wörterverzeichnis – Grundzüge der Grammatik – Sprachgeschichte. Unter Mitarbeit von B. Nagy (Studia Uralo-Altaica 42). Szeged: Typo System, JATE Finnougor Tanszék, 1997. 475 p. (In Germ.)

Helimski E. Mator and Northern Samoyed. Materials to a paper read on May 16, 1997 for the Finno-Ugric Society, Helsinki (Posthumous publication. Ed. by A. Urmanchieva). In: Gusev V., Urmanchieva A., Anikin A. (eds.) Siberica et Uralica: In memoriam Eugen Helimski (Studia Uralo-Altaica 56). Szeged: University of Szeged, 2022. Pp. 479–495. (In Eng.)

Helimski E., Kahrs U. Nordselkupisches Wörterbuch von F. G. Mal'cev (1903). Hamburg: Hamburger Finnisch-Ugrische und Sibirische Materialien, 2001. 155 p. (In Germ.)

Janhunen J. Samojedischer Wortschatz: Gemeinsamojedische Etymologien (Castrenianumin Toimitteita 17). Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1977. 185 p. (In Germ.)

Janhunen J. Samoyedic. In: Abondolo D. (ed.) The Uralic Languages. London: Routledge, 1998. Pp. 457–479. (In Eng.)

Kassian A., Starostin G., Dybo A., Chernov V. The Swadesh wordlist. An attempt at semantic specification. *Journal of Language Relationship*. 2010. No. 4. Pp. 46–89. (In Eng.)

Katz H. Zur Phonologie des Motorisch-Karagassisch-Taigischen. In: Redei K. (ed.) Studien zur Phonologie und Morphonologie der uralischen Sprachen. Akten der dritten Tagung für uralische Phonologie (Eisenstadt, 28. Juni – 1. Juli 1984 (Studia Uralica 4). Wien: Verband der wissenschaftlichen Gesellschaften Osterreichs, 1987. Pp. 336–348. (In Germ.)

Kazakevich O. A., Budyanskaya E. M. The Selkup Dialect Dictionary: Northern Selkup. O. Kazakevich (ed.). Yekaterinburg: Basko, 2010. 368 p. (In Selk. and Russ.)

Koryakov Yu. B. Language vs. dialect question and Samoyedic languages. *Ural-Altaic Studies*. 2018. No. 4 (31). Pp. 156–217. (In Russ.)

Rédei K. Uralisches etymologisches Wörterbuch. Budapest: Akademiai Kiado, Vol. 1, parts 1-3 (1986). Vol. 1, parts 4-5 (1987). Vol. 1, part 6 (1988). Vols. 2, 3 (1988). 905 p. (In Germ.)

Starostin G. Lexicostatistics as a basis for language classification: increasing the pros, reducing the cons. In: Fangerau H., Geisler H., Halling Th., Martin W. (eds.) Classification and Evolution in Biology, Linguistics and the History of Science: Concepts – Methods – Visualization. Stuttgart: F. Steiner, 2013. Pp. 125–146. (In Eng.)

Starostin G. Preliminary lexicostatistics as a basis for language classification: A new approach. *Journal of Language Relationship*. 2010. No. 3. Pp. 79–116. (In Eng.)

Starostin S. A. Comparative historical linguistics and lexicostatistics. In: Linguistic Reconstruction and Earliest History of the East. Conference discussion proceedings. Pt. 1. Moscow: Nauka — GRVL, 1989. Pp. 3–39. (In Russ.)

Starostin S. A. Writings in Linguistics. Moscow: Yazyki Slavyanskikh Kultur, 2007. 928 p. (In Russ.)

Starostin S. Preliminary results of application of 'recalibrated' glottochronology to classification of Eurasian language families. In: Paper Presented at Workshop on Prehistoric Chronology: Language, Genes and Migrations Being Held at the Santa Fe Institute, March 2004. (In Eng.)

Tadmor U. Loanwords in the world's languages. Findings and results. In: Haspelmath M., Tadmor U. (eds.) Loanwords in the World's Languages: A Comparative Handbook. Berlin: Mouton de Gruyter, 2009. Pp. 55–75. (In Eng.)

Tereshchenko N. M. Nenets-Russian Dictionary. Moscow: Sovetskaya Entsiklopediya, 1965. 942 p. (In Russ.)

Urmanchieva A. Yu. Reconstructing the Linguistic Landscape of Western Siberia: A Study of the Samoyedic Languages. Dr. Sc. (Philology) thesis. Moscow, 2023. 280 p. (In Russ.)

Published in the Russian Federation
Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
Has been issued as a journal since 2008
ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
Vol. 16, Is. 5, Pp. 1367–1381, 2023
Journal homepage: https://kigiran.elpub.ru

УДК / UDC 811.512.3
DOI: 10.22162/2619-0990-2023-69-5-1367-1381

Особенности фразеологического моделирования гендерных стереотипов в тюркских языках

Алтын Куанышбековна Бакытжанова[1], *Гулжан Тыныштыкбаевна Шокым*[2], *Эльмира Темирбаевна Буранкулова*[3], *Багила Курманбеккызы Муратбек*[4], *Гульнар Исамадиновна Есбергенова*[5], *Гульмира Кенесовна Кушкарова*[6]

[1] Институт профессионального развития Академии государственного управления при Президенте Республики Казахстан (д. 33а, просп. Абая 010000, Астана, Республика Казахстан)
кандидат филологических наук
0000-0002-5305-8295. E-mail: altyn051275[at]gmail.com

[2] Актюбинский региональный университет им. К. Жубанова (д. 34, просп. А. Молдагуловой, 030000 Актобе, Республика Казахстан)
доктор филологических наук, профессор
0000-0001-5243-591X. E-mail: shokum[at]mail.ru

[3] Актюбинский региональный университет им. К. Жубанова (д. 34, просп. А. Молдагуловой, 030000 Актобе, Республика Казахстан)
PhD, старший преподаватель, заведующий кафедрой
0000-0002-1218-0411. E-mail: elmira.burankulova[at]inbox.ru

[4] Актюбинский региональный университет им. К. Жубанова (д. 34, просп. А. Молдагуловой, 030000 Актобе, Республика Казахстан)
кандидат филологических наук, доцент
0000-0002-4100-2534. E-mail: baglash[at]mail.ru

[5] Актюбинский региональный университет им. К. Жубанова (д. 34, просп. А. Молдагуловой, 030000 Актобе, Республика Казахстан)
докторант
0000-0003-0015-9014. E-mail: gulnargizem[at]gmail.com

[6] Актюбинский региональный университет им. К. Жубанова (д. 34, просп. А. Молдагуловой, 030000 Актобе, Республика Казахстан)
кандидат филологических наук, доцент
0000-0001-8362-6997. E-mail: gulmira-alihan[at]mail.ru

© КалмНЦ РАН, 2023
© Бакытжанова А. К., Шокым Г. Т., Буранкулова Э. Т., Муратбек Б. К., Есбергенова Г. И., Кушкарова Г. К., 2023

Аннотация. *Введение.* Статья посвящена фразеологическим средствам моделирования гендерных стереотипов, отражающим особенности феминности и маскулинности в тюркских языках — в казахском, татарском, башкирском, узбекском и киргизском языках. *Цель* исследования — отобразить лингвокультурологические особенности фразеологического моделирования гендерных стереотипов в тюркских языках. *Материалом* исследования послужили фразеологизмы, содержащиеся в различных словарях изучаемых тюркских языков. *Результаты* исследования отражены в следующих ключевых тезисах: 1) фразеологизмы представляют собой лингвокультурологические средства моделирования гендерных стереотипов в тюркских языках; 2) лингвокультурологические особенности феминности и маскулинности репрезентируются в исследуемых тюркских языках различными моделями фразеологических единиц, содержащих характерные компоненты кодов культуры; 3) тюркские языки имеют целый ряд сходств и различий в формировании и репрезентации гендерных стереотипов, несмотря на генеалогические связи языков; 4) исследование фразеологического моделирования гендерных стереотипов вносит вклад в развитие гендерных исследований тюркских языков и изучение феномена гендера в тюркской картине мира. *Выводы.* Анализ фразеологического материала показал наличие различных способов моделирования гендерных стереотипов в тюркских языках; выявил лингвокультурологические особенности репрезентации феминности и маскулинности в генетически родственных языках, характеризующихся сходствами и различиями в формировании данных стереотипов; способствовал определению приоритетных компонентов лингвокультурологических кодов, моделирующих особенности гендерных стереотипов в тюркских языках. Значительная часть фразеологизмов выражает гендерные стереотипы через следующие компоненты кодов культуры — астрономический, зооморфный, соматический, вестиментарный, гастрономический, цветовой и предметный, характерные для каждого языка и гендерного пола в отдельности.

Ключевые слова: фразеология, фразеологическое моделирование, гендерная лингвистика, гендерные стереотипы, феминность, маскулинность, тюркские языки, лингвокультурологические коды

Для цитирования: Бакытжанова А. К., Шокым Г. Т., Буранкулова Э. Т., Муратбек Б. К., Есбергенова Г. И., Кушкарова Г. К. Особенности фразеологического моделирования гендерных стереотипов в тюркских языках // Oriental Studies. 2023. Т. 16. № 5. С. 1367–1381. DOI: 10.22162/2619-0990-2023-69-5-1367-1381

Gender Stereotypes in Turkic Languages: Features of Phraseological Modeling

Altyn K. Bakytzhanova[1], *Gulzhan T. Shokym*[2], *Elmira T. Burankulova*[3], *Bagila K. Muratbek*[4], *Gulnar I. Yesbergenova*[5], *Gulmira K. Kushkarova*[6]

[1] Academy of Public Administration under the President of the Republic of Kazakhstan (33A, Abai Ave., 010000 Astana, Republic of Kazakhstan)
Cand. Sc. (Philology), Expert Coach
0000-0002-5305-8295. E-mail: altyn051275[at]gmail.com

[2] K. Zhubanov Aktobe Regional University (34, Moldagulova Ave., 030000 Aktobe, Republic of Kazakhstan)
Dr. Sc. (Philology), Professor
0000-0001-5243-591X. E-mail: shokum[at]mail.ru

[3] K. Zhubanov Aktobe Regional University (34, Moldagulova Ave., 030000 Aktobe, Republic of Kazakhstan)
PhD, Senior Lecturer, Head of Department
0000-0002-1218-0411. E-mail: elmira.burankulova[at]inbox.ru

[4] K. Zhubanov Aktobe Regional University (34, Moldagulova Ave., 030000 Aktobe, Republic of Kazakhstan)
Cand. Sc. (Philology), Associate Professor

0000-0002-4100-2534. E-mail: baglash[at]mail.ru

[5] K. Zhubanov Aktobe Regional University (34, Moldagulova Ave., 030000 Aktobe, Republic of Kazakhstan)
PhD Student
0000-0003-0015-9014. E-mail: gulnargizem[at]gmail.com

[6] K. Zhubanov Aktobe Regional University (34, Moldagulova Ave., 030000 Aktobe, Republic of Kazakhstan)
Cand. Sc. (Philology), Associate Professor
0000-0001-8362-6997. E-mail: gulmira-alihan[at]mail.ru

© KalmSC RAS, 2023
© Bakytzhanova A. K., Shokym G. T., Burankulova E. T., Muratbek B. K., Yesbergenova G. I., Kushkarova G. K., 2023

Abstract. *Introduction.* The article deals with phraseological means of modeling gender stereotypes that reflect certain femininity- and masculinity-related peculiarities observed in the Turkic languages. Gender stereotypes are a key category of contemporary gender linguistics. The typological study of gender stereotype modeling phraseological tools across a number of Turkic languages makes it possible to outline some linguistic and cultural features inherent to the phraseological representation of femininity and masculinity in Kazakh, Tatar, Bashkir, Uzbek, and Kyrgyz. *Goals*. The work seeks to describe linguistic and cultural features of phraseological gender stereotype modeling in the Turkic languages. *Materials*. The paper focuses on phraseological units contained in various dictionaries of the examined Turkic languages, in particular, phraseological, explanatory and bilingual ones. *Results*. The study yields a number of key theses as follows: 1) phraseological units serve as linguistic and cultural means of modeling gender stereotypes in the Turkic languages; 2) linguoculturological features of femininity and masculinity are represented in the investigated Turkic languages by various models of phraseological units containing characteristic components of cultural codes; 3) certain Turkic languages have a number of typological similarities and differences in the formation and representation of gender stereotypes, irrespective of actual genealogical connections between corresponding languages; 4) the study of phraseological gender stereotype modeling shall contribute to further development of gender studies and provide deeper insights into the phenomenon of gender in the Turkic worldview. *Conclusions*. The analysis of phraseological material shows the Turkic languages are distinguished by various ways of gender stereotype modeling, reveals some linguoculturological features of representing femininity and masculinity in genetically related languages characterized by certain similarities and differences in the formation of such stereotypes, contributes to the identification of priority components of linguoculturological codes that shape the peculiarities of gender stereotypes in Turkic languages. A significant part of phraseological units express gender stereotypes through the following components of cultural codes — astronomical, zoomorphic, somatic, vestimentary, gastronomic, color and physical ones — that are characteristic of each language and gender separately.

Keywords: phraseology, phraseological modeling, gender linguistics, gender stereotypes, femininity, masculinity, Turkic languages, linguistic and cultural codes

For citation: Bakytzhanova A. K., Shokym G. T., Burankulova E. T., Muratbek B. K., Yesbergenova G. I., Kushkarova G. K. Gender Stereotypes in Turkic Languages: Features of Phraseological Modeling. *Oriental Studies*. 2023; 16(5): 1367–1381. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2023-69-5-1367-1381

1. Введение

Исследование особенностей фразеологического моделирования гендерных стереотипов в казахском, татарском, башкирском, узбекском и киргизском языках характеризуется многоаспектным подходом к проблемам фразеологической репрезентации и категории гендерных стереотипов.

Современные труды в области фразеологии, гендерной лингвистики и тюркских языков показывают различные тенденции в методологических подходах и метаязыковом плане в отношении изучения гендерных стереотипов. Обзор научной литературы позволяет констатировать, что, несмотря на разные исследования, малоизученными остаются вопросы фразеологического моделирования гендерных стереотипов в тюркских языках, так как категории гендерной лингвистики еще недостаточно представлены и изучены в тюркском языкознании.

Вместе с тем следует признать, что категории гендерной лингвистики как отдельной научной дисциплины, в том числе феминных и маскулинных стереотипов, средства их моделирования в языке вызывают споры не только в тюркском языкознании, но и в общей теории современной лингвистики [Мукова 2011: 29]. Феномен гендера в тюркологии не рассматривался с точки зрения гендерной лингвистики (в основном как объект сопоставительных исследований), хотя гендерная картина мира тюркских языков отличается самобытностью средств моделирования, в нашем случае — фразеологических средств языка (далее — ФЕ). В данном исследовании в состав ФЕ мы не включаем пословицы и поговорки в связи с тем, что придерживаемся традиционного понимания фразеологии как системы включающей устойчивые словосочетания, равнозначные по функции слову. ФЕ в нашем понимании — это устойчивые единицы языка, способные образно и вербально выразить самобытное представление о мире и своем феномене бытия носителями определенной лингвокультуры [Бадмаева 2010: 117].

Вопросы фразеологического моделирования гендерных стереотипов рассматривались на материале славянских, германских и тюркских языков, в частности, в сопоставительном аспекте с целью выявления типологии семантических особенностей концептосфер языков, грамматической организации, стилистических средств и способов перевода либо описания особенностей одного языка. В качестве основных трудов можно назвать исследования В. Л. Архангельского [Архангельский 1964], Н. Ф. Алефиренко [Алефиренко 1993]; В. Н. Телии [Телия 1996], Д. Ч. Малишевской [Малишевская 1999], М. А. Алексеенко, Т. П. Белоусовой, О. И. Литвинниковой [Алексеенко, Белоусова, Литвинникова 2004]; Э. С. Хузиной [Хузина 2012] и др.

В современных исследованиях ФЕ заметно актуализировались вопросы гендерной социализации языка в связи с развитием гендерного фактора как социокультурного феномена. «Гендер — это сложное социокультурное образование, включающее в себя различия в социальных ролях, поведении, ментальных и эмоциональных характеристиках мужчин и женщин» [Буянова, Волошина 2017: 117]. В контексте такого понимания гендера фразеологические средства тюркских языков могут быть представлены как уникальные фразеологические модели, репрезентирующие систему социокультурных отношений, ролей, статусов мужчин и женщин в различных сферах социальных институтов общества, а также их характерные качества, отражающие феминные и маскулинные стереотипы. Под гендерным стереотипом, согласно определению А. В. Кирилиной, понимается «культурно и социально обусловленные и прочно закрепленные в общественном сознании мнения о качествах, атрибутах и нормах поведения представителей обоих полов» [Кириллина 1999: 27–28].

В этой связи данная статья ставит своей целью рассмотреть лингвокультурологические особенности фразеологизмов с гендерной семантикой как уникальных средств моделирования гендерных стереотипов в тюркских языках.

2. Материалы и методы

Исследовательский материал представлен различными лексикографическими и фразеографическими источниками изучаемых тюркских языков:

– фразеологические словари [КУРФС 1980: 11; КРФС 1988: 45; РБФС 1989: 233–235; ССФ 2010: 77–79; ФСТЯ 1989: 217–219; КТФС 2001: 415–418; ССФ 2010: 77–79];

– толковые словари [АСБЯ 2011: 60–71; ТСКЯ 1986: 191–194];

– двуязычные словари [ТРС 2007: 88–91; КРС 1965: 65–75];

– этимологические словари [УТЭЛ 2000: 351–355].

Данные источники обеспечили оптимальную выборку и систематизацию ФЕ

тюркских языков, содержащих гендерную семантику. В итоге исследовательский материал — гендерный фразеологический корпус тюркских языков был сформирован из более чем 1 300 единиц в совокупности, в том числе 485 ФЕ в казахском языке [ССФ 2010]; 240 ФЕ в татарском языке [ФСТЯ 1989], 229 ФЕ в башкирском языке [РБФС 1989]; 213 ФЕ в узбекском [КУРФС 1980] и 153 ФЕ в киргизском языке [КТФС 2001].

Основополагающими методами исследования выступили: общенаучные методы (описательный, наблюдения, сравнения, интерпретативный и т. д.), методы сплошной выборки и статистические методы в работе с лексикографическими и фразеографическими источниками (отбор, классификация, систематизация фразеологического материала), когнитивно-семантический и компонентный анализ лингвокультурологического описания фразеологического значения, метод оппозиций для выявления характеристик феминного и маскулинного противопоставления в тюркской фразеологии, метод моделирования для фразеологического структурирования гендерных стереотипов. Применение данных методов позволило обеспечить комплексный подход к изучению лингвокультурологических особенностей ФЕ с гендерной семантикой и определить их как уникальные средства моделирования гендерных стереотипов в тюркских языках — казахском, татарском, башкирском, узбекском и киргизском.

Гендерные факторы в языке как самобытный феномен фразеологического описания вызывают научный интерес в парадигме современных гуманитарных наук и методологических подходов, актуализирующих антропологические и гендерные исследования в национальных языках, способствуя развитию теоретических и методических основ исследований.

Поскольку ФЕ обладают репрезентативной функцией национально-культурной самобытности языка, не вызывает сомнений, что данное исследование способствует развитию научных подходов к определению ФЕ языка как уникальных средств моделирования гендерных стереотипов, отражающих особенности феминной и маскулинной природы человека в тюркской лингвокультуре.

3. Исследования гендерной проблематики на материале ФЕ

В связи с тем, что проблема гендера в тюркской фразеологии является малоизученной, гендерные стереотипы как ключевая категория гендерной лингвистики недостаточно представлены в соответствующих фундаментальных исследованиях. В отношении к тюркским языкам еще рано говорить о гендерной фразеологии как самостоятельно развивающейся научной отрасли с устоявшимся терминологическим аппаратом, системой методологических подходов, четко определенной структурой, научными традициями и т. д. Фразеологические исследования в области изучения гендерной проблематики демонстрируют наиболее широкий взгляд, который отражается в тематике и объекте исследований, а также междисциплинарный характер в выборе предмета исследования. Такие исследования проводились в большинстве на материале славянских и германских языков, а также в сопоставительных исследованиях с привлечением фразеологического материала одного или нескольких тюркских языков для сравнения с языком-эталоном, например, в исследованиях И. В. Зыковой [Зыкова 2003], М. М. Магамедовой [Магамедова 2006], В. С. Самариной [Самарина 2010], К. С. Волошиной [Волошина 2010], С. Ц. Дашиевой [Дашиева 2011], А. Л. Кормильцевой [Кормильцева 2015], О. Н. Калининой [Калинина 2017] и других.

Как отмечает И. В. Зыкова, фразеология определяет универсальность и характерные особенности любой конкретной национальной картины мира, запечатленной в знаковой системе вторичной номинации с помощью метафор, сравнений, символов, стереотипов, эталонов. Данный факт делает фразеологию весьма перспективной и многообещающей областью с точки зрения гендерных исследований. Гендерные исследования на материале фразеологических единиц помогают раскрыть не только современное видение и представление о культурных категориях маскулинности и феминности, но и длительный процесс эволюционного развития древнейшей архетипической оппозиции «мужчина – женщина» [Зыкова 2003: 10–11]. На наш взгляд, данный тезис подтверждает актуальность фразеологического описания гендерных стереотипов и об-

условливает необходимость развития исследований в тюркских языках.

Лингвокультурологическую природу гендерных факторов в языке и фразеологии можно также обосновать на основе концепций языковой картины мира Н. Д. Арутюновой [Арутюнова 1999], В. А. Масловой [Маслова 2001], Ю. С. Степанова [Степанов 2004], которые предопределяют особую значимость фразеологического исследования гендерной проблематики в связи с тем, что «фразеологический корпус представляет собой часть языковой картины мира» [Кормильцева 2015: 6].

О ФЕ как продуктивных средствах концептуализации и вербализации гендерного фактора или механизма в языке, способных фиксировать гендерную стереотипизацию женственности и мужественности, свойственную коллективному сознанию, а также отражающих в образной форме национально маркированные коннотации и стереотипы через гендерные компоненты-маркеры, писали в своих научных трудах К. С. Волошина [Волошина 2010], В. С. Самарина [Самарина 2010], С. Ц. Дашиева [Дашиева 2011], а также С. С. Сафонова, О. А. Чупрякова и Э. Р. Замалютдинова [Сафонова, Чупрякова, Замалютдинова 2017], Т. И. Григорьева и В. Л. Моисеева [Григорьева, Моисеева 2019], Г. Т. Шокым и др. [Shokym et al. 2023].

4. ФЕ в свете семантической классификации В. Г. Гака

Лингвокультурологический потенциал фразеологического фонда тюркских языков обеспечивает трансляцию ценностных ориентиров конкретного народа, что позволяет описать культурно маркированные модели гендерных стереотипов и определить особенности гендерной сферы тюркской лингвокультуры, моделируемых ФЕ.

Исходя из нашего тезиса, предлагаем обратиться к семантической классификации фразеологизмов, предложенной известным ученым В. Г. Гаком [Гак 1999: 262–265]:

1) национально-специфические ФЕ, являющиеся культурно обусловленными;

2) национально-специфические ФЕ, не обусловленные особыми фактами культуры;

3) культурно обусловленные ФЕ, но лишенные национальной специфики (имеют аналоги в сопоставляемом языке, обычно из заимствованных или общих источников);

4) лишенные национальной специфики и культурно-исторической обусловленности, образуются вследствие сходной образности.

На наш взгляд, данная классификация вполне применима для анализа фразеологического материала с гендерной семантикой и позволяет проследить способы фразеологического моделирования гендерных стереотипов в изучаемых тюркских языках. Обратимся к анализу ФЕ на основе классификации В. Г. Гака. Анализ ФЕ выявил следующие результаты:

1) национально-специфические ФЕ с гендерной семантикой, являющиеся культурно обусловленными. К этой группе были отнесены ФЕ, отражающие национально-культурные реалии конкретного этноса, например: *күйеуге төс беру* ‘угощать зятя грудинкой (национальный обычай)’ (казахский) [КРФС 1988: 78]; *кияү пилмәне* ‘пельмени для зятя’ (татарский) [ФСТЯ 1989: 65]. Как видно из примеров, *күйеуге төс беру* и *кияү пилмәне* связаны со свадебными обрядами казахов и татар, однако на примере этих языков можно увидеть, что казахи подают *күйеу бала* ‘зятю’ *төс* (грудинку, обычно баранины), у татар — это пельмени. Вместе с тем следует учитывать, что *төс* подается казахскому зятю со стороны семьи и родственников жены не только во время свадебной церемонии, а на протяжении всей его супружеской жизни. Сравните, например, в русском языке: к теще на блины. Традиция *шаш сипату*, что буквально означает ‘позволить гладить волосы’, зафиксированная в гендерной фразеологии казахов, является только свадебным обрядом, который осуществляется молодоженом (женихом) в момент женитьбы, когда к нему подводят невесту. Обычно это делается через женский платок, на современных свадебных торжествах казахов сейчас этот обряд возобновляется, но жених дотрагивается руки (не волос) невесты, также через платок (обычно белого цвета). Обряд регулируется только женщинами, являющимися для невесты *женге* — женой старшего брата или других мужчин-родственников (при отсутствии родных женге) [КУРФС 1980: 11; КРФС 1988: 45; РБФС 1989: 233; ССФ 2010: 77];

2) национально-специфические ФЕ с гендерной семантикой, не обусловленные особыми фактами культуры. Сюда отнесены ФЕ, которые отражают универсальные

реалии жизни, но имеют национально маркированные представления об этих реалиях: каз. *кіндік шеше* (букв.: *кіндік* ‘пуповина’, шеше ‘мать’) ‘женщина, перерезавшая пуповину новорожденного’ [ТСКЯ 1986: 191]; узб. *cho'qintirgan ona* ‘благословившая мать’ [УТЭЛ 2000: 351]; кирг. *өкүл эне* ‘названная мать’ [КРС 1965: 75]; тат. *исем анасы* ‘названная мать’ [ТРС 2007: 88].

Как видно из примеров, ФЕ номинируют лицо женского пола, обычно с положительной коннотацией и одобряемым носителями языка стереотипным представлением роли названной матери. ФЕ возникли из опыта женщин, роды которых происходили обычно дома, поэтому пуповину перерезала обычно более опытная, статусная, уважаемая женщина, например в речи казахов можно было услышать: «А кто *кіндік шеше* этого ребенка или молодого человека?» — т. е. на кого он / она похож своим поведением, характером, нравами? Качества ребенка, подростка или молодого человека связывали с качествами *кіндік шеше*. В роли *кіндік шеше* могла выступать женщина, которая сама является матерью, успешной в браке, благополучной, реализованной в важных женских ипостасях — в роли жены, невестки, матери, бабушки, прабабушки. Поэтому *кіндік шеше* (крестная мать) имеет только положительную стереотипную коннотацию во всех тюркских языках и характеризует уважаемую, статусную, достойную женщину. Следует подчеркнуть, что в традиционной тюркской лингвокультуре роль так называемой «крестной» всегда отводилась только женщине (которая физически перерезала пуповину — *кіндік*), поэтому она — *кіндік шеше*. В современной лингвокультуре применяется выражение *өкіл ана* и *өкіл әке*, буквально в переводе ‘представитель-мама, представитель-папа’, т. е. названные (*өкіл*) мать и отец (в том же значении, что крестные родители). Речь идет о мужчине и женщине (в основном семейной паре), которым делегирована честь (роль) названых родителей встретить (встреча при выписке) из родильного дома новорожденного (так как они не перерезают пуповину, только встречают с подарками и являются названными родителями). Однако стереотипные представления о женщине — названной маме крестника (и теперь уже о мужчине-крестном) сохранены: это достойные, уважаемые, благополучные, успешные личности (ребенок будет равняться на них, они будут примером и гордостью). Интересно сравнить с аналогичными ФЕ крестную мать и крестного отца в славянской лингвокультуре — семантика связана с религиозным обрядом (крещением), а крестные родители являются духовными покровителями крестника. Отсюда следует, что современная лингвокультура фиксирует новые ФЕ — *өкіл ана* и *өкіл әке*, относящиеся к обоим полам — лицам женского и мужского пола [АСБЯ 2011: 65; ТСКЯ 1986: 194];

3) культурно обусловленные ФЕ с гендерной семантикой, но лишенные национальной специфики (имеют аналоги в сопоставляемом языке, обычно из заимствованных или общих источников) — включены ФЕ с единым этимологическим источником и не отличающиеся национальным мировидением: тат. *Мәрьям ана*; узб. *Хаиа апа*; каз. *Хауа ана*, аналогично в русском переводе Дева Мария [УТЭЛ 2000: 355]. Данные ФЕ выражают положительное стереотипное представление о женщине (чаще пожилой), отличающейся мудростью, жизненным опытом, гуманностью, духовностью, добродетелями. Вместе с тем данная ФЕ содержит религиозную семантику, что в основном характерно для гендерных ФЕ, характеризующих маскулинные стереотипные представления в тюркских языках;

4) ФЕ с гендерной семантикой, не характеризующиеся национальной спецификой и культурно-исторической обусловленностью, образуются вследствие сходной образности, например: каз. *ана тілі*; тат. *ана теле*; узб. *ona tili*; кирг. *эне тили* — в приведенных примерах (‘букв. язык матери’) наблюдаем нейтральную фразеологическую семантику, ФЕ означает ‘родной язык’. Интересно отметить, что в башкирском языке аналогичная семантика выражается ФЕ *туған тел* (‘букв. родной язык’) без именного гендерного компонента *ана* ‘мать’, но семантически связанным и исходящим от особой репродуктивной функции женщины — *туған* ‘родившая’, т. е. язык той женщины, которая родила тебя на свет [ТРС 2007: 89; КРС 1965: 69].

Как видно из примеров, в большинстве тюркских языков (например, так же и в турецком языке — *ana dili*, ‘букв. язык матери’ [БТРС 2009: 87], родной язык — это язык матери. Мать, женщина — источник духов-

ного, внутреннего, ментального мира для ее детей, а также семейного очага, поэтому в тюркской лингвокультуре зафиксировано множество факторов, отражающих особое отношение к воспитанию девочки и девушек — это традиционные взгляды феминного воспитания и устоявшиеся стереотипные представления в подготовке к будущему материнству. Поэтому девочек и девушек воспитывают с точки зрения нравственной, гендерной, социальной и духовной социализации личности. Воспитание феминной культуры опирается на положительные образы добропорядочной, благовоспитанной, почтительной женщины — супруги, хранительницы очага, матери.

5. Социокультурный анализ ФЕ

В отношении приведенного нами тезиса можно отметить социокультурный подход к исследованию феминных и маскулинных категорий гендерной тематики, который мы обнаруживаем, например, в труде Э. С. Хузиной: «Каждому из полов в данной культуре приписывается ряд обязательных норм и оценок, регламентирующих гендерное поведение. Эта регламентация отражается в языке в виде устойчивых сочетаний, например: *Хатын-кызның бөтен матурлыгы, бөтен күрке – ана булуда* ‘Вся красота, вся прелесть женщины — в материнстве’; *Ир — гаилә башлыгы* ‘Мужчина — глава семьи’ и др. Язык, таким образом, является одним из важнейших источников знания о гендерной стереотипизации и ее изменений во времени, т. к. гендерные стереотипы могут быть реконструированы на основании анализа структур языка» [Хузина 2012: 8]. Исследуя гендерную стереотипизацию в татарском языке, Э. С. Хузина справедливо признает, что изучение лингвистической природы гендерных стереотипов и особенностей их отражения в языке предопределяются, главным образом, социокультурной обусловленностью обоих полов, их ритуализацией и институционализацией. По мнению ученого, «мужественность» и «женственность» (маскулинность и феминность) воплощаются в гендерных стереотипах и в значительной степени обусловлены культурной традицией [Хузина 2012: 9]. В этой связи фразеологическое моделирование гендерных стереотипов, несомненно, должно включать связанные с ними культурные факторы и средства репрезентации данных стереотипов в системе языка. Концептуальные категории «мужественность» и «женственность» также опираются на описание стереотипных представлений, поскольку воплощаются в них как лингвокультурологические факторы [Хузина 2012: 15].

В ходе исследования гендерного фактора в тюркской фразеологии мы обнаружили, что стереотипные представления о маскулинности и феминности, репрезентативные стратегии положительной и отрицательной характеристики мужчин / джигита и женщин / девушек обусловливаются лингвокультурологическими особенностями языковой картины мира носителей данных языков. Так, например, проанализированный корпус ФЕ с гендерной семантикой позволил выделить несколько групп — подсистем стереотипизации в системе феминности и маскулинности. Обратимся к анализу фразеологических моделей, характеризующих стереотипные образы *женщин и мужчин* в тюркской лингвокультуре, которые классифицированы нами в следующие подсистемы:

1. Стереотипная модель, представленная вестиментарными компонентами кода культуры — как показал анализ, данные ФЕ моделируют женский образ через следующие вестонимы: *жаулык* ‘платок’ и *етек* / *итәк* ‘подол’, реже — *етік* ‘подол’, *шалбар* / *чалбар* ‘брюки’. Следует отметить, что метафоризация женского образа также осуществляется через данные вестонимы: *ақ жаулық* (‘букв. белый платок’) — замужняя женщина, женщина-мать, женщина старшего поколения; *төмен етек* (‘букв. низкий подол’) — баба, женщина, обычно с низкой стилистической коннотацией, характеризующей социальный статус женщины. ФЕ *етегі ашылмаған* (‘букв. не раскрывшийся подол’) в значении ‘целомудренная’; каз. *етегі қанамаған* (‘букв. не кровившийся подол’) в значении ‘бесплодная; никогда не рожавшая’; тат., баш. *итәк-еңде йыйыу* (‘букв. собрать рукава и подол’) означает ‘привести себя в порядок; привести в порядок свой дом’, баш. *итәк тулы* (‘букв. наполненный подол’) означает ‘многодетная женщина’ [ССФ 2010: 79; ФСТЯ 1989: 217; РБФС 1989: 234].

Интересно фразеологическое моделирование стереотипного образа мужчины-подкаблучника через вестоним *етек* ‘подол’:

каз. *етек басты қылды* (‘букв. сделавшая (о женщине) мужчину, с головой ушедшего в подол’) характеризует мужчину, покорившегося своей жене, ушедшего вместе с ней в бытовую сферу жизни. Так как в тюркской лингвокультуре зафиксированы стереотипы и нормы, регулирующие женские (феминные) и мужские (маскулинные) дела, поступки, поведение, роли, деятельность и т. д., положительный стереотипный образ мужчины моделируется через следующие представления: мужчина не вмешивается в кухонные вопросы, дела семейного быта, поскольку женщина — хранительница очага, она создает уют, комфорт, регулирует все вопросы, связанные с хозяйством. Поэтому мужчина не возится возле очага и своего «подола», т. е. возле своей жены. Настоящий, достойный мужчина — человек вне дома (каз. *ер адам түзде* — мужчина на заработках, в степи, на передовой, в обществе), недостойный мужчина — крутится вокруг подола, т. е. *етек басты еркек*. Поэтому *етек басты еркек* (‘букв. мужчина, с головой ушедший в подол’) звучит как оскорбление для достойного и уважающего себя мужчины. Вестоним *етік* ‘сапог/и’ встречается в ФЕ тат. *ике сыңар бер кием* в значении ‘подходящие друг другу люди’, фразеологическая модель опирается на метафору *пара сапог* — подходящие друг другу люди, сходные по взглядам, поведению, а особенно — по недостаткам, обычно применяется в неодобрительном значении в отношении *супружеской пары* (пара сапог) — мужа и жены, «сто́ящих» друг друга, соответствующих друг другу по недостаткам, отрицательным качествам. Через вестоним *чалбар* фразеологическая модель тат., баш. *чалбар төбе туздыру* (‘букв. изнашивать низ брюк’) репрезентирует лицо мужского пола, создается стереотип отрицательного образа мужчины, занимающегося бесполезным делом, попусту протирающего брюки / штаны, например, в народе чаще неодобрительно говорят так о мужчинах-чиновниках, они своей моделью поведения — бездействием, излишней бюрократией создали отрицательный стереотипный образ о себе [АСБЯ 2011: 68; ТСКЯ 1986: 193; ТРС 2007: 88; РБФС 1989: 234].

2. Стереотипная модель, представленная *астронимическими* компонентами кода культуры. К ним отнесены ФЕ, моделирующие красоту женщины через эстетические стереотипные образы: узб. *юзида ой кўринади* (‘букв. на лице видна луна’) ‘луноликая красавица’; каз. *жаңадан туған ай секілді* (‘букв. словно только родившаяся луна’) ‘прекрасная, миловидная’; баш. *бер бите ай, бер бите ҡояш* (‘букв. одна щека луне подобна, другая — солнцу’) ‘красавица неописуемая’ [КУРФС 1980: 15; ССФ 2010: 79; РБФС 1989: 235] и др. Как показал анализ, почти все ФЕ данной группы репрезентируют женскую красоту через *астронимы — луна*, *солнце*, *звезды*, которые также часто применяются и в женских именах собственных (*Айгуль* — Лунный цветок, *Айсулу* — Лунная красавица, *Жулдыз* — Звезда, *Кунсулу* — Солнечная красавица и т. д.). Следует отметить, что среди тюркских мужских имен часто встречается астроним *ай* ‘луна’ — *Айбар* ‘луноподобный’, *Айсултан* ‘лунный красавец, повелитель луны’, *Айдос* ‘лунный друг’ и др., что отражает в лингвокультуре значимость внешней красоты, привлекательности, статности и для мужчины. Астрономические компоненты в тюркской фразеологии чаще всего употребляются в моделировании положительных стереотипных женских образов [УТЭЛ 2000: 354; РБФС 1989: 235; КРС 1965: 66].

3. Стереотипная модель, представленная гастрономическими компонентами кода культуры: казах. *алма мойын* (‘букв. шея как яблоко’) ‘красивая, с тонкой шеей’, *үріп ауызға салғандай* (‘букв. подуть и в рот положить, хоть съешь’) ‘красивая, милая’; тат. *авызы уймак, бите коймак* (‘букв. ротик с наперсток, личико, как оладушек’) ‘милая, красивая, нежная’ и др. Отрицательное стереотипное представление мужчины моделируется ФЕ в баш. *арыш боламығы* (‘букв. кашица из ячменя’) ‘несмелый, мямля, размазня, слабовольный’ (ирский), аналогично русской ФЕ: *ни рыба ни мясо* [УТЭЛ 2000: 351; РБФС 1989: 233; КРС 1965: 67].

4. Стереотипная модель, представленная соматическими компонентами кода культуры. Данную группу представили ФЕ, включающие в свой состав соматизмы, которые создают феминный стереотип: узб. *ай десе аўзы бар, кун десе кѳзи бар* (‘букв. рот как луна, глаза как солнце’) ‘писаная красавица’, аналогичные ФЕ в каз. — *ай десе аузы бар, кун десе кѳзі бар*; баш. *теле татлы* (‘букв. сладкий язык’) ‘сладко говорит, мяг-

ко стелет, с хитрецой’; в каз. и баш. — *ауыр аяқлы* (‘букв. тяжелые, отяжелевшие ноги’) в значении ‘беременная женщина’; но в татарском языке соматизм ноги для репрезентации данного стереотипного образа женщины не употребляется, речь идет только о «грузе» женщины, сравните: тат. *йөкле хатын* (‘букв. женщина с грузом, груженная, навьюченная’) ‘беременная женщина’. Следует отметить, что в тюркских языках достаточно фразеологизмов с соматизмами, характеризующими неподобающее феминное поведение, и репрезентирующее отрицательную модель женщины: *бетін жыртты* (‘букв. исцарапать, рвать лицо’) ‘оплакивать покойника’ и в значении ‘женщина, которая истерит, бранится’, *бетін шымшыды* (‘букв. щипать лицо’) ‘язвить, задевать словами, подкалывать’ и ‘выражать пристыженность’. Данные ФЕ не употребляются в отношении мужского лица (фразеологизмы-табу для моделирования маскулинного стереотипа), так как существует тюркское стереотипное представление коммуникативной модели мужчины: *мужчина не скандалит*, *не вступает в перепалку*, *не сплетничает*, *немногословен*, *не разбрасывается пустыми словами*, *говорит мало и по сути*, *ему чужды словесные баталии* и *говорливость*. На таких стереотипных представлениях воспитывается будущий мужчина в тюркской культуре: перечисленные стереотипные характеристики считаются нормой, стандартным поведением мужского лица, поэтому *отрицательный образ* мужчины всегда характеризуется через *многословность*, *говорливость*, *балаболство*, *пустословие*, *бахвальство*. Мужчина участвует в воспитании детей также не «словами», а «бровями» (намекающим взглядом, визуальной коммуникацией, молчаливым образом) и личным примером (поступками, делами). Соматизм *рот* во фразеологическом моделировании *мужчины* употребляется для положительного стереотипного образа (неговорливого болтуна) *ловкого*, *проворного*, *у которого все играет в руках и получается*, например, в баш.: *ауызы менән ҡош тота* (‘букв. ртом ловит птиц’) и др. [ТРС 2007: 90; РБФС 1989: 234].

5. Стереотипная модель, представленная цветовыми компонентами кода культуры: каз. *сарала етек* (‘букв. желто-пегий подол’) ‘грязнуля, неряха’; каз. *ақ дидар* (‘букв. белое лицо’) ‘белоликая; светлый образ женщины’; каз. *қызыл бет* (‘букв. краснощекая, красное лицо’) ‘симпатичная, миловидная’; узб. *ак йөзле* (‘букв. белое лицо’) ‘белоликая’; тат. *кара елан* (‘букв. черная змея’) ‘коварная женщина’; кирг. *кыздын көзү кызылда* (‘букв. глаза девушки на красном’) ‘женщины любят красивое, красоту’ [ТСКЯ 1986: 192; УТЭЛ 2000: 355; ТРС 2007: 91; КРС 1965: 75] и др.

Цветовые компоненты участвуют в моделировании образа женщины, характеризующейся по внешности, поведению, характеру, гендерным предпочтениям. Стереотипные представления положительного образа феминности моделируются в основном с употреблением цветообозначений *белый / светлый и красный*, характеристика с негативной коннотацией — *черный*. В отношении лиц мужского пола встречаются ФЕ с цветовым компонентом — *ақ* ‘белый’, например: каз. *ақ сұңқар* (‘букв. белый сокол’) ‘настоящий, истинный джигит’; тат., каз. *ак сакаллы* (‘букв. белая борода’) ‘аксакал, старец, уважаемый мужчина в возрасте’ и др. [ТРС 2007: 91; КРС 1965: 69].

6. Стереотипная модель, представленная предметными компонентами кода культуры (предметы быта): каз. *оймақ ауыз* (‘букв. ротик с наперсток’) в значении «миловидная», *есік көрген* (‘букв. видавшая, открывавшая дверь’) ‘разведенная женщина’, *босаға аттады* (‘букв. перешагнула порог — порог дома мужа’) ‘стала замужней’; узб. *эркак супурги* (‘букв. длинный веник’) ‘неуклюжая женщина’; тат. *чиләгенә күрә капкачы* (‘букв. по ведру и крышка’) ‘друг другу подстать в недостатках, два сапога пара’, обычно о муже и жене неодобрительно; баш. *иләк ауыҙ* (‘букв. рот как сито’) ‘женщина-сплетница, говорливая, не держит язык за зубами’, *авызы уймак, карыны капчык* (‘букв. рот с наперсток, а желудок как мешок’) ‘прожорливая женщина, много ест’ и др. Как показал фразеологический материал, компоненты, выражающие предметы быта, часто употребляются в моделировании лица женского пола как в положительном, так и отрицательном стереотипном образе. Данный факт подтверждает тезисы о том, что в тюркской культуре женщина тесно связана с бытом, хозяйством, кухней, благоустройством дома, домашней утварью («домоуправительница, хранительница очага»),

поэтому в моделировании ее стереотипных качеств активно участвуют данные предметные коды культуры — моделирование ее образа через то, что ее окружает ежедневно, чем она живет, управляет, пользуется и т. д. Стереотипные образы мужчины реже моделируются через предметы быта — *қазан* ‘казан’, *уқлау* ‘скалка’, *арқан* ‘аркан’ и др., например: каз. *қазан бұзар қырыс* (‘букв. сморщенный, упрямый мужчина, разбивающий казан’) ‘задира, драчун, смутьян’; баш. *уҡлау йотҡан кеүек* (‘букв. словно проглотил скалку’) ‘статный, высокий, видный’. ФЕ данного типа моделируют обычно характер, поступки, поведение мужчины с положительной и отрицательной коннотацией [КРФС 1988: 45; КУРФС 1980: 15; ТРС 2007: 91; РБФС 1989: 233].

7. Стереотипная модель, представленная зооморфными компонентами кода культуры. Данная фразеологическая модель характерна в основном в стереотипизации лица мужского пола, ярко выражены метафорические основы ФЕ с наименованиями животных и зверей (лев, волк, лошадь, верблюд, осел, собака; реже — *орнитонимов* (наименований птиц) — петух, сокол), например: каз. *кәрі тарлан* ‘старый волк’ в значении «мастер своего дела, опытный», *күлге шөккен кәрі бура* ‘состарившийся на золе верблюд’ в значении «выдохшийся; обессилевший мужчина пожилого возраста»; каз., тат. *арыстан / арыслан жүрек* ‘с сердцем льва’ в значении «бесстрашный герой, мужественный»; кирг. *ит кууп жүрүү* ‘гонять собак’ — «бездельник, попусту проводит время» аналогично по смыслу «мужчина, протирающий штаны», кирг. *койдон жоош* ‘скромнее овцы’ в значении «стеснительный, смущающийся, нерешительный, мягкотелый»; тат. *ишәк кебек йошли* — букв.: ‘запрягается, как осел’, что в значении «трудяга». Следует заметить, что компоненты зооморфного кода культуры в стереотипном моделировании мужчины употребляются в тюркских языках чаще для характеристики таких маскулинных качеств, как: *сила*, *выносливость*, *терпение*, *спокойствие*, *способность к тяжелому труду*, *характер*, *мужественность*, *а также эталонные внешние качества и черты харизматичного образа*. Значительные особенности мы зафиксировали в тюркской лингвокультуре, связанные с возрастным периодом мужчин, от которых зависят качественные характеристики маскулинности, например, *старый волк* — положительный стереотипный образ мужчины (даже харизматичный, интеллектуальный, опытный), содержит только положительную коннотацию, но если мужчина как *старый верблюд* и *старая лошадь*, то его образ становится негативным — обессилевший, неспособный к осуществлению маскулинных качеств, немощный, беспомощный. Аналогичное явление обнаруживаем в русской лингвокультуре на примере пословицы «Старый конь борозды не испортит, но и глубоко не вспашет» — обычно употребляют первую, оптимистичную часть пословицы, в речи встречается ее усеченная форма «Старый конь борозды не испортит»; однако полная версия пословицы подтверждает наш тезис о возрастной характеристике и стереотипном образе отрицательного маскулинного качества (*Старый конь борозды не испортит, но и глубоко не вспашет* — в значении «надеемся, что старый опытный человек справится с делом и не испортит ничего, будем верить, что ему будет по плечу, хотя...») [КРС 1965: 74; КРФС 1988: 55; ССФ 2010: 78; ТРС 2007: 91].

Аналогичное лингвокультурологическое явление наблюдалось в положительной стереотипизации женщин / девушек, репрезентируемых фразеологическими моделями с астрономическими и соматическими компонентами. Вместе с тем продолжим анализ: баш. *елан йоткан* ‘проглотивший змею’ в значении «деспот, коварный мужчина, злодей», сравните данный пример со стереотипным образом *коварной жещины* — она *черная змея*, а *коварный*, *зловредный мужчина — тот, кто проглотил (проглотивший) змею*. Явно образное стереотипное представление злодейства и коварства мужчины — оно сильнее, чем коварство женщины («он и змею проглатывает»). Также сравните фразеологическое моделирование образа *женщины* через *зооморфные компоненты*: змея (*кара елан* ‘черная змея’ в татарском) «коварная женщина»; кошка (в каз., тат. *ит пен мысықтай* — как кошка с собакой живут) «о жене и муже, не уживающихся, плохо живущих совместно») — как показал анализ материала, обычно характеризуется отрицательный стереотипный образ женщины [РБФС 1989: 234; КРФС 1988: 45; ТРС 2007: 88].

На основе анализа фразеологического материала мы получили следующие результаты: 1) ФЕ представляют собой лингвокультурологические средства моделирования гендерных стереотипов в тюркских языках; 2) лингвокультурологические особенности феминности и маскулинности репрезентируются в исследуемых тюркских языках различными моделями ФЕ, содержащих характерные компоненты кодов культуры и гендерной экспликации; 3) тюркские языки имеют целый ряд типологических сходств и различий в формировании и репрезентации гендерных стереотипов, несмотря на генеалогические связи языков; 4) исследование фразеологического моделирования гендерных стереотипов вносит вклад в развитие гендерных исследований тюркских языков и изучение феномена гендера в тюркской картине мира.

5. Выводы

В результате данного исследования были проанализированы фразеологические средства моделирования гендерных стереотипов, репрезентирующих лингвокультурологические особенности феминности и маскулинности в тюркских языках. Анализ ФЕ с гендерной семантикой позволил выявить специфичные для каждого тюркского языка способы моделирования гендерных стереотипов, характерные лингвокультурологические свойства феминности и маскулинности, а также компонентный состав гендерных ФЕ, содержащих приоритетные коды культуры. Гендерные стереотипы с положительной и отрицательной характеристикой феминности моделируются в основном ФЕ, содержащими следующие компоненты: астрономический, соматический, гастрономический, цветовой, вестонимический и предметный коды культуры. Гендерные стереотипы, характеризующие положительные и отрицательные черты маскулинности, чаще всего моделируются ФЕ, содержащими зооморфный, соматический, цветовой и предметный компоненты кодов культуры.

Как показало исследование, гендерный подход к фразеологическому моделированию (фразеологической семантике) предполагает оптимальное описание лингвокультурологических особенностей гендерных стереотипов, отражающих национально-культурную самобытность феминной и маскулинной характеристики лиц женского и мужского пола в системе социокультурного бытия. Обращение к фразеологическому моделированию позволило рассмотреть гендерные характеристики тюркской лингвокультуры и актуализировать изучение гендерной фразеологии тюркских языков.

Национально-культурные эталоны, общечеловеческие и этнические ценностные ориентиры, языковые стратегии в выборе приоритетных компонентов лингвокультурологических кодов, положительная или отрицательная концептуализация окружающего мира наиболее образно и многогранно интерпретируются ФЕ, моделируя уникальные гендерные стереотипы в системе языковой картины мира конкретного этноса.

Выявленные положительные и отрицательные гендерные стереотипы, неоднозначность гендерной категоризации женских и мужских ролей, разноплановый подход к оценке различных гендерных сфер, коннотативная характеристика тюркской феминности и маскулинности позволили увидеть лингвокультурологическую маркированность и ценностную отнесенность гендерной фразеологии тюркских языков. Вместе с тем гендерная фразеология как подсистема языка структурирует и репрезентирует знания, опыт и информацию о *гендере* как социокультурном феномене, поэтому она подтверждает безусловное «право» и возможности (вербальные и категоризирующие компетенции) в моделировании гендерных стереотипов.

Таким образом, изложенные выше положения позволяют говорить о необходимости и научной значимости исследований, ориентированных на человека, его гендерные характеристики и стереотипы, с одной стороны, позволяющие идентифицировать современного представителя тюркской лингвокультуры в системе социокультурных отношений, с другой — способного воспроизводить и транслировать положительную гендерную культуру в обществе, которая фиксируется для будущих поколений в системе языка не только как наследие, а ценностный опыт его носителей. Поэтому данное исследование вносит вклад в развитие культуры исследований и знаний, научных дисциплин и методологии, ориен-

тированных на человека, гендер, социум, лингвокультуру, а также изучение языковых средств моделирования и репрезентации в системе языка.

Сокращения

баш. — башкирский
каз. — казахский
кирг. — киргизский
тат. — татарский
узб. — узбекский

Источники

АСБЯ 2011 — Академический словарь башкирского языка: в 10 тт. Т. 2: Б / под ред. Ф. Г. Хисамитдиновой. Уфа: Китап, 2011. 568 с.

БТРС 2009 — Большой турецко-русский словарь: 250 тыс слов и словосочетаний / под ред. Н. Н. Богочанской, А. С. Зубкова. М.: Славянский дом книги, 2009. 640 с.

КРС 1965 — *Юдахин К. К.* Киргизско-русский словарь. М.: Советская энциклопедия, 1965. 973 с.

КРФС 1988 — Казахско-русский фразеологический словарь. Алма-Ата: Мектеп, 1988. 224 с.

КТФС 2001 — Кыргыз тилинин фразеологиялык сөздүгү (= Фразеологический словарь кыргызского языка) / Ж. Осмонова, К. Конкобаев, Ш. Жапаров. Бишкек: КТМУ, 2001. 519 с.

КУРФС 1980 — *Абдурахманов М.* Краткий узбекско-русский фразеологический словарь. Ташкент: Укитувчи, 1980. 184 с.

РБФС 1989 — *Ураксин З. Г.* Русско-башкирский фразеологический словарь: 1572 фразеологических оборота / под ред. Э. Р. Тенишева. М.: Русский язык, 1989. 404 с.

ССФ 2010 — *Смагулова Г.* Словарь семантических фразеологизмов. Алматы: Елтаным, 2010. 252 с.

ТРС 2007 — Татарско-русский словарь: в 2 тт. / ред.: Ш. Н. Асылгаев, Ф. А. Ганиев, М. З. Закиев и др. Т. 1: А–Л. Казань: Магариф, 2007. 726 с.

ТСКЯ 1986 — Толковый словарь казахского языка. Алматы: Ғылым, 1986. 560 с.

УТЭЛ 2000 — *Раҳматуллаев Ш.* Ўзбек тили этимологик лугати (туркий сўзлар) (= Этимологический словарь узбекского языка (турецкие слова). Тошкент: Университет, 2000. 600 с.

ФСТЯ 1989 — *Исанбет Н. С.* Фразеологический словарь татарского языка: в 2 тт. Т. 2: Л–h / Н. Исанбет. Казань: Татар. кн. изд-во, 1989. 365 с.

Sources

Abdurakhmanov M. A Concise Uzbek-Russian Idiom Dictionary. Tashkent: Ukituvchi, 1980. 184 p. (In Uzb. and Russ.)

Asylgaev Sh. N., Ganiev F. A., Zakiev M. Z. et al. (eds.) Tatar-Russian Dictionary. In 2 vols. Vol. 1: А-Л. Kazan: Magarif, 2007. 726 p. (In Tat. and Russ.)

Bogochanskaya N. N., Zubkov A. S. (eds.) Unabridged Turkish-Russian Dictionary. 250,000 words and phrases. Moscow: Slavyanskiy Dom Knigi, 2009. 640 p. (In Turk. and Russ.)

Isanbet N. S. Dictionary of Tatar Idioms. In 2 vols. Vol. 2: Л-h. Kazan: Tatarstan Book Publ., 1989. 365 p. (In Tat.)

Iskakov A. I. (ed.) The Kazakh Explanatory Dictionary. In 10 vols. Vol. 9: T–Y. Almaty: Nauka, 1986. 560 p. (In Kaz.)

Khisamitdinova F. G. (ed.) Academic Dictionary of the Bashkir Language. In 10 vols. Vol. 2: Б. Ufa: Kitap, 2011. 568 p. (In Bash.)

Kozhakhmetova Kh. K., Zhaisakova R. E., Kozhakhmetova Sh. O. Kazakh-Russian Idiom Dictionary. Alma-Ata: Mektep, 1988. 224 p. (In Kaz. and Russ.)

Osmonova Zh., Konkobayev K., Zhaparov Sh. The Kyrgyz Idiom Dictionary. Bishkek: Kyrgyz-Turkish Manas University, 2001. 519 p. (In Kyrg.)

Rakhmatullaev Sh. Etymological Dictionary of the Uzbek Language. Tashkent: Universitet, 2000. 600 p. (In Uzb.)

Smagulova G. Dictionary of Semantic Idioms. Almaty: Eltanym, 2010. 252 p. (In Kaz.)

Uraksin Z. G. Russian-Bashkir Idiom Dictionary. 1,572 idioms. E. Tenishev (ed.). Moscow: Russkiy Yazyk, 1989. 404 p. (In Russ. and Bash.)

Yudakhin K. K. Kyrgyz-Russian Dictionary. Moscow: Sovetskaya Entsiklopediya, 1965. 973 p. (In Kyrg. and Russ.)

Литература

Алексеенко, Белоусова, Литвинникова 2004 — *Алексеенко М. А., Белоусова Т. П., Литвинникова О. И.* Человек в русской диалектной фразеологии: словарь. М.: ИТИ Технологии, 2004. 237 с.

Алефиренко 1993 — *Алефиренко Н. Ф.* Фразеология в системе современного русского языка. Волгоград: Перемена, 1993. 149 с.

Арутюнова 1999 — *Арутюнова Н. Д.* Язык и

мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999. 896 с.

Архангельский 1964 — *Архангельский В. Л.* Основы теории устойчивых фраз и проблемы общей фразеологии. Ростов н/Д.: Рост. ун-т, 1964. 315 с.

Бадмаева 2010 — *Бадмаева Е. С.* Концептуальные пространства маскулинности и фемининности: на материале фразеологизмов и паремий: дисс. ... канд. филол. наук. Иркутск, 2010. 193 с.

Буянова, Волошина 2017 — *Буянова Л. Ю., Волошина К. С.* Фразеологизм как гендерный экспликатор: культурно-цивилизационный аспект // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2017. № 2. С. 117–124.

Волошина 2010 — *Волошина К. С.* Фразеологизм как средство концептуализации понятия «гендер»: на материале английского и русского языков: дисс. … канд. филол. наук. Нальчик, 2010. 192 с.

Гак 1999 — *Гак В. Г.* Национально-культурная специфика меронимических фразеологизмов // Фразеология в контексте культуры. М.: Языки русской культуры, 1999. С. 260-269.

Григорьева, Моисеева 2019 — *Григорьева Т. И., Моисеева В. Л.* Гендерная репрезентация фразеологических единиц с компонентом зоонимического кода в русском и якутском языках // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. Т. 12. Вып. 3. С. 120–125.

Дашиева 2011 — *Дашиева С. Ц.* Фразеологическая вербализация гендера: лингвокультурологический аспект: на материале бурятского, монгольского, русского и китайского языков: дисс. … канд. филол. наук. Улан-Удэ, 2011. 172 с.

Зыкова 2003 — *Зыкова И. В.* Способы конструирования гендера в английской фразеологии. М.: Editorial URSS, 2003. 232 с.

Калинина 2017 — *Калинина О. Н.* Гендерные аспекты русской фразеологии // Молодой ученый. 2017. № 14(148). С. 717–719.

Кириллина 1999 — *Кирилина А. В.* Гендерные стереотипы, речевое общение и пол говорящего // Женщина в русском обществе. 1999. № 2(14). С. 27–45.

Кормильцева 2015 — *Кормильцева А. Л.* Лексическое поле «женский интеллект» в русском и английском языках: на примере устойчивых выражений: дисс. … канд. филол. наук. Казань, 2015. 233 с.

Магамедова 2006 — *Магамедова М. М.* Сопоставительное исследование гендерной лексики и фразеологии лезгинского и русского языков: дисс. … канд. филол. наук. Махачкала, 2006. 142 с.

Малишевская 1999 — *Малишевская Д. Ч.* Базовые концепты культуры в свете «мужчина / женщина» // Фразеология в контексте культуры. М.: Языки русской культуры, 1999. С. 180–184.

Маслова 2001 — *Маслова В. А.* Лингвокультурология. М.: Академия, 2001. 208 с.

Мукова 2011 — *Мукова М. Н.* Стереотипы маскулинности и фемининности в британской лингвокультуре: дисс. ... канд. филол. наук. Нальчик, 2011. 199 с.

Самарина 2010 — *Самарина В. С.* Гендер во фразеологии: когнитивно-лингвокультурологический аспект: дисс. … канд. филол. наук. Ставрополь, 2010. 199 с.

Сафонова, Чупрякова, Замалютдинова 2017 — *Сафонова С. С., Чупрякова О. А., Замалютдинова Э. Р.* Наименования женщины в русской фразеосистеме // Филология и культура. Philology and culture. 2017. № 4(50). С. 84–89.

Степанов 2004 — *Степанов Ю. С.* Константы: словарь русской культуры. М.: Академический проект, 2004. 992 с.

Телия 1996 — *Телия В. Н.* Русская фразеология: семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Языки русской культуры, 1996. 286 с.

Хузина 2012 — *Хузина Э. С.* Репрезентация гендерных стереотипов в татарском языке (на материале паремий и авторских афоризмов): автореф. дисс. … канд. филол. наук. Казань, 2012. 24 с.

Shokym et al. 2023 — *Shokym G., Yesbergenova G., Bakytzhanova A., Tukeshova N., Gabdesheva A.* Linguo-Cultural Image of a Woman in the Turkic Gender Conceptosphere // Eurasian Journal of Applied Linguistics. 2023. Vol. 9(2). Pp. 237–245. DOI: 10.32601/ejal.902020

References

Alefirenko N. F. Phraseology in the Language System of Russian. Volgograd: Peremena, 1993. 149 p. (In Russ.)

Alekseenko M. A., Belousova T. P., Litvinnikova O. I. Man in Russian Dialect Idioms: A Dictionary. Moscow: ITI Tekhnologii, 2004. 237 p. (In Russ.)

Arkhangelsky V. L. Foundations of the Theory of Idioms and Issues of General Phraseology.

Rostov-on-Don: Rostov State University, 1964. 315 p. (In Russ.)

Arutyunova N. D. Language and Human World. Moscow: Yazyki Russkoy Kultury, 1999. 896 p. (In Russ.)

Badmaeva E. S. Conceptual Realms of Masculinity and Femininity: A Study of Idioms and Paroemias. Cand. Sc. (philology) thesis. Irkutsk, 2010. 193 p. (In Russ.)

Buyanova L. Yu., Voloshina K. S. Phraseological unit as a gender explicator: Cultural-civilized aspect. *Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics*. 2017. No. 2. Pp. 117–124. (In Russ.)

Dashieva S. Ts. Phraseological Verbalization of Gender: A Linguocultural Aspect (Buryat, Mongolian, Russian, Chinese). Cand. Sc. (philology) thesis. Ulan-Ude, 2011. 172 p. (In Russ.)

Gak V. G. Ethnocultural features of meronymic idioms. In: Phraseology in Cultural Contexts. Moscow: Yazyki Russkoy Kultury, 1999. Pp. 260–269. (In Russ.)

Grigorieva T. I., Moiseeva V. L. Gender representation of phraseological units with the component-zoonym in the Russian and Yakut languages. *Philology. Theory & Practice*. 2019. Vol. 12. No. 3. Pp. 120–125. (In Russ.)

Kalinina O. N. Gender aspects of Russian phraseology. *Young Scientist*. 2017. No. 14(148). Pp. 717–719. Available at: https://moluch.ru/archive/148/41493/ (accessed: 26 January 2023). (In Russ.)

Khuzina E. S. Representation of Gender Stereotypes in Tatar: A Study of Paroemias and Individual Aphorisms. Cand. Sc. (philology) thesis abstract. Kazan, 2012. 24 p. (In Russ.)

Kirillina A. V. Gender stereotypes, speech communication, and the speaker's sex. *Woman in Russian Society*. 1999. No. 2(14). Pp. 27–45. (In Russ.)

Kormiltseva A. L. 'Female Intelligence': Analyzing the Lexical Field via Russian and English Set Phrases. Cand. Sc. (philology) thesis. Kazan, 2015. 233 p. (In Russ.)

Magamedova M. M. Gender-Related Lezgian and Russian Lexemes and Idioms: A Comparative Study. Cand. Sc. (philology) thesis. Makhachkala, 2006. 142 p. (In Russ.)

Malishevskaya D. Ch. Man/woman: Basic concepts of culture. In: Phraseology in Cultural Contexts. Moscow: Yazyki Russkoy Kultury, 1999. Pp. 180–184. (In Russ.)

Maslova V. A. Linguocultural Studies. Moscow: Academia, 2001. 208 p. (In Russ.)

Mukova M. N. Stereotypes of Masculinity and Femininity in British Linguoculture. Cand. Sc. (philology) thesis. Nalchik, 2011. 199 p. (In Russ.)

Safonova S. S., Chupryakova O. A., Zamaliutdinova E. R. Names of women in the Russian phraseological system. *Philology and Culture*. 2017. No. 4(50). Pp. 84–89. (In Russ.)

Samarina V. S. Gender in Phraseology: A Cognitive/Linguocultural Aspect. Cand. Sc. (philology) thesis. Stavropol, 2010. 199 p. (In Russ.)

Shokym G., Yesbergenova G., Bakytzhanova A., Tukeshova N., Gabdesheva A. Linguo-Cultural Image of a Woman in the Turkic Gender "Conceptosphere". *Eurasian Journal of Applied Linguistics*. 2023. No. 9(2). Pp. 237–245. (In Eng.) DOI: 10.32601/ejal.902020

Stepanov Yu. S. The Constants: A Dictionary of Russian Culture. Moscow: Akademicheskiy Proekt, 2004. 992 p. (In Russ.)

Teliya V. N. Russian Phraseology: Semantic, Pragmatic and Linguocultural Aspects. Moscow: Yazyki Russkoy Kultury, 1996. 286 p. (In Russ.)

Voloshina K. S. Idiom as a Means to Conceptualize Gender: A Study of English and Russian. Cand. Sc. (philology) thesis. Nalchik, 2010. 192 p. (In Russ.)

Zykova I. V. Gender Construction Tools of English Phraseology. Moscow: Editorial URSS, 2003. 232 p. (In Russ.)

Published in the Russian Federation
Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
Has been issued as a journal since 2008
ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
Vol. 16, Is. 5, Pp. 1382–1397, 2023
Journal homepage: https://kigiran.elpub.ru

УДК / UDC 811, 81-23
DOI: 10.22162/2619-0990-2023-69-5-1382-1397

Категория падежа в ваховском хантыйском языке (на материале современных полевых данных базы LingvoDoc)

Виктория Владимировна Воробьева[1, 2], *Ирина Владимировна Новицкая*[3]

[1] Институт системного программирования им. В. П. Иванникова РАН (д. 25, ул. А. Солженицына, 109004 Москва, Российская Федерация)
кандидат филологических наук, доцент, научный сотрудник
[2] Национальный исследовательский Томский политехнический университет (д. 30, пр. Ленина, 634050 Томск, Российская Федерация)
кандидат филологических наук, доцент
0000-0002-8729-0375. E-mail: vorobeva[at]tpu.ru

[3] Национальный исследовательский Томский государственный университет (д. 36, пр. Ленина, 634050 Томск, Российская Федерация)
доктор филологических наук, доцент, профессор
0000-0003-1559-8810. E-mail: irno2012[at]yandex.ru

© КалмНЦ РАН, 2023
© Воробьева В. В., Новицкая И. В., 2023

Аннотация. *Введение.* В диалектах хантыйского языка категория грамматического падежа проявляет свой во многом неоднородный характер и варьирует в количественном и качественном отношении. В восточных диалектах хантыйского языка состав репрезентантов данной категории определяется лингвистами по-разному, что связано с расхождением в трактовке статуса некоторых падежных показателей. *Цель* настоящей статьи заключается в систематизации данных о выделяемых в ваховском диалекте хантыйского языка падежных показателях, представленных в научных исследованиях XIX–XX вв., и сопоставлении их с данными полевых экспедиционных материалов XXI в., оцифрованных на платформе для самостоятельной работы LingvoDoc. *Методология.* Анализ опубликованных данных по ваховскому диалекту осуществлялся с применением описательно-сопоставительного и структурного методов исследования. Полевые данные по ваховскому и хантыйскому диалектам получены в сочетании с непосредственным наблюдением над речью носителей хантыйского языка, опросом, собеседованием по разным темам, фиксацией высказываний с помощью различных технических средств, расшифровкой записей. *Результаты.* Обзор научной литературы прошлых столетий по ваховскому хантыйскому показывает разброс мнений о количестве засвидетельствованных падежных маркеров и их функциональной специфике, несовпадение подходов к терминированию некоторых из них, вариантность обозначений морфемной формы. Анализ современных экспедиционных материалов с помощью функционала платформы LingvoDoc и сопоставление результатов с данными исследований предшествующих периодов позволяет подтвердить устойчивость ваховской хантыйской падежной системы, выявить источник терминологической синонимии в области именной парадигмы, разработать классификацию падежных маркеров на

основе особенностей их функционирования. Опора на функциональный параметр позволяет отграничить падежный маркер с преимущественно грамматической ориентацией от группы падежных показателей, профиль которых связан с выражением семантических отношений. В группе семантических падежей также возможно последующее дробление на подгруппы, обусловленное типом семантической специализации отдельных падежных маркеров. *Выводы*. В заключение следует отметить, что семантические падежи распадаются на подгруппу падежей с пространственной семантикой, подгруппу с семантикой совместности действия и подгруппу, объединяющую падежи с косвенной семантикой. Распределение падежных формантов на подгруппы осложняется синкретизмом семантики большого числа падежных морфем, что в итоге приводит к некоторой размытости границ подгрупп и вариантности в терминологическом номинировании падежных морфем.

Ключевые слова: хантыйский язык, ваховский диалект, категория падежа, полевые данные, LingvoDoc

Благодарность. Исследование проведено при финансовой поддержке РНФ в рамках проекта «Цифровое описание диалектов уральских языков на основании анализа больших данных» (№ 20-18-00403, https://rscf.ru/project/20-18-00403/).

Для цитирования: Воробьева В. В., Новицкая И. В. Категория падежа в ваховском хантыйском языке (на материале современных полевых данных базы LingvoDoc) // Oriental Studies. 2023. Т. 16. № 5. С. 1382–1397. DOI: 10.22162/2619-0990-2023-69-5-1382-1397

The Category of Case in Vakh Khanty: A Study of Recent LingvoDoc-Based Field Data

Victoria V. Vorobeva[1, 2], *Irina V. Novitskaya*[3]

[1] Ivannikov Institute for System Programming of the RAS (25, Solzhenitsyn St., 109004 Moscow, Russian Federation)
Cand. Sc. (Philology), Associate Professor, Research Associate
[2] Tomsk Polytechnic University (30, Lenin Ave., 634050 Tomsk, Russian Federation)
Cand. Sc. (Philology), Associate Professor
0000-0002-8729-0375. E-mail: vorobeva[at]tpu.ru

[3] National Research Tomsk State University (36, Lenin Ave., 634050 Tomsk, Russian Federation)
Dr. Sc. (Philology), Associate Professor, Professor
0000-0003-1559-8810. E-mail: irno2012[at]yandex.ru

© KalmSC RAS, 2023
© Vorobeva V. V., Novitskaya I. V., 2023

Abstract. *Introduction*. In Khanty dialects, the category of grammatical case shows its largely heterogeneous character and varies in terms of quantity and quality. As for Eastern Khanty, linguists hold different views on the composition of this category and its representatives, which results from a discrepancy in interpreting statuses of some case indicators. *Goals*. The article seeks to systematize available data on case indicators identified in Vakh Khanty and presented in scholarly studies of the nineteenth-twentieth centuries, compare them to field data obtained in the twenty first century and digitized on the LingvoDoc platform for independent research. *Methods*. The analysis of published data on Vakh Khanty has been carried out via the descriptive/comparative and structural research methods. Field data collection techniques for Vakh Khanty included direct observations of native speakers' speech, a survey, interviews on various topics, audio recordings, and transcriptions of the latter. *Results*. Our review of the scholarly literature from the past centuries on the Vakh Khanty dialect shows a variety of opinions about the number of attested case markers and their functional specifics, an inconsistency of approaches to terming some of them, and a variance of the morphemic form designations. Analysis of the contemporary field data with the LingvoDoc platform's functional tools and comparison of the results against some previously described data do confirm a stability of the Vakh Khanty dialect case system, identify the source of terminological synonymy in the nominal paradigm, and develop

a classification of case markers based on their functional features. The functional parameter makes it possible to distinguish between a case marker with a predominantly grammatical orientation and a group of case markers whose profile is associated with the expression of semantic relations. In the group of semantic cases, further division into subgroups is also possible, due to the type of semantic specialization of individual case markers. *Conclusions*. Semantic cases fall into a subgroup of cases with spatial semantics, a subgroup with the semantics of compatibility, and a subgroup that combines cases with oblique (indirect) semantics. The distribution of case formants into subgroups is complicated by certain syncretism of semantics in a large number of case morphemes, which ultimately leads to some blurring of the subgroups' boundaries and a variance in the terminological nomination of case morphemes.

Keywords: Khanty language, Vakh dialect, category of case, field data, LingvoDoc

Acknowledgements. The reported study was funded by Russian Science Foundation, grant no. 20-18-00403 'Digital Description of Uralic Languages on the Basis of Big Data'.

For citation: Vorobeva V. V., Novitskaya I. V. The Category of Case in Vakh Khanty: A Study of Recent LingvoDoc-Based Field Data. *Oriental Studies*. 2023; 16(5): 1382–1397. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2023-69-5-1382-1397

1. Введение

Хантыйский язык известен своей выраженной диалектной раздробленностью. Территориально смежные говоры и диалекты близки между собой, но крайние точки диалектного континуума имеют различия, которые затрудняют взаимопонимание носителей этих диалектов. Существенные диалектные расхождения проявляются в именной и глагольной грамматических системах даже в диалектах одной группы [Vorobeva, Novitskaya 2020: 36].

В настоящем исследовании мы остановимся на категории падежа, которая привлекает внимание своей ярко выраженной разнородностью при сравнении крайне северных диалектов с крайне восточными. Количество падежей в хантыйских диалектах может варьироваться от трех до одиннадцати. В северных диалектах количество падежей ограничено тремя представителями, т. е. самым наименьшим количеством по сравнению с другими диалектами. При этом важно отметить, что состав падежной парадигмы во всех северных диалектах не совпадает. Например, в казымском диалекте выделяются номинативный, лативный и локативный падежи, в то время, когда в приуральском диалекте — номинативный, локативный и транслативный. Из доступных материалов описательных грамматик и заметок следует, что в не существующих уже в настоящее время южных диалектах выделялось пять-шесть падежей. Например, в кондинском диалекте, который описал П. К. Животиков, было пять падежей: номинативный, лативный, комитативно-инструментальный, локативный и аблативный [Животиков 1942: 15]; согласно наблюдениям М. А. Кастрена, сделанным в середине XIX в., в иртышском диалекте было шесть падежей: номинативный, дативный, инструментальный, локативный, аблативный и абессивный [Кастрен 1849: 42].

В восточных диалектах категория падежа представлена от семи до одиннадцати единицами. Л. Хонти выделяет самое большее количество падежей в некоторых говорах сургутского диалекта [Honti 1986: 60–61]. Согласно научным источникам, количество падежей даже в одном и том же диалекте может значительно отличаться. Например, в ваховском диалекте хантыйского языка, являющемся объектом настоящего исследования, К. Ф. Карьялайен и Е. Вертеш выделяют семь падежей [Karjalainen, Vértes 1964: 149–151], Н. И. Терешкин — восемь падежных формантов [Терешкин 1961: 42], а Я. Гуйя упоминает десять падежных морфем [Gulya 1966: 53–54]. Согласно нашей точке зрения, данная ситуация возникает из-за несогласованного статуса морфемы некоторых падежей, которую одни лингвисты считают самостоятельным элементом в предложении, другие — грамматическим элементом, служащим для выражения синтаксических связей.

Еще одним дискуссионным вопросом является терминология падежей. Одна и та же падежная морфема может получать различное терминологическое обозначение у разных авторов. Чаще всего это встречается в диалектах с большим количеством падежей, например, в восточных. Так, морфема *-а/-ӓ* в ваховском диалекте определена Н. И. Терешкиным как маркер направительно-целевого падежа [Терешкин 1961: 46], К. Ф. Карьялайненом — дативного [Karjalainen, Vértes 1964: 149–151], Л. Хонти — лативно-дативного падежа [Honti 1986: 39], а Я. Гуйя — лативного [Gulya 1966: 53–54]. Объяснением этого феномена может служить тот факт, что большинство падежных суффиксов многофункциональны, что и является причиной несогласованности терминологии падежей.

Целью настоящего исследования являются обобщение и систематизация данных, полученных из грамматических заметок и очерков по ваховскому хантыйскому, относящихся к периоду с XIX в. по середину XX в., и сравнение их с нашими полевыми данными. В качестве решения сопутствующей задачи предлагается вариант унифицированной терминологии, уточнение количества падежей и распределение их по семантическим группам.

2. Материалы и методы

Данные для представления категории падежа в ваховском хантыйском были взяты из заметок К. Ф. Карьялайнена в обработке Е. Вертеш [Karjalainen, Vértes 1964: 149–151], грамматических очерков по ваховскому диалекту Н. И. Терешкина [Терешкин 1961: 42–55], из ваховско-хантыйской хрестоматии Я. Гуйя [Gulya 1966: 53–54], хрестоматии по хантыйским диалектам Л. Хонти [Honti 1986: 39], диссертационного исследования по категории падежа в хантыйском языке Д. Ф. Мымриной [Мымрина 2006].

Современные данные по ваховскому хантыйскому получены в условиях полевых исследований в с. Корлики Ханты-Мансийского автономного округа – Югра одним из авторов статьи. Полевые данные подверглись цифровой обработке и представлены на платформе LingvoDoc [Обско-угорский 2022]. В настоящее время корпусная база данных LingvoDoc содержит более пяти тысяч слов по ваховскому диалекту и представлена прозаическими текстами, анкетами, сказками и словарями. Весь анализ современного материала производился с привлечением функций данной платформы.

Последующий анализ падежных маркеров ваховско-хантыйского языка основывается на концепции синтаксических и семантических падежей [Мельчук 1998: 325; Плунгян 2002: 57–99; Плунгян 2003: 122].

Языковые данные собирались с использованием традиционной методики полевого исследования: непосредственное наблюдение над речью носителей хантыйского языка, опрос, собеседование по разным темам, фиксация высказываний с помощью различных технических средств, расшифровка записей. В статье при анализе источников с данными по ваховскому диалекту использовались описательно-сопоставительный и структурный методы исследования.

3. Представление категории падежа в ваховском хантыйском в хантологии

У исследователей не возникает сомнения в существовании в ваховском диалекте хантыйского языка таких падежей, как номинативный, локативный, аблативный, лативный, комитативный и обликативный. Абессивный, аллативный, компаративный и транслативный выделяются большинством хантологов, но не всеми. Из числа хантологов только Л. Хонти выделяет дистрибутивный и темпорально-дистрибутивные падежи в ваховском диалекте [Honti 1986: 39].

Все выявленные исследователями падежи можно распределить по двум группам: синтаксической (грамматической) и семантической.

В синтаксическую группу входят номинативный и в некоторых случаях локативный падежи. Номинативный падеж материально не выражается. В отличие от большинства других уральских языков, в именную падежную парадигму которых входит аккузативный и генитивный падежи, в хантыйском их функция отдана номинативному падежу. Аккузативный падеж есть только в местоименной падежной системе, а генитивный не знаком хантыйскому вообще [Comrie 1988: 463]. Локатив может кодировать грамматические отношения наравне с пространственной семантикой.

Все другие падежи принадлежат к группе семантических падежей. Внутри данной

группы нам удалось выделить три подгруппы. К первой подгруппе можно отнести падежи пространственной семантики: аблативный, аллативный, лативный, локативный. Лативный падеж из данной подгруппы способен маркировать не только пространственную семантику, но и семантику реципиента действия. Вторая подгруппа включает абессивный и комитативный падежи, кодирующие совместные или раздельные отношения. Третья подгруппа включает дистрибутивный, обликативный и транслативный падежи, с помощью которых кодируются обстоятельственные или «косвенные» отношения.

В ваховском хантыйском пять падежей отличаются многофункциональным характером. Многофункциональность падежных маркеров может быть связана с редукцией хантыйской падежной системы по сравнению с другими уральскими языками. В типологических исследованиях утверждается, что синкретическая семантика того или иного падежного признака основывается на близости синкретизируемых значений [Ганенков 2002: 3].

Многофункциональные маркеры обнаружены в обеих группах, т. е. среди синтаксических и семантических падежей, и представлены номинативным, аблативным, лативным, локативным, комитативным падежами. Например, маркер лативного падежа *-a/-ä* в ваховско-хантыйском может кодировать значение лативного, иллативного, аллативного падежей, а также семантику реципиента. Как следствие, в восточной хантологии встречается несколько терминов этого маркера: направительный [Терешкин 1961: 46], лативный [Csepregi 1998 17; Чепреги 2017: 89], лативный-дативный [Honti 1986: 60], иллативный-дативный [Filchenko 2007: 84], лативный, иллативный, дативный [Karjalainen, Vértes 1964: 102, 149–151, 207–209], аллатив [Мымрина 2006: 7–8]. Я. Гуйя не дает никакого терминологического обозначения падежам, он просто указывает, какие функции выполняет тот или иной маркер, например маркер *-a/-ä* имеет 1) лативное (иллативное, сублативное, аллативное), 2) темпоральное, 3) илативное [Gulya 1966: 53–54].

В настоящей работе данная падежная морфема будет терминироваться как показатель лативного падежа. Ввиду многофункциональности падежных маркеров в хантыйском языке мы приняли упрощенный способ их обозначения: название падежа диктуется центральной / ключевой функцией маркера и терминируется в соответствии с традиционной системой падежных названий, т. е. в представленной нами падежной парадигме вах-хантыйского используются базовые обозначения, а именно: номинативный, аблативный, аллативный, лативный, локативный, абессивный, комитативный, компаративный, дистрибутивный, объектный, транслативный падежи. Таким образом, мы будем использовать «LAT» для обозначения соответствующей морфемы в глоссированной строке, хотя ее фактическая функция в конкретном предложении может заключаться в выражении иллативной или дательной семантики. В каждом примере точная функция, в которой падежный маркер используется в предложении, указывается после знака двоеточия после перевода, например,

(1) *ämp* *ḳat-**a*** *jö-ɣäs*
собака дом-LAT входить-PST2.3SG
‘Собака вошла в дом’: *illative*

Полная падежная парадигма ваховского диалекта представлена в таблице 1. В таблице указаны все падежные термины, встречающиеся в грамматиках по ваховскому диалекту [Karjalainen, Vertes 1964: 149–151; Терешкин 1961: 42–55; Gulya 1966: 53–54; Honti 1986: 39; Мымрина 2006: 7–8]. Параллельные обозначения падежных показателей ваховского хантыйского приводятся в скобках с указанием первой буквы фамилии автора, предложившего данный термин. Например, абессив (каритив К), локативный (местный падеж Т, локатив Х, инструменталис-комитатив М), в которых К означает Карьялайнен, Т — Терешкин, Х — Хонти, М — Мымрина, Г — Гуйя. Обозначение ПД кодирует полевые данные. Обозначение «—» означает, что у данного автора (авторов) данный падеж не представлен. В таблице все падежи представлены в алфавитном порядке в каждой из трех упомянутых выше групп.

Все данные таблицы заимствованы из [Karjalainen, Vertes 1964: 149–151; Терешкин 1961: 42–55; Gulya 1966: 53–54; Honti 1986: 39; Мымрина 2006: 7–8] и собственных полевых данных.

Таблица 1. Свод падежных маркеров ваховского диалекта
[*Table 1.* A set of case markers in the Vakh dialect]

No.	*Падеж*	*Маркер*	*Примеры*
Синтаксическая группа			
1	**Номинативный** (Основной Т)	Ø	*köļəɣ* ‘ягушка’
Семантическая группа 1			
2	**Аблативный** (Отложительно-продольный Т) (Исходный Х)	*oɣ/χ* (К) *oɣ/öɣ/aɣ/äɣ* (Т) *oɣ/öɣ* (Г, Х, ПД)	*ļök-**öɣ*** дорога-ABL ‘вдоль дороги’ *weli-t-**öɣ*** олень-PL-ABL ‘от оленей’ *jəŋk-**öɣ*** вода-ABL ‘из воды’ *siwl-əl-**öɣ*** шея-POSS.3SG-ABL ‘за его шею’
3	**Аллативный** (Направительный Т) (Апроксимитатив Х)	— (К) *(a)pa/* *(ä)pä*	*wont-**apa*** лес-ALL ‘в лес’ *jaɣ-**(a)pa*** люди-ALL ‘к людям’ *kürək-**(ä)pä*** орел-ALL ‘к орлу’
4	**Лативный** (Датив К) (Направительно-целевой Т) (Латив-Датив Х) Аллатив (М)	*a/ä*	*ķat-**a*** дом-LAT ‘в дом’ *ul-**a*** ягода-LAT ‘за ягодами’ *pəsän-**ä*** стол-LAT ‘на столе’ *koǰ-**ä*** болото-LAT ‘к болоту’
5	**Локативный** (Локатив Х) (Местный Т) (Инструменталис-комитатив М)	*nɛ* (К) *nə/nə*	*köjni-**nə*** комар-LOC ‘комар’ *niŋ-**nə*** женщина-LOC ‘женщиной’ *joɣən-**nə*** река-LOC ‘в реке’ *pŏrķi-**nə*** дымокур-LOC ‘у дымокура’ *toɣį-**nə*** весна-LOC ‘весной’
Семантическая группа 2			
6	**Абессивный** (Каритив К)	*ləχ* (К) — (Т, М) *ləɣ/ləɣ* (Г, Х, ПД)	*ämp-**ləɣ*** собака-ABS ‘без собаки’ *majtik-**ləɣ*** мыло-ABS ‘без мыла’ *awet-l-am-**ləɣ*** волосы-PL-POSS.1SG-ABS ‘без волос’
7	**Комитативный** (Творительно-совместный Т) (Инструменталис-комитатив М)	*nàt* (К) *na/nä* (Т, ПД) *nät(i)/nat(i)* (Г) *nat/nät* (Х)	*weli-**nä**-ti* олень-COM ‘на оленях’ *läjəm-**nä*** топор-COM ‘с топором’ *n’əŋi-ķiji-**na**-ti* дети-COM-PRTC ‘с детьми’ *köɣəl-**nä-ti*** чашка-COM-PRTC ‘с чашкой’ *torəm ķos-ət-**na-ti*** небо звезда-PL-COM-PRTC ‘Небо со звездами’

8	**Компаративный**	*niŋìt*/SG (К) — (Т, Х, М, ПД) *niŋə(t)/ niŋə̈(t)* (Г)	*tim ķat tom ķat* ***niŋə̈t*** *əḻḽə-ki* этот дом тот дом-COMP большой-PRED ‘Этот дом больше, чем тот’ [Gulya 1966: 57]
Семантическая группа 3			
9	**Дистрибутивный**	— (К, Т, Г) *təlta/tə̈ltä* (Х) *-(ə)təl/-(ə̈)tə̈l* (ПД)	*ĕj waɣ-ət-****təlta*** *tintə-s-i* животное-PL-DISTR pay-PST1-PASS.3SG ‘По животному с каждого в качестве оплаты’ [Honti 1986: 64]
10	**Обликативный** (Инструктивно-финальный Х) (Творительно-объектный Т) (Инструменталис-объектив М)	— (К) *(t)ə/(t)ə̈*	*sumənɣ-****ə*** платок-OBJ ‘платком’ *läŋki-****tə̈*** белка-OBJ ‘белкой’
11	**Транслативный** (Превратительный Т)	— (К) *ɣ/əɣ/ə̈ɣ (< ķə/kə̈)* (Т, ПД)	*ač-****əķ*** овца-TRL ‘(превратиться) в овцу’ *lujwə̆ɣ ķat-****əķ*** *jə̈-s* кольцо дом-TRL становиться-NPST.3SG ‘Кольцо превратилось в дом’

В целом исследователи не придерживаются единого мнения ни о количестве именных падежей в ваховском диалекте, ни о диапазоне их функций и семантики. К. Ф. Карьялайнен утверждает, что в ваховском диалекте всего семь именных падежей (из списка исключены обликативный, аллативный и транслативный), а сравнительный (компаративный) падеж охватывает только существительные в единственном числе. Н. И. Терешкин различает в диалекте только восемь именных падежей, не считая абессивный и сравнительный падежи. Суффикс *-ləɣ/-läɣ* классифицируется Н. И. Терешкиным как словообразовательный со значением лишения [Терешкин 1961: 57]. Я. Гуйя добавляет к падежной системе этого диалекта еще два падежа — абессивный и сравнительный, что в сумме дает десять падежей. Л. Хонти также выделяет в этом диалекте десять падежей, однако сравнительный падеж он заменяет дистрибутивным.

Данные, представленные в таблице (см. табл. 1), включают одиннадцать упоминаемых в литературе падежей по ваховскому диалекту:

— абессивный,
— аблативный,
— аллативный,
— дистрибутивный,
— комитативный,
— компаративный,
— лативный,
— локативный,
— номинативный,
— обликативный и транслативный.

В некоторых случаях для обозначения одного и того же звука в составе падежной морфемы исследователи использовали разные символы. Это объясняет кажущуюся вариацию падежных маркеров, представленную в таблице (см. табл. 1). Например, окончание абессивного падежа вводится как *-ləɣ/-läɣ* Я. Гуйя и Л. Хонти и как *-ləχ* К. Ф. Карьялайненом; местный падеж также представлен двумя вариантами: *-nə/-nə̈* (по Я. Гуйя и Л. Хонти) и *-nɛ* (по К. Ф. Карьялайнен).

4. Анализ полевых данных по категории падежа в ваховском хантыйском

Данные полевых исследований, проанализированные при помощи инструментов платформы LingvoDoc, выявили девять функционально продуктивных падежных маркеров в современном ваховском хантыйском: номинативный, аблативный, локативный, аллативный, латативный, абессивный, комитативный, обликативный и транслативный. Маркер дистрибутивного падежа имеет ограниченное использование.

Элемент *niŋit*, который используется для обозначения сравнения одного предмета с другим, функционирует как автономный элемент, демонстрирующий свойства послелога,

что подтверждается нарушением гармонии гласных элемента *niŋit* с предшествующим словом. Н. И. Терешкин также определяет элемент *niŋit* как послелог. В других восточных диалектах сравнительный послелог имеет форму *niŋə* на Васюгане и niŋktə в Сургуте. Вот несколько примеров (2–3):

(2) *kör'liki* *larjyak* ***niŋit*** *jəm-iki*
Корлики Ларьяк от хороший-PRED
‘Корлики лучше, чем Ларьяк’

(3) *tim läŋki-t* *tom läŋki-t* ***niŋit*** *əḷḷə-ki-j-ət*
этот белка-PL тот белка-PL от большой-PRED-EP-PL
‘Эти белки больше, чем те белки’

Дистрибутивный маркер *-(ə)təl/-(ə)täl* вызывает наибольшие противоречия среди ученых. Он упоминается как деривационный суффикс числительного в грамматиках Н. И. Терешкина и Я. Гуйя и как морфологический падежный показатель имени существительного в хрестоматии Л. Хонти [Терешкин 1961: 62–63; Gulya 1966: 71–72; Honti 1986].

Независимо от его статуса как реляционного или деривационного маркера, он имеет значение количественного разделения на душу населения, например: *ej-ätäl* one-DISTR ‘один на душу населения’, *läwt-ätäl* seven-DISTR ‘семь на душу населения’, *ej rit-ətəl* one boat-DISTR ‘одна лодка на душу населения’. Данные полевых исследований также показывают, что дистрибутивный суффикс *-(ə)təl/-(ä)täl* употребляется как с именами числительными, так и с существительными, ср. *ej-ätäl* one-DISTR ‘один на душу населения’ и *ej ķul-ətəl* одна рыба-DISTR ‘одна рыба на душу населения’, примеры (4–6):

(4) *ejnäm ej* *ķul-**ətəl*** *li-s-ät*
каждый один рыба-DISTR есть-PST1-SBJ.3PL
‘Каждый съел по рыбе’

(5) *ej-**ätäl*** one-DISTR ‘один на душу населения’ *ej ķul-**ətəl*** одна рыба-DISTR ‘одна рыба на душу населения’

(6) *käčəŋ ķu* *kä rit-**ətəl*** *wə-ɣäs*
каждый человек два лодка-DISTR брать-PST2.SBJ.3SG
‘Каждый взял по две лодки’

Дистрибутивный маркер *-(ə)təl/-(ä)täl* в сочетании числительного и существительного присоединяется к существительному, если существительное употребляется имплицитно, то маркируется числительное. Более того, дистрибутивный маркер был выявлен при передаче значений «один», иногда и «два», теоретически возможна передача и другого количественного значения, но практически это подтвердить не удалось. В целом дистрибутивный суффикс *-(ə)təl/-(ä)täl* нельзя считать продуктивным из-за его достаточно узкой семантики. Кроме того, его можно рассматривать как архаичный, поскольку его использование ограничено количеством носителей языка, в основном пожилых людей, которые могли предоставить образцы речи.

В следующей части исследования мы остановимся на падежных маркерах, которые не вызывают явно выраженных противоречий среди хантологов, но все же имеют свои особенности употребления.

В ваховском хантыйском имена существительные в грамматической функции подлежащего и прямого дополнения не маркируются. Из этого следует, что кодирование субъекта и объекта сказуемого осуществляется посредством материально невыраженного **номинативного маркера**. См. примеры (7–8). Кроме того, местным падежом могут обозначаться и грамматические функции (см. примеры ниже (18–21)).

(7) ***püt'k-üli*** *joɣpa porəɣlə-s*
птица-DIM домой летать-PST1.SBJ.3SG
‘Птица полетела домой’: *nominative*.

(8) ***put*** *wer-l-üɣ* ***n'ịr*** ***pas*** *jan-tə-l-üɣ*
котел варить-NPST-SBJ.1PL нырики варежки шить-TR-NPST-SBJ.1PL
‘Есть варим (котел варим), нырики, рукавицы шьем’: *accusative*

Кроме того, в исследуемом диалекте зависимое существительное в посессивной конструкции также имеет материально невыраженный маркер номинативного падежа. Для сравнения: в уральских языках в таких образцах преимущественно используется родительный падеж. Приведем пример посессивной конструкции из ваховского диалекта (9):

(9)	***niŋjaɣ***	***kölʲäɣ***	*ḳaw jan-tə-l-üɣ*
	женщины	ягушка	прочее шить-TR-NPST-SBJ.1PL

‘Женскую ягушку и прочее шьем’: *genitive*

Семантическая группа пространственных падежных маркеров включает аблативный, аллативный, лативный и, в некоторых случаях, локативный, объединяющие «ориентацию» с «положением / направлением /статив-ным местоположением». Падежные маркеры аблатива, латива и локативного падежей многофункциональны.

Примеры (10–11) демонстрируют использование **аблативного маркера** *-oɣ/-öɣ*, семантика которого указывает на исходную точку движения, отсчета, отметки движения или действия «от» или пролативное значение движения «вдоль, через, по»:

(10)	*weli*	*sŏj-**oɣ***	*mäŋ-ən*	*wer-l-ät päni*
	олень	шкура-ABL	1Pl-LOC	делать-NPST-PASS.3PL
	*t’ut-**oɣ***	*melti*	*ḳaw*	*jan-tə-l-üɣ*
	этот-ABL	малица	прочее	шить-TR-NPST-SBJ.1PL

‘Из оленьей шкуры мы делаем, и из этого малицу и прочее шьем.’: *ablative*

(11)	*kiriw*	*waɣ-**oɣ***	*mən-wəl*
	моторная	лодка Вах-ABL	идти-NPST.SBJ.3SG

‘Моторная лодка плывет вдоль реки Вах’: *prolative*

Аллативный маркер *-pa/pä* используется для передачи пространственного значения, указывающего на объект, на который направлено действие как конечный пункт движения (пример 12). Происхождение данного маркера может быт связано с послелогом *-pəla/-peta* ‘по направлению’ в южном и северном диалектах [Терешкин 1961: 45]. По сути, аллативный падеж дублирует одну из функций латив-ного падежа в ваховском хантыйском, но, тем не менее, лативный маркер не вытеснил монофункциональный аллативный маркер и регулярно наблюдается в образцах речи ваховских ханты, например:

(12)	*mä institut-**pa***	*onəltə-ɣəl-tä*	*mən-ɣas-əm*
	1SG инсти-тут-ALL	учить-ся-INF	идти-PST2-SBJ.1SG

‘Я уехал учиться в институт’: *allative*

Маркер латив-ного падежа *a/-ä* полифункционален. Этот падежный показатель может передавать пространственное значение иллатива, указывающее на конечный (внутри чего-либо) пункт траектории движения одного из участников ситуации движения, и значение латива, обозначающее цель, на которую направлено действие (13–14).

(13)	*pi̯rnə*	*t o ɣ i̯ - n ə os*	*mäŋ-ən weli-t-öɣ*	*koǰ̆-**ä***
	потом	весна-LOC	еще 1PL-LOC олень-PL-ABL	боло-та-LAT
	niɣ	*tulatət*	*päni tät*	*mäŋ-ən təjlatət*
	квер-ху	вести	еще там	1PL-LOC держать

‘Потом весной мы еще оленей к болоту уводим и там держим’: *illative*

(14)	*weli-nä-ti*	*iki*	*ḳu-j-t os*
	олень-COM-PRTC	старик	мужчи-на-EP-PL еще
	*wajɣ-**a***	*käṇč-il-tä*	*mən-wəl-t*
	зверь-LAT	искать-MULT-INF	идти-NPST-SBJ.3PL
	*n’oǰ̆äs-**a***	*käṇč-il-wəl-t*	*länki-j-**ä***
	соболь-LAT	искать-MULT-NPST-SBJ.3PL	белка-EP-LAT
		käṇč-il-wəl-t	
		искать-MULT-NPST-SBJ.3PL	

‘На оленях старики охотятся, соболей, белок добывают’: *lative*

Еще одной функцией маркера латив-ного маркер *-a/-ä* является кодирование реципиента (15):

(15) *pəɣ-ali* *äni-l-**ä*** *t'uti jəɣ-iɣən…*
мальчик-DIM сестра-POSS.3SG-LAT так говорить-NST.SBJ.3SG

'Мальчик своей сестре так говорит': *dative*

Локативный маркер *-nə/-nə* также является полифункциональным. Он указывает на стативное, пространственное или временное местоположение (16–18):

(16) *tim* *lŏŋ-**nə*** *emtər ət'əɣ-əki*
этот лето-LOC озеро холодное-PRED

'Вода холодная в этом озере летом': *locative*

(17) *mä muŋķə* *lawķə-**nə*** *pam juɣ ļiwət*
1SG PRTC магазин-LOC трава-LOC дерево лист
ķŏrasəw *täs* *wə-ɣäs-əm*
похожий материал брать-PST2-SBJ.1SG

'Я-то в магазине зеленый (похожий на цвет травы) купила': *locative*

(18) i*ki* *mä toў̆ə-**nə*** *nuķ li-s-uj-əm tom*
старик 1SG огонь-LOC вверх есть-PST1-PASS-1SG тот
peļk-äm *kirəɣt-ä*
сторона-POSS 1SG переворачивать-IMP.SBJ.SG

'Старик, я поджарился (буквально: я огнем наелся), переверни меня': *agentive*

Местный маркер *-nə/-nə* также используется для обозначения агента при пассивном сказуемом.

Локативный маркер может кодировать подлежащее активного сказуемого и, таким образом, разделять синтаксическую функцию номинативного маркера. По мнению Д. Ф. Мымриной, подобное употребление локативного маркера связано с актуальным членением предложения, так как агентивная форма, маркированная локативным маркером, обозначает центр внимания, и с его помощью указывается тема текста. В связи с этим также можно говорить о реализации в хантыйском языке категории определенности / неопределенности, характерной для уральских языков. Так, при сопоставлении двух примеров активной конструкции, где 1) агенс употребляется в номинативной форме и 2) агенс имеет показатель локативного падежа, становится очевидным, что локативный маркер подчеркивает определенность агенса (в отличие от конструкции с номинативным показателем), указывая на то, от кого именно исходит действие, либо кому оно принадлежит [Мымрина 2006: 13].

(19) *käčəŋ ni-**nə*** *jernäs-ə* *män-t mə-ɣäs-ət*
каждая женщина-LOC платье-OBJ 1SG-ACC давать-PST2-SBJ.3PL

'Каждая женщина дала мне платье (буквально: каждой женщиной платьем мне давали)': *agentive*

Более того, в современном ваховском хантыйском локативный маркер *-nə/-nə* присоединяется к подлежащему в конструкции со сказуемым, имеющим пассивный маркер 3SG *-i/-i*. Маркер *-i/-i* используется со всеми лицами и числами подлежащего. Конструкция не имеет пассивного значения. Конструкция с пассивным маркером часто используется в реальной речи ваховских ханты, но ранее детально не описывалась. Эта конструкция характерна только для восточных диалектов. В ходе экспедиционной работы мы повсеместно встречали образцы с данной конструкцией в речи ваховских и аганских ханты. Детальное описание и анализ применения данной конструкции может стать задачей нового исследования в перспективе. Приведем несколько примеров с данной конструкцией для иллюстрации:

(20) *äni-sä-ɣən-**nə*** *əjķa* *por ķaɣrəmtə-s-ị*
сестра-DERIV-DU-LOC вместе пешня хватать-PST2-PASS.3SG
päni səwəs *iki* *waməs-a poɣləm-s-ị*
и лесной. дух старик ягодицы-LAT тыкать-PST2-PASS

‘Сестра с братом вместе пешню схватили и Севсики в ягодицы ткнули’:

(21) *kolya-j-**ən*** *ilən* *mən-ɣäs-i*

3SG-EP-LOC	рано	покидать-PST2.PASS.3SG

‘Коля рано ушел’:

Анализ функциональных особенностей локативного маркера свидетельствует о том, что данный показатель обладает самой высокой полифункциональностью в силу его вовлеченности в сферу средств выражения не только пространственной семантики, но и грамматических отношений.

Остальные падежные маркеры, а именно: показатели абессивного, дистрибутивного, комитативного, объектного и транслативного падежей — имеют различную «адвербиальную» и «косвенную» семантику.

Комитативное значение маркера *-na/-nä* представляет собой континуум комитативного и орудийного значений. Несмотря на существующие связи между комитативным и орудийным значениями, которые составляют ядро семантики конструкций с предлогом совместности, типологические исследования 280 языков, проведенные Т. Штольцем [Stolz 1966], показывают, что только 23 % идиомов обладают синкретическими инструментально-комитативными маркерами. В ваховском языке комитативный маркер *-na/-nä* может обозначать совместность, инструмент, материал и средство передвижения.

(22) *paɣ-ət-**nə*** *n’uɣəl-l-i* *jəŋk-i*

мальчик-PL-LOC	преследовать-NPST-PASS	вода-DERIV
*köɣəl-**nä-ti***	*jəŋk-i*	*köɣəl-**nä***
чашка-COM-PRTC	вода-DERIV	чашка-COM

‘Мальчики бегут за мамой с чашкой воды’: *comitative*

(23) *män-nə* *ämp* *juɣ-**na** joɣim-s-i*

1SG-LOC	собака	палка-COM ударять-PASS-3SG

‘Я ударил собаку палкой’: *instrumental*

Дискуссионным вопросом среди хантологов является форма этого падежного маркера, которая чаще других падежных морфем обладает способностью принимать частицу *-t(i)/t(i)*, приобретая форму *-nat/-nät* или *-nati/-näti* [Терешкин 1961: 51; Gulya 1966: 57].

Наши собственные полевые данные показывают, что частица ti/tɨ не влечет за собой изменения значения маркера *-na/-nä*, о чем может свидетельствовать пример (22), в котором одно и то же слово с маркером *-na/-nä* употребляется с частицей и без нее. Причиной подобной вариативности, возможно, является стремление либо к благозвучности языковых форм, либо к привлечению внимания. Частица носит универсальный характер, может добавляться как к любым именным, так и к глагольным маркерам, ср. примеры (24–25), но частотность ее употребления с комитативным маркером преобладающая:

(24) *masha* *pəsän* *olwentəɣ* *taɣta-**na-ti***

Маша	стол	материал	кусок-COM-PRTC

tŏɣ seɣətə-ɣäs-ti

там вытирать-PST2.SBJ.3SG-PRTC

‘Маша вытерла стол тряпкой’:

(25) *mä* *kəɲčil-s-əm* *ķul-**a-ti***

1SG	искать-PST1-SBJ.1SG	рыба-LAT-PRTC

‘Я рыбачил’:

В плане семантики маркеру локативного падежа противопоставляется маркер **абессивного падежа** *-ləɣ/-läɣ*, который кодирует значение ‘отсутствие чего-либо’ (см. пример (25)). Маркер является монофункциональным, не демонстрируя никаких особенностей употребления. Единственный факт, который может привлечь внимание, это отсутствие данного показателя в парадигме именного склонения, приведенной Н. И. Терешкиным, так как, видимо, он зачислен к деривационным суффиксам.

(26) *mä* *ämp-**läɣ*** *ķoɣa-l-em*

1SG	собака-ABS	идти-NPST-SBJ.1SG

‘Я иду без собаки’: *abessive*

Маркер обликативного падежа *-(t)ə/-(t)ə̈* выделяется как морфема, обозначающая

неодушевленный объект переходного глагола в субъектном или объектном спряжении, активном или пассивном. Семантика маркера достаточно узкая, поэтому формы с маркером объектного падежа нечасто встречаются в речи ханты, тем не менее данный показатель считается продуктивным и не вытесняется никаким другим маркером, обладая совершенно не схожей ни с каким другим падежом семантикой. Поскольку семантика данного маркера считается близкой семантике творительного падежа в русском языке, ученые выбирают термины «инструменталис-объектив, творительный, творительно-объектный» [Мымрина 2006: 7; Хонти 1995: 10; Терешкин 1961: 52]. Я. Гуйя называет показатель -(t)ə/-(t)ӓ маркером косвенного объекта [Gulya 1966: 53].

Тем не менее подобные терминологические обозначения не в полной мере отражают действительную семантику показателя объектного падежа. Примеры (27–28) показывают, что рассматриваемая морфема не маркирует семантику инструмента, хотя при буквальном переводе на русский язык «Он меня платком одарил» хантыйская форма в объектном падеже «платок» передается в русском формой творительного падежа. В литературном варианте перевода этой же хантыйской единице соответствует русская лексема в форме винительного падежа: «платок» (27–28):

(27)	*lüɣ-ən*	*män-t sumənɣ-**ə***	*mäjlä-s*
	3SG-LOC	1SG-ACC платок-OBL	дать-PST1.SBJ.3SG

‘Он мне платок подарил’: *oblique*

(28)	*män-t äčiɣ*	*jəŋk-**ə***	*məj-itəɣ*
	1SG-ACC холодный	вода-OBL	давать-IMP.SBJ.PL.

‘Дай мне холодной воды’: *oblique*

Маркер транслативного падежа *-ɣ/-əɣ/-ӓɣ* сигнализирует о значении перехода из одного состояния в другое. Значение перехода из одного состояния в другое обычно кодируется динамическими глагольными предикатами *jəta* «становиться» и *sälimtätä* «превращаться». Это иллюстрируется примерами (29–30):

(29)	*äjlänä püt*	*’k-äli-**kə***	*sälimtə-s päni ɣat*
	once	птица-DIM-TRL	happen-PST1 SBJ.3SG и дом
	ɣoɳ-oɣ	*köm*	*poryələ-s*
	потолочное	отверстие-ABL наружу	летать-PST1.SBJ.3SG

‘Внезапно он превратился в птицу и вылетел наружу через отверстие в потолке’: *translative*

(30)	*lüɣ jol-ta*	*ɣu-j-**ɣ***	*jə-ɣäs*
	3SG шаманить-INF	мужчина-TRL	становиться-PST2.SBJ.3SG

‘Он стал шаманом’:

В таблице 2 представлены сравнительные данные о падежных маркерах ваховских ханты, извлеченные из научных исследований XX в. [Karjalainen, Vértes 1964; Терешкин 1961; Gulya 1966; Honti 1986; Мымрина 2006: 7–8] и собранные в ходе недавних полевых исследований.

Из данных таблицы 2 можно сделать вывод о том, что падежная система изучаемого языка практически не изменилась, несмотря на постоянное влияние русского языка. Падежная парадигма современных ваховских ханты включает 10 падежных морфем, исключая элемент *nìŋìt*, используемый для сравнения объектов. Исключение сравнительного элемента мотивировано новой трактовкой его статуса, который в настоящем исследовании выделяется как автономный постпозитивный элемент. Дистрибутивный маркер *-(ə)təl/-(ӓ)täl* ограничен в употреблении. Маркер комитативного падежа *-na/nä* часто употребляется с частицей ti/tɨ, что не меняет комитативно-орудийную семантику маркера.

5. Заключение

Одной из задач современной хантологии является систематизация языковых данных, отражающих синхронные срезы состояния диалектных систем в различные периоды их существования, а также их теоретическое осмысление в научных трудах исследователей, представляющих различные национальные лингвистические школы. Массивы данных, представленные в грамматических очерках, диссертациях, научных статьях и других публикациях за более чем полуторавековой период изучения множественных диалектов

Таблица 2. Сравнение ваховских падежных маркеров по материалам грамматик и современных полевых исследований
[*Table 2.* Comparison of the Vakh case markers based on materials from the grammars and the latest field research]

No.	*Падеж*	*Маркеры / Карьялайнен (К), Терешкин (Т), Гуйя (Г), Хонти (Х), Мымрина (М)*	*Примеры*
Синтаксическая группа			
1	**Номинативный**	Ø	
Семантическая группа 1			
2	**Аблативный** (Отложительно-продольный Т)	*oɣ/χ* (К) *oɣ/öɣ/aɣ/äɣ* (Т) *oɣ/öɣ* (Г, Х)	*oɣ/öɣ*
3	**Аллативный** (Направительный Т) (Апроксимитатив Х)	— (К) *(a)pa/(ä)pä*	*(a)pa/(ä)pä*
4	**Лативный** (Датив К) (Направительно-целевой Т) (Латив-Датив Х) Аллатив (М)	*a/ä*	*a/ä*
5	**Локативный** (Локатив Х) (Местный Т) (Инструменталис-комитатив М)	*nɛ* (К) *nə/nə̈*	*nə/nə̈*
Семантическая группа 1			
6	**Абессивный** (Каритив К)	*ləχ* (К) — (Т) *ləɣ/lə̈ɣ* (Г, Х)	*ləɣ/lə̈ɣ*
7	**Комитативный** (Творительно-совместный Т) (Инструменталис-комитатив М)	*nàt* (К) *na/nä* (Т) *nät(i)/nat(i)* (Г) *nat/nät* (Х)	*na/nä*
8	**Компаративный**	*niŋìt/SG* (К) — (Т, Х) *niŋə(t)/niŋə̈(t)* (Г)	—
Семантическая группа 2			
9	**Дистрибутивный**	— (К, Т, Г) *təlta/tə̈ltä* (Х)	*-(ə)təl/-(ə̈)t*
10	**Обликативный** (Инструктивно-финальный Х) (Творительно-объектный Т) (Инструменталис-объектив М)	— (К) *(t)ə/(t)ə̈*	*(t)ə/(t)ə̈*
11	**Транслативный** Превратительный (Т, Х)	— (К) *ɣ/əɣ/ə̈ɣ (< ķə/kə̈)*	*ɣ/əɣ/ə̈ɣ (< ķə/kə̈)*

хантыйского языка, свидетельствуют о зафиксированных исследователями языковых явлениях в динамическом аспекте, что позволяет отследить факты языковых изменений и выявить закономерности в их реализации.

Широкое внедрение в исследовательский процесс цифровых технологий способствует получению более точных и верифицируемых результатов на основе обработки большего массива языковых данных. Платформа для совместной работы LingvoDoc уже содержит значительный по объему текстовый корпус полевых данных на диалектах хантыйского языка, аналитическая обработка которого посредством поискового функционала цифрового ресурса позволяет минимизировать временные ресурсы на получение требуемого фактического материала.

Категория падежа в ваховском диалекте хантыйского языка, проанализированная по материалам грамматических пособий прошлого века и новейшим оцифрованным полевым данным, сохраняет свой системный характер и не обнаруживает признаков свертывания или ослабления. Устойчивость системы падежных показателей сохраняется на протяжении всего периода изучения хантыйских диалектов, однако ввод в научный оборот результатов наблюдений за функциональной спецификой отдельных падежных форм вызвал появление терминологической синонимии, представляющей источник для научных дискуссий. В настоящей работе представлено обобщение различных подходов к терминированию засвидетельствованных падежных показателей в ваховском хантыйском, на основе которого предложена авторская классификация падежей по грамматическому и семантическому признакам. В отличие от грамматической группы, которая фактически представлена одним репрезентантом, а именно, номинативным падежом, совокупность семантических падежей может быть разбита на три подгруппы, одна из которых связана с маркированием различных нюансов пространственной семантики (аблативный, аллативный, лативный, локативный падежи). Во вторую подгруппу включены падежные показатели, функционально ориентированные на выражение семантики совместности/раздельности (комитативный и абессивный падежи), а в третью — семантики косвенных падежей (дистрибутивный, объектный и транслативный падежи).

Спецификой большинства семантических падежей является их полифункциональность, которая заключается в синкретичности передаваемых падежными показателями значений. Наибольшую полифункциональность обнаруживает маркер локативного падежа, особенностью которого является его вовлеченность в области грамматических и семантических отношений. Число монофункциональных падежных маркеров невелико и охватывает абессивный, объектный и транслативный падежные морфемы.

Сокращения

ABL — аблатив
ABS — abessive
ACC — аккузатив
ALL — аллатив
COM — комитатив
DIM —диминутивный
DERIV — деривационный
DISTR — дистрибутивный
DU — двойственный
IMP — imperative
EP — эпентетический
LAT — лативный
LOC — локативный
MULT — мультипликативный
NPST — непрошедшее
NST — бессуффиксальное
OBJ — обликативный
PST1 — прошедшее на -s
PST2 — прошедшее на -ɣas/-ɣäs
PASS — пассивный
PL — множественный
POSS — посессивный
PRTC — частица
SBJ — субъектный
SG — единственный
PRED — предикативный
TR — транслативный

Литература

Ганенков 2002 — *Ганенков Д. С.* Типология падежных значений: семантическая зона пролатива // Исследования по теории грамматики. Вып. 2: Грамматикализация пространственных значений в языках мира: сб. ст. / ред. В. А. Плунгян. М.: Русские языки, 2002. С. 1–23.

Животиков 1942 — *Животиков П. К.* Очерк

грамматики хантыйского языка (средне-обской диалект). Ханты-Мансийск: Изд. Окр. комиссии по разработке лит. хантыйского языка при Исполкоме Ханты-Мансийского Окрсовета деп. трудящихся, Омской области, 1942. 120 с.

Кастрен 1849 — *Кастрен М. А.* Опытъ перевода Остяцкой грамматики съ краткимъ словаремъ. СПб.: Имп. акад. наук, 1849. 125 с.

Мельчук 1998 — *Мельчук И. А.* Курс общей морфологии. Т. 2. М.; Вена: Языки русской культуры, Венский славистический альманах, 1998. 544 с.

Мымрина 2006 — *Мымрина Д. Ф.* Категория падежа в хантыйском языке (сопоставительный аспект): автореф. дисс. … канд. филол. наук. Томск, 2006. 27 с.

Обско-угорский 2022 — Обско-угорский корпус (хантыйский, мансийский языки) // Виртуальная лаборатория Lingvodoc 3.0. 2022. URL: http://lingvodoc.ispras.ru/corpora_all?language=5321%2C136929 (дата обращения: 10.06.2023).

Плунгян 2002 — *Плунгян В. А.* О специфике выражения именных пространственных характеристик в глаголе: категория глагольной ориентации // Исследования по теории грамматики. Вып. 2: Грамматикализация пространственных значений в языках мира: сб. ст. / ред. В. А. Плунгян. М.: Русские словари, 2002. С. 57–99.

Плунгян 2003 — *Плунгян В. А.* Введение в проблематику. М.: Едиториал УРСС, 2003. 384 с.

Терешкин 1961 — *Терешкин Н. И.* Очерки диалектов хантыйского языка (ваховский диалект). Л.: Наука, 1961. 204 с.

Хонти 1995 — *Хонти Л.* Ваховский диалект хантыйского языка // Народы Северо-Западной Сибири. сб. ст. Т. 2 / под ред. Н. В. Лукиной. Томск: ТГУ, 1995. С. 3–22.

Чепреги 2017 — *Чепреги М.* Сургутский диалект хантыйского языка. Ханты-Мансийск: Печатный мир г. Ханты-Мансийск, 2017. 275 с.

Comrie 1988 — *Comrie B.* General Features of the Uralic languages // The Uralic Languages: Description, History and Foreign Languages. Handbuch der Orientalistik / D. Sinor (ed.). Leiden; New York; København; Köln: Brill, 1988. Pp. 451–476.

Csepregi 1998 — *Csepregi M.* Szurguti osztják chrestomathia. Szeged: JATE Finnugor Tanszék, 1998. 183 p.

Filchenko 2007 — *Filchenko A. Yu. A* Grammar of Eastern Khanty: Dissertation & Theses. Houston, Texas: ProQuest Information and Learning Company, 2007. 564 p.

Gulya 1966 — *Gulya J.* Eastern Ostyak Chrestomathy. Bloomington; the Hague: Indiana Univ., 1966. 207 p.

Honti 1986 — *Honti L.* Chrestomathia Ostiacica. Budapest: Tankönyvkiadó, 1986. 285 p.

Karjalainen, Vértes 1964 — *Karjalainen K. F., Vértes E.* Grammatikalische Aufzeichnungen aus Ostjakischen Mundarten. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1964. 341 p.

Stolz 1966 — *Stolz Th.* Komitativ-Typologie: MIT- und OHNE-Relationen im crosslinguistischen Überblick // Papiere zur Linguistik. 1966. № 54(1). Pp. 3–65.

Vorobeva, Novitskaya 2020 — *Vorobeva V., Novitskaya I.* Inflectional morphology of nouns in Eastern Khanty (Vakh, Vasyugan, Surgut, Salym) // Ural-Altaic Studies. 2020. № 3(38). Pp. 33–70.

References

Castren M. A. Grammar of Ostyak: A Translation (Supplemented with a Concise Dictionary). St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences, 1849. 125 p. (In Russ.)

Comrie B. General features of the Uralic languages. In: Sinor D. (ed.) The Uralic Languages: Description, History and Foreign Languages. Handbuch der Orientalistik. Leiden, New York, Copenhagen, Köln: Brill, 1988. Pp. 451–476. (In Eng.)

Csepregi M. Surgut Khanty Chrestomathy. Szeged: JATE Finnugor Tanszék, 1998. 183 p. (In Khanty and Hung.)

Csepregi M. Surgut Khanty. Khanty-Mansiysk: Pechatnyi Mir, 2017. 275 p. (In Russ.)

Filchenko A. Yu. A Grammar of Eastern Khanty: Dissertation & Theses. Houston, Texas: ProQuest Information and Learning Company, 2007. 564 p. (In Eng.)

Ganenkov D. S. Typology of case meanings: A semantic domain of the prolative. In: Plungyan V. A. (ed.) Studies in Theory of Grammar. Vol. 2: Grammaticalization of Spatial Meanings in Languages of the World. Collected papers. Moscow: Russkie Slovari, 2002. Pp. 1–23. (In Russ.)

Gulya J. Eastern Ostyak Chrestomathy. Bloomington, the Hague: Mouton & Co., Indiana University, 1966. 207 p. (In Khanty and Eng.)

Honti L. Ostyak Chrestomathy. Budapest: Tankönyvkiadó, 1986. 285 p. (In Khanty and Hung.)

Honti L. Vakh Khanty. In: Lukina N. V. (ed.) Peoples of Northwestern Siberia. Collected

papers. Vol. 2. Tomsk: Tomsk State University, 1995. Pp. 3–22. (In Russ.)

Karjalainen K. F., Vértes E. Grammatikalische Aufzeichnungen aus Ostjakischen Mundarten. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1964. 341 p. (In Germ.)

Melchuk I. A. General Morphology: A Coursebook. Vol. 2. Moscow, Vienna: Yazyki Russkoy Kultury, Wiener Slawisticher Almanach, 1998. 544 p. (In Russ.)

Mymrina D. F. The Category of Case in Khanty: A Comparative Aspect. Cand. Sc. (philology). Tomsk, 2006. 27 p. (In Russ.)

Ob-Ugrian Corpus (Khanty, Mansi). On: LingvoDoc 3.0 Platform. 2022. Available at: http://lingvodoc.ispras.ru/corpora_all?language=5321%2C136929 (accessed: 10 June 2023). (In Khanty and Mansi)

Plungyan V. A. An Introduction to the Research Agenda. Moscow: Editorial URSS, 2003. 384 p. (In Russ.)

Plungyan V. A. More on the specifics of expressing nominal spatial characteristics in verbs: The category of verbal orientation. In: Plungyan V. A. (ed.) Studies in Theory of Grammar. Vol. 2: Grammaticalization of Spatial Meanings in Languages of the World. Collected papers. Moscow: Russkie Slovari, 2002. Pp. 57–99. (In Russ.)

Stolz Th. Komitativ-Typologie: MIT- und OHNE-Relationen im crosslinguistischen Überblick. *Papiere zur Linguistik*. 1966. No. 54(1). Pp. 3–65. (In Germ.)

Tereshkin N. I. Essays on Khanty Dialects: Vakh Khanty. Leningrad: Nauka, 1961. 204 p. (In Russ.)

Vorobeva V., Novitskaya I. Inflectional morphology of nouns in Eastern Khanty (Vakh, Vasyugan, Surgut, Salym). *Ural-Altaic Studies*. 2020. No. 3(38). Pp. 33–70. (In Eng.)

Zhivotikov P. K. A Grammar of Khanty: The Middle Ob Dialect. Khanty-Mansiysk: Commission for the Development of Standard Khanty, 1942. 120 p. (In Russ.)

Published in the Russian Federation
Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
Has been issued as a journal since 2008
ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
Vol. 16, Is. 5, Pp. 1398–1409, 2023
Journal homepage: https://kigiran.elpub.ru

CC BY NC ND

УДК / UDC 821(470)
DOI: 10.22162/2619-0990-2023-69-5-1398-1409

История хазар и гибель города Анжи в художественном отражении Мухаммеда Аваби Акташи в книге «Дербенд-наме»

Сабина Низамиевна Ханбалаева[1], *Махач Мустафаевич Вагабов*[2], *Разият Абдуллаевна Ахмедова*[3]

[1] Московский государственный институт международных отношений (МГИМО) МИД России (д. 76, пр. Вернадского, 119454 Москва, Российская Федерация)
доктор филологических наук, доцент
0000-0002-8142-2074. E-mail: sabinamgimo[at]mail.ru

[2] Московский государственный политехнический университет (д. 38, ул. Большая Семеновская, 107023 Москва, Российская Федерация)
доктор исторических наук, профессор
0000-0002-6949-9490. E-mail: 9162803[at]mail.ru

[3] Дагестанский государственный университет (д. 37, ул. Магомеда Гаджиева, 367000 Махачкала, Российская Федерация)
доктор филологических наук, профессор
0000-0001-6437-590X. E-mail: raziyathanum[at]gmail.com

© КалмНЦ РАН, 2023
© Ханбалаева С. Н., Вагабов М. М., Ахмедова Р. А., 2023

Аннотация. *Введение.* В статье исследуются вопросы художественного отражения истории города Дербента, строительства Дербентской стены, истории Хазарского государства и древнего города Анжи в книге «Дербенд-наме» Мухаммеда Аваби Акташи. *Актуальность* данного исследования состоит в том, что общемировая смена культурной парадигмы диктует новое рассмотрение проблемы осмысления средневековых летописей и исторических хроник, что открывает возможности для нового понимания информации, заключенной в письменном источнике, определения задачи автора в написании хроники, его замысла как основного фильтра, позволившего отобрать необходимую для повествования информацию из предшествовавших источников, осмысления и отражения отношения автора к описываемым событиям прошлого. Объектом исследования является книга XVI в. «Дербенд-наме» кумыкского автора Мухаммеда Аваби Акташи (XVI–XVII вв.). *Цель* исследования — выявить художественную задачу средневекового автора при создании историко-художественной прозы, заложенный в ней скрытый смысл, а также показать, как автор смог воздействовать на чувства читателя, используя художественные приемы и средства выразительности. В исследовании использованы культурно-исторический *метод*, рецептивный метод, который осуществляется в рамках «читательских ожиданий», сформированных на этой основе жанровых норм, соотношения творческого письма и реальности, текста и контекста, а также герменевтический метод, указывающий на возможность

множественных интерпретаций одного и того же произведения. *Результаты* исследования подтверждают, что средневековое историческое сочинение «Дербенд-наме» имело подтекст, а также авторское отношение к описываемым событиям, представляя собой художественно обобщенное произведение. Образ легендарного Александра Македонского в «Дербенд-наме» выполнял одну из художественных задач автора, которому было недостаточно исторических документов и фактов, чтобы написать увлекательную книгу. *Выводы*. Произведение «Дербенд-наме» стоит у истоков зарождавшейся кумыкской прозы, а ее автор, оперируя не только документами и фактами, но и отражая свои знания в области древней художественной литературы, в нетрадиционной для исторических сочинений форме, а также, используя подтекст, пытался создать художественное произведение. Для этого автор, возможно, использовал источник «Анджи-наме», отражавший историю Хазарского государства. Текст книги проанализирован нами в связи со сменой культурной модели и в свете нового понимания сведений, письменных источников, что позволило установить задачу, идею автора и постичь его замысел, его собственное присутствие в тексте книги, а также начало развития художественного текста в средневековой кумыкской литературе.

Ключевые слова: история хазар, Дербент, Анжи, Александр Македонский, кумыкская проза, Дербенд-наме, дагестанская литература

Для цитирования: Ханбалаева С. Н., Вагабов М. М., Ахмедова Р. А. История хазар и гибель города Анжи в художественном отражении Мухаммеда Аваби Акташи в книге «Дербенд-наме» // Oriental Studies. 2023. Т. 16. № 5. С. 1398–1409. DOI: 10.22162/2619-0990-2023-69-5-1398-1409

Derbend-Nameh by Muhammad Avabi Aktashi: A Literary Reflection of Khazar History and How the City of Anji Was Destructed

Sabina N. Khanbalaeva[1], *Makhach M. Vagabov*[2], *Raziyat A. Ahmedova*[3]

[1] Moscow State Institute of International Relations (76, Vernadskiy Av., Moscow 119454, Russian Federation)
Dr. Sc. (Philology), Associate Professor
0000-0002-8142-2074. E-mail: sabinamgimo[at]mail.ru

[1] Moscow Polytechnic University (38, Bolshaya Semenovskaya St., 107023 Moscow, Russian Federation)
Dr. Sc. (History), Professor
0000-0002-6949-9490. E-mail: 9162803[at]mail.ru

[1] Dagestan State University (37, Magomed Gadzhiev St., 367000 Makhachkala, Russian Federation)
Dr. Sc. (Philology), Professor
0000-0001-6437-590X. E-mail: raziyathanum[at]gmail.com

© KalmSC RAS, 2023
© Khanbalaeva S. N., Vagabov M. M., Ahmedova R. A., 2023

Abstract. *Introduction*. The paper attempts a scholarly insight into medieval historical chronicles for a new comprehension of Derbend-Nameh by Muhammad Avabi Aktashi (sixteenth–seventeenth centuries) that stands at the beginnings of Dagestani prose. *Goals*. The study seeks to identify the literary task set forth by the medieval author when he set to create the historical/literary narrative, reveal some meanings hidden therein, and show how the author influences a reader with the aid of stylistic techniques and expressive means. *Methods*. The work employs the cultural/historical and receptive methods, the latter be manifested (implemented) via 'readers' expectations', certain derived genre norms, implied correlations between fiction and reality, text and context. The hermeneutic method proves most instrumental in revealing opportunities for multiple interpretations of one and the same text. *Results*. Our study attest to the author used not only documents and facts from the preceding Tawarikh-i Derbend-Nameh (The Book of Derbent Stories) but also invested his own knowledge of ancient fiction and undertones — to establish the genre of historical prose in Kumyk

literature. This is evidenced by the author's appeal to the key characteristic features of fiction: abundance of folklore legends, fragments from Arab, Oriental and European chronicles and fiction texts; hyperbolized narration about the size of Derbent and the Derbent Wall; fantastic elements, images of historical personalities, such as Zulkarnein Iskander (Alexander the Great), Kubad-Shah, Abu-Muslim and others; the formal and compositional division of the text (war between Arabs and Khazars, war between Persians and Khazars, ruling years of Abu Muslim); hidden meanings of the narrative about Khazars and the city of Anji (emotional narrative of battles attended by Khazars and Muslims); reflections on the turning point in history, impacts on the reader's feelings by means of literary devices and artistic expressions. *Conclusions*. Despite the book by Muhammad Avabi Aktashi deals with the history of Derbent, it clearly shows the author's intention and literary task to shed light on another city, the ancient Anji, as well as on the tragic collapse of the Khazar state. It is shown that the book served a landmark at the beginnings of Kumyk prose — and gave impulse to the latter's further evolution.

Keywords: history of Khazars, Derbent, Anji, Alexander the Great, Kumyk prose, Derbend-Nameh, Dagestani literature

For citation: Khanbalaeva S. N., Vagabov M. M., Ahmedova R. A. Derbend-Nameh by Muhammad Avabi Aktashi: A Literary Reflection of Khazar History and How the City of Anji Was Destructed. *Oriental Studies*. 2023; 16(5): 1398–1409. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2023-69-5-1398-1409

1. Введение

Кумыкская литература получила свое развитие еще в раннем средневековье. На рубеже XVI–XVII в. кумыкская проза впитала в себя фольклорные легенды, традиции восточной и западной хроникальной литературы, а также предшествующей исторической и художественной литературы.

У истоков развития этой литературы стоит имя средневекового ученого Мухаммеда Аваби Акташи и его знаменитая книга «Дербенд-наме», появившаяся в XVI в. и отразившая события V–XI вв., а также предшествовавшие исторические тексты X–XIII вв.

«Дербенд-наме» переведена на многие языки и хранится в Российской национальной библиотеке в Москве, а также в Санкт-Петербурге, Тбилиси, Баку, Ереване. Неполный текст книги хранится в Геттингенском университете, копия которой была передана Дагестанским научным центром РАН.

Известно, что еще в XI–XII вв. достигла расцвета византийская историография, в которой уже пробивалось индивидуальное начало и живой авторский голос (Михаил Пселл, Анна Комнина, Никита Хониат и др.) [Пселл 2003]. Их сочинения пользовались большой популярностью и нередко переводились на языки соседних народов. Одновременно с историографией развивалась хронография — средневековый жанр исторического сочинения, основоположником которого был Евсевий (ок. 260 – ок. 340) [Византийский словарь 2011: 317–318]. Его хроника, которая начиналась с сотворения мира и истории Адама и Евы, уже отличалась от тех хроник, в которых в основном были лишь регистрации важнейших фактов. Каждая хроника имела по нескольку продолжателей, и авторство часто не играло никакой роли.

Византийская историография была известна в Дагестане, поскольку ее нынешняя территория в силу своего географического положения с древнейших времен находилась в сфере интересов различных государств, и через эту территорию проходили бесчисленные завоевательные походы. Многократному изменению подвергались не только религия, но и общегосударственный язык, что отразилось на развитии культуры и литературы. Здесь рождались, расцветали и погибли такие государства, как государство гуннов, Кавказская Албания, Хазарское государство. Люди на этой территории до ислама исповедовали разные религии, в том числе и христианство (VI в.), которое просуществовало здесь почти 100 лет [Петрухин, Раевский 2004: 354–357; Артамонов 1946: 121–144; Магомедов 1983: 25–27].

Кумыкский ученый-литературовед А.-К. Ю. Абдуллатипов, ссылаясь на труды средневекового историка Захария Ритора и исследования ученых XX в. М. И. Артамонова, М. Г. Магомедова и др., отмечает, что на территории Дагестана в период суще-

ствования Гуннского государства распространилось христианство и христианская культура [Абдуллатипов 1995: 7].

М. С. Гаджиев, называя Дербент памятником мировой истории и культуры», пишет: «Впечатляющие грандиозные укрепления породили немало легенд о них. С ними, например, отождествляется стена, плотина, «Железные ворота», якобы возведенные Искандером Зулькарнейном (Александром Македонским) для защиты цивилизованного мира от набегов свирепых племен Йаджудж и Малжудж (Библейские Гог и Магог)» [Гаджиев 2015: 8]. Эта легенда, получившая широкое распространение на христианском и мусульманском Востоке, переведена в Коране [Коран 97]; о ней рассказывает и выдающийся Низами Гянджеви в поэме «Искандер-наме» [Гаджиев 2015: 8; Низами 1983: 718].

Все это повлияло на развитие литературы народов Дагестана и, в частности, кумыкской литературы, представителем которой является Мухаммед Аваби Акташи — автор средневековой хроники «Дербенд-наме», повествующей о строительстве города Дербента, о возрасте которого идут бесконечные споры. Например, известный археолог А. А. Кудрявцев утверждает, что Дербенту 5 000 лет [Кудрявцев 1982: 19–21].

Несмотря на то, что книга Мухаммеда Аваби Акташи посвящена истории города Дербента, в ней отчетливо просматривается замысел или художественная задача автора: рассказать и о другом городе — древнем Анжи и трагической гибели некогда мощного Хазарского государства.

Порядок изложения событий и исторических документов в этой широко известной на Востоке и Западе книге был определен тем, что «в своем сочинении он [автор][1] использовал также историко-этнографические и фольклорные материалы» [Гасанов 2019: 69]. Поэтому замысел автора определил не только форму изложения, но и использование определенных фольклорных и литературных параллелей. Так, в произведении, помимо отражения событий, заимствованных из предшествовавших исторических текстов, появляется то одна, то другая легенда и, в частности, легенда об Александре Македонском [Орлов 2015].

[1]Здесь и далее в цитатах уточнения авторов данной статьи приводятся в квадратных скобках.

Однако Е. А. Костюхин, автор книги «Александр Македонский в литературной и фольклорной традиции», пишет, что в античной литературной традиции, например Курция, Плутарха и др., «нет единого образа Александра Македонского» [Костюхин 1972: 21].

Известно, что в повествованиях об Александре (имеющих восточную и западную версии), например в «Романе об Александре» Псевдо-Каллисфена, история послужила почвой для создания фантастической биографии полководца и рассказов о тех местах, в которых Александр никогда не бывал (к примеру, в Китае). Существует легенда о том, что Александр построил Великую Китайскую стену [Псевдо-Каллисфен 1998]. Такая легенда существует и о строительстве древнего города Дербента.

А. А. Кудрявцев отмечает, что «версия об основании Александром Македонским города Дербента» распространилась в средневековой восточной литературе, где Александр выступает под именем Искандера Зулькарнейна, а некоторые арабские авторы отождествляли его не с Александром Македонским, а с более древним завоевателем Искандером [Kudryavtsev 1992: 13–19].

Средневековый кумыкский ученый понимал, что исторический текст может сделать книгу скучной для чтения большого круга читателей, поэтому у него появилась новая задача — сделать ее интересной при помощи образа прославленного героя. Так, легендарный образ Александра Македонского стал частью художественной задачи книги «Дербенд-наме», в которой замысел и содержательно-подтекстовую информацию можно вывести из контекста.

Научной базой исследования послужили труды В. В. Бартольда [Бартольд 1973], М. А. Казембека [Казембек 1985], Е. А. Костюхина [Костюхин 1972], А. А. Кудрявцева [Кудрявцев 1982], Г. М. Оразаева [Оразаев 2017], М. С. Гаджиева [Гаджиев 2015], М. Р. Гасанова [Гасанов 2019] и др.

С 1726 г. к произведению «Дербенд-наме» проявили интерес путешественники, академики, ученые, писатели, историки, востоковеды: Адам Ореалий [Олеарий 1906], И. П. Минаев [Минаев 1902], Я. Рейнеггс [Reineggs 1796], Э. Челеби [Челеби 1979], Н. М. Карамзин [Карамзин 1818], Е. Козубский и др. [Козубский 1906]. Кни-

га «Дербент-наме» была подарена русскому царю Петру I в 1722 г.

В своих трудах, диссертациях, статьях последних лет часто упоминают или опираются на данное произведение исследователи А. Т. Акамов [Акамов 2012], М. С. Абдурахманова и др. [Абдурахманова 2010].

Русские переводы этой книги осуществлены В. Ф. Минорским [Minorsky 1958], А. Р. Шихсаидовым и Г. М. Оразаевым и др. [Шихсаидов, Оразаев 1992].

Дагестанские историки-востоковеды А. Р. Шихсаидов и Г. М. Оразаев отметили, что это произведение написано в жанре «магази», «футух ал-булдан» и «фадаил» [Шихсаидов, Оразаев 1992: 28]. А.-К. Ю. Абдуллатипов назвал данное произведение «историко-хроникальная проза» [Абдуллатипов 1995: 7–8], но не обосновал свое определение жанра.

Интересно и то, что «сравнительный анализ отдельных списков „Дербенд-наме“ показал, что тексты Петербургского списка 1810 г. и Румянцевского списка 1815–1816 гг. являются почти идентичными: в них имеется одно и то же авторское предисловие Мухаммеда Аваби Акташи, одинаковое время охватываемых в них исторических событий — с конца V по 1064 г., совпадают также составные части этих текстов и последовательность описываемых эпизодов и пр. Язык обоих текстов — тюркский» [Шихсаидов, Оразаев 1992: 23].

Однако многие из вышеуказанных авторов не задавались целью обосновать, почему они дают то или иное определение жанру книги. Известно, что процесс летописного прояснения истории шел параллельно с процессом затемнения истории, когда часто одно высвечивалось, другое отодвигалось в тень. Поэтому легенды тесно переплетались с подлинной историей построения древнейшего города Дербента и его крепостной стены.

Мухаммед Аваби Акташи, в книге которого сведения восходят к первоисточникам «по преимуществу арабских и персидских историков и географов — ал-Белазури, ал-Йакуби, Ибн Хордадбеха, Ибн ал-Факиха, Ибн Русты, ат-Табари, Ибн ал-Самазл-Куфи, Кудамы, ал-Истахри, Ибн Хаукаля, Бал'ами, ал-Масуди, ал-Мукаддаси» [Шихсаидов, Оразаев 1992: 35], предлагает версию, что Александр построил знаменитую Дербентскую стену «на благословенном месте» [Шихсаидов, Оразаев 1992: 35].

Задача автора изложить содержание «в изысканном историческом стиле» [Шихсаидов, Оразаев 1992: 39], а легендарный образ Александра Македонского в данном контексте выступает как часть замысла автора, наряду с такими историческими личностями, как Абу-Муслим, Кубад-шах, хазарский царь-Хакан. Автор пишет: «В известных исторических книгах повествуется, что отец Нушрвана — знаменитый Кубад-шах был иранским царем (падишах). А Хакан же был царем (*падишах*) тюрков и хазар. У него было войско (*лешгер*) для ведения войн, которое состояло из четырехсот тысяч человек. Местопребыванием [Хакана] был Накрат. Вся Русь уплачивала ему харадж» (дань)») [Акташи 1992: 41].

Мухаммед Аваби Акташи сообщает в начале своей книги о том, что он поставил перед собой задачу выбрать из «Таварих-и Дербенд-наме» («Книги историй Дербента») самую интересную часть, перевести на тюркский язык и написать занимательную книгу для своих читателей.

Так, Аваби Акташи приобщился к неисчерпаемой теме образа А. Македонского в литературе, и его хроника «Дербенд-наме» — одна из книг, которая получила довольно широкую известность благодаря стремлению автора предоставить читателю увлекательный материал: «Итак, говорит [автор] Мухаммед Аваби Акташи: когда по воле коварной судьбы я оказался среди знати (хешем) Эндирейа, [находящемся] в стране кумуков (кумук дийары)[1], потомок (огул) правителя Дагестана Герейхана, чья душа стяжала милость Бога, обладатель совершенного ума, счастливый, достославный и почитаемый, благороднейший и высокостепенный Чопан-бек, сын Шамхала, повелитель [равнинных] земель и гор до дня Страшного суда, — да продлит Аллах жизнь его и [даст ему] благоденствие, пока существуют небеса, земля и горы! — будучи любителем истории, он потребовал от меня выбрать из исторического сочинения (тарих),

[1] Речь идет о территории расселения северных кумыков, так называемой Засулакской Кумыкии, лежащей между Тереком и Сулаком. — Прим. и коммент. к переводу «Дербенд-наме» А. Р. Шихсаидова, Г. М. Оразаева [Шихсаидов, Оразаев 1992: 82].

известного под названием «Книга историй Дербента» («Таварих-и Дербенд-наме»), самую увлекательную часть, касающуюся только истории построения Бал-абва — ба[1], о его завоеваниях, а также о покорении всего Дагестана, и написать произведение на тюркском языке, избегая персидских и арабских слов и выражений, сложных для понимания и восприятия» [Акташи 1992: 39].

К настоящему времени существует около 40 списков этого исторического сочинения на многих языках (кумыкском, аварском, даргинском, арабском, персидском, немецком, английском и др.).

2. Поиск художественного отражения истории Мухаммедом Аваби Акташи XVI–XVII вв.

2.1. Образ Александра Македонского

Дагестанский ученый, следуя традициям арабо-восточной литературы, начал свою хронику с традиционного восхваления Аллаху, пророку Мухаммеду (Коран, сура 36, стих 82 и сура 2, стих 208). Он представил свою эпоху, личность правителя и себя как автора. И в то же время, как и византийские хронисты, которые были лишены критического отношения к источникам и собирали воедино разнообразные легендарные факты, весьма плодотворно использовал в тексте книги легенду об А. Македонском. Так, в зарождающейся кумыкской исторической прозе появился Зулькарнейн Искандер (Александр Македонский).

Средневековый мусульманский читатель не только принимал на веру все то, что писалось об Искандере (Александре), но и читал это с увлечением, поскольку речь шла о Зулькарнейне Искандере, образе из Корана. Существовали самые невероятные истории из жизни Александра, а также впечатляющие рассказы о строительстве древнего города Дербента.

Для написания «Дербенд-наме» автор, кроме упомянутого им исторического сочинения «Таварих-и Дербенд-наме» («Книга историй Дербента»), возможно, обратился к сочинению «Анджи-наме» [Къадимурза 2018: 200]. Мухаммеда Аваби Акташи как творчески мыслящего человека увлекали занимательность, хронология событий, а также легенды. Поэтому, рассказывая историю о построении Дербентской стены, он обращается к ним.

Ученый упоминает правителя Герейхана, который хотел увековечить свое имя в истории, предложив ученому написать новую книгу.

Автора с самого начала волнует стиль его книги, и он подчеркивает, что с людьми необходимо говорить согласно их уму: «Возможно, стиль и строй языка [моего перевода] не вызовут нарекания; [ибо сказано]: „Говори с людьми согласно их разуму“, иначе можно было бы, благодаря милосердию и благоволению Всевышнего и сообразно со своим дарованием, [изложить его содержание] [в изысканном] историческом стиле» [Акташи 1992: 39]. Это доказывает, что Аваби Акташи следовал не только за историческими фактами или документами, но и, отразив свои знания в области древней художественной литературы, пытался создать художественное произведение.

Произведения об Александре-Искандере и на Востоке, и на Западе являлись очень интересными для читателей средневековой приключенческой литературы. В связи с этим Е. А. Костюхин высказал мысль, что «сам факт этой двойственности оказался чрезвычайно плодотворным для литературного развития» [Костюхин 1972: 32], поскольку дальнейшая история развития исторической прозы показала, как на самом деле скрытое за пределами текста их сочинений получило благоприятное литературное развитие [Костюхин 1972: 32].

Именно такое раскрытие скрытого смысла в литературном произведении произошло в средневековой кумыкской литературе, в частности в произведении «Дербенд-наме» Мухаммеда Аваби Акташи, где в повествовании прослеживается художественное отражение героизма хазарского народа и скрытый замысел автора — рассказать об истории Хазарского государства и судьбе древнего города Анжи.

Как в свое время великий свободолюбивый творец Низами Гянджеви выразил свое негодование, когда правитель потребовал написать поэму на основании бедуинской легенды «Лейли и Меджнун», так и автор

[1] Одно из арабских наименований Дербента в средневековье; в рукописи употреблены параллельно оба названия города: арабское Баб ал-абваб и персидское Дербент. — Прим. и коммент. к переводу «Дербенд-наме» А. Р. Шихсаидова, Г. М. Оразаева [Шихсаидов, Оразаев 1992: 83].

«Дербенд-наме» показал свое недовольство, когда отметил, что по воле коварной судьбы он вынужден писать книгу по желанию правителя Чопан-Бека, сына Шамхала.

Во времена Мухаммеда Аваби Акташи образ Искандера в поэтической жизни Востока (начиная с X–XI вв.) имел очень большую популярность. Тогда на основе исторических хроник восточные поэты создавали свои неповторимые тексты («Шахнаме» А. Фирдоуси, «Искандер-наме» Низами). Например, Низами Гянджеви показал Александра Македонского в свете своей философии как самого праведного правителя, образца для подражания и пытался научить царей справедливо править страной [Бертельс 1947]. Его «дидактическая поэма» «Искандер-наме» — своеобразное «руководство к управлению страной, назидание правителям» [Низами 1983: 718–729].

Низами Гянджеви, творчество которого было хорошо известно дагестанским средневековым авторам, был своеобразным культурным авторитетом для Мухаммеда Аваби Акташи, который в своей книге «Дербенд-наме» также высказывает идею праведного правителя на примере властителя Дербента Абу-Муслима [Акташи 1992: 53].

Чтобы книга была более убедительной и интересной, ему был необходим исторический герой Александр Македонский, поскольку средневековая литература того времени, как правило, была пронизана историзмом. Однако к тому времени уже были забыты исторические подробности, особенно связанные с пребыванием Александра в той или иной стране, и это часто превращалось в легенду, столь излюбленную как западными, так и восточными древними авторами [Cary 1967: 53; Klarproth 1814: 83–85].

Мухаммед Аваби повествует о том, что «Кубад, когда добивался постройки этой стены, увидел в летописи (тарих) и услышал от некоторых людей, что это место благословенное и, что по указанию Ангела Джебраила — да будет мир ему! — здесь построил в свое время стену и крепостной вал Искандер Зулькарнейн. Тогда Кубад распорядился раскопать место расположения той стены, и она обнаружилась; стена эта была занесенной песком» [Акташи 1992: 40].

Как известно, важными жанровыми свойствами легенд являются ретроспективность, которая обусловливает своеобразную точку зрения на прошлое, и то, что в них дается пояснение каких-либо событий, какого-либо реального факта.

Гиперболизированный рассказ о размерах города, наличие фантастических элементов, формально-композиционное членения текста: в первой части о взаимоотношениях персов и хазар; во второй — о взаимоотношениях арабов и хазар и в третьей части — мирное строительство Дербента при правителе Абу-Муслиме, — говорят о признаках художественного текста в хроникальном сочинении «Дербенд-наме».

Автор на рубеже XVI–XVII вв. сделал попытку создать литературно-художественный текст, которого до этого времени не было в кумыкской литературе, что позволяет рассматривать текст «Дербенд-наме» Мухаммеда Аваби Акташи как начало развития кумыкской художественной прозы.

3. Голос автора и история Анжи

В тексте книги, которую в основном считают историческим сочинением, отчетливо слышен голос автора. Мухаммед Аваби отразил собственные видения событий V–XI вв. В процессе анализа данного текста мы определили, какие летописные сообщения были актуальными для автора, и на этом основании выявили базовую идею автора.

Мухаммед Аваби хотел рассказать не только о построении Дербента и Дербентской стены, но и о гибели большого и могущественного Хазарского государства и города Анжи.

Так, в «Дербенд-наме», кроме установки на точность фактов, присутствует и свобода вымысла, а использование исторических событий (рассказ о гибели хазарского города Анжи) и исторических персонажей (таких, как личность Александра Македонского) придали этому произведению особую занимательность для его современников. Автор использовал не только образ легендарного героя, но и риторические приемы, эмоционально окрашенные слова, чтобы воздействовать на чувства читателя, доставляя ему эстетическое наслаждение, что является одной из характерных особенностей художественного произведения. Это обеспечило столь долгую жизнь и невероятный интерес книги в научном мире. Так, средневековый кумыкский автор положил начало

развитию жанра исторической прозы, которая представляет собой синтез нескольких компонентов: фольклорных легенд, арабо-восточной и европейской хронографии и предшествовавшей мировой художественной исторической прозе.

В «Дербенд-наме» присутствует одна из важнейших особенностей структуры литературного текста, способствующая организации элементов произведения в единое целое, которое служит выражению определенной концепции действительности.

Средневековый автор, как и все его предшественники, которые считали историю хранительницей существенных фактов жизни людей, хорошо понимал важность исторического сочинения и уделял большое внимание истории. Автор, осознавая, насколько важно рассказать о трагедии города Анжи, художественно убедительно раскрыл свой замысел, используя подтекст. Он правдиво рассказал историю своего народа, вероятно, используя сочинение «Анджи-наме», в котором показана доисламская история хазар.

В средневековой литературе были стандартные представления о том, чем реальность отличается от вымысла и, соответственно, чем задачи исторического описания дифференцированы от художественного изложения. Но Мухаммед Аваби каким-то особым чутьем ощущал, что исторических документов недостаточно, чтобы показать полную картину истории гибели Хазарского государства, и поэтому доверился интуиции. Он интуитивно окрашивал свое повествование эмоциональными словами, используя художественные средства и стилистические приемы, чтобы убедить читателя в подлинном характере представленных в хронике трагических исторических событий.

Рассказывая о «доблестных мусульманах», автор не забывает напомнить читателю о былой мощи Хазарского государства: «Хакану принадлежал Дейшт-и Кыпчак; [а также] Семендер, то есть Тарху; Анджи, то есть Эндирей; Ирхан, правитель которого Гельбах; Малый Маджар (Маджар-и Кучек) и Большой Маджар (Маджар-и Бозорг), Джулад и Татар» [Акташи 1992: 42].

Важнейшее свойство исторической прозы — конкретный историзм, предопределяющий все остальные его главные признаки. В анализируемом тексте «Дербенд-наме» одной из характерных черт произведения является наличие подтекста. Основная нагрузка авторского замысла обнаруживается в нем, содержательно-подтекстовая информация в книге Мухаммеда Аваби Акташи наряду с содержательно-концептуальной информацией не представлены в тексте прямо, а выводятся из контекста.

4. Историческая память и подтекст

Исследование внутреннего содержания данного произведения показывает, что в обсуждаемой книге основная нагрузка ложится на подтекст, который направлен на раскрытие истории гибели Хазарского государства и города Анжи. Называя хазар «кафирами» («богоотступниками») и представляя их в книге как отрицательных героев, а мусульман «доблестными мусульманами» — положительными героями, автор «Дербенд-наме» открывает для читателя подлинную трагедию хазарского народа.

Книга, написанная в конце XVI в., отражает эпоху Мухаммеда Аваби, когда на земле Хазарского государства уже полноправно царствовала мусульманская религия, а упоминание о хазарах и их истории было небезопасно для самого автора [Хазары 2010: 47]. Тем не менее автор замысловато использует эпитеты «доблестные», «героические» и по отношению к хазарам, и по отношению к мусульманам: «Мусульмане атакуют сегодня доблестные и героические войска кафиров» [Акташи 1992: 61]. При этом автор подчеркивает, что и арабы потерпели неудачу, когда «девяносто тысяч кафиров» погибли, а предводители войск арабов Салман и Рабия ал-Бахили тоже «получили звание шехидов», и называет точную дату покорения Анжи: «Мусульмане поломали и разрушили крепость [города Анжи] и возвратились в свои края (дийар). В воскресный день месяца рабиуль эввель сто четырнадцатого года хиджры Пророка (май 732 г.) был покорен Анджи» [Акташи 1992: 63].

Как видим, Мухаммед Аваби Акташи, используя выражения «доблестные мусульмане» и в то же время «доблестные кафиры», показал не только историю событий и противостояние народов, а также борьбу местного населения против поработителей и трагедию покоренного Хазарского государства, но и свое отношение к событиям, завоевателям и народу, к которому он сам имел прямое отношение. Не случайно он

пишет, что «по воле коварной судьбы» ему приходится быть во владениях правителя и, исполняя его просьбу, писать книгу о «доблестных мусульманах» [Акташи 1992: 50–53]. Так, у него появился риторический стиль, индивидуальное начало, характерное для художественного текста в реализации авторской идеи. Но автор часто противоречив и называет своих хазар «кафирами» в угоду власти того времени, а для него они оставались «доблестными героями». За каждой строкой текста — авторское отношение к хазарам.

Так, Мухаммед Аваби Акташи, называя для публики того времени хазар «кафирами» («богоотступниками»), не скрывает свои чувства, глубоко переживает и в то же время восхищается самоотверженной борьбой своего народа.

Возможно, в этом и есть основная идея средневекового кумыкского автора, выраженная в подтексте, которая читается между строк данного популярного в мире произведения.

Здесь наблюдается развитие писательского мастерства Мухаммеда Аваби Акташи, его чувство авторской ответственности, личностного отношения к трагическим поворотам истории.

Автор сосредоточил все свои эмоции в этой части книги, и для него было важно рассказать о событиях, сохраненных к тому времени в исторической памяти народа. В этом проглядывается основная цель книги: подвести своего читателя к самому главному, о чем автор хотел поведать миру: о гибели некогда процветавшей Хазарии, и сохранить в памяти людей драматическую историю древнего города Анжи. Эта история сохранилась в памяти людей на многие столетия, и поэтому сейчас в XXI в. столицу Дагестана в народе еще называют Анжи, хотя город носит имя революционера Махача Дахадаева.

5. Выводы

Исследование выявило художественную задачу автора и скрытый смысл в книге «Дербент-наме», цель которой показать переломный момент в истории своего народа и воздействовать на чувства читателя, используя художественные приемы и средства выразительности. Мухаммед Аваби Акташи следовал не только за историческими фактами и документами, но и, отражая свои знания в области древней художественной литературы, используя художественные приемы и выразительные средства, попытался создать художественное произведение. Для этого он использовал предыдущие источники, в том числе и текст «Анджи-наме», с подлинной историей расцвета и падения Хазарского государства и сохраненные в этом произведении мотивы хазарской культуры, персонажи и сюжеты доисламских текстов, и со свойственной автору эмоциональностью раскрыл свой замысел при помощи подтекста.

История и легенда о построении Дербента и Дербентской стены помогли художественному воплощению не только истории города Дербента, но и города Анжи. Об этом свидетельствуют гиперболизированный рассказ о размерах Дербента, фантастические сюжеты в тексте, а также формально-композиционное членение текста.

Замысел средневекового кумыкского автора читается между строк. Используя фольклорные легенды, традиции арабовосточной и европейской исторической прозы, автор показал развитие литературного вкуса, стиля, писательского мастерства, чувство ответственности и свое отношение к трагическим поворотам истории своего народа. Эта книга явилась началом эволюции национальной кумыкской художественной литературы, а наше исследование показывает, что оно открывает перспективы для изучения на предмет художественности не только текста «Дербенд-наме», но и «Анджи-наме», в котором художественно обобщенный текст с главными и второстепенными героями отражены больше как фольклорные герои с высокой степенью гиперболизации.

Художественный потенциал восточной, национальной кумыкской, дагестанской литератур, анализ образной системы художественных произведений дает новый импульс для исследования истории и литературы многонационального Дагестана.

Источники

Акташи 1992 — *Акташи Мухаммед Аваби.* Дербенд-наме / пер. Г. М. Оразаева, А. Р. Шихсаидова. Махачкала: Даг. кн. изд-во, 1992. 160 с.

Византийский словарь 2011 — Византийский словарь: в 2 тт. / сост., общ. ред. К. А. Филатова. Т. 1. СПб.: Амфора [и др.], 2011. 591 с.

Низами 1983 — *Низами Гянджеви.* Искандер-наме. Баку: Язычы, 1983. 998 с.

Орлов 2015 — *Орлов И.* Шесть легенд о Дербенте [электронный ресурс] // Эхо Кавказа. Пространство. 18 сентября 2015 г. URL: https://etokavkaz.ru/derbent-2000/shest-legend-o-derbente (дата обращения: 20.03.2023).

Петрухин, Раевский 2004 — *Петрухин В. Я., Раевский Д. С.* Захария Ритор о народах, обитающих к северу от Каспийских ворот Кавказа. Хроника. Кн. 12. Глава 7 // Очерки истории народов России в древности и раннем средневековье. Приложение. (Studia historica). М.: Знак, 2004. 385 с.

Sources

Aktashi M. A. Derbend-Nameh. G. Orazaev, A. Shikhsaidov (transl.). Makhachkala: Dagestan Book Publ., 1992. 160 p. (In Russ.)

Filatova K. A. (comp., ed.) The Dictionary of Byzantium. In 2 vols. St. Petersburg: Amfora, 2011. Vol. 1. 591 p. (In Russ.)

Nizami G. Iskandar-Nameh. Baku: Yazychy, 1983. 998 p. (In Russ.)

Orlov I. Six legends about Derbent. On: Ekho Kavkaza (Echo of the Caucasus). Space. Posted on 18 September 2015. Available at: https://etokavkaz.ru/derbent-2000/shest-legend-o-derbente (accessed: 20 March 2023). (In Russ.)

Pseudo-Zachariah Rhetor. About peoples inhabiting lands north of the Caspian Gates (The Chronicle of Pseudo-Zachariah Rhetor. Book 12. Chapter 7). In: Petrukhin V. Ya., Raevsky D. S. Essays in the History of Russia's Peoples during the Ancient and Medieval Periods. Supplement (Studia Historica). Moscow: Znak, 2004. P. 385. On: Historical Library (historylib.org). Available at: https://historylib.org/historybooks/V-YA--Petrukhin--D-S--Raevskiy_Ocherki-istorii-narodov-Rossii-v-drevnosti-i-rannem-Srednevekove/76 (accessed: 20 March 2023). (In Russ.)

Литература

Абдуллатипов 1995 — *Абдуллатипов А.-К. Ю.* История кумыкской литературы (до 1917 года). Ч. I. Махачкала: ДНЦ РАН, 1995. 213 с.

Абдурахманова 2010 — *Абдурахманова М. С.* Современная кумыкская проза: автореф. дисс. … канд. филол. наук. Махачкала, 2010. 19 с.

Акамов 2012 — *Акамов А. Т.* Пути развития кумыкской духовной литературы (XVII–XX вв.): автореф. дисс. … д-ра филол. наук. Махачкала, 2012. 23 с.

Артамонов 1946 — *Артамонов М. И.* Древний Дербент (предварительное сообщение) // Советская археология. 1946. Т. VIII. С. 121–144.

Бартольд 1973 — *Бартольд В. В.* К вопросу о происхождении «Дербент-наме» // В. В. Бартольд. Сочинения. Т. VIII. М.: Наука, ГРВЛ, 1973. С. 469–480.

Бертельс 1947 — *Бертельс Е. Э.* Низами. М.: Молодая гвардия, 1947. 304 с.

Гаджиев 2015 — *Гаджиев М. С.* Дербент — памятник мировой культуры // Вестник института истории, археологии и этнографии, 2015. № 1. С. 5–20.

Гасанов 2019 — *Гасанов М. Р.* Мухаммад Аваби Акташи — известный ученый историк второй XVI половины – начала XVII вв. // Научная мысль Кавказа. Сер.: История и археология. 2019. № 2. С. 68–70.

Казембек 1985 — *Казембек М. А.* Дербенд-наме // Избранные произведения. Баку: Элм, 1985. С. 227–245.

Карамзин 1818 — *Карамзин Н. М.* История государства Российского. Т. III. СПб.: Тип. Н. Греча, 1818. 688 с.

Козубский 1906 — *Козубский Е. И.* История города Дербента. Темирхан-Шура: Русская типография В. М. Сорокина, 1906. 258 с.

Коран — Коран, аль Кахв, 97-98. Сура «Пещера» [электронный ресурс] // URL: http://ru.noblequran.org/koran/cypa-al-kahf/ayat-98/ (дата обращения: 23.04.2023).

Костюхин 1972 — *Костюхин Е. А.* Александр Македонский в литературной и фольклорной традиции. М.: Наука, ГРВЛ, 1972. 192 с.

Кудрявцев 1982 — Кудрявцев А. А. Древний Дербент. М.: Наука, 1982. 176 с.

Къадимурза 2018 — *Къадимурза Амирхангентли*. Анжи-наме / пер. А. Аджиева. Хасавюрт: Абусупиян, 2018. 200 с.

Магомедов 1983 — *Магомедов М. Г.* Образование Хазарского каганата. По материалам археологических исследований и письменных данных. М.: Наука, 1983. 228 с.

Минаев 1902 — *Минаев И. П.* Путешествие Марко Поло / пер. старо-франц. текста; под ред. В. В. Бартольда. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1902. 355 с.

Олеарий 1906 – *Олеарий А.* Подробное описание путешествия Гольштинского посольства в Московию и через Московию в Персию и обратно. СПб.: Изд. А. С. Суворина, 1906. 582 с.

Оразаев 2017 — *Оразаев Г. М.* О русских переводах дагестанских исторических сочинений «Дербенд-наме» и «Дарбанд-нама-йи Джахид» (историографический ракурс) // Вестник Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН. Сер.: История. 2017. № 2. С. 5–13.

Псевдо-Каллисфен 1998 — *Псевдо-Каллисфен.* Роман об Александре // Поздняя греческая проза. М.: ГИХЛ, 1961. 695 с.

Пселл 2003 — *Пселл М.* Хронография. Краткая история / пер. Н. Любарского, Д. А. Черноглазова, Д. Р. Абдрахмановой / СПб.: Алетейя, 2003. 397 с.

Хазары 2010 — Хазары: Миф и история / редкол.: А. К. Аликберов, Т. М. Калинина, Т. М. Мастюгина, В. В. Наумкин, Е. Э. Носенко-Штейн (ред.-сост.), В. Я. Петрухин (ред.-сост.), В. С. Флеров, Р. Я. Эмануилов. Иерусалим; М.: Гешарим-Мосты культуры, 2010. 408 с.

Челеби 1979 — *Челеби Эвлия.* Книга путешествий / пер. и коммент. под рук. А. Д. Желтякова. Вып. 2. Земля Северного Кавказа, Поволжья и Подонья. М.: Наука, ГРВЛ, 1979. 249 с.

Шихсаидов, Оразаев 1992 — *Шихсаидов А. Р., Оразаев Г. М.* О рукописных изданиях «Дербент-намэ» (Вместо предисловия). Примечания и комментарии // Акташи Мухаммед Аваби. Дербент-намэ. Махачкала: Даг. кн. изд-во, 1992. С. 3–39, 82–139.

Cary 1967 — *Cary G.* The medieval Alexander. 2nd ed. Cambridge: CUP, 1967. 190 p.

Klaproth 1814 — *Klaproth B.* Geographisch-historische Beschreibung des Ostlischen Kaukasus zwischen den Flüssen Terek, Aragwi, Kur und dem Kaspischen Meere. Weimar: Verlag des Landes-Industrie-Comptoirs, 1814. 218 p.

Kudryavtsev 1992 — *Kudryavtsev A. A.* 'Darband' // Encyclopaedia Iranica. New York: Columbia University, 1992. Pp. 13–19.

Minorsky 1958 — *Minorsky V. A.* History of Shirvan and Darband in the X–XI centuries. Cambridge: W. Heffer & Sons, 1958. 227 p.

Reineggs 1796 — *Reineggs J.* Allgemeine historisch-topographische Beschreibung des Kaukasus. In 2 Bd. Bd. I / Hrsg. F. E. Schröder. Gotha; St. Petersburg: Gerstenberg & Dittmar, 1796. 312 p.

References

Abdullatipov A.-K. Yu. History of Kumyk Literature (Prior to 1917). Pt. 1. Makhachkala: Dagestan Scientific Center (RAS), 1995. 213 p. (In Russ.)

Abdurakhmanova M. S. Contemporary Kumyk Prose. Cand. Sc. (philology) thesis abstract. Makhachkala, 2010. 19 p. (In Russ.)

Akamov A. T. The Development Paths of Kumyk Spiritual Literature: Seventeenth to Twentieth Centuries. Dr. Sc. (philology) thesis abstract. Makhachkala, 2012. 23 p. (In Russ.)

Amirkhangentli Q. Anji-Nameh. A. Adzhiev (transl.). Khasavyurt: Abusupiyan, 2018. 200 p. (In Russ.)

Artamonov M. I. Ancient Derbent: A preliminary report. *Sovetskaya arkheologiya*. 1946. Vol. 8. Pp. 121–144. (In Russ.)

Barthold V. V. More on the origin of Derbend-Nameh. In: Barthold V. V. Writings. Vol. 8. Moscow: Nauka — GRVL, 1973. Pp. 469–480. (In Russ.)

Bertels E. E. Nizami. Moscow: Molodaya Gvardiya, 1947. 304 p. On: LibKing.ru (online library). Available at: https://libking.ru/books/nonf-/nonf-biography/187740-e-bertels-nizami.html (accessed: 13 April 2023). (In Russ.)

Cary G. The Medieval Alexander. Second edition. Cambridge: Cambridge University Press, 1967. 190 p. (In Eng.)

Çelebi E. Book of Travel. A. Zheltyakov (transl., comment.). Pt. 2: Lands of the North Caucasus, Volga and Don River Basins. Moscow: Nauka — GRVL, 1979. 249 p. (In Russ.)

Gadzhiev M. S. Derbent — monument of world culture. *History, Archeology and Ethnography of the Caucasus*. 2015. No. 1. Pp. 5–20. (In Russ.)

Gasanov M. R. Muhammad, Awabi Ectasy – known historian of the second half of 16th – early of the 17th centuries. *Scientific Thought of Caucasus. Series 'History and Archaeology'*. 2019. No. 2. Pp. 68–70. (In Russ.)

Karamzin N. M. History of the Russian State. Vol. 3. St. Petersburg: N. Grech, 1818. 688 p. (In Russ.)

Kazembek M. A. Derbend-Nameh. In: Selected Works. Baku: Elm, 1985. Pp. 227–245. (In Russ.)

Klaproth V. Geographisch-historische Beschreibung des Ostlischen Kaukasus zwischen den Flüssen Terek, Aragwi, Kur und dem Kaspischen Meere. Weimar: Verlag des Landes-Industrie-Comptoirs, 1814. 218 p. (In Germ.)

Kostyukhin E. A. Alexander the Great in Literary

and Folklore Traditions. Moscow: Nauka — GRVL, 1972. 192 p. (In Russ.)
Kozubsky E. I. History of the City of Derbent. Temir-Khan-Shurá: V. Sorokin, 1906. 258 p. (In Russ.)
Kudryavtsev A. A. 'Darband'. In: Encyclopaedia Iranica. New York: Columbia University, 1992. Pp. 13–19. (In Eng.)
Kudryavtsev A. A. Ancient Derbent. Moscow: Nauka, 1982. 176 p. (In Russ.)
Magomedov M. G. The Shaping of the Khazar Khaganate: A Study of Archaeological Material and Written Sources. Moscow: Nauka, 1983. 228 p. (In Russ.)
Minorsky V. A History of Sharvan and Darband in the 10th–11th Centuries. Cambridge: W. Heffer & Sons, 1958. 227 p. (In Eng.)
Nosenko-Shtein E. E., Petrukhin V. Ya. (comps., eds.) Khazars: Myth and History. A. Alikberov et al. (eds.). Jerusalem, Moscow: Gesharim–Mosty Kultury, 2010. 408 p. (In Russ.)
Olearius A. Travels of the Ambassadors Sent by Frederic, Duke of Holstein, to the Great Duke of Muscovy and the King of Persia. St. Petersburg: A. Suvorin, 1906. 582 p. (In Russ.)
Orazaev G. M. On Russian translations of Dagestan historic works «Derbend-Nameh» and «Darband-Nama-yi Jadid» (Historiographic aspect). *History, Archeology and Ethnography of the Caucasus*. 2017. Vol. 13. No. 2 (50). Pp. 5–13. (In Russ.)
Polo M. The Travels of Marco Polo (Proceedings of Imperial Russian Geographical Society 26). I. Minaev (transl.), V. Barthold (ed.). St. Petersburg: M. Stasyulevich, 1902. 355 p. (In Russ.)
Psellos M. Chronographia. N. Lyubarsky, D. Chernoglazov, D. Abdrakhmanova (transl.). St. Petersburg: Aletheia, 2003. 397 p. (In Russ.)
Pseudo-Callisthenes. Alexander Romance. In: Grabar-Passek M. E. (ed.) Late Old Greek Prose. Moscow: State Publishing House of Fiction (Khudozhestvennaya Literatura), 1961. 695 p. On: Facetiae. Available at: https://facetia.ru/pseudo-callisthenes-alexander-romance?ysclid=loylzgcxou189990684 (accessed: 14 April 2023). (In Russ.)
Reineggs J. Allgemeine historisch-topographische Beschreibung des Kaukasus. In 2 vols. Vol. 1. F. Schröder (ed.). Gotha, St. Petersburg: Gerstenberg & Dittmar, 1796. 312 p. (In Germ.)
Shikhsaidov A. R., Orazaev G. M. On manuscript editions of Derbend-Nameh (In lieu of a preface). In: Aktashi M. A. Derbend-Nameh. Makhachkala: Dagestan Book Publ., 1992. Pp. 3–39. (In Russ.)

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ORIENTAL STUDIES

2023. Т. 16. № 5

Главный редактор – Куканова В. В.

Дата выхода: 25.12.2023.
Формат бумаги 60x84⅛. Усл. печ. л. 23,94.
Тираж 100 экз. Заказ 16-2023.
Подписной индекс 10236. Цена свободная.

Учредитель:
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Калмыцкий научный центр Российской академии наук»
(Республика Калмыкия, 358000 г. Элиста, ул. им. И. К. Илишкина, д. 8)

Адрес редакции, издателя, типографии:
Российская Федерация, Республика Калмыкия,
358000, г. Элиста, ул. им. И. К. Илишкина, д. 8,
Тел. +7(84722) 3-55-06

E-mail: vestnik.kigiran@gmail.com
сайт: https://kigiran.elpub.ru/jour

Отпечатано в КалмНЦ РАН:
Республика Калмыкия, 358000 г. Элиста, ул. им. И. К. Илишкина, д. 8